

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 5657.2.5

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

СУВОРОВЪ

И

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

ФРИДРИХА ФОНЪ-СМИТТА.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

И ИЗДАНО

ПРИ СОВѢЩАТЕЛЬНОМЪ КОМИТЕТѢ ГЛАВНАГО ШТАБА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенанта

КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ ПОЛЬШИ.

Съ двумя планами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

СВОБОДА

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

Напечатано по распоряженію Совѣщательнаго Комитета Главнаго Штаба.

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

СВОБОДА ПЕЧАТА

Въ типографіи ЗИМІНА ВЕЙМАРА.

На Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, д. № 40.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ

ПОЛЬШИ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1980-1981

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ ПОЛЬШИ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Суворовъ въ Финляндіи. — 1791 г.

Введеніе. — Потемкинъ въ Яссахъ. — Раздоръ между Суворовымъ и Новоскинымъ. — Суворовъ въ Петербургъ. — Столкновенія. — Сужденія. — Потемкинъ является въ Петербургъ и дѣйствуетъ противъ Суворова. — Суворова удаляютъ въ Финляндію. — Ему велѣно укрѣплять границы Финляндіи. — Планъ его. — Дальвѣйшій ходъ Турецкой войны. — Театръ военныхъ дѣйствій и планъ на 1791 годъ. — Раздоръ съ Англіей и Пруссіей изъ-за Турокъ. — Речи Фома и Бурке по этому поводу. — Соглашеніе съ Англіей. — Побѣды Русскихъ надъ Турками (сраженіе при Мачинъ). — Тогдашнія русскія войска. — Мирные переговоры. — Неудовольствіе Потемкина. — Его болванъ и смерть. — Безбородко заключаетъ миръ въ Яссахъ. — Причины, спасшія тогда Порту. — Войны Екатерины съ Турками. — Жизнь и занятія Суворова въ Финляндіи. — Излеченія изъ его писемъ. — Заботы о его дочери. — Письма къ ней. — Набросанныя мысли. — Письмо полковника Сакена.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Польскія дѣла до 1788 г.

Введеніе. — Государственное устройство Польской республики. — Три основные недостатка его. — Планъ Станислава къ возвышенію своей страны. — Характеръ Поляковъ. — Неблагопріятныя для націи обстоятельства. — Три сосѣда. — Попытки къ преобразованію государственнаго устройства. — Онѣ разстроиваются Пруссіей и Россіей. — Дѣло диссидентовъ. — Сеймъ 1766 года. — Радомская конфедерація 1767 года. — Новое утвержденіе конституціи 1768 года. — Первый раздѣлъ Польши. — Общія замѣчанія. — Новая конституція 1775 года. — Постоянный советъ. — Состояніе финансовъ. — Торговля и промышленность. — Военное устройство. — Политика, юстиція, полиція. — Учебно-воспитательная часть. — Искусства и науки. — Процвѣтаніе націи

ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

Польша съ 1788 до конца 1791 г.

Несогласія между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ.—Партія въ Польшѣ.—Главные вожди ихъ.—Собраніе сейма 6-го октября 1788 г.—Совѣщанія по поводу союза съ Руссїей.—Предѣлы Пруссїи.—Броженіе умовъ противъ Россїи.—Планы партій молодыхъ патриотовъ.—Первыя попытки къ низпроверженію всего существующаго.—Предостереженія короля.—Его рѣчь 6-го ноября.—О русской гарантіи.—Уничтоженіе постоянного совѣта.—О такъ называемой русской партіи.—Причины проволочекъ.—Политика Герцберга.—Луккесия.—Присканіе поводовъ къ раздорамъ съ Россїей.—Процессъ Понявскаго.—Увеличеніе налоговъ.—Посольства.—Союзъ съ Пруссїей (29-го марта 1790).—Переговоры съ Турціей.—Предварительный проектъ новой конституціи.—Перемирие въ политическихъ отношеніяхъ.—Законъ о городахъ.—Партія молодыхъ патриотовъ привлекаетъ короля на свою сторону.—Приготовленія къ введенію новой конституціи.—3-е мая 1791.—Еще нѣкоторыя черты изъ исторіи этого дня.—Конституція 3-го мая.—Конечный результатъ ея.—Совершенный переворотъ въ иностранной политикѣ.—Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій обижается съ Россїей.—Польскія дѣла до конца 1791 года.

107

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 годъ.—Суворовъ все еще въ Финляндіи.

Суворовъ.—Первыя важныя событія въ году.—Союзъ Австрїи съ Пруссїей 7-го септ. 1792 года.—Въ слѣдствіе убїенія Густава III, Суворовъ долженъ еще остаться въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ оттуда (въ примѣчаніяхъ біографическія замѣтки о Каховскомъ, Кречетниковѣ, Прозоровскомъ, Поповѣ, Марковѣ, Альтести, Грибовскомъ).—Суворовъ переведенъ въ южную Россію.—Онъ оссанируется.—Расположеніе его къ благотворительности.—Отъѣздъ.

183

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 годъ въ Польшѣ.—Переворотъ обстоятельствъ.—Тарговицкіе конфедераты.

Безработность въ Варшавѣ.—Двѣ крайне-противуположныя партіи.—Положкіе, Ржевускіе, Браницкіе обращаются къ Россїи.—Предостереженія Даболы изъ Петербурга.—Королю предоставляется почти неограниченная власть.—Разрѣшеніе тогдашняго положенія Польши.—Отказъ курфирста саксонскаго.—Императрица Екатерина вооружается съ цѣлю низпроверженія новой польской конституціи.—Она склоняетъ на свою сторону вѣнскій и берлинскій дворы.—Проектъ Тарговицкой конфедераціи.—Инструкція Булгакову.—Настроеніе умовъ въ Варшавѣ.—Русскій манифестъ 7-го мая.—Ближайшія обстоятельства при пе-

редачѣ манифеста и послѣ.—Неудачная поѣздка Игнатія Потоцкаго въ Берлинъ.—Постановленія сейма и его отсрочка.—Учрежденіе конфедераціи въ Тарговицахъ.—Состояніе польской арміи.—Первыя мѣры Понятовскаго.—Русская армія и планъ дѣйствій ея.—Сила и распределение украинской арміи.—Русская армія переходитъ черезъ границы.—Дѣла при Любарѣ.—Очищеніе Полоннаго.—Бой 7 (18) іюня при Звлинцахъ.—Понятовскій отступаетъ къ Острогу.—Переговоры о перемиріи.—Дальнѣйшее отступленіе польской арміи.—Она отступаетъ за Бугъ.—Дѣйствія въ Литвѣ.—Планъ дѣйствій русско-литовской арміи Кречетникова.—Сила и распределение арміи.—Ходъ военныхъ дѣйствій.—Провозглашеніе Литовской конфедераціи въ Вильнѣ.—Дѣло при Мирѣ.—Михаилъ Забѣлло принимаетъ начальство надъ литовско-польскою арміею въ Гродно.—Онъ отступаетъ за Бугъ.—Верховный военный совѣтъ въ Варшавѣ.—Каховскій переходитъ черезъ Бугъ у Кладнева.—Бой при Дубенкѣ 7 (18) іюля.—Каховскій преслѣдуетъ польскую армію за Люблинъ.—Дѣло при Грабовѣ 15 (26) іюля.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій. 221

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

Продолженіе.—Событія въ Польшѣ до конца 1792 г.

Трудное положеніе.—Слѣдовало-ли королю отправиться въ армію?—Дурныя вѣсти изъ арміи.—Король обращается съ просьбой къ императрицѣ.—Письмо короля.—Россія заключаетъ съ Австріей и Пруссіей союзные договоры.—Причины уклончиваго отвѣта императрицы Станиславу.—Рѣзкая нота Остермана.—Затруднительное положеніе короля.—Голосованіе въ совѣтѣ министровъ.—Король приступаетъ къ Тарговицкой конфедераціи.—Сильныя обвиненія партіи противъ короля.—Многочисленная эмиграція приверженцевъ партіи.—Двусмысленное поведеніе Коллонтая.—Достойное сожалѣніи положеніе короля.—Господство тарговицкихъ конфедератовъ.—Свиданіе императора Франца съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Майнцѣ.—Планъ территориальныхъ вознагражденій.—Неудачный походъ герцога брауншвейгскаго въ Шампани.—Сличеніе обохъ походовъ 1792 года въ Польшѣ и Франціи.—Пруссія возобновляетъ свои притязанія въ отношеніи къ Польшѣ.—Графъ Гаугвицъ.—Нота 25 октября 1792 года изъ Мерля.—Гаугвицъ отправляется въ Вѣну для довершенія переговоровъ о вознагражденіяхъ.—Соображенія русской императрицы.—Радость короля прусскаго по поводу согласія императрицы на раздѣлъ.—Доводы въ пользу онаго, предъявленные въ Лондонѣ. 289

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

СУВОРОВЪ ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

1791.

Введеніе.—Потемкинъ въ Яссахъ.—Раздоръ между Суворовымъ и Потемкинымъ.—Суворовъ въ Петербургъ.—Столкновенія.—Сужденія.—Потемкинъ является въ Петербургъ и дѣйствуетъ противъ Суворова.—Суворова удаляютъ въ Финляндію.—Ему вѣрно укрѣпляютъ границы Финляндіи.—Планъ его.—Дальнѣйшій ходъ Турецкой войны.—Театръ военныхъ дѣйствій и планъ на 1791 годъ.—Раздоръ съ Англіей и Пруссіей изъ-за Турокъ.—Рѣчи Фокса и Бурке по этому поводу.—Соглашеніе съ Англіей.—Нобды Русскихъ надъ Турками (сраженіе при Мачинѣ).—Тогдашнія русскія войска.—Мирныя переговоры.—Неудовольствіе Потемкина.—Его болѣзнь и смерть.—Безбородко заключаетъ миръ въ Яссахъ.—Причины, спасшія тогда Порту.—Войны Екатерины съ Турками.—Жизнь и занятія Суворова въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ.—Заботы о его дочери.—Письма къ ней.—Набросанныя мысли.—Письмо полковника Сакена.

Съ всеокрушительною силою налетѣвъ ударъ на турецкое войско въ Измаилъ и распространивъ ужасъ и смущеніе между Османами; радость и торжество въ Россіи.—Громко было имя Суворова и на устахъ у всѣхъ, какъ ни различны были мнѣнія о самомъ этомъ событіи. Слѣдовало полагать, что за такой славный подвигъ, его ожидали необыкновенныя почести и награды; однако на его долю выпали многолѣтняя тайная немилость и униженіе: вмѣсто почестей, его ожидали только непріятности, вмѣсто болѣе широкаго круга дѣйствій, его поставили въ самый тѣсный. Тотъ, который открылъ ему дверь къ подвигамъ и славѣ, долженъ былъ и закрыть ему оную дверь.

Суворовъ думалъ, что приблизился къ цѣли своихъ желаній; онъ усталъ, какъ онъ выражался, «служить кошащей лапой, которая для другихъ вытаскиваетъ каштаны изъ огня». Его пламеннѣйшее

желаніе было стать независимымъ въ главѣ арміи, дабы доказать тогда своей государынѣ, своему отечеству, даже цѣлому міру, все, что въ немъ заключалось; — возвыситься на степень тѣхъ немногихъ великихъ полководцевъ, которые постоянно носились предъ его воображеніемъ, не служить болѣе исполнителемъ мелкихъ плановъ и предпріятій или отдѣльныхъ военныхъ дѣйствій, которыя, безъ ближайшей связи съ цѣлымъ, силой выполненія имъ оныхъ лишь еще болѣе выставляли на свѣтъ вялость прочаго веденія войны. Но чтобы стать независимымъ въ главѣ арміи, рядомъ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, ему нужно было быть *фельдмаршаломъ*: онъ думалъ, что проложилъ себѣ дорогу къ этому своей побѣдой подъ Измаиломъ, бывшей только продолженіемъ его прежнихъ побѣдъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, и ожидалъ теперь вѣрнаго исполненія своего пламеннѣйшаго желанія.

Чтобы скорѣе достигнуть этого, онъ, будучи призванъ императрицей, предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, куда и отправился въ первыхъ числахъ января 1794, по расположеніи его войскъ на зимнихъ квартирахъ.

Князь Потемкинъ уже давно расположилъ свою главную квартиру или, лучше сказать, свой дворъ въ Яссахъ; отсюда онъ одною рукою управлялъ военными дѣйствіями, а въ другой въ тоже время держалъ нити политическихъ переговоровъ и обдумывалъ проекты, долженствовавшіе вполне преобразовать сѣверовостокъ Европы. Онъ былъ, если и не главный виновникъ, то во всякомъ случаѣ ревностнѣйшій дѣятель *восточнаго проекта*, цѣлю котораго было изгнаніе Турокъ изъ Европы, гдѣ они, какъ чуждая ей воинская рать, были лишь временно расположены лагеремъ, но не могли содѣлаться туземцами на этой почвѣ; (1) и имѣя въ виду эту цѣль;

(1) Доомъ (Dohm) въ своихъ «Достопамятностяхъ» (Denkwürdigkeiten, II, 3 etc.) помѣстилъ длинное разсужденіе о происхожденіи восточнаго проекта, при чемъ во обыкновеніи видѣлъ промахъ. Проектъ этотъ впервые зародился не въ головѣ Екатерины (стр. 6) или Мизиха (стр. 12), какъ онъ воображаетъ, но императрица Иосифа. Слѣдующее письмо короля Фридриха II отъ 30 авг. 1772 г. его посланнику въ Петербургъ, графу Солмсу, для сообщенія Петербургскому кабинету, даетъ ближайшія объясненія касательно этого: «Il y a quelques jours, que j'ai vu à Neisse le Comte de Diedrichstein, qui ace que je crois y a été envoyé pour me sonder. Voici ce que j'ai pu combiner de toutes les choses qu'il m'a dites. Je vois clairement, que l'Empereur et Lascy ne sont pas contents de ce bout de la Pologne qu'ils obtiennent. Ils voudraient chasser les Turcs de l'Europe et s'approprier toute la partie de la Hongrie, qui se trouve

онъ неустанно стремился достигнуть ея. Только не всегда прибѣгалъ онъ къ вѣрнѣйшимъ средствамъ для того. Два препятствія въ томъ предстояли ему на пути: во-первыхъ то, что у него не было личнаго военнаго искусства (при всемъ личномъ мужествѣ, онъ вовсе не имѣлъ высшихъ дарованій полководца), и во-вторыхъ его неровный, своевольный характеръ, державшій его цѣлые дни и недѣли въ полномъ бездѣйствіи и откладываявшій вдаль важнѣйшія предпріятія, отчего часто пропадали безъ пользы самыя благоприятныя мгновенія: ибо каждое дѣло имѣетъ свою степень зрѣлости, которой конечно нужно дожидаться, но и тотчасъ же пользоваться ею, дабы не опоздать.—Это переменчивое расположеніе духа, этотъ недостатокъ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, равно какъ и отсутствіе истинной гениальности полководца, умѣющей не только мудро начертать великіе планы, но и энергически и смѣло выполнять ихъ, помѣшали ему воспользоваться тѣми значительными выгодами и счастливыми случаями, которые сначала выпали на долю обнимъ союзнымъ арміямъ, и энергическимъ веденіемъ войны ближе подойти къ предполагаемой цѣли. Военныя дѣйствія производились безъ всякаго плана; время, драгоцѣннѣйшій предметъ на войнѣ, было потрачено самымъ непростительнымъ образомъ, ничто и нигдѣ не дѣлалось послѣдовательно, по одному общему, великому

à la rive gauche du Danube. Ils seraient bien aises pour cet effet de voir les conférences de Foksiany rompues, pour secourir les Russes à expulser les Turcs de l'Europe, et dans ce cas ils consentiraient peut-être à laisser aux premiers la Moldavie et Wallachie. Je crois qu'ils auraient bien envie de se liguier pour cet objet avec la Russie, mais la crainte qu'ils ont, que les Français et les Espagnols ne leur fassent une diversion en Italie et en Flandres, les oblige à recourir à moi, et pour me mettre de leur parti, ils renonceraient à tous les avantages qui leur ont été stipulés en Pologne en faveur de la cession du cours de la Warthe et de tout ce que je voudrais m'approprier au voisinage de Silésie.—J'ai été curieux de savoir, ce que l'on prétendait faire de la Grèce, mais ils n'y ont pas encore pensé jusqu' ici. Je souhaite donc que le C-te Orlow conclue la paix avec les Turcs, mais si cela n'a pas lieu, nous verrons une nouvelle scène s'ouvrir, et cela vise à un traité d'Alliance, par lequel la Cour de Vienne se propose probablement de régler tout avec ses nouveaux Alliés. Je me suis contenté d'entendre tranquillement tout ce qu'on m'a dit, et j'ai répondu, que tout cela était des choses possibles, qui pourraient s'exécuter, si l'on voulait s'entendre et agir de bonne foi, mais qu'il fallait au préalable consulter l'Impératrice de Russie sur tous ces articles. On a paru content de ma réponse, et je ne doute nullement, que le Prince de Lobkowitz n'ait sondé également la Cour de Russie à cet égard.

плану.— Правда, нѣсколько крѣпостей было взято частью открытой силой; какъ Очяковъ и Измаиль, частью угрозами, а нѣредко также и подкупомъ, какъ Бендеры; но четыре года уже продолжались военные дѣйствія, а еще не было совершено даже перехода черезъ Дунай, ниже попытки—сильными ударами по ту сторону этой рѣки принудить Турокъ къ уступчивости.—Тайнымъ образомъ война могла быть ведена еще цѣлые годы, безъ достиженія цѣлей: государства истощались бы и пролили бы много крови, одиъ Потемкинъ выигралъ бы, потому что постоянно оставался бы пужнымъ человѣкомъ и имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи огромныя средства для постороннихъ цѣлей⁽²⁾. Поэтому-то онъ и противился всякому миру.

Въ Яссахъ ожидалъ теперь Потемкинъ мужественнаго покорителя Измаила, своимъ блистательнымъ подвигомъ прославившаго и его, главнокомандующаго. Присвоивалъ же онъ себѣ заслуги всѣхъ подвиговъ подчиненныхъ ему генераловъ, какъ подвиговъ, повелѣнныхъ имъ. Онъ хотѣлъ почитать Суворова блистательнымъ приемомъ, доставить ему награды и отъ государыни, но лишь на столько, чтобъ онъ могъ постоянно оставаться въ зависимости отъ него, потому что многократно извѣдалъ на опытѣ, какое отдалечное орудіе для исполненія труднѣйшихъ предпріятій имѣлъ въ Суворовѣ. Поэтому оба далеко расходились въ своихъ мысляхъ: Суворовъ хотѣлъ быть фельдмаршаломъ и независимымъ; Потемкинъ, хотя и желалъ, чтобъ Суворову досталась награда, но чрезъ него не такая, которая по чину поставила бы Суворова на ряду съ нимъ.

Такъ наступилъ день свиданія. Потемкинъ велѣлъ устроить большой и торжественный приемъ: по дорогѣ были разставлены люди, чтобъ извѣстить о приближеніи Суворова, и, когда было получено извѣстіе, что онъ прибылъ на послѣднюю станцію, то любимому адъютанту Потемкина, полковнику Бауеру было приказано не отходить отъ окна въ замкѣ, откуда далеко была видна вся дорога, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать. Суворовъ, врагъ всякой пышности, услышавъ объ этихъ приготовленіяхъ, положилъ распорядиться такъ, чтобъ вѣхать въ Яссы окольными дорогами и ночью. Онъ пріѣхалъ, безъ шума и огласки, прямо къ одному старинному знакомцу своему, Ясскому полиціймейстеру, и строжайше запретилъ ему давать знать о его прибытіи.—На слѣдующее утро

(2) Хотя подъ конецъ онъ все-таки долженъ былъ бы пасть, именно въ случаѣ этого бездѣтельнаго веденія войны.

онъ надѣлъ кзой мундиръ, сѣлъ въ старинную парадную карету своего кезына, бывшую въ модѣ, можетъ быть, сто лѣтъ назадъ, съ мондвской упряжкой, съ кучеромъ молдаваномъ на козлахъ и съ лакеемъ молдаваномъ же сзади, и такимъ образомъ велѣлъ важно вести себя въ замокъ. Никто не подозрѣвалъ видѣть въ этомъ смѣшномъ поѣздѣ покарителя Измаила.

Когда карета подъѣхала и Суворовъ выптеть, Бауеръ узналъ его. Тотчасъ дають знать Потемкину. Онъ спѣшитъ на лѣстницу, на встрѣчу идущему по ней, но едва успѣлъ сойти ступеньки двѣ, какъ уже Суворовъ въ нѣсколько прыжковъ очутился наверху. Потемкинъ заклоааетъ его въ свои объятія, цѣлуетъ нѣсколько разъ и радостно спрашиваетъ: «Скажите, Александръ Васильевичъ, чѣмъ могу я наградить Ваши заслуги?» Безъ всякаго намѣренія оскорбиль его, онъ хотѣлъ этимъ только узнать, къ какой наградѣ Суворовъ желалъ быть представленнымъ. Но Суворовъ понялъ это иначе. Онъ надѣялся получить званіе фельдмаршала, но слишкомъ хорошо зналъ Потемкина и что чрезъ него никогда этого званія не получить. Какъ ужаленный змѣей, отскочилъ онъ назадъ и отвѣчалъ съ запальчивостью. «Ничѣмъ, князь,—я не купецъ и не торговаться сюда прѣхалъ; наградить меня, кромѣ Бога, можетъ только всемилоствивѣйшая моя государыня, и больше никто.»—Потемкинъ поблдиѣлъ: никогда еще не испытывалъ онъ такого глубокаго оскорбленія; гордость его и чувство мести пробудились въ немъ, и онъ пожелалъ дать почувствовать Суворову всю тяжесть своего гнѣва: онъ нашель, что онъ слишкомъ высоко превознесся, сталъ слишкомъ дерзокъ, и потому нужно было держать его въ униженіи, пока слова не представится, можетъ быть, надобность употребить его на какой нибудь необыкновенный подвигъ. Молча, съ стиснутыми губами и съ злобой въ сердцѣ, воротился онъ въ залу. Суворовъ, по наружности непринужденно, но внутренно взволнованный, слѣдуетъ за нимъ и вручаетъ ему рапортъ. Потемкинъ принимаетъ его холодно. Оба, подѣ влияніемъ душевныхъ ощущеній, которыя легко угадать, дѣлають нѣсколько шаговъ взадь и впередъ по залѣ, не говоря ни слова, и расстаются. Потемкинъ возвращается въ свои внутренніе покои, Суворовъ—къ своему хозяину.

Кажется, что Суворовъ прозявалъ эту ссору съ преднамѣреннымъ умысломъ, или, можетъ быть, не въ силахъ будучи превозмочь своего гнѣва, потому что Потемкинъ въ эту минуту вѣрно не думалъ оскорблять его или представлять себя награждающимъ. Онъ хотѣлъ и могъ быть только посредникомъ, однако выразился двусмысленно. Не

Суворовъ уже слишкомъ высоко одѣнилъ славу, приобретенную имъ побѣдой подъ Измаиломъ, и думалъ, что послѣ того могъ уже освободиться отъ зависимости Потемкина. Онъ ошибался. Потемкинъ стоялъ слишкомъ высока въ милости у своей государыни; она почитала его своей твердѣйшей опорой и имѣла такое высокое мнѣніе о немъ, что ему не трудно было устраивать людей самыхъ знатныхъ, самыхъ любимыхъ императрицею, если они прогрездали ему дорогу, что наприимѣръ онъ и сдѣлалъ съ Ермоловымъ, хотѣвшимъ свергнуть его, и что долженъ былъ испытать на себѣ генералъ и Суворовъ.

Такъ послѣдній бросилъ перчатку тому всемогущему человѣку, передъ которымъ все въ государствѣ трепетало или пресмыкалось; но, какъ ни мужественъ, какъ ни твердъ душою былъ онъ, ему нельзя было не страшиться послѣдствій опрометчиво сказанныхъ имъ словъ. По крайней мѣрѣ тотъ, котораго онъ такъ тихо оскорбилъ, легко могъ его, находившаго все свое наслажденіе, все свое счастье лишь въ напряженной военной дѣятельности, поставить въ вынужденное бездѣйствіе, а это было бы карой, чувствительнѣе которой ничто не могло быть для Суворова. Однако старый воинъ возлагалъ свою надежду на обожаемую имъ императрицу, знавшую всю цѣну его и часто заступавшуюся за него противъ его недоброжелателей; отъ нея ожидалъ онъ не только защиты, но и получить, въ видѣ награды за его воинскій подвигъ, то званіе, которое могло сдѣлать его независимымъ отъ Потемкина. Онъ даже умѣлъ тонкимъ образомъ наговорить ей о своемъ желаніи, а именно, когда императрица, по его призыву, велѣла спросить его: «желаетъ-ли онъ быть генералъ-губернаторомъ, и гдѣ?» онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что наша матушка императрица слишкомъ любитъ своихъ подданныхъ и не захочетъ наградить какую бы то ни было провинцію моимъ генералъ-губернаторствомъ. Я срамаюсь свои силы съ тяжестью, которую могу водить. Не всякій напр. въ силахъ носить фельдмаршалскій мундиръ.»—Но онъ создалъ себѣ изъ Потемкина непримиримаго врага, и этотъ челоѣкъ помѣшалъ ему во всемъ.

Съ большимъ отличіемъ, даже съ истиннымъ благорасположеніемъ принятый императрицею, признавшей его цѣнотою и мотомъ своей имперіи, онъ не получилъ однако за свой великій подвигъ ничего, кромѣ званія подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, что въ тогданнее время, когда сама императрица одна носила званіе полковника всѣхъ полковъ гвардіи, безспорно состав-

яло большое отличие, достававшееся только самым заслуженным генераламъ, но не достававшее кромѣ того никакихъ преимуществъ. Хотя участвовавшимъ въ штурмѣ были даны, офицерамъ золотыя кресты, а солдатамъ серебряныя медали, какъ почетное свидѣтельство ихъ подвига, но этимъ все и ограничилось, а на все прочее, чего надѣялся достигнуть Суворовъ, было мало надежды, потому что могущественный врагъ его неслѣдовалъ за нимъ и прибылъ въ Петербургъ доскорѣ послѣ него. Здѣсь онъ умѣлъ воспрепятствовать всему, что могло быть благоприятнымъ Суворову, и послѣдній не былъ пожалованъ не только фельдмаршаломъ, но даже и генералъ-адъютантомъ, чего онъ желалъ, чтобы постоянно имѣть свободный доступъ къ императрицѣ; но и еще большія униженія предстояли ему впереди. Удивительная игра судьбы! именно тогда, когда она, радостно улыбаясь человѣку, внушаетъ ему самыя высprenнія надежды, низвергаетъ она его въ бездну!

Ожидая дальнѣйшаго своего назначенія, Суворовъ прожилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, не совсѣмъ забытый, потому что подвигъ его самикомъ громко говорилъ за него, но и не въ особенномъ предпочтеніи. Изъ всѣхъ его желаній ни одно не исполнилось. Его неудовольствіе, его обманутыя ожиданія часто выскакивались тогда въ сарказмахъ надъ придворными и находившимися въ милости генералами; эти сарказмы попадали мѣтко и возстановляли противъ него новыхъ враговъ. Онъ сравнивалъ ихъ и свои подвиги, мѣ и свою службу и даже старшинство службы, на которое они особенно опирались, и не скрывалъ сознанія собственного своего достоинства, такъ мало постигаемого другими. Особенно давало поводъ къ такого рода колкостямъ слово *тактика*, съ которымъ много соединяли весьма смутныя понятія. Такъ однажды къ нему подошелъ старый генералъ, возвысившійся только благодаря придворной милости, и спросилъ его съ притворнымъ участіемъ: «Правда-ли, Александръ Васильевичъ, говорятъ, будто вы мало смыслите въ тактикѣ?» — «Конечно, — возразилъ Суворовъ, — я не знаю тактики; да тактика знаетъ меня; а что касается до васъ, то вы не знаете ни тактики, ни практики!» — И это было вѣрно сказано. Большинство, и къ нему принадлежали даже очень высоко стоявшіе военные люди, видѣли въ тактикѣ не то, чѣмъ она была и чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. *образованіе солдата для войны*, но собственно высшее военное искусство побѣждать, словомъ высшее, какъ бы тайное и лишь немногимъ избраннымъ доступное искусство. И, по странному противорѣчію, они искали этой тайны побѣждать не въ ум-

ственномъ и нравственномъ превосходствѣ полководца, не въ обширнѣхъ всеобъемлющихъ соображеніяхъ его, не въ искусствѣ сребразно съ цѣлю и въ общей связи управлять большими массами, но гораздо болѣе въ мелкихъ матеріальныхъ упражненіяхъ мирнаго времени, въ тонкостяхъ экзерциціи и въ сложныхъ, непрактическихъ маневрированіяхъ и движеніяхъ, явнѣхъ никогда не бываетъ и быть не можетъ на войнѣ. Поэтому неизбежно было, что Суворовъ, военный инстинктъ и природный, вѣрный смыслъ котораго превосходно руководили имъ и позволяли ему всюду узнавать истинное и существенное, и отличать его отъ несущественнаго и непрактическаго, долженъ былъ имѣть частыя и сильныя столкновенія съ такими людьми, а они, надменно взиравше на него съ высока, должны были провозглашать его грубымъ невѣждой безъ тактическаго искусства и значенія, и при всякомъ случаѣ колоть его. Но такъ какъ онъ, по его словамъ, не позволялъ наступать себѣ на ногу, то щедро отплачивалъ имъ тѣмъ же и, при большей остротѣ своего ума, большею частію имѣлъ на своей сторонѣ смѣявшихся этому.

Много подобнаго рода изреченій его, равно какъ и сужденій его о генералахъ, которыхъ бессмысленная толпа предпочитала ему, было распространено въ то время въ обществѣ. Извѣстнѣйшими изъ нихъ суть мнѣнія его: о Кутузовѣ, «хитромъ, котораго самъ Рибасъ не обманетъ», и о Каменскомъ и Иванѣ Салтыковѣ. «Каменскій, говорилъ онъ, знаетъ войну, да война его не знаетъ,» чѣмъ онъ хотѣлъ, можетъ быть, сказать: Каменскій зналъ то, что тогда называлось военнымъ искусствомъ, но мало оказалъ себя практическимъ генераломъ. Извѣстны его опустошенія огнемъ въ Турціи, а когда позже ему пришлось предводительствовать въ Пруссіи противъ Наполеона, то онъ своимъ неразуміемъ доказалъ, какою незаслуженною славой пользовался между людьми незнающими и самъ вѣрно оцѣнилъ его Суворовъ. «Я не знаю войны,» продолжалъ съ насмѣшливою скромностью Суворовъ, т. е. того, что такъ высоко ставили тогдашніе экзерцирмейстеры — непрактическія и сложныя ученія и маневрированія, «но война знаетъ меня,» т. е. именно война, какъ она дѣйствительно должна быть вѣдена. «Что касается наконецъ Ивана Петровича Салтыкова, заключилъ онъ смѣясь, то ни онъ не знаетъ войны, ни война его не знаетъ.» А этотъ Иванъ Петровичъ былъ тогда одинъ изъ наиболѣе унотреблявшихся на дѣлѣ генераловъ.

Въ концѣ февраля прибылъ Ага-Мемнонъ Россійскихъ войскъ, полководецъ изъ полководцевъ, князь Потемкинъ Тавричскій, и былъ

принять съ совершенно необыкновенною пышностью. Казалось императрица сохранила еще свое прежнее расположение, свое прежнее довѣріе къ нему, но положеніе его было поколеблено въ основаніи не собственною его виной, его эгоизмомъ, который былъ средоточіемъ всѣхъ его стремленій, и вліяніе его у императрицы было значительно ослаблено его долгимъ отсутствіемъ. — Онъ чувствовалъ это и, чтобъ скрыть это отъ всѣхъ глазъ, держалъ себя еще надменнѣе, еще высокомернѣе, нежели прежде. Онъ устрашалъ, какъ выражался Суворовъ, «перуномъ своего всемогущества,» и снова привлекалъ къ себѣ сребролюбцевъ и честолюбцевъ «рогомъ изобилія милостей,» которымъ располагалъ. Все преклонялось передъ нимъ и его повелительнымъ величіемъ. Многочисленный дворъ окружалъ его; передъ нимъ благоговѣли придворные, генералы, министры; особенно женщины домогались благоволенія могущественнаго чловека и употребляли всѣ средства кокетства, чтобъ привлечь на себя его взоры. Но онъ казался презиравшимъ все вокругъ себя и чѣмъ болѣе кто унижался передъ нимъ, тѣмъ болѣе пониралъ онъ того въ глазахъ. Только графа Безбородко отличалъ онъ и удостоивалъ его даже разговора о дѣлахъ, но и то по неволѣ, дабы снова ознакомиться съ ставшимъ чуждымъ ему ходомъ дѣлъ и съ политическими обстоятельствами.

И въ послѣдній разъ — потому что солнце его уже склонялось къ заводу — долженъ онъ былъ еще разъ явиться во всемъ своемъ необрѣтательномъ блескѣ, въ превосходившемъ все и содѣйствіемъ всѣхъ искусствъ украшенномъ и убранномъ великолѣпіи, прежде нежели и блескъ, и великолѣпіе, и жизнь покинуть его навѣки — послѣдній, морщившій лучъ угасающаго свѣта! — Онъ давалъ пиры, праздники, которые цѣлностью и замесловатостью выполненія помрачали все дотѣхъ виданное, — праздники, которые пріятно занимали его на одно мгновеніе, но потомъ оставляли по себѣ безотрадную пустоту. Тщето старался онъ во внѣшнихъ наслажденіяхъ найти то счастье, которое доставляютъ только внутреннее спокойствіе души и полезная дѣятельность ума. Уныніе, отвращеніе отъ жизни, вслѣдствіе пресмыченія, не покидали его ни на минуту; заботы, неудовольствіе и грызущая тоска сопровождали его въ дворцы и пышные покои. — Ближніе Зубова у императрицы исполняли его зависти и злобы, а тщетныя попытки низвергнуть его, еще болѣе увеличивали его печаль. Его «зубная боль» была неизлечима; слишкомъ крѣпко держался «зубъ» для того, чтобы, при всемъ желаніи, можно было вырвать его. Съ этимъ жаломъ въ честолюбивомъ сердцѣ, не было

ничего, что могло бы его удовлетворить, развеселить, привлечь. Что было новаго для него, и чѣмъ онъ не наслаждался до пресыщенія! Свойство человеческой природы заставляло его пренебрегать всѣми благами жизни, какихъ желаетъ толпа, и стремиться лишь къ тому, въ чемъ ему было отказано, и потому именно, что онъ не могъ достигнуть этого, онъ и считалъ себя въ высшей степени несчастнымъ. Оттого въ нравъ его вкрались какое-то напряженное состояніе, какая-то раздражительность, всею оскорблявшаяся. Малѣйшее противорѣчіе приводило его въ гнѣвъ, на угодливое согласіе онъ поддавался, все было не по немъ. Властолюбивый, повелительный, онъ хотѣлъ имѣть только рабовъ, и однако презиралъ тѣхъ, которые приходили до этого.

Хотя онъ по прежнему утопалъ въ наслажденіяхъ, но былъ уже не тотъ, что прежде. Это не скрылось отъ зоркаго глаза придворныхъ. Его крѣпкій тѣлесный организмъ, котораго онъ никогда не падалъ, сталъ изнемогать, изнурительный недугъ вселялся во всѣ его члены и тѣло его обнаруживало истощеніе. Это дѣлало его угрюмымъ, лѣнивымъ на дѣла, а нравъ его еще болѣе неровнымъ и извѣчнымъ. И однако, не смотря на начинавшееся болѣзненное состояніе его, на нѣкотораго рода предчувствіе приближавшейся смерти, онъ все еще предавался своимъ обширнымъ планамъ, и его обманывали въ томъ, что онъ втайнѣ противодействовалъ заключенію мира, столь необходимаго для императрицы, котораго она такъ усердно желала: ибо онъ, съ честолюбивыми тайными замыслами, хотѣлъ мира только съ Молдавіей и Валахіей, тогда какъ императрица довольствовалась границей по Днѣстру.

Его умножавшіяся предчувствія смерти все чаще и чаще повергали его припадкамъ печали и унынія. 28 апрѣля онъ далъ императрицѣ самый знаменитый праздникъ свой, который, по блеску, пышности и замысловатой изобрѣтательности, не имѣлъ себѣ равнаго. Всѣ искусства, не исключая и поэзіи (3), должны были расточить

(3) Державинъ долженъ былъ нарочно для этого празднества написать въ похвалу императрицы и ея оружія свое знаменитое стихотвореніе: «Громъ побѣды раздался», а канцелярскій секретарь Козловскій для этого стихотворенія—своей лучшей похвалой. Въ такты въ немъ выражались вусщечной палубой. Бывшій тогда въ большой славѣ артистическій директоръ Левинъ исполнял свои лучшіе солов; другіе артисты балета, драматическаго театра, пѣнія и музыки поочередно украшали собою празднество. Въ немъ участвовало болѣе 300 пѣвцовъ и музыкантовъ, а въ промежуткахъ раздавались торжественно-заунывные звуки роговой музыки. Еще другія рѣдкія изобрѣтенія человеческого искусства явились въ дѣйствіи на этомъ празднествѣ—искусственные автоматы, какъ и др.

на немъ всё свои чары, чтобы доставить императрицѣ и двору непрерывный рядъ сладчайшихъ наслажденій. Въ этотъ день Потемкинъ, какъ хозяинъ праздника, казалось превзошелъ самъ себя, и всё голоса соединились въ хвалу ему. Но даже и въ этотъ день имъ до такой степени овладѣло чувство ничтожества всего земнаго блеска, предчувствіе скорой смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбь при видѣ себя замѣненнымъ другимъ въ милостяхъ и довѣрїи своей государыни, что онъ, будучи крайне разстроганъ, палъ къ ногамъ императрицы, когда она, въ радостномъ настроенїи, намѣревалась поцѣловать дворецъ, прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и оросилъ ее своими слезами. Императрица была глубоко тронута, наклонилась къ нему, поцѣловала его въ лобъ, и слезы, которыя она тщетно старалась скрыть, навернулись и у нея на глазахъ. Предчувствіе не обмануло—шесть мѣсяцевъ спустя Потемкинъ былъ въ гробу.

Это празднество предназначалось преимущественно торжеству блистательнаго дня взятїя Измаила. Гости, естественно, искали взорами героя этого дня, но—его не было. Здѣсь впервые обнаружилось нерасположеніе Потемкина къ нему. Зная, что Суворовъ на хорошемъ счету у императрицы, онъ, какъ ловкій царедворецъ, не явно возсталъ противъ него, но воспользовался усилїями враждебныхъ Россїи дворовъ Лондонскаго и Берлинскаго—снова побудить Швецію къ войнѣ послѣ только-что заключеннаго мира. Онъ внушилъ императрицѣ сильное недовѣріе къ этому, едва обезоруженному врагу, и предложилъ ей послать въ Финляндію столь испытаннаго полководца, какъ Суворовъ, для того, чтобы привести въ хорошее и надежное оборонительное состояніе ту опасную границу, громъ орудій съ которой еще такъ недавно потрясалъ окна ея дворца. Кажется, устами его говорила искренняя любовь къ отечеству, и императрица согласилась на его коварное предложеніе. За нѣсколько дней до праздника у Потемкина, она призвала къ себѣ Суворова,

знаменитый слонъ, драгоценныя мраморныя вазы, художественныя произведенія древности; и даже самый громадный залъ, не имѣвшій себѣ равнаго, залитый ослѣпительнымъ блескомъ массы свѣта, великозвонные покои, наконецъ прекрасный садъ, украшенный самыми рѣдкими растенїями юга, сами по себѣ были уже художественными радостями, достойными удивленїя. Но наибольшимъ блескомъ всего праздника была кадрия изъ 24 паръ самыхъ красивыхъ придворныхъ молодыхъ людей и дамъ, и въ главѣ ихъ оба молодые великіе князья, прекрасный какъ ангелъ Александръ и веселый Константинъ. Блескъ, пышность, разнообразіе и поперебная послѣдовательность наслажденій распространяли всеобщее чувство полнаго довольства и дѣлали это празднество единственнымъ въ своемъ родѣ.

выразила ему свои опасенія и свое довѣріе къ нему, и заключила словами: «Вы будете мнѣ крайне нужны въ Финляндіи». Суворовъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ домой, послалъ за почтовыми лошадьми и на другой день писалъ изъ Выборга: «Веселостивѣйшая матушка государыня, я въ Финляндіи и жду Вашихъ приказаній». Они не замедлили послѣдовать и заключались въ слѣдующемъ: «онъ долженъ былъ объѣхать Финляндскую границу и съ точностью опредѣлить пункты, которые могли служить для обороны ея противъ Швеціи» (4).

Придворные, которыхъ способность все развѣдывать старается проникнуть во всѣ тайны придворной сферы, векорѣ разгадали причину этого внезапнаго недовѣрія къ королю шведскому, по видимо-му дружелюбно расположенному. Но какъ они не знали хорошо отношеній между Суворовымъ и Потемкинымъ со времени сцены въ Яссахъ, то приписали причину ссылки нерваго желанію Потемкина избавиться отъ его присутствія на празднествѣ и при предлагаемомъ представленіи пашей, взятыхъ въ плѣнъ въ Измаилѣ (5). Каждый чувствовалъ сдѣланную ему несправедливость, и можно было бы сказать словами Тацита: имя Суворова блистало на празднествѣ своимъ отсутствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновеннымъ явленіемъ было то, что героя, жертвовавшего и жизнью, и славою при штурмѣ Измаила, наградили званіемъ подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ которомъ званіи онъ, ниже 10 другихъ генераловъ (Кирилла Разумовскаго, Румянцева, Потемкина, Ивана и Николая Салтыковыхъ, Брюса, Репина, Прозоровскаго, Мусина-Пушкина и Юрія Долгорукова), стоялъ 11-мъ и послѣднимъ (the last not the least) (*), а между тѣмъ Потемкина, сложнаго жившаго среди наслажденій въ Яссахъ во время великаго подвига, не знади какъ достаточно наградить. Императрица хотѣла построить собственно для него великолѣпный дворецъ, но онъ предпочелъ взять для себя уже готовый, по немъ названный Таврическимъ (въ которомъ онъ и праздникъ свой далъ), однажды уже подаренный ему императрицей и купленный ею у него обратно за полмилліона рублей. Кромѣ того положено было соорудить ему въ Царскосельскомъ саду обелискъ, подобный Румянцовскому; императрица подарила ему фельдмаршальскій мундиръ, богато украшенный по швейцарскому брилліантами, и 200,000 рублей. Кто имѣеть, тому дается еще, и

(4) См. рескриптъ у Левшина, стр. 18.

(5) См. журналъ Храповицкаго подь 26 апрѣля 1791 г.

(*) Т. е. послѣдній, но не меньшій.

кто находится въ изобиліи, тому жалуютъ новые преизбытки. Для скромныхъ заслугъ всякая малость кажется достаточною или даже слишкомъ большою наградою. Когда Суворовъ въ послѣдствіи жаловался, что его блистательный подвигъ подъ Измаиломъ былъ такъ мало оцененъ, то этому очень дивились, потому что его вѣдъ пожеловали подполковникомъ Преображенскаго полка! Но главная вина въ этомъ падаетъ на Потемкина, который все употребилъ, чтобъ держать Суворова въ униженіи, между тѣмъ какъ онъ самъ, въ своихъ требованіяхъ для себя, доводилъ смѣлость даже до наглости.

Имѣлись-ли дѣйствительно въ виду опасенія по поводу Швеціи или это была только хитрость Потемкина, но, какъ бы то ни было, Суворовъ исполнилъ возложенное на него порученіе со всѣмъ свойственнымъ ему рвеніемъ и такъ, какъ будто война съ Швеціей была уже у порога. Въ теченіе четырехъ недѣль онъ объѣхалъ и изслѣдовалъ всю границу, опредѣлялъ важнѣйшіе пункты и позиціи, и начерталъ планъ укрѣпленія ихъ. Онъ представилъ его; его одобрили и 25 іюня дали ему предписаніе укрѣплять границу (6). Это было громовымъ ударомъ для него! Въ Турціи гремѣла еще война; Англія, Пруссія, Польша вооружались и грозили другою войною—какая дѣятельность, какіе подвиги имѣлись тутъ въ виду!—а онъ долженъ былъ здѣсь исправлять должность строителя крѣпостей, производить обширныя постройки, между тѣмъ какъ его соперники получали лагеря, на его мѣбню, и обильные лавры. Таковую пылкую душу, какъ душа Суворова, подобная мысль могла привести въ отчаяніе, и его внутреннее неудовольствіе по этому поводу просивъ чиваать во всѣхъ его многочисленныхъ писемъхъ этого періода.

Чтобъ подсластить ему пилюлю, всѣ находившіяся въ Финляндіи войска были поставлены подъ его начальство, даже и нисершій (гребной) флотъ, когда начальствовавшій имъ, искатель приключеній, принцъ Нассаускій, жаждая новыхъ успѣховъ, отправился на Рейнъ, чтобы французскимъ принцамъ въ Кобленцѣ предложить своей рыцарскій мечъ. Суворовъ долженъ былъ теперь усердно производить крѣпостныя работы и для производства ихъ употреблять находившіяся подъ его начальствомъ войска. Такъ отомстилъ Потемкинъ, безъ всякаго вниманія къ выгодамъ своей страны, удаливъ съ театра войны и обративъ въ пограничнаго стража и строителя крѣпостей воинственнѣйшаго и способнѣйшаго полководца, который съ величайшимъ успѣхомъ могъ бы быть употребленъ противъ того именно врага, котораго онъ былъ ужасомъ.

(6) См. рескриптъ отъ 25 іюня 1791 г. у Левшина стр. 19.

Какъ ни противна была Суворову данная ему задача, однако онъ покорился своей судьбѣ и тотчасъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него порученій. Въ своемъ планѣ онъ предложилъ усилить укрѣпленія бывшихъ уже крѣпостей: Нейшлота, Вильманстранда, Давидштадта и Фридрихсгама, равно и соорудить новые форты въ недалекомъ разстояніи отъ границы, на всѣхъ значительнѣйшихъ дорогахъ, которыя вели изъ Шведской Финляндіи, а именно, начиная съ юга: фортъ у Линкола, на дорогѣ въ Фридрихсгамъ; далѣе къ сѣверу фортъ Утти—на дорогѣ въ Вильманстрандъ и фортъ Озерной—еще сѣвернѣе, на дорогѣ въ Завитайполь. За этими тремя фортами, для удержанія перваго натиска неприятеля, находились три болѣе сильные пункта: Фридрихсгамъ, Давидштадтъ и Вильманстрандъ; дорогу изъ Саволякса прикрывалъ укрѣпленный Нейшлотъ, и въ тоже время въ этой части страны, богатой озерами и утесами, были проведены многіе соединительные каналы. Наконецъ, чтобъ имѣть надежную и укрѣпленную станцію и убѣжище для ижернаго флота, и чтобы шведскому Свеаборгу противопоставить подобный же Гибралтаръ, онъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ при Роченсальмѣ, гдѣ нѣсколько острововъ образуютъ превосходную гавань, для возведенія построекъ и сильныхъ укрѣпленій; а чтобъ лучше защитить подступъ къ ней съ сухаго пути, онъ заложилъ крѣпость Кименегардъ. Такимъ образомъ Роченсальмъ сталъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной границы Финляндіи, и императрица справедливо могла впоследствии приписать Суворова словами: «вы мнѣ подарили новую гавань.»

Хотя его противъ воли употребили на дѣло, ему, практическому солдату, какъ онъ называлъ себя, совершенно чуждое и неприятное, однако онъ исполнялъ его не только добросовѣстно, съ полнымъ усердіемъ, но и съ осмотрительностью и искусствомъ, которыя не лучше могъ бы оказать и настоящій инженеръ, и въ тоже время обнаружилъ при этомъ вѣрный стратегическій взглядъ, равно какъ и необыкновенное знаніе ижернаго дѣла. Постоянно стараясь усвоить себѣ все, что только болѣе или менѣе относилось къ его истинному призванію, онъ приобрѣлъ даже нѣкоторыя познанія въ морскомъ дѣлѣ, какъ уже и доказалъ это въ морскихъ бояхъ при Очаковѣ. Однажды онъ въ шутку заставилъ испытать себя на флотѣ въ своихъ морскихъ познаніяхъ, недурно выдержалъ испытаніе и въ свидѣтельство того получалъ дипломъ на званіе мичмана (7).

(7) Необыкновенные люди сходятся вездѣ и во всемъ: тоже, что съ Суворовымъ,

«Если Рибасъ,» — говорилъ онъ смѣясь, — «могъ вдругъ съ сухаго нуты перескочить на море, то вы могли бы увидѣть, что и я, еслибъ захотѣлъ, могъ бы послужить Нептуну.» — И на этого-то человѣка, приобрѣтшаго безъ шуму и хвастовства самыя обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ военной науки, военные педанты его времени, знавшіе только свой строевой уставъ (и то едва-едва!) и въ немъ видѣвшіе всю сущность военнаго искусства, смотрѣли свысока, какъ на человѣка не вполне образованнаго, непосвященнаго!

Частию вслѣдствіе своего энергическаго характера, побуждавшаго его всею душою предаваться всему, за чтѣ бы онъ ни взялся, частию, можетъ быть, въ надеждѣ скорѣе развязаться съ кругомъ дѣйствій, вовсе не соответствовавшихъ его призванію, онъ старался какъ можно болѣе ускорить работы, такъ мало согласовавшіяся съ его наклонностями и для которыхъ, по его словамъ, потребно было бы цѣлой жизни человѣческой. Кромѣ туземныхъ рабочихъ, онъ долженъ былъ употреблять на эти работы еще и солдатъ, но сдѣлалъ при этомъ ту ошибку, что, при своемъ собственномъ безкорыстїи, усердно желая и для казны все сдѣлать какъ можно дешевле, сначала назначилъ рабочимъ весьма низкую плату, и тѣмъ навлекъ на себя со стороны одного довѣреннаго ему человѣка, прямодушнаго полковника Сакена (впослѣдствїи фельдмаршала), упрекъ въ томъ, что: «онъ хочетъ оказать заслуги на счетъ бѣдныхъ солдатъ.» Эта ошибка скоро невыгодно отозвалась ему, не только возбуждая неудовольствіе, но и подавъ его врагамъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, поводъ къ горькимъ упрекамъ и клеветамъ.

Съ напряженною дѣятельностью занимаясь этими работами, онъ не могъ не обращать между тѣмъ жадныхъ взоровъ на югъ, гдѣ война съ Турками еще продолжалась и гдѣ не только его сверстники, Репинъ, Гудовичъ, Каховскій, но даже подчиненные ему прежде генералы, какъ-то Кутузовъ, Голицынъ и Волконскій, пожимали славу, почести и преимущества. Устремивъ глаза на карту, онъ слѣдилъ за ходомъ ихъ успѣховъ съ такою завистью, какую Оми-свокъ чувствовалъ къ подвигамъ Мальтиада. То, чтѣ онъ такъ энергически началъ, должны были докончить другіе: всѣ его прежніе во-

было и съ Наполеономъ, который приобрѣлъ весьма основательныя морскія познанія, и разительныя доказательства ихъ представилъ въ своемъ переѣздѣ на островъ Эльбу, къ удивленію англійскаго капитана Ушера (Usher). См. «Воспоминанія Лорда Голланда», нѣмецкое изданіе Редгера 1852, стр. 150.

енные сподвижники имѣли пожинать лавры, тогда какъ онъ долженъ былъ свозить щебень и камень для построекъ. Тогда видан его печальнымъ, задумчивымъ—всякая новая побѣда болѣзненно потрясала его, потому что онъ не участвовалъ въ ней. Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за военными дѣйствіями, жадно и съ критическимъ взглядомъ читалъ реляціи; трогательно радовался подвигамъ бывшей его дивизіи, столько одушевленной имъ, и затѣмъ снова предавался въ жертву всѣмъ мученіямъ пламеннаго, воинственнаго духа, осужденнаго въ бездѣйствіи взирать, какъ тѣ, которыхъ онъ считалъ достойными пренебреженія, въ изобиліи пожинали славу и почести. Тогда онъ предавался порывамъ гнѣва, сочинялъ письма, въ которыхъ настоятельнѣе просилъ назначенія въ дѣйствующія войска, потому что онъ не «военный строитель», не «Тучковъ»⁽⁸⁾, какъ онъ выражался, а старый *практическій* солдатъ, и потому просилъ о практическомъ употребленіи его. Но пока живъ былъ Потемкинъ, нельзя было и думать о такомъ назначеніи, и это приводило его въ отчаяніе; тогда онъ лучше хотѣлъ выйти въ отставку, взять отпускъ за границу и даже поручилъ своему повѣренному, Хвостову, продать одно изъ его имѣній, чтобы добыть ему 10,000 руб. на путешествіе. Все было напрасно, онъ долженъ былъ *строить* и предоставить Голицынымъ, Кутузовымъ и Репнинымъ побѣждать съ созданными имъ «чудо-богатырями».

А это случалось весьма часто. Походъ 1791 г., не смотря на препятствія со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, былъ блистательный. Вслѣдствіе перемирія Турокъ съ Австріядами, вся страна по правую сторону Серета до Дуная, слѣдовательно большая часть Молдавіи и Валахіи, служившая до тѣхъ поръ театромъ военныхъ дѣйствій союзныхъ Австріяцевъ, была объявлена нейтральною и доаживствовала оставаться возбраненною Русскимъ. Поэтому военныя дѣйствія послѣднихъ были чрезвычайно затруднены и стѣснены, такъ какъ, послѣ совершеннаго покоренія нижняго Дуная отъ Галаца до его устьевъ, для нихъ оставалось только тѣсное пространство между этой рѣкой и Чернымъ моремъ. Дѣйствовать же наступательно тутъ Русскіе могли не иначе, какъ съ большою опасностью, потому что крѣпость Браиловъ, расположенная на правой сторонѣ Серета, но на самомъ берегу Дуная, по первой изъ этихъ причинъ

(8) Тучковъ былъ инженеръ-генералъ-поручикъ и главный начальникъ инженерной части.

была внѣ круга военныхъ дѣйствій, но по второй имѣла ту выгоду, что могла черезъ Дунай дѣйствовать наступательно противъ праваго фланга Русскихъ. Поэтому послѣдніе и не могли ни безопасно идти впередъ, ни атаковать крѣпость, лежавшую въ неутральномъ пространствѣ. Согласіе на такой договоръ свидѣтельствовало о недалковидности, если не о злоумышленности. Бугарія между Дунаемъ и Чернымъ моремъ (такъ называемая Добруджа) оставалась, правда, открытою русскимъ войскамъ; но, чтобъ наступать въ ней, имъ слѣдовало оставить значительный корпусъ противъ Браилова, для обезпеченія своего праваго фланга. Обстоятельства же были не таковы, чтобы тутъ можно было употребить значительное число войскъ, въ то время, когда на западѣ грозила новая война со стороны какъ Пруссіи, такъ и Польши. Поэтому положено было вести тутъ лишь дѣятельную оборонительную войну и, не вводя въ дѣло главныхъ силъ, дѣйствовать лишь большими или меньшими отрядами въ разныхъ направленіяхъ по другую сторону Дуная. Ничего важнаго, конечно, нельзя было достигнуть такими дѣйствіями; но за то Русскіе обладали тѣмъ, чего домогались—всею странюю до Днѣстра, и не хотѣли наносить сильныхъ ударовъ, чтобъ не вооружить еще болѣе противъ себя непріязненные державы, Англію, Голландію, Пруссію, Польшу и даже Швецію, и тѣмъ не затруднить продолжавшихся переговоровъ. Еслибы послѣдніе остались безплодными, то надлежало бы обнажить мечъ противъ этихъ державъ, повелительно хотѣвшихъ навязать императрицѣ миръ безъ вознагражденія. Поэтому Дунайская армія, силою около 60,000 ч. (76 баталіоновъ и 134 эскадрона), поддерживаемая другими 15,000-ми подъ начальствомъ генерала Кречетникова, была назначена для вступленія въ Польшу, и въ то же время на Двинѣ собирался 30,000-ный корпусъ подъ начальствомъ графа Ивана Петровича Салтыкова, для вступленія въ Курляндію. Между тѣмъ какъ здѣсь, такимъ образомъ, при неопредѣленности политическихъ обстоятельствъ, Русскіе избѣгали всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій, со стороны Азіи, напротивъ, война должна была вестись ими съ большимъ напряженіемъ силъ, такъ какъ тамъ руки были болѣе развязаны.—Графъ Гудовичъ, начальствовавшій 20,000-ми ч. (24 баталіона и 50 эскадроновъ) на Кубани, долженъ былъ прежде всего взять Анапу и затѣмъ идти дальше, поддерживаемый, въ случаѣ надобности, генераломъ Каховскимъ, охранявшимъ Крымъ съ 15,000 ч. (24 бат. и 50 эск.).

Раздоръ съ Пруссіей и Англіей находился теперь въ состояніи кризиса. Эти державы, сначала возбудившія Турокъ къ войнѣ, те-

перь, когда дѣла послѣднихъ шли плохо, считали себя обязанными не допускать Турціи до паденія и настаивали на посредническомъ вмѣшательствѣ своемъ, дабы достигнуть мира безъ потерь для кровителствуемыхъ ими. Австрія по смерти Иосифа попустила устрашить себя, и мирные переговоры были открыты въ Шистовѣ; но императрица Екатерина отвергла всѣ предложенія посредничества своихъ противниковъ и рѣшительно объявила, что «она требуетъ заключенія мира безъ посторонняго вмѣшательства и съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ военныхъ издержекъ». — И такъ ее хотѣли силой принудить къ уступчивости. Прусская армія собралась въ Старой Пруссіи, а англійскій флотъ готовился вступить въ Балтійское море. Въ то же время Англія и Пруссія подстрекали Поляковъ и старались склонить короля шведскаго снова извлечь только что вложенный въ ножны мечъ. Въ опасности и нуждѣ обнаруживаются истинное мужество души, истинное величіе. Екатерина, хотя внутренно сильно озабоченная, однако, не смотря на всѣ эти грозныя предвѣстія, пребыла непоколебимою и вооруженіямъ противопоставила вооруженія. Суворовъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, укрѣплять шведскую границу, противъ Пруссаковъ былъ назначенъ Румянцовъ, а противъ англійской эскадры, долженствовавшей прибыть въ Балтійское море, были приняты всѣ мѣры предосторожности, и флотъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ приведенъ въ готовность къ дѣйствіямъ подъ начальствомъ адмирала Чичагова, съ такою славою дѣйствовавшаго въ послѣдней войнѣ. Никогда военные вѣсы не колебались болѣе грозно, но и никогда твердость не обнаруживалась съ большею честью и съ лучшимъ успѣхомъ.

Война съ Россіей не пользовалась сочувствіемъ англійскаго народа, и министрамъ приходилось выдерживать сильнѣйшую борьбу партій въ парламентѣ. Король прусскій уже цѣлый годъ домогался окончательнаго рѣшенія, для отвращенія дальнѣйшихъ опасностей отъ Порты. Англійскіе министры колебались. Король Фридрихъ Вильгельмъ съ давнихъ поръ негодовалъ, потому что почиталъ себя не довольно уваженнымъ въ бытность свою въ Петербургѣ⁽⁹⁾; къ тому еще онъ былъ подстрекаемъ недалеко видными министрами, которые руководились менѣе пользами страны, нежели мелкими страстями, какъ-то малодушною братскою ненавистью къ Австріи, за-

(9) О неприятой роли, которую онъ тамъ игралъ, см. Кокса исторію Австріискаго Дома, IV, 408—9 (нѣмецкій переводъ Дипшольда и Вагнера).

вистью и негодованіемъ противъ Россіи за то, что она австрійскій союзъ предпочла прусскому. Поэтому Фридрихъ Вильгельмъ со всемъ рвеніемъ страсти домогался войны противъ императрицы и представилъ англійскому министерству на выборъ, или отказаться отъ союза съ нимъ, или дѣйствовать съ нимъ за одно. Рѣшеніе о войнѣ и мирѣ зависѣло поэтому отъ англійскаго министерства или скорѣе отъ парламента, отъ англійскаго народа, такъ какъ само министерство раздѣлилось на двое и одна партія, съ королемъ Георгомъ въ главѣ, желала войны, а другая, къ которой тайно принадлежалъ самъ Питтъ—мира. Грозное предложеніе было сдѣлано императрицѣ: миръ съ Портою на основаніи прежнихъ владѣній, или война съ Англійей и Пруссіей. Она отвѣчала съ достоинствомъ: «какъ властительница независимаго государства, она никому не обязана отчетомъ; она поступитъ, какъ признаетъ за лучшее, и предоставляетъ и другимъ сдѣлать тоже самое.»—Казалось, слова эти были сигналомъ къ войнѣ, тяжкой, пагубной войнѣ почти со всѣми сосѣдями и къ тому еще съ повелителями морей.—Англія немедленно снарядила флотъ изъ 30-ти линейныхъ кораблей, 75-ти фрегатовъ и меньшихъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Гуда (Hood), дабы настойчиво дѣйствовать въ Балтійскомъ или Черномъ моряхъ; къ этому флоту Голландія должна была присоединить еще 12 линейныхъ кораблей. Казалось жребій былъ брошенъ, война была у порога. Но тутъ англійскій народъ положилъ свое мнѣніе на вѣсы, Фоксъ и Бурке возвысили свой голосъ—и Екатерина, не уступая угрозамъ, твердо оставаясь при сказанномъ ей, одержала наконецъ верхъ. Въ политикѣ, какъ и въ войнѣ, къ успѣху ведетъ твердость, если она соединена съ мудростью.

Не легка была однако побѣда надъ противоборствовавшими мнѣніями въ Англійи. Сильна была партія войны, имѣя даже короля на своей сторонѣ. Но народъ въ государствѣ не успокоивался: его ропоть, его многочисленныя прошенія противъ войны имѣли много вѣса, но вопросъ рѣшило краснорѣчіе Бурке и Фокса. Фоксъ, представивъ положеніе дѣла, воскликнулъ: «Утверждаютъ, что война Турокъ противъ Русскихъ произошла по нашему наущенію. Это справедливо либо нѣтъ. Если справедливо, то спрашиваю: правосудно ли, честно-ли требовать, чтобъ атакующая Россія ничѣмъ не была вознаграждена за тяжкія издержки войны въ свою защиту?—Если же это несправедливо и мы не наущали Турокъ, то министры тяжко виноваты, что не воспрепятствовали войнѣ, къ исходу которой мы не можемъ оставаться равнодушными. Мы требуемъ, чтобы Россія

*

возвратила всё свои завоеванія, и однако въ тоже время на-
 ставаемъ въ Индіи, чтобъ Типпо-Саибъ, какъ виновникъ войны
 противъ насъ, не только вознаградилъ намъ убытки, но, въ видѣ
 наказанія, дозволялъ отнять у себя столько земель, сколько намъ
 будетъ угодно.—Какой государь, обладающій душою, честью и силою
 для сопротивленія, не отвергнетъ съ глубокимъ негодованіемъ безстыд-
 наго требованія, совершенно противоположнаго нашимъ требованіямъ
 въ Индіи?—Стеченіе благоприятныхъ обстоятельствъ, продолжалъ
 онъ, можетъ въ извѣстное время даровать государствамъ великую
 силу; но если они хотятъ, подобно Людовику XIV, гордо употре-
 бить ее во зло, то прошу сообразить, не въ природѣ-ли вещей и
 людей—возставать противъ несправедливости и высокомерія? Ни-
 когда въ нравственномъ мірѣ не былъ продолжительно счастливъ
 тотъ, кто превозносился; никогда не будетъ онъ имъ и впредь, доко-
 лѣ люди останутся людьми.»—Два съ половиною часа говорилъ
 Фоксъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ краснорѣчіемъ, какихъ ни-
 когда еще не обнаруживалъ дотошъ, и кончилъ убѣдительнымъ воз-
 званіемъ ко всѣмъ патриотамъ собранія—всѣми силами воспроти-
 виться предпріятію, столь вредному для государства (10).

Послѣ него съ бѣльшей еще силой, съ бѣльшей еще рѣзкостью
 выступилъ Бурке, его учитель, его образецъ. Онъ проклялъ Турокъ,
 вишь съ ихъ приверженцами въ Европѣ. «Что дѣлать этимъ вар-
 варамъ между народами Европы, воскликнулъ онъ, развѣ вносить
 въ среду ихъ убійства и пожары, чуму и опустошенія; ибо лучша-
 го творить они не умѣютъ? Лишь съ ужасомъ узналъ я, что Рим-
 ского императора принудили возвратить этой достойной отвращенія
 державѣ прекрасныя придунайскія земли, вѣроятно для того, чтобъ
 варварство и чума навсегда водворились въ нихъ» (11). Подъ ко-

(10) Императрица чувствовала себя крайнѣ обязанною Фоксу и приказала графу
 Воронцову, посланнику своему въ Лондонѣ, переслать ей мраморный бюстъ Фокса,
 работы знаменитаго скульптора Ноллекенса. По этому образцу она приказала сдѣлать
 другой бюстъ изъ бронзы и поставить его на колоннадѣ (Кашеровою) въ Царскойъ
 Салѣ, между бюстами Цицерона и Демосеена.— Своимъ краснорѣчіемъ, говорила
 она; онъ отвратилъ отъ меня войну съ Англіею, чѣмъ же другимъ могу я выразить
 ему мою признательность?—Это должноствовало въ тоже время быть униженіемъ
 для Питта, которое онъ и почувствовалъ глубоко, какъ можно было бы заключить изъ
 его проницескихъ выраженій.

(11) Мы буквально приводимъ слова Бурке, отвѣтственность за которыя пред-
 оставляемъ ему, не желая дальѣ оправдывать ихъ. И безъ того 66 лѣтъ, протекшія
 съ тѣхъ поръ, многое измѣнили и улучшили. (Авторъ). Здѣсь уже не въ первый

нецъ онъ, достойно истиннаго государственнаго человѣка, указалъ, что союзъ съ русскою императрицею былъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, всего выгоднѣе для Англій.

Подъ влияніемъ этихъ могучихъ ораторовъ, которые, зная, что общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ, говорили съ тѣмъ большею энергіею, министерство увидѣло себя въ трудномъ положеніи и было наконецъ вынуждено исправить дѣло и еще попытаться заключить миръ. Оно послало въ Петербургъ своего уполномоченнаго, Фаукенера (Fawcener), и въ скоромъ времени произошло обоюдное соглашеніе. Фаукенеръ остался при русскомъ дворѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, и англійское министерство согласилось на требованіе Россіи удержать за собой Очаковъ съ лѣвой стороны Днѣстра, въ видѣ вознагражденія за военныя издержки. Это должно было быть основаніемъ будущаго мира. Еслибы Турки не согласились, то имѣли бытъ предоставлены на произволъ своей судьбы. Но неоднократныя побѣды надъ ними вскорѣ принудили ихъ уступить, такъ какъ они уже лишились той опоры, которую до того имѣли въ государствахъ, враждебныхъ Россіи.

Одинъ за другимъ обрушивались на нихъ тягчайшіе удары, побѣда за побѣдой радовала русскую императрицу и болѣзненно волновала грудь заточеннаго Суворова. Князь Сергій Федоровичъ Голицынъ⁽¹²⁾, женатый на племянницѣ Потемкина и начальствовавшій бывшею дивизіею Суворова, перешелъ съ храбрыми войсками въ концѣ марта у Галаца черезъ Дунай, разрушилъ нѣсколько окоповъ передъ Мачиномъ и Браиловымъ, и разбилъ толпы Турокъ, хотѣвшія воспрепятствовать ему въ томъ. Тоже сдѣлалъ въ апрѣлѣ Кутузовъ: отъ Измаила онъ пошелъ къ Бабадагу и разсѣялъ многочисленный турецкій отрядъ. Но уже приближались болѣе значительныя военныя силы и въ главѣ ихъ, съ турецкими высококомандиромъ и неразуміемъ, Юсуфъ-паша, новый великій визирь, побѣдитель Австрійцевъ при Лугошѣ и опустошитель Баната. Уже онъ прибылъ со всѣми своимъ войскомъ къ Гирсову и выслалъ сераскира Руми-

разъ Смиттъ, съ какою-то непонятною деликатностію къ Туркамъ, намекаетъ, что у нихъ въ новѣйшее время (съ 1830 года и даже съ 1791) многое измѣнилось и улучшилось. Не будучи въ этомъ отношеніи такими оптимистами, какъ онъ, мы знаемъ, что и нынѣ почти ничто не измѣнилось и не улучшилось у нихъ.

(Редакт.).

(12) Тотъ самый, который въ послѣдствіи, въ 1809 году, предводительствовалъ русскою арміею въ Галиціи, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году.

лійскаго болѣе нежели съ 70,000 чел. впередъ къ Мачину, чтобъ вскорѣ затѣмъ переправиться черезъ Дунай и приготовить и Русскимъ другой Лугошъ. Потемкинъ еще тратилъ драгоцѣнное для полководца время въ Петербургѣ на торжества или политическія козни къ низверженію своихъ противниковъ. Князь Репнинъ начальствовалъ вмѣсто него и, какъ опытный полководецъ, зная лучшей способъ дѣйствій противъ Турокъ, положилъ *быстро пойти имъ на встрѣчу и предупредить ихъ атакой*. Такъ все шло живо и энергически, коль скоро начальники войскъ, свободные отъ парализующаго присутствія Потемкина, могли дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Но побѣдитель долженъ былъ ожидать его гнѣва и зависти.

Счастіе увѣнчало успѣхомъ то, на что рѣшился Репнинъ. 26 іюня (7 іюля) онъ переправился у Галаца черезъ Дунай и четырьмя колоннами двинулся къ Мачину, небольшому мѣстечку почти насупротивъ Браилова. Правымъ крыломъ и центромъ начальствовали князья Голицынъ и Волконскій; лѣвое крыло Кутузовъ долженъ былъ вести отъ Измаила черезъ горы на правый флангъ Турокъ—опасное движеніе, возможное только противъ Турокъ, никогда не умѣвшихъ пользоваться благоприятными обстоятельствами. Они могли порознь разбить его отрядъ, отдѣленный горною цѣпью отъ главныхъ силъ, но только тогда вздумали атаковать его, когда онъ уже спускался съ высотъ имъ во флангъ. По примѣру Суворова при Рымникѣ, хотя отсутствовавшаго, но бывшаго въ памяти у всѣхъ и духомъ своимъ вдохновлявшаго начальниковъ войскъ, армія была раздѣлена на небольшія каре изъ одного или двухъ баталіоновъ, двинувшихся въ бой въ шахматномъ порядкѣ, имѣя кавалерію позади. 28-го іюня (9-го іюля) при Мачинѣ произошло сраженіе и хотя Турки сначала сражались храбро, но, по своему обыкновенію, безъ надлежащихъ порядка и связи, и наконецъ были побѣждены гордою прежними побѣдами самоувѣренностію русскихъ войскъ. Отрядъ Турокъ въ 9,000 чел. переправился у Браилова, въ тылу Русскихъ, черезъ Дунай; другая значительная часть Турокъ бросилась на спускавшася съ горъ Кутузова и окружила его со всѣхъ сторонъ; и въ центрѣ, и на правомъ крылѣ также Турки дрались долго и упорно. Но исходъ былъ обыкновенный: такъ какъ они не могли прорвать русскихъ каре и претерпѣвали большой уронъ отъ ихъ огня, то наконецъ обратили тылъ и бѣжали назадъ такъ же послѣдно, какъ сначала впередъ, бросивъ лагерь и 35 орудій, и оставивъ на мѣстѣ до 4,000 убитыхъ. Преслѣдованіе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было невозможно, и Репнинъ, пробивъ три дня на полѣ сраженія, чтобъ

сохранить за собою честь побѣды, воротился за Дунай. Но Юсуфъ, а подчиненный ему начальникъ, не все войско, а только часть его были побѣждены — доказательство глупости Турокъ, всегда допускавшихъ разбивать себя по частямъ, потому что между ними никогда не было единодушія, а въ дѣйствіяхъ ихъ—общей связи. Юсуфъ, исполненный неудовольствія, поспѣшилъ впередъ и вскорѣ снова стоялъ съ 120,000 чел. войскъ при Мачинѣ, вѣроятно чтобъ потерпѣть новое пораженіе, еслибъ только дѣло дошло до боя. Но неожиданно прыскакалъ изъ Константинополя татаринъ (куррьеръ) и передалъ Юсуфу приказаніе заключить миръ на какихъ бы ни было условіяхъ. Удивительный переходъ отъ гордости къ трусости, произшедшій вслѣдствіе не столько боя при Мачинѣ, сколько почти одновременнаго, кровопролитнаго штурма Анапы, гдѣ Гудовичъ, также въ точности придерживаясь Суворовскаго порядка штурма Измаила, 22 июня (3 іюля) взошелъ на валы крѣпости, болѣе 8,000 Турокъ перебилъ, 6,000 взялъ въ плѣнъ и распространилъ ужасъ до глубины Азии. Высокая Porta поколебалась въ основаніи и султанъ Селимъ убѣдился, что ему никогда не побѣдить такихъ противниковъ. И подлинно, тогдашнія русскія войска были истыя войска римскія, столь же твердыя, суровыя, неустрашимыя и увѣренныя въ побѣдѣ; Румянцовъ, Вейсманъ, Репнинъ и Суворовъ вдохнули въ нихъ весь воинственный духъ свой. Нижніе чины, большею частію настоящіе, коренные русскіе, съ тѣломъ, крѣпкимъ какъ желѣзо, офицеры, между которыми было много уроженцевъ Остзейскихъ губерній (*), суровые какъ ихъ климатъ, опытные и образованные многими войнами и тогдашнею военною мудростію. Солдаты—усердные, послушные, готовые на все; въ лагерѣ—агиды, въ бою—львы, но разъ спущенные, такіе же свирѣдые, какъ львы. Чтò для римскаго воина былъ его короткій мечъ, то для нихъ былъ ихъ штыкъ; море было противнику, ожидавшему сильнаго удара, направленнаго твердою рукою. Вейсманъ и Суворовъ безпрестанно твердили имъ, что они непобѣдимы. И они считали себя и были такими: вѣра въ непобѣдимость даровала имъ побѣду, ибо кто рѣшился не отступить, тотъ либо побѣж-

(*) У. Смитта собственно «офицеры, въ большомъ числѣ имѣвшіе отличныхъ товарищей изъ Остзейскихъ провинцій». Эту дань, принесенную Смиттомъ духу роднаго провинціализма, нельзя не признать здѣсь не совсѣмъ умѣстною, и не вполне приличною, и довольно обидною для тогдашняго корпуса Русскихъ офицеровъ вообще. Для такого писателя, какъ Смиттъ, гораздо лучше было бы, еслибъ онъ этого не говорилъ.

даеть врага, либо умираеть. Но коль скоро противникъ убѣдился въ этомъ, то скоро лишается мужества и отступаетъ, если только не можетъ подавить превосходствомъ силы. Такъ самопожертвованіе горсти храбрыхъ приноситъ плоды даже для будущаго времени, и непріятель, разъ имѣвшій дѣло съ Леонидовыми Спартакцами, Цезаревымъ десятымъ легиономъ, Суворовскими «чудо-богатырями» и Наполеоновской старой гвардіей, сохраняетъ глубокое впечатлѣніе ихъ непобѣдимости и въ страхѣ бѣжитъ отъ боевыхъ исполиновъ этого рода. Такъ возникаютъ воинственныя воспоминанія и преданія народа, долго и сильно поддерживающія мужество его воиновъ. Непредвидѣнныя неудачи могутъ на мгновение удручить народъ, но если онъ имѣеть подобныя воспоминанія, то всегда сохраняетъ ту силу напряженія, которая даруетъ побужденіе и стремленіе къ новымъ подвигамъ.

Юсуфъ, великій визирь, получилъ отъ своего смирившагося владетелина повелѣніе заключить миръ. Но какъ приступить къ этому, не удовлетворивъ сколько нибудь османской, еще высоко превозносившейся гордости?—Онъ пособилъ себѣ по своему и послалъ князю Репнину письмо, которымъ собственное желаніе влагалъ въ уста противнику: «До слуха Падишаха дошло, будто Русскіе весьма желаютъ мира и просятъ его.» Репнинъ, которому турецкіе приѣмы не были чужды, отвѣчалъ спокойно: «Условія со стороны Россіи извѣстны всему міру; если Турки согласны принять ихъ, то ничто не препятствуетъ заключенію мира.»—Этимъ дѣлу было положено начало. Турецкіе уполномоченные явились въ Галаць и сверхъ всякаго ожиданія, обѣ стороны очень скоро пришли къ соглашенію. 31-го іюня (14-го августа), нѣсколько дней спустя послѣ открытія переговоровъ, съ обѣихъ сторонъ были подписаны предварительныя статьи договора, по которымъ султанъ, согласно съ требованіемъ Русскихъ, признавалъ Днѣстръ границей. Турокъ особенно побудила къ уступчивости морская побѣда, нѣсколько дней передъ тѣмъ одержанная адмираломъ Ушаковымъ надъ сильнѣйшимъ вдвое турецкимъ флотомъ, при входѣ въ Босфоръ, только въ 60-ти верстахъ отъ Константинополя, гдѣ внятно слышенъ былъ громъ пальбы. Мусульманская гордость, еще недавно надменно отвергавшая самыя умѣренныя предложенія, теперь едва могла дождаться заключенія переговоровъ, подобно всѣмъ грубымъ народамъ и умамъ, которые, дѣйствуя всегда подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, въ счастіи не знаютъ границъ своей гордости, а въ несчастіи—страха. Подобно тому, какъ въ Константинополѣ извѣстія эти произвели упадокъ духа, такъ въ Петербургѣ они воз-

будили побѣдное торжество и радость. Превознесенная подвигами своихъ войскъ, императрица, полная уваженія, уже послѣ Мачинской побѣды обратилась къ новому англійскому посланнику лорду Витфурту съ ироническими словами: «Ваши министры хотятъ изгнать меня изъ Петербурга, такъ пусть же позволяютъ мнѣ водвориться въ Константинополь.»—Побѣды ея войскъ давали вѣсь ея словамъ.

Только *однимъ* человекъ въ Петербургѣ, при этихъ радостныхъ извѣстіяхъ о побѣдахъ, былъ недоволенъ и исполненъ печали—Потемкинъ.—Какъ? подчиненный ему генералъ осмѣлился безъ него, безъ его позволенія, блистательно побѣдить и даже еще вступить въ мирные переговоры? Въ его глазахъ это былъ навсегда непростительный проступокъ! Чтò значило для него благо государства, если оно было противно его собственнымъ выгодамъ?—Подобно Суворову, и Репнинъ долженъ былъ теперь испытать весь его гнѣвъ. Забывъ противниковъ своихъ въ Петербургѣ, празднества, любовныя дѣла и интриги, онъ только и имѣлъ въ головѣ побѣду Репнина и опасеніе видѣть возвышеніе въ немъ, рядомъ съ собою, новаго Румянцова. Онъ, котораго прежде бывало самыя рѣшительныя повелѣнія не могли выжить изъ Петербурга, оказался теперь послушнымъ какъ агнецъ и, подстрекаемый злобою и завистию, сломя голову бросился вонъ изъ столицы. Онъ надѣялся еще воспрепятствовать миру, о которомъ велись переговоры; питая обширныя заднія мысли, онъ не иначе хотѣлъ его, какъ съ Молдавіей и Валахіей. 24 іюля (4 августа) выѣхалъ онъ изъ Петербурга, нетерпѣливо желая прибыть еще прежде заключенія начатыхъ безъ него переговоровъ: но, по прибытіи его въ Галацъ, ему уже были представлены только-что подписанныя предварительныя статьи. Онъ бѣсился, осыпалъ Репнина бранью ⁽¹³⁾, угрозами, всемъ взрывомъ своего гнѣва. Репнинъ трепеталъ передъ всемогущимъ, но въ свое оправданіе ссылаясь на высочайшія повелѣнія, полученныя имъ изъ Петербурга. Одна надежда оставалась еще Потемкину: предварительныя статьи не были еще окончательнымъ миромъ, а онъ долженствовалъ быть заключенъ въ Яссахъ, на глазахъ самаго Потемкина. Онъ отправился туда вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными, твердо рѣшившись снова врибратъ событія въ свои руки и заключить миръ толь-

(13) Онъ называлъ его не иначе, какъ маленькимъ, жалкимъ мартинистомъ, потому что Репнинъ (небольшаго роста) принадлежалъ къ числу усердныхъ приверженцевъ Свѣтъ-Мартина (St. Martin), автора темно-мистической книги: «Des engiens et de la vérité».

ко такъ, какъ самъ того хотѣлъ. Но кому извѣстно будущее! и что значать предположенія даже могущественнѣйшаго человѣка! «Мимо идохъ, говоритъ св. писаніе о сильномъ, и се не бѣ». Частъ могучаго пробилъ, его предчувствія быстро близились къ исполненію: необыкновенные люди имѣютъ какъ бы инстинктъ грядущаго. Нѣсколько недѣль передъ тѣмъ новый случай исполнилъ его тайнаго страха. Молодой принцъ Карлъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Феодоровны, скончался въ августѣ отъ горячки и его хоронили въ Галацѣ. Потемкинъ, выйдя изъ церкви, въ разсѣянности сѣлъ на печальную колесницу. Окружавшіе его, испуганные этимъ предзнаменованіемъ, пробудили его отъ думъ; онъ вздрогнулъ и, подъ влияніемъ своихъ предчувствій, сказалъ: «А! понимаю, не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, и меня вывезутъ такъ же». — Предчувствіе не обмануло его: точно, не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ его уже покрывала земля.

Уже на пути изъ Петербурга почувствовалъ онъ упадокъ силъ, не измѣняя однако ни образа жизни, ни плановъ своихъ. Молдавія и Валахія все еще были его цѣлію. Но недугъ усиливался; къ этому присоединилась еще господствовавшая въ Яссахъ прилипчивая горячка; онъ началъ предугадывать предвѣстниковъ смерти, и настроеніе духа его сдѣлалось мрачнѣе. Избалованный счастіемъ и желѣзнымъ здоровьемъ, онъ не могъ выносить страдальческаго состоянія и безпокойствомъ своимъ измучилъ все, что окружало его. По первому извѣстію о его болѣзни, императрица прислала ему лучшихъ петербургскихъ врачей, Массо (Massot) и Тимана (Tiemann), но безъ всякой пользы для своенравнаго, потому что онъ насмѣхался надъ ихъ совѣтами и предавался своимъ прихотямъ, когда и какъ онѣ приходили ему въ голову, какъ прежде, такъ и теперь. По прежнему скакали по дорогамъ гонцы, чтобы привезть ему стерляжьей ухи изъ Петербурга, паштетовъ съ гусиными потрохами изъ Страсбурга, рѣдкихъ рыбъ изъ Астрахани или иныхъ лакомствъ всякаго рода. Онъ презиралъ всѣ предостереженія, надѣялся на свое крѣпкое тѣлосложеніе и—хворалъ все болѣе. Тогда онъ гнѣвался на врачей и обвинялъ ихъ въ невѣжествѣ, бранилъ своихъ любимцевъ, оскорблялъ придворныхъ и затворилъ толпѣ свою дверь. На родственниковъ онъ злился, если они ухаживали за нимъ, потому что видѣлъ въ этомъ алчность ихъ къ его наслѣдству, а если они держались поодаль, то называлъ ихъ безчувственными и неблагодарными. Все было не по немъ; состояніе его сдѣлалось наконецъ невыносимымъ для него, смерть со всѣми ужасами своими предстала гла-

замъ его. «Везите меня въ Николаевъ,» воскликнулъ онъ въ мрачномъ нетерпѣннѣ, «въ моемъ Николаевѣ хочу я умереть». Онъ заложилъ этотъ городъ, но не увидалъ уже его снова. 4 (15) октября поѣздъ двинулся изъ Яссы; на 38-й верстѣ оттуда Потемкинъ почувствовалъ себя хуже, и оставаться въ каретѣ было для него невыносимо. Графиня Браницкая, его любимѣйшая племянница, сопутствовавшая ему, велѣла остановиться. Разостлали плащъ на травѣ и положили на него умиравшаго, а на грудь послѣднему образъ св. Николая чудотворца. Языкъ отнялся, силы исчезли, глаза помутнились, и тамъ, на открытой равнинѣ, гдѣ «небо—кровь, а степь—чертогъ», по словамъ поэта (14), испустилъ онъ 5 (16) октября послѣднѣйшій вздохъ, на рукахъ своей племянницы.

Такъ сошелъ онъ съ поприща міра, которое исполнилъ своимъ именованьемъ, явивъ образъ ничтожества всего земнаго величія, всего, что называютъ счастьемъ. Кто болѣе его обладалъ этимъ счастьемъ, и кто болѣе его доказалъ, что счастье жизни основывается не на однихъ внѣшнихъ благахъ?—Шестнадцать лѣтъ былъ онъ душою русскаго кабинета; глубокимъ слѣдомъ обозначался жизненный путь его; онъ умеръ—и скоро слѣдъ исчезъ, и забвеніе набросило свой покровъ и на него, и на его предположенія, надежды и планы.

Онъ умеръ почти неоплѣканный. Кто себялюбиво обращаетъ все къ самому себѣ, тотъ не имѣетъ друзей, пожинаетъ, можетъ быть, холодныя похвалы, порою даже удивленіе, но никогда—привязанность, любовь и уваженіе. Его величіе угнетало, а не возвышало, не оживляло; кромѣ императрицы, почти никто не жалѣлъ о немъ; враги же его радовались. Обелискъ обозначилъ мѣсто, гдѣ онъ скончался, но былъ въ послѣдствіи разрушенъ Турками. Прахъ его—въ Николаевѣ, имя его—въ исторіи, памятникъ ему—въ Херсонѣ, и этотъ всѣхъ ихъ больше.

Суворовъ, узнавъ о смерти Потемкина, написалъ: «Се человекъ, се образъ земныхъ суетъ: бѣги отъ нихъ, мудрый!»—Слова, которыя прилично было бы начертать на надгробномъ камнѣ Таврическаго.

(14) Известны стихи Державина, они рисуютъ и умершаго, и минуту смерти его:

Чей одръ—земля, кровь—воздухъ снѣгъ,
Чертоги—вкругъ пустыни виды?
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей,
Внезапно палъ среди степей?

Природа надѣлила его большими дарованіями и силами, казалось она хотѣла создать колосъ, но какъ дробящій молотъ мудраго образованія не коснулся его, то онъ и остался навсегда громадною, но неотесанною глыбою мрамора. Высшія дарованія, духовныя и нравственныя, не получили должнаго развитія, а низшія, животныя и себялюбивыя, приобрѣли неоспоримое господство и властвовали надъ нимъ цѣлую его жизнь. Поэтому-то онъ, не смотря на всѣ свои превосходныя способности, ни въ какомъ случаѣ не былъ однако великимъ человѣкомъ. Полководецъ — посредственный, правитель — расточительный, государственный человѣкъ — коварный и насильственный, наконецъ собственно человѣкъ — безъ высшаго достоинства и нравственности. — Но дѣланіе и дѣла человѣческія изчезаютъ, превращаются въ прахъ; остается лишь одно то, что вѣчно укрѣпляетъ и возвышаетъ душу человѣческую — духовныя или нравственныя сила и величіе. Ихъ-то не доставало ему совершенно. И такимъ образомъ онъ переселился въ другой міръ, какъ и тысячи другихъ прежде него; дѣлалъ и совершилъ многое: сносилъ прахъ и камень для созданія въ будущемъ времени, пока самъ не превратился въ прахъ, не оставивъ по себѣ имени, при звукѣ котораго сердце человѣческое могло бы согрѣваться и возвышаться.

Богѣе всѣхъ огорчена была его смертію императрица. Хотя она обнаружила нѣкоторое безпокойство по полученіи извѣстій о его болѣзни, но далеко не считала ее столь опасною. Тѣмъ прискорбнѣе, тѣмъ неожиданнѣе былъ для нея этотъ ударъ. То, чѣмъ Потемкинъ былъ для нея въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, мощь его духа, сила его воли, его преданность, его привязанность къ ней, его плахи, имѣвшіе цѣлю возвеличеніе государства — все предстало передъ нею въ душѣ ея; сличая всѣхъ окружавшихъ ее съ силой этого человѣка, она разсудила, сколь невозможно будетъ ей замѣнить его, и чувствовала себя глубоко и прискорбно огорченною. «Трудно, — такъ жаловалась она, — замѣнить Потемкина, онъ былъ дворянинъ въ истинномъ смыслѣ слова, уменъ и неподкупенъ.» Долго вспоминала она о немъ; малѣйшее обстоятельство напоминало ей о немъ. Когда шесть недѣль спустя она получила письмо изъ Яссы, глаза ея исполнились слезъ, но, какъ бы стыдась ихъ, она сказала: «Только друзья мои исторгаютъ слезы изъ моихъ глазъ, враги же мои — никогда (15).»

(15) См. журналъ Храповицкаго, октябрь и декабрь.

Смерть его совершенно прервала замедленные и затянутые имъ переговоры. Графъ Безбородко вызвался привести ихъ къ концу и 16 (27) октября отправился въ Яссы. Слѣдовало бы теперь ожидать скорого заключенія мира, такъ какъ тотъ, который всегда препятствовалъ ему, сошелъ со сцены. Случилось противное. Въ кончинѣ челоуѣка, такъ долго бывшаго бичомъ ихъ, Турки видѣли обороть судьбы своей къ лучшему. Значительная партія требовала поэтому возобновленія войны, новой попытки военнаго счастья. Но тутъ дружественныя державы вмѣшались, стараясь укротить и отговорить ее. Турки требовали по крайней мѣрѣ болѣе выгодныхъ условий, возбудили даже вопросъ о Крымѣ. Безбородко разомъ положилъ конецъ всѣмъ затрудненіямъ, спросивъ уполномоченныхъ съ римскимъ лаконизмомъ: «Хотите-ли войны или мира? Можете имѣть и то и другое. Миръ по Галацскимъ предварительнымъ статьямъ или войну до конечной гибели. Выбирайте!»—Знакъ, поданный начальникамъ войскъ, подтвердилъ его слова и двинулъ войска съ ихъ квартиръ. Это подѣйствовало: 29 декабря 1791 (9 января 1792) дѣло о мирѣ было кончено и мирный договоръ съ обѣихъ сторонъ подписанъ въ Яссахъ. Условія были прежде предложенныя. Очаковъ, стѣны котораго дважды въ столѣтіи обогрѣлись русскою кровью, остался съ своимъ округомъ за побѣдителями. Днѣстръ сталъ такимъ образомъ границей. Всѣ прочія завоеванія въ Азій и Европѣ были возвращены: важныя Бендеры, Аккерманъ, Килія, почетный трофей Суворова—Измаилъ, и Анапа, которая стояла и должна была еще разъ стоить столько крови. Крымъ былъ формально признанъ русскимъ владѣніемъ; все прочее поставлено въ прежнее положеніе.— Одно требованіе замедлило подѣйствіе переговоровъ, именно денежное вознагражденіе въ 12 милліоновъ піастровъ за военныя издержки. Съ прискорбіемъ согласились наконецъ на это турецкіе уполномоченные. Но едва былъ подписанъ мирный договоръ, какъ Безбородко разорвалъ долговое обязательство, сказавъ: «Государыня моя не нуждается въ вашихъ деньгахъ.» — Это возбудило въ Туркахъ радость, удивленіе русскому великодушію и живѣйшую благодарность, а между Русскими—лестное для нихъ чувство, что въ чемъ отказано было вооруженному врагу, то даровано было обезоруженному.

Такъ кончилась эта война, долго возбуждавшая въ Европѣ, смотря по настроенію партій, надежды или опасенія. Одни съ полною увѣренностью ожидали осуществленія восточнаго проекта, изгнанія изъ Европы этихъ Азіатцевъ, жизненнымъ стремленіямъ, мнѣніямъ и обстоятельствамъ которыхъ такъ рѣзко противорѣчили евро-

пейскія. Другіе опасались нарушенія, если и не совершеннаго уничтоженія, всякаго равновѣсія, приобретеннаго съ такимъ трудомъ и столь заботливо охраняемаго дотоѣ, перевѣса императорскихъ дворовъ и всѣхъ послѣдствій преобладанія. Ни одна изъ этихъ надеждъ, ни одно изъ этихъ опасеній не сбылись. Полумѣсяць остался по прежнему на европейскомъ небѣ, мерцаая въ тускломъ свѣтѣ своемъ и какъ бы застилаемый отъ времени до времени пасмурными облаками!

И Австрія также, незадолго передъ тѣмъ, заключила свой миръ съ Портой, не съ такою однако славой, какъ императрица, потому что была не столь свободна и упорна въ своихъ дѣйствіяхъ. Болѣе года длились переговоры въ Шистовѣ, гдѣ, кромѣ воюющихъ державъ, громко говорили также друзья и благопріятели Турокъ, особенно Англія и Пруссія. Австрія должна была наконецъ уступить угрозамъ Пруссіи. 24 іюля (4 августа) подписанъ былъ миръ между нею и Портою на основаніи прежняго владѣнія. Австрія должна была возвратитъ всѣ свои завоеванія, даже послѣдній лавръ Лаудона—Бѣлградъ, удержавъ за собой только Старую Оршову и нѣсколько пограничныхъ мѣстечекъ въ Кроаціи, въ вознагражденіе за всѣ свои огромныя усилія, громадныя вооруженія и многія тысячи человѣческихъ жертвъ, и единственнымъ плодомъ войны было усиленіе взаимнаго ожесточенія между обѣими братскими, но враждебными германскими державами.

Многіе удивлялись, что два могущественныя государства, съ громадными средствами и войсками, не могли овладеть съ истинными развалинами разрушавшейся Оттоманской Порты. Это привело даже отличныхъ писателей (16) къ тому заключенію, будто сила естественныхъ границъ, равно какъ и османская храбрость, спасли потрясенное государство. Но это было не такъ. Если Турки не были совершенно низпровергнуты, если они вышли изъ борьбы почти безъ потерь, то причина этого заключалась частію въ ревностномъ посредничествѣ Англіи и Пруссіи, частію же и особенно въ ошибкахъ веденія войны. Удивительный способъ веденія наступательной войны длинными кѣрдонами, съ раздробленіемъ сотенъ тысячъ вдоль обширной границы, какъ дѣлалъ Ласси, чтобъ прикрыть каждый пунктъ собственной страны, и изъ-за этого жертвовать всею войскою и всею страной!—или, какъ Потемкинъ, цѣлые мѣсяцы стоя передъ незначущими

(16) Напр. Лавриа, Геерена и проч.

крѣпостями и ничего не дѣлая, ничего не предпринимая, ни на что не отваживаясь! Съ обѣихъ сторонъ хотѣли одолѣть непріателя силою бездѣйствія—самый провратный и пагубный способъ покорить противника своей волѣ, подобный японскому поединку, въ которомъ, чтобъ доказать свою твердость въ страданіи, соперники сами себѣ распарываютъ животъ. Безъ предприимчиваго духа, безъ напряженной дѣятельности, безъ согласно-дружныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, на войнѣ далеко уйти нельзя, даже противъ Турокъ. Къ чему служили отдѣльные, смѣлые и мощные удары Суворова, Лаудона, когда высшее, общее управленіе войною было вяло и ошибочно. Бѣдный императоръ Іосія! онъ жаждалъ военной славы, а его менторъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ тормазъ, мѣшалъ всякому подвигу, всякому дѣйствию. Оба союзные полководца постоянно приглашали другъ друга къ дѣйствию, тогда какъ сами, даже съ сильнѣйшими арміями, не отваживались ни на что. Естественными слѣдствіями были страданія: страданія отъ болѣзней, причиненныхъ бездѣйственнымъ пребываніемъ въ болотистыхъ низменностяхъ; страданія отъ непріателя, предприимчивость котораго была вызываема ихъ бездѣйствіемъ; страданія отъ отступленій, которыя дѣлали опасными и перепутанными прорванныя цѣпи постовъ. Какъ могло по этой причинѣ выйти что-нибудь изъ этого, когда Потемкинъ, потерявъ цѣлый походъ передъ Очаковомъ, въ слѣдующемъ походѣ воспользовался только немногими недѣлями поздней осени, чтобы произвести нѣкоторыя движенія и взять или ведѣть взять какія-нибудь двѣ незначущія крѣпости;—когда Ласси (а послѣ него Гаддикъ), раздробивъ на мелкія части прекрасную 200,000-ную армію на обширномъ пространствѣ, бездѣйствіемъ въ лихорадочныхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, тысячами обрекъ ее смерти и госпиталямъ; а затѣмъ принцъ Кобургскій, не смотря на блистательные успѣхи, неожиданно выпавшіе на его долю, все еще трепеталъ передъ непріателемъ и какъ бы нарочно вызывалъ его на наступательныя дѣйствія противъ себя, — пока наконецъ угрозы завидовавшихъ державъ страхомъ не принудили Австрійцевъ удалиться съ театра войны и не удержали въ бездѣйствіи русское оружіе.—Еслибы, напротивъ, союзники дѣйствовали смѣло и энергически, предпоставили себѣ болѣе важную цѣль дѣйствій (а не крошечныя пограничныя крѣпости) и затѣмъ дѣйствовали дѣятельно и быстро, тогда дипломатія, прихрамывая, опоздала бы съ своими страханіями и угрозами, дѣло было бы совершено, цѣль—достигнута. И еслибы дипломатія захотѣла тогда осуществить свои угрозы и взяться за оружіе, то къ это-

му времени союзники успѣли бы уже избавиться отъ одного непріятеля и съ возросшимъ сознаниемъ собственныхъ своихъ достоинства и силы, и съ грозною поддержкою всего могущества, славы и общественнаго мнѣнія, противустать новымъ противникамъ, которые вѣроятно раздумали бы иначе. Готовность къ борьбѣ всегда внушаетъ уваженіе и раздумье. Лучшимъ доказательствомъ, что не турецкая сила спасла Турокъ, было то, что гдѣ бы они ни показывались, вездѣ были разбиваемы. Нигдѣ сила ихъ не могла сопротивляться силѣ Русскихъ, даже и за ихъ грозными валами и стѣнами, гдѣ храбрость ихъ чувствовала себя совершенно на своемъ мѣстѣ. Стоило бы только быть въ главѣ арміи способному, предприимчивому полководцу, съ полною свободою дѣйствій—и мнимые оплоты турецкаго государства пали бы уже и тогда, какъ пали позже, и мужество чалмоносныхъ янычаръ столь же мало удержало бы побѣдителей, сколь мало впоследствии ихъ удержало сопротивленіе Махмудовыхъ регулярныхъ войскъ въ фесахъ. Нельзя не повторить еще и еще, что на войнѣ рѣшаютъ не сотни тысячъ, выступающихъ на бой, но тотъ одинъ, который стоитъ въ главѣ ихъ.

Первая турецкая война отодвинула русскія границы до Чернаго моря, проложила путь на Кубань и на Кавказъ, поставила Крымъ въ независимое положеніе, подготовила зависимость его отъ Россіи и исполнила Грековъ надеждой на будущее освобожденіе ихъ, Турокъ—опасеній и страха, а Русскихъ—чувствомъ своего превосходства и великаго предназначенія.

Въ промежуткѣ между первой и второй войной Екатерины противъ Османовъ, Россія приобрѣла Крымъ, Тамань и Кубань, свободное плаваніе торговыхъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, съ большими торговыми преимуществами, а сооруженіемъ флота въ Севастополѣ и Херсонѣ стала твердою ногою на Черномъ морѣ. Этими послѣдними выгодами она была особенно обязана Потемкину, и онъ получилъ за то прозваніе Таврическаго.

Во второй войнѣ все вращалось на утвержденіи за собой ново-приобрѣтеннаго Крыма, завоеваніи Очакова и прибрѣтеніи новой, лучшей границы на Днѣстрѣ. Въ прежней войнѣ Румянцовъ, хотя съ меньшими военными средствами, часто переступалъ черезъ Дунай; въ этой же, при Потемкинѣ, рѣка эта была крайнею линіей, которой достигали войска, за исключеніемъ послѣднихъ битвъ подъ Мачиномъ, происходившихъ по ту сторону. Главными театрами военныхъ дѣйствій были Бессарабія, Молдавія и Кубань. Совокупной побѣдой надъ визиремъ, Суворовъ приобрѣлъ прозваніе Рымникскаго,

а принцъ Кобургскій—славу полководца, плохо поддержанную имъ въ послѣдствіи. Настоящая, болѣе важная цѣль обоихъ императорскихъ дворовъ собственно не была достигнута, благодаря вмѣшательству ихъ завистниковъ; однако Россія получила то, на чемъ настаивала—Днѣстровскую границу и голосъ въ дѣлахъ Молдавіи и Валахіи, а съ этимъ и средство, защитой ихъ интересовъ, усиливать и свое собственное вліяніе. Шведская война воспрепятствовала оказать Грекамъ болѣе дѣйствительную помощь. Улучшеніе ихъ участи предоставлено было будущности.

До временъ Екатерины Турецкая держава внушала весьма сильный страхъ, и еще Шуазэль хотѣлъ употребить ее для устрашенія Русскихъ;—Польша была державою издревле знаменитою и уважаемою за храбрость ея обитателей; Россія же—державою еще новою, стремившеюся возвыситься, молодымъ орломъ, долженствовавшимъ еще испытать силу своихъ крыльевъ. Со временъ Екатерины началась борьба этихъ трехъ державъ за преобладаніе: онѣ должны были пройти цѣлое поприще побѣдъ и пораженій, въ концѣ котораго ихъ манилъ вѣнецъ славы и могущества, свое собственное превознесеніе и отстраненіе прочихъ. Состязаніе свершилось—и обычный ходъ природы обнаружился и тутъ: юная сила преодолѣла отживавшую, и Екатерининская Россія, далеко опередивъ прочихъ, выиграла наградный вѣнецъ побѣды и могущества, со всѣми сопряженными съ нимъ выгодами и пріобрѣтеніями. Такимъ образомъ Россія, дотолѣ такъ мало уважаемая прочими великими державами и поставляемая на ряду съ второстепенными государствами: Польшею, Швеціей и Турціей, съ первыхъ же годовъ царствованія Екатерины стала одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. А если разъ однимъ порывомъ достигнуто возвышеніе, то усугубленное сознаніемъ подвиговъ и славы чувство силы легко уже поддерживается на этой высотѣ, или возносится еще выше. Вотъ великая заслуга Екатерины передъ Россіей: она окончила то, что началъ Петръ I, и потому съ гордостью и полнымъ правомъ могла на воздвигнутомъ ему памятникѣ помѣстить многозначительныя слова: «*Petro primo Catharina secunda*».

Такова была главная основа обстоятельствъ 1791 года, того самаго, въ которомъ Суворовъ, скорбя, потому что не былъ занятъ согласно съ своимъ желаніемъ, напрасно тратилъ свой воинственный жаръ на мирныя искусства. Постройки, поѣздки изъ одного мѣста въ другое, осмотры оконченныхъ работъ, производство ученій и маневровъ поставленнымъ въ его распоряженіе войскамъ,

а съ другой стороны испытующая тщательность, съ которою онъ слѣдилъ за военными дѣйствіями своихъ счастливыхъ соперниковъ, и непрерывная переписка съ столицей, дабы въ ней достигнуть для себя освобожденія и согласнаго съ его желаніемъ назначенія—таковы были занятія Суворова въ теченіе этого и слѣдующаго годовъ, въ которыхъ ему предстояло еще томиться въ своемъ заточеніи. Все настроеніе души своей излил онъ въ этой перепискѣ (17), особливо съ мужемъ племянницы своей, подполковникомъ (въ послѣдствіи сенаторомъ) Димитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ, и въ ней читаемъ мы, какія чувства, мысли, мнѣнія и надежды поочередно волновали его.

Суворовъ называлъ это время своимъ «затмѣніемъ»: (éclipse), и оно было имъ болѣе, нежели въ одномъ отношеніи. Не только то, что онъ отсталъ на поприщѣ чести и славы, и изъ бывшаго передъ тѣмъ предводителя войскъ и побѣдителя при Рымникѣ и Измаилѣ былъ разжалованъ въ простые строители крѣпостей, но и въ нравственномъ отношеніи, незаслуженное униженіе развило въ груди его настоящее возмущеніе чувствъ и этимъ обнаружило болѣе низкія страсти, которыхъ онъ всегда чуждался дотогѣ. Такъ его снѣдала досада по поводу его униженія, какъ онъ называлъ его, и сильная зависть къ предпочтеннымъ соперникамъ его, Репнину, Каховскому, Ивану Петровичу Салтыкову и другимъ (зависть, доходившая въ отношеніи перваго до настоящей ненависти), выражавшаяся въ страсти насмѣхаться надъ ними и надъ ихъ подвигами, при всякомъ случаѣ унизать ихъ и выставлять предъ ихъ мнимыми заслугами свои собственныя. Но и кромѣ этого нельзя оправдать его самаго въ томъ, что раздраженное негодованіе побуждало его домогаться достиженія цѣли даже побочными и окольными путями, какъ ни далеки они бывали прежде его солдатской прямогѣ, а именно стараться чрезъ посредничество Хвостова подѣйствовать на статъ-секретарей Турчанинова и Державина, чрезъ нихъ на Платона Зубова и Николая Салтыкова, а чрезъ этихъ наконецъ и на самую императрицу. Но всѣ эти дѣйствія были рассчитаны на то, чтобы произвести оборотъ болѣе въ его пользу, нежели ко вреду его соперниковъ. Такова человѣческая природа: устраненіе, претерпѣвая

(17) Всѣ эти письма, изъ которыхъ здѣсь приводятся извлеченія, находившіяся въ большомъ собраніи ихъ, принадлежатъ генералъ-адъютанту князю Александру Александровичу Суворову, внуку Александра Васильевича Суворова.

несправедливость, безсиліе отомстить за себя или по крайней мѣрѣ заставить оцѣнить собственные заслуги, все это возбуждаетъ всѣ болѣе безобразныя стороны ея, и съ этимъ наступаетъ настоящее затмѣніе души и въ нравственномъ отношеніи; и такимъ образомъ несчастіе, преслѣдованіе и притѣсненіе могутъ наконецъ нравственно унизить и лучшаго человѣка, если онъ не философъ-стоякъ.

Неудовольствіе, досада, укоры лицамъ, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ власть, планы освобожденія своего, мысли объ отставкѣ, объ удаленіи отъ свѣта или о путешествіи за границу, о поступленіи въ иностранную службу, наконецъ заботы о его дочери и о выдачѣ ея замужъ занимали раздраженнаго Суворова почти непрерывно въ эти полтора года его финляндскаго заточенія, бывшаго наградой за его мощный военный подвигъ, одинъ изъ величайшихъ, когда-либо прославившихъ русское оружіе.

Нѣсколько извлеченій изъ его писемъ этого времени могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго.

Пока Потемкинъ былъ живъ, мысли Суворова въ заточеніи вращались около опасности его даже для государства и какимъ образомъ можно было бы найти противувѣсіе ему при дворѣ. Такъ отъ 8 августа 1791 г. онъ пишетъ: «Непріятно слухъ уменьшаетъ побѣду К. Н. В. Р. (Репнина), перевѣсу нѣтъ: Армія побьетъ визиря, онъ генералиссимусъ. Г. А. Г. О. Ч. (Гр. Алек. Григ. Орловъ Чесменскій), Ф. (фаворитъ), паче какъ миръ Г. А. А. (Безбородко) кончитъ, вотъ и триумвиратъ. Тогда коли связны опрокидываютъ, разгласны колеблютъ. Колосъ сей власть свою держать долженъ и еще по правилу, что не возрастаетъ, упадаетъ: перунъ его грозитъ, его рогъ изобилія привлекаетъ. Какое-жъ средство? Надеждою питать... Титанъ безъ власти или съ уменьшеніемъ ея, чинъ страшень: хотя бы К. Н. И. С. (Салтыковъ) по побѣдѣ надъ визиремъ, хотя бы тогда К. Н. В. Р. (Репнинъ) и Ф. неудержитъ балансъ въ существенномъ, развѣ въ лицемѣрномъ патриотствѣ, что еще опаснѣе, нынѣ обузданъ его самолюбіемъ и ложнославіемъ Мачинской побѣды, которою мечталъ миръ! Буде унижилъ К. П. (Кн. Потемкинъ) блистаніе дѣла, сколькожъ онъ слабъ протягать выю. По побѣдѣ надъ визиремъ, чѣмъ далѣе К. П. пойдетъ, тѣмъ опаснѣе, я помню деж. (дежурный) приказъ—арнауты принадлежать Гетманской булавы: онъ имѣетъ инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ, его поминаютъ за выносомъ съ прибавленіемъ Ею арміи, воен. газетчины даютъ ему Т-ду (Тавриду). Я легкой временщикъ и для него прахъ, развѣ быть въ такъ называемой его арміи помощникомъ К. Н. В. Р.

(Репнина). Какое-жъ было бы мнѣ полномочіе? вогнавши меня во вторую ролю, шагъ одинъ до послѣдней, я милости носилъ, но былъ въ ссылкѣ и прописаніи, не говорю о общемъ отдаленіи и странствованіи въ чужихъ краяхъ».

«Твердой дубъ падаетъ не отъ вѣтра или самъ, но отъ сѣкиры. Здѣсь колебался К. П. (Потемкинъ), тамъ К. Н. В. Р. (Репнинъ) далъ ему новыя силы, такъ что бы лучше во все не было Мачина. О предградѣ къ предосторожности упомянулъ выше».

Окидывая далѣе взорами дворъ, чтобъ видѣть, кого бы онъ могъ еще противопоставить Потемкину, онъ продолжаетъ: «Г. А. Р. В. (графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ) твердъ самъ и въ совѣтѣ, но долженъ быть усиленъ, П. В. Э. (Завадовскій) добръ въ софизмѣ и септикѣ мало догмы. К. К. Р. (Разумовскій) забрызжетъ. О другихъ противостояніяхъ К. П. (Потемкину) ищите въ прежнихъ моихъ письмахъ: хотя во всемъ спѣши по малу, но ожидать отъ времени тожъ, что давать голову въ петлю».

Въ другомъ письмѣ также отъ *августа 1791 года* онъ говоритъ: «Г.Н.И.С. (графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ), нечто временное и частное усиленъ мною и моею честью, мѣняетъ ту импульзію на *petits interets* и малодушіемъ уже поселяетъ раскаяніе прежней моей къ общему жъ благу связи, и съ какими жъ гусями (знаете эмблему) сей К. Г. А. (князь Григорій Александровичъ Потемкинъ) имѣетъ дѣло; сего больше, я могу остаться между неба и земли, я въ счисленіи на югѣ, и по обстоятельствамъ легко исключусь: въ Нордѣ служу, но чужая команда не постоянная. Вотъ мое перспективное благосостояніе!»

«Разсмѣется К. Г. А. П. (князь Григ. Алекс. Потемкинъ):

- Бѣжа гоненіевъ, я пристань разоряя,
- Оставя битой путь по воздухамъ летаю,
- Гоняясь за мечтой, я вѣрное теряю,
- Вертуниъ поможетъ ли? яжъ тотъ, что проигралъ»...

Нѣсколько недѣль спустя, въ письмѣ отъ *сентября* сказано: «Среди расходки К. П. (князя Потемкина) и К. Р. (князя Репнина), то и Г. Н. И. С. (графу Николаю Ивановичу Салтыкову) легче пр. (прочихъ?). Развѣ не можно, но и тогда дай крѣпость К. Р.—у (князю Репнину) для пониженія другаго. Сей *нареніи* тамъ съ визиремъ, поправя чрезъ другихъ нинимыя ошибки К. Р.—а (князя Репнина), не явится ли здѣсь полнымъ диктаторомъ, каковъ уже слыветъ въ чужестранныхъ кабинетахъ, временить никто лучше

не можетъ, разрушивъ (вѣроятно: «разрушивъ») все: мнѣ же обратиться или съ прочими въ срамные невольники или быть Веселовскимъ въ воздатніе (воздаяніе) послѣдняго проекта К. П. Н—а (князя Петра Николаевича Долгорукова)» (послѣдняя фраза непонятна).

Такія и подобныя имъ мысли безпрестанно толпились въ головѣ его, и онъ восклицаетъ наконецъ: «Истинно я не могу утолить пожара въ души моей».

Въ другомъ письмѣ онъ снова изображаетъ лукавство Потемкина и какъ онъ, въ сомнительныхъ рѣшеніяхъ, умѣлъ отклонять отъ себя всякую отвѣтственность: «Есть таинство: К. П. (Потемкинъ) воля ваша, такъ надобно быть.—Какъ хотите, послѣ чтобъ не каяться.—«Ну какъ хочешь», и коли поважнѣе, документъ отъ Г. Безбородки, а потомъ: «не я, сами хотѣли, не моя воля», а все *bonhomie*, и сія пребываетъ! начальное жъ естественно забыто. Такіе документы и на странныя военныя операциі есть, яко то продремавши съ полгода, на штурмъ Очаковской иначе не рѣшился».

Отъ 20-го сентября: «Чтожъ я до сего выигралъ, кромѣ временности, правда къ пользѣ доказалъ мои качества, но непріязннаго мнѣ К. П. (Потемкина) сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ, или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателлиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до одинаго, и въ обѣихъ видахъ ждать гибели.... Между тѣмъ знаю что Г. Безб. (Безбородко) мнѣ сюда предграждалъ, такъ нынѣ по наказу К. П. (Потемкина) «Див—ю (дивизію) погодить его обременять, онъ потребенъ на важнѣйшее» (то есть совершенно поставить внѣ дѣятельности и въ забвеніе).

Наконецъ смерть избавила его отъ этого опаснаго врага, но другія заботы и непріятности остались. Потемкинъ не былъ его единственнымъ противникомъ и оставилъ по себѣ длинный хвостъ, раздѣлившій добычу одного, а именно: предпочтеннаго имъ министра Безбородко, племянника своего, генерала Самойлова, въ послѣдствіи генераль-прокурора,—Попова, своего правителя канцеляріи, бывшаго правой рукой его,—Каховскаго, которому онъ завѣщалъ начальствованіе арміей,—и наконецъ всю польскую свиту, съ Браницкимъ въ главѣ. Сильнѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ нихъ былъ Безбородко, и Суворовъ боялся, что онъ наследуетъ все могущество Потемкина, но неосновательно, потому что не принималъ въ расчетъ болѣе склонный къ жизненнымъ наслажденіямъ, нежели честолюбивый, характеръ Безбородко. «Г. А. А. Б. (Безбородко), — писалъ онъ,—не столько хитръ, но больше мудръ, какъ покойный, и не такъ предателевъ, медлительнѣе Панина и слабозрачнѣе Бестужева,

хорошо коли бы онъ остался Остерманомъ-отцомъ (18)... И въ другомъ письмѣ: «Г. Без. (графу Безбородко) кого жъ увѣредить (въ) совѣтѣ (называть лицо)? — Остермана? За вѣсть дастъ армію.—Воронцова?—Съ потачки ргоров passagers, его таланты лучше... Нечаятельно чтобъ и Chamillard'омъ (военнымъ министромъ) быть захотѣлъ, а министр иностранной экспедиціи. —Г. Н. И. (Салтыковъ) по превосходству лучшій военной министр, въ которомъ главнымъ отвѣсѣ ни кто ему мѣшать не долженъ, Пявнъ, Бестужевъ, Остерманъ черту не переходили. — Онъ (Репнинъ) семейной, Безбородко нѣтъ, и по прежнему не на кого опереться.— Безбородкѣ легче желать, чтобъ Г. П. Алек. Румянцовъ привалъ на югъ обширную команду (19), то онъ и главной военной министр! Тотъ тамъ, онъ здѣсь съ отвѣсомъ надъ военной коллегіей, и со временемъ оныя малые департаменты къ нему войдутъ, онъ будетъ ими править страшнымъ терминомъ руководства, или господствіемъ наставленія, и Г. Н. И. (Салтыковъ) обратится въ экзекуторы, понеже онъ еще будетъ и министр иностранныхъ дѣлъ, вотъ сообразная власть покойному, но съ лучшимъ онаго разумомъ».

Г. Пет. Алексан. (Румянцова) таланты я превозношу, онъ меня отличаетъ, я къ сему признателенъ: но не хотѣлъ бы мое зимнее время, какъ жертвующій общему благу, видѣть вновь ползающихъ по прежней привычкѣ предъ перуномъ и рогомъ изобилія чьимъ бы то ни было, а оной знаменитой мужъ тому будетъ токмо однимъ орудіемъ. Я доказалъ, что одинъ твердъ таковъ до конца буду, но воззрите на весь сей кругъ и подлинныхъ обезьятъ, то я одинъ и недостаточенъ».

И это опасеніе было неосновательно; но тутъ князь Репнинъ пробудилъ въ немъ негодованіе и опасеніе. Храбрый генералъ, но надменнаго и яростнаго нрава, Репнинъ, какъ великій почитатель прусской тактики, позволилъ себѣ насмѣшки и презрительныя выраженія на счетъ натурализма Суворова въ веденіи войны и тѣмъ въ высшей степени раздражилъ послѣдняго, и безъ того уже соперника его на высшія военныя званія. Съ тѣхъ поръ Суворовъ не щадилъ его въ своей перепискѣ и, видя въ немъ опаснаго противника, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, особенно боязливо опасаясь

(18) Великій министр Петра I и Анны.

(19) Румянцовъ былъ его покровителемъ и другомъ, и первый открылъ ему вѣроятное его поприще.

ясь, чтобъ онъ, Репнинъ, не былъ предпочтенъ ему, Суворову, въ начальствованіи арміею, почему охотно желалъ бы назначенія Репнина скорѣе генераль-губернаторомъ или министромъ.

Такъ онъ пишетъ о немъ: «Никто какъ сей послѣдній (Репнинъ) (какъ я по страсти первымъ солдатомъ) не хочетъ быть первымъ министромъ, и ни у кого такъ на то талантъ—всѣхъ 1) сравить, 2) порицать, 3) унижить и стоптать: твердь и долготерпѣливъ, не оставитъ плана, низокъ и высокъ въ свое время; но отвратительно повелителенъ и безъ наималѣйшей пріятности».

И въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ: «Пуще мнѣ досажала нѣкоторая его (Репнина) ко мнѣ гордость и что я ни во что не мѣшаюсь... И какъ я хочу быть первой въ послѣдней деревнѣ, нежели второй въ Римѣ, то никому я не въ тягость въ С. П. Б. (С. П. Бургѣ).. Наконецъ чувствую непрестанно, что я за Измаилъ худо награжденъ, сколько ни философствую.»

Эта мысль, что за егѳ высочайшій до тѣхъ поръ подвигъ—побѣжденіе цѣлой турецкой арміи за высокими крѣпостными валами, онъ былъ награжденъ пренебреженіемъ, преслѣдованіемъ, удаленіемъ отъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, огорчала его до глубины души, и справедливо. Онъ неоднократно возвращается къ этому. Такъ отъ 21-го ноября онъ пишетъ:

«Стыдъ Измаильской изъ меня не исчезъ, сколько времени тянется одно генераль-адъютантство отъ Ирода къ Пилату, отъ Пилата къ Ироду, общать можно до замиренія, до новой войны и до новаго замиренія, притяженіе жъ цѣло;—и съ тѣмъ когда бъ Турки ушли, но сдались бы варвары на акордъ, то мало, а по штурму жизнь и репутацію, сердце льется кровію, незабвено ко удовлетворенію. Измаилъ и послѣдствію услуга; генераль, что взялъ Анапу (20), всѣми шагами той диспозиціи (Измаила) и мудръ. Безумень Мачинскій какъ жаба противъ быка въ сравненіи Римника».

«Судите какъ мнѣ разстаться съ активной моей военной первой роли, къ которой я привыкъ почти чрезъ столько лѣтъ, какъ вы на здѣшнемъ свѣтѣ; разберите, вы найдете сію истину не лестну, хотя часто съ перваго виду я только за кулисомъ, и степени не препятствуютъ. (1)774 году моемъ генераль-маіорствѣ привелъ я въ движеніе всю большую машину, отъ того Козлуджи, отъ того Кайнарджи, такъ прежде и послѣ, даже что въ прусской войнѣ я

(20) Гудовичъ.

подполковникомъ имѣлъ тужь колонну, какъ мой генераль, но въ лучшемъ успѣхѣ. Отниму ли я того человѣка, какъ я, у отечества, чтобъ обратить его (въ) спекулативное. Я правилъ на Волгѣ до 100,000, къ югу и Крыму до 80,000. Какая жь нынѣ здѣсь церемонія съ двѣнадцатью баталіонами! когда безъ чиновъ Каховскому дають лучшую армію. На то онъ никакого равенства со мною не имѣлъ, развѣ что оба мы баталіи не проигрывали. Сіе я соображаю безъ преступленія, только сказать до будущаго росписанія».

Затѣмъ старшинство по службѣ, которое ему постоянно противупоставляли въ родѣ оборонительнаго щита, ведетъ его, въ сознаниі собственнаго достоинства, къ сравненію своему съ другими покровительствуемыми и предпочтенными ему генералами, и онъ старается доказать, что, не принимая въ расчетъ и знаковъ отличія, они даже въ годахъ службы большею частію уступали ему. Такъ въ одномъ письмѣ безъ числа, но отъ ноября 1791 г., онъ пишетъ: (*) «Эльмтъ⁽²¹⁾ былъ принятъ изъ иностранной службы капитаномъ; я былъ гвардіи сержантомъ (что давало также чинъ капитана).— Князь Юрій Долгорукій⁽²²⁾ вступилъ въ одно время со мною въ

(*) Переводъ съ нѣмецкаго, потому что подлинное не отыскано.

(21) Иоганнъ Эльмтъ, род. 1725 г. въ Клеве, поступилъ сперва въ французскую службу, въ которой 24-хъ лѣтъ отъ роду былъ уже майоромъ, а потомъ въ 1749 г. капитаномъ въ русскую службу. Какъ человѣкъ способный, онъ быстро возвысился: въ 1755 г. былъ подполковникомъ, въ 1788 за отличіе на войнѣ—бригадиромъ, а въ 1762—генераль—майоромъ. Онъ былъ генераль—квартирмейстеромъ арміи. При открытіи 1-й турецкой войны въ 1769 г. онъ былъ уже генераль—поручикомъ и начальствовалъ 10,000-мъ корпусомъ; занялъ Хотинъ, Яссы, покорилъ Молдавію. Въ 1780 г. произведенъ въ генераль—анъ—шефы, а при открытіи 2-й турецкой войны въ 1787 г. начальствовалъ въ арміи Румянцова 3-ю дивизію въ 7,000 ч. Уважаемый за свои военныя способности, онъ былъ мало любимъ однако начальниками за свой острый дымокъ, вспыльчивую горячность и гордое, высокое мнѣніе о себѣ; сама императрица не очень благоволила ему. (Въ послѣдствіи императоръ Павелъ, въ день коронаванія своего, 5-го апрѣля 1797 г., произвелъ его въ фельдмаршала и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, однако 10 мѣсяцевъ спустя, въ январѣ 1798 г., за воляныя сужденія уволилъ его отъ службы, подъ предлогомъ старости. Онъ умеръ въ 1802 г.).

(22) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій родился въ 1740 г. На 9-е отъ роду былъ записанъ унтеръ—офицеромъ въ гвардію. Получивъ хорошее, поверхностное образованіе, онъ самъ себя образовалъ въ послѣдствіи учеными занятіями, размышленіемъ и чтеніемъ.—Въ 1752 г. онъ произведенъ въ прапорщики, въ 1756 г. въ капитаны, въ 1757 при Гросс-Егерндорфѣ раненъ, въ 1758 въ секундъ—майоръ; былъ въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ и Кольбергѣ; за Франкфуртское сраженіе произведенъ въ подполковники; былъ въ дѣйствиі при занятіи Берлина и Швейдница. Отвѣдъ Фридриху II рапортъ о присоединеніи къ нему корпуса Чернышева. Въ 1762—пол-

службу, но записанъ въ нее ребенкомъ въ колыбели. Я старше всѣхъ другихъ годами и службой; они были еще субалтернъ-офицерами, когда я былъ уже премьеръ-майоромъ; но они всѣ перегнали меня: *графъ Брюсъ* (23), какъ гвардіи адъютантъ; *Иванъ Петровичъ Салтыковъ* (24),

ковникъ. Въ 1767—майоръ преображенскаго полка. Въ 1769 отправился къ Орлову въ Италію и долженъ былъ привести Черногорцевъ въ подданство Россіи. Принялъ присягу горцевъ, изблчилъ Лже-Петра III, грека по имени Стефанъ-Малый, и взялъ его въ плѣвъ, но позже освободилъ его, далъ ему офицерскій патентъ и порученіе принять на себя, по его отъѣздѣ, управление Черногоріей, однако послѣдній вскорѣ потомъ былъ умерщвленъ убійцей, котораго подослалъ Скутарійскій паша. Долгорукій возвратился назадъ къ Орлову въ Италію и совершилъ съ нимъ славную морскую кампанію 1770 года, въ которой особенно отличился при Чесмѣ, привезъ извѣстіе о побѣдѣ при ней императрицѣ и получалъ за то орденъ Св. Георгія 3 ст., а вскорѣ затѣмъ и орденъ Св. Александра Невскаго. Снова отправился съ Орловымъ на флотъ, сжегъ нѣсколько турецкихъ судовъ у Митлена и наконецъ, по собственному желанію, былъ переведенъ въ армію Румянцова, гдѣ совершилъ походъ 1773 г. въ корпусъ Потемкина (всегда принимавшаго «совѣтъ его какъ приказаніе»), не найдя однако случая особенно отличиться; напротивъ военныя дѣйствія, предпринятая имъ и Унгерномъ противъ Варны, имѣли неудачу. По заключеніи мира, произведенъ въ генералъ-анъ-ше-фы. Во время путешествія императрицы въ 1787 г. представилъ ей, въ маневрахъ войскъ, примѣрное сраженіе, и былъ произведенъ въ подполковники лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Походы 2-й турецкой войны онъ совершилъ въ арміи Потемкина, взялъ Аккерманъ и рѣшилъ сдачу Бендеръ, за что получалъ (1789) орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ въ Финляндію подъ начальство Ивана Салтыкова, почему вышелъ въ отставку. (Позже, по смерти Кречетникова въ 1798 г., онъ получилъ начальство надъ войсками въ Волинніи; но за свою строгую законность навлекъ на себя неудовольствіе любимица Зубова и ябеды со стороны чиновниковъ его канцеляріи, что принудило его вторично выйти въ отставку. Императоръ Павелъ назначилъ его Московскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ отозвалъ къ себѣ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ послѣ того уволилъ отъ службы. Долгорукій былъ человекъ благороднаго, честнаго, но вспыльчиваго характера; онъ умеръ въ 1830 г. 90 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ въ рукописи «достопримѣчательности» (записки) своей дѣятельной жизни).

(23) Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ служилъ въ 7-ми лѣтней войнѣ и въ турецкой подъ начальствомъ Румянцова, и въ сраженіи при Кагулѣ начальствовалъ однимъ изъ кареевъ. Послѣ того былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ и Москвѣ и генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ и Тверскимъ. Умеръ 30 ноября 1791 г.—Онъ имѣлъ крутой, горячій нравъ, былъ властолюбивъ и упрямъ, и пользовался большимъ уваженіемъ при дворѣ, такъ какъ супруга его была сестрой фельд-маршала Румянцова и пріятельницей императрицы.

(24) Иванъ Петровичъ Салтыковъ родился въ 1730 г., былъ сынъ фельдмаршала, имени котораго приписана побѣда при Куннерсдорфѣ. Служилъ съ 1745 г. въ гвардіи, потомъ при дворѣ камеръ-юнкеромъ; въ 1760 былъ бригадиромъ, въ 1764 генералъ-майоромъ, въ 1766 генералъ-поручикомъ. Участвовалъ въ походахъ

въ званіи камереръ-юнкера и какъ вѣстникъ побѣды при Франкфуртѣ (Куннерсдорфѣ); — *Николай Ивановичъ Салтыковъ* (25) въ зва-

1-й турецкой войны; при Ларгѣ (1770) начальствовалъ легкою кавалеріей, при Кагултъ тяжелою; въ первомъ сраженіи заслужилъ порицаніе, а во второмъ похвалу Румянцова. Въ 1773 г. произведенъ въ генералъ-анъ-шефы, хотя мало слышно было о его подвигахъ. Въ 1780 г. онъ начальствовалъ арміей, собранной противъ Турокъ; въ 1784 г. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Владимирскимъ и Костромскимъ. Въ 1788 г. снова начальствовалъ корпусомъ войскъ противъ Турокъ и въ соединеніи съ принцемъ Кобургскимъ взялъ крѣпость Хотинъ. Въ 1790 г. получалъ главное начальство надъ войсками противъ Шведовъ, но, кромѣ небольшихъ дѣлъ, ничего болѣе важнаго тутъ не произошло. При заключеніи мира былъ пожалованъ въ подполковники лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами. (По случаю ссоры съ Румянковимъ, въ послѣдствіи вышелъ въ отставку въ 1795 г.; но императоромъ Павломъ снова оvrедѣленъ въ службу, въ 1796 г., генераломъ отъ кавалеріи, вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршала и назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи; наконецъ въ 1797 г. Московскимъ генералъ-губернаторомъ, съ пожалованіемъ ему 6,000 душъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ 1804 г. онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ ноябрѣ 1805 г.—Онъ являлъ въ себѣ живой образъ и черты стариннаго русскаго боярина: роскошь, гостепріимство, постоянно открытый столъ на 60 человекъ, сотни слугъ и частые, блистательные праздники; при этомъ былъ не гордъ и ласковаго, добродушнаго нрава, но въ военномъ отношеніи не имѣлъ никакого значенія).

(25) Николай Ивановичъ Салтыковъ родился въ 1736 г., поступилъ въ 1747 рядовымъ въ лейбъ-гвардію Семеновскій полкъ и сопутствовалъ отку своему, бывшему генералъ-анъ-шефомъ, въ походѣ на Рейнъ передъ Аахенскимъ миромъ. Служилъ въ 7-ми лѣтней войнѣ, привезъ ваятыя при Куннерсдорфѣ знамена и былъ произведенъ въ подполковники; въ 1761 г. былъ при взятіи Колберга и императоромъ Петромъ III произведенъ въ генералъ-майоры. Начальствовалъ въ Польшѣ частію русскихъ войскъ отъ 1763 до 1768 г.; былъ при взятіи Хотина въ 1769 г., однако, по слабости здоровья, въ слѣдующемъ году долженъ былъ уѣхать изъ арміи. Послѣ трехлѣтняго путешествія за границей, онъ былъ произведенъ въ генералъ-анъ-шефы и назначенъ вице-президентомъ военной коллегіи; въ тоже время заступилъ мѣсто графа Панина при наследникѣ. Онъ сопутствовалъ великому князю въ Берлинъ, по случаю бракосочетанія его съ принцессой Виртембергской (въ послѣдствіи императрицей Маріей Ѳеодоровной, глубоко чтимой въ Россіи за ея благотворительную дѣятельность и какъ родительница двухъ императоровъ), равно и позже въ его большомъ путешествіи по Европѣ. Въ 1783 г. ему былъ порученъ главный надзоръ надъ воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, а въ 1788 г. и главное управление военнымъ департаментомъ; въ 1790 г., при заключеніи мира съ Шведами, пожалованъ графомъ, а въ 1792 г. получилъ 5,000 душъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Императоръ Павелъ, на второй день по восшествіи своемъ на престолъ, 8 ноября 1796 г., произвелъ его въ генералъ-фельдмаршала и назначилъ президентомъ военной коллегіи.—И императоръ Александръ также

ніи оберъ-квартирмейстера и какъ привезшіи Франкфуртскія знамена; *Репнинъ* (26), въ званіи гвардіи адъютанта; *Камен-*

почтилъ старца: въ 1812 г. назначилъ его председателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, и въ 1814 г. возвелъ съ потомствомъ въ княжеское достоинство. Онъ умеръ въ 1816 г. на 80-мъ году своей благотворительной жизни. Онъ былъ мягкаго, кроткаго, хотя нѣсколько утомительнаго мелочностью, характера, дѣлалъ столько добра, сколько могъ, и пособилъ въ возвышеніи многимъ въ послѣдствіи значительнымъ людямъ.

(26) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, сынъ фельдцеймейстера Василія Анникитича и внучка фельдмаршала Анникиты Ивановича, родился въ 1734 г., и въ 1745 г. записанъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Два года спустя (1747) онъ сопутствовалъ на Рейнъ отцу своему, который велъ туда корпусъ русскихъ войскъ въ помощь Австріянамъ, но умеръ въ слѣдствіе нервическаго удара 21-го іюля 1748 г. Въ слѣдующемъ году Н. В. былъ произведенъ въ прапорщики. Онъ усердно посвящалъ себя тогда учебнымъ занятіямъ для дальнѣйшаго образованія своего. Въ 1753 г. онъ былъ полковымъ адъютантомъ; отличился въ 7-ми лѣтнюю войну храбростью и въ 1758 г. былъ произведенъ въ гвардіи капитаны. Въ 1759 г. былъ посланъ во французскую армію и находился въ сраженіи при Минденѣ. Возвратясь оттуда, поступилъ въ 1760 г. полковникомъ въ полевой (армейскій) полкъ и былъ въ составѣ корпуса Чернышева. Въ 1762 г., 28 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ генерал-майоры.—Императрица Екатерина послала его въ томъ же году полномочнымъ посланникомъ къ королю прусскому, гдѣ онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ прусскимъ военнымъ устройствомъ, какъ прежде съ австрійскимъ и французскимъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ полномочнымъ посланникомъ въ Польшу, въ качествѣ помощника Кайзерлинга, съ порученіемъ заставить избрать въ короли Станислава Понятовскаго. Тутъ онъ болѣе шести лѣтъ властвовалъ почти неограниченно именемъ своей государыни, былъ настоящимъ королемъ польскимъ, но своими насильственными воступками подалъ поводъ къ Барской конфедерации. Отозванный изъ Польши и произведенный въ генералъ-поручики (1768), онъ участвовалъ въ походахъ противъ Турокъ подъ начальствомъ князя Голицына и Румянцова, начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи, а при Ларгѣ и Кагулѣ однимъ изъ кареевъ, преимущественно способствовавшимъ побѣдѣ; покорилъ Измаилъ и Кицію, и получалъ Георгіевскій крестъ 2-й степени. Въ 1771 г. начальствовалъ войсками въ Валахіи, но, не смотря на свою посѣбность, не могъ спасти Журжи, за что навлекъ на себя неудовольствіе Румянцова. Въ слѣдствіе того онъ уѣхалъ изъ арміи, отправился путешествовать и только въ послѣднемъ году снова явился на театръ войны и вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными подписалъ Кайнарджійскій миръ 10-го іюля 1774 г.—Императрица пожаловала его вслѣдзатѣмъ генералъ-анъ-шефомъ и подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка, а въ 1775 г. послала его въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь, куда онъ имѣлъ въѣздъ съ многочисленною свитой и большою пышностью, и вполнѣ поддерживалъ достоинство своей государыни въ своихъ сношеніяхъ съ турецкими высшими савонниками. Вернувшись въ слѣдующемъ году, онъ былъ назначенъ въ 1777 г. генералъ-губернаторомъ Смоленскимъ и Орловскимъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ посланъ съ 30.000 чел. войскъ въ помощь королю прусскому и прибылъ 9-го декабря въ Бреслау. Онъ игралъ важную роль на Тешенскомъ конгрессѣ, гдѣ былъ посредникомъ

скій (27), въ званіи квартирмейстера и въ артиллеріи;—*Мусинь-Пуш-*

въ заключеніи мира между Пруссією и Австрією. Онъ получилъ за это отъ императрицы Андреевскій орденъ и 3,000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, отъ Фридриха II орденъ Чернаго Орла и портретъ его, украшенный брилліантами, и другіе цѣнные подарки отъ императора Юсифа и курфюрста Саксонскаго. Къ его Смоленскому генералъ-губернаторству была присоединена еще Псковская губернія и ему пожалованъ Андреевскій орденъ съ алмазами. Въ 1784 г. онъ снова путешествовалъ за границей. При вновь открывшейся турецкой войнѣ, онъ оказалъ большое участіе во взятіи Очакова въ 1788, начальствовалъ въ слѣдующемъ году, до прибытія Потемкина, украинскою армією и разбилъ на р. Саячѣ сераскира Гассана Пашу, котораго преслѣдовалъ до Измаила, гдѣ послѣдній и заперся. Потемкинъ отозвалъ его, въ боязни, чтобъ онъ какою-нибудь отличнымъ подвигомъ не добылъ себѣ фельдмаршальскаго званія. Въ 1790 г. онъ продолжалъ начальствовать войсками въ Молдавіи подъ главнымъ начальствомъ Потемкина, который задерживалъ каждый смѣлый шагъ его, но въ 1791 г., въ отсутствіе Потемкина, одержалъ блистательную побѣду при Мачинѣ и подписалъ въ гдѣзѣ 31-го іюля въ Гамацѣ предварительныя статьи мира, съ границей по Днѣстру. На слѣдующій день прибылъ разгнѣванный Потемкинъ и осмыпалъ его упреками. Но императрица пожаловала ему орденъ Св. Георгія первой степени и назначила его намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ. (Въ 1794 г. ему было ввѣрено начальство надъ войсками въ Литвѣ, гдѣ онъ возстановилъ своекоштіе, и къ его званію генералъ-губернатора Лифляндскаго и Эстляндскаго присоединено еще управленіе Литовскими губерніями. Императоръ Павелъ, на другой день послѣ своего восшествія на престолъ, 8-го ноября 1796 г. произвелъ его въ генералъ-фельдмаршала, пожаловалъ ему 6.000 душъ крестьянъ и отправилъ его въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Берлинъ и Вѣну. Репнинъ не могъ однако склонить короля прусскаго къ войнѣ противъ французской республики. Онъ вылазъ за это въ немилость и былъ уволенъ отъ службы. Онъ удалился въ Москву и умеръ тамъ отъ нервного удара въ маѣ 1801 г., 67 лѣтъ отъ роду. Съ нимъ пресѣлся знаменитый родъ его въ мужескомъ поколѣніи. Но сынъ дочери его, бывшей въ замужествѣ за генераломъ княземъ Волконскимъ, получилъ позволеніе носить его родовое имя и заслужилъ славу и признательность своимъ управленіемъ Саксоніи въ 1814 году.)

Репнинъ былъ небольшого роста, но гордой, повелительной осанки; умъ сверкалъ въ его пламенныхъ глазахъ. Онъ зналъ большую часть европейскихъ языковъ, преимущественно нѣмецкій, французскій, итальянскій, польскій, и вообще отличался познаніями и большою начтатностью. Горячій, вспыльчивый, гордый, онъ былъ съ другой стороны миролюбивъ, незапамятенъ и всегда готовъ загладить опрометчивость. Какъ военный человекъ, онъ былъ уменъ, образованъ, храбръ, но въ послѣднее время не довольно предприимчивъ и слишкомъ преданъ прусской тактикѣ. Тѣмъ самымъ Суворовъ и доказалъ свой проникательный военный взглядъ и свой превосходный умъ, что вполне разгадалъ и презрѣлъ мертвый, чрезъ шкуру искусственный механизмъ, который называли прусской тактикой и передъ которымъ лежали ницъ, поверженные въ прахъ, тогдашніе военные люди, въ томъ числѣ и Репнинъ.

(27) Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, родившійся въ 1738 г. и воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, началъ свою службу въ немъ на 14 году (1754)

князь (28), *Юрій Доморукій*— — всё они были субалтернь-офицерами, когда я былъ уже штабъ-офицеромъ».

капраломъ; въ 1756 г. произведенъ въ сержанты и переведенъ поручикомъ въ полковую полкъ, а изъ него въ артиллерію. Въ 1758 г. былъ уже капитаномъ, 1768 и 1769 годы онъ провёлъ волонтеромъ во французской арміи; затѣмъ участвовалъ въ походахъ русской арміи 1760—61 годовъ. Въ 1762 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и генераль-квартирмейстеръ-лейтенанты, а въ 1767 г., не имѣя еще и 30-ти лѣтъ, въ бригадиры.

Будучи горячаго, суроваго и крутаго нрава, но имѣя пронзительный умъ и самъ лично весьма храбрый, онъ приобрѣлъ въ свое время значительную извѣстность. Фридрихъ II выразился о немъ: «c'est un jeune Canadien, mais assez polisé». — Онъ нашёлъ доступъ къ великому князю Павлу Петровичу, охотно бесѣдовавшему съ нимъ о военныхъ предметахъ. Въ 1769 г., въ началѣ 4-й турецкой войны, будучи генераль-маіоромъ, онъ начальствовалъ авангардомъ князя Голицына и участвовалъ въ дѣлахъ этого похода. После того онъ былъ въ арміи генерала Петра Панина и отличился при штурмѣ Бендеръ (1770), получая орденъ св. Георгія Побѣдоносца 3-й степени и въ 1773 г. произведенъ въ генераль-поручики. Самымъ блестящимъ для него годомъ былъ 1774, въ которомъ онъ, кромѣ другихъ небольшихъ дѣлъ, одержалъ блестящую побѣду при Козлуджи (одержалъ ее собственно Суворовъ, но приписали ее тогда старшему генералу) и затѣмъ отрезалъ великому визирю въ Шумлѣ сообщенія, чѣмъ визирь принужденъ былъ заключить миръ. — Въ 1783 г. Каменскій былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ; въ 1784 г. пожалованъ въ генераль-адъютанты. Въ 1788 г. снова участвовалъ во 2-й турецкой войнѣ и въ декабрѣ 1789 г. одержалъ побѣду при Гангурѣ, но помрачилъ ее жестокими опустошеніемъ страны. По смерти Потемкина въ октябрѣ 1791 г., онъ, какъ старшій генераль, объявилъ свои притязанія на главное начальствованіе арміей, вопреки распоряженію покойнаго, чтобы послѣ него арміей начальствовалъ генералъ Каховскій. Изъ-за этого произошла ссора обоихъ генераловъ, которую императрица рѣшила въ пользу Каховскаго, съ большимъ неудовольствіемъ противъ притязаній Каменскаго, который и получилъ отставку. (Императоръ Павелъ I, по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ Каменскаго, 24 ноября 1796 г., начальникомъ финляндской дивизіи, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, а въ день своего коронаванія, 5 апрѣля 1797, чинъ генераль-фельдмаршала и званіе графа; но вскорѣ послѣ того, 24 декабря 1797 г., уволивъ его отъ службы. — Его прежніе подвиги въ турецкой войнѣ, его строгость въ мелочныхъ строевыхъ упражненіяхъ, наконецъ изреченіе Суворова о немъ, снискали ему громкое имя, такъ что въ послѣдствіи, когда понадобилось противопоставить Наполеону способнаго генерала, на него обратили вниманіе и возлагали большія надежды. Однако онъ мало оправдалъ ихъ, а напротивъ, своими безразсудными распоряженіями въ позднее время 1806 г., поставилъ армію на край гибели. Тутъ вполнѣ обнаружилось, въ отношеніи и къ нему, и къ другимъ хваленымъ тактикамъ этого похода, какъ мало существеннаго скрывалось за этой громкой славой, приобретенной строевыми тонкостями и ученіями! Онъ удалялся въ свои помѣстья, гдѣ наконецъ, за свою жестокость, въ 1809 году былъ умерщвленъ собственными крѣпостными людьми. Онъ былъ низенькаго роста, сухаго, но крѣпкаго тѣлосложенія, запальчивый, горячій, честолюбивый и при этомъ въ родѣ чудака. Изъ двухъ сыновей его, младшій, Николай Михайловичъ, блестяще отличился еще при Суворовѣ въ Польшѣ и Швейцаріи, потомъ противъ Наполеона въ Пруссіи въ 1807 г. и наконецъ въ званіи главнокомандующаго въ 1809 г. въ Финляндіи противъ Шведовъ и въ 1810 г. противъ Турокъ, но умеръ въ двадцѣ лѣтъ въ 1811 г., разрушивъ тѣмъ всё возложенныя на него великія надежды.

(28) Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ родился въ 1735 г., въ 1747 г. на 13-мъ году былъ записанъ въ гвардію; участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; въ 1762 г. былъ секундъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, камергеръ-юнкеромъ, а 7 лѣтъ спустя (1769) действительнымъ камергеромъ. Участвовалъ въ Крымскомъ

«Я полевой солдатъ!—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—нѣтъ военнаго или сопряженно-политическаго театра, въ Херсонѣ я полезна, и имѣю на то права больше всѣхъ».

«Въ прежней (турецкой) войнѣ Г.И.Пе.Сол. Г. Ан—мъ (графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ генераль-аншефомъ) командовалъ первую дивизію, я командовалъ второю и резервнымъ корпусомъ, Ген.-М—мъ (генераль-маіоромъ). Подвигъ части Арміи бился при Козлуджи (товарищъ мой бѣжалъ), съ многочисленнѣйшимъ войскомъ, присяжномъ на сенжакъ (санджакъ) шерифъ, нежели при Мачинѣ, взято 100 знаменъ противъ тамошнихъ 15-ти: тутъ дѣйствовали Рымникскія и Измаильскія войска, но кавалерія была сбита за то, что стояла на воздухѣ. Такъ онѣжь въ Польшѣ, гдѣ бы одна изъ вѣтрѣнныхъ Арміевъ могла положить ружье. Не собственность моя говорить, польза службы! я давно себя забылъ».

«Софизмъ списочнаго старшинства: быть мнѣ подъ его игомъ, быть кошкою каштанною обезьяною, или совою въ клеткѣ: не лучше ли полное ничтожество?»

Не сводя глазъ съ Репнина, онъ затѣмъ опять пишетъ въ другомъ письмѣ (безъ числа): «Ничто такъ не служитъ къ пониженію моему—какъ К. Н. В. (Репнина) оваженное списочное старшинство, склонное больше къ корпоральскому расчету... Прочіе всѣ мы не скороли будемъ старшинство наше и достоинство разбирать у престола Божія...»

Изъ этихъ различныхъ сужденій видно, какъ глубоко онъ былъ оскорбленъ предпочтеніемъ ему людей, которые никакъ не могли сравниться съ нимъ въ дѣйствительныхъ военныхъ заслугахъ и выше которыхъ онъ стоялъ и самою продолжительностью своей службы,

походъ 1774 г.; въ 1775 году былъ уже генераль-поручикомъ, а въ 1782 генераль-аль-шефомъ и вице-президентомъ военной коллегіи; въ 1786 г. получилъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго, а въ 1787 назначенъ членомъ верховнаго совѣта. Въ 1788 и 1789 г.г. начальствовалъ войсками въ Финляндіи противъ Шведовъ, но ограничился лишь обороною границы, однако получилъ за это алмазные знаки ордена св. ап. Андрея Первозваннаго, равно и орденъ св. Владиміра 4-й степени, хотя императрица не совсѣмъ была довольна его веденіемъ войны. (Императоръ Павелъ I произвелъ его въ 1797 г. въ генераль-фельдмаршала и пожаловалъ ему 4,000 душъ крестьянъ. Онъ умеръ въ 1804 г., въ Москвѣ, 69-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ человекъ кроткій, пріятный, любезный, весьма честныхъ нравствъ, но безъ особенныхъ дарованій, болѣе придворный, нежели военный; какъ главнокомандующій же—совершенно ничтожный человекъ).

но которые по особой милости возвысились надъ нимъ. Должно быть, что его жалобы были перетолкованы въ дурную сторону, потому что онъ говорить въ другомъ письмѣ:

«Зависть: да! 50 лѣтъ въ службѣ, 30 лѣтъ въ безпрестанномъ употребленіи, нынѣ ракъ на мели. Чтожъ? Развѣ абшидъ коли питать клеветовъ.—Старшинство: ему это незнакомо, до сей поры служить безъ разчету. Одного того нѣтъ достоинства, знаками сего старѣе другихъ—одолѣтъ тѣмъ же покоемъ, баталія мнѣ покойнѣе, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей».

«Надежить изподволь разогнуться, круто подняться вверхъ. Уже угнѣтенъ, преддежить по степенямъ страхъ конечнаго разтопанія. Изготовся, атакуй честно, разумно и смѣло! Царь жалуетъ, псарь не жалуетъ;

• Стремись душа моя въ восторгъ къ небесамъ,

• Или препобждай отъ козней стыдъ и срамъ».

Дочь его Наталія, выпущенная около этого времени изъ императорскаго воспитательнаго заведенія въ Смольномъ монастырѣ и имѣвшая 16 лѣтъ отъ роду, была предметомъ большой заботливости съ его стороны. Она жила сначала у одной изъ сестеръ Суворова, Маріи Васильевны, бывшей въ замужествѣ за Олешевымъ, а потомъ у своей двоюродной сестры Агриппины, въ замужествѣ Хвостовой, дочери другой сестры Суворова, Анны Васильевны, бывшей въ замужествѣ за княземъ Горчаковымъ въ Москвѣ. Надзоръ надъ дочерью имѣлъ сперва подполковникъ Корицкій, а потомъ онъ былъ порученъ подполковнику Хвостову, какъ мужу ея двоюродной сестры и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣренному лицу ея отца.

Императрица въ мартѣ 1791 г. пожаловала его дочь во фрейлины. Это назначеніе, долженствовавшее быть знакомъ ея благоволенія къ старому воину, послужило лишь къ тому, чтобъ умножить его заботы и безпокойства. Онъ страшился за цѣломудріе своей дочери отъ жизни при дворѣ и составлялъ разные планы, какъ бы ее удалить оттуда. Многія изъ его писемъ къ Хвостову посвящены этому предмету. Такъ въ одномъ письмѣ безъ числа онъ говорить: «Если вы рѣшили Наташу—во дворецъ:—цѣломудріе, благочестіе, безпрудность, и въ искры проникать».

«По малой мѣрѣ достанется быть у театра въ Ге(Э)рмитажѣ, бѣдная Наташа, не обольстись утѣхами! вы изъ любомудрія и морали просвѣтите благовременно въ тлѣнной заразѣ сихъ суетъ, гдѣблющихъ нравы и благосостояніе. Толкуйте иногда въ молитвахъ,

въ псалтири, мораль.—Когда пристойно и расположены, онишите живо нещастіе безнравія сколько знаете и навѣдаетесь, но деликатно и не вдругъ».

Наконецъ, лучше всего ему казалось выдать ее какъ можно скорѣе замужъ. Въ женихахъ недостатка не было. Хотя дочь его не была красавицей и не отличалась особеннымъ умомъ, однако, не смотря на это, знатнѣйшія фамиліи искали сродниться съ знаменитымъ отцомъ, не только имѣвшимъ независимое состояніе, но и обѣщавшимъ еще значительно умножить его своими великими служебными заслугами. Такъ въ перепискѣ этого года видимъ переговоры о бракосочетаніи дочери Суворова, Наталіи, съ однимъ изъ сыновей Николая Ивановича Салтыкова, а когда они не состоялись, то снова съ однимъ молодымъ княземъ Долгорукимъ.

«Наташу пора съ рукъ, выдать замужъ! не глотать звѣзды; довольно ея К. Серг. Ник. Долгорукова, не богатъ—не мотъ, молодежь—чиновенъ, благоденственъ, чтожь еще скажите? Мнѣ онъ кажется лучше прочихъ, сродники не мѣшаютъ, бѣдности пособлю службою поелику здравствую, благопріобрѣтенное ужъ ей отсулено и укрѣпляю приданнымъ! Самъ я безъ того сытъ».

Но Хвостовы съумѣли воспрепятствовать этому дѣлу, представивъ молодого человѣка неимѣющимъ состоянія, въ долгахъ, а когда это не помогло, то плохимъ христіаниномъ. «Я почитаю ваше возвышеніе, — писалъ Хвостовъ—столько блистательно и законно, что всегда желалъ, имѣя подвиговъ быть при графинѣ, и ей учредить по крайней мѣрѣ равное вашей степени состояніе; такихъ жениховъ, какъ сей, дюжины.. Лѣта графини дѣтскія. Я похваляюся, благоденствіе всегда внѣ опасности, я въ отвѣтъ».— И въ позднѣйшемъ письмѣ: «Графиня вамъ не можетъ быть бремя и препною. Большое бремя, сохрани Боже, ея нещастіе. Я доказалъ вамъ, что онъ низокъ женихъ; сверхъ того не мое правило чернить никого—извольте узнать его поведеніе, благоденствіе. Вѣра къ Богу, первѣйшее всего. Знаетъ ли онъ ее?» (Къ этому приписка Суворова: «Что жъ за чертъ или чертенокъ?»)

Это внушеніе подѣйствовало—и съ тѣхъ поръ уже не было болѣе рѣчи объ этомъ молодомъ человѣкѣ, какъ о женихѣ. Являлись и другіе, но, какъ увидимъ, Хвостовы своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовали и имъ, пока не устроили наконецъ брачнаго союза по своему желанію.

Въ заключеніе мы хотимъ привести здѣсь еще нѣсколько писемъ

старого и суроваго военнаго героя къ своей дочери, доказывающихъ всю нѣжность чувствъ и искренность любви его.

«Душа моя Наташа! Божіе благословеніе съ тобою. Будь благочестива, благоправна и убѣгай праздности. Благодарю тебя за письмо съ дядюшкою; тетушкѣ кланяйся. Какъ будто бы мое сердце у тебя покинуло! (*) Ай-да здѣсь у насъ великое катанье на водѣ, въ лѣсу, на каменныхъ горахъ, и много очень хорошихъ вещей, рыбы, дикихъ птицъ, цвѣтовъ, маленькихъ цыплятъ. Какъ намъ кодуунъ подполковникъ Бееръ пріѣхалъ въ гости, то и время теперь хорошее: поютъ ласточки, соловьи и много птицъ. Мы вчера кушали на острову; завтра хотимъ плавать въ Нѣмецкую обѣдню; а тамъ пойдемъ далеко; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать. Кланяйся Софьѣ Ивановнѣ и Маргаритѣ Яковлевнѣ. Какъ пойдешь куда гулять и придешь навадъ домой и будешь скакать дома, то помни меня, какъ я тебя помню».

И опять *отъ 11 іюня 1791 г.*: «Ай-да душа моя Наташа, поѣзжай на корабликѣ, то-то тамъ весело кататься и вездѣ тамъ кошечки, какихъ же у насъ ловятъ прекрасныхъ лососей живыхъ, а въ пятницу пишу, а ты въ пятницу хотѣла поѣхать къ графинѣ Натальѣ Володимировнѣ, вотъ приходитъ въ одинъ день, и въ самый тотъ часъ какъ ты гдѣ нибудь кушаешь, и мнѣ пора кушать, много писалъ, глаза будто въ стеклышкахъ, что на носъ надвѣваютъ. Божье благословеніе съ тобою! Поцѣлуй за меня тетушку».

И *отъ 7 сентября*: «Сего числа въ темнѣйшую полночь выступилъ я къ Рымнику, отъ чего и ты Наташа Рымникская, я весьма благодарствую, что ты твоему бѣдному офицеру отдала для гостинца, ежели послѣ такъ будешь думать и дѣлать, то Богъ тебѣ станетъ давать два гостинца».

И *въ концѣ 1791 г.*: «Наташа! ахъ Боже мой, какъ я скучалъ что тебя долго не вижу. Ахъ Боже мой, какъ я радъ буду, что тебя увижу и ты стала больше велика. Молись Богу, то тебя и увижу».

Письма дочери представляютъ менѣе занимательности, потому что не заключаютъ въ себѣ ни мыслей, ни содержанія, и почти всѣ одинаковой формы. Вотъ два для примѣра. Суворовъ купилъ для нея новое имѣніе Ундаль. Въ благодарность за то, дочь писала къ нему: «Милостивый государь батюшка! имѣю честь васъ благодарить, за всѣ ваши ко мнѣ милости. Я слава Богу здорова. Цѣлую ваши

(*) Прекрасное выраженіе! (Редак.). «Такъ говорить нѣжившая любовь, такъ говоритъ Суворовъ». (С. Н. Глинка, Жизнь Суворова и пр.).

ручки и остаюсь навсегда ваша послушнейшая дочь Г. Н. Суворова-Рымникская». — Приписка Суворова: «Имѣю честь васъ благодарить, сестрица Наташа, за вашу благодарность. Цѣлти в рости въ благочестіи, постоянствѣ и благовравіи».

Въ первой половинѣ видна иронія. Впрочемъ въ такомъ родѣ и очень наивны всѣ письма дочери. Вотъ еще одно: «Милостивый государь батюшка! Пріѣжайте поскорѣе (Суворовъ: «не правда»), я очень скучаю безъ васъ (Суворовъ: «и мнѣ тожѣ»). Батюшка Петра Григорьевича послалъ варенья, я съ вами передалась (Суворовъ: «мнѣ не чѣмъ, спасибо, Богъ съ тобой!»). Остаюсь навсегда ваша послушнейшая дочь Г. Н. Суворова-Рымникская». (*)

Вотъ неизмѣнная форма ея многочисленныхъ писемъ или скорѣе приписокъ къ письмамъ Хвостова, этого времени; онѣ состоятъ большею частію изъ трехъ фразъ: «Милостивый государь батюшка!» «слава Богу здорова» и «цѣлую ваши ручки»; затѣмъ опять: «Милостивый государь батюшка, ваша покорнейшая дочь» и наконецъ полный титулъ: «Графиня Наталья Суворова Рымникская». Изъ этой формы она не выходитъ.

Въ заключеніе приводимъ еще нѣсколько набросанныхъ имъ записокъ; какъ указаніе на занимавшія его въ это время мысли и чувства: «Что вы это затѣяли? пишеть онъ на одномъ листкѣ, (***) прошлаго года я считалъ князя Григорія Александровича Потемкина у себя по пятамъ... На что мое достоинство поручать зависимости? Искусство не можетъ терпѣть порабощенія... Ужели изъ угодности и бабужину старшинству? Но я имѣю законное старшинство лѣтамъ, вступленіемъ въ службу и самую службу. Дилеттику (***) уступаю вашимъ деньщикамъ... Имъ бы надобно успокоиться, видя меня поравненнаго съ ихъ побочными талантами, а не кричать въ чертогахъ!» — Подъ «побочными талантами» этихъ господъ онъ

(*) Приписка сестры Суворова: «батюшка братецъ графъ Александръ Васильевичъ; мы всѣ здоровы, прешу Бога, чтобы Богъ сохранилъ твоѣ здоровье, оставишь подарная и благодарная сестра твоя Марья Олешева... Съ боку: «цѣлую твои ручки». (Суворовъ: «и я твой секретно»).

(**) Въ Жизни Суворова и пр. С. Н. Глинки приведенная здѣсь записка принадлежитъ къ письму, писанному въ 1792 году, по поводу тогдашнихъ происшествій во Франціи, и названному Суворовымъ грезомъ или сновидѣніемъ.

(***) Дилетткою (словопрение или искусство пренія) онъ называлъ здѣсь страсть спорить о старшинствѣ.

ѣдко подразумѣвалъ военное искусство, тогда какъ главнымъ искусствомъ ихъ была гибкая придворная служба.

Еще читаемъ на лоскутѣхъ бумаги, въ видѣ набросанныхъ мыслей: «Кто возвышается, угрожаетъ стоящимъ на верху униженіемъ; поэтому они стараются удержать его внизу, унижить его дарованія. Если имъ удастся, то они не допускаютъ на верхъ взбирающагося туда и смѣются надъ его заслугами. Приверженецъ партіи только тогда сходится съ истиннымъ патриотомъ, когда того требуетъ его личная выгода, иначе оба всегда далеко расходятся, какъ двѣ параллельныя линіи (*).»

Но что дѣлаетъ честь сердцу Суворова, такъ это слѣдующая черта. Мы видѣли выше, какъ строго онъ судилъ о Репнинѣ, въ возмездіе за надменные сужденія послѣдняго о немъ. Подъ конецъ года онъ узналъ о его болѣзни, преувеличенной молвою. Онъ тотчасъ раскаялся въ рѣзкихъ словахъ своихъ и, смягчивъ тонъ, написалъ Хвостову: «К. Н. В. Р. (Репнинъ) слышу болѣзь и жалѣю, что о немъ выше строго судилъ, персонально я ему усерденъ, но для общаго блага быть такъ это истинно. Не ему ли губерніи покойнаго? по сему званію имъ были (бы) довольны и онъ ихъ поправить можетъ. Способенъ ли будетъ тамъ для отвѣсу факціевъ (партій?).»—Изъ этого видно, что онъ желалъ удаленія Репнина отъ начальствованія арміею (въ чемъ тотъ заграждалъ ему дорогу) и охотно видѣлъ бы его занятымъ въ иномъ мѣстѣ и инымъ дѣломъ.

Наконецъ мы хотимъ сообщить еще одно замѣчательное письмо, дѣлающее равную честь какъ писавшему, такъ и получившему его: писавшему—за ту благородную откровенность, съ которою онъ говорить неприятныя истины, а получившему—за то, что ему можно было говорить такія истины, не раздражая его чувствительнымъ образомъ. Получившій письмо былъ Суворовъ, писавшій его—подполковникъ баронъ Сакенъ, въ послѣдствіи графъ и князь, знаменитый какъ способный полководецъ и фельдмаршалъ (29).

(*) Переводъ съ нѣмецкаго, потому что подлинника не отыскано.

(29) Баронъ (потомъ графъ и князь) Фабіанъ Виллимовичъ фонъ-дербъ Остенъ-Сакенъ происходилъ отъ курляндской баронской фамиліи и родился въ Ревелѣ 20-го октября 1752 г. Отецъ его былъ капитаномъ и адъютантомъ Миниха, по паденіи котораго переведенъ въ ревельскій гарнизонъ, гдѣ въ томъ же чинѣ оставался до смерти своей въ 1754 г.—Находившаяся въ вѣдности вдова его не могла дать приличнаго воспитанія сыну, который однако приобрѣлъ его въ послѣдствіи собственны-

à Pétersbourg ce 11 Août 1791.

Monsieur le Comte! La Comtesse (дочь Суворова) demeure avec sa cousine, et cela passe autant que la cour n'est pas ici; mais aussitôt qu'elle revienne, il n'y a aucune raison à donner pour la retenir. Vous connaissez les couleurs, sous lesquelles vos ennemis avaient peint votre démarche, lorsque vous la redemandiez. L'amour-propre est une chose délicate et vous sa-

ми усиліями и стараніями. Въ 1766 г., 14-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ под-прапорщикомъ въ Копорскій полкъ; въ 1769 г., при открытіи 1-й войны съ Турками, былъ сержантомъ и за отличие въ этомъ походѣ произведенъ въ прапорщики. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Нашебургскій полкъ въ Польшу, гдѣ впервые вошелъ въ сношеніе съ Суворовымъ и образовалъ изъ себя дѣльнаго человека. Будучи прикомандированъ въ качествѣ ординарца къ русскому посланнику въ Варшавѣ, графу Штакельбергу, проворствомъ и расторопностью своими онъ приобрѣлъ его благоволеніе и оставался долгое время при немъ. Тутъ, въ сношеніяхъ съ этимъ умнымъ дипломатомъ, и собственнымъ, ревностнымъ самообразованіемъ, онъ положилъ основаніе своему умственному развитію. Въ 1777 г. онъ былъ переведенъ капитаномъ въ Угличскій полкъ, а въ 1785 г., какъ образованный и отличный офицеръ, знавшій въ совершенствѣ службу—наставникомъ въ кадетскій корпусъ.—Здѣсь онъ въ 1786 г. былъ произведенъ въ майоры, и подполковникомъ переведенъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Въ 1789 г. онъ перешелъ въ Ростовскій полкъ и съ нимъ поступилъ снова подъ начальство Суворова, участвовалъ въ его походахъ и такъ отличился при штурмѣ Имамла, что обратилъ на себя особенное вниманіе и благоволеніе Суворова. Рано сойдясь съ старымъ героемъ, онъ умѣлъ при всякомъ случаѣ увеличивать уваженіе его къ себѣ.—Въ польской войнѣ 1794 г. онъ служилъ подъ начальствомъ Кнорринга въ Литвѣ и своею храбростію заслужилъ тутъ знаки отличія и полковничій чинъ.—По вступленіи на престолъ Императора Павла I, въ 1797 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Екатеринбургскаго гренадерскаго полка, а вскорѣ послѣ того (41 іюля 1799) въ генералъ-лейтенанты. Онъ совершилъ швейцарскій походъ 1799 г. подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, оказалъ при Цюрихѣ опыты необыкновенной храбрости, но на этомъ, ни своими разумными совѣтами, которыхъ не послушались, не могъ отвратить пораженія Римскаго-Корсакова. Тяжело раненый въ голову и перенесенный обратно въ Цюрихъ, онъ попалъ тутъ въ плѣнъ къ Французамъ. До чиста ограбленный ими, онъ былъ отправленъ въ Нанси и сверхъ того, какъ и всѣ плѣнные, исключенъ императоромъ изъ службы. Наконецъ, возвратясь въ 1801 г. изъ плѣна и вновь опредѣленный въ службу, онъ получилъ назначеніе охранять берега Балтійскаго моря отъ флота Нельсона. Война 1806 г. снова вызвала его на театръ военныхъ дѣйствій: начиная съ сраженія при Пултускѣ, онъ участвовалъ съ отличіемъ въ большей части дѣлъ, пока не поссорился съ Беннигсеномъ, приписавшимъ ему неудачу своего предпріятія противъ Неа при Гутшмадтѣ. Онъ былъ преданъ военному суду и провелъ въ крайней нуждѣ пять тяжкихъ лѣтъ въ Петербургѣ.—Въ 1812 г. онъ снова получилъ назначеніе и начальство надъ резервнымъ корпусомъ на Волынѣ, а потомъ надъ бывшимъ передъ тѣмъ корпусомъ Каменскаго.—Когда Чичаговъ двинулся къ Березинѣ, Саженъ долженъ былъ при

vez ménager même celui des particuliers. D'ailleurs l'homme, qui pouvait vous donner de l'ombrage (Потемкинъ), n'est plus ici. Mon avis est donc, qu'il faut agir avec la plus grande délicatesse, et que le jour que l'Impératrice rentre en ville, la Comtesse soit déjà à la cour.

La paix (30) est sûre, et on parle déjà du voyage de la cour pour la célébrer à Moscou. Cette occasion ne serait-elle pas la plus heureuse que toutes celles qu'on aurait pû imaginer, pour faire rester la Comtesse là-bas? Toutes les convenances seraient gardées et son innocence mise à jamais à l'abri de toute atteinte.

M-r Tausakoff est réellement malade; il est allé à 30 verstes d'ici pour se rétablir. J'avoue que votre maison (31) n'est pas un endroit, où l'on respire un air sain. Elle réunit plusieurs désagrémens avec la plus grande malpropreté. Je sais, M-r le Comte, que votre modestie naturelle vous a fait préférer les cabanes des paysans aux palais des Princes. Un grand homme brille par ses vertus. Mais je connais aussi le cas que vous faites de la propreté; elle est l'emblème de la pureté de vos mœurs. Voulez-vous

Брестъ-Литовскомъ прикрывать его наступленіе отъ Шварценберга. Онъ имѣлъ 18,000 ч., а по соединеніи съ Эссенемъ 3-мъ 27,000 ч., между тѣмъ какъ Шварценбергъ съ Ренне считали у себя болѣе 40,000 ч. Узнавъ, что послѣдніе пошли вслѣдъ за Чичаговымъ къ Слобому, онъ поспѣшилъ за ними, дабы либо разбить ихъ порознь, либо отвлечь отъ Чичагова, отъ безпрепятственнаго движенія котораго въ тылъ Наполеону зависѣлъ весь успѣхъ войны.—Онъ одержалъ побѣду надъ Ренне 1-го и 2-го ноября при Волковискѣ, но вслѣдъ затѣмъ 4-го былъ опрокинутъ обратившимся противъ него Шварценбергомъ и вынужденъ отступить къ Бресту.—Въ послѣдствіи онъ участвовалъ въ побѣдномъ шествіи черезъ Германію; занялъ Варшаву, покорилъ 25 марта (6 апрѣля) 1812 г. Ченстоховъ, вытѣснилъ Понятовскаго изъ Кракова въ Галицію и присоединился къ главной арміи въ Германіи.—Послѣ перемирія онъ начальствовалъ однимъ изъ русскихъ корпусовъ въ арміи Блюхера, много содѣйствовалъ побѣдѣ при Кацбахъ, участвовалъ въ сраженіи при Лейпцигѣ, гдѣ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантерій; но особенно отличился въ 1814 г. во Франціи, въ жаркомъ сраженіи при Ла-Ротьерѣ (Бриеннѣ) 1-го февраля и въ невыгодномъ боѣ при Монмираля и далѣе до окончанія похода, когда былъ назначенъ губернаторомъ Парижа.—По смерти Барклая въ маѣ 1818 г., онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміи, сначала въ Могилевѣ, а потомъ въ Кіевѣ; въ 1821 г. пожалованъ въ графы, въ 1826 произведенъ въ генералъ-фельдмаршала. Во время польскаго возстанія 1830—31 г. онъ усмирилъ волненія въ Волыніи и Подоліи; въ 1832 г. былъ возведенъ въ российское княжеское достоинство, а въ 1833 г. уволенъ отъ начальствованія арміей (по случаю ураганенія оной). Умеръ 84 лѣтъ отъ роду, 7 (19-го) апрѣля 1837 г. въ Кіевѣ.

(30) Avec la Porte (приписка къ письму Саена).

(31) Домъ Суворова въ Петербургѣ находился въ 3-й части, на Крюковомъ каналѣ, противъ Никольскаго рынка (2-й домъ отъ угла) (Авторъ).—Въ послѣдствіи принадлежалъ вышеупомянутому племяннику Суворова, графу Дмитрію Ивановичу Хвостову; номеръ № 24; перешелъ къ постороннимъ владѣльцамъ (Ред.).

qu'on dise, que vous ne souffrez des choses si contraires à votre caractère, que parce qu'elles vous content peu?

On vous charge de nouveaux ouvrages, parcequ'on est charmé de trouver un homme, qui s'en acquitte si bien et à si bon marché. Ce ne sont que des précautions lointaines et nullement amenées par la probabilité d'une nouvelle guerre; mais si on loue votre désintéressement, on vous donne aussi des torts, de ce que vous ne payez pas les soldats. J'ose vous rappeler ici ce proverbe allemand, dont on est pénétré du bout du monde à l'autre, depuis la cabane jusqu'au trône: «Umsonst hat man nur den Tod». Votre justice, votre générosité doivent être blessées à entendre dire, que vous voulez vous faire mérite aux dépens de ceux, qui vous servent d'instruments.—M-r le comte Soltykow m'a reçu avec bonté et m'a promis sa protection; il faut en attendre le résultat. Tel qu'il soit, je suis toujours pénétré de vos intentions bienfaisantes et j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de respect et d'attachement, dont ma franchise fait foi, M-r le Comte, de Votre Excellence etc.

Переводъ.

Петербургъ, 11 августа 1791 года.

Ваше Сіятельство!—графиня (дочь Суворова) живетъ у своей двоюродной сестры, и это идетъ еще пока двора здѣсь нѣтъ; но какъ только онъ воротится, нѣтъ никакой причины удерживать ее. Вы знаете, какими красками Ваши враги изобразили поступокъ Вашъ, когда Вы просили взять ее отъ двора. Самолюбіе — нескотливо, а Вы умѣете щадить его даже въ частныхъ лицахъ. Да и того, который могъ дать Вамъ поводъ къ опасенію (т. е. Потемкина), здѣсь уже нѣтъ. И такъ, по моему мнѣнію, нужно дѣйствовать съ величайшею деликатностію и чтобы въ тотъ самый день, когда императрица воротится въ городъ, графиня была уже при дворѣ.

Миръ (съ Портою) — дѣло вѣрное, и говорятъ уже о путешествіи двора въ Москву, для празднованія мира. Этотъ случай не самый-ли счастливый изъ всѣхъ, какихъ ни придумать, чтобы оставить графиню тамъ? Всѣ приличія были бы соблюдены, а цѣломудріе ея—навсегда избавлено отъ всякой опасности.

Г. Тоузаконъ дѣйствительно боленъ; онъ уѣхалъ за 30 веротъ отсюда, для выздоровленія. Признаюсь, что Вашъ домъ не таковъ, чтобы въ немъ можно было дышать чистымъ воздухомъ. Онъ соедняетъ въ себѣ многія неудобства съ величайшею нечистотой. Я знаю, что природная скромность В. С. заставила Васъ предложить

крѣстьянскія хижины царскимъ чертогамъ. Великій человѣкъ сіяеть своими добродѣтелями. Но я знаю также, какъ вы уважаете чистоту: она — вѣрный образъ чистоты Вашего нрава. Хотите-ли же, чтобъ говорили, будто Вы терпите столь противныя Вашему характеру вещи только потому, что онѣ немного стоятъ Вамъ?

Вамъ поручаютъ новыя работы, потому что весьма рады найти человѣка, который исполняетъ ихъ такъ хорошо и дешево. Это — лишь отдаленныя предосторожности, нимало не происходящія отъ вѣроятности новой войны; но если хвалятъ Ваше безкорыстіе, то и обвиняютъ Васъ, что Вы не платите солдатамъ. Смѣю припомнить Вамъ здѣсь ту нѣмецкую пословицу, въ истинѣ которой убѣждены всѣ отъ края до края свѣта, отъ хижины до престола: «Даромъ достается только смерть».—Ваша справедливость, Ваше великодушіе должны оскорбляться слухами, будто Вы хотите оказать заслуги на счетъ тѣхъ, которые служатъ Вамъ орудіями.—Графъ Салтыковъ принялъ меня благосклонно и общалъ мнѣ свое покровительство; нужно ждать результата онаго. Каковъ бы онъ ни былъ, я всегда увѣренъ въ Вашихъ благодѣтельныхъ намѣреніяхъ и имѣю честь быть съ чувствами уваженія и преданности, порукою которыхъ моя откровенность, Вашего Сіятельства и пр.

Въ заключеніе, какъ рѣдкость, приводимъ еще указаніе тѣхъ газетъ и журналовъ, которые Суворовъ получалъ въ своемъ уединеніи въ Финляндіи. Онъ писалъ по этому поводу Сакену отъ 2 ноября 1791 года: «Баронъ Фабіанъ Вильмовичъ! Я держалъ газеты нѣмецкія, Гамбургскія, Вѣнскія, Берлинскія, Эллангеръ (Эрдангенскія): французскія, Барейнъ (Bas Rhin), курье де Лондъ (Courrier de Londres): варшавскія польскія: Санктпетербургскія или Московскія Русскія; Французской малой журналъ Анциклопедикъ дебульонъ (Journal encyclopédique de Bullion), нѣмецкой Гамбургской политической журналъ.—Какъ годъ въ исходѣ и надлежитъ заказать на будущій новыя, то покорно прошу вашего высокоблагородія принять сей трудъ на себя съ тѣмъ—неизволите ли вы прибавить нувель экстраординарь (Nouvelles extraordinaires). И по всѣмъ симъ вышеозначеннымъ газетамъ тѣли благопріимите или опредѣлите держать какія иныя—отдаюсь на вашу волю во всей моей покорности. Тако уже извольте заказать, хотя съ задаткомъ какъ водится, и меня о всей цѣнѣ увѣдомить для немедленной отъ меня заплаты денегъ.»

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬСКІЯ ДѢЛА ДО 1798 ГОДА.

Введеніе.—Государственное устройство Польской республики.—Три основные недостатка его.—Планъ Станислава къ возвышенію своей страны.—Характеръ Поляковъ.—Неблагопріятныя для націи обстоятельства.—Три сосѣда.—Попытки къ преобразованію государственнаго устройства.—Онѣ разстроиваются Пруссіей и Россіей.—Дѣло диссидентовъ.—Сеймъ 1766 года.—Радомская конфедерація 1767 года.—Новое утвержденіе конституціи 1768 года.—Первый раздѣлъ Польши.—Общія замѣчанія.—Новая конституція 1775 года.—Безсмысленный совѣтъ.—Состояніе финансовъ.—Торговля и промышленность.—Военное устройство.—Политика, юстиція, полиція.—Учебно-воспитательная часть.—Искусства и науки.—Процвѣтаніе націи.

И такъ, прошелъ 1791 годъ, и совершенно иначе, нежели надѣялся Суворовъ при его началѣ. Подвигъ, который долженъ былъ открыть передъ нимъ болѣе свободное поприще, напротивъ совершенно закрылъ ему и прежнее, ограниченное, и бросилъ его на новое, непріятное ему. Могуцественный виновникъ того уже скончался, и однако все никакой перемѣны! Человѣкъ, созданный для дѣятельности, быстрый покоритель крѣпостей, долженъ былъ продолжать—строить крѣпости. Мучительно возмущался онъ отъ этого духомъ.

Начался новый, замѣчательный годъ, который долженъ былъ сообщить первое движеніе къ преобразованію Европы: на западѣ—въ слѣдствіе политическаго переворота во Франціи и начинавшейся всемірной войны ея; на востокѣ—въ слѣдствіе Тарговицкой войны въ Польшѣ и проложенія пути къ второму раздѣлу.—Новая война, новая надежда быть употребленнымъ въ дѣло! Суворовъ ожилъ духомъ,—тщетно! Другіе полководцы выступили на поприще войны, а онъ остался въ своемъ изгнаніи.

Враги императрицы, одинъ за другимъ, должны были уступать ея перевѣсу: сначала, въ 1790 году, Шведскій король, съ наибольшею выгодой, потому что уступилъ первый; 1791 годъ былъ свидѣтелемъ смиренія Турокъ и подчиненія ихъ вѣдвсанному имъ ми-

ру. Новому 1792 году суждено было видѣть строгое наказаніе Поляковъ за ихъ наглые вызовы и оскорбленія, за ихъ дерзкое и гордое возстаніе противъ русской Самодержицы въ то время, когда она была занята Турками и Шведами. Ибо ничто не прощается труднѣе недоброжелательства, выказаннаго намъ въ нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и, наоборотъ, ничто не возбуждаетъ такой благодарности, какъ дружеская услуга, оказанная въ то время, когда нельзя ни надѣяться на нее, ни вознаградить за нее. Поляки оскорбили императрицу въ теченіе послѣднихъ трудныхъ годовъ самымъ чувствительнымъ образомъ, тѣмъ чувствительнѣе, что государыня, по наружности, должна была казаться равнодушною къ нимъ; но минута отищенія настала и ею не преминули воспользоваться.

Такъ какъ польскимъ дѣламъ суждено было послужить поводомъ и поприщемъ къ достиженію Суворовымъ всемірно-исторической славы, такъ какъ никакія другія дѣла не были до такой степени искажены ненавистью партій и ложью, то мы подольше остановимся на нихъ и въ сжатомъ изложеніи представимъ, какъ Польша въ теченіе послѣднихъ лѣтъ падала все глубже и глубже, пока наконецъ не исчезла совершенно изъ ряда государствъ.

Станиславъ Понитовскій былъ избранъ королемъ Польши сѣдѣтельствомъ императрицы Екатерины: въ этомъ таился зародокъ всѣхъ несчастій его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ наденію его государства.

Рѣдко случалось, чтобы польскую корону носилъ болѣе доброжелательный, мудрый и лучшій король, а между тѣмъ, печальная участь! никогда ни одинъ король не былъ болѣе его преслѣдуемъ, затрудняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ненавидимъ ослѣпленными подданными, никогда ни одного не понимали такъ ложно, ни на одно не ввели столько хулы и клеветъ ядовитыхъ и желчныхъ перья туземныхъ и иностранныхъ писателей.

Когда Станиславъ Августъ, вслѣдствіе рѣшительнаго вліянія Россіи, поддержаннаго и Пруссією, былъ возведенъ, 7-го сентября 1764 г., на польскій престолъ, ему было 32 года отъ роду, онъ получилъ тщательное воспитаніе, много путешествовалъ, близко узналъ Германію, Францію, Англію и Россію; а въ обхожденіи съ двумя мудрыми дядями своими, великимъ канцлеромъ Михаиломъ и русскій гетманомъ Августомъ Чарторыйскими, получилъ цѣлѣнное образованіе и близко ознакомился съ государственнымъ устройствомъ своей страны.

Онъ обладалъ благороднымъ честолюбіемъ и вступилъ на пре-

столю съ твердымъ намѣреніемъ (которое поддерживали его мудрые дяди) извлечь Польшу изъ той грязи и тины, въ которой она лежала, и возвестъ ее на степень уважаемаго и заслуживающаго уваженіе государства. Но тутъ-то (и въ этомъ и заключается высоко-трагическая сторона его судьбы) онъ встрѣтилъ безуміе, подозрительность и безразсудство своего народа (*), насильственные вмѣшательства, хитрую политику и властолюбіе своихъ сосѣдей, и подъ конецъ, уже приблизившись къ цѣли, долженъ былъ пасть передъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ соединенныхъ силъ и погибнуть вмѣстѣ съ государствомъ, которое хотѣлъ возвысить.

Чтобы легче понять, какъ все это произошло, намъ нужно ближе рассмотретьъ четыре обстоятельства:

Во-первыхъ: положеніе, въ которомъ находилась Польша, когда Станиславъ Августъ вступилъ на престолъ,—или *исходную точку* его дѣятельности.

Во-вторыхъ: планъ, составленный имъ для преобразованія своей страны и своего народа,—или *его цѣль*.

Въ-третьихъ: что, при выполненіи этого плана, главнѣйше преграждало ему путь къ цѣли,—или *препятствія*.

Въ-четвертыхъ: образъ дѣйствій его для приведенія своего плана въ исполненіе, или *историческій ходъ*, т. е. различныя измѣненія обстоятельствъ, успѣхи, результаты и наконецъ неудача, по собственной и чужой винѣ, въ то самое время, когда и онъ, и нація полагали себя уже достигшими пристани.

При этомъ мы будемъ имѣть случай замѣтить, какъ всѣ мудрыя и хорошо-разсчитанныя мѣры, исходившія отъ него, уничтожались и отиѣнялись сопротивленіемъ, легкомысліемъ, своенравіемъ, опрометчивостію и полнѣйшимъ отсутствіемъ разсудка въ его народѣ.

Поэтому мы подлинно имѣемъ право назвать его участь трагическою, вида, какъ, при благородныхъ намѣреніяхъ, онъ боролся съ судьбою и долгое время съ умомъ, настойчивостію и искусствомъ велъ эту борьбу, но постоянно встрѣчалъ затрудненія и препятствія со сто-

(*) Народъ, націю въ Польшѣ составляли, по собственнымъ же словамъ Смитта въ 2-мъ отдѣлѣ I части его сочиненія, только высшія сословія народныя: высшее духовенство, дворянство высшее и низшее, и королевскіе министры и высшіе сановники;—горожане же и особенно крестьяне не имѣли политическихъ правъ и не считались въ составъ націи или народа.—Слѣдовательно, равнѣ можно сказать, что Станиславъ Августъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны своего народа? — Это замѣчаніе — общее для всего нижесказаннаго (Редак.).

ровы тѣхъ, которымъ онъ и которые ему должны были помогать, пока и онъ, и его народъ (последній — не безвинно) не пали подъ ударами судьбы.

Discite justitiam temerit, nec temerare diyes! (1)

Когда Станиславъ сдѣлался главою польской республики, она имѣла нижеописанное государственное устройство, носившее въ себѣ самомъ зародышъ гибели, такъ какъ высшими, основными началами его были себялюбіе и произволь. Каждый видѣлъ государство только въ себѣ, а не себя въ государствѣ, ничего не хотѣлъ уступать цѣлому государству, но все хотѣлъ получать отъ него, не хотѣлъ жертвовать ни малѣйшею частицею своей личной свободы, ниже вносить малѣйшей лепты изъ своего достоянія для поддержанія цѣлаго государства. Поэтому, на всемъ государствѣ лежала печать необузданности и безсилія. Дворянинъ, смотря по мѣрѣ своего могущества, дѣлалъ все, что хотѣлъ, и не признавалъ надъ собою никого, даже и закона.

Въ массѣ, въ толпѣ людской господствуетъ грубое лжеразуміе слова *свобода*: она видитъ въ немъ только необузданность и отсутствіе закона. Свобода есть право выбора между двумя предметами; но, чтобы рѣшать выборъ, должно имѣть побудительную къ тому причину, и, смотря по свойству этой причины, свобода нашего выбора будетъ либо разумною, либо неразумною. Но лишь одну разумную свободу можемъ назвать истинною, неразумную же — насиліемъ произвола и вожделнія. Какъ существа духовнаго свойства, мы имѣемъ право выбора только между двумя вещами: закономъ разума и влеченіями чувственности и похоти. Кто слѣдуетъ последнимъ, тотъ не есть свободный человекъ, онъ зависитъ отъ минутныхъ причудъ и вожделній своей чувственности; только тотъ, въ чьей груди глубоко начертанъ законъ нравственный, высшій законъ разума, кто ему одному послѣдуетъ при всѣхъ приманкахъ чувственности — только тотъ одинъ разумно-свободенъ, или просто свободенъ, потому что только одна разумная свобода есть свобода истинная. Тѣмъ именно онъ и доказываетъ свою свободу, что при

(1) Въ вольномъ переводѣ это значить: «Съ осторожностію научайтесь (умѣренности и) справедливости, учитесь не презирать боговъ»; (точнѣе: «съ осторожностію научайтесь поступать справедливо; о, научайтесь не презирать боговъ!»).

выборъ умѣть тяжелый; суровый долгъ предпочесть заманчивымъ, прельщающимъ порокамъ. Какъ члену цѣлаго государства (2), человѣку точно также предоставленъ выборъ между законами государства и приманками произвола, себялюбія и всёхъ, пронтекающихъ изъ нихъ, низкихъ страстей. И тутъ также мы можемъ назвать свободнымъ человѣкомъ лишь того, который всегда умѣетъ слѣдовать предписаніямъ долга, справедливости и закона, вопреки порывамъ и стремленіямъ враждебныхъ похотей и вождельній, которыя наконецъ приводятъ къ преступленію. Только разумъ и законъ могутъ руководить имъ и давать ему направленіе: только корабль съ компасомъ и рулемъ (разумъ и законъ) имѣетъ вѣрный и твердый ходъ; безъ нихъ, предоставленный на произволь всёхъ вѣтровъ и морскихъ теченій, онъ вѣчно будетъ носиться туда и сюда, пока не разобьется о подводные камни. Поэтому, самый свободный человѣкъ, самый свободный народъ всегда бываетъ и самый послушный долгу и закону, потому что они служатъ путеводными звѣздами его дѣйствій. Такіе люди и народы идутъ вѣрнымъ, твердымъ и прямымъ путемъ, между тѣмъ какъ народъ, движимый необузданнымъ произволомъ, колеблется то туда, то сюда, то впередъ, то назадъ, сегодня разрушаетъ то, что создалъ вчера, а завтра снова преслѣдуетъ нныя утопіи и мечты, всюду безъ компаса и руля, и потому безъ вѣрнаго, правильнаго хода. И такъ, хотите сдѣлать народы политически-свободными? сдѣлайте ихъ сначала нравственно-свободными, научите ихъ предпочитать предписанія долга приманкамъ чувственности, приучите ихъ къ самообладанію и къ повиновенію правдѣ и закону — и вы можете быть увѣрены, что они тогда не употребятъ во зло и политической свободы.

Ничего этого не было въ Польшѣ, и польскій народъ погибъ, потому что произволь и необузданность признавалъ за свободу, между тѣмъ какъ они всегда, рано или поздно, приводятъ къ гибели и паденію.

Польша была республикой, скроенной на старинный образецъ: она состояла изъ малаго числа дворянъ и большаго числа рабовъ (3).

(2) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду того, что называется политической свободою и подъ чѣмъ разумѣется известная доля участія въ управленіи государствомъ, хотя бы она состояла только въ подачѣ голоса при выборѣ должностныхъ лицъ и народныхъ представителей.

(3) Такъ какъ въ то время въ Польшѣ менѣе всего помышляли о статистическихъ таблицахъ, то трудно опредѣлить точное число дворянъ; показанія колеблются

Всѣ дворяне были равны между собою, оборванецъ безъ рубашки, съ самою въ сапогахъ вмѣсто чулокъ (*), точно также какъ и владѣлецъ тысячъ рабовъ, одѣтый въ великолѣпный контушъ съ вышитымъ золотомъ поясомъ (насомъ)—всѣ были «братья», единственные гражд-

между 200,000 и до 800,000. Первою цифрою, можетъ быть, опредѣлялось число людей, способныхъ носить оружіе, а другою общее число дворянъ, со включеніемъ женщинъ, дѣтей и престарѣлыхъ. Вѣрнѣе, кажется, цифра 600,000 чел. дворянства обнять половъ и 150,000 дворянъ, способныхъ носить оружіе. Мальтъ-Брѣвъ принимаетъ общую цифру только въ 500,000.

Показанія о всемъ вообще населеніи въ то время столько же противурѣчивы, сколько и о числѣ дворянъ; оно и естественно, потому что въ отношеніи государства, столь безпорядочно управлявшагося, какъ Польша, всѣ показанія могутъ быть основаны только на примѣрныхъ расчетахъ. Наиболее вѣроятною цифрою можно принять 12 милліоновъ, изъ коихъ 500,000 дворянства, 10 милліоновъ крестьянъ, а остальные 1¼ милліона Евреевъ и обитателей большихъ городовъ. По мнѣнію Бюшинга (географид, 8-е изд., II, 121), число жителей до перваго раздѣла простиралось отъ 8-ми до 9 милліоновъ, а послѣ него отъ 6 до 7. Гаттереръ (Abgria der Geographie, 1775) полагаетъ, что обыкновенно принимаемая цифра отъ 12-ти до 15-ти милліоновъ, вѣроятно, на одну треть болѣе дѣйствительной, значить онъ довольно близко сходится съ Бюшингомъ. Конечно, позднѣйшихъ временъ Поляки, по своей привычкѣ преувеличивать все, что до нихъ касается, говорятъ о 15, 16, 18, дажѣ 20-ти милліонахъ, не помышляя о томъ, что чѣмъ большую цифру они приводятъ, тѣмъ болѣе для нихъ позора. Земскій посолъ (депутатъ) Мощенскій представлялъ польскому сейму 1790 года записку о современномъ народонаселеніи, по которой оно простиралось до 7.600,000 человекъ, что, если принять въ расчетъ прибыль съ 1772 года, довольно близко сходится съ показаніемъ Бюшинга.

По газетамъ того времени, Россія во всѣ три раздѣла приобрѣла

	5.765,000 чел.
Австрія	— 3.600,000 —
Пруссія	— 2.600,000 —

Всего — 11.965,000 —

или круглымъ числомъ 12 милліоновъ, какъ и мы выше сего приняли. Конечно, 30 лѣтъ спустя, въ 1803 г., считалось:

Австрійской части	4.700,000 человекъ
Прусской	— — 3.150,000 — —
Русской	— — 6.760,000 — —

14.610,000 человекъ

Но эти 2¼ милліона излишка противъ вышеприведеннаго показанія, очень хорошо могли быть слѣдствіемъ 30-ти лѣтняго спокойствія, обезпеченности и хорошаго управленія.

(4) См. письма Г.Форстера.

даже государства и всё вообще составляли высшую народную власть. Крестьяне были ничѣмъ и не имѣли ничего, были совершенными рабами, подобно плотамъ въ Спартѣ, римскимъ бѣлымъ и американскимъ чернымъ невольникамъ. На нихъ лежали земледѣліе и нѣкоторыя ремесла, для удовлетворенія первыхъ нуждъ. Наконецъ Евреи были посредниками, торговцами, дѣловыми людьми, факторами; эти пѣвки крестьянъ услужливо доставляли дворянину все, чего требовали его нужда или вождѣліе, и принимали избытокъ его произведеній для сбыта и продажи.

У гражданъ древности, въ Афинахъ, Спартѣ, Римѣ, жизнь проходила или въ общественныхъ совѣщаніяхъ и пиршествахъ, или въ воинскихъ занятіяхъ. И въ Польшѣ также. Знатнѣйшіе люди стремились къ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ цѣлямъ, искали высшихъ званій или старобствъ; низшіе старались прислуживаться знатному «пану брату» (пани-брату) и образовать его кліентовъ или клевретовъ, быть ему угоднымъ, въ надеждѣ, что и на ихъ долю что-нибудь выпадетъ. Политическая жизнь проходила на сеймикахъ и сеймахъ, въ совѣщаніяхъ и выборахъ на судейскія и другія мѣста, а въ случаѣ войны — въ оборонѣ страны, потому что тогда всё должны были садиться на коня. Частная же жизнь, напротивъ, протекала въ пиршествахъ и попойкахъ, въ любовныхъ дѣлахъ, интригахъ и, вслѣдствіе сварливаго характера Поляковъ, въ тяжбахъ, обогащавшихъ только адвокатовъ и судей, и въ которыхъ богатѣйшій и сильнѣйшій всегда подъ конецъ оказывался правымъ.

Но во всей славѣ своего верховнаго господства чувствовали себя польскій шляхтичъ на шумныхъ, оглашаемыхъ бряцаніемъ оружія сеймикахъ и сеймахъ — тутъ-то онъ былъ владыкой и королемъ, да каждый изъ нихъ и видѣлъ въ себѣ все потребное, чтобъ быть королемъ. Хотя при избраніяхъ королей шляхтичи удовлетворялись, со стороны чужеземныхъ искателей, часто самыми незначущими подарками, напр. глоткомъ водки или монетой ⁽⁵⁾, но тѣмъ не менше чванились своимъ вольностію и равенствомъ, своимъ правомъ избирать королей и самимъ быть избранными въ короли.

Высшимъ правиломъ дворянина было — не позволять предписывать себѣ никакого закона, особенно же налагать на себя ника-

(5) Такъ Bizardière рассказываетъ (въ Histoire de la scission en Pologne etc., Paris, 1699, p. 153), что при выборѣ перваго Саксонскаго короля Августа въ 1697 г., каждый наводившій шляхтичъ, подавшій голосъ въ его пользу, получилъ по 1 галеру и по стакану водки.

ких податей, на которые онъ не изъявлялъ своего согласія. Каждый земскій посолъ (депутатъ), отправляемый на сеймъ, получалъ особенный наказъ: «*na podatki nie rozwalac*» (не соглашаться на подати). Король и государство могли дѣлать, какъ знаютъ.

Замѣчательны тѣ мѣры предосторожности, которыя дворяннѣ, съ своимъ глубоко-укоренившимся недовѣріемъ къ правительству, принималъ противъ него. Въ благоустроенномъ государствѣ народъ и правительство составляютъ одно, и чѣмъ больше между ними единеніе, тѣмъ они сильнѣе: правительство дѣйствуетъ только въ смыслѣ желаній и потребностей народа. Въ Польшѣ было иначе. Изъ опасенія за безграничныя вольности, на правительство смотрѣли, какъ на врага народа, и высшимъ правиломъ было то, чтобы держать его въ сколь можно большей слабости. Поэтому основнымъ началомъ, вмѣсто единенія, былъ раздоръ. Такимъ образомъ личная свобода была неограниченна, а власть правительства, которая должна быть только соединенною властью цѣлаго государства—ничтожна. Гдѣ каждый самъ по себѣ господинъ и король, тамъ общая для всѣхъ королевская власть невозможна. Но гдѣ нѣтъ сильнаго правительства, тамъ нѣтъ и господства закона: оба идутъ только рука въ руку. Поэтому въ Польшѣ дѣйствовало только право сильнаго: сильнѣйшій вступалъ во владѣніе спорнымъ предметомъ и смѣялся надъ закономъ, который отказывалъ ему въ немъ,—потому что законъ не находилъ исполнителя онаго.

Чтобы сохранить это исключительное положеніе, которое такъ благопріятствовало гордости и чувству независимости дворянина, были приняты самыя тщательныя и наилучше-разсчитанныя мѣры. Польша, въ своемъ государственномъ устройствѣ, въ нѣкоторой степени осуществляла безразсудныя желанія и стремленія новѣйшихъ преобразователей міра.

1) Король избирается гражданами, т. е. дворянствомъ, которое одно имѣло право гражданства.

2) Собранныя на сеймикахъ граждане избираютъ своихъ представителей (земскихъ пословъ) на государственный сеймъ.

3) Но эти послѣдніе получаютъ опредѣлительные наказы (мандаты).

4) По возвращеніи, они обязаны давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

5) Государственный сеймъ собирается въ опредѣленные сроки (каждые два года) самъ собою, не имѣя надобности въ особенномъ созваніи.

6) Наконецъ, при избраніи новаго короля, первый или конвокаціонный сеймъ получаетъ непремѣнное пренорученіе изслѣдовать, чего еще недостаетъ, чего желаютъ или какія условія, кромѣ прежнихъ, можно было бы еще возложить на новаго короля. Послѣдній обязанъ былъ утвердить присягой исполненіе этихъ, такъ называемыхъ, *pacta conventa*.

Такимъ образомъ желанія «широчайшаго основанія» со стороны преобразователей были здѣсь въ значительной мѣрѣ осуществлены: верховная власть гражданъ была полная, отъ нихъ исходили всѣ силы, имъ принадлежало всеобщее право голоса, они давали своимъ представителямъ съ точностію опредѣленные наказы и принуждали ихъ давать отчетъ въ исполненіи этихъ наказовъ; война, миръ, согласіе на всѣ денежныя назначенія зависѣли отъ нихъ и они же привлекали къ своему суду вышнихъ государственныхъ сановниковъ; наконецъ, *pacta conventa* улаживали путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ и преимуществамъ въ демократическомъ смыслѣ.

Тягостны были эти ограниченія королевской власти. Но еслибы какому-нибудь дѣльному королю вздумалось не потерпѣть ихъ, то какъ низвергнуть ихъ, какъ произвести 18-е брюмера или 2-е декабря?—Республиканизмъ подозрителенъ; чѣмъ болѣе, чѣмъ позорнѣе, по собственному сознанію, онъ стѣснилъ правительственную власть, тѣмъ болѣе опасается онъ съ ея стороны сверженія такого ига. Слѣдовательно и на этотъ случай должно было принять мѣры и устроить вооруженное сопротивленіе. Въ этомъ польскій республиканизмъ превзошелъ самаго себя.

Поляки устроили и заранѣе узаконили (задолго передъ тѣмъ, что Лясайеъ высказалъ свое пресловутое правило) *постоянное возстаніе*, которое должно было полагать преграду всякому самовластному дѣйствію короля. Это узаконеніе вооруженнаго возстанія они называли *конфедераціею*. При этомъ основное ученіе, которое каждый отецъ внушалъ своему сыну, состояло въ слѣдующемъ: «Лучше сожги домъ свой и броди съ оружіемъ въ рукахъ по странѣ, нежели подчиниться самовластной силѣ.»

Конфедерація образовалась добровольнымъ приступаніемъ къ ней гражданъ. Они соединялись, излагали письменно свои жалобы и требованія, избирали вождя, маршала конфедераціи, съ совѣтомъ, подписывали конфедераціонный актъ, вносили его въ какой-нибудь «гродъ» (судебное мѣсто) и—конфедерація была готова и узаконена, становилась законнымъ дѣломъ. Своимъ появленіемъ она уни-

что жала всё другія установленныя власти: суды прекращали свою дѣятельность, присутственныя мѣста закрывались вслѣдствіе междоусобной войны. То была диктатура народа, въ противоположность римской диктатурѣ, которая исходила отъ правительства. И естественно, гдѣ народъ — владыка, тамъ ему принадлежить и высшая, диктаторская власть.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этой народной или дворянской верховной власти и политическаго перевѣса односторонности надъ правительствомъ, было требованіе единогласія при выборахъ и на сеймахъ, знаменитое *liberum veto*, по которому противурѣчіе одного участка рѣшеніе всѣхъ; но объ этомъ мы поговоримъ позже: это былъ, такъ сказать, замокъ въ сводѣ и блага зданія.

И такъ два коренные недуга, которыми страдала Польша и которые погубили ее, состояли въ ошибочныхъ республиканскихъ учрежденіяхъ и, главное — въ невозможности усовершенствовать изъ въ монархическомъ смыслѣ.

Разсмотримъ дальнѣйшее развитіе этихъ учреждений, три коренныя бѣдствія, погубившія Польшу: избирательное престолонаслѣдіе, независимость высшихъ государственныхъ властей и наконецъ требованіе единогласія въ рѣшеніяхъ.

Во-первыхъ, избирательное престолонаслѣдіе, одна изъ главныхъ причинъ паденія Польши. Изъ всѣхъ утверждаемыхъ нелицемерностей самая невозможная состоитъ въ соединеніи наслѣдственности престола съ верховною властію народа. Одна необходимо исключаетъ другую. Наслѣдственному королю нельзя предписывать *res a consensu*: онъ — король не по чьей-нибудь посторонней волѣ, но по своему праву. Такъ какъ въ Польшѣ была законно принята верховная власть дворянства, то неизбежнымъ слѣдствіемъ этого была избирательная королевская власть; это было такою необходимостію республиканскихъ нравовъ, что все попытки, которыя были дѣлаемы въ Польшѣ для введенія наслѣдственности престола или хотя для назначенія наслѣдника при жизни короля, не удавались: такъ напр. когда хотѣли назначить наслѣдника Иоанну-Казимиру (Кенде), или Собіескому (его сына) и т. д. — «Избирать короля, или умереть!», вопила толпа, и посредствомъ *res a consensu*, въ исполненіи которыхъ король долженъ былъ присягать, обезпечивали себя отъ всякихъ покушеній къ тому съ его стороны.

Первымъ слѣдствіемъ избираемости королей есть разсращеніе страны, потому что изнутри и извнѣ приводятся въ дѣйствіе все средства интриги, подкуна и наконецъ открытаго, вооруженнаго насил-

ли, для возведенія на престолъ угодныхъ избирателямъ людей. Различныя республиканскія партіи, при своихъ внутренннхъ раздорахъ, рѣдко опускаютъ случай призывать чужеземную помощь, потому что дѣло партіи постоянно ставится выше дѣла всей страны. Вслѣдствіе того она скоро становится поприщемъ борьбы чужеземныхъ пришельцевъ. Иностранные посланники въ Польшѣ имѣли даже право выставять и поддерживать передъ сеймомъ кандидата своего двора, такъ что иногда Франція, иногда Австрія, иногда Швеція, иногда Саксонія, иногда Россія и Пруссія давали Полякамъ короля. Такимъ-то образомъ чужеземцы твердою ногою становились въ странѣ, и тѣмъ легче, что республиканскія партіи, въ своей горячности и неодолимой волѣ достигнуть мгновенныхъ цѣлей своихъ, сами призывали иноземную помощь. А за этимъ вмѣшательствомъ, сначала призваннымъ, слишкомъ скоро слѣдовало насильственно-навязанное. Пути были открыты!

«И при подобной обстановкѣ думаете-ли вы спасти вашу страну отъ иноземцевъ?» На это Поляки отвѣчали: «Мы лучше хотимъ вторженія иноземцевъ, нежели малѣйшаго ущерба нашихъ вольностей». — Они и получили, чего хотѣли, не обдумавъ въ своей близорукости, что вторженія чужеземцевъ повлекутъ за собою и господство ихъ, а съ этимъ и уничтоженіе тѣхъ безсмысленныхъ вольностей, которыми они такъ чванились. *«Мы нужны для государственнаго равновѣсія народовъ»,* — *«мы оплотъ Европы»,* — *«мы защитники и передовые бойцы цивилизаціи»*, такъ величались; хвастались и утѣшали себя въ своихъ ложныхъ мнѣніяхъ, когда ихъ предостерегали, эти безумцы — тѣ, которые уже давно утратили всякую силу и способность противудѣйствія даже самому незначительному народу, — тѣ, на чьихъ земляхъ уже 450 лѣтъ попеременно рыскали Шведы и Пруссаки, Трансильванцы и Турки, Казаки и Татары, Австрійцы и Русскіе, защитники же Европы и цивилизаціи не были въ состояніи ни себя защищать, ни удерживать чужеземцевъ. Всегда тоже явленіе: чѣмъ глубже упадокъ, тѣмъ выше самомнѣніе! Такъ и Византія, и падшая Італія презирали всѣхъ своихъ сосѣдей!

Второе коренное зло государственнаго устройства заключалось въ *независимости* и *насмѣялостности* высшихъ государственныхъ сановниковъ; это было совершенно въ томъ духѣ, который исполнилъ и все государственное устройство. Дѣнадцать высшихъ сановниковъ изъ сенаторскаго званія и четверо изъ сословія рыцарства или высшаго дворянства окружали короля и сосредоточивали въ себѣ всю силу правительства. То были: два великихъ маршала, два

великихъ канцлера и два вице-канцлера, два великихъ и два младшихъ казначея; наконецъ два надворныхъ маршала (гофмаршала); воѣ они принадлежали къ сенаторскому званію и назначались по одному для каждаго изъ соединенныхъ государствъ, Польни и Литвы; далѣе, такимъ же образомъ, изъ рыцарскаго или высшаго дворянскаго сословія избирались два великихъ и два польныхъ (полевыхъ) гетмана.

Оба великіе маршала завѣдывали гражданскимъ управленіемъ и полиціей.

Оба великіе канцлеры, съ обоими вице-канцлерами, управляли судебными дѣлами; они передавали сейму королевскія посланія и отвѣчали иностраннымъ посламъ.

Оба великіе гетмана, съ обоими польными, завѣдывали войскомъ иensemъ вообще военнымъ управленіемъ.

Два великіе и два младшіе казначея управляли финансовою частію.

Наконецъ два надворные маршала управляли воѣмъ вѣдомствомъ королевскаго двора.

Эти сановники составляли королевское министерство, но, — о! образцовое произведеніе республиканской мудрости, которая никогда не успокоивается отъ боязни королевской власти! — всѣ эти министры были независимы не только отъ короля, но и другъ отъ друга. Это была государственная повозка, въ которую впрягли 16 лошадей въ различныхъ направленіяхъ и затѣмъ предоставили имъ везти ее какъ угодно, на право, на лѣво, впередъ, назадъ — какъ кому изъ нихъ ни вздумалось бы!

Еще болѣе: они избирались пожизненно и не могли быть ни отставляемы, ни замѣщаемы другими; были обязаны отвѣтственности только передъ сеймами, которые, однако, будучи постоянно раздражаемы своими ссорами, никогда не могли призывать ихъ къ отчету. — Король, и безъ того связанный, здѣсь былъ уже связанъ вполнѣ. Онъ не могъ тутъ исполнить ни одного твердаго плана, ни провести ни одного полезнаго учрежденія, ниже слѣдовать опредѣленному направленію въ политикѣ или въ управленіи страню. Онъ зависѣлъ отъ министровъ, а министры дѣлали, что хотѣли. Но республиканцы кичились и въ своемъ ослабленіи хвалились тѣмъ, что «министры независимы отъ короля, слѣдовательно онъ не можетъ употребить ихъ для нашего притѣсненія; министры независимы другъ отъ друга, слѣдовательно намъ нечего опасаться, чтобъ они соединялись между собою къ нашему вреду». — Такъ, глядя всегда

въ одномъ направленіи, они повсюду усматривали только особенности; а нигдѣ не видѣли общаго, видѣли деревья, но не лѣсъ, и безразсуднѣйшее безразсудство казалось этимъ слабоумнымъ людямъ самымъ глубокимъ соображеніемъ для поддержанія свободы.

Всю силу, всё жизненные соки извлекли они изъ королевской власти, до полнѣйшаго ея истощенія, а республиканское безразсудство все еще опасалось ея. Но таковъ обыкновенный ходъ въ республикахъ. Ослабьте королевскую или исполнительную власть сколько угодно, все еще будутъ находить ее слишкомъ сильною, терзать и общипывать, обрывая по кускамъ, пока она не обратится въ ничто или въ безжизненный призракъ, который либо исчезаетъ постепенно, либо уничтожается насильственно.

Третьимъ, уже выше упомянутымъ, зломъ было *единогласіе*, требуемое во всѣхъ окончательныхъ рѣшеніяхъ сеймовъ: это было самымъ любимымъ и наиболее цѣннымъ изъ правъ Поляковъ, и тѣмъ безразсуднѣе, тѣмъ пріятнѣе для нихъ, потому что оно льстило ихъ республиканскому высокомѣрью; поэтому-то они и называли *liberum veto* своимъ «*jus cardinale, specialissimum et unicum*» (высшимъ, особеннѣйшимъ и единственнымъ правомъ), «звѣзцею ока», «краеугольнымъ и основнымъ камнемъ свободы». — «Одинъ дворянинъ своимъ противорѣчіемъ остановилъ однажды⁽⁶⁾ всѣ совѣщанія; его просили, умоляли отступить отъ своего мнѣнія, иначе сеймъ долженъ былъ разойтись. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ уступилъ. Тогда его спросили о причинѣ его сопротивленія. «Я хотѣлъ только видѣть, отвѣчалъ онъ, свободна-ли еще Польша.» — Вотъ съ какой точки зрѣнія смотрѣли они на это пагубнѣйшее изъ всѣхъ ихъ правъ, и для полноты безразсудства, одинъ отдѣльный протестъ уничтожалъ даже всѣ тѣ рѣшенія и законы, которые были постановлены сеймомъ въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ его засѣданій. — Чтобы *одинъ равнялся астамъ* — есть уже плохое правило; но чтобы *одинъ акачилъ болѣе всѣхъ*, чтобы сопротивление одного было достаточно для уничтоженія воли и рѣшеній цѣлаго собранія, и не въ особомъ только случаѣ, но и по всѣмъ, даже самымъ благодѣтельнымъ рѣшеніямъ, которыя цѣлое собраніе постановило прежде того, постановить такого рода безразсудство было предоставлено только однимъ Полякамъ, которые въ убѣжденіяхъ, рѣшеніяхъ и поступкахъ своихъ слишкомъ часто проявляютъ совер-

(6) Это случилось при избраніи въ короли Владислава IV. См. Komarzewski; Coup d'oeil etc.; p. 60.

женный недостатокъ разсудка.—Для принятія какого-либо закона требовалось общее единогласіе, а для отверженія его—только одинъ голосъ: это было все равно, какъ если бы заранѣ издали такое постановленіе: «да не будетъ у насъ никакого законодательства». Легко можно было отыскать какого-нибудь сумазброда, упрямца, корыстолюбца или члена партіи, и тогда уже нельзя было издать никакого закона, ни нарядить слѣдствія, ни потребовать отчета. А этого-то именно и желали всѣ тѣ, которые жили злоупотребленіями, несправедливостями, взятками и подкунами, и въ главѣ вѣхъ—вышшіе сановники!

Для этого верховнаго права существовало, конечно, и противудѣйствующее средство, къ которому въ старину верѣдко и прибѣгали: изрубать такого оппонента и, выживъ его самаго со свѣта, устранять вмѣстѣ съ нимъ и его противорѣчіе. Но это противудѣйствующее средство было столь же безразсуднымъ и варварскимъ, какъ и самое право; да и всякій оппонентъ умѣлъ принимать свои мѣры предосторожности.

Въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія втораго Августа Саксонскаго, всѣ сеймы до одного были сорваны такимъ образомъ; разсчитали даже, что въ теченіе 112 лѣтъ со времени утвержденія этого обычая или, лучше сказать, злоупотребленія, т. е. съ 1652 года до возшествія на престолъ Станислава Августа, 48 сеймовъ остались такимъ образомъ недействительными.—Всякая верховная власть короля и нація была уничтожена этимъ и передана первому встрѣчному негодю.

Таково было польское государственное устройство съ его существовавшими, коренными пороками и ничего лучшаго нельзя было желать для того, чтобы сдѣлать націю слабою и бессильною; одинъ взглядъ на него объясняетъ паденіе Польши. То было не государственное устройство, а разрушеніе всякаго устройства, полная распущенность и необузданность 150,000 дворянъ, повѣлѣвавшихъ 10-ю милліонами крестьянъ; то была полная анархія, безъ правительственной власти, безъ закона, безъ права (только сильнѣйшій всегда имѣлъ въ своей власти право).—И, повѣрять-ли тому, эта конституція, недостатки которой бросаются въ глаза, считалась у Польшковъ за совершеннѣйшій образъ правленія! Всеобщія порядки иностранцевъ они приписывали ихъ слабоумію, ихъ рабскому дулу и неспособности понимать высшія политическія соображенія.—А потому и всякое улучшеніе или измѣненіе было крайне затруднительно; при малѣйшей попыткѣ къ тому, толпа тотчасъ же вошла

объ измѣнѣ и преступленіи; а въ послѣдствіи, когда Польша была уже обезсѣлена, въ томъ препятствовали и иностранныя державы, политическимъ видамъ и выгодамъ которыхъ слишкомъ хорошо соотвѣтствовала такая, всякую силу уничтожающая конституція сосѣда.

Сказаннымъ выше мы достаточно, полагаемъ, доказали, что Польша должна была пасть, что она была обречена погибели, безъ всякой надежды на спасеніе, пока оставалась въ этомъ положеніи. Поэтому и мысль о ея раздробленіи часто возникала еще съ 1661 года, когда Іоаннъ Казиміръ изрекъ извѣстное пророческое предсказаніе объ окончательной судьбѣ своей страны.

Станиславъ Августъ очень хорошо понималъ, что для извлеченія Польши изъ ея анархіи и возвышенія ея на уровень съ прочими образованными народами, прежде всего нужно было дать твердое основаніе *власти, порядку и образованности*, а также ограничить свободу тамъ, гдѣ она обращалась въ необузданность и дерзость. Въ такомъ смыслѣ онъ уже съ самаго начала составилъ себѣ планъ, которому неуклонно слѣдовалъ въ продолженіе всего своего правленія и руководящія мысли котораго сохранены для насъ его довѣренными лицами (?). Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: «дабы быть *независимой державою*, государство должно имѣть *армію*; но дабы послѣдняя дѣйствительно служила и была полезна государству, она должна находиться въ непосредственномъ распоряженіи правительства.

(Въ Польшѣ она находилась подъ начальствомъ великихъ гетмановъ, которые были независимы отъ короля, и состояла изъ небольшого чвела войскъ, не получавшихъ ни жалованья, ни одежды, ни опредѣленнаго содержанія).

Чтобы создать и содержать армію, нужны деньги и слѣдовательно *зереніе и вѣрные доходы и правильно устроенные финансы*. Если же финансы должны быть хорошо устроены, то имъ не слѣдуетъ быть въ распоряженіи только двухъ частныхъ лицъ (какъ въ Польшѣ, гдѣ вся финансовая часть была въ рукахъ двухъ великихъ казначеевъ, которые были обязаны отчетомъ только сейму, — сеймы же никогда ничѣмъ не рѣшались).

Чтобы доходы соотвѣтствовали государственнымъ потребностямъ и въ особенности — большимъ издержкамъ на армію, которую нуж-

47) Дюпонъ де Намуръ и Комаржевокіи.

но еще было создать, — они должны быть *значительны*; но чтобы сдѣлать ихъ значительными, потребно согласіе націи. (Въ Польшѣ доходы были почти ничтожны и каждый земскій посолъ, при отправленіи своемъ на сеймъ, получалъ наставленіе: «не соглашаться ни на какого рода подати»).

Для того, чтобы устранить отвращеніе отдѣльныхъ лицъ отъ всякаго рода податей, а волю всей націи на сеймахъ направить къ спасительнымъ постановленіямъ, нужно *положить предѣлъ личной волѣ* (слѣдовательно ввести рѣшенія большинствомъ голосовъ, а не по причудѣ и произволу перваго встрѣчнаго, — слѣдов. прекратить «*liberum veto*»).

Но дабы воля націи была дѣйствительно благотворительна, дабы правительство и сеймъ въ своихъ предположеніяхъ къ усовершенствованіямъ не впади въ ошибки, нужно всячески возбуждать и поощрять *дѣятельность ума и развитіе познаній*, слѣдовательно нужно *хорошее, основательное и сообразное съ цѣлію народное образованіе* (не такъ, какъ въ Польшѣ, гдѣ оно находилось вполнѣ въ рукахъ іезуитовъ, которые обучали только дурной латыни и варварскому, схоластическому Богословію).

Развитіе ума и познаній должны привести дворянъ къ тому, чтобы уже изъ *расчета хорошо содержать своихъ крестьянъ*. Расчеты собственной пользы не обманываютъ и служатъ лучшимъ средствомъ наученія. (Въ Польшѣ крестьяне были *vilia capita*, рабочимъ скотомъ, который даже можно было убить, заплативъ ничтожную денежную пеню).

Съ другой стороны нужно было научить и крестьянъ, — въ томъ дворяне, ссужавшіе ихъ землею и капиталомъ, были бы для нихъ дѣйствительно полезны. — Тѣхъ и другихъ нужно было привести къ *чувствамъ взаимнаго доброжелательства*, которыя рождаются только изъ правильныхъ отношеній, а черезъ это и къ уваженію *общихъ правъ*, къ вступленію во взаимно-выгодныя сдѣлки, дабы наконецъ дойти до формальныхъ свободныхъ договоровъ и этому законностию и увеличенною самостоятельностью пробудить въ общій патриотизмъ.

Всего этого нужно было достигнуть въ теченіе отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, потому что мнѣнія, возрѣнія и привычки народа могутъ быть измѣняемы только постепенно, посредствомъ овладѣнія умомъ юношества и подросткающаго поколѣнія, и направленія ихъ воспитанія въ означенномъ смыслѣ и духѣ.

Возрастающее благосостояніе возвысило бы здравыя силы народ-

няя, а увеличеніе работы и капиталовъ—народное богатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народонаселеніе, и могущество страны.

Такъ какъ прежде всего можно было бы рассчитывать на хорошо снабженную и дисциплинированную армию, то не было бы недостатка и въ союзахъ для обезпеченія независимости. Всякій союзъ есть своего рода договоръ: нужно и съ своей стороны что-либо внести и предложить, требуя отъ другихъ какихъ-либо выгодъ или обезпеченія. Если это невозможно, то союзный договоръ съ нашей стороны будетъ не болѣе, какъ полученіе, принятіе или ожиданіе, а съ другой — дарованіе, обѣщаніе и ручательство, слѣдовательно это уже не будетъ договоръ равнаго съ равнымъ, но повелителя съ повинующимся, господина со слугою. Тогда, хоть сто разъ перемѣнять союзниковъ, значить только перемѣнять господъ.

И такъ армія, финансы, народное обученіе и образованіе, безпрепятственное законодательство, наконецъ возвышеніе доселѣ угнетенной части народа и внѣшнія связи и союзы—таковы были его планъ, его цѣль. И хотя *руки его были связаны*, внутри страны—ея конституціей и страстями партій, а извнѣ—чужеземною завистию и политикою; хотя ему нужно было бороться съ безчисленными противурѣчіями и препятствіями, однако, не смотря на все это, онъ достигъ исполненія большей части этихъ плана и цѣли своихъ, и достигъ бы и совершеннаго исполненія ихъ, еслибъ на престолахъ сосѣднихъ государствъ не воссѣдали три могущественные и честолюбивые властители, а внутри страны безразсудство, страсти, эгоизмъ и корыстолюбіе не заграждали ему на каждомъ шагу пути и не задерживали и совершенно не уничтожали его плановъ. Таковы были *препятствія*, которыя намъ нужно теперь рассмотреть поближе.

Они заключались частію въ немъ самомъ, частію въ его народѣ, частію въ чужеземцахъ.—Въ немъ самомъ—въ томъ отношеніи, что при самыхъ похвальныхъ качествахъ, при кроткомъ и благородномъ характерѣ, при глубокихъ познаніяхъ и прозорливомъ пониманіи обстоятельствъ, ему недоставало двухъ свойствъ, необходимыхъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ быть преобразователями своихъ народовъ: онъ не имѣлъ *рѣшительнаго, внушающаго невольное уваженія*, характера и не былъ *воиномъ и полководцемъ*. Будучи властителемъ воинственнаго народа, онъ самъ не былъ воиномъ; находясь въ борьбѣ съ корыстолюбивыми, высокоумѣрными и надменными вельможами, онъ самъ не обладалъ тѣмъ величіемъ, которое невольно внушаетъ страхъ и уваженіе къ себѣ. Это могло бы быть безвреднымъ въ спокойныя и мирныя времена, но должноствовало быть

пагубнымъ во времена бурныя и средѣ разгара страстей. И тѣмъ пагубнѣе, что ему пришлось имѣть дѣло съ народомъ, избалованнымъ долговременною анархіею, съ гордыми и властелюбивыми магнатами, питавшими чувства пренебреженія, зависти и ненависти къ высшима, котораго они видѣли равнымъ себѣ или и *ниже себя*; наконецъ съ фанатическимъ духовенствомъ, которое дотолѣ пользовалось почти диктаторскою властію и неограниченнымъ преобладаніемъ надъ всеми духовными интересами. Впрочемъ, и трудно было имѣть дѣло съ массою гражданъ или дворянъ, въ слѣдствіе національнаго характера, такъ, какъ онъ выработался политическими учрежденіями Польши. Мы имѣемъ свидѣтельство современнаго писателя (8) о тогдашнемъ характерѣ націи—свидѣтельство, которое и теперь еще весьма замѣчательно и мѣтко. «Поляки, говоритъ онъ, тщеславны, въ счастіи надменны, а въ несчастіи рабочія; они способны на величайшія низости для того, чтобы пріобрѣсть деньги, которыми тотчасъ же затѣмъ снова бросаютъ полными пригоршнями; они легкомысленны и безразсудны; всегда готовы примкнуть къ камоу-нибудь партіи и безъ всякой причины снова покинуть ее, и, по причинѣ недостатка послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ, впасть въ самыя дурныя дѣла. У нихъ есть законы, но никто не меншеетъ ихъ, потому что нѣтъ понудительной силы.—Всѣ знатныя фамиліи въ раздорахъ между собою изъ частныхъ интересовъ своихъ и предпочитаютъ свои личныя выгоды общественному благу; если они собираются, то для того, чтобы проявлять тотъ же жестокій нравъ свой и угнетать своихъ крестьянъ, съ которыми обращаются не какъ съ людьми, а скорѣе какъ съ рабочимъ скотомъ». Изображеніе это не прикрашено, но вѣрно; въ немъ недостаетъ только свѣтлыхъ сторонъ: откровенности, ловкости, мужества, большой личной храбрости и сильнѣйшей любви къ отечеству. Но за то недостаетъ еще и нѣкоторыхъ другихъ чертъ, которыя доводили картину, а именно: ихъ *самохвалство, хвастливость и недостаткъ правдивости* (9). Ни одинъ Полякъ не можетъ написать отечественную исторію безпристрастно: самую очевидную ложь, если только она служитъ къ прославленію его націи (слѣдовательно, пошвеннымъ образомъ—и его самага) или къ удовлетворенію страстей

(8) Этотъ писатель ни болѣе, ни менше—Прусскій король Фридрихъ II. Сѣ. *Histoire de mon temps* (Oeuvres, nouv. edit. 1846; Т. II. р. 24.

(9) «Полякъ и ложь—синонимы» сказалъ Ровинскій, знавшій ихъ изъ долгого опыта. Дописаніе отъ 21 окт. 1766 г.

какой-либо партін, онъ будетъ съ величайшею наглостію выдавать за правду, приукрашивать, искажать ее и прибавлять къ ней всякаго рода черты, имъ самимъ придуманныя для большаго правдоподобія. Такъ дѣлали уже древнѣйшіе ихъ писатели: Кадлубко, Длугошь и пр., такъ продолжаютъ дѣлать и ихъ потомки, до новѣйшихъ, живущихъ въ Парижѣ и Брюсселѣ. Нигдѣ нѣтъ спокойнаго, невзвѣшеннаго разсказа, въ которомъ и противнику отдавалась бы справедливость,—вездѣ самохвальство, пристрастіе и ненависть. Кто имѣлъ дѣло съ Поляками и поступалъ не такъ, какъ они хотѣли, или осморбилъ ихъ тщеславіе, или иначе дѣйствовалъ, какъ ихъ противникъ, долженъ быть готовымъ къ гоненію ихъ, даже по смерти, съ безмѣрною ненавистію и съ неослабными злобою и гнѣвомъ. И эта ненависть ихъ употребляетъ тогда всякаго рода оружіе: и дерзкую ложь и клевету (*semper aliquid haeret*), извращеніе и искаженіе фактовъ, злостныя выдумки небывалыхъ обстоятельствъ и чертъ, которыя имѣютъ цѣлію представить изображаемое лицо въ вѣрнѣе низкомъ, дурномъ и черномъ видѣ. Станиславъ Августъ, Суворовъ, Екатерина, Александръ, даже до новѣйшихъ ихъ героевъ, подвергшихся ихъ гнѣву, должны были испытать это.

Главную черту своей нравственной стороны—*недостатокъ разсудительности* обнаруживаютъ они въ томъ дѣтскомъ *leucocrin*, съ которымъ принимаютъ за истинныя и вѣрныя самыя необычныя разсказы, самыя нелѣпыя преувеличенія, и хотятъ навязать ихъ и другимъ. Далѣе: *безпокойство ихъ характера* столь велико, что они постоянно находятся въ какой-то почти лихорадочной дѣятельности, даже вслѣдствіе ничтожнѣйшихъ поводовъ. Чего сегодня они желали, то завтра бросаютъ; бѣгаютъ и гонятся за такими ничтожностями, къ которымъ сами оказываютъ презрѣніе, разъ достигнувъ ихъ; малѣйшая вещь приводитъ ихъ въ сильнѣйшее возбужденіе и затѣмъ они столь же скоро снова измѣняютъ расположеніе духа. Постоянно находясь въ безпокойствѣ и дѣятельности, они хватаются за дѣло, бросаютъ его, интригуютъ, пускаются въ козня, все видятъ въ преувеличенномъ фантазіею свѣтѣ и дѣйствуютъ по увѣреніямъ воображенія.

Наконецъ, послѣднею чертою ихъ характера есть вѣчно-живучая и дѣятельная *подозрительность* въ отношеніи къ правительству, властямъ, даже къ тѣмъ, которыя имъ благотворятъ и доброжелательствуютъ, также ко всѣмъ иностранцамъ; повсюду видятъ они себя окруженными шпіонами и измѣнниками, хотя тѣ и другіе большею частію существуютъ только въ ихъ воображеніи.

Таковъ былъ тотъ элементъ, на который задумалъ дѣйствовать Станиславъ Августъ,—элементъ, самъ по себѣ уже трудный, но для короля, связаннаго по рукамъ, и совершенно неодолимый. Этотъ противудѣйствующій элементъ, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ наконецъ раздробиться и обратиться въ развалины.

Но, къ несчастію для короля и его народа, неблагоприятныя обстоятельства соединились въ это время въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Сюда особенно принадлежала одновременность, на сосѣднихъ престолахъ, могущественныхъ умовъ, усиленно стремившихся къ вѣдшимъ предпріятіямъ и ощущавшихъ въ себѣ внутреннее побужденіе къ распространенію, округленію или политическому возвышенію своихъ государствъ.

На югѣ молодой, честолюбивый императоръ, которому слава стариннаго врага его благочестивой матери не давала покоя, и который, постоянно занятый мыслию о томъ, чѣмъ была нѣкогда Германская имперія, хотѣлъ, если и не возстановить ея могущество и значеніе, то по крайней мѣрѣ воспользоваться ими для усилія и увеличенія своихъ наследственныхъ земель.

Поэтому всякій случай къ распространенію государства, гдѣ бы онъ ему ни представился, былъ для него какъ нельзя болѣе кстати.

На востокѣ высокодаровитая, сильная характеромъ жена, иностранкой вступившая на престолъ могущественнаго государства, хотѣла выразить свою благодарность воспріявшему ее народу благодарными и увеличеніемъ его могущества и величія. Естественныя условія и обстоятельства страны опредѣлили ея политику. Петръ Великій искалъ ближайшаго морскаго сообщенія съ образующею Европою; и на сухомъ пути также онъ и его преемники, чрезъ посредство королей, посвященныхъ или утвержденныхъ ими на избирательномъ престолѣ Польши, открыто содержали свободное сообщеніе съ остальною, просвѣщенною Европою. Такимъ образомъ Польша обезпечивала русскую границу съ запада, но сама была открыта для всѣхъ русскихъ нападений въ томъ же направленіи. Эту политику Екатерина положила продолжать и, для лучшаго успѣха, по примѣру своихъ предшественниковъ возвести на польскій престолъ такого короля, въ преданности и благодарности котораго она могла бы быть уверена. Она исполнила это, и Станиславъ Понятовскій сдѣлался королемъ; но властелиномъ въ Польшѣ былъ русскій посланникъ.

которому русское войско, призванное политическими партіями страны, придавало должный вѣсъ.

Третій союзъ на сѣверѣ и западѣ былъ самый опасный, потому что слѣдовалъ опредѣленному плану разширенія, округленія и усиленія своей монархіи, лишь недавно еще возвысившейся изъ массы нѣмецкихъ имперскихъ владѣній, — притомъ личность котораго выходила изъ ряда обыкновенныхъ, который обладалъ блистательными дарованіями, какъ государь и полководецъ, и не слишкомъ былъ разборчивъ на средства для достиженія своихъ цѣлей. Онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего отца не королевство, а только разсѣянные части онаго — *disjecta membra*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полномъ порядкѣ государственное хозяйство и хорошо устроенное и обученное, воинственное и храброе войско. То и другое пришлось кстати честолюбивому царственному юношѣ, который превосходилъ всѣхъ современныхъ монарховъ остротою ума и силою воли; войско и казна должны были послужить ему для усиленія и округленія своего государства и для снисканія ему самому славнаго имени. Одинъ пробѣлъ особенно кололъ ему глаза: имя его было «королевская Пруссія,» которая однако принадлежала не ему, Прусскому королю, называвшему *своимъ* только «герцогство Пруссію.» То была богатая, плодородная полоса земли, преданная въ руки Полякамъ и ихъ внутреннимъ раздорамъ и ссорамъ. Наполнить этотъ пробѣлъ, отдѣлявшій его, такъ называемое, королевство отъ остальной части государства, было уже раннимъ помысломъ его юности ⁽¹⁰⁾, который самъ въ извѣстной степени оправдывался тѣмъ, что въ прежнее время обѣ «Пруссіи» составляли одну страну подъ властію Нѣмецкаго Ордена, и Фридрихъ былъ наслѣдникомъ послѣдняго орденмейстера его и перваго герцога Пруссіи. Если его права на это и были нѣсколько спорныя, то и Поляки не имѣли лучшихъ, и что дано было имъ мятежомъ и силою оружія, то самое мятежь и сила оружія могли снова отнять у нихъ. Къ этому праву силы присоединялось еще для Фридриха право *необходимости*, потому что, безъ обладанія этою странюю, его владѣнія оставались разбро-

(10) По крайней мѣрѣ французскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ дю-Шателе, въ донесеніи отъ 13 ноября 1763 г., говоритъ, что слышалъ отъ самаго Кауница, какъ Фридрихъ, будучи наслѣднымъ принцемъ, уговаривалъ отца своего, послѣ смерти Августа II, завладѣть Польскою Пруссіею и по этому случаю представилъ ему записку, въ которой изобразилъ важность и легкость этого пріобрѣтенія. См. St. Priest, *Études diplomatiques*. Paris, 1850, T. I, p. 34.

сантими членами одного тѣла, безъ единства и связи, а потому слабыми и немощными. Эта необходимость дѣлала его опаснѣйшимъ врагомъ Польши, тѣмъ болѣе, что онъ тайныя свои цѣли скрывалъ подъ личиною дружескаго расположенія. Поэтому политика его относительно Польши не могла быть иною, какъ удерживать послѣднюю въ сколь возможно болѣе слабомъ состояннн, т. е. при ея анархическомъ государственномъ устройствѣ, дабы при первомъ удобномъ случаѣ (хотя бы и ему самому пришлось подать поводъ къ нему) привести свой планъ въ исполненіе.

Такимъ образомъ зародыши ближайшихъ событій лежали въ самихъ обстоятельствахъ и во взаимно противуборствовавшихъ видахъ четырехъ монарховъ. Станиславъ Августъ желалъ преобразованія и усиленія своего государства, императоръ Іосифъ—славы и расширенія границъ, Екатерина—преобладающей силы своей въ Польшѣ, а Фридрихъ—слабости этого государства, дабы легчѣ завладѣть полосою земли, необходимою для соединенія частей своего королевства. Эти противуположныя намѣренія прежде всего произвели, съ одной стороны—попытки къ преобразованію государственнаго устройства, для извлеченія Польши изъ анархнн, а съ другой—поднятіе вопроса о диссидентахъ, съ цѣлю повергнуть Польшу въ новыя смуты и, можетъ быть, пріобрѣсть предлогъ для выполненія завоевательныхъ плановъ.

Вопросъ о преобразованнн государственнаго устройства, признанномъ необходимымъ всѣми истинными патриотами (хотя названіе это и присвоивали себѣ исключительно тѣ именно, которые старались воспрепятствовать этому преобразованію), уже давно, на конвокаціонномъ сеймѣ въ маѣ 1764 года, возбужденъ былъ дѣдами Станислава, Чарторыйскими, и отчасти приведенъ въ исполненіе. Они имѣли при этомъ трудную задачу—скрывать свои намѣренія не только отъ иностранцевъ, но даже и отъ собственной націи, и потому не могли прямо, а должны были лишь изворотами и косвенными путями идти къ своей цѣли, которая на первый случай состояла въ усиленнн королевской власти и въ ослабленнн независимой силы высшихъ сановниковъ, равно и въ отмѣнѣ *liberum veto*. Средствами для выполненія этихъ намѣреній имъ должны были служить отчасти ихъ приверженцы, отчасти же находившіяся въ странѣ русскія войска.

Конвокаціонные сеймы, созывавшіеся по смерти короля, были временами улучшеній и измѣненій въ конституціи. Земские доски (депутаты) имѣли тутъ право предлагать націи новыя законы, пре-

акты которых затѣмъ разсылались въ различныя воеводства, дабы, по обсужденіи ихъ на сеймикахъ, въ послѣдствіи, на избирательныхъ сеймахъ, быть либо принятыми *единогласно*, либо отвергнутыми протестомъ *одного* голоса. Но еслибы задуманные Чарторыйскими планы преобразованій сдѣлались извѣстными, то противудѣйствіе было несомнѣнно, а между тѣмъ земскіе послы, при собраніи сейма, должны были быть подготовлены къ нимъ и снабжены помощіями. Чарторыйскіе восobili себѣ въ этомъ тѣмъ изворотомъ, что чрезъ посредство привлеченнаго ими на свою сторону примаеса королевства, Лубенскаго, разсылавшаго призванія на сеймъ, представили крайне мрачную картину положенія страны и выразили желаніе улучшеній. Это средство помогло, не возбуждая слишкомъ большаго вниманія къ ихъ планамъ, и повело къ тому, что депутатамъ даны были указы помочь нуждамъ страны.

Съ другой стороны Фридрихъ II убѣдился, что можетъ осуществить свои виды на польскую Пруссію только при помощи Россіи, преобладавшей въ Польшѣ. Поэтому онъ усердно старался о заключеніи союза съ нею и достигъ этого 31 марта (11 апрѣля) 1764 года на *веселе мѣлѣ*. Онъ сумѣлъ включить въ союзный договоръ важное условіе: «*чтобы попытки къ измѣненію государственнаго устройства въ Польшѣ отнюдь не были терпимы* (11)». — Это было еще однимъ препятствіемъ больше въ стремленіяхъ къ преобразованіямъ, еще однимъ основаніемъ больше для облеченія ихъ въ глубочайшую тайну. На конвокаціонномъ сеймѣ Чарторыйскіе, при помощи своей партіи, провели одно главное преобразование, въ силу котораго при четырехъ независимыхъ высшихъ сановникахъ впередъ учреждались четыре верховные совѣта, каждый изъ 6-ти до 9-ти членовъ; эти совѣты сосредоточивали въ себѣ всю власть упомянутыхъ, дотолѣ почти самовластныхъ, сановниковъ, предоставляя имъ только предсѣдательство въ совѣтахъ. Изъ этихъ четырехъ верховныхъ совѣтовъ одинъ завѣдывалъ *казною*, другой—*военными ведомствами*, третій—*юстиціею* и наконецъ четвертый—*полиціею или внутренними дѣлами*. Сначала были открыты дѣйствія только двухъ первыхъ. Это былъ важный шагъ, позволявшій на будущее время держаться опредѣленнаго направленія въ управленіи, потому что въ совѣтахъ дѣла должны были рѣшаться по *большинству голо-*

(11) См. Rhulière (édition de 1819) II. 160. «*Jl (Frédéric) fit insérer dans ce traité la condition expresse de ne point souffrir en Pologne les entreprises de ceux, qui tenteraient d'y changer la forme du gouvernement.*»

себя, а король, раздаватель стольких милостей, легко могъ привлечь это большинство на свою сторону. Для устраненія всякихъ подозрѣній, члены этихъ совѣтовъ должны были быть назначаеми сеймомъ. Иностранные посланники, графъ Кайзерлингъ и князь Репнинъ съ русской стороны, и князь Шёнайхъ-Каролатъ и Бенуа съ прусской, были обмануты общими выраженіями, темными фразами, даже неточными переводами съ польскаго, или же просто мало что понимали изъ всей этой польской конституціонной путаницы. Труднѣе было обмануть ихъ при проведеніи второй, первостепенной важности реформы — отмены *liberum veto*, и едва только услышали они о возбужденіи этого вопроса, какъ тотчасъ же воспротивились ему. Вслѣдствіе того, дѣломъ этимъ перестали заниматься явно, и примазь притворно объявилъ, что «по недостатку надлежащихъ полномочій у земскихъ пословъ, эту важную переизмѣну должно предоставить будущему времени». — Но хитрый великій канцлеръ Михаилъ Чарторыйскій съумѣлъ однако обойти и иностранныхъ посланниковъ, проведя, какъ бы въ дополненіе къ прежнимъ постановленіямъ, слѣдующее: «чтобы, въ отсутствіе сейма, король имѣлъ право назначать членовъ на свободныя мѣста въ четырехъ верховныхъ со- вѣтахъ». Но при *liberum veto* никакой сеймъ не былъ возможенъ, и важное право назначенія на эти мѣста, а съ нимъ въ тоже время и преобладающее вліяніе, оставались почти исключительно за королемъ. Такимъ образомъ, даже это противуборство двухъ державъ, рассчитанное на ослабленіе Польши, должно было, напротивъ, въ лонкихъ рукахъ Михаила Чарторыйскаго, послужить къ ея усиленію. Относительно предположеннаго порядка производства дѣлъ въ со- вѣтахъ, онъ прибѣгнулъ къ другимъ тонкостямъ: общія выраженія должны были прикрыть возстановленіе порядка. Всѣ предложенія на пользу республики должны были, въ самомъ началѣ сейма, быть представляемы комиссіею казны и, прежде всѣхъ другихъ вопро- совъ, рѣшаемы *судебнымъ порядкомъ* (т. е. большинствомъ голо- совъ). Въ широкой объемъ этого закона можно было ввести все, что угодно, и рѣшать большинствомъ голосовъ; наконецъ, посред- ствомъ другой прозорливой мѣры, въ случаѣ сорванія или несосто- ятельства сейма, всѣ такимъ порядкомъ произнесенныя рѣшенія должны были оставаться въ полной силѣ. Этимъ было безконечно много выиграно. Военная комиссія, учрежденная на такомъ же основаніи, какъ и комиссія казны, должна была вѣдать всемъ вообще воен- нымъ управленіемъ, какъ-то наборомъ, обученіемъ, дисциплиною и содержаніемъ войскъ. Въ предписаніяхъ, даннцхъ комиссіи юсти-

ція, были предложены законы, благодѣлствованіе крестьянамъ и ограничиваніе самовластіе дворянъ надъ ними.

Такимъ образомъ Чарторыйскіе, подъ видомъ лишь введенія лучшаго порядка въ конституцію, съумѣли незамѣтнымъ образомъ замѣнить ее и приблизить къ монархическому правленію. А чтобы лучше скрыть ихъ улучшенія, сеймъ, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, былъ превращенъ въ конфедерацію, къ которой должно было приступить дворянство цѣлаго королевства. Этимъ Чарторыйскіе, даже и послѣ распущенія сейма, удержали въ своихъ рукахъ диктаторскую власть, такъ какъ успѣли достигнуть назначенія Августа Чарторыйскаго маршаломъ конфедераціи.

Иностранныя правительства не замѣтили бы ничего, еслибъ Мокрановскій, доверенный другъ одного изъ ограниченныхъ въ своей власти высшихъ сановниковъ (гетмана Браницкаго), не открылъ всего положенія дѣлъ Прусскому королю. Онъ поѣхалъ въ Берлинъ и просилъ Фридриха, чтобы онъ, для устраненія Понятовскаго, далъ имъ въ король брата своего, Генриха. Фридрихъ, по основательнымъ причинамъ, не хотѣлъ и слышать о томъ. «Тогда, государь,—сказалъ Мокрановскій,—спасите по крайней мѣрѣ нація вольности.»—Король выслушалъ Мокрановскаго и онъ объяснилъ ему весь смыслъ, всѣ тонкіе извороты, употребленные Чарторыйскими для того, чтобы тайнымъ образомъ совершить реформу. Изумленный король обѣщавъ «вскорѣ положить конецъ этому, такъ какъ и союзъ его съ Россіей не имѣлъ иной цѣли (12).»

Онъ тотчасъ же ударилъ тревогу въ Петербургѣ (13) и, по избраніи Станислава Понятовскаго въ король (7 сент. 1764), русскій посланникъ, вмѣстѣ съ прусскимъ, долженъ былъ, на коронаціонномъ сеймѣ (въ ноябрѣ 1764 г.), рѣшительно потребовать «чтобы конфедерація была распущена и законы приведены снова въ прежнее положеніе.» Чарторыйскіе твердо стояли на своемъ и, для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія, распространили въ націю летучіе листки, въ которыхъ излагалось, какъ благодѣтельны для нея произведенныя перемѣны. А какъ новый сеймъ, который

(12) Rhullère. II. 233.

(13) Frédéric (Mém. de 1763—65, p. 14): «Le roi de Prusse craignit, que ces changements ne tirassent à conséquence, en introduisant un changement considérable dans ce gouvernement d'une république aussi voisine de ses États que la Pologne; il en avertit la cour de Pétersbourg, qui entra dans ses vues.»

одни могъ провозвестъ коронныя измѣненія, должны были обратя- ся только черезъ два года; то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ ново- введенныя учрежденія были обозначены. Притомъ Чарторыйскіе со- хранили и всеобщую конфедерацию.

Но они сдѣлали важную ошибку, которая разрушила все, что было введено ими съ такою осмотрительностью. На коронаціонномъ сеймѣ Россія предложила оборонительный и наступательный союзъ; на этотъ конецъ Поляки должны были образовать войско, силою въ 50,000 человекъ. Это было счастливый случай, за который имъ слѣ- довало ухватиться обѣими руками: это заинтересовало бы и самую Россію въ ихъ реформахъ и дозволяло бы имъ увеличить доходы и войско, тогда можно было бы уже дѣйствовать смѣлѣе и съ бо- льшею самостоятельностью. Однако Чарторыйскіе сдѣлали ту непо- стыжную ошибку, что отклонили этотъ союзъ; изъ опасенія, какъ они говорили, сдѣлаться зависимыми отъ Россіи и быть принужде- нными участвовать въ ея войнахъ.—Развѣ, оставшись безоружными, они не были въ сто разъ зависимѣе, и не отъ одной Россіи? Въ союзѣ же съ Русскими они научились бы дисциплинѣ, порядку и болѣе совершенному военному искусству, и создали бы для себя хоро- шее войско, что все могло послужить только въ пользу ихъ славы и ихъ независимости. Тогда никто и не подумалъ бы отрывать частыя имъ страны: въ сильному, въ союзѣ съ сильными, всенной чувствовалъ уваженіе. А разъ усилившись, они, при благоприятныхъ обстоятель- ствахъ, легче могли бы достигнуть и независимости отъ союзника. Но отклоненіемъ союза они оскорбили Россію и изъ благодарство- вавшей ихъ преобразованной державы обратили ее въ противобор- ствовавшую имъ—и тогда все пошло нивадъ. Былъ до сихъ поръ въ поступленіи впередъ, они теперь вдругъ были атакованы на нѣско- лко прищѣ и поставлены въ оборонительное положеніе. Всякая не- справедливость влечетъ за собою свое возмездіе: несправедливыя релігіозныя угнетенія диссидентовъ, оунатіе у нихъ политическихъ правъ, должны были теперь послужить предлогомъ къ тому, чтобы затронуть Польшу за самое больное ея мѣсто. И потому: аспидъ на этомъ мятежъ, междоусобную войну, опустошенія и вмѣшатель- ство иностранцевъ, а это имѣло послѣдствіемъ первое раздробленіе страны и тѣмъ подготовило паденіе ея.

Увѣренные въ покровительствѣ Фридриха протестантскіе дис- сіданты вальской. Пруссіи потребовали возстановленія отнятыхъ у нихъ вольностей и правъ; а въ союзеніи съ этимъ и кричали

греческаго вѣроисповѣданія (*) въ восточныхъ областяхъ просян рускою императрицу ходатайствовать за нихъ. Эти требованія приготовлены были дальновиднымъ Фридрихомъ еще за два года передъ тѣмъ. Когда восторженный почитатель его, императоръ Петръ III заключилъ съ нимъ 8-го іюня 1762 года тѣсный союзъ, Фридрихъ съумѣлъ включить въ него условіе: «принятія участія въ диссидентствѣ и христіанскъ греческаго вѣроисповѣданія противъ угнетенныхъ Полаками.» (14).— Въ слѣдствіе того, диссиденты и православные, убранные въ поддержкѣ Россіи и Пруссіи, представляли умѣ на избирательномъ сеймѣ свои прошенія, которыя были еще болѣе подтверждены сопровождавшими ихъ нотами; переданными русскимъ и прусскимъ посланниками 14-го сентября 1764 г. Это было роковымъ особеннымъ ударомъ для короля и Чарторыйскихъ: благодѣятели требованій диссидентовъ значило оскорбить сановитскую и несуществующую партію духовенства, а сурово отказать въ нихъ — оскорбить покровительствующія державы. Посебили этому тѣмъ, что съ одной стороны Станиславъ старался успокоить рускую императрицу и написалъ ей «чтобъ она дала ему лишь нѣсколько времени на постепенное ведожденіе умовъ его народа и на приобретене его довѣрія», а съ другой стороны Чарторыйскіе предоставили дѣло диссидентовъ свободному рѣшенію сейма, которое, при тогдашней настроенности умовъ, естественно постигло не въ ихъ пользу. Этими было посягнуто сомнительное сѣмя для буду-

(*) Т. е. православные.

(14) Подлиннаго текста этого союзнаго договора нигдѣ нельзя отыскать, ни у Мартенса, ни въ одномъ изъ другихъ сборниковъ. Шёлль (Hist. des traités, Brux. 1851. T. I. 358) говоритъ только слѣдующее: «Вскорѣ послѣ мирнаго договора 5-го мая 1762 года, былъ заключенъ болѣе тѣсный союзъ между императоромъ Петромъ и королемъ прусскимъ. Условія договора неизвѣстны; узнала только, что король Чернышева, бывшій на обратномъ пути изъ Польши, опять вернулся въ Силезію.» — Только у Рюльера можно найти слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія. Союзный договоръ заключалъ въ себѣ относительно Польши 3 пункта: 1) «Возведеніе на польскій престолъ кого-либо изъ Пястовъ, для отстраненія саксонской династіи.» 2) «Покровительство диссидентовъ и христіанъ греческаго вѣроисповѣданія.» — Пруссія заступилась за Шведію, какъ покровительница протестантства. Бронъ Гольцъ, протестантъ, отъ диссидентовъ польской Пруссіи, былъ назначенъ Фридрихомъ въ Инсертъ. Бронъ и заключилъ этотъ союзный договоръ; изъ этого легко можно догадаться, съ которой стороны являлись эти условія, такъ какъ Петра III мало занимали польскія дѣла, а гораздо болѣе датскія. — Третій пунктъ договора исходилъ со стороны Россіи и представлялъ ей свободное распоряженіе герцогствомъ Курляндскимъ. (Въ другомъ мѣстѣ см. подробности поговоримъ объ этомъ).

наго прозвращенія. Требовать отъ людей, восставшихъ Иезуитами и въ неоправданности ко всемъ законѣрамъ, чтобы они не только терпѣли послѣднихъ, но и предоставили имъ равныя съ собою политическія права, значило огнемъ и пламенемъ возжечь все инстинктивныя и эгоистическія страсти. Покровительствующія же державы не только сохранили всегда готовый предлогъ къ вмешательству, но и кромѣ того приобрѣтали передъ дѣлами сѣтеныя славы просвѣщеннаго намѣренія, человеколюбія и справедливости. Величайшая политическая ошибка, которую можетъ сдѣлать правительство, состоитъ въ томъ, чтобы отказываться противникамъ въ исполненіи требованій, основанныхъ на справедливости;—этимъ утрачивается всеобщее участіе и подъ конецъ все-таки приходится уступить. Поэтому огласише съ правдами мудрости—какъ можно скорѣе удовлетворить ихъ. Въ слѣдствіе того, что Поляки не признавали за не хотѣли признавать этого, они наделили на себя заслуженныя бѣдствія.

Такимъ образомъ съ одной стороны положено было озабочиваться улучшеніемъ, а съ другой—къ вреднымъ безпокойствамъ.

Еслибы Станиславъ ниылъ за собою хоть немного народа некорривнаго народа, способнаго обуздывать свои страсти, амаль на себя и достигать улучшенія, въ которыхъ нуждался, то могъ бы достигнуть исполненія своихъ плановъ. Но какъ онъ не имѣлъ поддержки въ своемъ народѣ и подвергся нападению вражескихъ силъ, то нехотѣлъ на могъ быть сомнительнымъ.

Что проводится таинственнымъ образомъ, посредствомъ словъ, сказанныхъ обиняками, то рѣдко бываетъ прочнымъ, потому что возбуждаетъ всеобщую недоувѣрчивость, которая, блуждая по свободному полю фантазіи, видитъ за этими словами всевозможныя опасности и потому успокоивается не ранѣе, какъ воспріятельствовавъ своему дѣлу. Чѣмъ менѣе открыто и прямо излагались проекты новыхъ учрежденій, тѣмъ болѣе недоувѣрія и неоправданности возбуждали они. Съ изумленіемъ увидѣли Поляки, что обѣ комиссіи казны и военныхъ дѣлъ имѣли болѣе власти, нежели сколько они полагаали предоставить имъ, и, объятые старинными предразсудками, трепетали при мысли, что король, посредствомъ увеличенія доходовъ, могъ получать въ свои руки слишкомъ много денегъ и еще болѣе подавить свободу. Такъ какъ, кромѣ того, король и его дядя не шли по старой дорогѣ, но, помимо высшаго дворянства, болѣе предпочитали дарованія низшей шляхты, и какъ приверженцевъ ихъ повсюду говорили о необходимости дальнѣйшихъ преобразованій, то еще болѣе усилилась подозрительность такъ называемыхъ ле-

привнесъ, т. е. тѣхъ, которые, коимъ въ старинныхъ повѣстяхъ, являлись охраненіи прежней анархіи и въ самыхъ благодѣтельныхъ улучшеніяхъ хотѣли видѣть стремленіе къ тиранніи.

Король, постоянно имѣя въ виду свои преобразовательные планы, воспользовался промежуткомъ времени до новаго сейма 1766 года, чтобы, въ силу полномочій, дарованныхъ ему тѣмъ названными разами *сеймики*, учредить кадетскій корпусъ, для доставленія своей странѣ дѣльныхъ офицеровъ, — заложить литейный дворъ, для снабженія своей нужнымъ количествомъ артиллерійскихъ орудій, — наказы, дурную повету, введенную въ обращеніе Евреями, замѣнить вновь вычтенною короною, и дать лучшее и болѣе полезное устройство сбору податей, составлявшихъ главный доходъ государства. Но здѣсь Фридрихъ снова загородилъ ему дорогу, воспротивившись наказы бы то ни было возвышеніемъ вѣшлимъ Наконцъ, Станиславъ старался поставить въ лучшее положеніе общественное воспитаніе и вслѣдствіе поддерживать науки и искусства. Это были первые наказы неконвенціи его великаго правительственнаго плана. Но нагрѣши эти были разгаданы и со всѣхъ сторонъ устремлялось на него съ преслѣденіемъ и преслѣствіемъ.

Обрался сеймъ 1766 года, и король, преслѣдуя свои планы, старался провести законъ «чтобы на будущее время увеличеніе арміи и установленіе новыхъ налоговъ были рѣшаемы только большинствомъ голосовъ.» — Тутъ гроза разразилась. Русскій и прусскій посланники объявили «что ихъ дворы не согласны на увеличеніе налоговъ и арміи»; вмѣстѣ съ тѣмъ они потребовали «тѣснѣйшаго объясненія новыхъ учреждений и многихъ обманчивыхъ выраженій, подъ предлогомъ которыхъ уничтожены *liberum veto* и другія важныя постановленія, и чтобы драгочѣнное единогласіе было обезпечено на будущее время». Съ твердостью и равеніемъ и не боясь угрозъ настаивали оба посланника на исполненіи этого и требовали распушенія общей конфедераціи, въ чемъ ихъ поддерживала могущественная партія такъ называемыхъ патріотовъ или враговъ реформы. Наконцъ король и Чарторыйскіе, въ крайнюю прихорробию своему, увидѣвъ себя вынужденными уступить и должны были теперь сами не чинить разрушенія то владѣнію, къ введенію котораго ими было приложено столько труда и столько искусства, и это разрушеніе сопровождалось радостными воплями безсмысленныхъ патріотовъ, хваставшихъ тѣмъ, что разрушили негодные планы и оглоздили грозившій деспотизмъ. — Однако король удалось сдѣлать учрежденію четырехъ верховныхъ советовъ или комиссій, а съ ними же свое владѣніе на

управленіе странною; также было постановлено, чтобы впредь на провинціальныхъ сеймикахъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Но всеобщая конфедерація, которая въ теченіе двухъ лѣтъ держала въ обузданіи всю страну, должна была быть распушена. Въ то же время, какъ орудіе нападенія, снова былъ поднятъ вопросъ о дѣлѣ диссидентовъ и потребованы для нихъ справедливость и право; но фанатизмъ и своекорыстіе епископовъ, подстрекаемые опасеніемъ вундичемъ и поддерживаемые изувѣрствомъ и вѣроисповѣдательскою ненавистію толпы, и на этомъ сеймѣ отклонили всѣ справедливыя уступки. Чѣмъ долѣ такимъ образомъ удалялись отъ требованій справедливости, выставленныхъ политически-мудрыми протестантами въ видѣ заградни, тѣмъ худшія готовили себѣ послѣдствія, которые и не востановили себя долго ждать.

Зависть великодушнаго и благоумнаго: ихъ противъ Пенятовскаго, за то, что онъ благоумнствовалъ низшей шляхтѣ, — евангелическая злоба духовенства за то, что онъ, въ дѣлѣ диссидентовъ, совѣтовалъ дѣлать уступки, — наконецъ ненависть къ нему толпы за то, что онъ вступалъ на престолъ помощью Россіи, вследствие чего на него возлагали вину всѣхъ тягостей и жалобъ, причисленныхъ крѣпостными русскими войскамъ въ Польшѣ; а съ другой стороны: желаніе русскаго посланника Рейнина дать почувствовать королю, хотѣвшему дозволить себѣ болѣе свободы дѣйствій, его зависимость и зависаніе дѣло о диссидентахъ къ окончательному рѣшенію — всѣ эти причины повели за собою (лѣтомъ 1767 года) генеральную конфедерацію въ Радомѣ, которая, будучи созданною противникомъ и врагомъ, чувствительно понолежала королевскій престолъ. Когда королю достаточно устрашили и преклонили, тогда въ Варшавѣ былъ открытъ (5-го октября 1767 года) чрезвычайный сеймъ, для утвержденія; совлочно обычаю, постановленій конфедераціи а; кромѣ того, для усвоенія дѣлъ о диссидентахъ и о конституціи. Фанатическое противудѣйствіе епископовъ Салтыка и Залускаго, равно и обоевъ Ржевускихъ; побудило вспыльчиваго Рейнина прибѣгнуть къ расшатанной мѣрѣ: онъ велѣлъ схватить ихъ и отвезти въ Россію; затѣмъ назначенная сеймомъ делегація должна была разработать проектъ закона для приведенія въ правильный порядокъ всѣхъ спорныхъ религіозныхъ и конституціонныхъ вопросовъ. Негаданіе, изобуденное оскорбленіемъ свободы сейма, единошное, наисамое національной независимости и, наконецъ, гайнина намереніе евангелическихъ или есудобивныхъ вождей партій; повели къ Варшавской конфедераціи, которая поставила себѣ цѣлю: низложить короля; ре-

давление диссидентствъ и изгнаніе Русскихъ изъ Польши; Варская же конфедерація, помощію подстрекательства Шуазеля, повела къ турецкой войнѣ. Мы видѣли ходъ и исходъ обѣихъ ⁽¹⁵⁾. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какъ эти смуты, при искусномъ пользованіи ими, привели наконецъ Фридриха къ давно желанной цѣди — прибрѣтенію польской Пруссіи, но еще прежде того упомянуть объ исходѣ дѣлъ о диссидентахъ и конституціи.

Диссиденты получили то, чего желали, и даже болѣе, нежели требовали сначала, а именно: свободу совѣсти и одинаковыя съ католическими собратіями своими политическія права. Относительно конституціи было постановлено: 1) всѣ административныя мѣры, предложенныя каждымъ сеймомъ, должны были рѣшаться въ теченіе первыхъ трехъ недѣль и по *большинству голосовъ*, и рѣшенія эти, даже въ случаѣ распущенія сейма, имѣли сохранять всюду свою действительность; 2) напротивъ всѣ *политическія* мѣры, какъ то: увеличеніе числа войскъ, введеніе новыхъ податей и налоговъ, договоры съ иностранными державами и т. д. должны были рѣшаться въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль и лишь *единогласно*. Такимъ образомъ дозволялись административныя улучшенія, но не политическое усиленіе. Благодѣтельно было то, что распущеніе сеймовъ не должно было имѣть вліянія на административныя рѣшенія и что созданныя Чарторыйскими четыре верховные совѣта или коммиссіи были сохранены, а наконецъ то, что, по настоянію короля, постановлены были нѣкоторыя условія въ пользу угнетеннаго прусскаго союзу и смертная казнь, вмѣсто отмѣненной денежной пенѣ, за убійство крестьянина. Такимъ образомъ эта конституція, хотя и внушенная болѣею частію однимъ иностраннымъ посланникомъ, все-таки была шагомъ къ лучшему. Ею сеймъ заключилъ 5 марта 1768 года свои засѣданія.

Турецкая война обманула всѣ ожиданія тѣхъ, которые благоприятствовали ей; подъ могучими ударами Русскихъ затрепеталъ Стамбулъ. Побѣдительница, провознесенная сознаниемъ побѣдъ и могущества, захотѣла теперь разомъ сдѣлать такіе шаги, которые можно дѣлать только постепенно, и, чрѣзмѣрными требованіями своими, возбудила противъ себя зависть сухопутныхъ державъ, преимущественно Габсбургско-Бурбонскаго союза. Фридрихъ, ея союзникъ, и самъ озабоченный этимъ, предостерегалъ ее, удерживалъ, стараясь достигнуть посредничества. Но когда военное счастье

(15) Въ первой части этого сочиненія.

повсюду продолжало улыбаться ей, до того, что повергло въ ужасъ ея враговъ и безсильныхъ противниковъ, тогда Фридрихъ уговорился въ Нейштадтѣ съ Юстиномъ, императоромъ Германскимъ и ближайшимъ наследникомъ Терезин, и съ его увереннымъ и гордымъ министромъ Кауницомъ, своимъ старымъ врагомъ, какъ положить предѣлы военнымъ успѣхамъ и требованіямъ Русскихъ. Австрія смела хотѣла прибѣгнуть къ вооруженному вмешательству и уже завела съ Турціею тайные переговоры. Но тутъ Фридрихъ умѣлъ съ неподражаемымъ искусствомъ такъ настроить умы, однихъ удерживая, другихъ подстрекая, и столь хитро возбудить эрмитажамъ своскоростіе, что когда дѣло шло, куда хотѣлъ, и разными путями внушилъ плень вознагражденія себя на счетъ анархической Польши и притомъ такъ, чтобы вслѣдъ получили свою часть, въ доблѣманіе нарушенія равновѣсія, доминировавшаго всегда слухомъ и влияніемъ, — тогда его, наконецъ, охотно стали слушать (16). Это было мастерскимъ политическимъ дѣломъ, выше всѣхъ его военныя подвиговъ, направить совсунуно къ одной и той же цѣли, съ одной стороны — гордыхъ побѣдителей, а съ другой — императорскихъ противниковъ, къ тому же — двухъ женщинъ, двухъ монарховъ, съ противоположными характерами, и уморнаго, во всемъ ему противившагося министра. Ибо у Маріи-Терезин пробудилась уверенность, а въ императрицѣ Еватеринѣ сознаніе, что онѣ могли безъ сопротивленія господствовать надъ цѣлымъ и, следовательно, при раздѣлѣ смерти терять, надеясь выиграть, у Кауница же, наконецъ, мысль, что его любимое дѣтище, Габсбургско-Бурбонскій союзъ, могъ быть сильно поколебленъ этими. Однако Фридриху уда-

(16) Коксъ, Враксаль, Сегуръ, вообще всѣ свѣдущіе иностранцы давно уже указывали и признавали достовѣрнымъ, что Фридрихъ былъ главнымъ зачинщикомъ и дѣятелемъ въ раздѣлѣ Польши. Только въ Германіи усердно оспаривали это. Однако, уже для внимательнаго читателя записокъ Фридриха 1763—65 годовъ, даже по стѣрому ихъ изданію, оставалось мало сомнѣній въ томъ; новое же изданіе 1847 г., гдѣ исправлено поврежденіе текста, сдѣланное Герцбергомъ, почти вовсе не оставляетъ оныхъ. Подъ 1769 г. на 26 стр. значится именно: «Le roi avait envoyé à St. Pétersbourg un projet politique, qu'il attribuait à un comte de Lynar. Le projet contenait une esquisse d'un partage à faire de quelques provinces de la Pologne entre la Russie, la Prusse et l'Autriche». (Авторъ, въ другомъ своемъ сочиненіи, вѣстрепъ, на основаніи собственныхъ копійъ, не ставилъ въ всякаго сомнѣнія, что предложеніе о раздѣлѣ провинцій единственно и исключительно отъ Фридриха и что Россія, равно какъ и Австрія, долго не соглашались на нихъ).

не успевая исполнить это трудное дѣло съ такими осмотрительностью, умомъ и ловкостью, какіе могли быть внушены только самымъ близкимъ къ сердцу и горячимъ интересомъ. Скажемъ болѣе, когда собственное его чувство и голосъ современниковъ говорили ему, что планъ нѣрнаго раздѣла слабаго союдаственнаго государства не будетъ одобренъ, Фридрихъ съумѣлъ предать дѣлу такой видъ, что онъ, главный зачинщикъ, являлся совершенно невиннымъ въ раздѣлѣ и принималъ въ немъ столь удобное для себя участіе только по необходимости и вынужденный къ тому самокорыстіемъ императорскихъ дворовъ. И это мнѣніе онъ такъ ловко умѣлъ распространять, что многіе частіе Пруссіи, въ своемъ патріотическомъ уваженіи къ королю, совершенно серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ осмѣливались утверждать, что изъ трехъ властителей, Фридрихъ имѣлъ наибольшее участіе въ этомъ дѣлѣ и такъ сказать только для собственной защиты и самосохраненія долженъ былъ взять свое дѣло; первый же поведѣе, первый толчекъ къ роковому раздѣлу данъ былъ, смотри: по наклонности или къ той или другой сторонѣ, то Австрію, которая завладѣла Цинсомъ, то Екатерину, которая завладѣла Фридриху, что если Австрія дозволила себѣ такой захватъ, то и другія союдаственныя державы ниѣтъ такое же право брать что-нибудь или, какъ она, говорить, выразилась: «наклониться и пожать». Нашему времени суждено было вриобрѣсть очевиднѣйшія доказательства зрѣливаго и открыта, что настоящимъ зачинщикомъ и исполнителемъ раздѣла былъ—Фридрихъ,—не безъ удивленія впрочемъ необычайнымъ искусству и ловкости, и неподражаемымъ точности и послѣдовательности, съ которыми онъ умѣлъ привести въ исполненіе этотъ давно задуманный планъ, не теряя его ни на минуту изъ виду и не смотря на самыя противоборствующія обстоятельства и лица (17).

Такъ пала Польша жертвою за Турцію, потому что Фридрихъ, относительно первой изъ этихъ странъ, давно убѣдился, что величіе Пруссіи могло быть основано только на паденіи Польши, а величіе Польшы—только на слабости Пруссіи (18). Нетерпимость, не-

(17) Лучше всего это доказалъ St. Priest въ его *Études diplomatiques*, T. I, и сдѣлалъ вѣроятнымъ даже до очевидности, хотя, впрочемъ, всякому внимательному читателю королевскихъ записокъ, даже до восстановления ихъ истиннаго текста, нѣтъ оставалось сомнѣній въ этомъ.

(18) *Vita Corradini—mors Caroli*,
Mors Corradini—vita Caroli!

дальновидность, страстная горячность и раздоръ Польского довершили остальное. И такимъ образомъ, въ ближайшіе 22 года дѣлостроивало быть исполнено то, къ чему Фридрихъ только предвѣдѣлъ путь и поставилъ указательныя вѣхи. Такова была судьба! Характеръ короля Станислава, его достохвалѣнныя стремленія должны были еще послужить именно къ тому, чтобы одѣйствовать усадку и конечному паденію Польши и ускорить ихъ. Къ старымъ раздорамъ они присоединили новые, рядомъ съ старыми выданы, приваны, обычаями и мнѣніями поставили новые, прокинувъ все вверхъ дномъ. Известно, что въ природѣ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ, все находится въ состояніи вѣчнаго созиданія и постояннаго, хотя и временнаго, измѣненія, и какъ въ физической природѣ вещество одно твердое, падаетъ на самое мягкое, съ теченіемъ времени измѣняется и замѣняется другимъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, одинъ рядъ мыслей за другимъ проливается текущій вѣкъ въ его ходу, и движется, и растетъ, и работаетъ далѣе. И если обратить свой взглядъ на: одна или два человѣческихъ поколѣнія назадъ, то нельзя не изумиться дѣятельности этой потливой работы и полному замѣненію взглядовъ цѣлѣйшаго міра. Кто находится въ преклонныхъ лѣтахъ, ну съ переиспытаніемъ въ воображеніи за 25 или за 30 лѣтъ въ прошедшее время какіе, совершенно иные интересы, мысли, стремленія и мнѣнія существовали тогда въ человѣчествѣ! А однимъ поколѣніемъ позже, и наши потомки произнесутъ такое же сужденіе о нашемъ времени.

Въ вѣдѣннѣмъ тѣлѣ происходитъ постоянное, почти незамѣтное наступленіе впередъ (прогрессъ) и умѣренное, постепенное преобразованіе: нѣкоторыя старыя, негодныя, умершія частицы устраниваются, другія, освѣженныя пищею, входящею извнѣ, занимаютъ ихъ мѣсто; это послѣдуетъ такъ незамѣтно, что въ теченіе ряда нѣсколькихъ лѣтъ устранивается безчисленное множество негодныхъ веществъ и взаимно ихъ воспринимаются новыя, такъ что тѣло является почти въ сѣбѣ иномъ видѣ. Еслибы захотѣли насильственнымъ образомъ задерживать входъ новыхъ жизненныхъ веществъ и предоставить старымъ истощать тѣло, то наступили бы слабость, малярия (сухотка), гнидость и наконецъ полное разложеніе и распаденіе всѣхъ частей. — Такою, остановившеюся въ своей дѣятельности страной была Польша, гдѣ всякое умственное и нравственное движеніе было задержано иезуитскими хитростями и ложно, аналитическимъ и материальною силою, и народъ впалъ въ совершенный нравственный и

умственный паразитъ.— Въ царствованіе Станислава, когда торжественное могущество духовенства и дворянства было устранено иностраннымъ вмешательствомъ и вновь-возстановленнымъ умственнымъ движеніемъ, новые взгляды, мнѣнія и правила внезапно излились, съ чрезвычайною, неудержимою силою, на неподготовленную къ тому націю: началась жестокая борьба стараго съ новымъ и наполнила собою весь періодъ правленія Станислава-Августа. Поборники стараго и новаго попеременно являлись то побѣдителями, то побѣжденными, и наги наконецъ всё вмѣстѣ подъ тяжестью времени и чужеземныхъ силъ, потому что отстали отъ времени и въ собственномъ могуществѣ оказались отсталыми.

Уже одинъ изъ древнихъ мудрецовъ (19) сказалъ, что паденію государствъ предшествуетъ упадокъ нравственности и справедливости. Польша представила новое тому доказательство: нравственности и справедливости мало можно было найти въ ней; повсюду были только эгоизмъ, своекорыстіе и упадокъ нравовъ. Въ продолженіе борьбы ста лѣтъ, вельможи и сильные люди продавали корону своей страны предлагавшимъ высшую цѣну за нее, принимали годовое жалованье отъ чужеземцевъ, чтобы прислуживать имъ и удовлетворять своимъ похотямъ, и издѣвались надъ нравственностью и законами; въ вѣчныхъ раздорахъ между собою, они устраивали свои дела посредствомъ подкуповъ или насилія. Милліоны людей были превращены въ прахъ для того, чтобы эти немногія тысячи могли дѣлать, что имъ вздумается, не уважая ни короля, ни правъ, ни законовъ, которые были бессильны. И эта зараза отъ высшихъ классовъ перешла и на непосредственно за ними слѣдовавшіе, и здѣсь ея распространенію и разработыванію въ ихъ пользу особенно служили жиды; которые, подобно гадамъ, обильно распложаются только въ гниющихъ тѣлахъ.—Нравственное состояніе страны было такъ въ прогнившую порчу и подрыто въ основаніи, а въ такомъ случаѣ излечить его можно (если оно еще излечимо) только несчастіями и нуждой, огнемъ и мечемъ!

Несчастіе разразилось и послѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ; подобно громовому удару, онъ пробудилъ народъ отъ его оцѣпенѣнія: Сеймъ, который долженъ былъ утвердить раздробленіе страны, имѣлъ собораться 19 апрѣля 1773 г., и лишь съ величайшимъ трудомъ удалось побудить его на созволеніе раздѣльному договору. Приняты были самыя настоятельныя мѣры: королю угрожали изложеніемъ и заклю-

(19) Цицеронъ. De officiis, lib. I, c. 27.

чешамъ, Варшавѣ—предоставленіемъ солдатамъ на грабежъ; государственному сейму—полнымъ раздѣломъ оставшихся еще земель; и подкупы, адѣсь столь дѣйствительные, должны были бытъ нужны въ дѣйствіе, и маршалъ сейма Понинскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами и депутатами, были подкуплены. Такии образцы, посредствомъ угрозы и подкуповъ, членовъ сейма довели наконецъ до подписанія договора, однако съ большинствомъ только нести голосовъ въ сенатѣ и одного въ палатѣ депутатовъ. Впрочемъ это вынужденное согласіе сейма было пустою формальностью, которая никого не обманула. Сила и власть отняли часть страны, слава и власть возвратили бы ее Полякамъ, еслибъ они могли перейти силы на своей сторонѣ. И потому именно, что это было лишь пустою формальностью, смѣха достойна та важность, которую польскіе писатели придаютъ подписанію договора и съ котораго они за это подвергаютъ членовъ сейма вѣчному проклятію. Вынужденное подписаніе никогда еще не связывало того, кто имѣлъ силу его уничтожить, да и ихъ самихъ не связало въ послѣдствіи. Россія получила наибольшую часть страны, но только съ 1½ милліонами жителей, Австрія—лучшую и доходнѣйшую съ 2½ милліонами жителей, Пруссія—самую промышленную и выгоднѣйшимъ образомъ расположенную, но менѣе нежели съ 1 милліономъ жителей. Но еще хуже прусскій участокъ—возделѣнное пріобрѣтеніе Фридриха—былъ самымъ тяжкою утратою, потому что лишилъ Польшу ея великихъ особняковъ, а Фридрихъ, своими пошлинами, почти уничтожилъ торговлю Данцига, для отвлеченія оной къ Кендзгобергу и Магдебургу. Но еще хуже раздѣла было то, что Польшу старались удержать въ состояніи анархіи и, подъ предлогомъ улучшенія конституціи, подтверждая ея злоупотребленія. Сеймовая делегация, заключившая раздѣльный договоръ, должна была, въ соединеніи съ посланниками трехъ дворовъ, Штакедльбаргомъ, Ревникомъ и Бенуа, ввести необходимыя такъ называемыя улучшенія въ конституцію. Засѣданія этой делегации тянулись съ мая 1773 г. до марта 1775 г. и только послѣ высказаній, полтора года продолжавшихся споровъ, она могла быть подвинута къ утвержденію новой конституціи.

Иностранцы послѣдними, нотою отъ 13 сентября 1773-го года, предписали сеймовой делегации нижеслѣдующія основанія для новой конституціи:

- 1) Польша навсегда остается избирательнымъ государствомъ, и никогда не должна быть наследственнымъ.
- 2) Никто изъ иностранцевъ, а только природный Полякъ можетъ

вступать на престолъ (дабы страна не могла усилиться вѣнскими союзами).

3) Конституція всегда должна оставаться свободною, независимою, республиканскою (т. е. всё прежня, непомѣрныя преимущества дворянства, равно и *liberum veto*, имѣли быть сохранены и не слѣдовало предпринимать никакихъ исправленийъ недостатковъ конституціи).

4) Такъ какъ истинный принципъ предложенной конституціи заключался въ равновѣсіи трехъ государственныхъ чиновъ: короля, сената и рыцарства, то имѣлъ быть учрежденъ *постоянный советъ*, въ составъ котораго, кромѣ короля и сената, входили бы члены и изъ рыцарскаго сословія. Этотъ советъ долженъ былъ образовать *власть исполнительную*. (Католическая партія, поддерживавшая Австрію, достигла нестановленія, чтобы ни одинъ диссидентъ не былъ допускаемъ ни въ постоянный советъ, ни въ сенатъ, ни на сеймъ. Такъ какъ главныя цѣли уже были достигнуты, то средства, употребленныя для достиженія ихъ, были оставлены, и къ дѣлу диссидентовъ оказана большая уступчивость).

Согласно съ этими предписанными основаніями, новая конституція приняла слѣдующій видъ:

Высшая законодательная власть осталась за сеймомъ, состоявшимся изъ трехъ государственныхъ чиновъ: короля, сената и рыцарства.

Исполнительную власть получалъ *постоянный советъ* изъ выбранныхъ отъ этихъ трехъ государственныхъ чиновъ. Онъ состоялъ изъ короля, 49-ти сенаторовъ⁽²⁰⁾ и 18-ти земскихъ пословъ или депутатов⁽²¹⁾. Члены его имѣли быть избираемы на каждомъ новомъ сеймѣ, по большинству голосовъ. Онъ раздѣлялся на пять отдѣленій или комиссій: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) военныхъ дѣлъ, 4) юстиціи и 5) казны, изъ которыхъ въ первой комиссіи присутствовало четыре засѣдателя, а въ остальныхъ по восьми. Назначеніемъ его было: наблюдать за исполненіемъ законовъ и сосредоточивать въ себя всё дѣла; впрочемъ онъ не имѣлъ ни законодательной, ни судебной власти, которая принадлежала единственно сейму. Послѣдній продолжалъ оставаться высшею властію въ странѣ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи союзовъ, о нало-

(20) А именно: примаса и 2-хъ епископовъ, 4-хъ министровъ, председателей всѣхъ отдѣленій совета, и 11-ти свѣтскихъ сенаторовъ, по 4 отъ каждой изъ главныхъ составныхъ частей королевства: Великой Польши, Малой Польши и Литвы.

(21) Маршала палаты пословъ или депутатовъ и 17-ти земскихъ пословъ.

гохъ и объ увеличеніи войска, былъ высшею судебною инстанціею и издавалъ законы, словомъ—верховная власть по всѣмъ отраслямъ принадлежала одному ему.

Король, вмѣстѣ съ постояннымъ совѣтомъ, созывалъ сеймъ и былъ предсѣдателемъ его;—прежде ему принадлежало также право свободного назначенія сенаторовъ; теперь же ему предоставлялъ быть только выборъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ постояннымъ совѣтомъ. Разъ назначенные сенаторы могли быть отрѣшаемы только сеймомъ.

Третье чиновначаліе составляли депутаты отъ рыцарства. Единственнымъ условіемъ для избирателей или избираемыхъ было *дворянское достоинство*, т. е. самому владѣть землею или происходить отъ землевладѣльцевъ и не заниматься торговлею или промыслами.

За измѣненную такимъ образомъ конституцію должны были вступить всѣ три державы, но поручилась только одна. Россія. Гарантія эта обнимала не только неприкосновенность границъ и права законодательства, но и неизмѣнимость ихъ. Польши наследія должна была оставаться въ предписанныхъ ей положеніяхъ и пути, и подпала совершенной зависимости отъ Россіи.

Новая конституція преимущественно отличалась созданіемъ *местимата совѣта*. По видимому онъ ограничивалъ королевскую власть и таково было мнѣніе противниковъ и враговъ, которые постоянно настаивали на его учрежденіи; но Станиславъ почиталъ это лучшее и въ слѣдствіе того даже уже желалъ и домогался учрежденія такого совѣта (22). Онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, чего недостало Польшѣ и что онъ имѣлъ цѣлю. Онъ хотѣлъ положить основаніе такой власти, которая, въ промежутки времени отъ одного сейма до другаго, держала бы бразды правленія твердою рукою и въ опредѣленномъ направленіи, ибо былъ тайно убѣжденъ, что при тѣхъ средствахъ, которыя еще оставались ему, онъ всегда могъ быть увѣренъ—имѣть рѣшительное вліяніе въ этомъ совѣтѣ. Члены совѣта черемѣнялись при каждомъ новомъ сеймѣ, его же санъ и власть не прекращалась; онъ держалъ въ своихъ рукахъ тотъ рычажокъ

(22) Онъ хотѣлъ ввести его еще на сеймѣ 1767 года, но Фридрихъ II, ревниво наблюдавшій за всемъ, что походило на усиленіе королевской власти, а съ нею и слабой Польши, воспрепятствовалъ этому. Замѣчательна въ этомъ отношеніи происшествія нота, которую онъ, въ ноябрѣ 1767 г., передалъ чрезъ своего посланнаго въ Петербургъ и въ которой изложилъ все искусство красноречія для того, чтобы возстановить императрицу противъ учрежденія такого совѣта.

ля, изъ котораго сыпались милости, назначалъ на сенаторскія и министерскія мѣста, раздавалъ духовныя и земныя benefiции; наконецъ, онъ обладалъ высшимъ средствомъ привлеченія Подьяковъ— раздачею старостъ (23). Онъ предвидѣлъ, что съ этики средствами ему легко будетъ направлять постоянный совѣтъ по своему желанію, и онъ дѣйствительно направлялъ его. Такъ какъ къ постоянному совѣту еще были присоединены прежде созданныя Чарторыйскими комиссіи: казны, военныхъ дѣлъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, съ прибавленіемъ еще одной комиссіи для иностранныхъ дѣлъ, то король имѣлъ въ немъ полное орудіе для управленія; важнѣйшія отрасли администраціи можно было отбирать изъ ругъ самокорыстныхъ, лѣнивыхъ или упрямыхъ сановниковъ и сообщать имъ правильный ходъ. Для этого король, вмѣстѣ съ своими совѣтниками, сталъ принимать теперь весьма разумныя мѣры. Финансы, войско, учебно-воспитательная часть и улучшение участи крестьянъ оставались главными его цѣлями, которыя онъ ни на одно мигновеніе не упустилъ изъ виду.

Въ послѣднее время передъ раздѣломъ, годовыя *доходы*: Польши и Литвы простирались до 14 милліоновъ польскихъ гульденовъ или 2½ милліоновъ талеровъ, *расходы* же—до 23 милліоновъ п. гульденовъ или 3½ мил. талеровъ; слѣдовательно, ежегодный дефицитъ составлялъ 8 милліоновъ гульденовъ (1½ мил. талеровъ). Кромѣ того, въ слѣдствіе раздѣла, утрачено было болѣе половины доходовъ; такъ какъ они, кромѣ старостъ, преимущественно поступали изъ пошлягъ, взимаемыхъ на Вислѣ, и изъ большихъ соляныхъ копей въ Галиціи (однѣ копей въ Велючкѣ доставляли 3½ милліона гульденовъ, значить—почти четвертую часть всего вообще дохода). Для того, чтобы покрыть происшедшій такимъ образомъ дефицитъ, потребны были новыя подати, и Станиславъ счумѣлъ, на сеймѣ 1775 года, такъ хорошо распределить налоги (уменьшивъ нѣкоторые, болѣе тягостныя, а другіе, наоборотъ, возвысивъ), что доходы въ короткое время возрасли до тѣхъ же размѣровъ, какіе имѣли до раздѣла. Съ независимымъ великимъ казначеемъ этого никогда не до-

(23) Одинае и тутъ его ограничи. Четыре старосты предоставили ему въ наследственное владѣніе (но прекраснѣйшее изъ нихъ, Бѣлую Церковь, онъ долженъ былъ уступить Браницкому); остальные же имѣли быть раздаваемы заслуженнымъ (или, скорѣе, пользовавшимся особенною милостію) дворянамъ, или въ видѣ наследственныхъ лѣсныхъ помѣстьевъ, или въ пожизненное владѣніе, или по праву преемства, или же въ 50-ти лѣтнее пользованіе.

стигии бы. Главные доходы происходили: 1) изъ погребной подати съ Евреевъ, которая была возвышена съ 3 на 4 гульдена; 2) изъ кварталы или четвертой части доходов со староствъ; 3) изъ тайнаго сбора; 4) изъ табачной монополіи; 5) изъ продажи гербовой бумаги, доходъ съ которой въ немногіе годы возвысился со 160,000 на 400,000 гульденовъ; 6) изъ таможенныхъ пошлинъ и наконецъ 7) изъ усовершенствованной дымовой подати, при чемъ, сообразно съ устройствомъ дома, платился большій или меньшій налогъ, отъ 5-ти до 7-ми гульденовъ (съ крестьянскихъ домовъ) до 12—16 гульденовъ (съ лучше-устроенныхъ домовъ и дворцовъ). Этотъ налогъ, бывшій прежде въ употребленіи только въ Литвѣ, составлялъ значительнѣйшій доходъ. Посредствомъ этихъ различныхъ налоговъ удалось довести годовой доходъ опять до 11½ миллионъ гульденовъ, а со включеніемъ доходовъ со столовыхъ имѣній и съ предоставленныхъ королю староствъ—до 16 миллионъ гульденовъ. Изъ этого числа король получалъ 7 миллионъ, а остальные 9 миллионъ шли большею частію на содержаніе арміи, равно какъ и на жалованье высшимъ государственнымъ чинамъ, незавѣщавшимъ прямо отъ двора. Этой суммы было достаточно, потому что армія была невелика, а государственные чины награждались не столько высокими окладами жалованья, сколько староствами. Воеводы и мейстники платили своимъ чиновникамъ изъ собственныхъ, частныхъ средствъ, а судьи и чиновники юстиціи обходились безъ жалованья, живя вымечательствомъ и притѣсненіями, при чемъ даже наживались еще.

Торговля и промышленность находились на весьма низкой степеніи и, при предубѣжденіи Поляковъ противъ нихъ, трудно было поднять ихъ. Торговля ограничивалась вывозомъ естественныхъ произведеній, какъ-то: преимущественно дѣса и зерноваго хлѣба, затѣмъ еще пеньки, льна, скота, сала, кожъ и т. д., и ввозомъ фабричныхъ товаровъ и предметовъ роскоши. Такъ какъ городское сословіе было сильно угнетено дворянствомъ, презиравшимъ всякаго рода промышленность, и повсюду ощущаясь недостатокъ въ большихъ капиталахъ и въ духѣ предприимчивости, то торговля долго не была тѣмъ, чѣмъ могла бы быть. Польша могла бы половину Европы снабжать хлѣбомъ, еслибъ имѣла хорошіе исходы для внѣшней торговли и еслибъ у нея въ западной Пруссіи не были отняты ея единственные морскія сообщенія. Теперь же всё торговня дѣла находились въ рукахъ мелкихъ торгашей и Евреевъ, которые въ тоже время закрывали денежными дѣлами и корчемствомъ дворянства. О промышленности въ большихъ размѣрахъ почти не было и рѣчи. И здѣсь

Станиславъ пытался крѣпкою и поощреніемъ оказать благотворное дѣйствіе. Онъ приказалъ, чрезъ посредство младшаго казначея Литвы, графа Тизенгауза, человека высокаго-образованнаго и предпримчиваго ума, устроить около Гродно самыхъ различныхъ родовъ фабрики и поощрялъ другихъ къ подобной же дѣятельности. Тизенгаузъ дѣлалъ невозможное, но вскорѣ понялъ, какъ неблагодарна была та почва, надъ которой онъ трудился. Зависть и интрига низвергли его, и созданныя имъ превосходныя промышленныя предпріятія, лишившись своего дѣятельнаго и дѣльнаго руководителя, черезъ нѣсколько лѣтъ снова рушились.

Военная часть, до начала правленія Станислава, была въ величайшемъ упадкѣ. Незначительная коронная армія считала въ рядахъ своихъ почти что болѣе офицеровъ, нежели солдатъ, и не имѣла обезпеченнаго содержанія; она жила, болѣею частію, на счетъ страны. Кромѣ короля, и другіе могущественные вельможи имѣли свои домашнія войска: напр. у Радзивилла было свыше 8,000 человекъ, у Чарторыйскихъ—около 4,000, столько же у Санѣгъ, Огнискіихъ и другихъ магнатовъ. Но всѣ эти войска мало приносили пользы на войнѣ, потому что неоднобразно были устроены, обучены, вооружены и дисциплинированы; они служили только орудіемъ для дворянскихъ усобицъ и преимущественно для пріобрѣтенія вліянія на сеймахъ и на выборахъ судей, или же—для овладѣнія спорными предметами и утвержденія себя въ ихъ владѣніи. Собственно армія должна была имѣть 19,000 человекъ: 12,000 для Польши и 7,000 для Литвы. Она состояла подъ начальствомъ двухъ великихъ гетмановъ. Послѣдніе вытягивали отъ великихъ казначеевъ столько денегъ, сколько могли, и, по удержаніи изъ нихъ приличной доли для себя, остальныя распредѣляли между пользовавшимися ихъ милостями, офицерами многихъ мнимыхъ полковъ. Другимъ они позволяли носить титулы и мундиры, потому что назначеніе на всѣ офицерскія мѣста зависѣло отъ нихъ же. Королю оставлено было только распоряженіе 1,000 чел. его гвардіи.—Крѣпостей было только двѣ: Каменецъ-Подольскій и Замосць, да и тѣ были частною собственностью. Не существовало ни дорогъ, ни мостовъ, пока зима своимъ снѣгомъ не устроивала дорогъ, а своимъ льдомъ—мостовъ. Главная защита страны должна была лежать на дворянствѣ и его ополченіяхъ. Каждое воеводство дѣлилось на округа, надъ которыми были поставлены особые офицеры; каждый дворянинъ-землевладелецъ былъ обязанъ военною службою, или самолично, или съ дружиною служивыхъ людей, какъ во времена среднихъ вѣковъ. Но тѣ

времена прошли и ихъ учрежденія были уже непримѣнны къ настоящему времени. Собранныя такимъ образомъ войска были скорѣе въ тягость, нежели на пользу странѣ, болѣе способны къ возстаніямъ и конфедераціямъ, нежели къ дѣльной службѣ въ полѣ.— И этой важной отрасли государственной силы также король посвящалъ особенное вниманіе и подготовилъ многія улучшенія, которыя частью и были осуществлены лишь позже, на длинномъ сеймѣ. Посредствомъ военной комиссіи армія была изъята изъ рукъ великихъ гетмановъ и такимъ образомъ приобрѣтено было ядро войска, для дальнѣйшаго образованія котораго король принялъ весьма разумныя мѣры. Военныя или кадетскія школы въ Варшавѣ и Вильнѣ были поставлены на весьма хорошую ногу и доставили всѣхъ лучшихъ офицеровъ, отличившихся въ послѣдующихъ войнахъ; учреждена артиллерійская школа, заложены литейные дворы и оружейная фабрика и сдѣланы всѣ потребныя распоряженія для лучшаго содержанія, обмундированія, вооруженія и обученія войскъ. Большая правильность въ поступленіи доходовъ и лучший надзоръ за употребленіемъ денегъ доставили королю, кромѣ того, средства къ пополненію арсеналовъ и цейхгаузовъ, а также къ устройству казармъ для лучшаго помѣщенія войскъ,—какъ напр. прекрасныхъ гвардейскихъ казармъ въ Варшавѣ. Кромѣ того, этотъ, ревниво наблюдаемый извѣтъ, монархъ употребилъ, для созданія арміи, средство, къ которому часто прибѣгали въ послѣдствіи времени: ежегодно распускалось значительное число хорошо-обученныхъ солдатъ, для замѣщенія ихъ рекрутами. Такимъ образомъ король образовалъ себѣ сильный резервъ и, въ случаѣ нужды, можно было выставить армію вдвое сильнѣйшую противъ дозволенной договорами. Если подумать, что король повсюду трудился со связанными руками и въ особенности долженъ былъ остерегаться того, чтобы не возбудить вниманія и ревности своихъ сосѣдей, преимущественно-же самаго бдительнаго и своенравнаго изъ нихъ, то польза не одобритъ его сообразной съ цѣлю дѣятельности и на этомъ поприщѣ.

Для установленія правильныхъ политическихъ связей съ другими державами, чего Польша была лишена уже болѣе ста лѣтъ, король испросилъ себѣ отъ сейма 1775-го года вспоможеніе на то, чтобы, въ соглашеніи съ постояннымъ совѣтомъ, имѣть право вступать въ переговоры съ иностранными государствами. Остальные департаменты или комиссіи постоянного совѣта дѣйствовали съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вышеупомянутыя комиссіи: казны, военныхъ и иностранныхъ дѣлъ; успѣхъ ихъ преимущественно состоялъ въ подож-

ни преградъ безпорядкамъ; хотя впрочемъ и тутъ не все короче, задуманное королю, могло быть достигнуто.

Въ столицѣ введены были лучшіе порядки и полиція; судебный порядокъ былъ упрощенъ, а для того, чтобы придать новое, лучшее движеніе всѣмъ отраслямъ внутренней администраціи и отправленію правосудія, всѣми уважаемому и почитаемому корольскому канцлеру Андрею Замойскому на сеймѣ 1778 года дано было порученіе, при содѣйствіи избраныхъ номинированныхъ, составить новое уложеніе. Оно было представлено сейму въ 1780 году. Въ немъ старались согласовать усовершенствованную теорію съ дѣйствительными обстоятельствами Польши, настаивали на равномъ для всѣхъ дѣйствіи закона и на гласное судопроизводство, уничтожали патримональный или вотчинный судъ и при давали каждому воеводству свой особенный земскій судъ, на который можно было имѣть право апелляціи въ высшія судебныя учрежденія. Но потому именно, что это уложеніе опередило свой вѣкъ и было оставлено въ духѣ благородномъ и свободномъ отъ предразсудковъ, въ особенности же обнаруживало участіе въ угнетенныхъ сословіяхъ: городскому и крестьянскому, оно и не понравилось дворянству, еще коснѣвшему въ надменномъ своекорыстіи и въ предразсудкѣ, и на сеймѣ было встрѣчено воплемъ всеобщаго негодованія и, среди большого шума, отвергнуто. Его попрали ногами, жестоко поверили благороднаго и достойнаго Замойскаго, приписывали ему еретическій образъ мыслей и укоряли его предательствомъ отечества, который хотѣлъ уничтожить вольности и преимущества дворянства и возмутить крестьянское сословіе. Умы еще не созрѣли для лучшихъ порядковъ.

Наконецъ, для увѣнчанія своего дѣла, король въ 1775 году учредилъ учебно-воспитательную комиссію и, на покрытіе расходовъ по обученію, предназначилъ отобранныя іезуитскія имѣнія, доходы съ которыхъ простирались отъ 3 до 4 милліоновъ гульденовъ. Отъ легкаго могъ устроить, чтобы одна часть этихъ денегъ пошла на увеличеніе его собственныхъ доходовъ, а другая была употреблена на раздачу духовныхъ бенефіцій и староствъ въ пользованіе его родственникамъ и друзьямъ; но отъ предпочелъ образованіе и просвѣщеніе своего народа. Дѣйствія означенной комиссіи были такъ многозначительны и обнаружили столь твердое намѣреніе, посредствомъ мудраго и сообразнаго съ цѣлю воспитанія, пробудить націю отъ ея оцѣпенѣнія, что породили зависть, и, для воспрепятствованія имъ, управленіе имѣніями было передано особой комиссіей (государственной, распредѣлительной); независимой отъ училищнаго со-

вѣта. Последняя должна была заботиться не только объ управленіи имѣніями, но и о томъ, чтобы воземельные участки и денежные суммы были довѣряемы надежнымъ людямъ; она сама имѣла право отдавать участки земли въ наследственное арендное пользованіе, отчуждать ихъ и мѣнять на другія земли. Но какъ комиссію эту составили изъ людей, очень обыкновенныхъ въ то время въ Польшѣ, т. е. такихъ, которые никогда не упускали подобныхъ случаевъ для своего обогащенія, то большая часть доходовъ была отчуждена отъ училищнаго фонда и промотана. Станиславъ былъ глубоко огорченъ этимъ и говорилъ о томъ не иначе, какъ со слезами на глазахъ, но, при своемъ безсиліи, ничего не могъ переменить. Хотя другой, такъ называемой юстицъ-комиссіи и было поручено опять выручить промотанныя или отчужденныя суммы, но она не могла или не хотѣла этого сдѣлать, такъ какъ слишкомъ сильныя лица, и въ главѣ ихъ епископъ Виленскій, Масальскій, были замѣшаны въ упомянутыя низости. Впрочемъ это былъ обыкновенный ходъ дѣлъ, при всеобщемъ упадкѣ нравовъ въ Польшѣ: гдѣ только представлялся случай, хватались за него, грабили, присвоивали себѣ чужое, давали подкупать себя, брали деньги съ обѣихъ тяжущихся сторонъ и дѣлали правымъ того, кто больше предлагалъ и платилъ. Честныя, благородныя чувства составляли исключеніе: всѣ грабили, чтобъ самимъ не быть ограбленными. Всякій стыдъ и страхъ изчезли. Такъ какъ, кромѣ того, объ упомянутыя комиссіи были обязаны отчетомъ только сейму, то и могли безнаказанно предаваться своей наклонности къ грабительству; сейма нечего было много страшиться. — Наконецъ, по предложенію Іоакима Хрептовича (бывшаго въ послѣдствіи канцлеромъ Литвы), была образована третья комиссія, *воспитательный совѣтъ*, который долженъ былъ руководить общественнымъ обученіемъ; распределительная комиссіи въ 1776 году была уничтожена, а юстицъ-комиссіи соединена съ воспитательнымъ совѣтомъ, которому предоставлены всѣ полномочія, до тѣхъ поръ принадлежавшія этимъ тремъ различнымъ учрежденіямъ. Этому воспитательному совѣту удалось изъ промотанныхъ имѣній спасти одну часть, приносящую 1 милліонъ гульденовъ дохода, и оныя хорошимъ управленіемъ счумѣлъ въ скоромъ времени возвысить этотъ доходъ до 1½ милліона.

Воспитательный совѣтъ много потрудился для усовершенствованія обученія: старался поднять Краковскій и Виленскій университеты и оттуда получать учителей для остальной страны. Особому комитету дано было порученіе начертать планъ воспитанія, озаботиться

о хорошихъ элементарныхъ учебникахъ, приглашать заслуженныхъ писателей къ составленію ихъ, а представляемые учебники разсматривать.—Такимъ образомъ обученіе и воспитаніе были во всей странѣ поставлены въ лучшее положеніе и введенныя въ то время училищныя учрежденія болѣею частію сохранены и послѣ раздѣловъ.

Искусства и науки нашли въ королѣ, который цѣнилъ ихъ и самъ предавался имъ, дѣятельнѣйшаго поощрителя и покровителя; иностранные художники и ученые были привлекаемы въ страну, а туземные ободряемы и щедро вспомошествоемы. Король окружилъ себя образованнѣйшими лицами изъ своего народа и умными иностранцами. Литература и науки получили новое, усиленное движеніе, и Польша снова могла выставить отличныхъ дѣателей, какъ въ изящной литературѣ, такъ и въ наукахъ — Нарушевича, Красицкаго, Трембецкаго, Нѣмцевича и многихъ другихъ. Албертъ Богуславскій основалъ національный театръ и образовалъ національныхъ артистовъ. Много было сдѣлано и для отечественной исторіи: Догіель издалъ свой дипломатическій кодексъ; Албертранди изслѣдовалъ иностранные архивы въ Швеціи и Италиі, другіе—туземные архивы; Вага, Островскій и Трембецкій собрали законы и наказы; къ иностраннымъ публицистамъ обращались за совѣтами касательно конституціи, Руссо и Мабли представили свои проекты по этому предмету. Переводили сочиненія Беккари, Филанджіери, Монтескьё и другія политическія и историческія сочиненія, преимущественно французскія.—Новая, возбужденная жизнь стала обнаруживаться на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности, предрассудки постепенно исчезали и идеи образованной Европы получали доступъ въ страну. На сеймахъ сталъ господствовать лучшій порядокъ; начали тщательно наблюдать за ходомъ дѣлъ въ исполнительныхъ учрежденіяхъ, заниматься проектами и предложеніями касательно увеличенія арміи и возвышенія ея значенія, и наконецъ приведеніемъ управленія казною и общественными доходами въ благоустроенное положеніе. *Liberum veto*, именно потому, что иноземцы такъ ему благопріятствовали, пришло въ пренебреженіе и уже не примѣнялось болѣе на дѣлѣ. Такимъ образомъ король имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ то, къ чему онъ стремился съ начала своего царствованія и что задумано было имъ для возвышенія своей страны, исполнялось самымъ успѣшнымъ образомъ. Мертвое, оцѣпенѣлое тѣло польскаго народа стало пробуждаться отъ своего глубокаго сна, снова двигаться и шевелиться, принимать цвѣтъ, силу и свѣжесть здороваго состоянія и ожидало только бла-

благоприятствующих обстоятельств времени, для занятія снова подобающаго ему мѣста въ ряду своихъ европейскихъ собратій.

Нѣтъ такого зла въ природѣ, которое не вело бы съ собою своего успокоительнаго и цѣлительнаго средства. Такъ и несчастіе перваго раздѣла должно было быть средствомъ къ улучшенію внутренняго состоянія страны. Фридрихъ, опаснѣйшій врагъ Польши (ибо, по причинѣ слабости собственнаго государства, былъ самый ревнивый къ могуществу ея), достигъ своего пламеннаго желанія, исключая Данцига и Торна, пріобрѣтеніе которыхъ было оставлено послѣдующему времени, и потому оставлялъ Поляковъ въ покоѣ, будучи и безъ того занятъ, съ другой стороны, честолюбивыми планами Юсифа. Императоръ Юсифъ, въ слѣдствіе чрезмернаго стремленія своего къ увеличенію собственныхъ могущества и владѣній, былъ занятъ и удержанъ своими дѣлами въ Германіи, Голландіи и Бельгіи. Екатерина, чрезъ посредство своего посланника, безспорно господствовавшая въ Польшѣ, чистосердечно желала исцѣленія ранъ, нанесенныхъ этой странѣ, ибо считала ее близко родственною Россіи. Такимъ образомъ все соединилось къ тому, чтобы благопріятствовать возобновленнымъ, возвышающимся и совершенствующимъ планамъ Станислава, и онъ воспользовался пріобрѣтеннымъ пятнадцатилѣтнимъ спокойствіемъ («grande aevi humani spatium») отъ 1773 до 1788 года, для того, чтобы, какъ мы видѣли, вопреки всѣмъ возникавшимъ препятствіямъ, осуществить большую часть своего, прежде составленнаго, плана и этимъ совершенно преобразовать Польшу. Эти пятнадцать лѣтъ были однимъ изъ счастливейшихъ періодовъ Польской исторіи, въ которомъ нація сдѣлала одинаковые успѣхи и въ духовномъ, и въ матеріальномъ благосостояніи, и поднялась на такую степень, которая обязала вскорѣ поставить ее рядомъ съ самыми передовыми націями. Но среди счастья именно и постигаютъ насъ удары судьбы! Что можетъ сдѣлать отдѣльный человекъ или цѣлый народъ противъ природенныхъ ему натуры и характера, и того направленія, которое они даютъ ему!

Станиславъ радовался успѣху, вѣнчавшему его старанія; потребно было лишь еще небольшое число лѣтъ, еще нѣсколько благопріятствующихъ обстоятельствъ (каковыя теченіе времени всегда и приноситъ съ собою) для того, чтобы возвысить Польшу на уровень Урка и пріобрѣсти для нея полную независимость. И время, и обстоятельства оказали свое благопріятное вліяніе, но — тщетно, въ слѣдствіе недостатковъ національнаго характера. И все, что было такъ счаст-

ливо предначато, благодаря терпѣшию, осмотрительности и мудрымъ стараніямъ короля, было снова остановлено внезапно пробудившеюся дерзостію страстей, ложнымъ взглядомъ на обстоятельства и, ошибочнымъ пользованіемъ ими, въ слѣдствіе недостатка разсудительности, и наконецъ взаимными ненавистію и раздорами партій, вновь востанувшими, какъ только Поляки почувствовали себя немного-посвободнѣе, и неразумными, опрометчивыми дѣйствіями—и Польша была насильственно низведена въ ту бездну, изъ которой Станиславъ задумалъ извлечь ее. И такимъ образомъ несчастный король, на закатѣ дней своихъ, увидѣлъ всѣ плоды трудовъ своей жизни уничтоженными виною тѣхъ, которымъ онъ хотѣлъ помочь, а государство, которому онъ хотѣлъ даровать образованность, могущество и величіе—исключеннымъ изъ ряда государствъ. Еще разъ потерявши: судьба этого несчастнаго короля была во всѣхъ отношеніяхъ трагическою, такъ какъ клевета взводила на него подъ конецъ еще и то, чему виною были другіе и чего онъ, не смотря на все доброе жelanіе свое, уже не могъ болѣе отвратить!

Если онъ и былъ виновенъ, такъ лишь въ томъ, что сила его воли не равнялась проникательности его ума. Имѣя нравъ крайне мягкій, и потому будучи глубоко тронутъ и волнуемъ всякими впечатлѣніями, Станиславъ, въ обыденной жизни, былъ слабъ и гибокъ; однако онъ обладалъ тою умственною силою, которая, однажды признавъ что-нибудь справедливымъ и сообразнымъ съ цѣлю, крѣпко держится того и старается осуществить оное среди всѣхъ бурь и препонъ жизни. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе собственной слабости и чувственности, будучи подчиненъ окружающимъ его вѣ; кромѣ того, конституціей своего государства и властію иноземцевъ связанный до совершеннаго безсилія, онъ, въ преслѣдованіи своихъ плановъ къ усовершенствованію отечества, выказалъ однако такую твердость характера и послѣдовательность, которая навѣрное довели бы его до цѣли, еслибъ онъ стоялъ въ главѣ другой націи, менѣе обладаемой внушеніями страстей и минутныхъ увлеченій. Но куть, что могла сдѣлать мудрость одного противъ буйства толпы! Подобно Кассандрѣ, ему суждено было правильнѣе всѣхъ усматривать и совѣтовать все лучшее и все нужнѣйшее для своей націи, но, подобно ей же, никогда не находить ни вѣры себѣ, ни послѣдованія своему примѣру со стороны высшомѣрныхъ вождей народа!—и что онъ предсказалъ, то и случилось—гдѣ Юлія (паль Юлія или Троя)!

Во время смутъ, произведенныхъ Барскою конфедераціею, мно-

гіе дворяне бѣжали за границу и тамъ научились сравнивать и исправлять свои понятія объ отечественныхъ порядкахъ. Они увидѣли теперь, на сколько эти, прежде презираемыя ими иностранныя земли стояли выше ихъ, поняли, что значать порядокъ, твердость и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства. На дѣльномъ сеймѣ 1773—75 г.г., при разборѣ государственныхъ дѣлъ, они имѣли случай объяснить свои политическія понятія. Въ то же время многіе изъ нихъ, въ слѣдствіе раздѣла, сдѣлались подданными другой державы и потому были вынуждены ознакомиться съ ея мѣстными законами—еще поводъ къ сравненію и исправленію государственныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ въ ихъ мнѣніяхъ и понятіяхъ произошелъ сильный переворотъ и они научились не смотрѣть болѣе на предметы, какъ до сихъ поръ, исключительно съ односторонней точки зрѣнія. Столь же рѣшительное дѣйствіе имѣло и лучшее воспитаніе юношества, которое съ ранняго возраста вело къ болѣе здоровымъ понятіямъ. Новый свѣтъ проникъ такимъ образомъ въ Польшу одновременно съ разныхъ сторонъ, и новыя идеи и взгляды произвели разительную перемѣну въ образѣ мыслей и въ нравахъ. Какъ и всегда, когда какая-нибудь нація возбуждается изъ состоянія оцѣненія, образовались двѣ, рѣшительно противоборствовавшія одна другой партіи. Одна, партія воборниковъ всего существующаго, стараго, но въ то же время утѣрлаго и истлѣвшаго, поддерживалась и защищалась людьми пожилыми и любившими покой, или же богатыми и сильными, которымъ именно все старое доставляло столь большія преимущества. Другая, партія прогресса или движенія, состояла изъ людей болѣе молодыхъ, жаждавшихъ жизни и дѣятельности, которые, вмѣстѣ съ злоупотребленіями старины, хотѣли изпровергнуть и много хорошаго и полезнаго, и, въ своемъ бурномъ порывѣ, съ свойственными юношескому возрасту поспѣшностью и торопливостью, хотѣли все преобразовать. Они охотно и немедленно разрушили бы все старое зданіе, доставлявшее и кровъ, и защиту, и утѣшеніе ихъ предшественникамъ, для того, чтобы воздвигнуть совершенно новое, изъ новыхъ элементовъ, по французскому образцу и модѣ. Изъ Франціи, по преимуществу, проникли къ нимъ новый свѣтъ и новое ученіе; Францію посѣщали они чаще всѣхъ другихъ странъ, и, проникнувшись господствовавшимъ тамъ броженіемъ идей, горѣли желаніемъ и самимъ распространять тотъ свѣтъ, который возсіялъ для нихъ въ этой странѣ, и преобразовать свое отечество согласно съ французскими идеями. Другіе, болѣе благоразум-

ные и умѣренные, обратили свои взоры также и на Англію и отдавали предпочтеніе англійскимъ понятіямъ и учрежденіямъ. Къ этому присоединились еще нѣкоторые, которые воевали въ Америкѣ и принесли оттуда энтузіазмъ къ американскимъ учрежденіямъ. Всѣ эти различныя понятія перемѣнивались между собою и волновали умы. Другаго рода волненіе возбуждено было душевными наклонностями, вождельніями и страстями. Въ первое время царствованія Станислава, Россія, доколѣ Фридрихъ не далъ ей направленіе въ другую сторону, держалась Чарторыйскихъ и партіи прогресса, и имѣла своими противниками всѣхъ упорныхъ приверженцевъ старины. Съ ходомъ времени это измѣнилось, и Россія, довольствуясь господствомъ надъ цѣлымъ, отстранилась отъ борьбы партій. Но какъ другія, участвовавшія въ раздѣлѣ державы и преимущественно Фридрихъ, при всѣхъ ненавистныхъ мѣрахъ, навязываемыхъ ими Польшѣ, умѣли всегда выставить впередъ Россію, а самихъ себя держать въ сторонѣ, то послѣдняя и явилась наконецъ какъ бы зачинщицею и виновницею всѣхъ бѣдствій, которыми въ послѣднее время страдала Польша. Выходки, иногда заносчивыя и повелительныя, русскихъ посланниковъ, какъ Репнина и Салдерна, которые не умѣли, подобно старому Кайзерлингу или Штакельбергу, строгія мѣры выполнять мягкой рукою; высокомѣріе и дерзость нѣкоторыхъ генераловъ, которые думали, что съ унижавшимися можно было все себѣ позволять; наконецъ тѣ тягости, которыя всегда причиняетъ пребываніе чужеземныхъ войскъ—все это утверждало народъ въ его заблужденіи, и вся ненависть, вся злоба націи сосредоточились на Россіи. Россіи не только приписывали раздѣлъ и уничтоженіе отечества, но и при всякомъ препятствіи, о которое претъкались, при всякой неудачѣ какого бы то ни было любимаго плана, указывали на Россію, Россія же, наконецъ, препятствовала Полякамъ быть или сдѣлаться великою націею. Такъ-то собралась и накопилась безмѣрная ненависть, въ особенности молодаго поколѣнія, противъ Россіи, и ни одинъ Полякъ, по свидѣтельству очевидца, не могъ слышать русскаго имени, не покраснѣвъ отъ гнѣва или не поблѣднѣвъ отъ злобы (24). Только страхъ еще удерживалъ ихъ, но съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидали они той минуты, которая должна была доставить имъ случай освободиться отъ господства этой державы.

(24) Ségur. Tableau de l'Europe. II. 34.

И эта минута настала — вступившая радостными предчувствиями. Сварю, затасенную злобу взорвало съ неудержимую силою. Но злоба и страсти плокіе совѣтники и увлекли Поляновъ гораздо далѣе всякихъ границъ, и такимъ образомъ они, вмѣсто свободы и могущества, которыя имѣли въ виду, приготовили своему народу и самимъ себѣ лишь рабскую могилу.

ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬША СЪ 1788 Г. ДО КОНЦА 1794 Г.

Несогласія между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ.—Партія въ Польшѣ.—Главные вожди ихъ.—Собраніе сейма 6-го октября 1788 г.—Совѣщанія по поводу союза съ Русскими.—Протестъ Пруссіи.—Броженіе умовъ противъ Россіи.—Цѣли партій молодыхъ патріотовъ.—Первыя попытки къ низверженію вождя существующаго.—Предостереженія короля.—Его рѣчь 6-го ноября.—О русской гарантіи.—Уничтоженіе постояннаго совѣта.—О такъ называемой русской партіи.—Причины проволочекъ.—Политика Герцберга.—Луккесия.—Присканіе поводовъ къ раздорамъ съ Россіей.—Процессъ Понинскаго.—Увеличеніе налоговъ.—Посольства.—Союзъ съ Пруссіей (29-го марта 1790).—Переговоры съ Турціей.—Предварительный проектъ новой конституціи.—Перемена въ политическихъ отношеніяхъ.—Заванъ о городахъ.—Партія молодыхъ патріотовъ привлекаетъ короля на свою сторону.—Притязанія къ введенію новой конституціи—3-е мая 1791.—Еще некоторыя черты изъ исторіи этого дня.—Конституція. 3-го мая.—Конечный результатъ ея.—Совершенный переворотъ въ иностранной политикѣ.—Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій сблизается съ Россіей.—Польскія дѣла до конца 1791 года.

Между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ, произошли, какъ мы видѣли, несогласія. Россія, въ слѣдствіе видовъ своихъ на Турцію, предпочла въ 1782 г. союзъ съ Австріей союзу съ Пруссіей и тѣмъ удвоила ненависть послѣдней къ своему нѣмецкому собрату, и ненависть эту, отчасти, навлекла и на себя, вмѣстѣ съ жаждой мщенія. Пруссія, еще поддерживаемая и устрашавшая великимъ именемъ Фридриха и руководимая въ своей политикѣ Герцбергомъ, ученикомъ Фридриха, стала съ этихъ поръ противодѣйствовать всѣмъ предначертаніямъ императорскихъ дворовъ. Такъ какъ Франція, въ слѣдствіе своего союза съ Австріей, склонялась на сторону императорскихъ дворовъ, то Англія, къ тому еще негодовавшая на Россію за уничтоженіе торговаго договора, обратилась къ Пруссіи; родственная и удерживаемая въ униженіи Голландія была вовлечена въ ихъ союзъ, и такимъ образомъ противъ императорскихъ дворовъ образовалась опасная коалиція, поставившая себя цѣлью удиченіе

ихъ и старавшаяся возбудить противъ нихъ всѣхъ сосѣдей, Турокъ, Шведовъ, Поляковъ. Какъ мы видѣли, подстрекаемые ими Турки и Шведы возстали войной; но Польша, удерживаемая своимъ королемъ, колебалась. Станиславъ имѣлъ личное объясненіе съ императрицей Екатериной, во время ея путешествія, въ Каневъ, а съ императоромъ Іосифомъ, во время его поѣздки къ Екатеринѣ, въ Карсунъ, и отъ обоихъ получилъ успокоительнѣйшія удостовѣренія и обѣщанія; императрица предложила ему даже тѣсный союзъ съ Россією (1), и онъ возвратился въ Варшаву съ тѣмъ, чтобъ устроить это дѣло, выгоды котораго не могли ускользнуть отъ него. Польша, въ союзѣ съ Россіей, могла усилиться, предпринять всѣ внутреннія, благодѣтельныя измѣненія и улучшенія, ибо, какъ естественно, русской императрицѣ, не могло не быть пріятно, еслибы, въ тѣхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она очутилась, она нашла въ Полякахъ, не однимъ врагомъ болѣе противъ себя, но хорошихъ союзниковъ за себя. Безъ того уже не подстрекаемая болѣе ревнивымъ Фридрихомъ, Россія могла бы искренно сблизиться съ Польшей; и Польша, мудрыми внутренними мѣрами, скоро могла бы (хотя, въ слѣдствіе своей слабости, сначала и во второстепенной роли) возвысить свое могущество до того, чтобы съ честью, на равныхъ условіяхъ, вести переговоры и удерживаться. Россія была державой, которая болѣе всего могла вредить ей, но также и быть полезной, Австрія—меньше, Пруссія, можетъ быть, всего меньше: поэтому здравая политика совѣтовала ей придерживаться преимущественно Россіи, если она хотѣла спасти отъ опасности свое поколебленное и угрожаемое существованіе. Это ценила Станиславъ, въ этомъ духѣ старался онъ преобразовать свою

(1) Это Фридрихъ II совѣтовалъ ей уже въ 1777 г. на случай войны съ Турками, дабы имѣть покой со стороны Польши и воспользоваться страной для военныхъ дѣйствій. Письмо короля отъ 27 дек. 1777 г. (въ государственномъ архивѣ въ Москвѣ): «Il me vient une idée dans l'esprit. Dès que la Russie verra, que toutes ses propositions de conciliation seront infructueuses et qu'une nouvelle guerre avec la Porte est inévitable, il me semble qu'il est de son intérêt d'engager la Pologne dans son parti et à prendre fait et cause en sa faveur. Ce n'est pas tant pour les grands avantages, qu'elle aurait à attendre d'un tel Allié; mais, pourvu que la Pologne joigne un millier d'hommes à l'armée Russe, le reste des Confédérés de Bar n'osera grouiller, et il me parait bien valoir la peine d'éloigner ce dernier et son remuement ultérieur en Pologne.» Странно противорѣчило этому нѣсколько лѣтъ спустя то рвеніе, съ которымъ преслѣдовалъ его старался препятствовать тому, что совѣтовалъ даже.

нецію: но вожди юной партіи, вмѣстѣ того, чтобъ внимать голосу государственнаго благоразумія и мудрости, внимали лишь своей ненависти, своему ожесточенію противъ Россіи и, какъ школьники, забывшіеся отъ розги учителя, старались сыграть ей какъ можно больше плохихъ шутокъ.

При открытіи турецкой войны, въ Польшѣ произошло страшное броженіе: каждый чувствовалъ, что настала давно желанная минута извлечь отечество изъ его стѣсненнаго положенія, сдѣлать его сильнымъ внутри, уважаемымъ извнѣ; каждый былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что будущая судьба Польши будетъ зависѣть отъ того, какииъ образомъ Поляки воспользуются этой минутой. Съ нетерпѣніемъ ждали созванія сейма, и когда происходили выборы земскихъ пословъ, различными партіями были приведены въ дѣйствіе все пружины для того, чтобъ усилиться. Каждая изъ нихъ казалась довольною и надѣялась имѣть большинство на своей сторонѣ.

Это заставляетъ насъ бросить взглядъ на различныя партіи.

Во все время въ жизни народовъ существуютъ три партіи: прошедшаго, настоящаго и будущаго. Къ первой принадлежатъ старѣйшіе съ ихъ воспоминаніями; ко второй все достигшіе зрѣлаго возраста и полноты силы или все въ то время власть имѣющіе; къ третьей юношество съ его неопредѣленными желаніями и надеждами. Партіи эти распадаются на различныя отѣнки, подраздѣленія, но выше приведенное есть обыкновеннѣйшее выраженіе ихъ. Такъ было и въ Польшѣ. Въ главѣ *партіи прошедшаго*, партіи стараго порядка, добраго саксонскаго времени, когда вельможи и высшіе чиновники были всемогущи и неограничены, стоялъ богатый и сильный *Станиславъ-Феликсъ Потоцкій*, воевода Русскій и генераль-фельдцейхмейстеръ. Но такъ какъ онъ хорошо понималъ, что, при положеніи дѣлъ въ его отечествѣ, только Россія могла доставить сильную, прочную опору, то онъ и придерживался Россіи. Къ его партіи принадлежали, кромѣ его приверженцевъ, нѣкоторые изъ старѣйшихъ сановниковъ.

Партію настоящаго образовали имѣвшіе въ своихъ рукахъ власть. Она распадалась на двѣ части, изъ которыхъ одна была болѣе привержена королю, а потомъ Россіи, а другая болѣе Россіи и потомъ королю. *Королевская часть партіи* состояла изъ его братьевъ и племянниковъ и другихъ близкихъ родственниковъ, съ ихъ длиннымъ хвостомъ въ странѣ; далѣе изъ двора и тѣхъ, которые ожидали счастья своего отъ короля; — *русская часть партіи* состояла изъ тѣхъ, которые надѣялись легче достигнуть удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ

бывших и корыстолюбивых замысловъ и получена должностей, почестей и имѣній посредствомъ русскаго двора и русскаго посланника, и такъ какъ послѣдній пользовался тогда высшею степенью уваженія, то приверженцы его были крайне многочисленны.

Партія будущаго или младшая также распадалась на двѣ части. Обѣ хотѣли намѣненія существующаго порядка, обѣ хотѣли достигнуть этимъ уваженія и вѣса, съ тою только разницею, что одна изъ нихъ имѣла въ виду прежде всего честь и благо страны, а потому свои собственныя; другая же—сперва свои самолюбивыя цѣли, а лишь затѣмъ уже выгоды страны, если только имѣла ихъ въ виду. Въ главѣ первой стояли братья Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, а въ главѣ второй—великій гетманъ Браницкій и его племянникъ Казиміръ Садѣга.

Цѣлями, къ которымъ стремились вожди этихъ различныхъ партій, были: у *партіи Феликса Потоцкаго*—восстановленіе магнатова и стараго хозяйства, называвшагося польскою свободою;—у *журондскихъ*—удаленіе королевской власти и возвышеніе и усиленіе страны;—у *партіи преданной Россіи*—тѣснѣйшій союзъ Польши съ Россіей, дабы подъ покровительствомъ послѣдней снова возвыситься;—у *партіи молодыхъ патриотовъ* или *Игнатія Потоцкаго*—важное преобразование старой конституціи и учрежденіе новой, которая даровала бы Польшѣ силу и независимость;—у *Савло-Браницкой партіи*—прежде все перевернуть вверхъ дномъ, произвести сумятицу и запутанности, для того, чтобъ пріобрѣсть значеніе, выгоды и преимущества для себя, все равно, на чей бы то ни было счетъ.

Поэтому изъ этихъ пяти различныхъ партій, три были: за Россію и ея виды, одна, но очень сильная, потому что заключала въ себѣ образованнѣйшихъ и молодыхъ людей—за пользованіе обстоятельствами времени, для возвышенія страны, и слѣдовательно противъ Россіи, которую считала враждебнымъ этому; наконецъ одна—неопредѣленнаго цвѣта и готовая перейти туда, гдѣ именованіе можно было ожидать наибольше вѣса или выгоды.

Затѣмъ, дабы ближе ознакомиться съ дѣйствующими и влиятельными лицами въ великой драмѣ, которая должна была разыграться, скажемъ прежде всего, что главу первой партіи, богатаго *Феликса Потоцкаго* обвиняли, можетъ быть несправедливо, въ стремленіи къ коронѣ. Безъ особенныхъ умышленныхъ дарованій, тѣлесно болѣзненный, гордый и честолюбивый, но прямодушный и откровенный, и непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ мало считалъ въ вожди партіи, потому что преанналь хитрость и пронырство,

и манипулять уваженіе къ себѣ только своимъ богатствомъ. Таки какъ онъ съ одной стороны защищалъ преимущества и власть дворянства, а съ другой союзъ съ Россіей, то, при тогдашнемъ настроеніи: умоза, клонящемся въ совершенно противоположную сторону, онъ скоро утратилъ любовь народа, которую пользовался прежде, и раздраженный клеветами, которыхъ сталъ цѣлю, покинулъ затѣмъ сабмъ, чтобъ воротиться къ начальствуемой имъ арміи въ Украйну, а потомъ удалиться въ свои имѣнія.

Стремленія и характеръ главы второй партіи, короля, намъ неизвѣстны. Будучи постояннымъ предметомъ подозрѣнія своей свободной наглости, ревности къ своимъ сосѣдямъ, зависти и захваторъ своихъ возможности, личности, притязаній и требованій своихъ ближайшихъ родственниковъ, онъ былъ связанъ такъ, какъ ни одинъ еще король до него. Его чрезмѣрная щедрость, при его ограниченныхъ средствахъ, обременяла его огромными долгами, немало тяготевшими надъ и связывавшими его еще болѣе. Его искательство любви народной, убѣгающей отъ него, дѣлало его слабымъ и неосторожнымъ, ибо вмѣсто того, чтобъ стараться приобрести эту любовь, какъ шлодало, твердостью, справедливостью и неуклоннымъ слѣдованіемъ во мнѣ долга и права, онъ стремился достигнуть оной силою своимъ въ мгновеннымъ настроеніямъ и мнѣніямъ, и тѣмъ же въ конецъ повредилъ дѣлу въ отношеніи ко всѣмъ, къ покровителямъ своимъ—уступчивостью предразсудкамъ своего народа, а къ своему народу—уступчивостью угрозамъ своихъ покровителей. Такии образомъ онъ не угодилъ никому и утратилъ наконецъ уваженіе всѣхъ. Онъ съ большою проицательностью распознавалъ то, что справедливо, живѣе желалъ добра, и почти никогда не могъ привести этого въ исполненіе. И теперь онъ сознавалъ, что слабому пристойно, при столкновеніи съ сильными сосѣдами, либо держаться совершенно въ сторонѣ, либо, если это невозможно, присоединиться къ сильнѣйшему, хотя бы онъ и былъ въ эту минуту въ невыгодномъ положеніи. Народъ его рассуждалъ иначе, и онъ противъ своего убѣжденія уступалъ ему, именно по этому слабодарителю стремленію заслужить его любовь. Его намѣренія въ настоящее время имѣли цѣлю союзъ съ Россіей, дабы, опираясь на нее, достигнуть выгодъ для возвышенія страны, а именно усиленія королевской власти, созданія надежной военной силы и улучшенія финансовъ. Но мы увидимъ, какъ онъ этимъ искательствомъ любви народной последенно былъ склоненъ въ противную сторону и тѣмъ самымъ къ беднѣ, которой хотѣлъ избѣжать.

Третья партія тѣсно примкнула къ Россіи и ея вождямъ, графу *Штакельбергу*. Послѣдній былъ человѣкъ высокаго образованія, весьма ловкій въ управленіи людьми и благороднаго, кроткаго характера, такъ что даже сами Поляки, всегда старавшіеся очернить и оклеветать своихъ противниковъ, ничего не могли извести на него, кромѣ власти, которую онъ имѣлъ и которая истенала лавъ изъ занимаемаго имъ званія. Въ слѣдствіе инструкцій своихъ, дабы, при возникшихъ смутахъ, держать Поляковъ въ покое и воспрепятствовать ихъ участию въ конфедераціяхъ, онъ старался привязать ихъ помощію болѣе тѣснаго союза съ Россіей, въ замѣнъ чего онъ имѣлъ право обѣщать имъ желаемыя всѣми улучшенія и другія льготы. Къ самымъ твердымъ приверженцамъ этой партіи принадлежалъ прежде всего *примасъ*, братъ короля, характера твердаго, рѣшительнаго, вопреки воплямъ толпы оставшіяся вѣрными однажды принятому убѣжденію своему и искреннѣйшему союзу съ Россіей, такъ какъ Польша, при существовавшихъ обстоятельствахъ, только отъ этого союза могла ожидать дѣйствительной защиты и помощи, при изъявленіи же неприязни, напротивъ, съ трудомъ могла бы избѣжать своей участи. И именно твердость и послѣдовательность характера спускала ему то, чего напрасно искалъ король — уваженіе вои́хъ, даже его противниковъ. — Другими ревностными приверженцами этой партіи были: великій канцлеръ *Іакинъ Малаховскій*, во всемъ противоположный своему брату Станиславу, назначенному сеймовымъ маршаломъ, — человѣкъ рѣшительнаго образа мыслей и убѣжденный, что, только непоколебимо держась Россіи, можно было пособить Польшѣ; — Войничскій (*Wojnicz*) каштелянъ *Ожаровскій* и братья *Коссаковскіе*. *Ожаровскій*, неустранимаго характера, не отрекся отъ своихъ мнѣній даже и тогда, когда, изъ страха общественнаго настроенія, почти никто не отваживался открыто заявлять ихъ. Братья *Коссаковскіе*, *Симонъ* и *Іосифъ*, бывшіе приверженцы Барской конфедераціи и не изъ малозначущихъ, по плохомъ исходѣ торгашскихъ усилій убѣдились, что искать-ли выгодъ для государства или для себя, но достигнуть ихъ можно было только помощію Россіи. Съ тѣхъ поръ они совершенно предались ей. *Симонъ*, храбрый воинъ, на ряду съ *Казиміромъ Пулавскимъ* — блистательнѣйшее явленіе конфедератской войны, но суровый, честолюбивый и корыстолюбивый, въ послѣдствіи былъ даже русскимъ генераломъ; *Іосифъ*, епископъ индранскій, *in partibus*, такъ какъ небольшая часть польской индранскій (Маріенгаузенскій округъ) была отдѣлена раздѣломъ — способнѣйшая и ум-

нѣйшая голова въ государствѣ. Хитрый, ловкій, полный дуловокъ, онъ умѣлъ тысячами путей достигать своихъ цѣлей. Благодаря своему близкому знанію воиэхъ государственныхъ и юридическихъ обстоятельствъ Польши, онъ собственно былъ вождемъ партіи и имѣлъ несравненный даръ, подъ наружнымъ видомъ согласія и уступчивости, незамѣтно доводить своихъ противниковъ до того, чего хотѣлъ.

Въ главѣ четвертой партіи молодыхъ патриотовъ стояли братья *Игнатій* и *Стамиславъ Помежскіе*, члены одной изъ первыхъ величайшей Польши, молодые, хорошо образованные, богатые и, въ сущности особенныхъ обстоятельствъ, лучше воспитанные, нежели тогда въ обычаѣ было въ Польшѣ. Игнатій, предназначенный къ духовному званію, получилъ высшее образованіе въ Римѣ, Стамиславъ—отъ преобразователя народнаго обученія въ Польшѣ, Конарскаго; и такимъ образомъ первый сталъ самымъ образованнымъ между молодыми вельможами, второй — самымъ краснорѣчивымъ; другіе Гракхи, съ одинаковыми наклонностями и взаимно позволившимися способностями. Игнатій довершилъ свое образованіе путешествіями, былъ потомъ членомъ воспитательнаго совѣта и уже рано нашелъ покровителя въ королѣ и сталъ его ученикомъ въ его планахъ преобразованій. Какъ блистательный молодой человекъ, столько же отличавшійся красотой тѣлесною, сколько умомъ и познаніями, онъ быстро возвысился и, имѣя едва 30 лѣтъ отъ роду, сталъ великимъ маршаломъ Литовскимъ. Исполненный пламенною честолюбіемъ, которое скрывалъ подъ холодною, важною наружностью, онъ скорбѣлъ объ уничтоженіи своей страны и для возвышенія ея не видѣлъ иного средства, кромѣ совершеннаго измѣненія конституціи. Ночерчивувъ свои политическія воззрѣнія и познанія преимущественно изъ сочиненій французскихъ государственныхъ ученыхъ людей, онъ незамѣтно, при господствовавшихъ тогда во Франціи демократическихъ мнѣніяхъ, усвоилъ себѣ убѣжденіе, что только возвышеніемъ городского и крестьянскаго сословія, въ противоположность господствовавшей въ Польшѣ аристократіи, можно было пособить странѣ. Къ этому-то и устремились его виды. Однако все его планы были еще въ зародышѣ въ душѣ его и, чтобъ возрасти, ожидали лишь благоприятныхъ обстоятельствъ. Послѣднія казались теперь такими, какими ихъ желали.

Главными помощниками въ начертаніи и выполненіи его плановъ служили ему два лица, совершенно противоположныхъ характеромъ: маленькій, худенькій итальянскій аббатъ и тучный польскій канонъ.

нень; Аббата звали *Піатоли*, онъ былъ прежде пантуцкимъ монахомъ, канцеляромъ, потомъ дорожнымъ шутникомъ и воспитателемъ у княгини Любомирской; представленный ею ко двору, онъ немедленно сталъ собесѣдникомъ, чтецомъ, довереннымъ лицомъ и помощникомъ другомъ и совѣтникомъ короля. Это была одна изъ тѣхъ танкивъ, итальянскихъ головъ, которыя переполнены умомъ и идеями, и непреодолимы когда хотятъ убѣдить. Преданный направленію своего времени, безграничный почитатель Жюль-Жана Руссо и его идей, онъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ введенъ въ знатнѣйшіе круги дворянскаго общества, серьезно занялся политическими ученіями и въ особенности приобрѣлъ хорошія познанія также въ польскомъ государственномъ правѣ. Онъ сталъ тогда оракуломъ политическихъ нововодителей и, помощью своей ловкости во владѣніи перомъ, главнымъ начертателемъ всѣхъ плановъ и работъ партій. (2)

Второй главной помощникъ, но лишь въ позднѣйшее время, и совершенно противоположный аббату Піатоли, былъ референдарій *Гене Коллоштай*. Также въ Римѣ приготовленный образованіемъ къ духовному званію и, по милости епископа Солтына, каноникъ въ Краковѣ, онъ интриговалъ противъ своего благодѣтеля и сталъ складываться къ только-что восходившей звѣздѣ примаса. По его предательству ставъ ректоромъ краковского университета, онъ оказался не изъ послѣднихъ въ обкрадываніи учимщаго фонда. Помощью своей ловкости и практической способности къ дѣланью, равно и своего пресмыканія передъ сильными людьми, онъ затѣмъ былъ назначенъ короннымъ референдаріемъ и мѣтилъ въ канцлеры и епископы. Это былъ человекъ съ большими умственными дарованіями, но характера низкаго, грязнаго, вполне себялюбиваго. Въ его большіе, пламенные, черныя глаза блистала умъ; но его багровое, раздутое лицо указывало на иную страсть, которая и маршекла на него раннюю, сильную подагру, такъ что онъ не могъ ходить безъ трости. Онъ работалъ легко, зналъ, какъ немногіе, всѣ потаенные пути польскаго закона; но, въ противоположность безкорыстному Піатоли, рука его была всегда разверста, онъ бралъ да и только могъ, по возможности съ двухъ, съ трехъ партій за-

(2) Позже, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, онъ служилъ также и Адаму Чарторыйскому, когда послѣдній былъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, при интервенціи великихъ плановъ, жившихъ тогда цѣлю политическое преобразование Европы. Cf. Thiers, Hist. du Consulat et de l'Empire, edit. de Bruxelles, V, 340 etc.

рали, и за всякую услугу свою, даже малѣйшую, заставляли платить себѣ большія деньги. (3) Его цѣли были вполне соблазнительны; отечество мало заботилось о нем и служило ему только средством; поэтому онъ болѣе всѣхъ способствовалъ въ послѣдствіи его паденію. Онъ держался примаса и русской партіи, когда надѣялся возвыситься помощію ихъ, и перешелъ къ противоположной партіи, когда она приобрѣла перевѣсъ. Его ловкое перо, его близкое знакомство всѣхъ отношеній польскаго права, дѣлали его важнымъ приобретениемъ для той партіи, которую онъ затѣмъ защищалъ какъ въ ораторской кафедрѣ, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ, и даже теперь еще защищаетъ, потому что сочиненіе его, въ которомъ онъ страстно перомъ описываетъ исторію и паденіе начертанной этой партіею конституціи, (4) до сихъ поръ еще служило главнымъ источникомъ, изъ котораго польскіе и иностранные историки черпали свои расказы.

Совѣтшіе двухъ братьевъ Потоцкихъ имѣли посади себя всю молодежь, стремившуюся вверхъ молодежь, которая, будучи воспитана мыслію о тогдашнемъ позорѣ отечества, въ противоположность прежняго величія его, съ скрежетомъ зубовъ взирала на господство въ домъ тѣхъ націй, среди которыхъ она сама прежде играла роль властителей или были ими. По указанію болѣе образованныхъ, которымъ прочіе повиновались и слѣдовали, обративъ вниманіе на неограниченность конституціи страны своей, они теперь столь же усердно принесли избирательное право, власть дворянства и единогласіе (*liberum veto*), сколько предки ихъ чуждились имъ; но еще болѣе ненавидѣли они постоянный совѣтъ, какъ навязанный имъ чужеземцами, хотя ему впервые были обязаны единствомъ правленія и господствовавшими теперь спокойствіемъ и порядкомъ. По плану вождей ихъ, все это должно было быть низпровергнуто, дабы вмѣсто того возвести зданіе, болѣе соотвѣтствовавшее нагнѣданнымъ заграничнымъ воззрѣніямъ государственнаго права. При явной слабости они хорошо сознавали, что для выполненія этихъ плановъ спешаще нуждались въ некровятествѣ сильной державы, и надѣялись дать его со стороны Пруссіи, подобно тому, какъ старая партія искала его со стороны Россіи.

(3) См. Friedrich Schulz, Reise eines Livländers, 4 Heft, S. 178.

(4) Известное сочиненіе: О происхожденіи и паденіи польскаго конституціи 3-го мая 1791 г. (немецкій переводъ Лянде, 1793). Коллоуай — главный авторъ его, какъ то видно уже и изъ его слога. Игнацій Потоцкій в дѣлѣ доставлялъ только матеріалы.

Последняя или такая партия имела въ главѣ своей королевиного великаго гетмана Франца Ксаверія Браницкаго и племянника его, князя Казимира Сапегу, — людей даровитыхъ, но безъ всякихъ правилъ и преданныхъ своимъ интересамъ, какъ единственному своему идолу. Браницкій (род. въ 1735), высокий, красивый мужчина, съ пламенными, черными глазами котораго блистали умъ, но также и хитрость, неустрашимый, храбрый до дерзости, весьма дѣятельный и при этомъ хорошо знакомый со всеми обстоятельствами своего отечества, имѣлъ однако въ виду не столько его благо, сколько свое собственное, и поэтому былъ или попеременно, или въ одно и то же время, приверженцемъ короля, Россіи, защитникомъ Потемкина и его замысловъ, а подъ конецъ даже ревностнымъ патриотомъ; словомъ — игралъ всѣ роли, поддерживалъ воѣ партіи, которыя были сильнѣе и выше, но никогда по внутреннему убѣжденію, а всегда лишь по своимъ своекорыстнымъ расчетамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ слѣдствіе бракосочетанія своего съ племянницей Католики, зналъ, что имѣетъ опору въ этомъ могущественномъ челоувѣкѣ, онъ вытупилъ смѣлѣе впередъ и сталъ обвративаться даже самому королю. Россіи онъ благопріятствовалъ на сколько того требовали скрытые виды Потемкина; касались ли они Туркідии, Польши или независимаго Молдаво-Валаховскаго княжества. Двухъ особъ онъ ненавидѣлъ всею силой пылкихъ натуръ, Феликса Протоцкаго и русскаго посланника графа Штакельберга: первого потому, что онъ въмрачалъ его общими уваженіемъ и любовью, вторымъ пользовался, и своимъ богатствомъ, и стоялъ впередъ его на пути къ коронѣ; а послѣдняго потому, что онъ содѣйствовалъ учрежденію военнаго департамента при постоянномъ совѣтѣ, чѣмъ крайне ограничены были обширныя преимущества великихъ гетмановъ. Низвергнуть ихъ, а если можно, то и короля притомъ, было теперь поэтому одною изъ его главныхъ цѣлей, все равно; какими бы то ни было способами и ередствами. Поэтому онъ желалъ безпорядковъ, смутъ, большихъ запутанностей, въ которыхъ ему можно было только выиграть, частію потому, что онъ рѣдко оставалъ на свѣтѣ важность свою и своихъ приверженцевъ, частію въ надеждѣ, помощію ихъ, найти случай къ низверженію ненавистныхъ противниковъ своихъ, равно какъ и къ снисканію снова старинныхъ гетманскихъ преимуществъ. Поэтому можно было предвидѣть, что онъ будетъ всеми силами поддерживать партію, враждебную королю и посланнику, вопреки своей лицемѣрной преданности Россіи. Но слишкомъ хитрый для того, чтобы выставить себя и

тѣмъ подать поводъ къ обвиненію своему, онъ держалъ себя болѣе въ сторонѣ и выставлялъ впередъ племянника своего, *Каамира Балу*, въ которомъ нашелъ ловкое орудіе для своихъ видовъ. Это былъ молодой человекъ пылкаго нрава и необузданной чувственности, первый представитель тогдашней польской молодежи: легкомысленный и восторженный; то страстно настроенный; то снова усталый думать; добродушный и снова полный ненависти; торопливо дѣятельный и снова съ опущенными руками, лѣнливый и боявшійся труда. Хотя онъ былъ одаренъ умомъ, остроуміемъ, огнемъ, но ему, какъ и его молодымъ товарищамъ, недоставало раченія, прилежанія, науки; поэтому онъ, какъ и они, остался одинаково поверхностнымъ какъ государственный человекъ и какъ ораторъ, ибо въ первомъ отношеніи обнаруживалъ лишь близорукость и незнаніе, а въ послѣднемъ, не смотря на отдѣльныя удачныя слова, ограничивался болѣею частью только пустыми декламаціями или страстными прорывами. Подобно тому, какъ онъ былъ представителемъ природныхъ дарованій молодыхъ соотечественниковъ своихъ, на казенрѣ сѣйма, такъ точно онъ былъ представителемъ и ихъ бурной склонности къ страсти наслажденій и удовольствій, въ своихъ помыслахъ ергіякъ, между которыми и ораторскою казенрою дѣлила свое время. Его заspanныя, радутыя, винобагровыя черты лица указывали тогда еще на излишество въ тѣхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, въ которыхъ онъ и подобные ему, отвергая всякое высшее достоинство души, поставляли счастье и цѣль жизни.

Выдвинутый впередъ Браницкимъ, надѣленный всѣми дарованіями народнаго трибуна, онъ сталъ теперь самымъ рьянымъ, самымъ страстнымъ противоборцемъ партій русской и королевской, подстрекаемый къ тому еще пренебреженіемъ, попытаннымъ имъ въ *Киовѣ*, куда за годъ передъ тѣмъ стеклись польскіе вельможи для заступительства своего уваженія императрицѣ, во время ея путешествія въ Крымъ. Екатерина держала себя въ сторонѣ отъ нихъ и не допустила ихъ до своего внутренняго, довѣреннаго друга; «Я думала», сказала она иронически одному изъ приближенныхъ, «что эти господа хотятъ видѣть меня, но они пріѣхали, чтобъ быть моими собесѣдниками». (5) Это не понравилось имъ и съ чувствами униженія и мести многіе изъ этихъ вельможъ покинули столицу. Браницкій и Сепѣга были въ томъ же числѣ и первый неоднократно

(5) См. Дневникъ Храповицкаго подъ 20 марта 1787: «Je croyais qu'ils veulent me voir, mais ils sont venus pour me tenir compagnie!»

съ горечью упрекали посланника: «что съ польскими вельможами и всегда обращались съ пренебреженіемъ, но особливо въ Кіевѣ, гдѣ юніанскаго искателя приключеній (подразумывался либо принцъ Нис-слускій, какъ испанскій грандъ, либо генераль Миранда) предпочли отличившимъ людямъ Польши» (6). — Подобныя сердечныя изліанія приносиваютъ многія завѣсы!

Къ партіи Браницкаго и Сапѣги принадлежали преимущественно яленты и друзья обонхъ домовъ, слѣдовательно больше все земскіе послы изъ Литвы, которые и проживали большею частію во дворцѣ Браницкаго въ Варшавѣ; между ними особенно отличались ожесточеніемъ противъ Россіи такъ называемые земскіе послы изъ Липолинъ, Кублицкій и Вейсенгофъ, затѣмъ Забѣлло и Ньлицевскъ, сверхъ того Суходольскій изъ Хельма и Сухоржевскій изъ Калиша.

Замѣчательное указаніе на намѣренія партіи молодыхъ патріотъ доставляютъ указы, данныя Люблинскимъ введодствомъ представителамъ его на предстоящемъ сеймѣ, Станиславу Потоцкому и Адму Чарторыйскому, начертанныя этими самими представителями. Главными условіями были: 1) увеличеніе числа войскъ до 40,000 человекъ. 2) Они должны были находиться подъ начальствомъ независимой, внутри страны пребывающей военной комиссіи (слѣдовательно изъяты отъ всякаго вліянія короля). 3) Сверхъ того провинціальная милиція, подъ предводительствомъ старостъ и подкоморныхъ (Рокочогу). 4) Упраздненіе постоянного совѣта, возстановленіе сенаторовъ ad latas (слѣдовательно уничтоженіе всенной единовластнаго правленія). 5) Отозваніе всѣхъ посланниковъ, которые были бы чужеземцами, и замѣщеніе ихъ національными, изъ древнихъ семействъ, богатыхъ владѣніями, въ польской одеждѣ, съ бритой головою. 6) Запрещеніе канцлерамъ принимать продажу старостствъ старшимъ младшему. 7) Польская одежда, бритая голова, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, лишенія всякой дѣятельности (на основаніи одной пустой мечты Руссо, который признавалъ Польшу счастливою потому, что она имѣла свою національную одежду). 8) Продленіе сейма на все время турецкой войны (послѣдovишая долговременная продолжительность сейма поэтому уже рано было замышлена). 9) Подвергнуть духовенство налогу въ 6 со ста. 10) Никто не долженъ пользоваться двумя епископствами или доходами съ нихъ (это было направлено преимущественно противъ

(6) Донесеніе Шкагельберга отъ 31-го января 1789 г.

приваса, брата короля, который по смерти Солтыка, приключившейся около этого времени, домогался богатаго епископства краковскаго). 11) Право гражданства принцу Лудвигу Виртембергскому, такъ какъ это могло оказаться весьма полезнымъ странѣ (условіе это включилъ тещъ его, князь Адамъ Черторыйскій). 12) Запрещеніе носить иностранныя или свои орденскія ленты, какъ противное равенству (и оскорблявшее тщеславіе неукрашенныхъ ими).

Изъ этого видно, что требовалось много новаго—ожиданія были даже превзойденны!—Единодушнымъ требованіемъ всѣхъ частныхъ сеймиковъ было однако увеличеніе численности арміи и улучшеніе ея шансовъ.

Таковы были возрѣнія, мнѣнія, стремленія и цѣли различныхъ партій, когда сеймъ собрался 6 окт. 1788 въ Варшавѣ. По избраніи въ коронныя маршалы Станислава Малаховскаго, брата канцлера, человека честнаго, безкорыстнаго, но нѣсколько молодчаго, и въ литовскіе маршалы Казимира Сяпѣги, котораго мы знаемъ, предложеніе обратить сеймъ въ конфедерацію было принято единодушно. Всѣ партіи не хотѣли быть отбѣенными въ своихъ стремленіяхъ дѣйствіемъ *liberum veto*; всѣ имѣли свои особенныя дѣла, которыя непременно хотѣли достигнуть. При этомъ случаѣ партія молодыхъ патріотовъ сумѣла включить въ присягу маршала, прибавку, что по востребованію долженствовала имѣть мѣсто и одна дѣлать *вопросы также и тайная подача голосовъ*—важное опредѣленіе, посредствомъ котораго, на случай нужды, пріобрѣтена возможность имѣть въ своей власти всѣхъ слабыхъ и двусмысленныхъ. Затѣмъ сдѣлано было предложеніе о союзѣ съ Россіей, гласно, выраженною цѣлью котораго долженствовало быть *сохраненіе польскихъ владѣній и оборона противъ общаго врага*. Это было любимыя планъ короля: о немъ совѣщались сперва въ Каневѣ, потомъ полтора года разъясняли его, переговаривались о немъ и наконецъ согласились во всѣхъ пунктахъ. Король сначала требовалъ многого для того только, какъ онъ говорилъ, чтобы склонить націю, не смотря на ея отвращеніе отъ союза съ Россіей, къ договору, о томъ посредствомъ весьма выгодныхъ условій, а именно: *во-первыхъ*: Россія должна была содержать польскій вспомогательный корпусъ не только во время войны, но и послѣ того въ мирное время, снабжать оный оружіемъ, военными запасами, лошадьми и огнестрѣльными привасами; *во-вторыхъ*: дозволить многія измѣненія въ конституціи, для возвышенія королевскаго достоинства и облегченія ко-
да-дѣль; *въ-третьихъ*: предоставить торговныя выгоды; наконецъ съ-

четвертыхъ: также и участіе въ будущихъ завоеваніяхъ, а именно король требовалъ земель между Серетомъ и Днѣпромъ до Чернаго моря, дабы снова войти въ сообщеніе съ моремъ и приобрести неходы для торговли.—За содѣйствіе вспомогательнаго корпуса въ 12,000 чел. конницы, чему со стороны Россіи придавали мало значенія и желали этого только для того, чтобъ имѣть Польшу на своей сторонѣ и не быть вынужденными воевать съ ней, какъ въ первую турецкую войну,—это было слишкомъ большое требованіе, и въ борьбѣ, что Россія, распространеніемъ польскихъ владѣній до Чернаго моря, была бы совершенно отрѣзана отъ Молдавіи и Валахій и турецкихъ областей въ Европѣ.—Императрица отвергла это предложеніе самымъ мягкимъ образомъ, давъ замѣтить, что «Польша, сама еще будучи мало обезпечена, не должна была собственными завоевательными видами своими вызывать чужеземцевъ на завоеванія». Въмѣстѣ того она согласилась на большую часть прочихъ условій, обещала взять на себя полное вооруженіе 12,000 ч. войскъ, отнустать имъ жалованье и содержаніе во время войны и даже въ продолженіе шести лѣтъ по заключеніи мира вносить ежегодно 1 миліонъ польскихъ гульденовъ на содержаніе корпуса; сверхъ того предоставить наибольшія торговыя выгоды, не только у себя, но и въ вѣнцлхотатѣ таковыя же и у Турокъ; и наконецъ она хотѣла послѣ мира дать Полякамъ еще другія льготы, смотря по обстоятельствамъ.—Столь выгодныя предложенія объясняютъ рвеніе Станислава заключить этотъ союзъ, долженствовавшій обезпечить угрожаемое существованіе Польши на много лѣтъ, въ продолженіе которыхъ, даже съ согласія Россіи, можно было бы трудиться надъ усиленіемъ и укрѣпленіемъ государства внутри. Но когда это предложеніе, этотъ якорь спасенія, на который надѣялся Станиславъ, было представлено сейму, король внезапно увидѣлъ преграду, поставленную этому предложенію, и всѣ свои надежды на спасеніе Польши разрушенными; гроза, которую давно уже предвѣщала сверкавшая вдали молнія, разразилась теперь со всею силою: Пруссія выступила съ препятствіемъ этому дѣлу.

Со времени вступленія на престолъ Фридриха Вильгельма II, новый прусскій кабинетъ, руководимый Герцбергомъ, выжидалъ только случая огомстить Россіи за предпочтеніе, сдѣланное ею Австріи, и за другія мнимыя несправедливости, и чтобъ показать, сколько она можетъ причинить вреда, въ соединеніи съ Англіею подстрекала Порту и Швецію къ войнѣ и положилъ теперь начало своимъ кознямъ также и въ Польшѣ. Уже въ теченіе лѣта прусскій посланникъ въ Варшавѣ,

Бухгольцъ, получивъ значительныя суммы, для составленія себѣ партіи: съ этою цѣлю онъ долженъ былъ жить открыто большимъ доломъ, давать празднества и пиры (потому что безъ нихъ ничего не дѣлалось въ Польшѣ) и въ особенности стараться привлекать съѣзжавшихся на сеймъ земскихъ пословъ. Въ то же время Герцбергъ и прочіе прусскіе министры обратились къ значительнѣйшимъ, по положенію или вліянію, знакомымъ своимъ въ Польшѣ, съ словами ласкательства, лицемѣрными обнадѣживаніями или тайными угрозами. Такъ напр. министр Шуленбургъ писалъ къ литовскому великому гетману Огинскому: «Онъ не долженъ забывать, что для него настало время, и отечеству его дать возможность, и ему самому — играть роль». Когда Огинскій, для ближайшаго разъясненія этихъ словъ, послалъ въ Берлинъ своего адъютанта, послѣдній удостоился чести быть представленнымъ королю, который сказалъ ему: «Онъ искренно желаетъ Польшѣ добра, но никогда не допуститъ ее до союза съ другой державой. Если республика нуждается въ союзѣ, то онъ предлагаетъ ей свой и готовъ по востребованію ей дѣлать 40,000 войскъ въ защиту ея, *ничего не вымолвивъ для себя.*» Герцбергъ присовокунилъ къ этому другія обнадѣживанія: «Король, говорилъ онъ, могъ бы помочь Полякамъ возвратитъ себѣ Галицію, тешеръ; когда могущество Австріи преклонено Турками; поэтому они не должны бы были раздражать послѣднихъ». Подобныя, левою мимоходомъ сказанныя слова и внушенія не могли не оказать своего дѣйствія на легковѣрный и легкоподвижный, всегда надѣжащійся и никогда не удовлетворимый народъ сарматскій.

Ожиданія Поляковъ находились въ состояніи крайняго напряженія, какъ вдругъ отлично составленная и вполне рассчитанная на успѣхъ прусская нота, переданная Бухгольцомъ сейму 13 окт. 1788 г. окончательно рѣшила дѣло. Въ ней было сказано: «король не видитъ ни пользы отъ союза съ Россіей, ни надобности въ немъ. Владѣнія Польши достаточно обезпечены послѣдними договорами. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы Россія или союзникъ ея, Римскій императоръ, хотѣли нарушить ихъ, то подозрѣніе въ этомъ набо бы лишь на Пруссію и союзъ долженствовалъ бы быть направленъ противъ нея. Но честность и достоинство политики короля опровергаютъ такое подозрѣвіе. Поэтому король формально протестуетъ, если союзъ долженъ быть составленъ противъ него; но если подъ *общимъ* *этикетомъ* разумѣютъ Порту, то онъ предлагаетъ размыслить, что послѣдняя всегда честно соблюдала Карловицскій миръ. Послѣдствія, опасныя не только для Польши, но и для вограниченныхъ съ нею

владѣній короля, могли бы прозойти, еслибы республика заключила союзъ, который подалъ бы Турнамъ поводъ наводить свои войсками Польшу. Если Поляки хотѣтъ союза, то онъ предлагаетъ свой и полагаетъ, что не хуже иной державы: можетъ обозначить неприкосновенность Польши; сверхъ того онъ *однажды* *себѣ*, чтобы *избавить знаменитую польскую націю отъ всякаго чужеземнаго угнетенія (oppression)*, равно какъ и *отъ враждебныхъ вторженій Туранъ*. — Еслиже Поляки не захотятъ обратить вниманія на эти дружескія предложенія его, то онъ долженъ будетъ принять свои мѣры предосторожности и приглашаетъ въ такомъ случаѣ *всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ гражданъ Польши* быть съ нимъ за одно, дабы предохранить отечество ихъ отъ угрожающаго ему несчастія. Онъ обѣщаетъ имъ *вснное побѣдѣ и вснкую помощь*, дабы защитить и сохранить *независимость, свободу и безопасность Польши*. Можно-ли было требовать больше этого? за то и дѣйствию, произведенное вотю, было необычайное, потому что она была самое вѣрное средство тронуть польскія сердца. Какъ дѣтныя Полякамъ похвала *знаменитой націи*, обѣщанныя покровительство и помощь для устраненія *всякаго чужеземнаго угнетенія*, кто не хотѣлъ принадлежать къ *истиннымъ патріотамъ и добрымъ гражданамъ*, которые должны были возвратитъ Польшѣ ея независимость, свободу и безопасность! Чего всѣ пламенно ждали въ глубинѣ души, то предлагалось имъ тутъ! — Пруссія на вѣни! — никакихъ разсужденій и колебаній болѣе! и кто отваживался на это или предостерегалъ, тотъ былъ измѣнникъ, подкупленникъ, врагъ своего отечества. Вся молодежь съ поспѣшностью, стремясь обратилась къ Пруссіи; а Россія и союзъ съ ней и слышать больше ничего не хотѣла, радуясь, что могли дать просторъ долго сдерживаемому озлобленію. «Патріотическій» и «пруссійскій» стали синонимами, и Штанельбергъ, король и Феликсъ Потоцкій увидѣли, какъ приверженцы ихъ постепенно, одинъ за другимъ, переходили къ противникамъ. — Санъго-Браницкая партія рѣшительно соединилась съ партіей молодыхъ патріотовъ и даже превзошла ее, по обычаю ренегатовъ, въ рвеніи къ Пруссіи и ненависти къ Россіи. Взаимныя отношенія разяснились, и партіи: сейма, какъ и нація, стали одна противъ другой въ двухъ враждебныхъ станахъ, считала еще съ довольно равными силами, но вскорѣ съ исполнѣ нарушеннымъ равновѣсіемъ. Отъ Пруссіи ожидали всѣ спасенія и воскрешенія Польши; къ Россіи чувствовали лишь злобу и жажду мести, и моланникъ ея долженъ былъ видѣть, какъ тѣ, которые только что цѣловали ему *клятву и руки*,

теперь дерзко угрожали его щелчками, всячески старались оскорблять и вызывать его и Россію. Польскіе умы не знают никакой мѣры!

«Невозможно описать волненіе, пишетъ русскій посланникъ (*), произведенное прусскимъ объявленіемъ. Королевская и наша партія въ уныніи; число и высокоуміе оппозиціи возрасли такъ, что нечего и думать о предложеніи трактата, такъ какъ самые благомыслящіе люди не осмѣлились бы поддержать его. Оппозиція, увѣренная въ покровительство, считаетъ себя теперь въ правѣ оскорблять короля и этимъ приобрести себѣ славу защиты національной свободы противъ правительства».

Русскій кабинетъ въ такихъ обстоятельствахъ отложилъ мысль о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Польшей, и даже ранѣе (письмо Остермана отъ 11-го окт.), нежели буря разразилась на сеймѣ. Императрица объявила: «она полагала, что союзъ ея будетъ выгоденъ республикѣ, не воображая, чтобъ онъ могъ угрожать кому-либо. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ предложенъ ей самой королемъ и постояннымъ совѣтомъ. Но такъ какъ онъ даетъ поводъ къ подозрѣнію, то она отказывается отъ своего намѣренія».

Теперь, когда Поляки считали себя обезпеченными покровительствомъ Пруссіи, должно было приступить къ выполненію давно желаемыхъ предначертаній. — *Во-первыхъ* должно было уничтожить неясную, поддерживаемую и гарантированную Россіей конституцію. *Во-вторыхъ* предполагали при этомъ, ободряемые и подстрекаемые Пруссіей, излить на Россію всю, долго сдерживаемую злобу свою и жажду мщенія. Но чтобы, *въ-третьихъ*, при этомъ твердо идти и снова подняться на высоту независимой державы, войско и флота должны были поставить въ почетное положеніе. *Во-четвертыхъ*, дабы усилиться также и политически, должно было войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ иностранными державами, преимущественно съ врагами Россіи, Пруссіей, Англійей, Голландіей, Швеціей и Портой. *Въ-пятыхъ*, усиленные и поддерживаемые такимъ образомъ, Поляки хотѣли предпринять полное преобразование конституціи согласно съ новѣйшими идеями. — Обширные планы, часть которыхъ они могли бы, можетъ быть, осуществить, еслибы воспользовались благоприятными обстоятельствами и поступили съ быстротою и энергіей, въ согласіи и съ умѣренностію, съ твердостью, но никого не вызывая на борьбу, т. е. еслибы они не были Поляками. Но

(*). Отъ 15 окт. 1788 г.

поступки ихъ были такіе, какихъ только и можно было ожидать отъ нихъ: восторженные, высокомерные, оскорбительные, а затѣмъ снова полные себялюбия, раздора и вражды партій, болѣе направленные къ удовлетворенію личныхъ страстей, нежели интересовъ государства, стоявшихъ у нихъ лишь на второмъ планѣ, хотя слова добродѣтели и отечество были у нихъ постоянно на языкѣ; наконецъ медлительные, полные потери времени и ссоръ изъ-за побочных дѣлъ, и сопровождаемые свойственною имъ лѣнностью и отвращеніемъ отъ труда: Поляки думали, что имѣютъ достаточно времени впереди, и тратили его непростительнѣйшимъ образомъ; казалось, они воображали, что дѣла будутъ всегда оставаться въ томъ же положеніи, что и тогда. Но политическія обстоятельства, тамъ гдѣ они не основаны на естественныхъ, прочныхъ интересахъ, измѣнчивы и мѣняются смотря по вѣтру и теченію преобладающихъ въ настоящее время воззрѣній, мнѣній и страстей.

Пруссія и Англія, изъ старыхъ друзей Россіи, связанныхъ съ нею взаимными интересами, вдругъ, въ слѣдствіе раздраженія страстей, стали противниками ея, но на долго-ли? То были противники, весьма остерегавшіеся серьезно, всѣми силами *средить* мгновенно бѣвергнутому ими другу; они хотѣли только показать ему, сколько могли *средить* ему, еслибъ серьезно захотѣли того. Они хотѣли приготовить ему лишь небольшія затрудненія, нѣсколько смирить его гордость, но постоянно съ протянутой рукой для возобновленія старинной дружбы; борьба на жизнь и смерть была бы противна ихъ собственнымъ интересамъ. Императрицѣ Екатеринѣ стоило только немного уступить, выказать желаніе возобновить прежнія отношенія къ нимъ, и онѣ не премкнули бы друзьями Россіи. Но этого не видѣлъ юношескій, горячій нилъ польскаго патриотизма и хотѣлъ возвести прочное зданіе на кучѣ песка; завѣянной мгновеннымъ вѣтромъ—когда вѣтеръ сдулъ песокъ въ другую сторону, рушился съ нимъ и ихъ домъ.

Потоцкіе и молодые приверженцы ихъ чувствовали очень справедливо, что прежде всего имъ нужно было сильное войско, для охраненія своей независимости, и такъ какъ образованіе такого войска было сопряжено съ большими издержками, то и государственные доходы также должны были быть увеличены новыми налогами. Эти два предмета были болѣе всѣхъ нужныѣ. Безъ готоваго къ бою войска и безъ хорошо устроеннаго государственнаго хозяйства нѣтъ силы и независимости. Почти на всѣхъ сеймикахъ было заявлено требованіе этого, и 20 окт. воевода Сбрадскій, Валевскій,

старый Баронъ монсегратъ, предложилъ сейму: «увеличить войско до 100,000 человекъ.» Какъ электрическая искра, зажгла это слово, воспламеняющаяся подобно вихрю чувства его соотечественниковъ. Желаніе, восторгъ, радостныя слезы и объиманія: Полаки ливовски, какъ будто войско существовало не въ одномъ только предложеніи, но уже спало тутъ совсѣмъ готовое къ бою... Безъ голосованія, однимъ лишь бурнымъ згода было принято предложеніе; они думали, что этимъ подали голосъ за свою независимость и уже выиграли ее. «Король не осмѣлился возражать, пишетъ Штакельбергъ, и присоединился къ большинству, которое затѣмъ цѣловало ему руки; всѣ обнялись, увѣренныя, что теперь получаютъ армию и внушаютъ Европѣ уваженіе къ себѣ. Но никто не подумалъ объ издержкахъ. Доходъ въ настоящее время простирается до 18 милліоновъ гульденовъ, которые поступаютъ лишь съ трудомъ; для положеннаго же увеличенія войска потребно было бы 50 милліоновъ.— Это дѣти, приобскурация оны, они радуются теперь, но позже придется горевать, когда потребуются добывать деньги.»— Многие вызвались на добровольныя пожертвованія, которыя въ первую минуту восторга показались очень значительными, но, при послѣдовавшемъ охлажденіи несоразмерно вносимыя, были лишь каплей въ морѣ и исчезали подобно ей. Всюду затѣмъ начались и совѣщанія о повышеніи налоговъ и податей; но на что легко согласился въ первую минуту всыкнувшій энтузіазмъ, то разоривали въ послѣдствіи расчетливый разумъ и среднее осознаніе, и даже то, что уже было утверждено общими согласіемъ, сельскій дворянчикъ въ провинціи вносилъ лишь съ неудовольствіемъ и медлительностью. Четыре года совѣщались о налогахъ и къ концу четвертаго года, не смотря на самыя диковинныя предложенія и планы выпутаться изъ затрудненія, не могли еще собрать столько, сколько нужно было для содержанія 100,000-наго войска, и не смотря на всѣ усилія и на грозившую опасность, численность его никогда не превышала 60,000 человекъ.

Затѣмъ слѣдовало перейти къ низпроверженію стараго зданія.— Дави легче поколебать цѣлое, положено было отравить отъ него и свергнуть одинъ изъ его столбовъ за другимъ. Вся исполнительная и охранительная власть сосредоточивалась въ постоянномъ совѣтѣ, который, въ своихъ пяти департаментахъ, подъ верховнымъ надзоромъ и руководствомъ короля, соединялъ различныя отрасли военныхъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, полиціи и иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ королю не доверяли, иاینіе Россіи легче могло дѣйствовать на единоличную, нежели на

редѣльную власть, и, наконецъ, этотъ постоянный совѣтъ основанъ преимущественно чрезъ соглашеніе короля съ Россіей; то онъ первый и долженствовалъ быть низвергнутъ, отнятіемъ у него одного отдѣленія дѣлъ за другимъ. Въ этомъ смыслѣ, въ первый числахъ ноября одѣяно было предложеніе: «отдѣлить отъ постояннаго совѣта (и тѣмъ изъять изъ подъ вліянія короля) военный департаментъ и передать управленіе войскамъ въ высшей инстанціи совершенно независимой военной комиссіи, ведъ очереднымъ председательствомъ четырехъ великихъ гетмановъ; слѣдовательно — идти къ старой системѣ независимыхъ и несмѣняемыхъ властей. Тутъ впервые рѣзко выступили одна противъ другой обѣ партіи: русская, состоявшая изъ трехъ партій: посланника, короля и Фанкса Потоцкаго, и прусская, изъ сліявшихся партій молодыхъ патриотовъ и Брашницой. Последняя утверждала, что: «для свободы націи небезопасно, если всѣ власти сосредоточены въ постоянномъ совѣтѣ». Но какъ этотъ постоянный совѣтъ произволялъ имъ рады собранной на сеймѣ націи и каждые два года мѣнялъ своихъ членовъ, то это значило тоже самое, что нація опасна свободѣ націи. Слѣдовательно тутъ мѣтали собственно на короля, утверждая, что «онъ руководитъ постояннымъ совѣтомъ по своей волѣ». Король былъ камень, замыкавшій зданіе, онъ сообщалъ дѣлому единство. Какъ могло существовать правительство безъ единства дѣла и дѣйствій? или какъ могло бы правительство, которое состояло бы, какъ того требовали, изъ однѣхъ независимыхъ комиссій; продержаться даже самое короткое время, не впадъ въ ту же анархію, что и вранде? Анквичъ, кастелянъ Сандецскій, замѣтилъ весьма вѣрно: «по его мнѣнію, свобода гражданъ была бы болѣе обезпечена, еслибъ управленіе арміей оставалось, отъ одного сейма до другаго, въ рукахъ короля и 36 совѣтниковъ, выбранныхъ изъ сенаторовъ и высшего дворянства, и отвѣтственныхъ передъ сеймомъ, нежели въ рукахъ независимой отъ короля и постояннаго совѣта комиссіи.» Я думаю лучше переносить тяжчайшее изъ сто лицъ выше меня, сказалъ онъ между прочимъ, неесли бышь вынуждену трематъ передъ своимъ рынкомъ. Учредить независимую комиссію значить воздвигнуть два престола одинъ противъ другаго, изъ которыхъ одинъ имѣлъ бы всю власть, а другой лишь одинъ блескъ ея». — Другіе говорили: «безъ единства въ правленіи, въ минуту дѣйствія произойдутъ споры и въ нихъ безъ пользы пройдетъ благоприятное время. Независимая комиссія могла бы предписать передвиженія и моремѣщенія войскъ, которая могла бы осѣдлымъ державамъ поводить къ жалобамъ, а: король и

сѣять: но были бы въ состояннн пособить тому». — Доводы защитниковъ существовавшаго порядка были слишкомъ убѣдительны, а потому и открытое голосованіе дало большинство 35-ти голосовъ противъ предложенія (8). Потребовали тайнаго голосованія и, пока оно происходило, распространили слухъ, будто «король прусскій предостовалъ въ новой нотѣ противъ пребыванія русскнхъ войскъ въ Польшѣ и объявилъ, что если они останутся еще дольше, то онъ введетъ также и свои войска». — Тотчасъ возникли страхъ и опасенія, и этимъ настроеніемъ въ особенности воспользовались Септъа и его партія, дабы горячими рѣчами возбудить ожесточеніе противъ Россіи; въ тоже время употреблены были и другія парламентскія ловкости, прерывали защитниковъ громкимъ шиканьемъ и отукомъ, и не давали имъ выговорить ни слова. Такимъ образомъ, тайнымъ голосованіемъ удалось, къ удивленію всѣхъ, получить большинство 48 голосовъ (слѣдовательно противъ прежняго переворотъ въ 53 голоса) за предложеніе, которое тотчасъ же и было представлено къ рѣшенію. При послѣдовавшемъ броженіи умовъ, противъ Россіи послышались оскорбительнѣйшія слова и угрозы, нѣкоторые потребовали даже, чтобы, съ устраненіемъ сѣйта, объявить сѣймъ *посталланымъ*, подобно нѣмецкому въ Регенсбургѣ! Предложеніе это, хотя и было устранено, но нѣсколько дней спустя представлено въ другой формѣ, и наконецъ настояли (29-го ноября) на томъ, чтобъ сѣймъ былъ продолженъ на неопредѣленное время (*ad tempus bene visum*).

Русскій посланникъ, оскорбленный событіями послѣдняго засѣданія; подавъ 5-го ноября ноту, въ которой протестовалъ противъ всякихъ нарушеній и измѣненій конституціи 1775 года, гарантірованной Россією и другими державами. Ему отвѣчали, что «измѣнить всю конституцію». — Король, чтобъ успокоить и воротить къ умирности волновавшіеся умы, въ ихъ бурномъ вѣдъ всякой мѣры разликъ, и предостеречь ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, произнесъ 6-го ноября одну изъ тѣхъ мудрыхъ рѣчей, которая дѣлала такъ много чести его прозорливости, но, не бывъ подкрѣплена его личнымъ превосходствомъ, оставалась безъ всякихъ послѣдствій. Представляя, что ни съ одной державой не было важнѣе для Польши соблюдать доброе сѣтаніе, чѣмъ съ Россією, настоящее затруднительное положепіе которой есть лишь *временное*, онъ продолжалъ: «Постараемся со-

(8) 149 противъ и 114 за него.

хранить себя, друзьями всёх наших соотѣдъ; воздадимъ наше уваженіе личнымъ качествамъ монарховъ; но въ сношеніяхъ съ ними пусть руководитъ нами прежде всего благо государства. Громко и по глубокому убѣжденію объявляю я, что изъ сосѣднихъ державъ, Россія—та, интересы которой менѣе всего притиворѣчаютъ нашимъ. Кому больше, какъ не Россіи, обязаны мы, что прочія державы должны были возратить отторгнутое отъ насъ сверхъ трактатовъ. Ни съ какой другой страной не представляеть намъ торговли лучшихъ видовъ въ будущемъ, и я могу, кажется, утверждать, что Россія съ удовольствіемъ подала бы намъ руку къ увеличенію числа нашихъ войскъ. И такъ вмѣсто того, чтобъ оскорбить императрицу ея, мы должны бы были стараться упрочить за нами ея дружбу; когда же будемъ пользоваться сею послѣднею, то можемъ легко и надежнѣе улучшить наше положеніе, нежели раздражавъ и достаиваяя противъ насъ великодушную и могущественную государыню.»

Важныя слова, они указывали путь, которому надлежало бы слѣдовать. Но уже давно король былъ пророкомъ, вопіющимъ въ пустынь: всё бросились въ противную сторону, пренебрагли предостереженіями разума и опыта, и когда наконецъ, однимъ ложнымъ шагомъ за другимъ, вогнали государственную колесницу въ безвыходный лабиринтъ, то всю вину сложили на короля: въ чемъ всё провинились, въ томъ долженъ былъ одинъ быть виноватъ.⁽⁹⁾

Слова короля не послужили ни къ чему болѣе, какъ только къ возбужденію сильнаго смятенія въ палатѣ, во время котораго были гласно заявлены самыя оскорбительныя сужденія о королѣ. Ему прямо говорили: «хочетъ-ли онъ стоять за націю, или быть русскимъ? въ последнемъ случаѣ никто не останется при немъ.»—Король былъ вынужденъ закрыть засѣданіе, что причинило новое смятеніе, такъ какъ партія противниковъ долго не хотѣла допустить своихъ мѣсть.

Только что былъ низринутъ этотъ основной столбъ постоянного совѣта, какъ приступили къ поколебанію другаго и потребовали отдѣленія отъ него департамента иностранныхъ дѣлъ. Это подало поводъ къ яркимъ преніямъ о другомъ пунктѣ, глубоко оскорблявшемъ націю—*русской гаранціи конституціи 1775 г.* Безспорно, что государство перестаетъ быть *назависимымъ*, когда другое имѣетъ

(9) Prospera omnes sibi vindicant, adversa uni imputantur, заштыль уже Тацитъ (счастливое всякій приписываетъ себя, злополучное приписываетъ одному).

право совѣтовать съ нимъ говорить свое мнѣніе о его внутреннихъ дѣлахъ и объявлять публично учрежденія неизмѣнныя. Собственное чувство говорило это Полякамъ, и потому эта русская гаранція, такъ часто упоминаемая въ раздорахъ партій, сдѣлалась предметомъ жгучейшихъ нападковъ. Прусскій кабинетъ воспользовался этимъ настроеніемъ, чтобы къ пожару преглявъ Россіи прибавить новаго огня. Посланныкъ Бунгемакъ подавъ 14-го ноября ноту, въ которой было сказано: «Король свидѣется съ благораціемъ и твердостью государственныхъ членовъ, что они не доволятъ удерживать себя, въ смыслѣ мудрыхъ мѣръ къ улучшенію правленія, осмысливъ на особенную гаранцію, тѣмъ менѣе, что она, вопреки первоначальнымъ постановленнымъ договорамъ 1773 г., была подписана только одною державою, которая имѣла и сохлестетъ на нее. Король предлагаетъ своей союзки и общее ручательство (гаранцію), на сколько послѣднее могло бы обезпечить республику съ ея независимости, не желая притомъ вмешиваться во внутреннія дѣла Польши, ни препятствовать свободѣ совѣщаній и рѣшеній, которую онъ скорѣе желаетъ обезпечить.» — Когда эту ноту прочли сейму, то она была встрѣчена шумными одобреніемъ. Валявскій потребовалъ немедленнаго заключенія союза съ Берлинскимъ дворомъ. «Еще ничего не отвѣчали, говоритъ Штайнбергеръ⁽¹⁰⁾, на это предложеніе, хотя ненависть къ польск. и увеселіе въ пользу Пруссіи вскружили всѣ головы. Даже крайорокони наши начинаютъ покидать насъ. Прочія въ засѣданіи были до того шаркія, что земскіе послы уже надѣли свои шапки, чтобы объявить еябли. Это постоянное вліяніе прусскаго кабинета служитъ къ поддержанію восторженности, оставшей уже настоящимъ слуподствіемъ (губіемъ) и до того увлекаетъ молодежь, что умѣранные люди не смѣютъ раскрыть рта, изъ страха, чтобы ихъ не обозвали измѣнниками и подкупленниками. Опозиція и боясь всѣхъ Штайнбергеровъ, такимъ неприличнымъ образомъ противъ Россіи, что не доставало только объявленія войны. Еслибы эти люди были въ провинціи, то влюбляли бы всеобщее возстаніе противъ насъ. Король и ученики ихъ марекаій.»

Сейма принялъ прусскую ноту и проводилъ къ заключенію, что ручательство (гаранція) можетъ быть дано только за независимость и свободу, и что только можетъ соиздать на оное, кто обещалъ его, да верго нести если тотъ, кто обещалъ оное, хочетъ по

(10) Въ архивѣ департамента, отъ 23-го ноября 1788 г.

средством его присутствовать улучшению существующих ошибочных учреждений.» — И дабы показать, какъ мало слѣдуетъ заботиться объ этой русокой гарантіи, 17 декабря было рѣшено драбуемое отдѣленіе департамента иностранныхъ дѣлъ отъ постоянного совѣта, и вновь учрежденная, независимая депутация по иностраннымъ дѣламъ составлена единственно изъ враждебныхъ Россіи членовъ.

Какъ ни важны были приведенныя причины противъ волеой мѣрой гарантіи, но прогрессная партія имѣла также и свои причины, и русскій вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, писалъ объ этомъ спорѣ посланнику отъ 10 (21) января 1789 слѣдующее: «Вы имѣете право вернуть правдоподобный предразсудокъ, разрабатываемый памфилою риторикой, будто гарантія соединитъ державы на помощь обуздывать волненья подъяемаго либеральнаго сумасбродства. Но это послѣднее подъяется неограниченными правами подвергать, по произволу, преобразованію всё внутреннія дѣла республики. Базисомъ, что въ рукахъ разумной и умѣренной нации, которая не поддавалась бы злобнымъ совѣтамъ и пагубнымъ подстрекательствамъ, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилась бы не менетовствомъ хитростей своихъ, но только благомъ своей страны, подобнаго права не возбуждало бы сомнѣнія. Но приведенное въ дѣйствіе горчични головами, всегда готовыми предаться всѣмъ возможнымъ непослѣдовательностямъ, и незрѣлымъ проектамъ, оно повело бы къ пагубнымъ внутреннимъ смутамъ и распрямъ, неоднократно уже оказывавшимъ вредное вліяніе на спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Слѣдовательно, послѣдствія не могутъ оставаться равнодушными къ тому, какой образъ правленія, и какую конституцію приметъ Польша, и что только она заслуживаетъ предпочтенія, и должна быть поддержана, которая будетъ сохранять въ націи нѣкоторые извѣстные порядки, слава, спокойствіе, и безопасность.»

Къ этимъ причинамъ присоединились еще и другія. Натура, естественная такъ создана, что чувство одного порождаетъ подобнаго же чувство и въ другомъ, страсть одного порождаетъ подобную же страсть въ другомъ, на примѣръ кротость смягчаетъ, гнѣвъ раздражаетъ, ненависть рождаетъ ненависть, волненье возбуждаетъ волненье. Что относится къ отдѣльнымъ личностямъ, можетъ быть однесено также и къ народамъ, и заразительность страстей простирается до насъ. Оттого мы видимъ, что, если одинъ народъ приходитъ въ волненье, то и сосѣди его становятся неспокойными; если онъ совершитъ неразумныя дѣла, то и сосѣди его получаютъ большую охоту къ тому же. Эта чрезвычайная сила заразительности страстей

увеличивается еще въ массамъ; оттого такъ легко разжигаются огонь и пламя въ большихъ собраніяхъ. Поэтому, если въ какомъ-либо народѣ вскинуты беспорядочныя, политическія страсти, то сосѣди конечно должны быть осторожны. И если эти политическія страсти ведутъ за собой смуты, анархію, партій и междоусобную войну, если зараза опасныхъ нравствъ и учений грозитъ распространиться на сосѣдніе народы, тогда правительства ихъ конечно имѣютъ право вмешаться и помогать тушить пожаръ въ сосѣдномъ домѣ, если огонь грозитъ охватить и ялы домъ. Но если такая нація, въ иро-долженіе нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній, доказала, что не можетъ управлять сама собой и, своими внезапными бурями, угрожаетъ спокойствію своихъ сосѣдей, то почему послѣдніе, подобно тому, какъ легкомысленнымъ молодымъ людямъ по праву настаивать онекумать, не имѣли бы права и такую же легкомысленную, кѣ-не-беспокойную и тревожащую спокойствіе другихъ націй равно-мѣрно ставить подъ опеку, т. е. учредить надъ нею соответствующее правительство и ручаться за соблюденіе его, дабы, при первомъ порывѣ страстей, оно не было низпровергнуто и все не было снова приведено въ беспорядокъ. Таковъ именно былъ случай и здѣсь. Три державы дали Польшѣ, на основаніи настоящаго положенія ея, конституцію, съ которою нація могла бы существовать спокойно и независимо, пока не достигла бы способности самоуправленія. Это, нѣкоторымъ образомъ подъ главнымъ надзоромъ сосѣдей установленное правленіе, дѣйствительно и даровало Полякамъ спокойствіе, порядокъ и миръ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и значительно подарило развитіе націи. Но что Поляки и теперь, когда возста-вили противъ этой опеки или гарантіи, отнюдь не достигли еще той степени зрѣлости и возраста, чтобы вести себя самостоятельно, разумно и съ достоинствомъ въ оредѣ другихъ государствъ, они доказали именно на этомъ сеймѣ, буйствомъ своихъ страстей и по-пашеніемъ, оскорбленіями и дерзкими вызовами своими противъ сосѣдей.

Слѣдствіемъ двухъ главныхъ столбовъ постояннаго совѣта, департаментъ восточныхъ и иностранныхъ дѣлъ, они думали, что уже достаточно возмужали его, для совершеннаго низпроверженія, а съ нимъ и русскаго вліянія. Но какъ партія противниковъ была еще сильна и многіе представлялись въ умѣ и опасныя послѣдствія такого поступка, то къ нему приступили не безъ стѣсненія сердца, и нѣкоторые земскіе послы, вѣнннвая Всевышняго въ свои земцы распра, заказали обѣдн и молебствія о счастливомъ успѣ-

дѣ дѣла. Поелі некоторые прадарительныя: посленіи, — посоведа
 Сьрадскій, Валевскій, человекъ неутрапимый, котораго: видна-
 ля впередъ для всѣхъ отважныхъ предложеній; 19-го января 1789
 года объявилъ, что «выраженіемъ: *недѣ надкороль-мекки*, употреблен-
 нымъ при учрежденіи военной комиссіи, было уже некоторыми об-
 разамъ; высказано несуществованіе постоищаго совѣта, а: что га-
 рантированное его русскою императрицею: не могло всодрясителесить
 собранной на сеймѣ нація произвестъ признанія: нужными: преоб-
 разованія въ своемъ внутреннемъ управленіи, потому что: она гаран-
 тия именно, какъ и вѣдъ прусское величество: обилчовать, *имѣю*
 цѣлю лишь сохраненіе государства. Поэтому: они: предлагаема: по-
 следешное: *узраднеміе постоищаго: савѣтъ* ни: зайти: *установленіе*
 нужныхъ налоговъ для образованія арміи. Они: *выстрѣтъ*: сильную
 поддержку, и *зама* сейма: *областася*: промовисши: рѣшени: *вротисъ*
 этого: правительственнаго учрежденія: *Станиславъ: Потоцкій*: *воскли-*
 нуть: «всли: вы: не: уничтожите: его: перомъ; то: она: будевъ: *уничто-*
 лена: нечотъ». Савѣга: *звюдка*: не: *упуонаршіи*: *слуши*: *выказавъ*
 свое: *равіе*: противъ: Ресіи; *навала*: *постоинный*: *совѣтъ*: *ц: славочар-*
недѣ: мастероид, въ: которой: *ковались*: *арміи*: *Молашіс*: *она*: *свар*: *се-*
дѣлъ: *самъ*: и: *знаеть*: *эго*. Такъ: какъ: *свертъ*: *того*: *деваргиментъ*
востисши: в: *иностранныкъ*: *дѣлъ*: *уже*: *одѣланы*: *отъ*: *него*; а: *миллиа*
мѣбеть: *свом*: *особанныя*: *оуды*; то: *ему*: *отвѣтети*: *тѣльк*: *одна*: *шампц*.
 Поэтому; къ: *тому*: *еще*: *до*: *оуба*: *сохранены*: *душествовникъ*; *декево*: *кроней*?
 А: *кто*: *касаетса*: *краттис*; то: *она*: *была*: *установлена*: *привисци*: *зволы*:
зиди; *савѣдовательно*: *независна*; *къ*: *тому*: *ав*: *цельно*: *придолом*: *дирин-*
сей; *тогда*: *какъ*: *деагация*: *ль*: *свое*: *время*: *должна*: *блани*: *бу*: *на*: *на-*
нать: *се*: *только*: *со*: *вѣми*: *время*: *даршавами*. *Гарантии*: *кто*: *есть*: *свѣ*
ебербенитъ: *звободу*: и: *верховную*: *власть*: *республики*; *не*: *норму*: *норме*
нания: *смыдѣсь*: *противъ*: *этой*: *коацій*: *верховой*: *власти*. Поэтому
 пусть: *не*: *дезидать*: *волю*: *де*: *оудивлія*; *пусти*: *о*: *уступити*: *звосободе*: *му*
волю: *о*: *и*: *принесутъ*: *постоинный*: *совѣтъ*: *къ*: *дѣртву*: *звосошлани*
(holocauste): *на*: *алтарѣ*: *отечества*. — *Противъ*: *этого*: *замѣтили*: *судити*,
 что: *судибки*: *кондантимин*: *существовали*: *еще*: *на*: *деагаци*: *до*: *звпостоинна-*
го: *савѣта*; и: *величайшия*: *несчастія*; *даже*: *раздробленіе*: *сирма*: *не-*
стигни: *республику*; *когда*: *постоинный*: *совѣтъ*: *воше*: *на*: *судещивовали*
еще; и: *нибего*: *наго*: *при*: *королѣ*: *состояніи*: *сейми*: *савѣта*: *Савіи*,
 дабы: *поставитъ*: *короля*: *въ*: *затрудненіе*; *потребовати*: *итабаны*: *въ*
везудилсъ: *въ*: *эго*: *своею*: *длестію*. . . *Въ*: *свѣдѣтіе*: *то*: *бъ*: *Станиславъ*
проррѣдъ: *кородеичко*: *обдумая*; *чтд*: *они*: *дѣлають*; *особенныя*: *въ*: *та-*
кую: *рѣшительную*: *минуту*: «*кто*: *знаеть*; *воскликнула*: *онѣ*: *арфе-*

чести, можетъ быть минута эта есть послѣдній срокъ, назначенный нашему существованію. Воспынните Судію. Подумайте о послѣдствіяхъ, будешь дѣйствовать лишь по зрѣлому обсужденію. Можете быть: ни на одну минуту свѣдая мысль пособити спасенію отечества; несчастію котораго грозить намъ. Я желаю угодить нации, заключаю объ; не на одну минуту, а навсегда, чтобъ ей не пришлось: когда-либо утѣшить короля своего, что онъ изъ предостереженія себѣ: *se desarma*. Теперь, сдѣлавъ это, я повторю: какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи я остаюся неразлучимъ съ моими народомъ. И такъ: пусть рѣшаютъ государственныя чины» (1). И они рѣшили и уразумѣли совѣтъ. И лишь только промолвлено было послѣднее слово; какъ съ башней Бернардинской церкви раздался печальный погребальный звонъ колоколовъ. Это возбудило всеобщее вниманіе, удивленіе; тихій ропотъ... Погребальный звонъ былъ заказанъ и долженъ былъ относиться къ русскому преобладанію, на вѣки погребенному знаменъ законовъ! Нисмѣшка: судьбы, за выспрешенны мечтами сиривала: *благое паденіе*: изъ русскому преобладанію, и существованію Польши звучалъ погребальный звонъ.

Русскій посланникъ уведомлялъ о такомъ исходѣ дѣла слѣдующимъ образомъ: «бояръ 50: лицъ подали голоса противъ завета; другіе: какъ примасъ, епископы Коссаковский и Масальскій и большіе: часть сената; равно князъ и нѣкоторые земские послы, все же: подарили голосомъ; Браницій и Игнатій Потоцкій рѣшили: вопреки: *всѣмъ коварнымъ и насильственнымъ рѣчамъ*. Этими они уничтожили единственное внешнее учрежденіе, которое, подъ предѣлтанствомъ короля, разумно и согласно правилу государствомъ. Отъ матиго: *анкова* нельзя ожидать какой-либо послѣдательности. Они: дружны (*doables*), корыстолюбивы и оденинуты: готовы пожертвовать: *благодарностью или пользою своего отечества* интересамъ: *тщамъ* страстей, своей популярности или мелкимъ минутнымъ *сдѣлать*».

Всиль: было: завершено: дѣло: съ трудомъ: *возведенное*: въ: 1775 году: *правительственное аданіе*: которому Польша была: *обдана* пятнадцатилетіемъ: *безопасности* и *благосополанія*, было: *повернуто* въ: *прахъ*, и пошла: *уровнена* для: *новыхъ покуроекъ*. Но: *вмѣсто*: того, *тебѣ*: *догосы*: *же*: *преступить* къ: *дѣлу* и *воспользоваться* *благопріятнымъ* *обстоятельствомъ*. Поляки: *тратили* время на: *сотни* *самыхъ* *последнихъ*: *вещей*, какія: *намъ* *внушали* *прилотъ*, *страсти* и *интересы*

(1) Журналъ засѣданія сейма, 19-го января 1789 г.

личныя или партій, но только не на тѣ, въ которыхъ болѣе всего было нужды и которыя прежде всего должно было привести въ исполненіе и порядокъ. Въ послѣдствіи, когда они убѣдились, что потеряли драгоценнѣйшее время въ пустомъ разглаголомствіи: и на побочныя дѣла, между тѣмъ, какъ главные изъ нихъ оставались доопущенными, или торопили ихъ, они извинили себя по своему обыкновенному обычаю, сваливая свои ошибки на своихъ протѣвниковъ. Какъ некогда во времена *реставраціи* во Франціи, когда озлобленіе противъ правительства вызвало столько заговоровъ, послѣдніе всегда ставились въ вину полиціи и ея кознямъ, такъ и теперь во всѣхъ учиненныхъ ошибкахъ, безумствахъ и грѣхахъ умудреннаго дворянства была виновною единственно русская партія, а въ дѣлахъ изъ тому еще и король. Что касается собственно русской партіи, т. е. той, которая ожидала своихъ выгодъ отъ Россіи, то такъ какъ большинство обратилось туда, откуда теперь свѣтъ солнце, она состояла въ это время лишь изъ немногихъ членовъ, почти не смѣвшихъ раскрывать рта, потому что это навлекло бы на нихъ только поношенія и оскорбленія. Если же подъ этимъ подразумеваются Браницкая партія, то ее несправедливо называютъ русскими, потому только, что нѣкоторые изъ ея членовъ когда, когда счастья и надежды обратились на сторону Россіи, перешли къ ней и удвоеннымъ рвеніемъ хотѣли загладить свои прежніе поступки. Напротивъ, эта партія, даже до половины слѣдующаго года (1790), когда она разсорилась съ партіей молодыхъ патриотовъ, была въ высшей степени жестокосердна и враждебна Россіи. Ни на кого не жаловалась она: ни посланниковъ въ своихъ донесеніяхъ, сколько на Садугу, Браницкаго и ихъ приверженцевъ, которые (исключая Браницкаго) съ самолюбиваго страстью ратовали, писали, подстрекали противъ Россіи и даже грозили сицилійскими вечернями. И въ доказательство, что это было не одною личиною, а истиннымъ настроеніемъ ихъ, они позволяли себѣ также ненавистнѣйшіе и лично оскорбительнѣйшіе, труднѣе всего прощаемые, наветы противъ Русскихъ и ихъ императрицы. Такъ говоритъ лишь одинъ врагъ, но никогда тайный, знающій, что личныя оскорбленія уважаются глубоко всѣми, и потому никогда не допускающій себя до нихъ. Изъ тому же поже на сторону Россіи перешла лишь часть приверженцевъ Браницкой партіи. Впрочемъ приверженцы Браницкаго, приверженцы Потоцкаго, Галиційцы, сторонники Россіи или сторонники Пруссіи, развѣ всѣ они не были тѣже Поляки, части одного и того же народа, ратававшія между собою, однѣ противъ другихъ? — и если въ

самомъ дѣлѣ одна изъ этихъ партій была такъ дурна, какъ ее изобразила противная партія, то это вѣдъ относилось не къ Русскимъ, а къ ихъ собственной нации, и тутъ далеко не рѣшенъ вопросъ; которая изъ партій болѣе воишь повредила странѣ своей.

Что было собственно причиною всѣхъ проволочекъ и траты времени, раскрылъ одинъ очевидецъ тогдашнихъ происшествій на сеймѣ и въ Варшавѣ. Вина лежитъ не на русской партіи, а на національномъ характерѣ. Пусть краткое извлеченіе изъ его замѣтокъ ближе докажетъ это⁽¹²⁾. «Кромѣ себялюбія, высокомерія, властолюбія и иностраннаго вмѣшательства, говоритъ Шульцъ⁽¹³⁾, причинами, почему польскіе сеймы столь бурны и безсильны, суть также невольность и ленимысліе. Двѣ трети земскихъ пословъ являются на сеймѣ почти совсѣмъ необразованными, и чѣмъ они невѣжественнѣе, тѣмъ упорнѣе: въ такомъ случаѣ послѣднюю причину имъ всегда: «не хочу» или «але» (но). Довольно того, что этихъ людей дѣйствовало первое впечатлѣніе, произведенное на ихъ смущенный запасъ идей или на ихъ надменность и честолюбіе, и вождь партій; однажды склонивъ ихъ на свою сторону, могли вполне расчитывать на нихъ. Не менѣе того вредило свойственное Полякамъ легкомысліе. Вихрь удовольствій, сопровождавшій сеймъ, развлекъ пословъ и похищалъ у нихъ большую часть времени. Тѣ изъ нихъ, которые были помоложе и не могли еще истрать главной роли, не находили никакого удовольствія въ работахъ; не любившихъ ихъ тщеславіе, а болѣе свѣдущіе, хотѣвшіе взять на себя работу, изнемогали подъ тяжестью ея и въ своемъ неудовольствіи предоставляли ее тогда адвокатамъ, аббатамъ и другимъ, такъ называемымъ искуснымъ людямъ; имѣвшимъ въ виду лишь плату и затѣмъ крохали кое-какъ. При томъ воспитаніи, какое было тогда въ обычаѣ, и при томъ способѣ, какъ велись дѣла, никто не былъ привыченъ къ серьезнымъ работамъ, требовавшимъ сосредоточенности мысли, размышленія или даже только усидчивости; и даже самыя вредныя преимущества были имъ во вредъ, такъ ихъ быстрота и легкая понятливость ихъ препятствовала имъ глубже вникать въ дѣла, но скорѣе побуждала ихъ говорить о предметахъ, о которыхъ они не имѣли точнаго понятія, хотя съ живостью, множе-

(12) См. Reise eines Livländers von Riga nach Warschau, durch Südpreußen über Breslau nach Bozzen in Tirol. 7 тетрадей. Берлинъ 1795. Авторъ его есть часто упоминаемый въ свое время, по своимъ описаніямъ путешествій и другимъ сочиненіямъ, Фридрихъ Шульцъ.

(13) 3-я тетрадь. Стр. 154 и др.

ствомъ словъ и фразъ, но односторонно, поверхностно и безъ основательной промислительности въ сущность дѣла. Оттого первое неожиданное возраженіе и заставляло ихъ молчать. Дѣлѣ, то обстоятельство, что они дѣла отечества производили *безсознательно*, утверждало ихъ еще въ легкомысліи и лѣнності: каждую минуту, которую они жертвовали ему, каждое дѣйствіе, каждое слово въ его пользу, они считали милостью, оказываемою ему, (14) — и за это хотѣли участвовать въ тѣхъ выгодахъ, на которыхъ ничѣмъ притязавшія партія, стоявшая въ это время въ главѣ и называвшая себя оппозиціею. Но и въ этомъ случаѣ они не мучили себя работами и размышленіемъ; достаточно было ихъ голоса, услышаннаго партіею. Къ этому присоединилось еще, наконецъ, преобладающее вліяніе женщинъ, примѣшававшихъ свои страсти къ страстямъ партій и, свойственными имъ прелестями и обольщеніями своими, вербовавшихъ приверженцевъ для своей партіи. Главную роль, напр., играла на этомъ саймѣ жена князя Адама Чарторыйскаго, Изабелла Флеммингъ, известная своими съ Репнинскихъ и Лешинскихъ (Данскихъ), и весьма желанная возмѣнить званіе своею принца Лудвига Виртембергскаго, по возможности до королевской короны. Она была душою прусской партіи; она почти ежедневно собирала у себя земскихъ посланцевъ, у нихъ обсуждались планы и рѣшенія и предложенія, имѣвшія быть сдѣланными, получались инструкціи, распределялись роли, вербовались и привлекались приверженцы. Еще болѣе увеличивала беззѣмность тошноты привычка передавать болѣе важные предметы на обсужденіе комитетамъ, называвшимся здѣсь *депутатскими*, и затѣмъ, когда работа ихъ была представляема сайму, они рѣшали дѣло именно такъ, какъ имъ внушали ихъ личныя выгоды, годовые доходы, сдѣлки партій или легкомысліе. Въ такихъ комитеты каждая партія старалась вторить своимъ приверженцамъ и тѣмъ вносить въ среду ихъ свои раздоры. Но какъ точности и чувства долга именно и не было въ ихъ паритетѣ, то много заседаній проводило безъ всякаго результата, оттого что потребное для дѣйствительности заседанія число членовъ, либо совсѣмъ не собиралось, либо сходило лишь въ послѣдній минуту, когда сабботило заирывать заседаніе, отчего тогда все и рѣшалось въ торопнѣ. Это собственно и было причиною проволочекъ самыхъ важныхъ предпріятій до тѣхъ поръ, пока не проходилъ благоприятный моментъ. Комитеты для начертанія проекта новой конституціи, для улучшенія

(14) Шульца путешествіе. III тетрадь, стр. 159.

состоялии государственной казны и для формирования войска были заняты цѣлыя годы и дни, и ничего не сдѣлали до самой послѣдней минуты, когда ихъ постигла крайняя нужда и они тогда все сдѣлали въ торопяхъ. Напримеръ, несогласія въ Курляндіи между герцогомъ и дворянствомъ съ 1788 года были передъ глазами у сейма, но только три года спустя (1791) назначена была особенная депутация для прекращенія ихъ. Она должна была имѣть по два засѣданія ежемесячно, но въ продолженіе девяти мѣсяцевъ имѣла ихъ всего на все не болѣе десяти, въ которыхъ сверхъ того, по приведенной сейчасъ причинѣ, ничто не было подвинуто впередъ, и только по объявленіи Россіею войны, въ одною единственною засѣданіемъ пришли къ соглашенію на двусмысленно изложенный договоръ, называвшійся конституціей ⁽¹⁸⁾, оставившій все въ неопредѣленности и, послѣ четырехъ годовой, напрасной траты времени, труда и огромныхъ денегъ, отправившій повѣренныхъ въ дѣлахъ князя герцога, такъ и дворянства, недовольными домой. Такимъ же образомъ, какъ это дѣло, велѣтъ и все прочія, которыя, откладываясь вѣсны отъ одной отсрочки до другой, лишь въ послѣднія минуты, когда уже слышались глухіе раскаты приближавшейся грозы, были совершены во всей поспѣшности, кое-какъ, какъ напр. дѣло о продажѣ староствъ, которое, послѣ многолѣтнихъ обсужденій, было рѣшено только 6-го апрѣля 1792 года, непосредственно передъ началомъ войны. — Отъ-чю, въ національномъ характерѣ коренившійся качества были причиной всѣхъ проволочекъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а еще Русскіе и ихъ приверженцы, какъ это хотѣли утверждать.

Какъ выше сказано о курляндскомъ комитетѣ, также точно было и съ прочими, и такимъ же образомъ случилось, что и столь важный изъ нихъ, для начертанія *новой формы правленія*, былъ назначенъ не раньше, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ низверженія польскаго совѣта, т. е. только 7 сент. 1789 года. Онъ состоялъ изъ просвѣщенныхъ патриотовъ, но также и изъ многихъ пустыхъ болтуновъ, и именно къ нему принадлежали: хитрый, многопытный епископъ каменецкій *Красинскій*, некогда бывший душою Барской конфедераціи; Сталовичской памяти литовскій великій гетманъ *Огинскій*; литовскій великій маршалъ *Виконтъ Потоцкій*; литовскій вице-канцлеръ *Хрептовичъ*; казначей *Коссовскій*; ученый графъ *Мощинскій*; и Жельскій (Жолтскій) земскій посолъ *Суходолскій*, «Брутъ» республики, какъ его въ насмѣлку называлъ Штакельбергъ, потому

(18) Русскіе и ихъ приверженцы: сейма называли въ Молви конституціею.

что онъ всегда горчился и при всякомъ случаѣ произносилъ длинныя, обильныя фразы рѣчи. — При учрежденіи этого комитета, посланникъ, по своему глубокому знанію народа и людей, замѣтилъ пророчески: «Онъ потребуетъ много времени, и если его продолженіе даже и будутъ представлены на обсужденіе сейма, то въ этомъ пройдутъ мѣсяцы и мѣсяцы, если Поляки не рѣшится покончить это дѣло безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій». — И то и другое оправдалось — сперва вренія, длившіяся многіе мѣсяцы и годы, а наконецъ внезапный скачокъ черезъ нихъ и печальное для всѣхъ введеніе конституціи.

Одна изъ главныхъ цѣлей ихъ была достигнута: низверженіемъ прежняго образа правленія; теперь дошла очередь до дальнѣйшихъ цѣлей, съ помощію и при подстрекательствѣ Пруссій. Пруссія господствовала теперь въ Польшѣ. Россія, вдоволь занятая въ иномъ мѣстѣ, держала себя поодаль, даже въ инструкціяхъ посланнику предписывалось вести себя пассивно и какъ можно менѣе выступать впередъ. «Наше время придетъ». — Патриотическая или прусская партія имѣла полную долю, потому что и король съ своими ближайшими приверженцами былъ доведенъ до совершеннаго ничтожества; она же, напротивъ, одна управляла всѣми государственными дѣлами на сеймѣ, которыя обсуждала, то въ особахъ комитетахъ или депутатіяхъ, то въ полномъ собраніи, при чемъ, разумеется, часто было довольно бурно. Многолюдныя собранія, особенно польскія, имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ нихъ противныя стороны взаимно разгорячаютъ одна другую. Одинъ перебиваетъ другаго, никто не отвѣчаетъ за себя, все ставится на счетъ всѣхъ, и большинствомъ въ массѣ принимаются такія опредѣленія, которыя обильны важными послѣдствіями, но которыя каждый отдѣльно отвергнулъ бы лично. — Тысячи проектовъ были представлены, произнесены пышныя рѣчи, обо всѣмъ было говорено, но ни въ чемъ не разъяснились. Привыкнувъ быть управляемыми извнѣ, и не ощущая подъ собой твердой почвы, Поляки прислушивались къ Берлину, изъ Берлина ждали побужденій для своихъ поступковъ. Но слѣпо доверяя всѣмъ обѣщаніямъ, льстившимъ ихъ желаніямъ, они не распознавали ни людей, ни времени, сами себя отдавая въ играліще политики и своихъ минутныхъ интересовъ, и изъ-за атого погибая.

Восемнадцатый вѣкъ не отаичался нравственностію въ политикѣ. Примѣры недалеко; и Фридрихъ также дѣйствовалъ въ духѣ своего времени, когда, изъ жажды славы и изъ желанія округлить и усилить свое еще слабое государство, воздвигъ у безпомощной Маріи-

Терезія Силезію. Но этотъ первый шагъ вызвалъ противъ него бурю; онъ долженъ былъ погибнуть или всеми средствами, правыми или неправыми, держаться и возвыситься. Онъ боролся какъ истинный герой и дѣйствовалъ политически достойно и иногда имъ опровергнутого наставника. Такъ онъ утвердилъ за собой Силезію и приобрѣлъ западную Пруссію, посредствомъ чего только и достигло его королевство взаимной связи и внутренней твердости (16). Герцбергъ, воображавшій, что научился у него искусству его, хотѣлъ продолжать то, что онъ дѣлалъ. Оттого и происходила та громадная, великодушная политика въ первые годы по смерти Фридриха, которая могла вести къ величію, но также и къ глубокому униженію, подобно тому, какъ высота измѣряется глубиной, лежащей у подошвы ея.

Темная мысль, руководившая политикой Герцберга въ отношеніи къ Польшѣ, могла быть слѣдующая: «Польша настоящая страна, гдѣ можно въ мутной водѣ рыбу ловить, если только употребить на это надлежащіа сѣти. Фридрихъ, нашъ великій государь и наставникъ, выловилъ изъ мутной воды западную Пруссію; прекрасная помутилась и мы воду, и получимъ Данцигъ и Торнъ, а можетъ быть и еще что-нибудь больше. Польша, какъ она есть, безъ войска и доходовъ, въ этотъ вѣкъ большихъ регулярныхъ армій, не можетъ устоять сама собой, она нуждается въ покровительствѣ; намъ гонимствѣ. Россія, нашъ вѣроломный другъ, обладаетъ имъ теперь; отнимемъ его у нея, льстя желаніямъ, страстямъ и національнымъ особенностямъ Поляковъ. Изъ этого могутъ произойти только два рода послѣдствій: обстоятельства останутся благопріятными, и за нами будетъ покровительственное господство; или Россія, раздвигая себѣ руки, станетъ настойчиво требовать его назадъ. Ну тогда, если не можемъ удержать его за собой, мы сговоримся; мы имѣемъ что предложить и намъ должно кое-что перепастъ».

Что Герцбергъ даже издалека не думалъ подлинно возвеличить Польшу, что онъ видѣлъ въ ней не самую цѣль, а только средство для достиженія цѣли, видно изъ всего. Онъ столь же мало любилъ Поляковъ, сколько и великій наставникъ его, постоянно подсмѣивавшійся надъ ними. Даже Огинскій, хотя преданный всѣмъ заблужденіямъ своей націи, свидѣтельствуетъ о томъ (17). Герцбергъ очень

(16) Разсмотрѣніе тайныхъ переговоровъ о раздѣлѣ Польши, въ прусскомъ государственномъ архивѣ, доставило автору яснѣйшія доказательства, что все въ этомъ встало отъ Фридриха, что онъ былъ первымъ и послѣднимъ двигателемъ этого.

(17) См! Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne. Paris 1826. 4 vol. Въ ожиданіи вайта министра, вполне одушевленнаго въ пользу Польши, онъ явился

хорошо понималъ, какъ и Фридрихъ, что условіемъ величія Пруссіи было униженіе Польши. Могуцственная Польша скоро подавила бы небольшую Пруссію и потребовала бы у нея обратно ~~устья~~ ^{свои} ихъ рѣкъ и отторгнутыхъ областей. Выла же прежде большая часть того, чѣмъ владела Пруссіа, даже Силезія, принадлежать владѣтелямъ, а не одинъ народъ не помнить и не помнить такъ хорошо, какъ Польша, чѣмъ они когда-либо обладали, хотя бы временно, ^{своемъ} присоединить это—мечта ихъ величія въ будущемъ.

Глава прусскаго кабинета сознавалъ, что, для окутання Польши тонко-сотканною сѣтью, честный нѣмецъ Бухгольцъ будетъ не способенъ, и потому назначилъ (съ 12-го апрѣля 1789) (**) ^{посланнаго} итальянца маркиза Луккесини, бывшаго Фридрихова камергера и собесѣдника, государственнаго человѣка чисто-итальянскаго отношенія, для котораго успѣхъ тогда лишь казался имѣвшимъ цѣну, когда былъ пріобрѣтенъ хитростью, лукавствомъ и обманомъ; правая же политика казалась глупостью или близорукостью. Такова была политика времени, когда величайшее торжество состояло въ томъ, чтобъ другъ друга перехитрить; о славы же правды, честности и довѣрія къ своимъ обѣщаніямъ мало заботились. Однако же исторія доказываетъ, что прямая, простая и честная политика вѣрнѣе всего приводитъ къ дѣлу, и что хитрость сама бываетъ подъ конецъ перехитрена и уловлена въ собственныя сѣти. Донзателемъ тому представлялъ и нашъ знаменитый итальянецъ, позже вѣрнѣйшій подобнаго себѣ мастера дѣла и подъ конецъ оставившій по

съ покляномъ къ Герцбергу и не мало былъ удивленъ, когда убавился въ преніяхъ. Герцбергъ принялъ меня хорошо, разсказываетъ онъ (I, стр.: 67), но я не успѣлъ увидѣть я, что этотъ первый министръ нашего новаго союзника имѣлъ весьма не благоприятное мнѣніе о польской націи. Всѣ вопросы, которые онъ мнѣ предложилъ касательно сейма, мнѣніе, высказанное имъ о различныхъ главныхъ лицахъ на немъ, и неудовольствіе, ощущенное имъ по поводу встрѣченныхъ затрудненій въ заключеніи договора между Пруссіей и Польшей, обнаруживали только, что онъ не любитъ Польняковъ. Онъ искалъ союза съ ними только для того, чтобы ослабить прѣдварительную систему ослабленія Австріи, пріобрѣсть Данию: «Тогда для Пруссіи и подчиненная впаденія лондонскаго кабинета». И въ другомъ мѣстѣ (I, 105): «Каково было мое удивленіе, когда я услышалъ горькія упреки Герцберга, чтобъ не сказать проклятія его противъ короля и сейма въ Польшѣ, и когда онъ сказалъ: «въ Варшавѣ потеряла голову и лишь слишкомъ поздно раскаются, что отказали Пруссіи въ Дандѣ въ Торвѣ».

(18) Луккесини былъ впрочемъ дѣятелемъ въ Варшавѣ, рядомъ съ Бухгольцомъ, уже съ открытія сейма 1788 года.

себѣ славу, что своими кознями и доблѣтями довелъ два государства до гибели, сперва Польшу ради выгоды Пруссіи, а затѣмъ Пруссію ради выгоды Польши, и унести съ собою презрѣніе воѣхъ.
Аристократическій принцъ Фридрихъ Брауншвейгъ-Дальскій (Braunschweig-Oels), въ своихъ запискахъ, (19) не нашелъ ничего хуже, чѣмъ учинить италянца, сверхъ страсти его къ кознямъ, какъ то, что идѣя его торговать гребнями, и что онъ дерзнулъ вмешаться также и въ военное дѣло. Гребенщикъ или нѣтъ, но высшее дѣятельство — то, которымъ Богъ запечатлѣваетъ человека при его рожденіи, и Наполеонъ, еслибъ его предки даже были вѣтешниками или гребенщиками, все таки носилъ бы на челѣ печать божественнаго благородства. А вмешательство Луккесини въ военныя дѣла только доказало только вѣрное сознаніе имъ, что для него нуженъ взглядъ болѣе обширный, нежели тотъ, который былъ свойственъ тогдашнему прусскому капралству (Korporalismus).

Какъ Наполеонъ и большая часть италянскихъ государственныхныхъ людей, такъ и Луккесини страдалъ страстью къ витійству; она бесспорно служила ему для достиженія его цѣлей въ сношеніяхъ съ людьми, инакъ его стоявшими умственно и которыхъ онъ весьма цѣнилъ и сбивалъ съ толку; людямъ же, умственно стоявшимъ выше его, онъ, своимъ многорѣчіемъ, лишь слишкомъ часто обнаруживалъ то, что вполнѣ скрывать хотѣлъ.

Для тогдашней Польши онъ былъ отличнѣе избраннымъ оружіемъ; вскорѣ онъ вполнѣ забралъ въ свои руки предводителей партій и управлялъ ими по одному мановенію, усердно поддерживаемый въ этомъ англійскимъ резидентомъ Хейлсомъ (Hales). Такъ осуществилась страна Герберга, и въ скоромъ времени сеймъ, Варшава, вся Сѣверная стали болѣе преданы Пруссіи, нежели самъ Луккесини, и рѣшительно слѣдовали всѣмъ побужденіямъ, которыя онъ давалъ имъ. Первымъ изъ нихъ было увеличить разрывъ между Россіей и Польшою, что ему отличнѣе удалось съ помощью соединенныхъ партій молодыхъ патриотовъ и Брацицкой. Нужно было ни съ того, ни съ чего начать карьеру, и первымъ предлогомъ къ тому послужили обычныя, безцеремонныя поступки Россіи въ Польшѣ. Это дѣлать русскія офицеры привыкли, немало же стѣняясь, ходить по Польшѣ во всѣхъ направленіяхъ, оставаться въ ней, учреждать магазины и распор-

(19) Militärische Gemälde des Prinzen Friedrich August von Braunschweig-Lüneburg. Oels 1797. 4°, стр. 343 въ приложеніи.

жаться какъ въ собственной странѣ. Когда вѣстинула турецкая вой-
на, русскія войска, по предварительному соглашенію съ королемъ
и постояннымъ совѣтомъ, прошли ближайшимъ путемъ чрезъ Украй-
ну и Подолію противъ Турокъ; ибо тогда Русскіе надѣялись въ ско-
ромъ времени привѣтствовать Поляковъ какъ союзниковъ и принять
ихъ въ свои ряды. Это послужило Герцбергу и Луккескини первыми
поводомъ къ подстрекательству: «этого не должно было терпѣть»,
хотя сто лѣтъ терпѣли; «Польша—независимая держава, съ которою
этого нельзя позволить себѣ»;—безъ сомнѣнія независимая, на сколько
это позволяла покровительствующая держава, была ли она ста-
рая или новая. Теперь, по волѣ новой, изъ Варшавы и Берлина
въ Петербургъ пошли жалобы и сѣтованія на пребываніе москов-
скихъ (москальскихъ) войскъ, хотя послѣднія, непомѣрною платою
наличными деньгами за продукты страны, доставляли ей болѣешия
выгоды. «Они подвергали опасности границы», говорились, «не
только польскія, но даже и прусскія», жаловалась Пруссія. «тѣмъ
что привлекали Турокъ и Татаръ дѣлать туда вторженія;» какъ
будто ихъ присутствіе не было лучшимъ оплотомъ, какъ будто они
не изгнали уже Турокъ изъ Молдавіи и не удалили всякую опас-
ность отъ Польши. Предостереженія, требованія, угрозы и тысячи
различныхъ придирокъ къ самимъ войскамъ стали подъ конецъ
столь значительны, что императрица, свазанная такъ, какъ въ то
время, уступила и повелѣла очистить Польшу и вывезти изъ нея
всѣ магазины.—Польша безспорно имѣла бы право требовать это,
еслибы была державой самостоятельной, независимой—но въ этомъ
то именно и былъ еще вопросъ!

Вторымъ поводомъ къ раздору послужили релігіозныя распри.
Поляки всегда были дурными господами своихъ яновѣрныхъ под-
данныхъ, а послѣднія событія значительно усилили ихъ злобу про-
тивъ дисунитовъ или диссидентовъ. Теперь послѣдніе, будучи укрѣ-
нены въ сильной защитѣ, выступили смѣлѣе и не такъ-то легко
переносили все, какъ прежде. Потребованіе удаленіе изъ нѣм-
ской земли дружественной арміи, приносившей нервой, «однако,
столько прибыли, произвело ропотъ;» духовенство заговорило сво-
боднѣе и въ ропоту народа присоединило и свой; но предшественію
предстоятеля его, епископа переяславскаго и архимандрита саудиа-
го, Садковскаго, оно даже молилось въ церквахъ своихъ за высо-
кую покровительницу свою въ Петербургѣ. Въ глазахъ ихъ поль-
скихъ властителей это показалось преступленіемъ... Милѣя болоту и
сердце исполненныя намятью и ужасами недавно бывшаго злову-

ищія крестьянъ, временъ Барской конфедерации, они воображали уже видѣть возстаніе крестьянъ; въ каждомъ русскомъ купцѣ, маркитантѣ или извозчикѣ, искавшемъ заработка, они видѣли подослаанныхъ возмутителей, поджигателей, бунтовщиковъ: видѣли же были при нихъ «ножи», какіе обыкновенно носить при себѣ простолыдникъ. Ихъ держали въ тюрьму, сѣкли розгами, мучили, старались вынудить признаніе ихъ въ томъ, о чемъ они ничего не знали; доносили въ Варшаву о большихъ заговорахъ, бунтахъ и предстоящихъ рѣзняхъ дворянъ крестьянами, а въ Варшавѣ приверженцы партій ударили страшную тревогу, всю страну привели въ ужасъ и прямо обвиняли русскую императрицу въ возбужденіи мятежа въ польской землѣ (20). Яростнѣйшіе изъ нихъ, Садкии, Суходольскіе, Кублицкіе вносили противъ Россіи истинно «завыгодательныя рѣчи», какъ выразился посланникъ, грозили вооружить націю и перерѣзать воѣхъ Русскихъ въ Польшѣ. Православныхъ священниковъ не только сажали въ тюрьму, но и казнили смертно; самъ епископъ Садковскій, хотя былъ коадьюторомъ архіепископа кievскаго (*) и русскимъ подданнымъ, былъ заключенъ въ тюрьму, какъ простой преступникъ, потомъ перевезенъ въ Варшаву, гдѣ цѣлые годы содержался въ неволѣ, мучимый частыми допросами, подкущенными свидѣтелями противъ него, неоднократно угрожаемый повѣщеніемъ, хотя противъ него не могли ввести ничего сарьбно преступнаго, и напоследокъ, при открытіи войны, былъ перевезенъ въ Ченстоховъ, гдѣ наконецъ освобожденъ русскими войсками. — Ни одна нація не кричитъ дѣе польской противъ деспотизма и угнетенія, ни одна не дѣйствуетъ деспотичнѣе, *адъ тѣмъ же, мѣжтебъ.*

Нѣкоторыя извлеченія изъ домсеніи посланника могутъ дать ближайшія извѣщенія этихъ событій. Отъ 31-го января 1789 г. онъ пишетъ: «Въ Украину посланы приказанія по поводу возстанія крестьянъ, которые однако вовсе не возставали. Но причиню тому: такъ угадано было Лукесинъ.» — Отъ 7-го февраля: «У Браницкаго возста-

... (86) Это случилось на домѣ сейма. — Полное злобы сочиненіе Коллонтая (о престожденіи и проч. конституціи 3-го мая) оправдываетъ, однако (едва вѣрится тому) русское правительство, дабы тѣмъ ядовитѣе напасть за это на такъ называемую русскую партію. Ненависть партій превосходитъ еще ненависть народную! — Лелевель, впрочемъ буквально повторяющій слова Коллонтая, не такъ снисходителенъ. По вѣстию его, императрица Екатерина возбудила всѣ бунты въ Польшѣ.

(*) Т. е. викаріемъ кievскаго митрополита.

не крестьянъ постоянно на землѣ; когда донесеніи начальства побѣдъ въ Украинѣ, Фейзика Потоцкаго, вполнѣ усномойваютьъ часть на этотъ счетъ (21). За то онъ долженъ быть отозванъ. — Отъ 18-го апрѣля: «Сапѣга въ яростной рѣчи явно обвинилъ Россію въ возбужденіи бунта крестьянъ. Кублицкій поддерживалъ и превозносилъ его. Все это было подкрѣвлено защитательными рѣчами Суходомскихъ, Мѣршевскихъ, которые все живутъ у Брилицкаго и получаютъ отъ него жалованье. Говорятъ, что Россія непримѣнно подстрекаетъ крестьянъ. Суходомскій, изъ той же партіи, крикъ даже, чтобы выслали посланнина и объявили войну.» — Отъ 20-го апрѣля: «Сауцкій архимандритъ обвиненъ въ подстрекательствѣ къ бунту. Его хотѣли заключить въ тюрьму; моимъ протестомъ, такъ онъ — епископъ переяславскій, викарій кѣвскій и подданный императрицы, я могъ добиться лишь того, чтобы его не приговорили не выслушавъ.» — Отъ 17-го іюля: «Саудовіе продолжаютъ. Еще не пришли никакихъ вѣстей уликъ противъ саудкаго архимандрита. Два православные священника уже оправданы; третьяго, унищогоаго, ждали ва нѣкоторыя рѣчи, хотя всякій зналъ, что этотъ человекъ былъ пьянъ съ утра до вечера. Это — каннибальское правосудіе! Но правда заключается въ томъ, что князьные въ Варшавѣ утвердили вѣру въ бунтъ для того, чтобы удовлетворить своему властолюбію и своей ненависти къ Россіи.» — Отъ 3-го октября: «Я ходатайствовалъ за несчастныхъ русскихъ подданныхъ, несправедливо притѣвденныхъ къ тяжкимъ работамъ за минувшее возмущеніе; были извозчики и торговцы, задержавшіеся на Волнѣ своими армянами. Они схвачены и осуждены какъ участники въобразованнаго возстанія, и это только потому, что Сапѣга и другіе возмутители войны желаютъ, для своихъ особенныхъ цѣлей, смуты въ воеводствахъ и войнѣ съ Россіей.» — 20-го октября: «Я говорилъ съ цѣлью о продолжительности процесса противъ епископа переяславскаго и о характерѣ преслѣдованія, который онъ принимаетъ, равно и о томъ, что назначили вѣрную комиссію, ибо первая же попытка найтъ никакого дѣйствительно тяжкаго обвиненія противъ него, а нѣкоторые свидѣтели даже сознались, что были подкуплены. Не тиранствовало это преслѣдовать невиннаго человека, дабы поминимъ низкою силой поддерживать задачу о возмущеніи, которое адскою клеветой партіи

(21) А въ случаѣ дѣйствительной вѣрности оно было бы въ интересахъ Потоцкому, по причинѣ обширныхъ владѣній его въ Украинѣ.

Салтыги, принимавшего Россіи, чтобы призвать націю къ согласованному нарушенію: прогнать часть и возстановить опять визиратъ великихъ гетмановъ».

Когда Шталамбергъ дѣлалъ Браницкому замѣчанія касательно его племянника, то онъ отвѣчалъ: «что прикажете дѣлать, Салтыга вѣдетъ словомъ и помнитъ пріемъ въ Кіевѣ». — Кто только смѣивался еще говорить противъ нечестиваго образа дѣстей, принятаго въ отношеніи къ Россіи, тому приходилось по крайней мѣрѣ слышать прозванія «наибѣнникъ» и «подкуяленникъ». Больше того, когда французскій дворъ въ особенной негѣ, подавляя агентаго его Оберонъ (Aubert), совѣтовалъ быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и болѣе гадить соседнимъ державамъ, особенно Россіи, то Салтыга отвѣчала французскому агенту: «Советъ, данный Франціей, не соответствуетъ теперешнимъ обстоятельствамъ республики, предлагая дружбу съ государствомъ, вреднымъ Польшѣ, и отвѣтывая ея съ полезною ей державой. Французское министерство, вѣроятно, въ заботахъ о разстроенныхъ финансахъ своей собственной страны, недостаточно обдумало советъ свой, данный Польшѣ. Французское же правительство подстрекало нѣкогда Польшу противъ Россіи умѣренными денежными суммами и тѣмъ болѣе обильными обѣщаніями, и тѣмъ подавало поводъ къ бѣдствіямъ, поварившимъ Польшу въ несластію».

Далѣе, дабы удовлетворить старинной жаднѣ мнѣнія, возбудивъ страхъ и ужасъ въ приверженцахъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить одному изъ своихъ высшее государственное званіе, въ это время (дѣлать 1789) введена была сильная жалоба на бывшаго маршала сейма о раздѣлѣ, теперешняго великаго казначея *Памислиа*. «Его хотятъ лишить имущества, званія и жизни», писалъ Шталамбергъ 6-го іюня, «даже не судявъ, не выслушавъ его. Хотя онъ челоуѣкъ не особенно достойный уваженія, однако нельзя на него возлагать отвѣтственности за трактатъ, заключаемый большинствомъ» (и который большинство конечно должно было заключить!). — Суходольскій и Сухержевскій, изъ партіи Браницкаго, были главными обвинителями, что побудило и Понинскаго сказать при своей защитѣ: «Онъ одинъ не могъ совершить дѣло раздѣла и въ хотѣ въ отношеніи какъ этого дѣла, такъ и еще нѣкоторыхъ другихъ, назвать весьма причастныхъ имъ лицъ, а именно великаго гетмана Браницкаго, князя Радзивилла, товарища маршала сейма 1773 года и еще челоуѣкъ 60 земскихъ пословъ, сенаторовъ и министровъ». — Въ слѣдствіе того — сильное смущеніе и тре-

указа съ обстоятельствъ: поименовать лица, которыхъ среди
протогланшаново возрожденія. Намонецъ угрожаемо: слышавъ
ди съумѣли провести дѣло такъ, что постановленіямъ сейма въ
поименованные Поминосимъ, въ качествѣ участниковъ, были освобо-
ждены отъ судебного преслѣдованія. Съ глубочайшою досадою на-
шлась тогда на обвиненнаго, которому такимъ образомъ возсвѣщи
себѣ и оредетва къ оправданію, и потерпѣвъ беззаконна много
времени надъ его процессомъ, длившимся почти годъ, объявленъ
именовымъ въ вѣнѣ отечеству, лишилъ дворяства, званій, гра-
дства и подъ стрѣкомъ смертной казни изгнала изъ польскихъ зе-
мель. Его разжаловали публично и вѣдали по улицамъ, говоря:
«такой наказаніе въ землѣ отечества!» Это должно было слу-
жить намекомъ приверженцамъ Россіи, число которыхъ однако, въ
свидѣствѣ событій, происшедшихъ до этого времени, уже значител-
но уменьшилось; ибо нигдѣ, кромѣ въ Польшѣ, на сѣверѣ отъ
вѣсн замѣчане, что манутому побѣдѣ достается все. Поми-
носимъ удалялся въ Ралицію и три года спустя былъ восстановленъ
въ своихъ правахъ Гвардионскими кооперативами.

Вдоль съ этими нападеніями на Россію и вызваніемъ оной, сати-
вдованіями о мнимомъ бунтѣ и съ процессомъ Поминосимъ, много
ше время продолжались сообщенія объ ирліи и Финляндіи, при
чемъ однако ни то, ни другое нимало не подвинулось впередъ.
На рѣшѣнія была положена болѣе высокая сѣбѣ — въ 10. съ ста;
съ владѣльцевъ старосты потребовали, вмѣсто четвертой части,
половины дохода, отъ духовенства 20. съ ста; забрала доходы бо-
гатыхъ епископства краковскаго (свыше 800,000 гульденовъ); въ
исключеніемъ 400,000 гульденовъ для новаго епископа; и декретомъ
люблинскимъ что впредь ни одна епископъ не долженъ имѣть бо-
лѣе 100,000 гульденовъ доходу, и ималіи имѣть общаго дѣла
всѣмъ государственной казны. — Многие жалеютъ отъ радости, что
теперь уже попрежнему достоинствѣ 100,000 на во-
ста. Но ласки и интереса и умовъ была сдѣлана, въ предъ-
шлаго до рѣшѣнія, то сумма, востребованная на издержки для 400,000
человѣкъ войскъ и по сибѣ составляющая 49 милліоновъ поль-
скихъ гульденовъ, удалако не была собрана. Поэтому рѣшено бы-
ло на первыхъ порахъ ограничить войско числомъ 60,000 человекъ,
а чтобъ добыть наличныхъ денегъ — прибѣгнуть къ займамъ. Пар-
говори объ этомъ были введены въ Генуѣ и Амстердамъ; продали
мнѣе долго — но и это не повело ни къ чему.

«*Нотенбург*. Польки находились въ такой дѣшевой нуждѣ и во дни средствъ старались добить серебра, они бросали, по свойственному внутреннему ихъ обычаю, большія суммы денегъ на издержки ненужныя и скупившія лишь къ вѣстому блеску. Поэтомуно руководимые мною о несправотѣ къ Россіи, объ усиленіи себя противъ нея, о возбужденіи неприятели къ ней и о заключеніи тѣснаго союза съ ея врагами, они назначили посланниковъ во всѣхъ европейскихъ дворцахъ, прежде всѣхъ къ бывшимъ въ разладѣ или враждѣ съ Россією, чѣмъ, не смотря на то, что выбраны для этого большіе бары, скудные друиды были еще на значительную долю сокращены потребными на это болышии издержками. Еще въ апрѣлѣ 1769 *Георгій Потемкинъ* былъ посланъ въ Швецію, а въ іюнѣ *Петръ Потемкинъ* къ Порты, какъ къ двумъ открытымъ вратамъ Россіи. Кроме того, основныя того же года были назначены: *Иосифъ Чарторыйскій* въ Берлинъ, *Непалукъ Малаховскій* въ Дрезденъ, *Францъ Булатный* въ Лондонъ, *Адамъ Ржевускій* въ Копенгагенъ, *Фаддѣй Марскій* въ Мадридъ, *Станиславъ Потемкинъ* въ Парижъ, *Михаилъ Юсупскій* въ Гаагу, не считая посланниковъ при императорскихъ дворахъ, графа *Вилли* въ Вѣнѣ и *Добол* въ Петербургъ. Назначенныя выше должности были интриговать, возбуждать враговъ и, гдѣ можно было, вступать въ болѣе тѣсныя союзы противъ Россіи. Они сдѣлались только въ одномъ: эти кабинеты, болышею частію руководимы искусными государственными людьми, пользовались, правда, малыми предложеніями и просьбами для собственныхъ того ерешко видовъ, но вступались въ нихъ на сколько это согласовалось съ интересами и цѣлями ихъ государствъ. Большая часть этихъ дорого стоявшихъ посольствъ не повела, такимъ образомъ, ни къ чему: Испанія была далеко и не хотѣла ни во что фаворизироваться; Франція была волнуема внутренними смутами; Данія оставалась нейтральною; Швеція поминкала о мирѣ, такъ какъ продолженіе войны мало общало ей; Голландія, хотя и подъ вліяніемъ Англии и Пруссіи, по интересамъ своимъ была привлекаема къ Россіи; Англія имѣла въ виду воспользоваться нѣльскими предложеніями лишь на сколько они казались полезными ей. Только двѣ державы облизались съ полною республикою, Пруссія и Турція; та — пераия между противниками, эта — между врагами Россіи. Обратился сначала къ Пруссіи. Переговоры начались еще въ декабрь 1769 и тянулись долго: въ виду было заключеніе въ одно и то же время торговаго и военнаго союза. Но тутъ цѣли и интересы разошлись: Пруссія хотѣла прежде всего военнаго союза,

*

нгобы усилиться и прибавить новой тяжести на вѣсы противъ Россіи, и еще кое-чего; Польша же—преимущественно торговаго союза, чтобы дать свободно вздохнуть своей торговлѣ, стѣсненной и почти задуманной прусскими таможенниками. На это пошло много времени, а противоположные интересы не могли быть согласованы. Къ этому присоединилось еще то, что прусскій кабинетъ принадлежалъ немного завѣсу, скрывавшую его тайные замыслы: кое-что, еще требуемое имъ—были Данцигъ и Торнъ, за что онъ обѣщавъ Польшѣ, сверхъ торговыхъ льготъ, возвращеніе Галиціи отъ Австріи, которая въ свою очередь имѣла быть вознаграждена на счетъ Турціи. Прежде Польша должна была терпѣть за Турцію, а теперь Турція приходилось терпѣть за Польшу. Какъ ни выгодно было предложеніе и хотя союзники Пруссіи, Англія и Голландія, всевозможно старались поддержать его и обѣщали всѣ потребныя ручательства за обезпеченіе польской торговли, однако сейтъ отвергнувъ его: онъ не хотѣлъ ничего вѣрнаго уступить за невѣрно. Такимъ образомъ торговый союзъ, котораго именцо желала Польша, былъ отложенъ въ даль, а заключенъ только оборонительный союзъ 29-го марта 1790 года. Въ немъ обѣщали другъ другу взаимную помощь, Пруссія — въ 16,000, Польша — въ 12,000 человекъ войскъ, которыя, по востребованію, имѣли быть усилены Пруссіею до 30,000, а Польшею до 20,000, а въ случаѣ нужды помощь шла бы оказана даже всѣми силами. — *Никто не долженъ былъ вмешиваться во внутреннія дѣла Польши, а еслибы представленія по этому случаю остались недействительными, то Пруссія обѣщала условленное вооруженное содѣйствіе.* Наконецъ обѣ стороны взаимно гарантировали свои владѣнія и отказывались отъ всякихъ требованій и притязаній другъ къ другу. — Патриотическая партія торжествовала: она считала Польшу спасенною; внутри—всѣмъ 60,000 войскъ вѣдъ ружьемъ, извнѣ—тѣсный союзъ съ воинственною Пруссіею, высочайшеупомянутое войско которой стояло гутъ готовое къ бою. Не доставало ничего больше, кромѣ только приведенія въ исполненіе дальнѣйшихъ цѣлей преобразования конституціи, къ чему Пруссія даже поощрала и что теперь, подъ защитой этой мощной военной силы, казалось, можно было совершить безъ всякой опасности. Горделиво провозглашала партія: «трактатъ съ Пруссіею возвращаетъ Польшѣ ея свободу, обезпечиваетъ ея бытіе и есть образцовое произведеніе политики». Но и тутъ оправдалось противоположное человѣческихъ надеждъ и ожиданій съ опредѣленіями судьбы. Что должно было соединить, то разъединило, что дол-

жиде было уеинить, то ослабило, и союзъ, долженствовавшій увеичать все желанія Польши и проложить путь къ ея величію, поведъ именно къ ея паденію, не безъ собственной ея вины. Пруссійскій кабинетъ страстно ждалъ владѣть Данцигомъ и Торномъ, ради выгоды своей торговли и чтобы владѣть Вислой; тѣмъ страстнѣе, что цѣлые годы ему отказывали въ этомъ и только держали передъ нимъ эту принажку. Своимъ дружественнымъ сближеніемъ съ Польшею, столькими угодилиостями, оказанными ей, обѣщаніями, обольщеніемъ воздушными замками, онъ думалъ навѣрное приобрѣсть эти города, и въ рѣшительную минуту надежда обманула его, и съ этой стороны даже невозвратно, такъ какъ сеймъ, въ отношеніи этого требованія, 6-го сентября 1790 постановилъ неразумное рѣшеніе: «на единаго клочка польской земли не отдѣлять впередъ, отъ территоріи республики». Постановленіе это было неразумно потому, что если Поляки имѣли достаточную силу для воспрепятствованія всякому отторженію, то (постановленіе) это было бесполезно, а мудрый политикъ никогда не дѣлаеть ничего бесполезнаго; если же не было этой силы, то должны были позать только стыдъ. Дѣйствіемъ этого постановленія было то, что прусскій кабинетъ вдругъ охладѣлъ въ своей горячей дружбѣ и началъ искать съ другихъ сторонъ, какъ бы достигнуть своихъ цѣлей и приобрѣтенія желаемаго, а также и то, что когда пробилъ часъ рѣшенія, Польша, вмѣсто горячаго, усерднаго къ услугамъ друга, имѣла лишь однимъ, едва теплымъ, почти равнодушнымъ болѣе.

Не лучше шли дѣла со второй державой, Турціей. И туда въ іюнь 1789 года отправленъ былъ посланникъ, Петръ Потоцкій, который и старался усердно о заключеніи, съ этимъ открытымъ врагомъ Россіи, оборонительнаго и наступательнаго союза. Униженно просили Поляки здѣсь, у побѣжденныхъ, покровительства, которею надменно отвергли со стороны побѣдителей, и сносили всякаго рода униженія, оскорбленія, насмѣшки, которыя невѣжество и гордость Османовъ щедро изливала въ то время на послапниковъ христіанскихъ державъ, особенно менѣе сильныхъ. И все эти униженія не повели ни къ чему. Правда, 6-го декабря 1790 г. состоялся проектъ оборонительнаго и наступательнаго союза, свидѣтельствовавшаго о безсильной ненависти къ Россіи и прямо направленнаго противъ нея, противъ той именно державы, съ которею два года передъ тѣмъ Поляки хотѣли вступить въ союзъ противъ этой же самой Порты. Но прежде, нежели этотъ проектъ могъ быть приведенъ въ

исполнение, события приняли такой оборотъ, что они явились для нас несущественнымъ (22).

Такимъ образомъ ихъ посольства, ихъ искательства со стороны несли имъ лишь убытки, вредъ, униженіе и — новые черные шарики ненавидимой ими державы. Такъ ничто не удалось имъ, потому что во всемъ, что они ни предпринимали, имъ не доставало здравого разсудка, способности владѣть собою и спокойно возвышающей ихъ хрости. И какъ извнѣ, такъ, по тѣмъ же причинамъ, не удалось наконецъ и все то, что они предпринимали внутри.

По совѣщаніи въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, провинціонная депутація представила сейму, 17-го декабря 1790, предварительный проектъ въ восьми статьяхъ. Онъ былъ слѣдующаго содержанія: 1) Нація сохраняетъ право выбора короля; законодательная власть и верховное рѣшеніе. 2) Не націю образуютъ земскихъ пословъ избираютъ зажиточные граждане. 3) Государственные сеймы черезъ каждые два года, но также и чрезвычайные. 4) Главные законы рѣшаются единогласно (слѣдовательно Шлях

(22) Такъ какъ ни у Мартеаса, ни у Шелля нѣтъ этого трактата, то мы приводимъ здесь въ краткихъ словахъ основныя черты его:

Статья трактата: 1) Цѣлю союза должно быть обоюдное охраненіе независимости обоихъ государствъ и устраненіе посторонняго вліянія на ихъ внутреннія дѣла. Въ случаѣ нарушенія этого, обращается другъ другу помощь. — 2) Не только тогда, когда Россія и Австрія действительно начнутъ наступательную войну, но и тогда даже, когда они будутъ готовиться къ ней, должно другъ друга поддерживать. 3) Порту по первому требованію выставляетъ 30,000 чел. конницы, число докторовъ, въ случаѣ нужды, увеличивается до 45,000; — Польша — 20,000 человекъ, изъ половины пѣхоты и конницы. — 4) Обѣ державы гарантируютъ одна другой настоящее состояніе владѣній. — 5) Взаимныя торговыя выгоды будутъ постановлены по взаимному трактату. — 6) Трактатъ долженъ быть утвержденъ и ратифицированъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. (Слѣдуютъ еще 3 менѣе важныя статьи).

Особенныя статьи: 1) Такъ какъ Россія отторгла области и отъ Порту и отъ Польши, и Порту продолжаетъ войну противъ Россіи, а король прусскій также помышляетъ принять участіе въ ней, то Польша за одно съ Портой и Пруссіей будетъ изъ всѣхъ силъ участвовать въ этой войнѣ противъ Россіи.

2) Союзники будутъ взаимно сообщать другъ другу о всякомъ военномъ дѣйствіи, безъ вѣдома и согласія короля прусскаго не будутъ заключать ни мира, ни перемирія, но будутъ продолжать войну до полной удовлетворенія Порту и Пруссіи и пока не достигнутъ выгоднаго мира.

3) По подписаніи этого трактата, король прусскій долженъ быть приглашенъ приступить къ его условіямъ.

Слѣдуютъ двѣ секретныя статьи о будущей свободной торговлѣ Польскою въ Дантегрь, Черномъ и Балтомъ (Мраморномъ) моряхъ.

всё); 6) При заключении трактатовъ рѣшается большинство трехъ чертвей; 6) Король съ отвѣтственными министрами имѣеть власть высшесудебную. 7) Всѣ административныя власти должны состоять подъ надзоромъ. 8) Конфедерационныя сеймы впредь не дозволяются и конфедерационныя законы никогда не обязательны. — Проектъ былъ принятъ, и опять приняты нѣдѣли и мѣсяцы въ новыхъ совѣщаніяхъ. Двѣнадцатыми же что согласившись, предложили (7-го августа 1790 года) сейма престола наследственнымъ, но съ подтвержденіемъ присягой предложенныхъ условий (роста совѣта); противорѣчіе Мазея этого волненіе и споръ. Согласились избрать курфюрста саксонскаго, долженствовавшего печатать въ Польшѣ новую наследственную конституцію, и постановили въ тоже время, такъ какъ двухъ-недѣльный срокъ возобновленія сейма миновалъ, произвести выборы новыхъ земскихъ посланцевъ въ ноябрь 1790 года. Но дабы не отнимать отъ посланцевъ труда преобрѣтенія пражскихъ дѣтелей, рѣшили оставить и при присоединеніи къ нимъ новыхъ земскихъ предоловъ; такимъ образомъ получали двойной сеймы, двойное число земскихъ посланцевъ. 1790 увеличенное такимъ образомъ собраніе сейма отъ своихъ засѣданій, во время одинако въ нихъ, съ удвоеннымъ числомъ, также и удвоенныхъ дѣятельности и дѣствующей силы; напротивъ, съ увеличеніемъ числа головъ, явилось и большее различіе въ видахъ и мнѣніяхъ, а въ тѣхъ и замедленіе. Какъ в предло, совершили прекрасныя рѣши обо всемъ, усердно занимались побочными дѣлами и сибались надъ тѣми, которые указывали на вредъ и заставляли на необходимомъ: войска и финансахъ, финансахъ и приискъ. Это было, разумеется, въ связи съ большимъ мѣстомъ. На сеймъ сдѣлали предложеніе потребовать назадъ и продать старостамъ съ пользу образованія войска, и тѣмъ затрудули воръхъ владѣльцевъ и задѣвшихъ. Оттого предложеніе это встрѣтило сильное сопротивленіе какъ на сеймѣ, такъ и въ обществѣ, въ которомъ даже женщины усердствовали противъ него, видя въ немъ разорителя ихъ нарядовъ и платьямъ, покинула ихъ драгоценныхъ камней и украшеній, такъ какъ большей части изъ нихъ издержки на бубасы были назначены ихъ отцами и мужьями; чѣмъ доходовъ считались старосты. А вліяніе женщинъ было во всякое время вѣдомое въ Польшѣ. Такимъ образомъ онѣ обумили своими предлоками надолго воспрепятствовать рѣшенію; оттого и воздосѣло на сеймѣ; такъ годно казался этого дѣла.

• Между тѣмъ небо шомрачилось — грозныя тучи собирались на ополченіи члостяхъ Россіи занимающа миръ съ Швеціей и тѣмъ ово-

бодла свою правую руку; съ Пруссіей и Англійей или переговоры, война съ Турціей еще продолжалась, но уже съ благопріятными видами. Тяжкія невзгоды, вивъвшия надъ Франціей, тронувшия государей, возбуждали новыя заботы и отвлекали отъ старыхъ. Очарковъ и его округъ уже не были жизненнымъ вопросомъ для Европы: Франція представляла болѣе важное. Англія и Пруссія стали сближаться съ Россіей; съ Австріей Пруссія заключила 27-го июля 1790 года Рейхенбахскую конвенцію, связавшую добровольную переписку между обоими государями, Леопольдомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, въ слѣдствіе чего старинный ненавистникъ Австріи, всеспокойный, все перепутывавшій Герцбергъ былъ устраненъ, и изреченъ путь къ миру и дружбѣ, а вскорѣ послѣ того и къ заключенному согласію и тѣснѣйшему союзу между государями северной и южной Германіи. Такъ постепенно измѣнялось положеніе дѣлъ, и въ то время, какъ Поляки, въ медлительныхъ совѣщаніяхъ запертой степной пустяковъ разомъ, болшею же частію ирраци, ливаскою, ипрточною игрою и чувственными наслажденіями, легкомысленно и отвращеніемъ отъ труда тратили краткій срокъ, дарованный имъ для того, чтобъ возродиться крѣпкими и сильными. Судьба новытварихъ, но они были слишкомъ легко созданы, и пока все еще предавались мечтаніямъ о будущихъ силѣ и величій, благопріятныя обстоятельства уже миновались, вращавшееся колесо счастья повернулось болѣе и болѣе внизъ. Тогда это напомнило вождямъ, что прежде было терять времени, и они порѣшили теперь вывести на свѣтъ тайно начертанную и улаженную между ними конституцію, и навязать ее, посредствомъ неожиданности, своимъ сопротивляющимся, надеждичивымъ соотечественникамъ, увѣренные, что никогда не достигнуть своей цѣли посредствомъ правльнаго совѣщанія и обсуждения на сеймѣ. Такъ было подготовлено 3-е мая 1791 года; наканунѣ того, такъ сказать—14-го апрѣля, дабы уясниться сословіямъ горожанъ, издавъ былъ законъ о *юродахъ*.

Вольные или королевскіе города (въ противоположность принадлежавшимъ дворянству) уже 10-го дек. 1789 года подали прошеніе о восстановленіи ихъ правъ. Они указывали на то, что прежде жили вѣсто и голесь на сеймахъ и участвовали во всѣхъ совѣщаніяхъ государственныхъ чиновъ. Въ архивахъ находится даже архаическая грамота къ нимъ Сигизмунда I отъ 1540 года, о присылкѣ пословъ (puni) на Петриковскій сеймъ. Дворянство служило постепенно, особенно въ 16-мъ столѣтіи, лишить ихъ, какъ и сословіе крестьянъ, всѣхъ ихъ правъ и отнять у нихъ власть законо-

детальную, исподвольную и даже судебную; уже въ 1578 году они не были болѣе допущены въ совѣщанія чиновъ. До насѣдствіе сейма они падали все ниже и не могли приобрести ни старинныхъ вольностей своихъ, ни другаго какого пособія. И теперь имъ оначала отказали: не хотѣли образовывать новаго сословія, которое своимъ развитіемъ могло бы сдѣлаться опаснымъ дворянству. Однако, послѣ долгихъ переговоровъ и немалыхъ денежныхъ пожертвованій, они получили, по предложенію Сухоржевскаго, благопріятный по видимому отвѣтъ. Сухоржевскій лукавилъ увертку, устранявшую все затрудненія и содѣлывавшую городское сословіе, въ торжествующемъ образѣ, приговорительной школой и источникомъ непопулярнаго дворянства: его лишили всѣхъ лучшихъ членовъ его и возводили ихъ въ дворянство; такимъ образомъ оставшіеся вѣтѣми, бездарице, безземельные и безсостоятельные, не могли внушать большаго опасенія. Ихъ допускали въ военную службу и въ суды: кто возвысился въ первой до офицера, или прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ послѣднихъ; или былъ представителемъ городского сословія на сеймѣ, становился дворяниномъ; кто учреждалъ фабрику и занимался болѣе обширными промышленными или торговыми предпріятіями, становился дворяниномъ; кто владѣлъ достаточно денегъ, чтобы покупать села и земли, этимъ самымъ уже становился дворяниномъ — вслѣдствіе, отличившійся службой или заслугами; богатствомъ или предпримчивостью, былъ изъясненъ изъ городского сословія и включенъ въ дворянское. Это льстило отдѣльнымъ горожанамъ, тѣмъ болѣе, что считали это какъ большое преимущество, хотя все имѣнно было средствомъ держать цѣлое сословіе въ состояніи униженія, безопасія и безъ всякаго вліянія. Дарованное представительство на сеймѣ было также лишь камуфлетомъ: все города государства должны были высылать на сеймъ только 24 представителей, и послѣдніе смѣли только совѣтовать желанія, но не обсуждать ихъ со всѣми, исключая дѣлъ, непосредственно касавшихся городского сословія; поэтому они остались не преминемо просителями, которыхъ по произволу выдвигали или вѣтъ. Наконецъ, дабы, при предстоявшихъ событіяхъ, можно было склонить ихъ на свою сторону и легче руководить ими, знатнѣйшій членъ патристической партіи, сеймовый маршалъ Малаховскій съ 42 законными посланцами заставили принять себя въ число горожанъ, послѣ того, что съ городского сословія было снято лежавшее на немъ иго и объявлено, что дворянину не должно быть стыдомъ имѣть званіе горожанина и заниматься торговлей и другими промыслами

горожанъ. Этимъ партиа вполне привлекла на свою сторону городское сословіе.

Четыре мѣсяца болѣе 60. лицъ патриотической партии саво открыли тайну преднамѣреніемъ переимѣнъ; никто, даже русскій священникъ, ничего не узналъ объ этомъ; теперь, когда наступила пора дѣйствовать, руководители ихъ жалея увидѣли, что если они хотѣтъ силою провести свои предложенія, то должны предварительно склонить короля на свою сторону. Станиславъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ держалъ себя почти въ пассивномъ, бездѣятельномъ положеніи: Россія не могла ему оказать никакой помощи, партиа его, также какъ и партиа была сокрушена; и вѣгерь, и поляки благопріятствовали партии молодыхъ патриотовъ, преобразовавшейся, передѣланной, преобразившей. Заключеніе союза съ Пруссіей преключило всего, переключило его прежніе образъ мыслей и правила. Онъ, вѣроятно, не могъ и не хотѣлъ разлучаться съ своею націей, онъ хотѣлъ только руководить ею. Въ Пруссіи надеялся онъ найти ту опору, поддержку которой можно было бы изоргнути Польскую націю отъ униженія. Его старинныя желанія и надежды надоурачили и улучшение неизвѣстныхъ внутреннихъ обстоятельствъ преобразованіе; вѣдѣцѣи, къ которымъ стремилась партиа молодыхъ патриотовъ, были тѣже самыя, къ которымъ и онъ самъ такъ сильно стремился. Мысль о безчисленныхъ невпріятностяхъ, омрачавшихъ его, еслибы онъ остался вѣрнитъ Россіи, такъ какъ всю русскую, благодаря кознямъ противниковъ, одѣвалось крайне монархическою надежда видѣтъ многіе существенныя недостатки утраченныя, ему, какъ королю, приобрести съ этиаъ паръ болѣе могущее и вліяніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь наци; наконецъ то обстоятельство, что предводители патриотовъ, молодые люди средняго, 30-лѣтняго возраста, были болышею частію его учениками, которыми онъ своими бесѣдами, увѣщаніями и наставленіями просвѣдилъ несчетливо недостатковъ стараго правленія, и что онъ, пришедъ впервые слѣды его неизвѣщающаго образа мыслей, сближалъ: сближалъ: сближалъ: и просьбами, представленіями, замананіями старался склонить къ переводу на ихъ сторону: все это, вмѣстѣ вѣдѣтъ, преобладало то, что онъ постепенно началъ знакомиться съ: мнѣ: мнѣ: мнѣ: тануль съ собой и ближайшихъ приверженцевъ своихъ, дабы, поодну съ молодыми патриотами, превратить полную: форму: форму: форму: тучи, не смотря на всѣ протѣвствія. Дабы: дабы: дабы: дабы: дабы: дабы: собственное самолюбіе, отъ него потребовали, чтобъ онъ самъ на-

черта въ проектѣ новой конституціи, которую желаетъ. Онъ прозвалъ его какъ «свечу добраго гражданства.» — «Это не мечта», отвѣчалъ ему; «это — конституція, которую, если только серьезно захотятъ, легко можно привести въ исполненіе». Такъ какъ проектъ (во въ главныхъ чертахъ, какъ естественно, согласовался съ принципомъ патриотизма, то его увѣрили, что новая конституція есть его твореніе; начертана по его мыслямъ, и если будетъ принята, то ему будетъ принадлежать слава спасенія Польши и, можетъ быть, направленія ея на путь величія и могущества. Съ тѣхъ поръ его окружили лицами, которыя ослѣпили его, подкрѣпили въ нему рѣшима и, ради имѣвшихся въ виду цѣлей, умѣли возбуждать его разумъ, то сердце, то воображеніе его или его любовь къ славіи. Такимъ образомъ онъ былъ постепенно увлеченъ все далѣе и далѣе на пути, на который разъ ступилъ и на который обратный ходъ наконецъ былъ сдѣланъ невозможнымъ для него. Первые виновники и поборники новаго плана были нечисленны; они съ намѣреніемъ держали себя скрытно; для того, чтобы не сдѣлались гласнымъ, какъ столь незначительное число несчетливо разжигаетъ надѣи и руководитъ ею изъ тайнымъ цѣлямъ трое главнѣйшихъ, настоящихъ составителей новой конституціи, были Игитий Потоцкій, Фуго Коэлентай и Пятоль. Къ нимъ присоединился старшій сеймовый маршалъ Станиславъ Малаховскій, на котораго дѣйствовали преимущественно черезъ братьевъ Чапчикъ; далѣе, страстный Станиславъ Солтыкъ, наследовавшій повоинство въ Роксинъ (хотя самъ былъ русскаго происхожденія) отъ дяди своего, покойнаго епископа; затѣмъ большая часть членовъ фамиліи: Поняцкихъ, многочисленной и могущественной, и Чарторыйскихъ, во вѣкомъ ихъ приверженцами, даровитыми молодыми людьми, Нѣмцевичами, Вейсенгофами, Мостовскими, Матусевичами, Выбицкими, Забѣлло и т. д. Цѣлью стремленій ихъ теперь было приобрѣтать въ народѣ и между членами сейма болѣе и болѣе приверженцевъ преднамѣреннымъ измѣненіямъ и всѣми способами дѣйствовать на общественное мнѣніе въ столицѣ и странѣ, то посредствомъ распространяемыхъ слуховъ, справедливыхъ, ложныхъ, ободрительныхъ или печальныхъ; то посредствомъ газетныхъ статей, въ которыхъ они обуждали новѣйшіе современные вопросы или говорили о «преступленіяхъ Русскихъ противъ Польши»; то посредствомъ сочиненій, въ которыхъ они ближе разъясняли главные вопросы и обсуждали положеніе страны; то, наконецъ, посредствомъ способныхъ, молодыхъ людей, которыхъ вводили, какъ доборниковъ мѣстныхъ, дѣ

высшіе общественные кружки. Однако избирательный престолъ, и-
вѣстно что, конфедерціи и многіе другіе недостатки старыхъ вре-
менъ имѣли какъ въ средѣ сейма, такъ и въ странахъ, особенно ме-
жду пожилыми и менѣе образованными лицами, многочисленныя
приверженцевъ, которые считали ихъ неразлучными съ тѣмъ, что
они называли польскою свободой: слѣдовательно должно было при-
готовиться къ сильному сопротивленію. Поэтому задача состояла въ
томъ, чтобъ поразить нечаянно, напасть враслохъ и провести
проектъ новой конституціи въ такую минуту, когда на государственномъ
сеймѣ будетъ мало противниковъ. Для этого придумали слѣ-
дующій планъ. На праздникъ Пасхи земскіе послы разъѣзжались,
потому что большая часть изъ нихъ проводила этотъ праздникъ у
себя дома. Этимъ обстоятельствомъ и хотѣли воспользоваться, и въ
отсутствіи противниковъ, держа между тѣмъ въ совокупности соб-
ственныя свои приверженцевъ, привести въ исполненіе государ-
ственный переворотъ (coup d'état). Въ этомъ году (1791) первый день
Пасхи приходился 24-го апрѣля. Засѣданія сейма были въ продол-
женіе всей предшествовавшей и всей послѣдующей недѣли за-
крыты и снова открылись лишь въ понедѣльникъ 2-го мая. Такъ
какъ не было объявлено ни о чемъ важномъ, то отсутствовавшіе
слишкомъ торопились присутствовать при самомъ открытіи засѣ-
даній. Этимъ обстоятельствомъ подождо было воспользоваться и
штурмельъ взялъ конституцію; сперва назначилъ для этого 5-е мая,
но потомъ, для большей увѣренности въ успѣхѣ, 3-е мая или вто-
рой день по открытіи вновь палаты, такъ какъ къ тому времени
могли прибыть лишь немногіе земскіе послы (23). Планъ ихъ былъ
подействовать на присутствовавшихъ страхомъ и надеждой: стра-

(23) Въ дивномъ пасквилѣ Коллоната, известномъ сочиненіи о происхожденіи
и паденіи конституціи 3-го мая, I, 172, дабы однимъ разомъ поразить много
противниковъ, это объясняется слѣдующимъ образомъ: «Король сообщилъ этотъ планъ
кампьеру Малаховскому, а тотъ, дѣйствуя предательски—приверженцамъ Россіи, ко-
торые вслѣдъ затѣмъ, чрезъ гонцовъ, съ величайшею поспѣшностью вызвали своихъ
единомышленниковъ («сеймовыхъ забіякъ»; какъ онъ ихъ называетъ) въ Варшаву.
Поэтому хотѣли предупредить ихъ прибытіе». Этимъ «мелководіемъ» онъ хотѣлъ
нанести ударъ королю, какъ жиданку, кампьеру Малаховскому, какъ жиданку
жиданку, наконецъ русской партіи, и безъ того уже бывшей, до его прибытія
primus mobile (первою причиною) всего вреднаго и пагубнаго, что ни случилось ко-
гда-либо въ Польшѣ. И однако, еслибы тутъ была истина, то русскій посланникъ
узналъ бы что-нибудь обстоятельнѣе, но, какъ видно изъ его собственныхъ донесеній,
онъ до самой послѣдней минуты не зналъ ничего положительнаго.

ганы, возбуждая опасенія касательно судьбы страны, угрожаемой будто бы новымъ раздѣломъ; надеждой, что этой угрожающей опасности можно было избѣгнуть посредствомъ быстрой перемены образа правленія. Они доказали этимъ, какое низкое мнѣніе они имѣли о здоровомъ разсудкѣ своего народа. Какъ могла переменна образа правленія, всеконечно находившаяся во власти Поляковъ, предотвратить проекты раздѣла, зависѣвшіе не отъ Поляковъ, а отъ иностранныхъ кабинетовъ? Еслибы тогда замыслился раздѣлъ, какъ ложно утверждали, то всѣ ихъ переменны конституціи не могли бы воспрепятствовать ему. Но это была лишь одна пыль, брошенная въ глаза людямъ, неспособнымъ разсуждать (24).

Вторымъ средствомъ, употребленнымъ ими, было то, что они заготовили дипломатическія депеши и въ нихъ самыми мрачными красками изобразили положеніе Польши и грозившіи ей опасности, какъ будто раздѣлъ страны уже предстоялъ въ ближайшемъ времени. Депеши эти были отправлены къ различнымъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, для подписи и обратнаго доставленія. Такимъ образомъ случилось, что во всѣхъ различныхъ депешахъ, въ одинъ и тотъ же день, почти въ одинъ и тотъ же часъ полученныхъ изъ Берлина, изъ Вѣны, изъ Гааги, Дрездена, равно какъ и изъ Петербурга, и писанныхъ на одну и ту же тему, говорилось о раздробленіи Польши, долженствовавшемъ воспослѣдовать немедленно, въ вознагражденіе за издержки турецкой войны, хотя именно въ это время всякая мысль о томъ была крайне далека, и между Петербургомъ и Берлиномъ лежала глубокая пропасть. Это было именно въ тотъ критическій моментъ (въ апрѣлѣ 1791), когда англійскій флотъ угрожалъ Кронштадту, а прусская сухопутная армія—Лифляндіи, и почти каждый гонецъ привозилъ извѣстія о походѣ и передвиженіяхъ прусскихъ войскъ.

Затѣмъ дали почувствовать, что злоумышленники сейма (прусская партія, какъ ихъ называли) хотѣли лишить города дарованныхъ имъ преимуществъ, но что король намѣренъ въ засѣданіи 3-го мая торжественно подтвердить клятвой сохраненіе этихъ льготъ и правъ;

(24) Въ сочиненіи о происхожденіи и проч. I, 181, говорится: «Вскорѣ послѣ того отвѣтъ, данный иностранной депутаціей, и прочитанныя донесенія всѣхъ нашихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, доказали, какъ ужасно-велико несчастіе, угрожающее республикѣ, если она въ наискорѣйшемъ основаніи хорошей формы правленія не найдетъ единственнаго, остающагося еще ей, средства спасенія». — Вѣрили-ли сами авторы своимъ словамъ?

нотену совѣтовали горожанамъ присутствовать въ этомъ сѣданіи государственнаго сейма, чтобъ быть свидѣтелями этого дѣла и удерживать французиковъ.

« Не упустили ни одной мѣры предосторожности! Рано утромъ въ назначенный день площадь между замкомъ и рѣкою, равно какъ и окрѣпные дворы были заняты войсками; другія были въ готовности въ казармахъ, съ заряженными ружьями; лошади запряжены съ орудіями. На дворѣ замка было поставлено нѣсколько орудій, а рѣкомъ въ августинскую церковь ночью пришеены 8,000 ружей и пушкотеръ, для вооруженія народа, который подкупили дворянскія Уланы, переодѣтые «товарищами» (дворяне національной гвардіи), были разбѣжены въ самой сеймовой залѣ и должны были охранять все входы и выходы замка. Наконецъ тѣмъ членамъ сейма, которымъ не довѣряли, назначено было окружить въ самой зашпигуновской улицѣ (25).

Наканунѣ вечеромъ партія собрала своихъ приверженцевъ въ палацѣ Радзивилла, въ которомъ находилась гоетинница. Покрѣпощенія, были прочитаны проектъ конституцій и принятъ шумнымъ глосомъ. Затѣмъ его предложили къ подписи; имена епископовъ: Каменецкаго (Красинскаго) и Куявскаго (Рыбинскаго); уже написаны на бумагѣ, склонили большую часть присутствовавшихъ подписаться не задумываясь. Рано слѣдующимъ утромъ посвященные въ тайну должны были собраться въ домѣ сеймоваго маршала. Не дали другъ другу слово не дѣлать въ палацѣ никакихъ возраженій и избѣгать всего, что могло служить помѣхой.

Взошло наконецъ солнце 3-го мая. Уже съ ранняго утра примыкающія къ замку улицы наполнились народомъ; всѣмъ слышался сюда, услышавъ, что произойдетъ нѣчто необыкновенное, и, между страхомъ и надеждой, ожидалъ развязки. Вскорѣ не только прилегающія улицы, но и замковый дворъ, лестницы, сѣни, галлереи и самая зала заедацій были набиты людьми; многие изъ которыхъ были вооружены дубинами.

Члены сейма собрались ранѣе обыкновеннаго. Непосвященные въ тайну земскіе послы направились, какъ и прочіе, въ залу, но были смущены необычными мѣрами, неизвѣстностью, что приготовлено, и наконецъ видомъ пьяной черни на дворѣ и улицахъ.

(25) Въ слѣдующій рассказъ мы излагаемъ на основаніи свидѣній французскихъ историковъ дополняя его изъ дописаній русскаго посланника.

востановилась орудій: Король биль встрѣсать радостными восклицаніями: «такое же много его на тронѣ окружили до 200 генераловъ и фельдмаршаловъ. Даже камергеры опоясались саблями: При возростовленіи напряженій умовъ, въ 11 часовъ наконецъ сеймовый маршалъ открылъ засѣданіе, мрачными разсужденіями о правдивости судьбы людей и народовъ. Недавно еще столь могущественный, великій народъ польскій теперь сдѣлался игрушкой сосѣдей. «Безвѣщный Богъ, воскликнулъ онъ въ заключеніе, да сохранитъ насъ отъ несчастія, снова намъ угрожающаго, какъ о томъ единогласно сообщаютъ наши посланники за границей». — Станиславъ Солтыкъ началъ тогда рѣчь патетическими восклицаніями: «Ужасныя новѣстїи! — явныя вы имѣете выговорить ихъ! О отчизна, что предстоить тебѣ! — О Польши, любящая ее, слышите на опасеніе ея! — Не только наши посланники сообщаютъ эту вѣсть, но и наши друзья, наши родственники единогласно винутъ изъ-за границы о раздѣлѣ. Еще только краткій срокъ, еще только эта минута дарована намъ, чтобъ спасти отечество.» — Было въ обычаѣ удалять постороннихъ зрителей при чтеніи заграничныхъ донесеній. Но заговорщики потребовали оставить ихъ. «Если оставляли ихъ при маловажныхъ вопросахъ, почему же не оставятъ при этомъ наиболее важномъ,» воскликнулъ Солтыкъ. Тутъ король всталъ и началъ увѣрять: «Безъ сомнѣнія, толпы народа не должны интересоваться каждою, такъ какъ они не знаютъ истинности отечества; поэтому онъ требуетъ прощанія ихъ.» Но прежде, нежели дѣло дошло до этого, произошло слѣдующій печальный случай. Сухоржевскій, преемникъ князя Буцковскаго, покровителемъ городовъ, недавно еще украшенный отъ короля орденомъ св. Станислава, воскликнулъ: «онъ имѣетъ отереть украинныя вещи и просить выслушать его.» — Буцковскій отказалъ въ этомъ: онъ долженъ говорить послѣ; и Матусевичъ, членъ иностранной депутации, приготовился читать. Сухоржевскій бросился на колѣни, пропалъ, между ногами стоящихъ впереди, до савара трона и, во стоя на колѣняхъ, то распростершии крестомъ, между тѣмъ, какъ длинныя ряды обрванной орденской ленты его висѣли на немъ, не переставалъ просить о выслушаніи его. Поднятый и приведенный въ свои вѣсто, онъ, по ходатайству короля, получилъ наконецъ позволеніе говорить. «Не вотще,» сказалъ онъ затѣмъ; «пропалъ я между важными ногами до трона, потому что имѣю сообщить вамъ ужасныя вѣсти. Уже нѣсколько дней несутся глухіе слухи, будто ея величество должна сдѣлаться повидимому, на которомъ лентѣ висѣтъ ея величества и фамильнковаго ихъ перьями; прадъ империи:

Я все это хочу доказать; если не буду въ состоянии, единственно, то, конечно потеряю смерть. Свободный — защити себя; на работу — я врагъ его. Дабы отчуждать отъ насъ горожанъ, или купцовъ, будто мы хотимъ низвергнуть дарованный въ пользу ихъ законъ; для того собраны здѣсь все цѣхи, чтобы массами ихъ лишить страхъ. Не позволяйте обманывать васъ; на одного изъ дарованныхъ вамъ правъ, мы не хотимъ отнять у васъ; вы наша опора. Мы не хотимъ только наследственного престола. — Еще скажу: я требую, чтобъ господинъ Литовскій маршалъ (Игнатій Потоцкій) и господинъ Люблинскій земскій посолъ (Степановъ Позанскій) объяснили намъ распространенный слухъ, будто посягаютъ на ихъ жизни? (Слухъ этотъ былъ распространенъ съ намереніемъ, чтобъ забыть сочувствіе къ Погоцкимъ, главнымъ виновникамъ прощанья, и ненависть къ противникамъ ихъ). «Назовите, кто эти люди, которые хотятъ лишить насъ жизни? — Я скажу и не прогнусь больше честию дожить.»

Тогда Матусевичъ сталъ читать: «изъ Газетъ: господа Комитетъ и Бундольдъ (тамоніе русскій и прусскій посланники) увидѣли въ Миддлтона, заѣздивающаго тамъ дѣлами республики, что «новый раздѣлъ Польши долженъ неминуемо воспослѣдовать!» т. «Изъ Дрезденскаго» надѣются вскорѣ заключить миръ на счетъ Польши. Пруссія дѣлаетъ тайныя внушенія (диспозиціи) по поводу Дании и Торне, хочетъ отвлечь Россію отъ союза съ императоромъ и заключить союзъ съ нею, что однако разстроено Англійей. — Россія была виновницей перваго раздѣла; уже въ 1780 (года именно между Россіей и Пруссіей царствовало ледное охлажденіе) она предлагала второй раздѣлъ, но покойный король прусскій отклонилъ его (1). Дебли утверждаетъ даже, что читалъ это въ подлинномъ письмѣ короля (1). Политика дворовъ измѣнива, нельзя полагаться на одинъ изъ нихъ. — Бездѣйствіе сейма служить къ помѣщенію. Поминанъ имѣеть частыя совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ; въ Дрезбургѣ носится слухъ, что Польша должна будетъ заплатить военныя надержки. Тамъ приводятъ въ дѣйствіе все прусскія, чтобъ воспрепятствовать новой организаціи въ Польшѣ; прибывающіе тамъ поляковъ воими способами настроиваютъ на свой ладъ. Какъ-то избѣрительная голова уже начертала планъ раздробленія Польши на шесть княжествъ, изъ которыхъ одно должно выпасть на долю Потемкина». Депюна оканчивалась совѣтомъ именно того, что имѣлось въ виду: «какъ можно скорѣе довершить великое дѣло національной конституціи.» — Изъ Дрездена: «Курьерскія объявленія, что онъ

принимаетъ живѣйшее участіе въ благоденствіи Польши, но, пока не будетъ введена твердая, прочная конституція, ея постоянно долженъ находиться въ безпокойствѣ касательно судьбы Польши.» — Въ такомъ же родѣ и съ тѣмъ же расчетомъ были написаны и дописки изъ Вѣны и Берлина.

Теперь всталъ *Имакій Поточкій*: «Вы видите, дѣло идетъ не объ убійствѣ отдѣльнаго лица, но о совершенномъ паденіи нашего отечества. Въ такомъ критическомъ положеніи, обращаю мой голосъ къ королю: пусть его мудрость укажетъ намъ средства изгнать отечество изъ бездны, на краю которой оно стоитъ.»

Тогда король началъ говорить: «Мы погибли, если будемъ еще долѣ медлить утвержденіемъ новаго образа правленія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, ободряемый и побуждаемый нѣкоторыми благонамѣренными людьми, я занятъ тѣмъ, что надлежитъ сдѣлать, чтобы скорѣе и лучше привести въ порядокъ конституцію нашей страны. Это взаимное довѣріе навело на мысли, какъ желаемое привести въ дѣйствіе. Составили проектъ, представили его мнѣ и хотѣли осуществить его. Надѣюсь, что, по выслушаніи его, онъ будетъ принятъ охотнѣе, чѣмъ я искреннѣйше желаю, потому что этимъ мы обезопасимъ нашу судьбу, что черезъ двѣ недѣли будетъ, можетъ быть, уже слишкомъ поздно. Только одного мѣста въ этомъ проектѣ я не смѣю коснуться иначе, какъ по особенной волѣ себѣ (престолюнаслѣдіе). Прощу васъ, господинъ маршалъ, прикажите прочесть проектъ.»

Секретарь сейма сталъ читать его, онъ носилъ заглавіе: «Устройство правленія» и заключалъ въ себѣ извѣстныя пункты новой конституціи (26).

По окончаніи чтенія маршалъ сказалъ: «Передъ нами двѣ республиканскія конституціи: англійская и американская; предлагаемая намъ, по моему мнѣнію, превосходитъ ихъ обѣихъ и служить намъ ручательствомъ свободы, безопасности и независимости (27). Поэтому заклинаю короля соединиться съ нами, дабы мы могли получить эту новую форму правленія и тѣмъ обезопасить будущее благоденствіе Польши.»

Тутъ поднялись возраженія; многие земскіе господа, а именно *Мазовецкій—Малаховскій, Виленскій—Корсакъ, Подольскіе—Злотвинскій и Орловскій, востелянъ Войничскій—Ожаровскій, востелянъ*

(26) Въ послѣдствіи—конституція 3-го мая.

(27) Моветъ-ли конституція быть ручательствомъ независимости?

лявъ Пржемысльскій—князь Четвертинскій и равные другіе воспринимались приматію проекта и ссылались на рарта соавента. Напротивъ защитники проекта, изъ которыхъ главнѣйшими были, сверхъ маршала Малаковского, земскіе послы: Познанскій—Закржевскій, Краковскій—Линовскій, Люблинскій—Станиславъ Потоцкій, Ливскій (Liv, Ливъ)—Кицисскій, Ковенскій—Минейко, Подольскій—Ржевусскій, замѣтили: «проектъ не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для свободы, онъ указываетъ скорѣе средства успокоить озабоченное отечество.»—Съ обѣихъ сторонъ было говорено очень горячо въ пользу и противъ проекта.

Король нѣсколько разъ ободрялъ и заклиналъ собраніе принять проектъ еще въ продолженіе засѣданія и, чтобы скорѣе склонить нахъ къ тому, прибавилъ: «онъ узналъ, что пребывающіе здѣсь иностранные посланники упорно употребляютъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать проекту; одинъ изъ нихъ втайнѣ признался даже, что если проектъ будетъ принятъ, то европейской политикѣ предстоятъ большія перемѣны, и дѣйствительно, прибавилъ онъ, мы должны будемъ тогда бодрѣе уважать Польшу».

Особенное чувство возбуждается въ душѣ, когда слышишь всѣ эти увѣренія, клятвы, пабось, восклицанія и заклинанія столькихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя однако, въ глубинѣ души своей, очень хорошо знали, что все это было лишь ложь, обманъ и обольщеніе!

Слова короля должны были служить поощреніемъ; однако многіе земскіе послы потребовали ближайшаго обсужденія проекта. Сеймовскій маршалъ возразилъ: «Низкій дѣнь служить апохей для польской конституціи; поэтому всѣ формальности должны быть устранены.»—Такое необычайное предложеніе самаго маршала, признающаго отсутствіе законности, возбудило весьма шумное движеніе въ нанигѣ. Познанскіе земскіе послы объявили, что данные имъ дѣла вынуждаютъ ихъ принять наследственное престолонаслѣдіе; другіе требовали времени на размышленіе и наставляли на законность ежедневномъ совѣщаніи; еще другіе, бодрѣе пропитательные, говорили прямо: «донесенія иностранной депутаціи—сказки, которыя ни:ковать напугать умы и побудить ихъ къ носійшему, принатію проекта».—Противъ этого наборники явовой: номожтудимъ, для: котарить: несъ: вопросъ: заключался въ томъ, чтобы досрочно: створать: обсужденію и двухдневной отсрочкѣ, дабы противная партія не усилась вновь прибывшими земскими послами, утверждали: «что тутъ совѣщаться? проектъ вѣдь достаточно извѣстенъ, такъ какъ

они начертаны по прежде-одобреннымъ восьми пунктамъ. Обсужденіе! Допускали же безъ обсуждения гораздо менѣе важныя вещи». (Одно нарушение формы не оправдываетъ другаго, и при менѣе важныхъ вещахъ было и менѣе опасности). И чтобъ наконецъ увлечь избитою и пошлою фразой, они воскликнули: «Кто не захочетъ охотнѣе погрѣшить противъ формальностей, нежели противъ отечества?» Настоящій революціонный способъ выраженія, предполагающій то, что еще слѣдуетъ доказать. Вѣдь обсужденіе должно было еще доказать, что новый проектъ будетъ спасителемъ для отечества. Формальности суть оплоты закона: опрокиньте ихъ, и вы опрокинете самый законъ, изъ предосторожности присоединившіи ихъ къ себѣ. Если были такъ увѣрены во всеобщемъ одобреніи, какъ непрестанно увѣряли приверженцы проекта, то почему не было тогда дать дѣлу законный ходъ, почему стараться привести его въ исполненіе нечаяннымъ способомъ, въ располкъ? Только дурное дѣло требуетъ поспѣшности, хорошее же выигрываетъ отъ ближайшаго разъясненія.

Уже нѣсколько часовъ длились шумъ и споры; тогда приверженцы партіи Потоцкихъ обратились къ королю съ просьбой «немедленно присягнуть конституціи; вѣдь мнѣніе и воля сейма очевидны, и всѣ Поляки, любящіе свою отчизну, послѣдуютъ этому примѣру». Какъ будто противники менѣе любили свою отчизну и не полагали, что также хорошо умѣютъ защитить его. Въ такихъ случаяхъ рѣшается не призывъ къ чувству или страсти, но въ хладнокровномъ обсужденіи приговоръ разсудка.—Король, говоря въ томъ же смыслѣ, увѣрялъ, что «онъ дѣйствуетъ тутъ безъ всякаго вниманія къ себѣ или семейству своему, но только изъ искренней любви къ отечеству; ибо всякій, любящій свое отечество, долженъ быть за проектъ. И такъ, кто за него, пусть объявитъ».—Крикъ: всѣ, всѣ!—Сапѣга требуетъ по крайней мѣрѣ вторичнаго чтенія проекта. Поборники его не хотѣли этого; въ слѣдствіе того Забѣдо замываетъ къ королю: «пусть онъ только присягнетъ конституціи»; толпа повторяетъ это за нимъ, и многіе земскіе послы бросаются съ своихъ мѣстъ къ трону, чтобъ присягнуть вмѣстѣ съ королемъ; Сухоржевскій между ними, чтобъ воспрепятствовать имъ въ томъ, между тѣмъ, какъ противники кричали: «nie ma zgody!» (мы не согла-сны) и грозили протестовать противъ насилія. Среди этого волненія, Сухоржевскій, сильно суетившійся, былъ схваченъ и задержанъ. Многочисленные же зрители, вовсе не принадлежащіе къ сейму, подняли нѣсколько разъ потрясавшій стѣны залы крикъ:

*

«да здравствуетъ новая конституція!» и выразили свою радость, что король и палата рѣшились принять ее. Король, ободренный этимъ, предлагаетъ краковскому епископу Турскому прочесть ему присягу, которую онъ охотно желаетъ принять. Повторивъ ее за нимъ, надъ Евангелиемъ, которое держалъ передъ нимъ епископъ смоленскій, онъ сказалъ: «Jugavi Deo» (я поклялся Богу), я присягнулъ и не буду раскаиваться въ томъ; иду въ церковь возблагодарить Бога за этотъ счастливый день и приглашаю всѣхъ, любящихъ отечество, послѣдовать за мною.» Съ этимъ словомъ, онъ всталъ съ своего мѣста. Друзья и поборники новой конституціи послѣдовали за нимъ, хотя Мельцунскій, земскій посолъ Познанскій, распростерся на полу передъ дверью, чтобъ воспрепятствовать ихъ выходу; всѣ стали шагать черезъ него и ранили его при этомъ до крови. Противники новой конституціи остались въ сеймовой залѣ. Литовскій сеймовый маршалъ Сапѣга, съ нѣкоторыхъ поръ оставленный патриотами безъ вниманія, колебался въ своихъ мнѣніяхъ и не хотѣлъ идти съ поборниками конституціи; но нѣсколько земскихъ пословъ подхватили его подъ руки и силой потащили въ церковь св. Іоанна, переполненную народомъ, потому что тамъ уже были собраны всѣ цѣхи съ своими знаменами и безчисленное множество народа. Между тѣмъ, какъ всѣ находившіеся тутъ земскіе послы и народъ, при чтеніи вслухъ присяги, держали два пальца поднятыми вверхъ, оба маршала громко произносили присягу; и Сапѣга также, но объявивъ прежде, что: «дѣлаетъ это только для того, чтобъ не отстать отъ своего сотоварища, которому имѣетъ обыкновеніе послѣдовать во всѣхъ важныхъ предметахъ, хотя конституція вовсе не кажется ему совершенною».

День уже склонялся къ вечеру и лишь слабымъ мерцаніемъ освѣщали еще древніе своды церкви св. Іоанна, когда въ этомъ священномъ мѣстѣ, между трофеями и памятниками древнихъ героев, ихъ предковъ, подъ возносившимися знаменами и значками цѣховъ и общинъ, король, епископы, сенаторы, министры и земскіе послы, окруженные густыми толпами тѣснившагося народа, произносили, съ поднятыми вверхъ указательными пальцами, присягу новой, счастливой, по ихъ мнѣнію, конституціи, и затѣмъ воспѣли хвалебную пѣснь св. Амвросія Медиоланскаго (Te Deum Laudamus, Тебя Бога хвалимъ), которую вторили тысячи голосовъ; между тѣмъ, какъ сънаружи трембли пушечные выстрѣлы и восклицанія собравшагося народа.

Между тѣмъ оставшіеся въ сеймовой залѣ противники новой конституціи (но однимъ отъ 10 до 15 человекъ, но другимъ око-

ло 50) (28) положили внести формальные протесты въ канцеляріи Варшавскаго града (суда) или ихъ воеводства, не заботясь о наказаніяхъ, которыми угрожалось въ новой конституціи. Изъ этого-то небольшого зерна и должна была въ послѣдствіи прозрѣти бѣда.

По окончаніи Богослуженія, процессія воротилась въ сеймовую залу; и, послѣ сдѣланнаго распоряженія—привести къ присягѣ новой конституціи различныя депутации, собраніе разошлось. Горожане и цѣхи отправились на площадь саксонскаго дворца, гдѣ ждалъ саксонскій посланникъ, чтобы крикомъ проесть *zycie* (да здравствуетъ)! выразить свою преданность новому наследнику престола, и затѣмъ еще къ домамъ сеймоваго маршала и другихъ любимыхъ людей. Послѣ 40 часовъ вечера все стихло, и знаменательный въ исторіи день кончился.

Къ приведенному выше разсказу, составленному по журналу сейма и другимъ свѣдѣніямъ, мы прибавляемъ еще нѣкоторыя дополнительныя черты изъ депешъ русскаго посланника:

Отъ 3-го мая. Вечеромъ. «Послѣдніе 4 дня здѣсь грозило совершиться необыкновенное происшествіе; его приготавлиали къ четвергу (5-го мая), но привели въ исполненіе сегодня (во вторникъ). Я не знаю еще всѣхъ обстоятельствъ, ибо только-что кончается дѣло и перестаютъ стрѣлять ихъ пушкѣ.

«При открытіи засѣданія, все вокругъ было переполнено народомъ, котораго считали до 20,000 человекъ. Читали депеши посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, которыя однако были заготовлены здѣсь и заключали въ себѣ угрозы новаго раздѣла. Король объявилъ: если промедлить еще три дня, то Польша погибла; затѣмъ конституція была предложена и принята. Тогда онъ велѣлъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ церковь, гдѣ принесли присягу. Нѣкоторые изъ противниковъ были готовы обнажить сабли, но малѣйшая попытка подобнаго рода причинила бы большое кровопролитіе.—Въ проектѣ говорится: того, кто не присоединится къ нему, должно считать врагомъ отечества.—Около 50 сенаторовъ и земскихъ послѣдовъ бросились въ канцелярію, для составленія манифестовъ, но онѣ были заперты.—Не смотря на ночное время, жители толпами, съ знаменами и криками, проходятъ по улицамъ.—Какъ скоро узнаю больше, сообщу; сегодня всё еще внѣ себя.»

Отъ 7-го мая. Сообщивъ подробности принятыхъ мѣръ пред-

(28) Столько значится въ донесеніяхъ посланника.

осторожности, онъ продолжаетъ: «Мнѣ хранили въ большой тайнѣ; городское сословіе склонили на свою сторону льгетами. Во вторникъ (3-го мая) рано утромъ король приказалъ извѣстить сенаторовъ и земскихъ послловъ, чтобъ они собрались у маршала Малаховскаго, гдѣ имъ дали подписать проектъ новой конституціи; однако многіе воспротивились, между ними Сапѣга.— Горожанамъ, для привлеченія ихъ, поварили, что въ налетѣ хотѣтъ образно взять дарованными имъ права. Вообще не пренебрегли ни ложью, ни обманомъ, чтобъ возбудить народъ. Депеши были заготовлены здѣсь и отправлены къ посланникамъ для подписи: раздѣлъ Польши, близость мира должны были напугать; боялись также скорого возвращенія земскихъ послловъ, отправившихся домой по случаю праздниковъ. Распространили слухъ, будто я истратилъ 60,000 червонцевъ на враждебныя цѣли. Я ни гроша не далъ на это, потому что предвидѣлъ исходъ.—Тронъ окружали генералы и офицеры, числомъ 200; даже камергеры опоясались саблями. Уланы, переодѣтые товарищами, не позволяли никому выходить; даже Браницкій, хотѣвшій выйти, былъ удержанъ.—Когда король пригласилъ послѣдовать за нимъ въ церковь, то Мельцынскій изъ Познани бросился передъ дверью на полъ и началъ кричать: но все стали шагать черезъ него и при этомъ ранили его столь опасно, что кровь лилась у него изъ шеи. Кто только хотѣлъ сказать слово или дѣйствовать, былъ удерживаемъ стоящими вокругъ.—Когда сеймоваго маршала Малаховскаго упрекали въ томъ, что онъ дѣйствуетъ противъ законовъ, конфедераціонныхъ актовъ и конституціи страны, онъ отвѣчалъ: *«нѣтъ болѣе ни сейма, ни конфедераціи, а есть только революція»*.—Къ этому шуму прибѣгали зрители съ своими криками и угрозами. Войсками начальствовалъ и распоряжался племянникъ короля, Юсифъ Понятовскій (*).—Изъ земскихъ послловъ было въ этомъ собраніи не болѣе 100 человекъ, и когда король отправился въ церковь, то человекъ 50 оппонентовъ, сенаторовъ, министровъ и земскихъ послловъ, остались въ залѣ. Но тогда чернь начала тутъ безчинствовать.

Великій канцлеръ Малаховскій возвратилъ королю государственную печать и удалился въ свои помѣстья; тоже самое сдѣлали и многіе земскіе послы; Сухоржевскій отослалъ назадъ орденъ св. Станислава, только за четыре недѣли передъ тѣмъ полученный имъ. Въ тотъ же день сеймовый маршалъ Малаховскій собралъ консти-

(*) Въ послѣдствіи столь извѣстный, французской арміи дивизионный генералъ, корпусный командиръ и наконецъ, подъ Лейпцигомъ, кратковременный маршалъ Франціи.

туционную депутацію и настаивалъ, чтобъ она подписала новую конституцію. Предсѣдатель ея, епископъ Коссаковскій отвѣчалъ: «Члены депутаціи были обязаны поклясться, что не будутъ подписывать никакого закона прежде, нежели онъ не будетъ принятъ единогласно или большинствомъ голосовъ; но тутъ не было ни *turnus* (круголаго голосованія), ни единогласія, и потому они не могутъ подписать.» — Безпокойство зачинщиковъ продолжалось и въ четверговомъ засѣданіи (5-го мая), которое происходило при тѣхъ же толпахъ народа и вооруженныхъ людей, что и во вторникъ. Мадаховскій заявилъ о затрудненіяхъ, сдѣланныхъ депутаціей, и затѣмъ палата разрѣшила ее отъ прежней присяги и приказала подписать, что и было исполнено.

«Изъ всего предъидущаго вы усмотрите, что всякое противодѣйствіе было невозможно, если кто не хотѣлъ быть изрубленнымъ или разтерзаннымъ на куски толпою.— Молодежь въ восторгѣ; она думаетъ, что все кончено и Польша будетъ теперь великою и могущественною.»

Отъ 11 мая. «Здѣсь надѣются, что Россія оставитъ новую конституцію неприкосновенною, говорятъ, что престолонаслѣдіе можно вѣдь передать одному изъ великихъ князей и т. д.—Короля я видѣлъ два раза. Онъ давно уже не говоритъ со мною о дѣлахъ, и теперь также; но другимъ онъ сказалъ: «Россія будетъ всѣмъ довольна,» — и выразилъ свои мысли о заключеніи союза съ ней.— Въ день его тезоименитства (8 мая) произошелъ небольшой случай, который однако боязливые умы принимаютъ за дурное предзнаменованіе: когда сенать, министры и земскіе послы вошли поздравить короля, онъ сидѣлъ на тронѣ (тоже нѣчто новое) и когда всталъ, то поскользнулся и съ такой силой упалъ на спину, что бумаги вылетѣли у него изъ-за пазухи и онъ на минуту потерялъ сознаніе. Придя въ себя и поднявшись, онъ сказалъ: «тоже самое случилось и съ папою Ганганелли!»

Что же такое была эта пресловутая конституція? Соответствовала ли она дѣйствительно всѣмъ требованіямъ?—Далеко нѣтъ! Она была довольно безпорядочное произведеніе, безъ всякой логики, исполненное противорѣчій и старопольскихъ предразсудковъ, мѣстами разукрашенное разноцвѣтными лоскутками (29) изъ чужихъ консти-

(29) Assuitur pannus unus et alter, late qui splendeat!

тудій, которые должны были придать ему блеску, но только обличали ту ткань, отъ которой были отрѣзаны. Въ отношеніяхъ различныхъ сословій и властей другъ къ другу въ сущности ничего не было измѣнено. Но какъ нѣкоторыя дѣйствительныя злоупотребленія были устранены новою конституціей, такъ какъ ее приубрали модными фразами, ошибки и недостатки ея скрыли подъ наборомъ словъ, то молодежь страны, мало размышлявшею и думавшею видѣть въ ней рецептъ будущаго величія Польши, она была встрѣчена съ повелительнымъ одобреніемъ, а за-границей — одобрителнымъ киваніемъ головы. Разсмотримъ ее ближе.

I. О религій. «Мы обязаны (30) доставить всѣмъ людямъ, какого бы исповѣданія они ни были, спокойное пребываніе въ немъ и покровительство правительства.» — Но двумя строками выше говорится: «кто изъ римско-католическаго вѣроисповѣданія переходитъ къ какому-либо иному, тотъ подвергается наказанію за вѣроотступничество.» — Слѣдовательно не было полной свободы вѣроисповѣданія.

II. Дворянство. Всѣ возможныя права и преимущества, вольности, званія и владѣнія утверждаются и упрочиваются за нимъ «изъ уваженія къ предкамъ;» — когда $\frac{1}{8}$ націи отдаются на ихъ произволь, какъ крѣпостные люди, то это дѣлается «изъ уваженія къ учредителямъ свободнаго правленія.» — «Равенство, собственность и личная безопасность обезпечиваются каждому;» — на бумагѣ, потому что въ дѣйствительности они нигдѣ не были менѣе надежны, чѣмъ въ Польшѣ; кто имѣлъ деньги и силу, могъ себѣ все позволять.

III. Городское сословіе. Законъ о городахъ или о городскомъ сословіи утверждается; — мы знаемъ его; онъ имѣлъ цѣлью не дать возникнуть городскому сословію.

IV. Крестьяне. Пустыя, напыщенные слова. Послѣ пышнаго вступленія, что «сельское сословіе есть плодотворнѣйшій источникъ богатства всякой страны, составляетъ многочисленнѣйшую часть націи и могущественнѣйшую защиту государства,» ожидаешь, разумѣется, дарованія ему большихъ льготъ и правъ. Не угодно-ли выслушать: «Всѣ вольности, льготы и уговоры, въ отношеніи которыхъ помѣщики вступили въ законное соглашеніе съ крестьянами своихъ помѣстій, должны возлагать общія или обоюдныя обязательства» (мы сокращаемъ здѣсь наборъ словъ). — «Такого рода уо-

(30) Во всѣхъ цитатахъ мы слѣдуемъ главному сочиненію объ этомъ, о происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая, переведенному великимъ знаткомъ польскаго языка Линде. I, стр. 200 и др.

воры, *добровольно* взятые на себя землевладельцемъ, съ проистекающими изъ нихъ обязательствами, должны обязывать его и наследниковъ его ничего не смѣть произвольно измѣнять въ нихъ.» — Кроме повторенія, что заключаютъ въ себѣ обѣ эти фразы, какъ не то, что контракты должны быть контрактами, кто заключаетъ обязательства въ формѣ контрактовъ, тотъ долженъ соблюдать ихъ. Вся трудность—въ словѣ *добровольно*. Многіе-ли изъ этихъ землевладельцевъ, привыкшихъ къ произвольнымъ поступкамъ, свяжутъ себя обязательствами! Слѣдовательно и тутъ, не смотря на всѣ звучныя фразы, все осталось по старому.

V. *Правленіе*. Удивительные выводы! «Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ проистекаетъ отъ воли націи» (французская фраза о верховной власти народа!). Какой же изъ этого сдѣланъ выводъ?—Что польское правительство должно состоять изъ трехъ властей, законодательной, исполнительной и судебной (народъ имѣетъ верховную власть, слѣдовательно — должны быть три власти!);—и эти власти должны быть для того, чтобы, кроме гражданскихъ свободы и порядка, навсегда обезпечить также и неприкосновенность владѣній республики.» — Оттого, что три власти въ государствѣ, неприкосновенность владѣній навсегда обезпечена! (Въ Польшѣ это обезпеченіе не продолжалось и двухъ лѣтъ).

VI. *Государственный сеймъ*. Двѣ палаты: *сенатъ* и *палата депутатовъ*. — Послѣдняя должна быть «святилищемъ законодательства,» и въ ней должны рѣшаться всѣ проекты, политическіе, гражданскіе и уголовные законы, налоги, государственные займы, расходы, война и миръ, и заключеніе всякихъ трактатовъ и дипломатическихъ актовъ. — Правительство имѣетъ инициативу, но не исключительно. Сенатъ имѣетъ право на отсрочивающее *veto* до слѣдующаго государственнаго сейма, на которомъ вновь утвержденное депутатами рѣшеніе содѣлается закономъ; иначе онъ голосуетъ вмѣстѣ съ депутатами по большинству голосовъ.

Вездѣ должно рѣшать большинство голосовъ, а *liberum veto*, равно какъ конфедерации и конфедерационные сеймы отмѣняются. — Обыкновенный государственный сеймъ собирается каждыя два года. — Каждые 25 лѣтъ конституція должна быть пересмотрѣна и исправлена на чрезвычайномъ сеймѣ. — Никакой, изданный на сеймѣ законъ не можетъ на томъ же сеймѣ быть взятъ обратно. (Но если онъ явно вреденъ и былъ изданъ помощію поспѣшности и внезапности? И все-таки его должно свято соблюдать въ продолженіе двухъ лѣтъ!)

VII. *Король*—*власть исполнительная*. Исполнительная власть

должна принадлежать королю и его государственному совѣту, а послѣдній—именоваться «стражемъ закона» (*straż*).—Она можетъ вести переговоры, но не заключать трактатовъ или дипломатическихъ актовъ.

Король неотвѣтственъ; все дѣлается его именемъ, онъ имѣетъ право помилованія, исключая государственныхъ преступленій.

Онъ имѣетъ верховную власть надъ войскомъ, а также право назначенія предводителей и офицеровъ, и равнымъ образомъ епископовъ, сенаторовъ, министровъ.—Въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе его рѣшаетъ вопросы; но чтобъ быть дѣйствительнымъ, оно должно быть скрѣплено однимъ изъ министровъ.

Стражъ или совѣтъ министровъ состоитъ изъ *армаса*, имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи учебно-воспитательную комиссію, и пяти *министровъ*: полиціи, юстиціи, военнаго, казначейства и иностранныхъ дѣлъ,—съ двумя при немъ секретарями безъ голоса.—Министры отвѣтственны предъ депутаціей, назначенной для повѣрки (контролированія) ихъ дѣйствій, и судятся сеймовыми судами. Для лучшаго приведенія въ дѣйствіе ихъ исполнительной власти, имъ придаются въ помощь четыре комиссіи: 1) учебно-воспитательная, 2) полиціи, 3) военная и 4) государственнаго казначейства, члены которыхъ избираются сеймомъ.

Послѣ нынѣ царствующаго короля престолъ долженъ наследовать *курфирстъ саксонскій* съ своимъ мужскимъ потомствомъ; если же онъ останется безъ наследниковъ мужскаго поколѣнія, то новая династія должна начаться съ избраннаго для его дочери супруга. Каждый новый король долженъ присягнуть конституціи и раста *conventa*, имѣющимъ быть заключенными съ курфирстомъ саксонскимъ.

VIII. *Судебная власть*. Поименованы разнаго рода суды, для которыхъ судьи должны быть вновь избираемы на провинціальныхъ сеймахъ каждые два года.—Верховнымъ судомъ есть судъ государственнаго сейма, избирающаго каждый разъ членовъ въ одинъ.

IX. *Несовершеннолѣтіе*. Въ этомъ случаѣ королева съ министрами должна принимать на себя регентство.

X. *Воспитаніе королевскихъ дѣтей*. Учебно-воспитательная комиссія предлагаетъ планъ онаго, а государственный сеймъ—воспитателя.

XI. *Вооруженная сила*. Она присягаетъ королю и конституціи, и можетъ быть употребляема не только извнѣ, но и внутри для поддержанія силы закона.

И такъ, каковъ же былъ конечный результатъ? Какъ относилось это вновь утвержденное учрежденіе къ предшествовавшимъ, равно и къ основнымъ началамъ теорій? Каково было взаимное отношеніе властей между собою и что выиграли сословія? Оtvѣтъ на это коротокъ: изъ *сословій*, *дворянство* выиграло подтвержденіе всѣхъ своихъ преимуществъ, *городское сословіе*—только право быть возводиму въ дворянство, *крестьянское сословіе*—только одни слова.—Что касается *властей*, то палата депутатовъ или земскихъ пословъ сохранила всю власть, не только законодательную, но и верховную, рѣшавшую въ послѣдней инстанціи;—король увеличилъ свою власть лишь незначительно, а сенатъ—нисколько;—судебная власть осталась такою же испорченною, какою была прежде, такъ какъ представителями своими получила не независимыхъ, свѣдущихъ въ законахъ исполнителей, но избираемыхъ каждые два года, напрашивавшихся интригантовъ, либо людей, доступныхъ всякому подкупу, либо иными чѣмъ зависимыхъ.

Въ отношеніи къ предшествовавшимъ конституціямъ, новая имѣла то преимущество, что отмѣнила три большіе недостатка, о которыхъ было много говорено: *избирательное престолонаслѣдіе*, *единогласіе рѣшеній* и *конфедерации*. Четвертое зло, *независимость министровъ*, было уже уничтожено прежде учрежденіемъ комиссій, а позже—департаментовъ въ постоянномъ совѣтѣ. Это обстоятельство и модныя фразы о верховной власти народа, о представительномъ правленіи, объ уравниженіи властей и о двухъ палатахъ пріобрѣли конституціи 3-го мая у людей, судившихъ поверхностно, большую хвалу, собственно мало заслуженную ею. Устранивъ нѣкоторыя недостатки, она сохранила болѣе важныя. Правленіе не было представительнымъ, потому что представителей имѣло только одно сословіе, а оба другія были отданы на его произволъ. Столь же мало были уравнижены и власти: палата депутатовъ присвоила всѣ ихъ себѣ и предоставила исполнительной власти (королю и министрамъ) только то, чего не могла дѣлать сама, да и это подъ большою отвѣтственностью. Двѣ палаты были собственно *одною*, такъ какъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ сенатъ и депутаты голосовали вмѣстѣ, слѣдовательно рѣшало большинство послѣднихъ.— А впрочемъ все почти осталось по старому.

Истинный смыслъ британской конституціи не былъ постигнутъ, какъ позже случилось и съ другими народами: онъ заключается въ отношеніи королевской власти къ прочимъ властямъ. При всѣхъ, столь разнообразныхъ формахъ правленія въ древнія времена, кам-

немъ преткновенія и поводомъ паденія всегда служило столкновение властей между собой. Англійская конституція предупреждаетъ это зло тѣмъ, что не вмѣшиваетъ королевскую власть въ механизмъ прочихъ властей, но ставитъ ее выше ихъ, какъ власть умѣрающую, согласующую, улучшающую, и помощію ея охраняетъ правильный ходъ прочихъ. Если законодательная палата выходитъ изъ предѣловъ своихъ правъ, король распускаетъ ее и велитъ избрать другую; если министры, или власть исполнительная, преступаютъ свои права, король увольняетъ ихъ; если судьи судятъ слишкомъ строго, слишкомъ по буквѣ закона, король смягчаетъ ихъ приговоры своимъ правомъ помилованія. Такимъ образомъ король возвышается надъ всѣми тремя властями, не будучи ни одною изъ нихъ; имѣетъ право давать имъ правильное направленіе и сохранять ихъ въ ономъ, безъ всякаго вліянія на него или вреда для него сязато со стороны взаимныхъ столкновений ихъ. Онъ вдохновляетъ ихъ всѣхъ въ послѣдней инстанціи, но не составляетъ части ихъ; онъ господствуетъ какъ разумъ надъ споромъ ума и страстей, и остается въ вѣчной ясности внѣ области ихъ борьбы.

Ничего этого не было въ Польшѣ. Высшую, рѣшающую власть имѣла палата депутатовъ; король съ своими министрами былъ только подчиненнымъ исполнителемъ. Собственною властію онъ почти ничего не могъ сдѣлать, а могъ только дѣйствовать подъ надзоромъ палаты депутатовъ; еще менѣе имѣлъ онъ право дѣйствовать *противъ* этой палаты. Если она преступала свои права, позволяла себѣ произвольныя, противозаконныя дѣйствія, шла ложнымъ путемъ, король не могъ распустить ее, но долженъ былъ слѣдовать за потокомъ. — Онъ имѣлъ, конечно, право назначать и увольнять министровъ, но и въ этомъ онъ зависѣлъ отъ партій въ палатахъ, и долженъ былъ избирать министровъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ онѣ указывали ему. Онъ имѣлъ право помилованія; но именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно всего нужнѣе, гдѣ страсть болѣе всего искажаетъ приговоры судей, при политическихъ преступленіяхъ, онъ былъ лишень этого права. При веденіи переговоровъ и заключеніи трактатовъ съ иностранцами державами, въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, гдѣ такъ необходимы единство, послѣдовательность и тайна, онъ не могъ рѣшать ничего: все это зависѣло отъ совѣщаній и постановленій палатъ, гдѣ часто одно лукаво вставленное рѣшеніе (какъ напр. о неприкосновенности владѣній, отчуждившее Пруссію) или недостаточное знаніе обстоятельствъ, торопливость, страстное увлеченіе могли уничтожать лучшія соображенія и давать имъ пагубныя направленія. Палаты пред-

ставляютъ собою стремящіяся врознь людскія страсти; а гдѣ разумъ не смѣетъ согласить ихъ и дать имъ правильный ходъ, но самъ долженъ послѣдовать имъ, тамъ не спасеніе, а гибель.

Наконецъ, выборъ безсильнаго государя былъ также ошибкой. Напротивъ, еслибы Поляки выбрали принца одной изъ трехъ, окружавшихъ ихъ, великихъ державъ, то расторгли бы соединеніе ихъ и приобрѣли бы себѣ въ предпочтенной державѣ союзника, замѣтительнаго въ ихъ благоденствіи.

Противъ всего этого остается, конечно, возразить, что при существовавшихъ въ это время препятствіяхъ ничего больше нельзя было сдѣлать;—и это правда; сколько неблагородныхъ средствъ нужно было употребить, чтобы привести въ исполненіе даже ту малость, которая была сдѣлана. Но виною въ этомъ былъ болѣе самъ народъ, нежели иностранныя державы, ни въ чемъ не препятствовавшія ему. Мы уже выше упоминали о повелѣніи, данномъ русскому посланнику, держать себя поодаль и никакъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Точно такъ же поступала Австрія, и Пруссія въ этомъ даже поощряла его. Слѣдовательно, съ этой стороны имъ не было никакихъ препятствій: оставалось только преодолѣть ихъ склонность къ раздорамъ и своеволю, ⁽³¹⁾ никогда не хотѣвшую уступить чужому убѣжденію и, при большомъ невѣжествѣ, всегда однако выказывавшую въ то же время величайшее упорство. Въ такихъ обстоятельствахъ новая конституція, устранившая многіе недостатки прежнихъ, была, конечно, большимъ шагомъ впередъ и могла бы удержаться нѣсколько времени; еслибы со стороны Поляковъ не было передъ тѣмъ столько поступковъ, раздражавшихъ и вызывавшихъ ихъ соотѣдей, хотя всякій, знавшій характеръ и упадокъ нравственности господствовавшей части націи, предвидѣлъ, что и безъ вмѣшательства иностранцевъ, внутреннія смуты и кровавыя распри скоро приготовить новымъ государственнымъ учрежденіямъ упадокъ или и конецъ. Зародыши смерти, въ слѣдствіе продолжительной анархіи, были уже слишкомъ развиты въ сердцѣ націи (т. е. въ дворянствѣ; ибо собственно ядро народа, крестьянское сословіе, было здорово, хотя и грубо), для того, чтобы Польша, при тѣхъ обстоятельствахъ, ко-

(31) Или, какъ говорятъ коллонтасты и повторяющіе ихъ слова, «русскіе партизаны», не размысливъ, что они не оправдываютъ эту націю, но скорѣе поносятъ ее, тѣмъ, что она допустима руководить собою и властвовать надъ нею небольшому числу людей чужеземныхъ или чужеземныхъ (смотря потому, какъ понимать это многозначительное выраженіе). Но это было лишь Польское «Пизъ и Кобургъ» французскихъ якобинцевъ.

тория сложились всюду вокруг нея, могла долго просуществовать и как самостоятельная держава. Когда наступит роковой час, никакое средство не может болѣе пособить! (32)

Между тѣмъ, какъ Поляки совершали свою революцію и затѣмъ снова впади въ старое дѣловое бездѣйствіе (33), не безъ нѣкотораго неприятнаго чувства неизвѣстности, страха и надежды касательно того, что вскорѣ произойдетъ, такъ какъ они, будучи въ отношеніи къ Пруссіи въ напряженномъ, а къ Россіи — во враждебномъ положеніи, отъ обѣихъ, въ сознаніи собственной вины, ожидали не много хорошаго, — въ мысляхъ и политикѣ европейскихъ владыкъ произошелъ полный переворотъ. Выступавшая изъ всѣхъ предѣловъ французская революція сблизила между собою раздѣленныхъ. Декламации якобинцевъ, бѣгство короля, фанатизмъ апостоловъ свободы, броженіе умовъ во всѣхъ странахъ, наконецъ склоненіе среднихъ классовъ въ пользу возмутительныхъ идей свободы новыхъ Франковъ, исполнили государей тревогъ, и даже тѣхъ, которые прежде благопріятствовали стремленіямъ Поляковъ, отвратили отъ ихъ дѣла, которое ставилось на уровень съ дѣломъ Французовъ. Такова была реакція духа времени, такъ на Вислѣ было ощущено отраженіе событій на Сепѣ и заблужденіями французской революціи нанесенъ вредъ лучшимъ направленіямъ польской, на которую генералъ также начали смотрѣть недовѣрчивымъ окомъ. На обѣхъ революціи имѣли большое вліяніе творенія французскихъ философовъ (34);

(32) Кто хочетъ удостовѣриться, какъ глубоко упали характеръ и нравы, того мы отсылаемъ къ современнымъ наблюдателямъ, которые болѣе прочихъ вникали въ нихъ, какъ напримѣръ Фридриху II, Вотрею (Vauvrin), Мерз (Mérée) (противъ обѣихъ послѣднихъ, конечно, сильно кричали Поляки, чувствовавшіе себя обижеными ими) и особенно къ беззаботному, но рѣзкому и вѣрному наблюдателю Фридриху Шульцу, который находился въ Варшавѣ именно во время длиннаго сейма. Въ чужихъ краяхъ, обманутыхъ криками Поляковъ и многими, сдѣланною имъ несправедливостью, не досмотрѣли, что послѣдніе сами были настоящими, а иностранцы только случайными орудіями ихъ паденія. Двѣнадцать милліоновъ людей, находящихся въ здоровомъ состояніи, не вычеркиваютъ по произволу съ карты.

(33) Такъ сейтъ, въ эти минуты крайнихъ обстоятельствъ, многіе мѣсяцы жили порядкомъ дѣлопроизводства стража и криминаліи, которыя имѣли быть присоединены къ нему.

(34) Руссо и Маблі уже во времена Барской конфедераціи написали, для полученія Поляковъ, собственные разсужденія о средствахъ, какими помочь имъ народъ.

обѣ были совершенны образованнѣйшими сословіями каждой страны; разница состояла только въ томъ, что образованнѣйшее сословіе во Франціи было городское (bourgeoisie), а въ Польшѣ — дворянство, поэтому революція вышла тамъ болѣе демократическою, а здѣсь болѣе аристократическою. Однако польской принадлежитъ безконечное преимущество передъ французскою. Между тѣмъ какъ послѣдняя опрокинула все безъ различія, первая продолжала созидать на существующемъ, улучшила лишь его недостатки и заставляла надѣяться и на другія еще улучшения. Но дни ея уже были сочтены!

Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, столько разъ поджигавшій Польшу, все болѣе и болѣе отвращался отъ нихъ и обращалъ свои взоры на Францію. Весною 1791 г. онъ послалъ своего повѣреннаго, полковника Бишофсвердера, съ предложеніями къ императору Леопольду, который въ это время путешествовалъ по Италіи и 20 мая имѣлъ въ Мантуѣ свиданіе съ графомъ Артуа, при чемъ, кромѣ Бишофсвердера, находились также лордъ Эльджинъ изъ Лондона и графъ Дюрфоръ, съ жалобами и тайными порученіями отъ Людовика XVI, изъ Парижа. Графъ Артуа и сопровождавшій его Калоннѣ побуждали къ войнѣ, однако миролюбивый Леопольдъ желалъ иными средствами пособить своему несчастному зятю. Онъ адресовалъ 6-го іюля 1791 г. изъ Падуи циркулярную ноту къ главнымъ державамъ, въ которой приглашалъ ихъ къ соединенію по поводу французскихъ обстоятельствъ. Однако, кромѣ воинственнаго короля шведскаго и короля Фридриха-Вильгельма прусскаго, прочія державы оказали себя довольно равнодушными къ содѣйствію. Напротивъ Фридрихъ-Вильгельмъ, устремивъ взоры частію на Польшу, частію на Францію, заключилъ съ Леопольдомъ 25-го іюля 1791 г. предварительный договоръ, котораго три главныя условія были слѣдующія (35):

1) Обѣ стороны хотятъ стараться о приведеніи въ дѣйствіе соединенія главныхъ европейскихъ державъ по поводу французскихъ обстоятельствъ.

2) Онѣ обоюдно обѣщаютъ себѣ помощь и содѣйствіе, въ случаѣ нарушенія внутренняго спокойствія одной изъ участвующихъ державъ.

3) Онѣ хотятъ пригласить русскую императрицу, обще съ прочими державами, настаивать на томъ, что державы эти не хотятъ предпринимать ничего для измѣненія цѣлости или сохранности свободной кон-

(35) Приводя эти условія, мы слѣдуемъ архивнымъ свидѣніямъ. У Мартенса V, 5 и Шёлля I, 524 они изложены нѣсколько иначе.

ституціи въ Польшѣ; что она не хотѣла стараться о возведеніи принца своего дома на польскій престолъ, будетъ ли то посредствомъ бракосочетанія съ юною принцессою саксонскою, либо въ случаѣ новаго выбора; наконецъ, что онѣ никогда не хотѣтъ пожелательно и иначе употребить въ дѣйствіе свое вліяніе на выборы республики въ пользу другаго принца, какъ только съ общаго между собою соглашенія.

Изъ этого видно, что о раздробленіи Польши тогда еще вовсе не было рѣчи. Этотъ достовѣрный трактатъ достаточно опровергаетъ также мнимый трактатъ 6-го іюля 1791 г. въ *Лавии* ⁽³⁶⁾, въ которомъ ни о чемъ болѣе не говорится, какъ только о вознагражденіяхъ и раздѣлахъ, но который, для каждаго знающаго обстоятельства времени, носить на себѣ печать *неподлинности*, потому что мысли, возникшія отчасти позже, относить къ болѣе раннему періоду, въ который онѣ еще были невозможны.

Фридрихъ-Вильгельмъ, дабы, при измѣнившихся обстоятельствахъ, снова сблизиться съ Россіей, которая, какъ ему извѣстно было, чуждалась его, и возстановить прежнія дружественныя отношенія къ ней, воспользовался для этого французскими дѣлами и приказалъ своему посланнику графу Гольцу вручить 15-го августа 1791 г. въ Петербургъ слѣдующую ноту: «Австрійскій посланникъ князь Ревельскій представилъ королю въ особенной аудіенціи письмо своего императора относительно французскихъ обстоятельствъ и въ тоже время, дѣшеу канцлера князя Кауница отъ 17-го іюля 1791 г., въ которой изложены предложенія императорскаго двора о соединеніи главныхъ европейскихъ державъ въ виду положенія и обстоятельствъ Франціи.

«Король призналъ причины вмѣшательства въ дѣла Франціи справедливыми и приличными, такъ какъ духъ дерзости и непокорности грозитъ заразительно распространиться оттуда, — и онъ весьма расположенъ принять дѣятельное участіе въ мѣрахъ державъ по этому предмету, какъ только переговоры въ Штуттѣ и Петербургѣ о мирѣ съ Портою будутъ окончены.

«Первымъ шагомъ долженствовала бы быть совокупная декларация державъ въ Парижѣ, но на случай, еслибъ она была отвергнута, то нужно было бы подписать достаточною вооруженною силой.

(36) У Маргенса (на основаніи Collection of state papers) V, 5 и у Шилли I, 522.

Поэтому слѣдовало бы заранѣе согласиться касательно числа и употребленія вооруженныхъ силъ.

«Тутъ возникаютъ три вопроса: 1) какія были бы сообразнѣйшія съ цѣлю мѣры? 2) Можно-ли предаваться видамъ увеличенія владѣній? 3) Какую форму правленія дать Франціи?»

«На 1): Достигнуть цѣли можно было бы только насильственными мѣрами. — На 2): Особенные виды увеличенія владѣній повредили бы общей цѣли, поэтому всѣ державы должны были бы дать положительныя и одинаковаго содержанія объясненія. — На 3): Тутъ слѣдуетъ ожидать различныхъ, значительно расходящихся между собою мнѣній. Мнѣніе короля было бы слѣдующее: дабы не слишкомъ затруднить дѣла и не подвергнуть себя непреодолимому сопротивленію, слѣдовало бы сохранить составленную уполномоченными наци и присягой короля утвержденную конституцію, усиливъ только уваженіе къ королевской власти, дабы она болѣе соответствовала существенной формѣ монархіи. — Однако это нужно было бы еще сообразить съ обстоятельствами и общественнымъ мнѣніемъ» (37).

Затѣмъ 25—27 августа 1791 г. произошло знаменитое свиданіе императора Лепольда и короля Фридриха-Вильгельма, съ ихъ наслѣдниками престоловъ, въ *Пильницѣ*. И графъ Артуа, который усмелжно хлопоталъ о томъ, чтобы подвинуть державы къ вмѣшательству въ дѣла Франціи, вѣрный помощникъ его Калоннъ, принцъ Нассаускій и особенно-призванный генералъ Булье (Boillé) также явились туда. — 27 августа оба союзника обнародовали объявленіе: «что хотятъ употребить дѣйствительнѣйшія мѣры для того, чтобы поставить короля французскаго въ состояніе съ полною свободой начертать основанія такого монархическаго правленія во Франціи, которое лучше всего соответствовало бы правамъ короля и благу французской націи. «Со стороны французскаго принца въ это, впрочемъ мирное, объявленіе, съумѣли въ заключеніи вернуть еще угрозу: «что для достиженія этой общей цѣли союзники будутъ держать въ готовности потребныя войска, дабы затѣмъ имѣть возможность дѣйствовать.» — О польскихъ дѣлахъ тутъ ничего не было постановлено, а вѣроятно утверждено только рѣшенное въ Вѣнѣ. «Курфирстъ Саксонскій, возразилъ одинъ изъ государей принцу Нассаускому, хочетъ принять

(37) Мы приводимъ эту ноту на основаніи архивныхъ источниковъ, но очистивъ ее отъ дипломатическаго набора словъ и выраженій, дабы тогдашніе виды государей, столько искаженныя, изобразить согласно съ ихъ собственными, доверенными объявленіями.

предложенія польскаго сейма только на тотъ случай, если всѣ три двора будутъ на то согласны; кромѣ того, онъ недоволенъ, что ему хотять связать руки въ отношенія бракосочетанія его дочери» (38).

Позже, когда Людовикъ XVI 14-го сентября утвердилъ новую французскую конституцію, императоръ Леопольдъ объявилъ: «Король французскій кажется свободнымъ, поэтому утвержденіе нѣк-оторой конституціи можно считать добровольнымъ.»—Однако Швеція, Россія и Испанія не хотѣли признавать короля свободнымъ и поддерживали принцевъ въ ихъ протестахъ.

Таково было положеніе европейскихъ дѣлъ въ концѣ 1791 года, а чтобы представить также и обзоръ нѣкоторыхъ извлеченій изъ донесеній посланника Булгакова. Штакельбергъ уже болѣе года не былъ посланникомъ въ Польшу. Постоянно чернимый Бранинскимъ поредъ Потемкинымъ, онъ уже давно не пользовался милостію, а педъ конецъ еще раздражилъ щекотливость императрицы тѣмъ, что, разсматривая въ Варшавѣ дѣла съ своей односторонней точки зрѣнія, настоятельно склонялъ къ миру, какъ будто онъ зашебѣлъ отъ одной императрицы;—въ одномъ позднѣйшемъ донесеніи (отъ 6-го февраля 1790 г.) онъ даже прямо сказалъ: «Миръ необходимъ и находится въ рукахъ Потемкина.»—Послѣдній былъ въ то время въ Петербургѣ; шесть недѣль спустя Штакельбергъ былъ отозванъ. Въ нотѣ вице-канцлеру по этому случаю государыня выразилась такъ: «Онъ ничего не сдѣлалъ изъ того, что ему было приказано, и сдѣлалъ все, что ему было запрещено; кромѣ того онъ все разумѣетъ гораздо лучше всѣхъ насъ.» (39) Булгаковъ, любимецъ Потемкина, прибылъ въ Варшаву въ августѣ 1790 года.

Булгаковъ отъ 15 іюля 1791. «Во всякой другой странѣ такъ перемѣна (новая конституція) скоро пустила бы корни. Но въ Польшу, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни силы, ни единодушія, гдѣ многіе недовольны ею и однако не смѣютъ ни слова вымолвить противъ нея, гдѣ, наконецъ, все зависитъ отъ постороннихъ вліяній, теперь колеблются даже сами зачинщики революціи, разсчитывавшіе на содѣйствіе Пруссіи, на политическую поддержку Саксоніи, на про-

(38) Комаржевскій, стр. 245.

(39) «Il n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonné, et il a fait tout ce qui lui était défendu; outre cela il entend tout infiniment mieux que nous autres.»

должавшемуся войну и на другія обстоятельства, какія обыкновенно производятъ время, и уже не знаютъ болѣе, что имъ дѣлать для того, чтобы созданію своему дать болѣе прочности. Предвидѣніе скораго мира мучитъ ихъ, ибо они заранѣе предполагаютъ, что сосѣди ихъ, развязавъ себѣ руки, снова займутся ими, въ какомъ случаѣ области, которыя теперь не смѣютъ возвысить ни головы, ни голоса, выскажутъ свое правдивое мнѣніе, а оно, статься можетъ, будетъ не совсѣмъ-то въ пользу наслѣдственности и усиленія королевской власти.»

Отъ 17 сентября 1791. «Получивъ отъ князя Репнина увѣдомленіе о заключеніи предварительныхъ условій мира (съ Портой), я считалъ нужнымъ прежде всего сообщить оныя королю, дабы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него это неожиданное извѣстіе. Дѣйствительно, онъ смутился и въ первую минуту изумленія сказалъ: «Какъ я счастливъ, что до сихъ поръ могъ сдерживать здѣшнія насильственные стремленія.» Затѣмъ онъ спросилъ меня объ условіяхъ мира; я отвѣчалъ: «Мнѣ извѣстно только назначеніе новой границы, которою долженъ служить Днѣстръ, какъ Ея Императорское Величество сначала того желала и требовала; впрочемъ всякому извѣстна готовность Ея Величества содѣйствовать всѣмъ своимъ друзьямъ и союзникамъ.»—Онъ повялъ смыслъ моихъ словъ и сказалъ: «Онъ всегда былъ, есть и будетъ преданъ Ея Императорскому Величеству.»—Два раза настоятельно просилъ онъ меня довести это до свѣдѣнія Ея Величества.

«Новый порядокъ никому такъ не противенъ, какъ королю прусскому; поэтому ему невозможно поддерживать оный.—Недостатокъ въ деньгахъ вынуждаетъ Поляковъ прибѣгать къ налогамъ; налоги раскриваютъ глаза областямъ, такъ какъ онѣ и безъ того уже вздыхаютъ, что съ окончаніемъ войны прекратятся и тѣ большія выгоды, которыя онѣ получали отъ продажи своего хлѣба, и увѣряютъ, что не въ состояніи платить новыхъ налоговъ.»

Отъ 11 октября 1791. «Я открываю здѣсь новые планы. Поступки курфюрста саксонскаго показываютъ, что онъ не приметъ польской короны безъ согласія В. И. В. и безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ новой конституціи. Сколько мнѣ извѣстно, король извѣщенъ о томъ самимъ курфюрстомъ и медлитъ только для выигранія времени. Это очень озабочиваетъ его, и чтобъ устранить всѣ препятствія, онъ придумалъ новый планъ и ведетъ переговоры, только не черезъ министровъ, а черезъ частныхъ лицъ, съ императоромъ и прусскимъ королемъ о томъ, чтобъ они совмѣстно уговорили курфюрста

выдать свою дочь за принца Станислава Понятовскаго, племянника короля. Дѣло это ведется черезъ извѣтнаго аббата Піатоли.— По другому плану, въ случаѣ, если вступать иностранныя войска, хотѣть провозгласить освобожденіе крестьянъ и призвать всю націю къ оружію.

«Броженіе умовъ продолжается и, не смотря на угрозы королю и Потоцкихъ, не проходитъ дня, чтобъ на сеймѣ не было нападковъ на новую конституцію.»

Отъ 23-го ноября 1791. «Послѣ тайнаго совѣщанія между королемъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, аббатомъ Піатоли и Кодонтаемъ, было положено: «Такъ какъ курфирстъ саксонскій не хочетъ, какъ кажется, дать своего согласія, съ наследствомъ же престола вся конституція рушится, то избрать, вмѣсто него, другаго кандидата, австрійскаго, прусскаго или русскаго принца. Противъ всѣхъ щихъ возникли затрудненія; Піатоли предложилъ принца Станислава Понятовскаго (племянника короля); противъ него привели нелюбовь къ нему въ странѣ, въ слѣдствіе чего король предложилъ своего племянника *Иосифа*, (40) имѣющаго превосходное сердце, любимаго всѣми, храбраго воина и противъ избранія котораго не было бы много затрудненій. Этимъ и было порѣшено, и они сговорились и въ этомъ дѣлѣ поступить, какъ съ конституціей: сначала составить въ пользу его большую партію, а потомъ, когда всего менѣе будутъ ожидать того, внезапно выступить съ предложеніемъ и увлечь за собою сеймъ.»

«Луккесини имѣлъ свиданіе съ Адамомъ Чарторыйскимъ къ Познани. Онъ говорилъ, какъ прежде того Гольць, о новой конституціи, что она не имѣетъ ни малѣйшей связи съ трактатомъ о союзѣ и не обязываетъ короля побуждать курфирста саксонскаго къ принятію короны.— По свѣдѣніямъ изъ Берлина явствуетъ, что тамошній дворъ очень старается снова сблизиться съ русскими, Луккесини также не хочетъ болѣе вести переговоровъ о *торисколомъ трактатѣ*.»

Отъ 28 ноября 1791. «Планъ о принцѣ Иосифѣ, предложенный королемъ, теперь также рушился. Въ послѣднемъ совѣщаніи короля съ его тремя (названными выше) совѣтниками, снова зашла рѣчь объ этомъ дѣлѣ, но мнѣнія и заявленія очень измѣнились. Игнатій Потоцкій дадь уразумѣть, что этотъ выборъ нисколько не правится»

(40) Того самаго, который, послѣ разныхъ перекрѣтъ судьбы, заключилъ въ замкѣ французскаго маршала утонулъ въ рѣкѣ Эльстартъ.

ему, а также не годится въ настоящихъ обстоятельствахъ. Короля это тѣмъ болѣе смутило, чѣмъ менѣе онъ ожидалъ того. Платоли былъ пораженъ и не зналъ что сказать; онъ обязанъ своимъ большимъ довѣріемъ у короля согласію послѣднато съ Потоцкимъ и, въ случаѣ ихъ разлада, легко могъ бы совершенно лишиться милости. Поэтому онъ не осмѣлился противорѣчить великому маршалу, но и боялся также показать нерасположеніе къ желаніямъ короля.»

Отъ 14 декабря 1791. «Поляки пачинають все болѣе раскрывать глаза и жадають сблизиться съ Россіей. Они уже очень измѣнили обращеніе свое со мною. Самъ Луккесини, какъ здѣсь рассказываютъ, будто бы совѣтовалъ королю обратиться къ Вашему Величеству, можетъ быть въ надеждѣ, что недружелюбный отвѣтъ могъ бы снова воспалить здѣсь головы, дабы онѣ опять прибѣгли къ Пруссіи».

Отъ 30 декабря 1791. «Нерѣшительность курфирста саксонскаго держитъ ихъ всѣхъ здѣсь въ недоумѣніи и немало тревожитъ короля и революціонную партію.

«Луккесини, спрошенный въ одномъ обществѣ о судьбѣ Польши, отвѣчалъ: «Наибольшимъ счастіемъ для Польши было бы подпасть еще большей зависимости, нежели прежде. Положеніе страны, характеръ націи; колеблющіеся законы никогда не позволяютъ Польшѣ сдѣлаться независимою и пользоваться полною своею свободою, имѣть твердое, благоустроенное правленіе и еще менѣе сильную и многочисленную армію для обороны своихъ границъ.» — Но содѣйствіе Пруссіи, развѣ Польша не могла бы возвыситься помощію его? — «На союзы, которые неопредѣлительны, нельзя полагаться; я не думаю также, чтобъ одна держава была обязана на собственный счетъ поддерживать чужія. Польша не достигла своей цѣли; она могла бы привязать къ себѣ Пруссію такъ, что это обѣщало бы всякую помощь съ ея стороны.» — На вопросъ, не разумѣть-ли онъ Данцига и Торна? — онъ уклонился дать отвѣтъ. — Поэтому-то здѣсь и говорятъ, что Пруссія хочетъ прервать свой союзъ съ Польшей, такъ какъ положеніе дѣлъ при новой конституціи здѣсь стало совершенно иное.

«Король говорилъ съ своимъ племянникомъ Юсифомъ о планѣ избранія его въ короли, но онъ ничего не хотѣлъ знать объ этомъ, а желалъ лишь остаться *солдатомъ*, не имѣя способностей быть *королемъ*.

«Недавно король сказалъ:» Республика сдѣлала большую ошибку, что не извѣстила въ свое время Россію о новой конституціи;

это упущеніе можетъ быть гибельно для насъ; но именно тому прусская партія: она объявила, что это привлеченіе Россіи не нужно.— Мы слишкомъ положились на благорасположеніе и поддержку Берлинскаго двора, но все болѣе убѣждаемся, что поступки его въ отношеніи къ намъ очень двусмысленны; и такъ было всегда.»

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 ГОДЪ.—СУВОРОВЪ ВСЕ ЕЩЕ ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

Суворовъ.—Первыя важныя событія въ году.—Союзъ Австріи съ Пруссією 7 февр. 1792 года.—Въ слѣдствіе убіенія Густава III, Суворовъ долженъ еще остаться въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ: оттуда (въ примѣчаніяхъ біографическія замѣтки о Каховскомъ, Кречетниковѣ, Прозоровскомъ, Поповѣ, Марковѣ, Адлестей, Грибовскомъ).—Суворовъ переведенъ въ южную Россію.—Онъ оссѣанизируетъ.—Расположеніе его къ благотворительности.—Отъездъ.

Между тѣмъ, какъ тысячи нитей, сотканныхъ завистью и ненавистью, все болѣе и болѣе запутывали русско-польскій узелъ, такъ что наконецъ не оставалось инаго способа разрѣшить его, какъ только мечомъ, — тотъ, которому въ послѣдствіи суждено было направить этотъ мечъ и разомъ разсѣчь узелъ, все еще пребывавъ среди извилистыхъ озеръ и скалистыхъ долинъ Финляндіи, въ почетной командировкѣ—какъ говорили его противники, или въ позорномъ изгнаніи—какъ жаловался онъ самъ. Его душа была въ тревогѣ: онъ слышалъ слабый отголосокъ народныхъ буръ, бушевавшихъ на дальнемъ западѣ; онъ предчувствовалъ, что предстоитъ эпоха серьезной борьбы, и былъ подавленъ мыслію, что его станутъ держать вдалекѣ отъ помрища великихъ дѣлъ. Кто знакомъ съ свѣдѣтельствомъ страстей и самой пылкой изъ нихъ—честолюбію; тотъ пойметъ, какія тернія должны были терзать грудь его.

То было могучее время, въ которомъ великія, оживленныя страсти сны боролись между собою; время перехода отъ старинныхъ порядковъ къ новымъ, когда все должно было принять иной видъ, не такъ, какъ обмырено, тихимъ, постепеннымъ измѣненіемъ вещей, но порывистымъ, насильственнымъ преобразованіемъ. Кто

въ подобное время сознаётъ въ себѣ силу, тотъ чувствуетъ себя несчастнымъ, если обстоятельства воспрепятствуютъ ему участіе въ борьбѣ, сугубо-несчастнымъ, если онъ полагаетъ, что это происходитъ по недоброжелательству другихъ. Въ такомъ почти положеніи находился Суворовъ, и потому онъ не переставалъ бороться съ обстоятельствами и съ враждою людей, которые держали его въ удаленіи отъ его настоящаго призванія. Какъ это происходило въ теченіе настоящаго 1792 года и какъ наконецъ увѣнчалось успѣхомъ, мы узнаемъ въ подлежащемъ отдѣлѣ.

Годъ открылся пятью событіями, обѣщавшими важныя послѣдствія; за ними должно было послѣдовать еще шестое, имѣвшее не менѣе роковое значеніе. Событія эти были слѣдующія: въ самомъ началѣ 1792 года, 9 января—заключеніе въ Яссахъ мира между Россіей и Турціей; 7 февраля—тѣсный союзъ Фридриха-Вильгельма прусскаго съ императоромъ Леопольдомъ, преимущественно направленный противъ французской революціи; 1 марта—смерть Леопольда; 16 марта—убіеніе шведскаго короля Густава III, наладина, который долженъ былъ явиться передовымъ бойцемъ противъ французскихъ колебателей престоловъ; 20 апрѣля—объявленіе французскимъ національнымъ собраніемъ войны противъ австрійскаго монарха и немедленно затѣмъ вспыхнувшая въ Нидерландахъ война; наконецъ шестымъ, великимъ возмущеніемъ европейскихкихъ обстоятельствъ было—вступленіе русекихъ войскъ въ Польшу, съ цѣлію отмстить за понесенныя въ послѣднее время обиды и возстановить прежнее положеніе дѣлъ. И такъ, почти одновременно два нашествія противъ Французовъ запада и востока, противъ республиканцевъ въ зародышѣ и противъ республиканцевъ уже въ разложеніи; оба, веденныя съ различнымъ успѣхомъ, отчасти потому, что развивающаяся сила сильнѣе замирающей, отчасти же потому, что съ одной стороны съ высокоуміемъ слишкомъ легко смотрѣли на дѣли и употребили недостаточныя средства, а съ другой, напротивъ, скорѣе преувеличивали, нежели уменьшали силу сопротивленія, и потому употребили вполне достаточныя средства.

Разсмотримъ эти событія ближе.

О мирѣ въ Яссахъ, доставившемъ Россіи границу по Днѣпру, мы уже говорили. Онъ вполне развязалъ руки Екатерины и доставилъ ей средства—всею тяжестью силъ ея государства вліять на ходъ вѣнскихъ событій. Теперь она снова могла возстать въ политикѣ своимъ величіемъ, въ европейскихкихъ дѣлахъ, говорить тѣмъ языкомъ, на который подвиги, слава и могущество давали ей право. Но (въ отсут-

то и состоятъ признанъ превосходнаго ума), такъ какъ она никогда ничего не предпринимала, не взвѣсивъ напередъ всѣхъ средствъ своихъ и противника, и не рассчитавъ силъ, потребныхъ для выполненія предпріятія, то прежде, нежели приступить къ дѣйствіямъ, она сначала сгладила себѣ пути и устранила всякое, возможное съ какой бы то ни было стороны, сопротивленіе. Какъ это было сдѣлано, мы увидимъ въ послѣдствіи.

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ мы видѣли, какъ переворотъ во Франціи взаимно сблизилъ Фридриха-Вильгельма прусскаго и Леопольда австрійскаго, бывшихъ прежде наслѣдственными врагами, и повелъ къ заключенію предварительнаго договора 25 іюля 1794 г. и затѣмъ къ устнымъ переговорамъ въ Пильницѣ. Дѣйствительный союзъ между ними заключенъ былъ въ Берлинѣ 26 янв. (7 февр.) 1792 года. Сверхъ постановленія о взаимномъ вспоможеніи въ 20,000 чел. войскъ, особыя условія этого союза были тѣ же, какія приведены нами выше; прибавлена была только 4-я, тайная статья касательно Курляндіи, въ которой все имѣло быть сохранено въ настоящемъ положеніи и ничего не слѣдовало измѣнять безъ согласія обѣихъ державъ. Такимъ образомъ два противника, долго дѣйствовашіе одинъ противъ другаго, теперь, вынужденные обстоятельствами, нерѣшительно подали другъ другу руки для союза; но едва былъ заключенъ этотъ союзъ, какъ снова пробудилась старая недовѣрчивость и со всякаго рода задними мыслями продолжали они подозрительно наблюдать одинъ за другимъ и, гдѣ только могли, препятствовать обоюднымъ желаніямъ и намѣреніямъ. Поэтому-то и было такъ мало достигнуто изъ того, къ чему они совокупно стремились. — Договоръ былъ подписанъ съ австрійской стороны княземъ Рейсскимъ (XIV), а съ прусской — Финкенштейномъ, Шулембургомъ и Альвенслебеномъ. Король ратификовалъ его 19 февраля и полковникъ Бишофсвердѣръ былъ посланъ въ Вѣну для полученія ратификаціи Леопольда; но онъ пріѣхалъ лишь для того, чтобъ быть свидѣтелемъ его кончины, послѣдовавшей 4 марта отъ болѣзни, схожей съ холерою (1). Договоръ былъ утвержденъ уже его преемникомъ. Такимъ образомъ Австрія и Пруссія были въ союзѣ между собой противъ революціонной Франціи, не обнажая однако меча; онъ былъ

(1) Какъ вообще въ случаѣ внезапной смерти высокопоставленныхъ людей, такъ и тутъ рассказывали басни объ отравленіи; но сколько извѣстно изъ симптомовъ этой болѣзни, тогда еще мало постигнутыхъ, она была, по видимому, скорѣе нѣчто въ родѣ холеры. Рвота, судороги, сильнѣйшія боли въ нижней частѣ живота и быстрая смерть.

вложенъ имъ въ руки опрометчивымъ объявленіемъ, 20 апрѣля, войны со стороны господствовавшей во Франціи партіи жирондистовъ. Ни съ одной стороны не были достаточно приготовлены къ войнѣ, да и не дѣлали большихъ приготовленій къ ней, такъ какъ союзники, въ особенности Пруссаки, вспоминая о легкомъ умирѣніи Гелландцевъ и Бельгійцевъ, смотрѣли на это дѣло довольно легко и думали все покончить вооруженною прогулкою въ Парижъ. Помогались на свои тактически-выработанныя войска, на многихъ, еще живыхъ учениковъ и учителей семилѣтней войны, герцога Брауншвейгскаго, Меллендорфа, Калькрейта, Вурмзера, принца Кобургскаго, Клерфе, и издѣвались надъ разстроенымъ французскимъ войскомъ, всѣ полководцы котораго, образовавшіеся въ вышеупомянутой войнѣ, Бролье, Кастрѣ, Булье, Виоменаль эмигрировали, въ слѣдствіе чего предводительствованіе совершенно раслуценымъ въ дисциплинѣ войскомъ осталось, какъ полагали, за новичками или, самое большое, за генералами, ознакомившимися лишь съ малою войною въ американскихъ пустыняхъ, но еще мало имѣвшими боевой опытности, какъ напр. Лафайетомъ, Рошамбо, Келлерманомъ, Бирономъ и другими. Но высокомѣріе всегда ошибается въ своихъ расчетахъ.

Всѣ эти событія отражались издалека и на Россіи; но то, что ближе касалось ея, было убіеніе Густава III дворцскою партіей, наступившее сближеніе и соглашеніе съ Пруссіей и наконецъ война съ Польшей.

Въ виду этихъ обширныхъ приготовленій и вооруженій, Суворовъ навѣрное надѣялся получить соответствовавшее его военнымъ заслугамъ назначеніе, особенно теперь, когда его могущественный гонитель, кончившій и жизнь, и дѣятельность свою, уже не могъ болѣе вредить ему. Но надежды его были разрушены убіеніемъ Густава, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ, въ слѣдствіе чего отношенія Россіи къ Швеціи снова оказались ненадежными, такъ какъ регентство въ послѣдней принялъ на себя двусмысленный герцогъ Зюдерманландскій, врагъ Россіи и другъ Франціи. Въ этотъ критическій моментъ не хотѣли отзывать изъ Финляндіи такого опытнаго полководца: онъ долженъ былъ докончить укрѣпленіе границы, и въ тоже время, по отъѣздѣ принца Нассаускаго, ему передали главное начальство надъ всѣми военными силами въ Финляндіи, не только сухопутными, но и морскими. Онѣ состояли изъ одной сильной пѣхотной дивизіи и изъ елоталин галеръ и канонирскихъ лодокъ съ ихъ экипажами, подъ началь-

ствомъ контръ-адмирала Траверсѣ и генераль-маіора Германа, всего около 25,000 человекъ.

Къ этимъ обстоятельствамъ относится современная переписка Суворова съ его другомъ и повѣреннымъ Хвостовымъ, жившимъ въ Петербургѣ. Въ ней старый воинъ безъ лжи, чистосердечно, высказалъ всю свою душу и всё волновавшія его въ это время чувства и мысли. Но какъ переписка эта, въ полномъ ея объемѣ, съ ея отчасти менѣе важными подробностями, не имѣла бы большаго интереса, то мы довольствуемся приведеніемъ здѣсь нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ мѣстъ изъ оной, для лучшей характеристики нашего героя и современныхъ обстоятельствъ.

Хвостовъ къ Суворову.

3-го апрѣля 1792.

Праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія проводилъ держася правилъ вашихъ въ удалѣніи отъ шума, и забавлялся дома невинно катаніемъ яицъ и пр. Но и въ городѣ большихъ весельевъ нѣтъ по причинѣ кончины короля шведскаго, о которой извѣстился въ великую субботу... троуръ наложенъ на 6 недѣль и внутренне государыня огорчена... Истинно не въ лесть, что по могущимъ случится въ Швеціи переменамъ, надѣются на васъ какъ на стѣну... Благоволеніе и мысль у ней объ васъ велико, сіе достоверно. П. Н. (принцъ Нассаускій) самъ будетъ писать, жду его письма. По вашему онъ докладывалъ и сказалъ мнѣ что ген. въ Роченсальмѣ вашей же дивизіи Штрандманъ.

О польскихъ дѣлахъ слѣдующее, превѣрно изъ чистаго источника... По гадательности васъ не трогаютъ, и паче по кончинѣ короля (*). Обстоятельство что не обратится ли Швеція къ старому правленію. Недавно союзъ (3), вниманіе великое... О Польшѣ нѣтъ рѣшительнаго въ кабинетахъ, ни въ умѣ, ни съ Прусскимъ. Если и будетъ что, ни К. Р. (Репнинъ), ни Г. И. (Иванъ) Салтыковъ, ближе всѣхъ вы, сіе будетъ въ завѣсѣ тайны до половины лѣта; движеніе вѣрно, войска пойдутъ черезъ Польшу подъ командою г. Каховскаго, и подъ нимъ 2 части: Полякъ Коссаковскій и Дерфельденъ вами рекомендованный. Г. И. П. С. (графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ) съ малою частію на Двинѣ; много отдѣляет-

(2) Шведскаго.

(3) Заключенный между Россіей и Швеціей 8 (19) октября 1791 года; онъ нагагалъ на Россію большія денежныя пожертвованія, но долженъ былъ поощрить Густава къ походу противъ новыхъ Франковъ.

ся къ г. Кречетникову въ Кіевъ, и подь нимъ Нащокинъ; воть вѣрное.... кормчій корабля Г. А. А. Безбородко.... П. А. (Платонъ Александровичъ Зубовъ) къ вамъ хорошъ.... Г. Р. (Гавриилъ Романовичъ Державинъ) почти въ нуляхъ (4).

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа.

Разставте меня съ Роченсалмомъ, опознайтесь съ П: Нассау просто, говорите съ П. И. Т. (Петромъ Ивановичемъ Турчаниновымъ) (5) догмою съ легка—паче чтобъ отъ сей гавени прочь, но торжественно въ людяхъ обмануть. Г. Н. И. (графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ) (6) жертвуетъ мною за косаго жениха (7) И. Салтыкову и интригамъ Репнина; мнѣжь и такъ здесь дѣла полны руки.

Отъ Хвостова къ Суворову.

23-го апрѣля (4 мая) 1792.

Области на Югѣ, вѣрно что ежели не всегда долго будутъ безъ правителя, подь Собственнымъ руководствомъ, докладываетъ Поповъ (8) (замѣчаніе Суворова: «добрый человекъ!») (9).

К. Р. (князь Репнинъ) ни посоль, ни что, нуль, и будетъ такъ развѣ въ будущемъ столѣтїи («коли доживетъ!» Суворовъ).

Въ Польше дѣйствующїи Кречетниковъ и Каховскій, обратитесь на прежнее письмо. Развѣ нужда востребуетъ перемѣну, ближе вы, или кто другой, сіе грядущее, но повторяю не къ К. Р. (Репнину) онъ нуль. («Кто меня двуличитъ: притворщикъ Ширяевъ, дипломатъ Сажень, аллюминатъ Бейеръ?» Суворовъ).

И. В. Гудовичъ, г. губ. на Кубанѣ.

Г. И. П. С. (Иванъ Петровичъ Салтыковъ) командиръ Двинской арміи; состоящей въ 3-хъ полкахъ.

«Эскадра» писали и чужеземныя газеты.... вѣрно что П. Н.

(4) Онъ былъ въ то время статсъ-секретаремъ по сенатскимъ дѣламъ, но не имѣлъ большаго значенія.

(5) Статсъ-секретарь по военной части.

(6) Начальникъ военнаго департамента.

(7) Сынъ Салтыкова, который долженъ былъ жениться на дочери Суворова; но сватовство это разстроилось.

(8) Онъ долгое время былъ директоромъ канцеляріи Потемкина и пользовался полнымъ довѣріемъ его.

(9) Суворовъ имѣлъ привычку, въ письмахъ, къ нему адресованныхъ, если они особенно интересовали его, надписывать между строками собственныя краткія замѣчанія.

(др. Насоускій) ѣдетъ, но одинъ въ качествѣ посла съ деньгами. Ежели можетъ быть или будетъ помощь людьми, то сухопутныя отхватятъ отъ Польши и особенный надежный генераль, и отнюдь не Принцъ.... Надобно чтобы былъ общей планъ всѣхъ дворовъ, который еще не утвержденъ. Болтаютъ что уже Австрія съ Французами начала.

Замѣчаніе Суворова: Мечта! Надежный генераль!

- 1) Кречетниковъ въ титулѣ мудраго. 2) Михельсонъ — интригана
- 2) Братъ (министра) г. Илья Андреевичъ (Безбородко).

Отъ Хвостова къ Суворову.

14-го мая 1792.

Манифестъ о Польшѣ есть, но не обнародованъ, омыслъ что сія держава состоя подъ нашимъ покровительствомъ, дѣлала непріязни многія въ прошедшую войну, и что многія польскія вельможи и дворяне недовольныя новымъ постановлѣніемъ прибѣгли къ покровительству Россіи, и для защищенія ихъ вѣлено вступить войскамъ, войны не будетъ. И помощь противъ Франціи до сего времени отвлеченна; Французы были побиты вѣрно. Внутреннее, благодареніе Богу, утихло. Кончено раззореніемъ гнѣба мартинистовъ въ Москвѣ, и удалѣніемъ ихъ начальника Новикова въ Соловки.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа.

Къ П. И. Т. (Турчанинову) не пишу, но не меньше съ нимъ вамъ чаще сообщатся: матерія одна, мне нетерпеливо въ мой элементъ къ употребленію! Пушкинъ, Каменской, Элтмъ — триумвиратъ; Репнинъ, Г. И. С. (Иванъ Салтыковъ), Долгорукій (?) (*) другой; въ немъ одинъ другаго сломали. 3-й Каховскій, Кречетниковъ.... пристанетъ Игелштромъ и подкрѣпитъ Румянцовъ. (**) будетъ захрѣбѣтннкъ.

Дѣйствительно къ осени я кончу; додѣлки Тучкову или иному инженеру; я ихъ тогда опишу... Команды какому генераль-поручику... По трудамъ и неспанью я потерялъ грудь, горло, желудокъ и слабъ а паче отъ недовольствія. Последнѣе похоже на честное кассированье. Отставши доволенъ буду кончать въ одинъ годъ противъ 10-ти для другихъ, но часто ли это знаетъ миллионная доля, какъ и малой разходъ. Предъ симъ въ реляціяхъ видѣлъ я себя; ныне и слушать стыдно, кромѣ патриотства...

(*) У Смитта — Долгорукій, но въ подлинникъ нельзя разобрать фамиліи.

(**) Тоже нельзя разобрать фамиліи въ подлинникѣ.

Буде тайной гневъ безвинно, и отъ причинъ хотя собственныхъ моихъ П. И. Т. (Турчаниновъ) никогда не остережетъ: осенью его конецъ, какъ здесь отработаюсь—и буду въ С. П. Б.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа. (*)

...после работъ, мнѣ надлежитъ утвердить субординацію дисциплину ордеръ, въ осень прогнать скорбуть съ болезнями, зимой есть дѣло по гавени и готовить материалы; съ вѣсны достроить благоустроенный Роченсальмъ кромѣ круглой башни, «Нейшлотъ,» приняты за Вилманштрандъ и сколько можно за к. (крпность) депотную Давыдовскую—толко!.. въ С. П. Б.ѣ развѣ учится входить въ интриги въ чемъ и ораторъ Репнинъ мало успѣваетъ.

Г. И. П. С. (Ив. Салтыковъ) силится наследовать отцу (10), К. Р. (Репнинъ) травить и топчетъ всѣхъ невозбранно, Г. Н. И. С. (Никол. Ив. Салтыковъ) не пуститъ черезъ него перенегнуть да и Пушкинъ самъ у себя педъ крыломъ, и на то не мечтаю—полно съ меня!.. но чегожь ради не употреблешъ? П. А. З. (Плат. Ал. Зубовъ) и вообще хотять доказать что править умѣють, иначе отнеслось бы на меня: славнѣ настоящія операцин (11) ихъ огромностию прошлой нашей конфедерацин и П. И. Т. (Турчанинова) политическая война не безславнѣ истинной.

Суворовъ къ Хвостову (**).

Вилманштрандъ 13-го іюля 1792.

Мои три извѣстныя намѣренія суть: *отставка, путешествованіе или импортированная служба*. Для двухъ послѣднихъ мнѣ понадобилось бы одновременно 10,000 рублей въ червонцахъ.

Хвостовъ къ Суворову.

16-го іюля 1792.

Я отъ васъ утаить не могу что молва въ городѣ, что во Францію съ 40,000 употребляется К. Реп. (Репнинъ), другая молва и всенародная что онъ не хочетъ. Его здѣсь мѣтъ, сіе не помѣха, вѣроятно что войска пойдуть, не даромъ Вѣна, Берлинъ предали Польшу. Я сіе сказывалъ откровенно сего утра П. И. (Турчанинову) и что его письмо слова, нужно дѣло. Отвѣтъ: я не знаю. Говорилъ съ Державинимъ: изъ обоихъ сношеній вижу, что ежели

(*) У Смита—отъ 26 іюня 1792.

(10) Это былъ фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, который (или подъ начальствомъ котораго) было выиграно сраженіе при Кунерсдорфѣ.

(11) Въ Польшѣ.

(**) Подлинникъ не отысканъ.

начальникъ не назначенъ, походъ болѣе нежели вероятенъ. Нужна расторопность и скорость. П. И. Т. (Турчаниновъ) удерживаетъ меня здѣсь обѣщаніями, и надобенъ надъ нимъ глазъ и глаза... вы не изводите дремать, къ 20 Сентября кончите. Но драгоценность времени... П. А. (Плат. Зубовъ) видѣлъ «я бѣдненькой» (12), отвѣтъ его двуобразный, но вы хотите прямо чисто употребленія какъ патриотъ. Письмо къ нему въ ясныхъ терминахъ истребятъ мысли о предлогѣ важности.

О 3-хъ вашихъ намѣреніяхъ, абшидѣ и пр. сего не будетъ и не должно быть. Передѣляйте.

Суворовъ написалъ прямо къ императрицѣ и просилъ о назначеніи въ Польшу. Императрица приказала отвѣтить ему черезъ Турчанинова, что «польскія дѣла не имѣютъ такого значенія, чтобы для нихъ употребить Суворова; назначеніе его берегутъ для болѣе важныхъ дѣлъ.» Подлинныя слова государыни были слѣдующія: «польскія дѣла не требуютъ такого человѣка, какъ Суворовъ; Поляки уже просятъ о перемиріи, чтобы опять поставить все на старое положеніе.»

Турчаниновъ (генералъ-поручикъ и статсъ-секретарь) къ Суворову.

16-го іюля 1792.

Примѣтвъ изъ многого, что вы огорчаетесь, скучаете и вмѣсто самыхъ легчайшихъ средствъ прибѣгаете къ крайнимъ, поставлю себя за грѣхъ, исповѣдать вамъ сердечныхъ чувствъ моихъ.

Письмо Ея Величества, Матери и Благодѣтельница вашей, ясно изображая, что Польскія дѣла васъ не стоятъ, коротко, чисто и правильно. Настоящее служеніе ваше, есть собственной Ея и вашей произволь, и подлинно вы всегда и тамъ и здѣсь, дочь подъ глазами, единственной вашей предмѣтъ.

Кто болѣе знаетъ васъ и службу и нужду въ васъ, какъ не Она благодѣтельница, посредникъ же между вами есть прямой сынъ вашъ (13), который имѣлъ время всячески испытать васъ во время бурное, какому быть сумнѣнію и для кого и для чего продать васъ!

(12) Въ одномъ письмѣ, представленномъ Зубову Державинымъ, Суворовъ говоритъ: «А я бѣдненькой потерялъ двѣ кампаніи.»

(13) Такъ Турчаниновъ называетъ самаго себя.

Лѣта, служба и опытность ваши, составляютъ васъ свыше всякаго совѣта, и мнѣли, а тѣмъ менше другому кому подавать вамъ совѣты? но остеречь и буде можно гдѣ и къ статѣ упомянуть, есть истинная моя обязанность и сія знаетъ: Богъ, Она, вы и моя совѣсть.

Дорого бы я далъ, чтобы видѣть васъ здоровымъ и спокойнымъ въ духѣ; но сіе зависитъ собственно отъ васъ, и вамъ ли колебаться!

Кречетниковъ, Каховскій и прочіи замѣченные вами идутъ на сравненіе; награда ихъ можетъ ли васъ смущать и впрочемъ кто смѣетъ противоборствовать высочайшему произволению, а такъ мало что не смѣю и помышлять, а по себѣ сужу и о другихъ.

Желаніе ваше извѣстно Самой, отъ которой непосредственно происходитъ благо, нужна ли тутъ чья помощь?

Если бы достовѣрно зналъ я, что совѣтъ или представленіе мое имѣетъ мѣсто; то бы чистосердечно сказалъ, чтобъ были спокойны и увѣрены, что достойное и воздастся, безъ всякихъ исканій, кои по истиннѣ излишни.

Отъ Суворова къ Хвостову

Вилманшпрандъ, 18-го іюля 1792.

Писмо запискою П. И. Т. (Турчанинова) ласково но ненадежно, вида къ употребленію ни малаго нѣтъ. Всюду берегитесь *varies incertitudes*, и отъ васъ сами ея никому.

Марченко меня держитъ въ непрестанной по часу и по два горячке. Наконецъ я съ нимъ очень какъ прежде разстроился, такъ что теперь съ нимъ уже о важностяхъ не говорю. Покойте.

Корицкій ли, Марченко ли или иной когда отъ васъ по мнѣ бдутъ, не отдавайте мнѣ ихъ лицомъ, они пуще запутають: по подробнѣ описывайте сами. Ни Бееръ, ни Сакенъ негодилась.

...на всякую судьбу я готовъ; не долго жить, лишь бы правлень былъ.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Кюненгородъ. Ильянъ день. 1792.

Глаза очень болятъ, при слабомъ здоровье... весьма наскучило о сихъ матеріяхъ писать и безъ нужды не буду. Да будетъ вамъ Божія и Матери Отчества.

Смертной помнитъ смерть, она мнѣ недалека: сего 23 октября 50 лѣтъ въ службѣ, тогда не лучше ли кончить мнѣ непорочною карьеръ? Бѣжать отъ мира въ какую деревню, гдѣ мнѣ довольно въ годъ содержанія 1000 рублей, готовить дунгу на престѣленіе — ежели вовсе мнѣ употребленія предумотрено не будетъ.

Между тѣмъ и невѣстныя: подосудъ, будто крѣтослѣннѣе в ясни...

П. И. Т. (Турчаниновъ) не имѣеть интереса: въ моемъ: унѣ: женин.... Онъ клонитъ на жадность мою къ награжденіямъ котораѣ: нетъ, развѣ ихъ благопріятіе. Коли вѣрно кончаны польскія дѣла то о семъ, заднемъ нѣтъ мнѣ ни слова въ воспоминовѣнія. Но думайте за предѣломъ.... Соблюдайте дружбу; П. И. Т. (Турчаниновъ) и временно не обременяйте его.

Хвостовъ къ Суворову: (20-го іюля 1792.)

Въ субботу прѣикалъ полковникъ П. А. Салтыковъ курьеромъ отъ ген. Каховскаго: Переиудъ Бугъ у бѣлаго: Стола было жаркое сраженіе (14) педь командою самаго ген. Каховскаго; Подробностей не привозъ и не знаютъ; у насъ убиты полковникъ Золотухинъ, Памбахъ, волонтеръ Ламбертъ и многіе штабъ-офицеры... Царица не довольна, огорчалася о Золотухинѣ (15), курьеръ туманенъ, дѣла сѣбѣ не награжденъ.... «Просить перемиріе» а между тѣмъ что! Смотрите иностранныя газеты, мы вездѣ побѣждаемъ (16) и по истиннѣ гдѣ выигрышь? (17) Къ крайности не извольте приступать. Будьте великодушнѣе, нежели напитать абшитомъ вашихъ злодѣевъ. Ваше желаніе извѣстно у Престола. Письмо къ Зубову васъ не обидитъ, не иначе одасса (отдастся?) какъ привлече его и завязавъ къ вашей пользѣ.... П. И. Т. (Турчаниновъ) 20 разъ мнѣ говорилъ, «я малъ, я паутина, я не смѣю вспоминать». Да П. Ал. (Зубовъ) смѣеть.

.... П. И. Т. говоритъ: на иностранную службу не пойдутъ никакъ, Абшитъ не почли бы упоромъ. Не именуя ни Франціи, ни Рѣннція, ни кого. У васъ благородная дорога: прошу употребленія, мой элементъ. Вы начали сіе, предположили. Наставляйте.

О Туркахъ кроется. Съ мѣсяць подавали медаль на миръ; Самойлову (18) не хорошо, ни является и у двора за болѣзнію.

(14) При Дубенкѣ, 7 (18) іюля 1792 года.—Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы блже увидѣемъ объ этомъ.

(15) Храбрый полковникъ Фанагорійскихъ гренадеръ, столь отличившійся при штурмѣ Иманла.

(16) Т. е. въ газетахъ, сообразовавшихся съ польскими донесеніями, которыя тогда такъ же гласи, какъ и 40 лѣтъ спустя.

(17) Онъ однакоже бросался въ глаза. Польская армія была отгнана изъ Подолія до Люблина и не могла нигдѣ держаться. Но Хвостовъ, чтобы поддѣлаться къ Суворову, желаетъ унижить Каховскаго.

(18) Племянникъ Потемкина.

Ежкимъ изволило: опростить: кому корона, у двора? Протина, собств-
венной моей правы: ризовать: дажени: на званю; все ползуть, какъ
раки и чисте назадъ:

Суворовъ къ Хвостову.

Кюенгородъ. 29-го июля 1792. ...
Перехода Богъ потерян, земля 8 пуштокъ (19). ... атака пра-
вого крыла; ранжиръ назадъ... здвигни чавоты. Вы не пишете
курьеровъ у васъ много, это интересовать...

Субсистенція: Г. Н. И. (Графъ Николай Ивановичъ Салты-
ковъ) дите мнѣ корешато провантмейстера. Оанъ меня учить; ху-
дого—я его учу, бывши самъ провантмейстеромъ.

Ф. А. А. (Везеродко) недоволенъ за рядюнаши въ съвъ бы-
ковъ, колзбъ, лисокъ не употчивать, поминъ ему долино брата.
Каховскій (20) въ прусской войнѣ подпоручикъ, а—подполков-
никъ... Кречетниковъ (21) о. маюромъ, какъ К. А. А. (Прозе-

(19) Удѣлбаша...
(20) Михаилъ Васильевичъ Каховскій, родился въ 1734 г., воспитанъ въ
кадетскомъ корпусѣ, вступилъ въ действительную службу въ 1752 г. и участвовалъ въ
семилетней войнѣ; ближайшихъ подробностей о немъ неизвестно. При Екатеринѣ
онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ и получилъ въ управленіе Могилевскую и Витебскую губернии. Въ 1773 г. онъ былъ уже генералъ-поручикомъ, а
въ 1783 предводительствовалъ орданскими корпусами въ Криштинѣ, когда страна эта
была приобретена Россією; въ 1784 г. произведенъ въ генералъ-лейтенантъ. Онъ
узналъ, приобрѣлъ милость Потемкина, который съ тѣхъ поръ всегда выставлялъ его
впередъ, рекомендовалъ императрицѣ и, передъ самою своею смертію, призвалъ чрезъ
гонца къ себѣ, чтобы передать ему главное начальствованіе надъ армією (1791 г.),
которое, однако, Каменскій оспаривалъ у него. Императрица рѣшила споръ въ пользу
Каховскаго. Занятъ, въ сраженіи Тарговицкой конфедераціи, онъ вместе добился
въ Польшу и вѣдаль отъ Царя, принудилъ короля, вступить къ этой конфедераци.
Однако, кажется, императрица не осталась довольна имъ: въ концѣ 1792 г.
войска его были раздѣлены: Игельстремъ съ одною частию остался въ Польшѣ, а
Кречетниковъ съ другою въ Волины; Каховскій же въ 1793 г. былъ назначенъ Ни-
жегородскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ. (Императоръ Павелъ, въ день
своего коронованія, въ апрѣлѣ 1797 г., пожаловалъ ему графское достоинство и
2,000 душъ крестьянъ, но въ слѣдующемъ году удаленъ отъ службы. Онъ умръ въ
1800 году, 67 лѣтъ отъ роду).—Онъ былъ человекъ честный, безкорыстный и
справедливый, судившій безъ андерпріятія и строго соблюдавшій донеску и дисциплину:
въ концѣ 1792 года онъ отянулъ у брата (Валеріана) могущественнаго Зубова на-
чальство надъ вѣрною ему дивизією, за найденные въ ней беспорядки; но за это
самъ былъ лишаемъ начальствованія.

(21) Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ былъ воспитанъ въ кадетскомъ кор-
пусѣ и участвовалъ въ семилетней войнѣ въ чинѣ маюра. Въ 1769 г. онъ уже былъ

росским) (22); В. С. Поповъ (23) въ дружбѣ съ Г. Н. М. (Меморандумъ Салтыковскихъ). Лутче со мною въ дружбѣ... Гавр. Ром:

полковникомъ въ арміи князя Голицына; затѣмъ, въ чинѣ генераль-майора, отличился въ сраженіи при Кагуль (1770 г.).—Въ 1772 г. перешелъ въ гражданскую службу и назначенъ Псковскимъ губернаторомъ. Въ 1775 г. произведенъ въ генераль-поручики и назначенъ губернаторомъ въ Тверь, а потомъ въ Калугу; въ 1778 г. генераль-губернаторомъ Калужскимъ, Тульскимъ и Рязанскимъ; въ 1790 г.—произведенъ въ генераль-анъ-шефы и въ этомъ чинѣ начальствовалъ войсками, собранными въ Малороссіи. Въ 1792 г. предводительствовалъ частію арміи, назначенною для дѣйствій въ Литвѣ, и умеръ въ мартъ 1793 года.—Онъ былъ храбрый воинъ, но безъ высокихъ дарованій; возвысился быстро потому, что Потемкинъ благоволялъ ему; впрочемъ былъ хорошимъ товарищемъ и имѣлъ характеръ добродетельный, хотя былъ несколько склоненъ къ шегольству и высокомерию.

(22) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій родился въ 1742 году; девять лѣтъ отъ роду (1742) записанъ солдатою въ гвардію; 24 года (1766) гвардіи сержантъ и переведенъ въ полевой полкъ съ чиномъ поручика. Капитаномъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, сражался при Гросс-Егерсдорфѣ, при Цорндорфѣ (въ обоихъ сраженіяхъ раненъ), при Цуллаухау, при Кунерсдорфѣ и въ продолженіи войны достигъ чина полковника; въ 1765 г. произведенъ въ генераль-майоръ.—Въ 1769 г., когда началась турецкая война, начальствовалъ авангардомъ князя Голицына и отличился въ тогдашнихъ дѣлахъ. Въ 1770 г. служилъ во второй арміи подъ начальствомъ графа Петра Панина и во время осады Бендеръ наблюдалъ, съ тремя конными полками, за Очаковымъ, причемъ имѣлъ съ неприятелемъ несколько удачныхъ дѣлъ. Въ 1774 г. былъ при покореніи Крыма княземъ Долгоруковымъ; въ 1778 г. произведенъ въ генераль-поручики и получилъ начальство надъ войсками въ Крыму, который защитилъ отъ покушеній Турокъ и Татаръ. Въ 1788 г. произведенъ въ генераль-анъ-шефы, а въ 1790 г. назначенъ генераль-губернаторомъ Москвы и сенаторомъ.—Императоръ Павелъ переименовалъ его въ генераль-отъ-инженеріи и назначилъ начальникомъ Смоленской дивизіи, но вслѣдствіе увольшилъ его въ отставку.—При императорѣ Александрѣ, когда снова стали вызываться старыми полководцами побѣдоносной Екатерины, онъ былъ произведенъ въ 1807 г. въ фельдмаршала, а въ 1808, будучи 76 лѣтъ отъ роду, назначенъ главнокомандующимъ арміею противъ Турокъ, съ которыми такъ счастливо сражался прежде. Но время его прошло. Старчески-слабый, болѣзненный и здоровьемъ своимъ особенно шибко болѣе, нежели дозволено полководцу, онъ подверженъ былъ и правдивѣйшимъ вещамъ старости: былъ нервнѣе, упрямъ и подозрителенъ. Поэтому онъ и совершилъ немного. Его итурія Бражкова, 19 апрѣля 1809, стоила до 3,000 человекъ и не удался; Сербовъ онъ оставлялъ безъ надлежащей поддержки; ничто болѣе ему не удавалось и онъ постепенно угасалъ и физически, и нравственно. Умеръ въ отсутствіи (1809 года).—Онъ былъ большіиъ поклонникомъ Фридриха; храбрый воинъ, строгіиъ предводителемъ и любилъ строгую дисциплину; но развѣсивъ о немъ его жизни даже увидѣли славу премиятъ. Онъ представилъ повсюду доказательство тому, что, кромѣ некоторыхъ необычайныхъ исключеній (Суворова, Блюхера, Ракишского), только до известнаго дѣла можно быть хорошимъ военнымъ полководцемъ.

(23) Василій Степановичъ Поповъ, род. въ 1745 году и, хотя былъ онъ

(Фердинандъ) честный человекъ, связь съ П. А. (Шит. Зубовымъ) П. И. Ч. (Турчаниновъ) шестеро съ мною, где забываютъ считать свою совѣсть безъ намѣреннаго зла. Благочестивому Г. Н. С. (Николаю Салтыкову) пониженіе мое такъ нужно—какъ смерть К. Н. В. (Репнину). Я же толку умираю за Великую Екатерину. Р. С. всѣ такіа эпитолія жигѣ.

Хвостовъ этого не сдѣлалъ и навлекъ этия на себя сильное негодование Суворова. Послѣдній, въ минуты досады, набросалъ на бумагу горькія выраженія противъ своихъ преслѣдователей, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, особенно же противъ Потемкина; кажется прибавилъ еще къ тому въ своемъ родѣ колкія вирши и отослалъ все это Хвостову. Послѣдняго, который въ высшей степени мучился страстію къ стихотворству, это подстрекнуло: онъ подбавилъ своихъ собственныхъ фантазій и сочинилъ стихи, относившіеся къ Суворову, которыхъ первая слова «мочто почилъ нашъ Геракулесъ?»—уже указываютъ на содержаніе. Съ авторскимъ самодовольствомъ, онъ

былъ священника, вступилъ въ 1765 году въ военную службу; но, при его ловкости, дѣятельности и трудолюбіи, ему суждено было блеснуть и возвышаться не столько посредствомъ меча, сколько посредствомъ пера. Долгорукій Крымскій, сдѣлавши Московскимъ губернаторомъ, вѣрилъ ему (въ 1780 г.), въ складчикъ канцелярскихъ и деловыхъ его промышляющихъ работъ, управление своею канцеляріею. Долгорукій умеръ въ 1782 г., и тогда могущественный Потемкинъ взялъ Попова къ себѣ и посылалъ его правою рукою. Въ канцелярскія занятія этого могучаго человека, его отчеты, особенныя работы по администраціи возлагались на Попова и исполнялись имъ съ неутомимой дѣятельностію. Такимъ образомъ онъ возвысился быстро: въ 1784 г. былъ уже полковникомъ, въ 1787—бригадиромъ, въ 1788—генерал-майоромъ, знаки отличія сдѣлались на него такъ же быстро, какъ и чины: вскоре онъ имѣлъ дѣло съ самимъ Александромъ Невскимъ и Владимиромъ 1-й степени въ чинѣ генералъ-майора. По смерти Потемкина, императрица получила его бѣдливый докладъ: онъ былъ назначенъ начальникомъ комиссіи прошеній горнаго моруса и канцлеромъ императорскаго кабинета. Императоръ Павелъ промѣнилъ его въ тайные совѣтники, назначилъ президентомъ камеръ-коллегии и сенаторомъ; однако императрица исключила его изъ службы, обманутый ложными доносками, и передала оуду Императору Александру: снова возвысился упомянутого и вѣрилъ ему главное управление различными отраслями государственныхъ дѣлъ. Его постигла участь трудолюбивыхъ людей: онъ подъ каменъ обратенно ослабѣлъ и умеръ въ 1822 году (78 лѣтъ отъ роду). Онъ былъ, какъ выразился о немъ Суворовъ, славный, честный человекъ, въ дѣлахъ ясный и опытный. Легко-дестуальный, безъ всякой гордости, охотно принимавшій участіе въ несчастныхъ, онъ умѣлъ слышать общія увѣщанія и любовь.

показалъ эти отрывки, вывостъ съ стихами Суворова, а въ концѣ комментарія; и длинное, сердитое письмо его, доброму приятелю, подполковнику Корицкому, который намъ уже извѣстны, какъ надзиратель за дочерью Суворова. Корицкій показалъ ихъ далѣе, и такъ же образомъ писаное и стихи попались наконецъ на глаза Дерябину и Турчанинову, большіе приверженцамъ Потемкина, а теперь Зубова. Черезъ одного изъ офицеровъ, безпрестанно развѣзавшихся между Финляндією и Петербургомъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ; по фамиліи Максимовича, Суворовъ былъ извѣщенъ о злоупотребленіи егo довѣріемъ и разразился противъ Хвостова. Въ первой горячности онъ мало стѣсняясь въ своихъ выраженіяхъ; между ними попались и названія «предателя», «обманщика», «глухой няньки». Хвостовъ былъ уничтоженъ. Сознывая свою вину, но глубоко оскорбленный горячностью и вспыльчивостію Суворова, онъ сначала не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ избралъ лучшей исходы: откровенно сознался въ своей винѣ и, обнаруживая непритворную печаль, старался загладить вину эту кротостію и удвоенною готовностію къ услугамъ. Къ этому случаю относятся нижеприведенныя письма. Но къ тому присоединилось еще другое обстоятельство. Около этого времени было условлено, чтобъ Суворовъ самъ написалъ Зубову и просилъ о его посредничествѣ, дабы снова быть назначену на действительную полевую службу. Чувство чести старца долна сильно возставало противъ подобнаго поступка. Прямое писать къ П. А. (Зубову) — возражалъ онъ Хвостову (24) — всякая просьба, а иначе орудіе къ злоупотребленію, что очень опасно; въ крайностяхъ моихъ къ Г. Г. Ор. (Григорію Григорьевичу Орлову) моему другу я не писывалъ, и ни къ кому; томо послѣ жалился блистатель. Особливо при К. Г. А. (Грм. Алексѣ Потемкинѣ) — часто я ему былъ нуженъ въ видѣ Леониды.

Между тѣмъ это все-таки пришлось сдѣлать, чтобъ избавиться отъ незавиднаго для него занятія постройкою крѣпостей. Нерѣшительно и съ отвращеніемъ написалъ онъ наконецъ нижеслѣдующее письмо, которое потомъ помѣтили 30-мъ числомъ Июля (*). Предъявителя сего, Г. Максимовича, который служить со мною, поручаю некровителству вашего сіятельства.

Я не обременялъ васъ; если благоволите вспомнить обо мнѣ, я по-прежнему вамъ преданъ.

(24) Въ письмѣ отъ 20 июля.

(*) Подлинникъ не отысканъ.

«Видься скоро князю; второстепенныя укрѣпленія пусть довершатъ другой. Вашему сіятельству известно, чего я жажду: это не заветливая жадность почестей или искательство награды, а замыслъ или, по что мое старая, пятидесятилѣтняя привычка, побуждающая меня, гдѣ и съ кѣмъ бы те ни было войскаши, презать атакую мою кровь на алтарь матери отечества. — Поручая себя Вашему покровительству, имѣю честь и т. д.»

Хвостовъ адблалъ на это слѣдующее замѣчаніе: «Прелить свою кровь на алтарь матери отечества» могло бы быть дурно истолковано — а алтарь въ сердцѣхъ. Этой мысли должно бы было дать другой оборотъ. Это «педаштанъ». Въ теченіи десяти дней дѣло должно рѣшиться.»

Не тутъ-то и произошла вышеупомянутая досадная исторія съ недобрымъ именемъ и стизами въ имя Суворова. Первое упоминаніе о ней сдѣлаю Хвостовымъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Хвостовъ къ Суворову.

29-го іюня 1792.

Сію для успокоенія вашего о запискѣ... Оно сдѣлавно было весьма некорошо, иринуно радикальная вина мол.... я самъ оттого былъ сугубъ безъ ѣды и очень досадно. Взярылся, что я попалъ въ чужаго человека. Стизы «почилъ нашъ Геркулесъ» къ вамъ уже отправлены были, отвѣту не было; въ 6 часовъ утра въ Сарское селѣ; П. И. Т. (Турчаниновъ) ушелъ въ верьхъ. А къ Державину. Принялъ грубо претивъ обыкновеннаго, и по открытой душѣ все изповѣдалъ. Г. Р. (Державинъ) мецалать. Я цѣлыя сутки былъ въ Сарскомъ селѣ: не только переувѣрилъ его, но онъ и прочихъ и деликатно я спавалъ сіе и П. И. Т. (Турчанинову) самому...

М. М. Каховскому не хорошо, явное неблаговоленіе. Но собственному постиженію моему — пользоваться обстоятельствами, я тогда же, въ прошедшую пятницу въ Сарское: первый на глаза Г. Р. (Державинъ). — Я: «минута благопріятна, Каховскому не хорошо.» — Онъ: «счасъ не хорошо правда, и близко было скватителъ за много.» Я: «что жед?» Онъ: «теперь все конечно, отъ Кречетникова сей-часъ бригадиръ Гудовичъ. Король подписалъ конфедерацію.» (25) ... Флигель П. И. Т. (Турчаниновъ): «что ты сударинъ мой?» — Я трове о Каховскомъ. — Я: «не знаю ничего; графъ будь спокоенъ.» Дустилъ въ вышаты ваше состояніе.... Я спросилъ: «зачѣмъ Гудовичай?» — «Не знаю.» — Мимо шедъ Ал. Як. Пот. публично возгласилъ, что миръ

(25) Тарговицкую.

спланировали: Я говорю: съ Пашкою кончено, какъ высочайшее начертаніе и слава, но Франція? — въ городѣ говорятъ вѣрно, что ш. Кн. Рининичъ послалъ курьера. «Вздоръ; ради Бога не пишишь графур. допусту его ам бездоконте.» Лучше по возрасту обещаннѣ, немка презываніи... «Его отсюда не возьмутъ» — послѣднее слово П. И. Т. (въ гарнизонѣ замоч. Суворова).

«Молодкія дѣла кончимъ; французскія при концѣ; какъ вѣдомъ лажалъ де-восты, есть время, не ежали въ мѣгъ — отдалить вѣдѣть Кутузова, что весьма бѣдѣ К. Р. (Ремница)... Письмо ваше къ П. А. (Дубову) можетъ послужитъ къ французской экспедиціи, ежели она на стѣ.»

1. Я Державину стили «Геркулесъ не отдыхалъ» явилъ, но ручѣсь головою, ибо его знаю, что они не откроются. Ибо двосмысленъ «Шлибуамъ лѣлѣдъ» (20) «Цышка у барабана» (21):

«... По моему, карьера ваша лишь начата («дессировать») замк. Суворова); П. И. Т. говоритъ: кончена... я ему тѣгостень, но слышанъ вапшнѣ; онъ недавно вздумалъ стучитъ меня бранью, называя шпиономъ вапшнѣ. Я на брань не слотрю. Воспламенѣвъ предѣломъ дѣла иду своею дорогою. Хвастатовъ и прочіе истинно чернѣ («кусокотъ») зпм. Суворова), а онъ армяннѣ (22).

«... Не рѣшавать, но я годенъ; не лишите меня милости и довѣренности вашей — она мнѣ жизнь. Болѣе ничего не хочу... Наставленія ваши мнѣ собственнѣ питаю.»

Суворовъ къ Хвостову.

Кюстенородъ, 29-го июля 1799.

Спѣшу уведомитъ сегодня другимъ курьеромъ. Кажется Дивизіи «Шлибуамъ» маршею дѣла польская кончена и король приступаетъ къ конфедерации, отчего будетъ прежняя конституція; «выбѣги мои въ воду!» — Кутузовъ съ 18,000 къ французамъ — нои уже въ Польше отидѣны и Ренинѣ на образъ Тешенскаго комиссіонера (23).

3 Турки, даже Баннать, спосойны. Илюайской въ С. Н. Б. по Закубанцямъ ничего невначудимъ. Съ королемъ Прусскимъ утверди-

(20) Намекъ на Потемкина, который при какой-то ссорѣ потерялъ глазъ.

(21) Суворовъ написалъ: «тѣнь его (Потемкина) страшна! Ежели кожу на барабанъ, какъ у Цыпки, то будетъ робѣть пугать...»

(22) Армянѣ считали особенно хитрыми, по пословицѣ: «однѣ Греки обманѣтъ османѣтъ, Мадѣтъ, но однѣ Армяннѣ — османѣтъ Грековъ».

(23) Князь Репнинъ велъ переговоры съ стороны Россіи при заключеніи Тешенскаго мира.

тешиной трагатаъ. Съ Готами тинина и Бруншевдгский встуниъ
во франдузскія гранацы и будетъ те, что съ Мошшоу.

(Этимъ, по видимоу, кончилисъ надежды Суворова на действительную военную службу и онъ заключаетъ съ некорреспондентомъ) «Издаю ницъ предъ Божиимъ Провидѣниемъ! Россія возведена на высшую степень. Великая Монархія вѣчна!

«Пишите чаще и ясно. Вѣгайте лѣпоумникъ, ярыгъ, безбожковъ и разбѣлницковъ. Христось съ вами, Натаншою и домашними.»

Суворовъ къ Хвостову:

30-го июля 1792.

.... Г. А. А. (Безбородко) по связи, для самоблюденія, съ Г. Н. И. (Гр. Никол. Салтыковымъ). Назначенъ Каховскій быль К. Г. А. (Шошанкинымъ). — Утвердъ Каховскаго уважительно мнѣ, я не захочу быть въ повелительствѣ у онаго.... хоть я червь—не человекъ, во владѣю еще чувствами... Г. Н. И. (Никол. Салтыковъ) — сой тепчетъ достоинства титломъ старшинства. П. А. (Зубова), замечень члестворными преображеніями; посему кончаю здесь: даю яркости инженеръ-маіору, додѣлка гавени—Презо.

«Примѣйте; пишу, забываю, копій нѣтъ, вы архивъ— въ свое время напоминайте и не престанно соображайте по обстоятельствамъ.»

«Въ Полше: вспомогательный ли корпусъ?— къ Цесарямъ, мойнъ друзьямъ, что вѣрно безъ лѣпоумія ближе; но ближе абидтъ; чужая служба; смерть, все равно, только не забрѣтннкъ Г. Н. И. и Г. Н. С.—сколь же это подло—и такого, что ни одной баталіи не выигрывалъ.—Тюреннъ Мазарину опрокинулъ на карту стаканъ водъ.»

«Еще скажу: въ судьбѣ есть страданіи заплата. Подмзайтеся нещастьямъ. Достоинство зарито—открывайте. Недостинство класпретель... я ползати не могу—вались хоть Вавилонъ.»

П. И. Т. (Турчаниновъ), въ писмѣ, совѣсти: 1-е отгержаніе меня осещью отъ С. П. Б. 2-е наклоненіе мое вызва въ С. П. Б. въ его орудіе гнѣръ, 3-е холодность на то П. А. (Зубова), 4-е отдаленіе П. А. отъ разговоровъ со мною безъ людей, 5-е связь П. А. и Г. Н. И. (Ник. Салтыкова) съ Репнинимъ, 6-е сеге противъ меня гнусные поступки, на то натурально не безъ ободренія, 7-е запутанность и направленіе ярыги Хастатова, 8-е еще въ прошлую осень наклонность препорученія укрѣпленія мнѣ зрой Финляндіи, что безконечно, 9-е для разорванія и права мѣсти—привой женихъ, 10-е Святая недѣля, узоль отзыва П. И. Т. съ злоупо-

требованіи моего желанія, 11-е ублажительное сокровѣніе его о проществіяхъ, 12-е подаваніе его и другихъ видовъ, 13-е злоупотребленіе термина служаща до сей поры важности въ моемъ для васъ письмѣ Г. А. А., 14-е незнаніе мое въ субсистенціи, — о томъ много говорено, 15-е вспомяните изреченіе — бунтовники; это слово П. И. Т. точно не Ревнина, 16-е ужасное его наклоненіе Высочайшаго отзыва! и — ежели правда — злоразсѣяніе его моею для васъ одного записки, для отвращенія чего я бы всё мои деревни Корицкому подарилъ, чтобы онъ не смѣлъ сдѣлать безъ цѣли угодность вынмъ. Я боюсь злоупотребленія письма моего П. А. (Зубову), пусть же послѣднее не приключится, но верхнее отъ болшей части правда и Колумбъ шагъ въ заключеніе — записка, помните, солдатской лай. По всему сему мнѣ одно пристанище у мощей моего отца....

Я къ вамъ ежедневно пишу или ежесуточно, сливая ночь со днемъ въ моемъ колѣбаніи. Въ неписаніемъ, либя много курьеровъ, оставляетъ меня въ страдательномъ недоумѣніи — пишете гораздо чаще.

Забываю вамъ напомнить, чтобы стереглися отъ *бвса полуденнаго* (30) въ насиющемся до честолюбія... ждите удобнѣйшаго времени!..

Суворовъ къ Хвостову (*).

31-го Іюля 1792.

Не опоздалъ-ли я съ моимъ письмомъ къ Платону Александровичу (Зубову)? Не испорчено-ли все черезъ открытіе Корицкимъ моею приписки къ вамъ? («Потемкинъ прилетѣлъ» и т. д.). Я наконецъ испугаюсь: мнѣ показалось это явнымъ предательствомъ. — Книжъ вы могли позволить Корицкому сдѣлать это — ему, который уже много разъ повергалъ меня въ величайшія затрудненія; лучше бы мнѣ потерять всё мои имѣнія. Развѣ вы не подумали, что я мои письма и предположенія, даже касающіяся службы, довѣряю вамъ въ соображеніе съ обстоятельствами, для того, чтобы вы ихъ хорошенку рассмотрѣли, и тѣ, которыя не совсѣмъ гадны, отсылали назадъ, съ объясненіемъ причинъ этого, или же уничтожали ихъ; какъ же вы можете довѣрять ихъ Корицкому, Марченкѣ или про-...

Ваше письмо писанъ, присланномъ съ Максимовичемъ, вы пи-...

(30) Подразумывается жена Хвостова.

(*) Подлинникъ не отыскавъ.

чего не упоминали объ этомъ дѣлѣ, и я едва небыла въ Петербургѣ. Вы были у Турчанинова и не принесли назадъ этого прокламатора; ширма. Если вы не нашли его дома, то должны были дожидаться его, хотя бы болѣе 24 часовъ.

Извѣстите меня подробно, какъ вы получили назадъ это письмо. Откажитесь отъ дести, которая ведетъ только къ дурному, отъ правды; и скажите, какою оборотъ приняло это дѣло и какія мѣры вы приняли, чтобъ отворотить бѣду.

О Боже мой! въ эту игру со мною зашугали тоже и Цолова; у него нѣтъ близкиихъ связей со мною, но съ Каховскими, этого и роковой ходъ дѣла. «Петемкинъ прилетѣлъ» — «Пресмыкающіеся» и т. д. не возстану-ли противъ себя всей этой толпой? И какъ могъ Турчаниновъ рѣшиться показать это письмо не только Державину, но и Попову? Какія причины? Обвиняя его, вы думаете уменьшить собственную вину. Вздоръ! первую причиною всему — вы.

Видясь мнѣ другъ и можетъ вамъ помочь советомъ; нужно только понимать его фразы, и не дѣлать противорѣчившей мнѣи.

Вамъ говорятъ, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ, для моего успокоенія; это могло бы быть въ Успеніе (15 августа). Но тутъ у меня будутъ арлекинады, нужно будетъ поднять флагъ въ гавани въ знакъ окончанія работъ и пр. Разузнайте прежде, не дѣлается-ли это для того, чтобы присутствующаго легче наказать?

«Покорность» — обезьяна отъ чрезмѣрной нѣжности ломаетъ малому дитяти ногу — это обезьянство!

Эти люди для малѣйшей выгоды жертвуютъ отцомъ и матерью, не говоря уже про меня.

Но не хочу оскорблять — *миръ!* — Мнѣ здѣсь хорошо; здоровье же мое поправляю въ Петербургѣ. Нигдѣ не чувствую себя лучше, какъ на волахъ, — хоть куда!

Называйте каждый разъ то лицо, отъ котораго вы передаете что-либо слышанное; если кто скажетъ вамъ это по секрету, то онъ тѣмъ болѣе предатель.

Предательствуя и губя, они ищутъ приемы къ тому, чтобы могъ страдальцѣ; вѣдь можетъ быть и это поведетъ къ какой-нибудь выградѣ.

Ради Бога, возвратите покой душѣ моей, не предавайтесь слезу, держитесь середины между *festina lance* и чрезмѣрною торопливостію. чтобы я былъ приготовленъ увидѣть васъ 20 сентября или въ иной день или никогда!

Мое письмо къ Платону Александровичу не отдавайте. — Родное письмо, надѣюсь, вы взяли назадъ и уничтожили.

Хвостовъ къ Суворову.

31-го юля 1792

И. С. Максимовичъ вчера поутру прѣхалъ, записку вашу мнѣ вручилъ. Сѣйшу, приступая къ дѣлу, возвратитъ курьера вашей запискѣ.

1-ю записку вашу.

Она давно возвращена... большіе листы никогда на у кого не бывали. Никто не свѣдушь объ нихъ, ничье расположеніе къ вамъ не прѣмѣнилось. Огня большія листы, признался мнѣ П. Г. Кориной, какъ отъ васъ врученныя ему, по добродушію своему, показавъ г. Максимовичю, надѣяся на его преданность. Мнѣ до отъѣзда къ вамъ г. Максимовичъ говорилъ о сей запискѣ... Моя обидличная была, исключая васъ, что она попала къ Г. Р. (Державину). Мое дѣло было его успокоить — и успокоилъ, и ежели бы что вышло отъ сей записки, или бы Державинъ къ вамъ пошатнулся, я порука, мое слово вѣрно, и онъ докажетъ опытами. Въ противномъ бы случаѣ гнѣвъ Вашего Сіятельства праведенъ будетъ на меня, но оный мнѣ всегда чувствителенъ. Мои правила въ дѣлахъ: размышленіе, молчаніе, недоверіе; по сему блюденіе вашихъ польсъ для меня священо...

Я вчера въ его комнатѣ, двучасной съ П. И. Т. имѣлъ разговоръ откровенной; въ преданности его къ вамъ нѣтъ сомнѣній; но безнокровность дѣлаетъ робкимъ приступитъ къ дѣйствию. Къ уподобленію васъ мгновенно онъ не видитъ средствъ и остается при письмѣ отъ 16 юля.

Дѣла польскія совершеннѣйше кончены и Понатовскій племянникъ подписалъ конфедерацію; одинъ Малаховскій уѣхалъ въ Кальвабатъ и протестовалъ на короля; въ Краковѣ есть еще не спокойствіе; войска наши въ 12 верстахъ отъ Варшавы и тамъ и зимовать будутъ вѣрно, т. е. часть Кречетникова. Ржевущій и Вьедгурскій прѣхали сюда депутатами. Франціи грозитъ паденіе. Герцогъ Брауншвейгскій къ нынѣшней осени и всѣ силы двинулися. Стоголовная скотина публика послала 2 курьеровъ за К. Радвицкимъ и ждетъ его съ минуты на минуту для командованія корпуса. Истинно о немъ, К. Реп. сіе: отъ П. И. Т. племянника его, кн. Алексѣя Б. Куракиныхъ, что онъ по собственному произволу будетъ въ исходѣ Августа или началѣ Сентября ко двору, какъ подполк. и ген. ад., для пребыванія съ женою. Положеніе его не лутче, еще хуже; но мартинизму.

...дворъ собирается въ Петерговъ, оттоѣ въ Нарву; прѣдлогъ сыщутъ, истинно для доктора, чтобъ сюда не огласить о подаркѣ.

31-го июля. 10 часовъ вечера.

Въ канцеляріи П. Ал. Зубова, Грибовскій (31) утверждаетъ—слуху нѣтъ о посылкѣ корпуса, но симптому; Вал. Ал. Зубову вѣрно позволено ѣхать волонтиромъ въ Кобленръ, такъ же (сіе говорятъ) гв. маіору Корсакову (32). П. И. Т. преточно утверждалъ, что въ то время экспедиціи во Францію не будетъ, что и сбылося вчера же:—я не знаю и не могу (сирѣчь) не смѣю сказать—будетъ ли, не будетъ ли корпусъ во Францію, но избраніе Собственносъ знаютъ всѣхъ и его съ лучшей стороны, и я и всѣ—помогать—портить. Мы всѣ противоборствовали Каховскому. Здѣлалось на-противъ! Онъ утверждаетъ, что всѣ дворскія равныя исполнители. Князя нѣтъ,—никто не смѣетъ пикнуть.

За Гав. Р. (*Державина*) я поручаюсь какъ за себя, что много. Онъ честенъ, бурливъ, открылся—успокоился, и еще паче усерденъ. Въ С.П.Б. безъ намѣренія и плану не зачѣмъ. Сыщутъ не въ Нейшлотъ—въ Кубань; въ случаѣ нужды.

Черви подъядающіи, ихъ паче всего стеречься должно. Г. Хастатовъ (33) получилъ Атестатъ отъ П. Кобурха, присовокупилъ атестатъ Г. М. Познякава о Фокшанахъ, при письмѣ черезъ почту въ собственныя руки, просить креста. Ег. безъ коего дышать не можетъ. Ссылается о храбрости на ваше поручительство, но что атестата отъ васъ не имѣетъ; относитъ на неблаговоленіе... Сіе бездѣлица, не вредъ, но не благодарность досадна. Вотъ доброе сердце. Случитесь вы употреблены, или надобны, Хаст. не дамъ шести мѣсяцевъ, паки старое. Ваша довѣренность—ковчегъ изъ топазовъ. П. И. Т. предупрежденъ, но и отъ васъ, хотя бы и формально,—пристойно. Удостоверены мною, и изъяснить, не благоволенія вашего не было. За усердіе его, Хаст. вы платили своимъ усердіемъ, атестаты даются по правиламъ.

Отъ Хвостова къ Суворову.

1-го августа, день рожд. Напаша. 1792.

Вѣсти Андр. Ив. (*Альтести*) справедливы о Польшѣ; о корпусѣ вчера писалъ—болѣе никто не вѣдаетъ.

(31) Грибовскій в *Альтести* были канцелярскими чиновниками при Зубовѣ.

(32) Въ *Вослѣдствіи*—герой Цюриха.

(33) См. о немъ часть I. Онъ прежде былъ адъютантомъ Суворова.

... послѣдняя страница о *блать по лудамъ* мнѣ обмербленіе до дѣла. Вамъ грѣшно сія помыслить. Опыты докажутъ. Боюсь, что бы не отняло рукъ. Мнѣ предстательство Г. Максимовна у васъ не нужно. Я обстоятельство знаю—о себѣ забылъ и забываю. У меня честолюбія нѣтъ, ибо позне въ 40 лѣтъ (34). Ограничиваюсь случаемъ ждать... крестъ С. В. (Владимірскій), табакерка мнѣ на нужны. Вотъ все истосердечнѣйшее исповѣданіе. Я слуга.

Хвостовъ къ Суворову.

2-го августа 1792.

Я на п. Максимовича не сердить, и его зову къ себѣ, но по амку совѣсть велико дѣло, онъ не ходитъ. (Къ этому примѣчанію Суворова: «зѣло дурно съ болной головы на здоровую. Совѣсть въ Корниномъ глупа и странная, въ Максимовичѣ дружна. Помиртесь же! Я въ зеркалѣ смотрется долженъ и масломъ жаръ не утешавтъ... вежаръ водою потушають»).

... о запискѣ вы теперь усвоены, но я не буду кокетъ никогда уже... глупой няньки (35) меня не оскорбитъ—такъ предателя и монашнина изъ вашихъ устъ. О предосторожности отъ кривыхъ жениковъ. Я съ начала замянулъ уста о выборѣ всякомъ; развухаю что полезно для васъ, что нѣтъ. Ваши приказанія мнѣ святы. Не смѣю даже и помыслить и не буду смѣть вѣсь отъ себя избавить. Изліяіе пылостей чувствъ вашихъ мнѣ всегда спосочно, но мракъ досѣяной на дулѣ дѣло другое. Гр. слава Богу здорова. Впрочемъ я съ особымъ почтениемъ есть и буду и т. д.

Суворовъ раскаялся въ своей горячности и подалъ Хвостову руку примиренія. Послѣдній съ радостію ухватился за нее и обѣщалъ на будущее время быть осторожнымъ; такимъ образомъ прекращено было это досадное дѣло, переговоры о которомъ мы описали въ подробности потому, что характеры всего лучше обнаруживаются въ страстяхъ. Такъ и тутъ у Суворова: въ негодованій и досадѣ за отстраненіе его—горькая насмѣшка и солдатскій лай, какъ онъ его называетъ; сильныя взрывъ и вспышка, при видѣ своихъ задушевныхъ изліаній въ рукахъ противниковъ; онъ страшится, что вся его будущность, самыя тайныя надежды его нѣкогда выказать еще

(34) Хвостовъ родился въ 1753 году.

(35) Глухая нянька—намекъ на взрванное ему наблюденіе за интересами Суворова въ Петербургѣ.

въ себѣ всеннаго волководца, будутъ поставлены въпрямую и разрушаны. Его живое воображеніе рисуетъ передъ нимъ всевозможныя страшныя картины: гнѣвъ его противъ Хвостова, небрежности котораго онъ все это приписываетъ, не имѣетъ границъ. Но когда послѣдній омирено сознается въ своей винѣ, а пугавшія снами опасности являютя ничтожными, онъ тотчасъ же обзабуриваетъ, жалѣетъ о выраженіяхъ, вырвавшихся у него въ яму гнѣва и, протягивая руку примиренія, снова даритъ Хвостова своимъ прежнимъ довѣріемъ.

Въ одномъ изъ писемъ безъ означенія числа и мѣсяца, но писанномъ въ это время (*), онъ дѣлаетъ слѣдующее описаніе своей жизни въ Финляндіи:

... «Великодушная главная квартира въ Выборгѣ. По всераскаянн бѣлы, большой обѣдъ и вечеръ; въ праздники вахтгарды по правиламъ тактики. Я не всегда емлю въ полдень, но всегда кому-оттиться за зайцами или за морскими скорпионами. Въ свое время принимаю рапорты и, ради субординаціи, надѣляю частыми выговорами. Проектовъ не дѣлаю никакихъ и чѣмъ possible кончу, тѣмъ домана останусь нужнымъ. Я послуживъ; пусть теперь послужатъ другіе. Какая противоположность! Вместо ухода за больными, а ихъ донаружу; бѣгаю, скачу кругомъ, какъ дневальной ординарецъ; старое въсто десяти дѣтъ покончить въ одинъ годъ, вместо полдюжидныхъ баловъ помогаю гарваговекикъ изворотомъ; рожу ко всему, гдѣ дѣло идетъ о моей стижіи, и вздыхаю не боюомъ вель, какъ будто бы оно было священною долиною девяти сестеръ; бѣгу напыщенности славою, взирая на наклонность къ ней, какъ на давно-привычное дѣло; удаляю отъ себя ненасытную жажду къ наградамъ, такъ какъ уже осыпанъ ими; въ время водущемни неуклонно слѣдую руководству Минервы и непоколебимо убѣдець, что ничего не совершилъ, пока, въ качествѣ незначительнаго участника, не испущу моего послѣднаго издыханія въ послѣдномъ исполненіи Ея (императрицы) намѣреній».

Едва была прекращена неприятная исторія по поводу злоупотребленнаго довѣрія, какъ новыя неудовольствія ожидали Суворова. Онъ создалъ себѣ свой собственный идеаль солдата, къ которому и хотѣлъ приблизить своихъ подчиненныхъ. Солдатъ, какимъ онъ его

(*) Подлинникъ не отысканъ.

желать, долженъ былъ съ высшею нравственною силою соединить и высшую физическую и желанное здоровье. Солдаты и болѣзненность казалась ему противорѣчiami: больные солдаты были для него противны, госпитали—предметъ отвращенiя. Этѣмъ духомъ онъ старался проникнуть и своихъ подчиненныхъ: на небольшихъ физическое недуги вовсе не долженъ былъ обращать вниманiя, если хотѣлъ быть достойнымъ называться Суворовскимъ солдатомъ; а крѣпкая натура и суровое воспитанiе русскаго простолюдина пособили ему въ этомъ. Только немногiя болѣзни принималъ онъ въ уваженiя, т. е. только такiя, которыя проходили отъ природнаго расположенiя или отъ заразы, и которыхъ не могъ избѣгнуть даже самаго крѣпкаго сложенiя челоуѣкъ; всѣ прочiя, небольшия физическiя страданiя долженствовали быть подавляемы душевною силою, а въ случаѣ нужды—дѣтлою, свѣжимъ воздухомъ и небольшими домашними средствами, какiя воздѣисъ при артеляхъ. «Здоровому—говаривалъ онъ—питье, воздухъ, ѣда; большому тожъ воздухъ, питье, ѣда; — бойся богадѣльни (лазарета); — въ богадѣльнѣ первой данъ мясная посылка, во второй данъ офицерская похлебка, въ третiй данъ въ чай, братецъ, и домовница, къ себѣ и тащить. — Одинъ умираетъ, десятку товарищей хлѣблютъ его смертнй дхъ» (*). Въ этомъ дхѣ дѣйствовалъ онъ, въ этомъ дхѣ писалъ: «нужно совершенно уничтожить грехи; они служатъ только къ тому, чтобы «незнитые припадки» дѣлать еще хуже, потому что заразительный смертоносный воздухъ въ нихъ вредно отражается даже и на здоровыхъ». Эти теорiи, которыя, безспорно, заключали въ себѣ много правды, сличкомъ расходились съ старыми обычаями, чтобы пройти безнаказанно. Все новое, чтобы получить поощрѣнiе, должно имѣть за себѣ успѣхъ; дѣтъ его хоть въ чемъ нибудь, но какой бы то ни было причинѣ, хотя бы изъ-за совершенно постороннихъ обстоятельствъ — новое осуждается приверженцами стараго. Естественно было, что рѣшительныя мѣры Суворова породили нѣсколькихъ недовольныхъ ими; они имѣли своихъ друзей и доброжелателей въ Петербургѣ, особенно во всѣхъ тѣхъ, которые, по какимъ-либо причинамъ, не были друзьями и доброжелателями Суворова. Дужинные люди никогда не прощаютъ необыкновеннымъ ихъ превосходства; известность послѣднихъ на свою высоту или, лучше сказать, на свою низость есть самое любимое ихъ стремленiе. Вскорѣ въ высшихъ военнхъ

(*) Собранiе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В. Суворова, Москва 1816: «Разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ».

управленіяхъ раздались обвиненія и жалобы противъ Суворова: «онъ черезъ мѣру строгъ съ солдатами, гоняетъ ихъ въ дальшіе походы, не принимаетъ въ уваженіе болѣзней, хочетъ даже уничтожить всѣ больничныя заведенія. Онъ не понимаетъ искусства заботливости о войскахъ, слишкомъ утомляетъ солдатъ на общественныхъ работахъ за малую плату, возбуждаетъ недовольство и этимъ подстрекаетъ солдатъ къ бѣгамъ». — То были тяжкія обвиненія, возбуждавшія сильное недовольствіе. Выслушаемъ опроверженіе ихъ самимъ Суворовымъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изложилъ ихъ въ многихъ письмахъ къ главному начальнику военной администраціи, президенту военной коллегіи, графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

«Госпитали давно во зло употребляются; я ихъ не терплю. Полковые и ротные командиры, не радующіе о здоровьи солдатъ, часто въ оныя отправляютъ издалека, и еще съ незватными припядками, и часто чрезъ тотъ транспортъ они вступаютъ педумертвыми въ смертоносный воздухъ отъ умирающихъ. «*Минералы и иреденціи*» (искусственныя лекарства) не по ихъ воспитанію!... У меня ботаническія средства въ артеляхъ. Одинъ изъ медиковъ имѣетъ на своихъ рукахъ сто и болѣе, при невѣжественныхъ надзираемыхъ. Вступя въ командованіе войскъ Финляндіи въ началѣ сего года, Фридрихгамскій и Кюменскій (госпитали) заключали въ себѣ тысячу человекъ. Первые мѣсяцы былъ съ умбрениемъ убытокъ, послѣ въ оныхъ не осталось кромѣ четырехъ болѣзней: чистоты, водяной, камня и венерической, а падающа для свидѣтельства. При отъѣздѣ моемъ было въ Фридрихсгамѣ въ назначеніи въ отставку отъ Невскаго (полка) до 40 человекъ; прочіе въ маломъ числѣ въ лазаретахъ полковыхъ и иныхъ, на то учрежденныхъ. Строгимъ блюденіемъ солдатскаго здоровья *сиоизмъ* (*) мнѣ непріязненъ!

«Скорбуть! пустое!... Нѣтъ въ Финляндіи скорбута, но изривчайно можетъ быть и у меня, коль паче иныхъ болѣзней. Посредствомъ кислой капусты, табаку и хрѣна нѣтъ скорбута, а паче при чистотѣ. Подъ словомъ *отмѣненія* (госпиталей) разумѣю я: *ошроженіе оздоровленіемъ челоовколюбивымъ*. У меня изъ больныхъ въ слабше, изъ сихъ въ хворые, изъ сихъ въ прохладные, откуда уже въ роты; наконецъ въ сихъ послѣднихъ — по малому числу больныхъ не было почти нужды».

Затѣмъ онъ насмѣшливо присовокупляетъ: «У него (т. е. его предшественника) былъ день, въ которой пошло гулять на другой

(*) Т. е. эгоизма, заботящіяся болѣе о себѣ, нежели о больныхъ.

больше или столько, нежели при мнѣ въ 10 мѣсяцовъ, то есть 500 человекъ. Бѣглыхъ на очистку у меня было менѣе 300; у него по одному *Псковскому* полку 700. Прошлаго года при Брюсѣ и Германѣ я во внутренности войти не могъ. Послѣдній завелъ Кюменской гофшпиталь, въ которомъ умирало по 50 человекъ въ недѣлю....» (*).

Относительно усиленныхъ маршей, въ которыхъ его упрекали, онъ выразился такъ: «Въ началѣ прежней войны отъ Ладоги до Смоленска въ грязь и слякоть мертвой одинъ, слабыхъ поддюжины; въ разбѣгѣ по Уральской степи взадъ и впередъ ни одного мертваго; съ корпусомъ за Кубань и Лабу отъ Копыля одинъ мертвой; за Дунай съ корпусомъ въ прежнюю войну до Козлуджи мертваго ни одного, а въ Измаилѣ учредилъ гофшпиталь... Кончу, какъ оздоровѣли въ Тавридѣ гофшпитали, паки для заведенія оныхъ мнѣ подрядчики давали задатку 7,000 рублей» (**). — «З...мъ (***)», что вы блжжете съ роту, развѣ у меня вамъ худо, скажите по совѣсти?— Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ тысяча рублей.— Откуда?— Отъ мертвыхъ солдатъ» (****).

Но какъ клеветы продолжались, то онъ потерялъ терпѣніе и выразилъ президенту военной коллегіи свое справедливое неудовольствіе: «Государственной военной коллегіи извѣстно, что я во время командованія Финляндской дивизіею, чрезъ 10 мѣсяцовъ имѣлъ умершихъ болѣе 400, бѣжавшихъ свыше 200, а больныхъ, слабыхъ и хворыхъ оставилъ свыше 300 человекъ. Сіе довольно обличаетъ клевету, недоуміе и лжесвидѣтельство. Хотя оное теперь оставляю: но ввредъ за такія плевелы буду государственную военную коллегію утруждать о разбирательствѣ, поелику мнѣ честь службы священна!» (*****).

Потворство, съ которымъ принимались всѣ взводимыя на него обвиненія, раздражало его и дѣлало для него пребываніе въ Финляндіи все болѣе и болѣе невыносимымъ. Съ этого времени письма его дышать еще болѣе тоскливымъ желаніемъ уйти оттуда. Онъ

(*) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки : письма графомъ Николаю Ивановичу и Ивану Петровичу Салтыковымъ.

(**) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки: письмо графу Ивану Петровичу Салтыкову.

(***) Принадлежавшій къ штабу Суворова.

(****) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки: письмо Петру Ивановичу Турчанинову.

(*****) Тамъ же : письмо графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

обращается ко всѣмъ, кого полагаетъ вліятельнымъ: къ Турчанинову, Безбородко, Зубову. Долго это оставалось тиѣтнымъ: Турчаниновъ былъ боязливъ и ненадеженъ, Безбородко предупрежденъ противъ него, Зубовъ равнодушенъ. Если кто могъ помочь, такъ послѣдній, потому что въ настоящее время былъ солнцемъ, къ которому все обращалось: его всемогущество распространялось на всѣ отрасли управленія, такъ какъ старость и сопряженныя съ нею немощи, да и вообще женскія качества препятствовали императрицѣ Екатеринѣ наблюдать за всѣмъ столь же зорко, сколько прежде. Чрезъ совершенно покорнаго ему Николая Салтыкова, Зубовъ господствовалъ надъ военнымъ управленіемъ; кромѣ того ему, какъ фельдцейхмейстеру, было подчинено управленіе инженерною и артиллерійскою частями; виѣшними дѣлами онъ руководилъ посредствомъ еще болѣе послушнаго орудія—Аркадія Маркова, котораго онъ вывелъ и противопоставилъ Безбородкѣ. Столь же значительнымъ было его вліяніе и на внутреннія дѣла: словомъ—онъ замѣнилъ Потемкина въ могуществѣ и силѣ, но не въ умѣ, проницательномъ взглядѣ и политической мудрости, которые послѣдній, не смотря на всѣ свои значительные недостатки, выказывалъ всюду и преимущественно въ выборѣ своихъ орудій. Все преклонялось теперь передъ Зубовымъ, какъ прежде передъ Таврическимъ, и хотя онъ сначала держалъ себя скромно, но не устоялъ противъ слабости человѣческой природы и скоро превзошелъ послѣдняго въ высокоуміи и силѣ. При такихъ качествахъ его, Суворову, который (какъ онъ самъ говорилъ) не умѣлъ ни пресмыкаться, ни интриговать, мало оставалось надежды, а потому и дѣло о переводѣ его на югъ, не смотря на старанія его и друзей его, затянулось еще до самой зимы. За это старикъ отомстилъ дорькою насмѣшкой и, кажется, имѣлъ въ виду преимущественно самаго Зубова и его ближайшихъ помощниковъ: Маркова (35), Альтес-

(35) Марковъ, Аркадій Ивановичъ, родился въ Москвѣ, въ 1747 году; онъ былъ сынъ надворнаго совѣтника, рано обнаружилъ хорошія способности и, въ слѣдствіе знанія нѣмъ иностранныхъ языковъ и особенно ловкаго владѣнія французскимъ, въ 1764 году былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Черезъ четыре года онъ былъ назначенъ въ посольство въ Испанію, въ качествѣ переводчика; въ 1772 г. секретаремъ посольства въ Варшаву; въ 1775 г. совѣтникомъ нашей миссіи въ Гаагѣ; въ этомъ же званіи переведенъ въ 1776 году къ Рещину въ Константинополь и въ 1779 г. получилъ званіе канцелярія (или статскаго) совѣтника. Такъ какъ въ коллегіи на него было возложено составленіе французскихъ депешъ и актовъ, то онъ имѣлъ случай привлечь на себя вниманіе императрицы и въ слѣдствіе

ти (36) и Грибовскаго (37), когда говорилъ о «триумфѣ Терзитовъ».

Нѣкоторыя выдержки изъ современныхъ писемъ его могутъ изобразить волновавшія его мысли и чувства.

того въ 1782 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ министромъ въ Гаагу, а затѣмъ въ 1785 г. въ Стокгольмъ. Въ слѣдствіе жалобъ Густава III на него, императрица отозвала его въ Петербургъ, произвела въ дѣйствительные статскіе совѣтники и снова обратила его къ занятіямъ по иностранной коллегіи. Тутъ онъ принималъ участіе во всѣхъ тогдашнихъ договорахъ русскаго двора. Когда Безбородко отправился въ Яссы, для заключенія мира, Марковъ, благодаря покровительству Зубова, довѣріемъ котораго вполне обладалъ, приобрѣлъ первенствующее значеніе въ коллегіи и все болѣе и болѣе оттѣснялъ Безбородку. Тогда внѣшнія дѣла очутились въ рукахъ его и Зубова. Онъ былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ и т. д. — (Съ вступленіемъ на престолъ императора Павла прекратилось вліяніе его и его покровителя, Безбородко снова возвысился, а Марковъ удалился въ свои помѣстья. Императоръ Александръ снова вызвалъ его, какъ и вообще всѣхъ служившихъ Екатеринѣ, и назначилъ его посланникомъ при консульскомъ дворѣ въ Парижъ. Но здѣсь онъ своимъ высокомеріемъ навлекъ на себя общую ненависть и немало содѣйствовалъ разрыву между Россіей и Франціей. Императоръ Александръ отозвалъ его и дѣятельность Маркова, какъ государственнаго человека, кончилась. Онъ умеръ въ 1827 году, 80 лѣтъ отъ роду). — Мелочной въ своихъ идеяхъ, интриганъ характеромъ и высокомерный въ обращеніи, онъ вездѣ, гдѣ ни былъ, приобрѣлъ мало любви къ себѣ. Одна черта, которую рассказываютъ о немъ, можетъ характеризовать его. Разъ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ разговаривалъ съ первымъ консуломъ о садоводствѣ и убедилъ его сойти съ нимъ въ садъ. Но когда они были уже вблизи у дверей, Марковъ приказалъ подать свою карету и откланился, высокомерно торжествуя, что перехитрилъ консула и заставилъ его проводить себя до дверей. Одна эта черта рисуетъ всего человека.

(36) Альтести, уроженецъ Рагузы, изъ купеческой лавки въ Константинополѣ былъ переведенъ русскимъ посланникомъ Булгаковымъ въ собственную его канцелярію. Когда началась война, онъ сталъ искать счастья въ Петербургѣ и, по своему знанію языковъ, попалъ въ канцелярію Зубова, довѣріе котораго умѣлъ приобрести, и сдѣлался главнымъ дѣльцомъ его. Ему принадлежитъ написанное въ послѣдствіи сочиненіе противъ Польшковъ (*Mémoires sur la révolution de Pologne, St. Pétersbourg, 1792, 8, 76 страницъ*), которое немало увеличило его значеніе въ глазахъ Зубова и при дворѣ, хотя было въ высшей степени жалкимъ произведеніемъ: плоско, надутъ и пресполюнено лицемернаго усердія и гнѣва. Тутъ посыпались на него награды; такъ, въ то время, цѣнились нравственныя заслуги, хотя имъ оказанная была весьма незначительна, потому что брошюра его понравилась, можетъ быть, только въ Петербургѣ и давно забыта. Онъ получилъ послѣ этого въ свои руки почти всѣ дѣла, касавшіяся Польши, и при этомъ немало обогатился; въ равной степени возрастали его гордость и чванливость, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми малообразованными. При вступленіи на престолъ императора Павла дѣятельность всѣхъ этихъ людей была прекращена, и Альтести, вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, удаленъ.

(37) Грибовскій, сынъ священника, имѣлъ еще менѣе школьнаго образованія;

О неприятностях по поводу госпиталей онъ писалъ въ началѣ августа Хвостову:»

«Я въ судебномъ бассеймѣ углубленной,—легко утопить! Здесь: смертельность относимая на меня по работамъ. На себя принятое шестидесяти-лѣтнее—въ одинъ годъ, по сему конечная разстройка войскъ.

«П. И. Т. (*Турчаниновъ*) плащъ по вѣтру: гдѣ не обманъ, тамъ онъ самъ обмануть т. е. направленъ благовидностію.... бойтесь робкости изменъ, не верте тенетному лѣпоумію....»

Другое письмо обнаруживаетъ его надежды и желанія: «Здѣшнія вихри одинъ несетъ меня на Кубань, другой съ Кавказами, третій въ Херсонъ до Очакова. Я готовъ, лучше послѣднѣе, лучше дать играть судьбѣ: я здѣсь слѣпъ.

«Прежде противъ меня бѣсъ К. Г. А. (*Потемкинъ*) но съ благодѣянїями, а нынѣ безъ нихъ 7 бѣсовъ: Луциферъ Мартинистъ, Асмодей благочестивой, Астаротъ Иванъ Ц. съ прочими бесятами безъ щету.....»

Въ другомъ письмѣ онъ жалуется: «Тонкій Веймарнъ, великій Руманцовъ, мудрой Вяземской, имѣють и конецъ. Репнинъ на колесѣ, Г. Н. С. (*Никол. Салтыковъ*) вертеть, Г. И. С. (*Иванъ Салтыковъ*) мажетъ, тебѣ кончатся: и за то на чертѣ лишь бы было съ честью».

На доскуткѣ бумаги читаемъ слѣдующее: «Безъ денегъ, безъ мызы и саду, безъ экипажа и ливрѣи, безъ банкета: тако безъ друзей и безъ славы; никому не равенъ — желать ли мнѣ быть ровнымъ?... Безъ имѣнія я получилъ себѣ има — судите — никому не ровное.

«Его (*Безбородки*) прїатели Зав. (*Завадовскій*) Г. А. Р. В. (*Александръ Воронцовъ*) питаются вѣрхнимъ. Свойство мое — къ отечественному употребленію—не въ инструментъ.

«Прошлолѣтнѣе блистающѣе, наступающѣе солидное мнѣ здѣсь дѣло и жаль съ легка кончить. 3-е лѣто важенъ Роченсалъ (сойти можетъ) и внутренности Вильманстранда—Давидовская чуть Нейшлотъ. 4-е педантизмъ—окончаніе башни въ морѣ».

межели Альтести; сначала былъ писцомъ въ канцеляріи Потемкина; оттуда перешелъ къ Зубову, въ два года выслужился въ полковника и раздѣлялъ съ Альтести кредитъ, которымъ пользовался послѣдній; и онъ также прїобрѣлъ большое богатство, которое однако же скоро и промоталъ. Паденіе его покровителя повлекло за собой и его собственное.

«Безбородно въ свое время удалить меня въ дѣйствующей департаментъ, какъ то всегда со мною было: и при К. Г. А. (Потемкинъ) не былъ-ль въ 1-й разѣ?»—

Сображаясь съ этимъ, онъ писалъ къ Безбородкѣ:

Каналъ при Келке Слѣдъ, 27-го сент. 1792.

Ваше Сіятельство помните ваши жиѣ благодаренія чувствительныя по мой гробъ, обновите ихъ! не предавайте меня моимъ завѣщаніямъ, я имъ не мѣшаю, изобилую милосердіями Великой Монархини хотя еще на другія пятьдесятъ лѣтъ службы. Не отсылайте меня на дальновидныя предопредѣленія: я не закулисной солдатъ. Здѣсь другой легко окончить.

Вы министр! настоять дѣло съ Франціею: число войскъ важной предлогъ, победительнымъ оружіемъ я сражался съ 500 съ 5,000 противъ десяти численныхъ, и Галлы не Прусакъ. Нѣтъ себѣ, есть вакансія Кречетникова. Въ сомракѣ моемъ остаюся и пр.

Онъ самъ въ сентябрѣ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы подкрѣпить свое прошеніе, и, черезъ Безбородко, передалъ письменную просьбу императрицѣ. Все напрасно. Онъ впалъ въ глубокую горестъ; но тутъ нижеслѣдующее письмо отъ Хвостова снова возстановило его.

Хвостовъ къ Суворову.

15-го октября 1792.

Письмо ваше и всѣ вложенія сегодня получилъ и спѣшу возвратить курьера; Петру Ивановичю ваше письмо показывалъ и оно паки у меня. Онъ сказалъ, что предувѣдомилъ П. Ал. (Зубова) о прибытіи вашемъ, и самъ онъ васъ ждетъ *всю правду сказать*. К. Репн. долго отрѣкался немецкимъ языкомъ, и наконецъ Рижской Г. Губ.—Отъѣздъ его медлится приготовленіемъ людей сильныхъ въ языкѣ и нравахъ, но долженъ послѣдовать въ исходѣ сего мѣсяца необходимо. П. Ив. (Турчаниновъ) признается, что онъ ему для васъ бельмо на глазу, и что сіе ему *retraite*. Государыня крайне занята Фр. дѣлами. Король въ заточеніи срамномъ, королевство уничтожено, республика объявлена. Къ вѣщему прискорбію Эстафетъ пріѣхалъ; что за болѣзнями, недостаткомъ провіанта и фуража союзныя арміи отступили, кончили компанію и вошли въ переговоры. Сюды обращеніе глазъ и близновидность сущая. Ежели зимой не передѣляется, наша честь потребуетъ сильно ударить и —не мѣсто Ген. Порутчика. П. Ив. говорить, что вы теперь один,

«столбам Каховскаго». Но лишь бы съ крѣпостію и терпѣніемъ, не выстаивая».

..... по настройкѣ К. Реп. изволила пакъ отозваться «съ полъ» съ крайнею осторожностію. Письмо ваше къ Г. А. А. (*Безбородко*) къ стати было, онъ предувѣдомленъ, и всё способы даны, и не вредить. Записку вашу и письмо къ П. А. (*Зубову*), по отъѣзду К. Реп. ясно ненужима, не вручу.

Турецкія — виѣсть съ дальновидностію близковидность. Французъ, что и въ газетахъ есть, очень работаютъ ихъ разстронть, и сіе будетъ часть наша..... Словомъ—или Франція, или Херсонъ, вотъ куды цѣлить должно.....

Замѣчаніе Суворова: «Сіе писмо мнѣ душу облегчаетъ.»

«Если Репинъ губернаторомъ, то онъ не воспрепятствуетъ моему переводу въ Херсонъ. Николай Салтыковъ ничего для этого не сдѣлаетъ; но я надѣюсь на Безбородко. Здѣсь я чувствую себя, какъ въ аду» (*).

Суворовъ ошибся относительно расположенія къ нему Безбородки; послѣдній по видимому раздѣлялъ всеобщее предубѣжденіе противъ Суворова. Изъ дневника Храповицкаго (ноябрь 1792 г.) видно, что Безбородко былъ очень недоволенъ, когда въ послѣдствіи Суворову вѣрено было начальствованіе надъ войсками на турецкой границѣ. «Онъ всѣхъ изнурить, говорилъ онъ, и будетъ ихъ также гонять, какъ въ Финляндіи. Намъ нуженъ человекъ, который бы все щадилъ, подготавливалъ и доставлялъ сюда подробныя извѣстія, такъ какъ Турки производятъ большія вооруженія. Суворовъ, напротивъ, будетъ писать Турчанинову однѣми загадками.»— Это было выраженіемъ господствовавшаго при дворѣ мнѣнія о Суворовѣ; только одна императрица въ своей прозорливости составила себѣ лучшее о немъ мнѣніе и она-то, не смотря на сопротивленіе своихъ министровъ, и возвратила его наконецъ къ настоящему его призванію. Какъ вѣрно она оцѣнивала дѣла, даже при недостаточныхъ данныхъ, доказываетъ слѣдующая черта, о которой Хвостовъ въ это время увѣдомилъ Суворова. Императрица спросила Репина: «Говорятъ, что герцогъ Брауншвейгскій отступилъ (изъ Шампаніи)»?—*Репинъ*: «Онъ сдѣлалъ это, какъ мудрый и ве-

(*) Послѣдніе ея замѣтки въ подлинникѣ не отыскано.

лиий полководецъ, потому что не пошелъ далѣе, какъ безумный, и не подвергъ всего войска своего опасности погибали.»—*Иллера-трича* иронически : «Я не желаю, чтобъ мои генералы были столь мудры.»—Ея вроничательный взглядъ отличалъ мудрость, которая предварительно все спокойно взвѣшиваетъ и затѣмъ дѣйствуетъ рѣшительно, отъ слабости характера и нерѣшительности, которая такъ любитъ выдавать себя за мудрость, ничего не предвидяетъ и потому всего пугаются, то превозносятся кичливостью, то впадаютъ въ малодушіе, хотять и не хотять и, прибѣгая къ одиѣмъ полумѣрамъ, приводятъ наконецъ и себя, и другихъ къ гибели.

Еще незадолго до своего избавленія, Суворовъ, почти въ совершенномъ упадкѣ духа, писалъ Хвостову 23 окт. 1792 г.: «Сего дня исполнилось 50 лѣтъ! (т. е. со времени вступленія его въ службу, которое, значить, слѣдуетъ отнести къ 23 окт. 1742 г.). У Салтыкова (президента военной коллегіи) значить только старшинство, а не достоинство: тутъ разставлены сѣти, и для меня нѣтъ тутъ мѣста; подъ покровомъ ласкательныхъ словъ я уничтоженъ. И кто поможетъ мнѣ? развѣ плащъ по вѣтру (Турчаниновъ)? — Пора до бурь гавани поискать» (*).—Часто, когда послѣдняя надежда исчезаетъ, помощь всего ближе. Въ ноябрѣ онъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, и его старанія были счастливы. Подстрекательства и происки республиканскихъ Французовъ въ Константинополѣ, старанія ихъ снова возбудить Турцію къ войнѣ противъ Россіи, дабы удержать послѣднюю отъ участія въ борьбѣ съ Франціей, ихъ обѣщанія дѣятельной помощи, какъ флотомъ, такъ и сухопутными войсками, наконецъ имѣли успѣхъ, и сильныя вооруженія и приготовленія Порты заставляли съ вѣроятностію предвидѣть скорый разрывъ едва заключеннаго мира. Кого, въ такихъ обстоятельствахъ, всего приличнѣе можно было бы противопоставить Османамъ, какъ не человека, который долго наводилъ страхъ на нихъ? Это рѣшило дѣло, и 10 ноября 1792 года воспослѣдовалъ рескриптъ Суворову, въ которомъ было сказано: «Графъ Александръ Васильевичъ! Препоручивъ въ начальство Ваше войски, расположенныя въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и во вновь-приобрѣтенной области, возлагаемъ на Васъ и всѣ предположенныя для безопасности тамошнихъ границъ, и опробованныя Нами по проектамъ

(*) Подлинника не отыскано.

Инженеръ-Маіора де-Волана въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленій, немедленно привести къ исполненію, истребовать подлежащіи свѣденія отъ Генералъ-Маіора и правителя Екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго, касающіяся какъ до опробованныхъ всему тому плановъ, такъ объ асигнованной на то суммѣ и всѣхъ нужныхъ для того пособіяхъ. Мы совершенно полагаемся на усердіе, дѣятельность и искусство ваше, что все предположенное Нами къ обезпеченію тамошнихъ предѣловъ наилучшимъ образомъ и къ особой Нашей благоугодности вами исполнено и устроено будетъ» (*).

Это было двойнымъ порученіемъ: начальствованіе надъ арміею и укрѣпленіе границы; отозваніе отъ ненавистныхъ построекъ крѣпостей, но и порученіе другихъ такихъ же. Это доказывало довѣріе императрицы и довольство ея тѣмъ, что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ; но сколько одно порученіе его обрадовало, столько другое было для него противно; только виды на имѣвшую скоро возобновиться военную дѣятельность противъ непріятели, съ которымъ онъ столь часто со славою сражался, заставляли его не обращать вниманіе на все остальное и съ радостію и восторгомъ принять новое доказательство довѣрія обожаемой имъ государыни.

Такимъ образомъ онъ снова долженъ былъ постепенно вступить на новое, или, лучше сказать, на старое свое поприще.

Въ заключеніе приводимъ еще нѣкоторыя черты, служащія для ознакомленія съ старымъ вѣкомъ; о необыкновенныхъ людяхъ интересны и мелочи, и мы до сихъ поръ еще благодарны Плутарху за многія небольшія черты его героевъ, которыя рисуютъ человѣка и безъ него навсегда пропали бы для насъ.

Лѣтомъ этого года стихотворецъ Ермилъ Костровъ (+1796) посвятилъ Суворову свой переводъ Оссіана—весьма блѣдный снимокъ, потому что былъ переведенъ съ французскаго перевода, сдѣланнаго съ англійскаго перевода или скорѣе обрѣзка старыкъ галлическихъ пѣсней, исполненнаго Макферсономъ. — Но и въ этомъ видѣ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на стараго воина, подобно тому, какъ въ то же время и на другаго, юнаго воина, имя и слава котораго скоро должны были исполнить весь міръ. Переводъ этотъ воодушевилъ Суворова къ поэтическому подражанію; но какъ направленіе ума у старика

(*) У Смитта приведена только сущность начала этого рескрипта, но здѣсь онъ приведенъ вполне изъ Собранія писемъ и анекдотовъ о Суворовѣ и пр. Москва 1814.

было болѣе сатирическое, нежели эпическое, то и произошла своеобразная, полу-шуточная снѣсь. Вотъ подобное посланіе въ оссіановскомъ тонѣ, которое онъ адресовалъ Хвостову:

«Странствую въ сихъ каменомышштыхъ мѣстахъ, пою изъ Оссіана; о въ какомъ я мраке! прозявающей темноту лучъ деннаго свѣтила дарить меня: переводъ съ аглицкаго

Оставшихъ тѣней всѣхъ предѣвшихъ пораженъевъ
Пятнадцать тысячъ вихрь подъ Мачивъ накопиль.
Герой ударялъ въ нихъ, въ Чаготъ свой возопилъ!
Здесь самъ визирь и съ нимъ сто тысячъ привидѣнъевъ.

«Облесталъ Нейшлотъ, я вознесенъ туда на крыльяхъ легкаго вѣтра исходящаго изъ нѣдръ Кутвенетайполя, проходящъ пустыню Пумалы, содрагаю отъ стремины дольнѣй. Обратясь, я въ Кевкеншильдѣ; брега его не столь облачены камнемъ—какъ въ Кутвенетайполе где еще не успѣли омшится, и здесь толко видна ихъ бахрама. Возри на сей донной плитникъ: сто сухихъ дубовъ его пожигаютъ безконечно. Составъ изъ лены мещеть его въ густыя облака, они падаютъ и воздухъ наполненъ мглою. Но что я вижу! толстота земли изгибается подъ непрозрачными волнами быстротечнаго Сайма. Гдѣ мой другъ Штейнгель ⁽³⁸⁾. Въ объятіяхъ ли его любезной супруги, или въ бесѣдѣ съ душами пересѣленными въ густые туманы, онъ повергаетъ меня въ уныніе, умножаетъ мою печаль летящую съ Юга. О Барды! воспойтѣ тамошнюю радость поелку о ей отъ Куддѣевъ слыхали, скоро ли меня перенесутъ тамошняя орлы въ тѣ медомлечная страны гдѣ я толяко упраздился съ бранноносцами, и гдѣ бы я тонкой воздухъ въ вапе спѣшное время наполненной зеэирами пріятно раздѣлилъ хотя на рогѣ мира».

Такъ онъ постоянно возвращался къ той же мысли—перемѣщенію на югъ. Чтобъ доказать нуждавшемуся переводчику свою благодарность за наслажденіе, доставленное ему Оссіаномъ, и за посвященіе онаго, Суворовъ хотѣлъ сдѣлать Кострову значительный подарокъ и даже назначить ему пенсію послѣ своей смерти. Но, какъ обыкновенно бываетъ, приближенные возстали противъ этого и адъютантъ Суворова Курисъ писалъ по этому случаю 16-го августа 1792 Хвостову:

(38) Въ то время полковникъ генеральнаго штаба, въ послѣдствіи генералъ, извѣстный по походу 1812 года.

«Костровъ сочинитель на имя Его Святѣйшества перевелъ съ французскаго на Руской древнего воина *Osciana* подобнаго подполковника Графа. Онъ заботится чемъ наградить его. Разъ мыслить—вдуть 500 рублей; потомъ—производить по смерти Графа 400 рублей въ годъ. Последнее нечему и не имѣетъ виду. Первое очень много. А кажется 200 или 300 р. приличнѣе подарить. Какъ вы изволите думать—решите».

Какъ въ этомъ случаѣ Кострову, такъ и другимъ нуждавшимся Суворовъ втайнѣ оказывалъ свою благотворительность, о которой мы ничего не узнали бы, еслибъ не существовало еще указаній его на это Хвостову. Точно такъ же онъ поддерживалъ обѣихъ сестеръ своихъ, Горчакову и Олешеву, годовыми пенсіями, равно и нѣкоторыхъ бѣдныхъ офицерскихъ вдовъ. Слѣдующее письмо къ его повѣренному въ дѣлахъ Хвостову свидѣтельствуетъ объ этомъ:

«Ежегодныя деньги 1,500 р. въ первыхъ числахъ изъ Ундала М... М... прямо доставлять ей. — Капитанше Мейеръ извольте ей опредѣлить 100 р. въ годъ, отдавать вдругъ 1-го Генваря... теще Анне Васильевнѣ (*Горчаковой, тещѣ Хвостова*) изъ оброку 225 р. отвози прямо»...

Далѣе мы увидимъ еще другія черты его добросердечія, благотворительности и готовности помогать; любимой его поговоркой было: «добро дѣлать не слѣдуетъ медлить ни минуты.»

Въ вышеупомянутомъ сборникѣ генералъ-адъютанта князя Суворова существуетъ еще одно письмо къ нему отъ сестры Маріи Васильевны, которое мы приведемъ здѣсь по причинѣ его наивности:

«Батюшка братецъ графъ Александра Васильевичъ за присылку грибовъ покорно благодарю посылаю тебе мой батюшка бергамотъ 20; кушій на сдаровья. Прашу Бога о продложеніи тебя здаровья, цалую твои ручки остаюсь покорная и благодарная сестра твоя Марья Олешева.»—Въ другомъ письмѣ къ Хвостову, онъ говоритъ въ припискѣ: «Сестрица Марья, не стыдно-ли тебѣ, до сихъ поръ не умѣешь писать правильно.» (*)

Еще прежде, нежели Суворовъ покинулъ Финляндію, онъ получилъ отъ своей государыни новое доказательство ея великаго довѣрія къ нему: онъ былъ обязанъ не только представить предположеніе, какъ окончить начатыя постройки, но и указать мѣры, которыя слѣдовало бы принять въ случаѣ новой войны съ Швеціей. Неизвѣстно, какія предположенія онъ сдѣлалъ и воспользовались-ли

(*) Подлинникъ не отысканъ.

ими при позднѣйшемъ завоеваніи Финляндіи; но положительно извѣстно только то, что они заслужили полное одобреніе императрицы.

Къ концу 1792 года, Суворовъ, полный великихъ надеждъ и ожиданій, отправился къ новому назначенію своему въ южную Россію. Но какъ ему должно было обмануться въ нихъ! Онъ надѣялся на улучшеніе своего положенія, а сдѣлалъ его еще хуже. Въ Финляндіи его удручали маленькія страданія, здѣсь же его должны были постигнуть большія и онъ попалъ въ такія непріятныя, запутанныя обстоятельства, что наконецъ, въ отчаяніи, хотѣлъ пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и удалиться изъ отечества. То были испытанія судьбы, которыя всего чувствительнѣе поражаютъ достойнѣйшихъ; униженія, предшествующія возвышенію и находящіяся въ соотношеніи съ нимъ; затмѣнія, служащія къ тому, чтобы еще болѣе усилить блескъ послѣдующаго сіянія!

Мы оставляемъ его на пути туда и возвращаемся къ польскимъ дѣламъ (которыя въ теченіе 1792 года потерпѣли сильный переворотъ), для того, чтобы представить ихъ въ связи и какъ введеніе къ послѣдней катастрофѣ, которую произвелъ мечъ Суворова.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792-Й ГОДЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.—ПЕРЕВОРОТЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ.—ТАРГОВИЦКІЕ КОНФЕДЕРАТЫ.

Беззаботность въ Варшавѣ.—Двѣ крайне-противуположныя партіи.—Потоцкіе, Ржевускіе, Бранниціе обращаются къ Россіи.—Предостереженія Деболя къ Петербургу.—Королю предоставляется почти неограниченная власть.—Разъясненіе тогдашняго положенія Польши.—Отказъ курфюрста саксонскаго.—Императрица Екатерина вооружается съ цѣлю низпроверженія новой польской конституціи.—Она склоняетъ на свою сторону вѣнскій и берлинскій дворы.—Проектъ Тарговицкой конфедераціи.—Иструкція Булгакову.—Настроеніе умовъ въ Варшавѣ.—Русскій манифестъ 7/1 мая.—Ближайшія обстоятельства при передачѣ манифеста и послѣ.—Неудачная поѣздка Игнатія Потоцкаго въ Берлинъ.—Постановленія сейма и его отсрочка.—Учрежденіе конфедераціи въ Тарговицахъ.—Состояніе польской арміи.—Первыя мѣры Понятовскаго.—Русская армія и планъ дѣйствій ея.—Сила и распредѣленіе украинской арміи.—Русская армія переходитъ черезъ границы.—Дѣла при Любарѣ.—Очищеніе Полознаго.—Бой 7 (18) іюня при Зѣлищахъ.—Понятовскій отступаетъ къ Острогу.—Переговоры о перемиріи.—Дальнѣйшее отступленіе польской арміи.—Она отступаетъ за Бугъ.—Дѣйствія въ Литвѣ.—Планъ дѣйствій русско-литовской арміи Кречетникова.—Сила и распредѣленіе арміи.—Ходъ военныхъ дѣйствій.—Провозглашеніе литовской конфедераціи въ Вильнѣ.—Дѣло при Мирѣ.—Михаилъ Забѣлло принимаетъ начальство надъ литовско-польскою арміею въ Гродно.—Онъ отступаетъ за Бугъ.—Верховный военный совѣтъ въ Варшавѣ.—Каховскій переходитъ черезъ Бугъ у Кладнева.—Бой при Дубенѣ 7 (18) іюля.—Каховскій преслѣдуетъ польскую армію за Любарѣ.—Дѣло при Грабовѣ 15 (26) іюля.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Теперь Поляки имѣли свою новую форму правленія и ликовали; но вмѣсто того, чтобы напрягать всѣ силы и всею мощью отстоять это пріобрѣтеніе, они погрузились въ обычную свою беззаботность и, вмѣсто устройства войска, финансовъ и другихъ средствъ къ своей оборонѣ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ занимались установленіемъ правилъ дѣлопроизводства для отдѣльныхъ отраслей управленія, мелочными ссорами, празднествами

и кознями партій. — Эта беззаботность заключалась въ самомъ характерѣ націи. Вполнѣ занятый настоящимъ, Полякъ не предусматриваетъ даже самой ближайшей будущности и не въ состояніи считать даже вѣроятнѣйшихъ послѣдствій. Оттого и столько необдуманныхъ, даже безразсудныхъ поступковъ, къ которымъ они искони увлекались легкомысліемъ и буйностью своего характера, и въ слѣдствіе которыхъ довели наконецъ государство свое до паденія. Теперь, не заботясь ни о чемъ въ мірѣ, они предались обычной склонности къ наслажденіямъ: никогда не жилось такъ весело въ Варшавѣ, какъ въ этомъ году (1). Уже слышались издали глухіе раскаты грома, но они не пробуждались изъ своего упоенія. Вѣсть о заключеніи мира въ Яссахъ, развязавшаго руки Русскимъ, хотя испугала ихъ, но лишь на одно мгновеніе. Такъ какъ не послѣдовало тотчасъ разрыва, то они уже вовсе и не ожидали его. Они низпровергли, попрали ногами то, что было утверждено и гарантировано дипломатическими договорами, и питались надеждою, что это преспокойно сойдетъ имъ съ рукъ. Драгоценныя минуты пропадали безъ пользы, и ничего не было сдѣлано для лучшихъ: приготовленія къ войнѣ и обороны страны.

И еслибы еще существовало въ націи согласіе; но далеко было до этого. Правда, молодежь, менѣе разсуждающая, нежели надѣющаяся и желающая, была вполнѣ за новую конституцію, въ которой думала видѣть залогъ будущаго величія Польши. Но люди зрѣлаго возраста, болѣе обращавшіе взоры на прошедшее, еще были привязаны къ стариннымъ формамъ польской необузданности, которую называли свободой. Землевладѣльцы, сельскіе дворяне вздыхали о большихъ налогахъ, съ трудомъ ими собираемыхъ, о затрудненіяхъ къ сбыту своихъ сельскихъ произведеній со времени мира, объ угрожавшихъ бѣдствіяхъ войны, имѣвшихся въ виду. Такимъ образомъ партія, настроенная противъ новыхъ перемѣнъ, или партія воспоминанія, была немногимъ слабѣе партіи въ полнѣ перемѣнъ или партіи надежды. Она состояла даже изъ людей съ большимъ вѣсомъ, владѣльцевъ, опытныхъ, которые по этой самой причинѣ не раздѣляли одушевленія, буйности молодыхъ людей или надѣявшихся, которые всѣ свои надежды и желанія возлагали на будущее и на свою неиспытанную силу. — Къ тому жѣ господствовавшая теперь партія, въ силу новой конституціи, имѣла въ своихъ

(1) Это свидѣтельствуетъ Фридр. Шульцъ (Reise eines Livländers). Онъ состоялъ въ это время въ свѣтѣ самой герцогини курляндской въ Варшавѣ.

рукахъ всё средства къ устрашенію и наказанію, армию, казну, суды, и всякое возстаніе, всякое сопротивленіе было строго сдерживаемо и наказываемо. Поэтому недовольные не смѣли шевелиться; только нѣкоторые изъ вождей ихъ, слишкомъ уже выставившіе себя, какъ-то *Феликсъ Потоцкій*, *Северинъ Ржевускій* и нѣкоторые другіе, исполненные злобы, покинули страну, дабы огласить иностранные дворы своими воплями объ угнетеніи свободы своего отечества. Такимъ образомъ польскія ссоры и раздоры возникли теперь въ Дрезденѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, точно также, какъ и въ Варшавѣ, потому что и господствовавшая партія послала туда своихъ приверженцевъ, для противодѣйствія первымъ. Потоцкій и Ржевускій изъ Вѣны, Антонъ Четвертинскій и другіе предводители изъ Варшавы отправились въ концѣ осени 1791 года въ Яссы, чтобы склонить въ свою пользу могущественнаго Потемкина, но нашли только трупъ его и долго оставались въ Яссахъ, не зная что дѣлать. Тутъ къ нимъ присоединился и *Браницкій*, который, подъ предложеньемъ пріянія наслѣдства жены своей, племянницы Потемкина, не безъ труда ускользнулъ изъ Варшавы, откуда его не хотѣли выпускать. Они въ совокупности просили дозволенія прибыть въ Петербургъ, получили оное только по заключеніи 29 дек. 1791 (9 янв. 1792) мира съ Турками и въ февралѣ 1792 г. поспѣшили туда. Здѣсь они явились какъ преслѣдуемые, изгнанники, лишеныя политическими врагами своими, бывшими и врагами Россіи, своихъ званій и имѣній, просили императрицу о защитѣ и о возстановленіи прежней гарантированной ею конституціи. Они были приняты радушно и съ участіемъ. «Какъ не принять ихъ, сказала императрица одному изъ довѣренныхъ у нея лицъ (2), одинъ изъ нихъ уже тридцать лѣтъ другомъ Россіи, а другой изъ врага сдѣлался другомъ.» — Теперь и польскій посланникъ въ Петербургѣ, Деболи, началъ бить тревогу въ Варшавѣ и посылалъ туда самыя ужасныя вѣсти о козняхъ эмигрантовъ, о вооруженіяхъ Россіи и обширныхъ ея планахъ, о недовольствіи императрицы противъ короля и націи. — Въ апрѣлѣ онъ сообщилъ положительное извѣстіе, что скоро разразится гроза. Это произвело наконецъ испугъ въ Варшавѣ и тамъ поспѣшно принялись теперь за то, на что имѣли времени цѣлыя годы, но не воспользовались ими. Теперь всё мѣры стали приниматься въ торопяхъ: начали вооружаться, разрѣшили продажу староствъ, какъ за-

(2) Дневникъ Храповицкаго.

логъ займовъ, имѣвшихъ быть совершенными, прискивали искусныхъ офицеровъ и генераловъ, и вели переговоры съ иностранными дворами. Но принятая въ самыя послѣднія минуты, мѣры эти заводали. Все настойчивѣе, все грознѣе становились предостереженія Деболи изъ Петербурга: тогда коноводы господствовавшей партіи употребили искусственный маневръ, чтобы при грозившей опасности спасти шею свою отъ петли, избѣгнуть негодованія и проклятій націи, и избавиться отъ всякой отвѣтственности за свои поступки. Именно, вмѣсто того, чтобы совокупными силами, какъ бы слѣдовало, самимъ стать передъ пропастью, они положили передать всю власть королю и предоставить ему выпутать себя и страну, какъ можетъ, изъ опаснаго положенія, въ которое поставили ее—адскій планъ, внушенный, вѣроятно, Коллонтаемъ. Еслибы спасеніе удалось, то они были довольно близко, чтобы снова захватить кормило правленія и приписать себѣ всю заслугу; а еслибы пришлось пасть, какъ было вѣроятнѣе, предъ превосходствомъ силъ противника, то имѣлся человекъ, на котораго можно было свалить всю вину. Они, которые всю свою жизнь жаловались на слабость и непостоянство короля, заводозрѣвали его образъ мыслей, перичали его покорность волѣ царицы, вдругъ явились исполненными довѣрія къ его силѣ, твердости и проницательности, до того, что рѣшились предоставить ему совершенно неограниченную власть надъ казною, войскомъ и даже судами: все было передано ему, предоставлено въ его распоряженіе; это значило: вытаскивай государственную колесницу изъ болота, въ которое мы погрузили ее. Откуда вдругъ явилось у нихъ это неограниченное довѣріе?—Король, съ своей стороны, всю жизнь свою бывшій связаннымъ по рукамъ, признававшій новую конституцію зрѣлымъ плодомъ своихъ ученій, въ сердечной радости объ оказанномъ ему довѣрїи, о неограниченной почти власти, которою его облекли, не разглядѣлъ разставленной ему за этимъ сѣти: ибо, принявъ на себя всю власть и верховное руководство дѣлъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и всю отвѣтственность, и прежніе руководители и производители дѣлъ, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Коллонтай и ихъ товарищи, могли при неудачѣ, которую легко было предвидѣть, невинно умыть себѣ руки и обвинить и осудить короля за всѣ, дѣйствительно или мнимо учиненныя имъ ошибки. Они и сдѣлали это честно, и то проклятїе націи, которое собственно должно было бы пасть на нихъ самихъ, за ихъ неискусныя политическія продѣлки, навлекли на короля: они первые подняли на него камень и предали его общественнымъ ненависти и проклятїю. И среди

бури событій, возмущавшихъ тогда всю Европу, имъ дѣйствительно удалось до такой степени ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, что сами они явились какъ бы гонимыми святыми, политическіе же противники ихъ, которыхъ они, подѣ названіемъ «русскихъ партизановъ», всячески старались заклеить, были признаваемы величайшими злодѣями. И однако: *Ulaeos intra muros recessatur et extra!* Ни тѣ, ни другіе не были ни столько добродѣтельны, ни такими злодѣями, какъ ихъ изображали. Но все же возбуждается чувство отвращенія, когда видишь, что злость и низость, если только кричать очень громко, почти всегда торжествуютъ надъ безвинностью и слабостью, которыя молчатъ, а неразумительность вторитъ затѣмъ ихъ клеветамъ.

15 апрѣля сеймовый маршалъ Малаховскій представилъ сейму планъ, по которому 1) королю предоставлялась полная власть привести государство въ оборонительное положеніе и для этого располагать войсками по своему усмотрѣнію; 2) ему дозволялось призвать изъ-за границы двухъ или трехъ искусныхъ генераловъ (чему прежде такъ сильно противились на сеймѣ), для предводительствованія арміею, какъ равно хорошихъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, и назначать имъ чины, содержаніе и награды (шлѣлось въ виду совѣтъ устранить великихъ гетмановъ, какъ уже прежде устранены были гетманы); 3) комиссіи скарбовой (скарба или казны) давалось приказаніе сдѣлать въ Польшѣ или за границей заемъ въ 30 милліоновъ польскихъ злотыхъ (5 мил. тал.), какъ только король признаетъ это нужнымъ, и обезпечить оный продажей староствъ; 4) королю предоставлялось право, изъ суммъ скарбовой комиссіи или изъ займа, 10 мил. злотыхъ употребить на необходимыя оборонительныя мѣры, а въ случаѣ объявленія войны, откуда бы оно ни послѣдовало, потребовать и всю сумму. (Только въ томъ была бѣда, что всѣ суммы, находившіяся въ комиссіи скарбовой или въ воеводскихъ комиссіяхъ, составляли едва 9 мил. злотыхъ (1½ мил. тал.) (2), а заемъ могъ быть заключенъ очень не скоро). 5) Министры стража должны были, чрезъ два мѣсяца, представлять сейму отчетъ объ израсходованіи означенныхъ суммъ, какъ скоро кто-либо изъ членовъ сейма того потребуетъ. (Это была лазейка, которую партія сохранила себѣ, дабы, когда сочтетъ это выгоднымъ, снова захватить въ свои руки все управленіе).

Такимъ образомъ сеймъ полагалъ, что постановленіемъ рѣшеній

(3) Делегата Булгакова отъ 7 (18) апрѣля 1792.

исполнилъ всё свои обязанности; будутъ-ли они приведены въ исполненіе или исполнимы-ли они, о томъ онъ не заботился;—и на этихъ-то рѣшеніяхъ, между постановленіемъ и исполненіемъ которыхъ лежала глубокая пропасть, клевета основывала въ послѣдствіи обвиненіе: «Что королю предоставили милліоны, *непомпрныхъ* средства и *нужныя* для обороны государства военныя силы, вѣрили ему всю республику, которую онъ затѣмъ предалъ» (4).—Но надобно замѣтить, что эти рѣшенія были постановлены 16-го апрѣля 1792 г., за четыре недѣли до открытія военныхъ дѣйствій; слѣдовательно, что можно было сдѣлать въ такое короткое время? ибо, безпечно проспавъ три года, предстояло еще сдѣлать все; а что касается до *непомпрныхъ* средствъ, то мы хотимъ разсмотрѣть ихъ нѣсколько ближе и руководствоваться при этомъ небольшимъ сочиненіемъ, не бывшимъ въ продажѣ, которое появилось въ 1792 г., въ Варшавѣ, подъ заглавіемъ: *Opinion sur le roi de Pologne*, и приписывалось то Тенгоборскому, то, съ большею вѣроятностію, самому королю (5).

«По введеніи конституціи 3-го мая, сказано тамъ, требовалось увеличить армію, озаботиться объ оружіи и денежныхъ средствахъ; но и безъ того значительные налоги не дозволяли возвысить ихъ, дабы не устроить совершенно націю. Безъ налоговъ не было денегъ, безъ вѣрной ипотеки не возможенъ былъ заемъ. Ипотѣки (обезпеченія) займа искали въ продажѣ староствъ; но какъ эта мѣра неприятно затрогивала многія сотни богатѣйшихъ людей въ странѣ, то дѣло это не подвигалось ни легко, ни скоро; оно тянулось цѣлый годъ. Но въ продолженіе этого года дѣла измѣнились вездѣ вокругъ; Польша была въ состояніи представить достаточное ипотечное обезпеченіе займовъ не прежде, какъ уже буря бушевала на ея границахъ, а въ слѣдствіе того именно, что она бушевала, замкнулись и кошельки, и того элемента, безъ котораго не возможно вести войны—не стало. Далѣе, слѣдовало вооружить дворянъ и горожанъ; король постоянно напоминалъ объ этомъ, но ему возражали: «Если мы вооружимъ всю націю, то здѣсь случится тоже, что и во

(4) Это пишетъ не какой-нибудь пустоголовый изъ большой толпы, но ученый, признаваемый особенно свѣдущимъ въ этихъ дѣлахъ, хотя онъ большею частью повторяетъ слова жалкихъ сочиненій Коллонтая и Феррана, именно—*Ледевель*, въ своей исторіи Польши, 2 изд. Лейпцигъ 1847, стр. 382.

(5) Что сочиненіе это не можетъ происходить ни отъ кого иного, кромѣ самаго короля, доказываетъ находящееся въ Московскомъ государственномъ архивѣ продолженіе его въ рукописи, написанное все собственною рукою короля.

Франціи: масса, почувствовавъ свою силу, не позволить управлять собою и захочетъ сама управлять сеймомъ, и мы обратимъ всю страну въ огонь и пламя. Когда буря поднимется противъ насъ извнѣ, тогда мы дадимъ оружіе въ руки націи». Король же возражалъ: «Дабы въ минуту опасности дать народу оружіе, мы должны имѣть его въ готовности, но у насъ нѣтъ его; наши недавніе оружейные заводы изготовляютъ едва 2,000 ружей въ годъ; поэтому ихъ надобно привезти изъ-за границы». Но и этого можно было достигнуть лишь поздно. Послали уполномоченныхъ, но въ Пруссіи и Саксоніи имъ не позволили закупать оружіе; Австрія самой нужно было ея оружіе; въ прочей Германіи все скупили для себя французскіе эмигранты. Слѣдовательно оружіе нужно было заказать, но на это требовалось нѣсколько мѣсяцевъ, а когда оно было готово, его уже нельзя было употребить. Закупили въ другихъ странахъ, но король прусскій задержалъ его при провозѣ—этого нельзя было ожидать отъ такого союзника! Такимъ образомъ, ничего необходимаго для войны не было, въ то самое время, когда появилась грозная русская декларация (отъ 7 (18) мая 1792), а за нею слѣдомъ и русская армія.»—Затѣмъ онъ продолжаетъ разъяснять другія превратныя мѣры: «Почему вся польская армія не была собрана въ началѣ 1792 г. на русской границѣ?—Почему Іосифъ Понятовскій, назначенный начальствовать ею, не былъ тогдаже посланъ въ Украйну?—Почему во всей Литвѣ не было сдѣлано ни малѣйшихъ военныхъ приготовленій?—Въ продолженіе цѣлаго года тщетны были всѣ домогательства короля у сейма, чтобъ привести войска въ надлежащее положеніе, а почему?—Потому что мелочные, частные интересы были причиною, что многіе военные, и именно тѣ, которые всѣхъ громче кричали на сеймѣ, упорно противились всякому улучшенію состоянія войскъ и всѣмъ мѣрамъ комиссаріатскимъ, безъ которыхъ невозможно было принести ни палатокъ, ни кожевеннаго матеріала, ни пороху, ядеръ, картечи и всѣхъ прочихъ потребныхъ военныхъ запасовъ, безъ которыхъ однако никто не въ состояніи вести съ успѣхомъ войну. Когда принцъ Іосифъ спрашивалъ: «Гдѣ мои магазины, мои военныя депо, для пополненія военной убили?—какой пунктъ въ Украйнѣ будетъ моимъ плацдармомъ (складочнымъ пунктомъ), ибо одинъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ необходимъ?—гдѣ мнѣ устроить военные госпитали?—гдѣ военные хирурги и медикаменты?—гдѣ я найду свою резервную артиллерію, лошадей, обозъ и запасные лафеты?—кто будетъ интендантомъ для продовольствованія войскъ? кто будетъ моимъ генераль-квартирмей-

«стеромъ?»—На все это ему отвѣчали: «Мы озаботимся скорѣйшею поставкою всѣхъ этихъ военныхъ запасовъ и будемъ высылать ихъ по мѣрѣ изготовленія. Будьте сами своимъ генераль-интендантомъ и генераль-квартирмейстеромъ; совершите такіа чудеса, какія совершили мы, приведя армію въ три года изъ 18,000 въ 55,000 человекъ, изъ которыхъ почти половина конницы. Правда, половина этой конницы не имѣетъ понятія о регулярныхъ строѣ и дѣйствіяхъ; сѣдла, узды, огнестрѣльное оружіе не имѣютъ должнаго образца;—но нельзя медлить, надобно спѣшить на границу, собрать войскъ сколько можно и защищаться какъ можно. Мужество и любовь къ отечеству должны замѣнить все прочее».—Такъ говорилъ и король своему племяннику, посвящая его общественной службѣ, а племянникъ отвѣчалъ, вздыхая: «Иду, я Полякъ, но иду какъ на смерть, и еще на самую худшую, ибо жертвую моимъ добрымъ именемъ».—Ему приходилось защищать 100 (700 верстъ) миль протяженія отъ Могилева на Днѣстрѣ до Лоева на Диѣпрѣ, едва съ 24,000 войскъ, раздробленныхъ по этой длинной линіи, даже до Полоннаго, на малые отряды, и это Полонное, отстоявшее на 50 миль (350 верстъ) отъ Днѣстра и Диѣпра, должно было служить ему плацдармомъ, но укрѣплять его стали только 6-го мая, когда принцъ Юсіфъ уже выѣхалъ изъ Варшавы. Прибывъ въ главную квартиру свою Тульчинъ, онъ не нашелъ тамъ и 2,000 человекъ. Въ этомъ центральномъ пунктѣ онъ долженъ былъ собрать свои разсѣянные отряды, изъ которыхъ многіе были удалены оттуда болѣе нежели на 50 миль (350 верстъ), между тѣмъ какъ изъ Кіева, Балты и Могилева шли противъ него три непріятельскіе корпуса, изъ которыхъ каждый равнялся силою почти всей его арміи.—Ему именно было предписано, ни въ какомъ случаѣ не допускать отрѣзать своего сообщенія съ Варшавою. Это приказаніе почти столько же стѣсняло его, сколько и всѣ прочія неблагопріятныя обстоятельства, и однако оно было необходимо для сохраненія сообщенія съ нимъ и постепеннаго доставленія ему артиллеріи, боевыхъ снарядовъ, палатокъ, денегъ, словомъ всего, чего ему недоставало.—Что наконецъ сказать о Литвѣ, гдѣ только тогда начали формировать 8 вторыхъ баталіоновъ, недостававшихъ еще подкамъ; гдѣ былъ совершенный недостатокъ въ артиллеріи и всѣхъ предметахъ вооруженія? Туда все нужно было посылать изъ Варшавы, все изготовлять въ Варшавѣ. Нуженъ былъ генераль, къ которому Литовцы имѣли бы довѣріе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣтшій и достаточно искусства за границей. Когда ко-

роль прусскій отказалъ во всёхъ генералахъ (6), то думали найти желасмаго генерала въ принцѣ Лудвигѣ Виртембергскомъ (7). Король назначилъ его. Извѣстно, какъ онъ отказался отъ начальствованія (8), когда Русскіе уже заняли половину страны.—Таково было положеніе дѣлъ, когда сеймъ передалъ королю верховное начальствованіе на время войны. Король чувствовалъ тяжесть отвѣтственности, возлагаемой на него; личный интересъ его требовалъ бы отказаться отъ этого; но онъ долженъ былъ принять оное, дабы избѣжать упрека: «что во время бури не захотѣлъ взяться за коромысло».

Въ это время, въ концѣ апрѣля 1792 года, и курфирстъ саксонскій, долгое время державшій Поляковъ въ недоумѣніи касательно престолонаслѣдія, приказалъ вручить, чрезъ своего комиссара въ Варшавѣ, графа Лёбена, отвѣтъ, почти равносильный отказу. Мудрый государь, которому слишкомъ хорошо извѣстно было положеніе дѣлъ въ Европѣ, опасаясь навлечь несчастіе на собственные свои, любимыя родовыя земли, уклонился отъ принятія престола, надъ которымъ видѣлъ готовую разразиться грозу. Въ этомъ отвѣтѣ онъ обращалъ вниманіе: *во-первыхъ* на неизмѣнныя, основныя законы конституціи 1768 года и на включенныя въ русскую гарантію 1775 года четыре статьи трехъ дворовъ, въ силу которыхъ статей Польша должна была оставаться *избирательною державой*; онъ ссылался на протестъ Штакельберга отъ 5 ноября 1788 г. противъ всякой перемѣны, на отвѣтъ сеймоваго маршала отъ 17 ноября 1788, гдѣ было ясно сказано: «въ случаѣ, если потребуется перемѣна конституціи, Поляки обратятся къ тремъ дворамъ съ переговорами»; — и заключилъ: «и такъ пусть обратятся къ тремъ дворамъ».

Во-вторыхъ онъ выражалъ свои сомнѣнія касательно новой конституціи. «Достаточно законенъ-ли былъ актъ 3-го мая?» спрашивалъ онъ. Признано-ли было число голосовъ достаточнымъ и законнымъ? Не требовалось-ли для этого *свободнаго сейма*, (9) которому

(6) Преимущественно желали имѣть генерала Калкрёйта, о чемъ долго переговаривались.

(7) Онъ былъ женатъ на дочери старшаго Адама Чарторыйскаго и поддерживаемъ партією Чарторыйскихъ.

(8) Онъ писалъ королю прусскому: «Что онъ не предприметъ ничего противнаго интересамъ великой княгини, сестры своей». — Письмо было перехвачено, и принцъ, лишенный начальствованія, былъ принужденъ удалиться изъ страны.

(9) Въ противоположность конфедераціонному, какимъ былъ продолжитель-

предшествовали бы обыкновенные провинциальные сеймы? или, по крайней мѣрѣ, не долженъ-ли былъ настоящій сеймъ, для рѣшенія объ этой конституціи 3-го мая, предварительно созвать эти сеймы, какъ то сдѣлано было относительно закона о престолонаслѣдіи? (10) — Многія воеводства протестовали противъ престолонаслѣдія, слѣдовательно земскіе послы дѣйствовали противно своимъ наказамъ.

Въ-третьихъ онъ требовалъ, чтобъ королю оставлено было *безусловное veto*, неограниченное ни временемъ, ни чѣмъ-либо инымъ; иначе король не въ состояніи воспрепятствовать никакому злу, никакой несправедливости. Для короля въ особенности важно такое *veto* при конституціонныхъ сеймахъ, имѣвшихъ собираться чрезъ каждыя 25 лѣтъ, для исправленія конституціи, равно и въ томъ случаѣ, если сеймъ захочетъ предпринять несправедливую войну.

Въ-четвертыхъ курфирстъ предоставлялъ себѣ выдать дочь свою замужь, независимо отъ престолонаслѣдія.

Въ-пятыхъ онъ требовалъ полного права помилованія, а не такъ, какъ оно было ограничено въ конституціи.

Въ-шестыхъ королю слѣдовало предоставить верховное начальствованіе войсками также и въ мирное время, и право во всякое время отрѣшати генераловъ отъ начальствованія.

Наконецъ *въ-седьмыхъ* онъ требовалъ, чтобы войско присягало впродъ, какъ то и прежде было, только королю и республикѣ; ибо если оно будетъ присягать *націи*, а потомъ королю, то тѣмъ дано будетъ солдатамъ право или по крайней мѣрѣ предлогъ входить сначала въ разбирательство, согласно-ли дѣло, за которое они должны были поднять оружіе, съ конституціей или нѣтъ. Вообще присяга, раздѣлявшая націю и короля, могла бы подать поводъ къ различнымъ, опаснымъ толкованіямъ, такъ какъ подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ *нація* всегда скрывалась господствовавшая партія.

Эти возраженія, дѣлавшія честь мудрости курфирста, служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвеннымъ осужденіемъ торопливаго, неконституціоннаго способа, которымъ націю надѣлили врасплохъ новою конституціею и прикрыли многіе изъ самыхъ существенныхъ недостат-

ный сеймъ съ 1788 по 1792 г.; ибо, по польскому государственному праву, рѣшенія конфедерационнаго сейма, чтобъ быть законными, всегда должныствовали еще прежде быть утверждены свободнымъ сеймомъ.

(10) Но еслибы захотѣли соблюсти эти условія, то конституція эта никогда не состоялась бы. Какъ дѣло одной партіи, она была взята и осуществлена только немедленно, итурномъ и съ устраненіемъ всѣхъ существовавшихъ законовъ.

ковъ ея—истины, неприятныя для учредителей новой конституціи и заставляющія ихъ сомнѣть объ избраніи курфюрста (11). Но прежде, нежели они успѣли дать удовлетворительный отвѣтъ на эти сомнѣнія, дѣла приняли такой оборотъ, который лишь вполнѣ ясно показъ всю основательность этихъ сомнѣній.

Лишь только императрица Екатерина освободилась отъ войны съ Турками, какъ начала обращать все свое вниманіе на польскія дѣла. Еслибъ она и не хотѣла придавать значенія всѣмъ нестворкамъ въ словѣ и дѣлѣ, причиненнымъ ей и ея подданнымъ высокочтимыми Поляками въ послѣдніе четыре года, то все-таки она никакъ не могла допустить, чтобы всѣ, гарантированныя ею учрежденія (справедливо или несправедливо было ручательство за нихъ) и даже постановленныя послѣдними договорами съ Пруссіей и Австріей, внушенныя политикою правила относительно Польши, были изпровергнуты; чтобы приверженцы ея и всѣ сторонники Россіи были изгоняемы, преслѣдуемы, притѣсняемы, между тѣмъ какъ противная партія хвастала и немало чванилась своею побѣдой; словомъ, чтобы вліяніе Россіи на Польшу, существовавшее со временъ Петра Великаго, при ней, продолжательницѣ его дѣйствій, было совершенно уничтожено. Ея могущество и достоинство требовали отъ нея не дозволить доселѣ покровительствуемому сосѣдному народу упорствовать противъ нея и издѣваться надъ нею. Поляки забыли или пренебрегли политикою слабыхъ, которую такъ настоятельно внушалъ имъ король ихъ, въ знаменитой рѣчи своей 6-го ноября 1788 года: «не мѣшаться въ споры сильныхъ, но удаляться отъ нихъ.» Они всячески вмѣшивались въ эти споры, заключая союзъ и дружбу съ однимъ противъ другаго и стараясь, гдѣ только могли, вредить одному другому и ставить его въ затруднительное положеніе. Теперь они должны были ожидать послѣдствій своей неразумной политики, если только можно назвать политикою страстныя внушенія заблужденной массы народной.

Хотя императрица и имѣла такимъ образомъ твердое намѣреніе изпровергнуть все, безъ нея и вопреки ея сдѣланное въ Польшѣ, но тутъ возникло тяжкое недоумѣніе. Прусская политика, безъ вѣрной путеводной звѣзды со смерти Фридриха Великаго, клонившаяся

(11) Вотъ почему условія курфюрста, при обнародованіи ихъ, были искажены партией, и всѣ обвинительныя противъ нихъ замѣчанія запрещены. Того, кто хочетъ удостовѣриться въ этомъ, отсылаемъ къ изложенію этихъ условій у Феррана III, 170 и согласно съ нимъ у Лелевеля стр. 326 въ примѣчаніи.

ся то туда, то сюда, опиралась то на одно, то на другое государство, прежде на Англию, Швецію, Порту, теперь, въ внезапномъ поворотѣ или лучше сказать крутомъ оборотѣ, на Австрію. Въ союзномъ договорѣ съ этой державой, предварительно постановленномъ 25-го іюля 1791 года, потомъ ближе обсужденномъ въ Пильницѣ и наконецъ дѣйствительно заключенномъ 7-го февраля 1792 года, обѣ державы постановили въ 3-й секретной статьѣ, какъ мы видѣли выше (12): «что все происшедшее въ послѣднее время въ Польшѣ, и именно конституція 3-го мая, должно быть сохранено въ цѣлости». Слѣдовательно, чтобъ низпровергнуть это, слѣдовало быть готовымъ къ рѣшительному сопротивленію означенныхъ двухъ державъ. Какъ устранить его или по крайней мѣрѣ лишить оное силы? Два способа представлялись къ тому: устраненіе дѣйствіемъ или убѣжденіемъ; стараясь занять договаривавшіяся державы въ свои мѣстѣ и дѣлами болѣе важными; или обративъ вниманіе каждой изъ нихъ отдѣльно на ея особенные интересы и ясно показавъ имъ претворѣчіе послѣднихъ съ ихъ договорами. Императрица предприняла то и другое, и, благопріятствуемая обстоятельствами, съ успѣхомъ. Смуты во Франціи, постоянно возрастающія, проповѣдуемыя тамъ ученія, грозившія гибелью всѣмъ престоломъ, позорное обращеніе съ королевскимъ семействомъ, бѣгство и заточеніе его, наконецъ надежда насильственнымъ вмѣшательствомъ положить конецъ грозившему оттуда злу; все это было побудительными причинами, которыя императрица старалась внушить ближе всѣхъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ государямъ, императору Леопольду и королю Фридриху-Вильгельму прусскому, показавъ при этомъ рѣшимость и съ своей стороны употребить всѣ усилія для подкрѣпленія дѣйствій, направленныхъ къ столь похвальной цѣли. «Я ломаю себѣ голову, сказала она Храповицкому (13), какъ бы замѣшать вѣнскій и берлинскій кабинеты въ дѣла Франціи. Развѣ я не права? Есть столько причинъ, которыхъ нельзя высказать; я хотѣла бы вмѣшаться въ дѣла, чтобъ развязать себѣ руки; у меня столько нероконченныхъ предпріятій, а тѣмъ надо дать занятіе, чтобъ они не могли мѣшать мнѣ». Фридрихъ-Вильгельмъ, по рыцарскому духу своему, готовъ былъ на все и жаждалъ военной славы: онъ уже ознаменовалъ себя въ Голландіи какъ освободитель угнетеннаго царственнаго рода, за что осыпанъ былъ похвалами; еще заман-

(12) См. отд. III стр. 175 и 176.

(13) См. Дневникъ его, 14 декабря 1791 г.

члѣмъ была надежда спасти и французскую королевскую фамилію, возстановить правильный порядокъ во Франціи и возвести этимъ Пруссію на высшую степенъ значенія и военной славы. Сверхъ того воспоминаніе о Россбахѣ, легкій успѣхъ въ Голландіи, наконецъ увѣренія разсѣянныхъ воюду французскихъ эмигрантовъ, заставляли смотрѣть на это предпріятіе, какъ на дѣло, не сопряженное съ большими затрудненіями; Фридрихъ-Вильгельмъ полагался при этомъ также на свою армию, богатую геройскими подвигами, на своихъ полководцевъ, друзей и учениковъ Фридриха Великаго. — Осторожище казался императоръ Леопольдъ — онъ не любилъ войны — онъ только что кончилъ такую, которая нанесла странѣ тяжкія раны; — но нетерпѣливые люди въ французскомъ національномъ собраніи сами побуждали къ войнѣ, дабы, пользуясь увеличившимися смутами, ввести во Франціи республику со всѣми ихъ правительственными идеалами, между тѣмъ какъ способные изъ нихъ къ войнѣ, подстрекаемые честолюбіемъ или корыстолюбіемъ, рассчитывали на военную славу или награбленныя сокровища. Такимъ образомъ преемникъ императора Леопольда, Францъ II былъ противъ воли вовлеченъ въ войну съ Франціей и тѣмъ отвлеченъ отъ Польши. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, союзникъ его, былъ обязанъ помогать ему только 20,000 чел. войскъ; но приведенныя выше причины, поощренія императрицы Екатерины, а можетъ быть и нѣкоторые собственные, тайные виды побудили его дать обѣщаніе возстать со всѣми своими силами противъ французскихъ нарушителей покоя. Переговоры по этимъ дѣламъ возстановили снова дружественныя сношенія съ Петербургомъ, и этимъ воспользовалась императрица, чтобъ обратить вниманіе короля на истинные интересы прусской государственной политики, какіе постоянно имѣлъ въ виду великій его предшественникъ. Они требовали: 1) не допускать усиленія Польши, ибо величіе Польши было упадкомъ Пруссіи; 2) не допускать саксонскій домъ, ближайшій соудъ Пруссіи, до польскаго престола. Саксонія, въ соединеніи съ Польшею, опутала бы нѣкоторымъ образомъ Пруссію; Польша, возвышенная лучшими государственными учрежденіями и наследственнымъ престоломъ, въ союзѣ съ Саксоніей стѣснила бы только-что возникавшее и усиливавшееся могущество Пруссіи во всѣхъ ея предпріятіяхъ и наконецъ, можетъ быть, со всѣмъ подавила бы ее; ибо нельзя было рассчитывать на то, чтобы Пруссіа постоянно производила однихъ Фридриховъ. Эти уваженія были представлены прусскому двору во врученной посланнику его въ Петербургъ, графу Гольцу, такъ называемой изустной нотѣ отъ 17-го февраля 1792 года.

Въ ней было сказано: «Въ продолженіе дружественныхъ сообщеній и объявленій, происходившихъ между петербургскимъ и берлинскимъ дворами, по поводу событій во Франціи, министерство ея королевскаго величества сдѣлало нѣкоторыя замѣчанія относительно польскихъ дѣлъ, имѣвшихъ, по видимому, цѣлью узнать мнѣніе ея величества по сему предмету. Послѣ счастливаго окончанія всѣхъ причинъ къ спорѣ между обоими дворами, нельзя было бы видѣть въ этой попыткѣ прусскаго министерства одно простое любопытство и еще менѣе желаніе вывѣдать намѣренія Россіи, дабы потомъ противодѣйствовать имъ. Императрица, оцѣнивая настоящія намѣренія прусскаго монарха относительно нея по тѣмъ, какія она имѣетъ относительно его, и совершенно допуская равенство существующихъ между ними по этому предмету интересовъ, не могла, по сей причинѣ, видѣть въ этой попыткѣ что-либо иное, кромѣ желаніе сблизиться другъ съ другомъ и согласиться о предметѣ столь очевидной важности для обохъ. Ея величество уже и ранѣе съ полною довѣренностію соотвѣтствовала бы этому желанію, еслибы не была намѣрена сперва привести къ концу миръ съ Турками. Такъ какъ теперь онъ уже заключенъ, то она и спѣшитъ изложить мысли свои относительно предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

«Если дѣло 3-го мая прошлаго года должно сохраниться и утвердиться, то нельзя сомнѣваться, что Польша, образовавъ съ Саксоніей одно государство и вновь устроившись, составитъ силу, могущую имѣть значительное вліяніе на своихъ сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться для нихъ весьма неудобною. Конечно, Россія имѣетъ при этомъ только охранять протяженіе своихъ границъ; но Пруссія, кромѣ того, должна обратить свое вниманіе на Германію, въ которой Саксонія, посредствомъ этого соединенія, значительно выиграетъ во вліяніи и могуществѣ. Это обстоятельство могло бы подать поводъ къ серьезнымъ размышленіямъ и склонить Пруссію и Россію къ принятію мѣръ, требуемыхъ ихъ обоюдными интересами. Для приведенія къ такому соглашенію, эти идеи сообщаются графу Гольцу, дабы онъ передалъ ихъ своему двору». — Нога эта была мастерски соображена съ цѣлью и произвела въ Берлинѣ глубокое впечатлѣніе. Фридрихъ-Вильгельмъ, доселѣ поощравшій курфирста саксонскаго къ принятію польской короны и еще недавно постановившій въ своемъ договорѣ съ Австріей поддержаніе конституціи 3-го мая, вполне измѣнилъ свое мнѣніе и сдѣлался теперь столь же холоднымъ къ Польшѣ и ея наследственному престолу, сколько прежде показалъ рвенія къ нимъ. Онъ даже завязалъ не-

перегово́ры о возобновленіи прежде существовавшаго оборонительнаго союза съ Россіей.

Такъ сломено было жало грозной третьей тайной статьи австро-прусскаго союза и императрица могла теперь рѣшительнѣе дѣйствовать далѣе противъ Поляковъ. Причинъ къ открытой войнѣ у нея было довольно; но она опасалась снова пробудить зависть сосѣднихъ державъ и усыпленное сочувствіе ихъ къ Полякамъ. Поэтому она рѣшилась пойти прежнимъ путемъ, именно: сильною поддержкою контръ-конфедерации низпровергнуть сдѣланныя въ сосѣдней державѣ нововведенія и привести дѣла, а съ ними и свое униженное значеніе, въ прежнее положеніе. Недовольныхъ Поляковъ было множество; въ странахъ, раздираемыхъ партіями, всегда можно рассчитывать на только-что падшую партію, такъ какъ ближайшія цѣли партій, при той страстности, съ которою онѣ преслѣдуются, обыкновенно предпочитаютъ болѣе отдаленнымъ цѣлямъ отечества. Важнѣйшіе вожди противной партіи, Феликсъ Потоцкій, Северинъ Ржевускій, Браницкій, Коссаковскій, Сухоржевскій, посѣщали, какъ мы видѣли, въ Петербургъ, и здѣсь-то были обсуждены основанія плана поставить польскія дѣла на прежнюю ногу, или, какъ говорилось языкомъ партіи: «уничтожить деспотизмъ и снова призвать къ жизни старинную польскую вольность.» Положено было въ какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ Польши образовать конфедерацию, объявить себя противъ всѣхъ несогласныхъ съ конституціей нововведеній и, будучи поддержаны русскими войсками, сломить сопротивленіе противниковъ и возстановить конституцію Польши въ томъ видѣ, какъ она была утверждена въ 1768 и 1775-мъ годахъ.

Но прежде, нежели императрица ввела свои войска въ Польшу, она увѣдомила вѣнскій и берлинскій дворы о своихъ намѣреніяхъ. Первый, хотя неохотно взиралъ на предпринимаемое измѣненіе послѣдней конституціи и еще неохотнѣе далъ на то свое согласіе, однако, во вниманіи къ обстоятельствамъ, уступилъ и даже послалъ рѣшительное объявленіе польскому правительству, чтобъ оно не рассчитывало на помощь или посредничество Австріи. — Берлинскій дворъ, хотя совершенно измѣнившійся и теперь во всемъ согласный съ русскимъ, не желалъ однако предоставить игру одной Россіи и предложилъ другіе способы и средства. Но императрица не отклонилась гнѣвъ отъ своего намѣренія, а смѣло и прямо пошла впередъ по избранному ею пути.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что о раздѣльи Польши до

сихъ поръ вовсе небыло еще рѣчи, хотя писатели, писавшіе объ этомъ, по невѣдѣнію-ли, или чтобъ возбудить больше ненависти, повсюду влетали этотъ раздѣлъ. Время для него еще не настало, оно только приближалось; тайныя мысли, подобно длиннымъ тѣнямъ, могли предшествовать ему, пока онъ не предсталъ внезапно съ такой стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать его.

Когда все было надлежащимъ образомъ подготовлено, императрица сообщила отъ 19 (30) апрѣля, посланнику своему въ Варшавѣ, слѣдующее повелѣніе: «Между 1 (12) и 10 (21) числа мая генералъ Каховскій вступить въ Польшу. Въ это время онъ, Булгаковъ, имѣетъ передать прилагаемую декларацию, но до этого воздержаться отъ всякаго намека о ней, ибо чѣмъ неизвѣстнѣе ея содержаніе, тѣмъ сильнѣйшаго можно ожидать дѣйствія оной; онъ не долженъ также входить съ польскими министрами ни въ какіе переговоры объ измѣненіяхъ, для сохраненія того, что императрица положила низпровергнуть.—Печатные экземпляры декларации, на русскомъ и польскомъ языкахъ, онъ долженъ разослать ко всемъ друзьямъ Россіи, и, сверхъ того, знатнѣйшимъ изъ нихъ особенную записку графа Безбородко, а примасу собственноручное письмо императрицы.

«Новая конфедерация, верховнымъ маршаломъ которой назначенъ фельдцейхмейстеръ *Феликсъ Потоцкій*, объявить себя на границѣ, какъ только русскія войска вступятъ въ Польшу. Для охраненія интересовъ Россіи, при конфедерации назначенъ состоять, въ качествѣ уполномоченнаго, статскій совѣтникъ *Бюлеръ*.

«Австрійскому и прусскому посланникамъ Булгаковъ имѣетъ доставить въ скорѣйшемъ времени французскій переводъ русской декларации».

Особенностію высшихъ умовъ есть то, что они все, потребное къ великому предпріятію, созерцаютъ въ себѣ, какъ въ ясной картинѣ, предвидятъ всякое обстоятельство, могущее имѣть вѣсь, и вѣрно рассчитываютъ и, на сколько должно, исполняютъ всё нужныя мѣры и приготовленія. Менѣе высокостоящіе умы, напротивъ, не имѣютъ яснаго представленія грядущаго, совершаютъ слишкомъ много или слишкомъ мало и приходятъ въ смущеніе отъ всякаго непредвидѣннаго обстоятельства. Доказательство тому должна была представить экспедиція въ Польшу, въ сравненіи съ почти одновременною во Францію, которая вѣроятно была бы столь же удачна, еслибъ была вѣрнѣе рассчитана, лучше подготовлена и рѣшительнѣе исполнена. Императрица же взвѣсила и приготовила все необходимое, склонила на свою сторону всё средства къ успѣху и,

дабы, при исполненіи своего предпріятія, не употребить также слишкомъ мало силъ, двинула массу войскъ почти въ 100,000 чел., достаточную для того, чтобъ сокрушить и самое рѣшительное сопротивленіе Поляковъ, какъ того ожидали. Большая часть этихъ войскъ, около 65,000 чел., только-что возвратившихся изъ похода противъ Турокъ, должна была, подѣ начальствомъ генерала Каховскаго, наступать съ юга противъ расположенныхъ тамъ польскихъ главныхъ силъ, между тѣмъ какъ меньшая часть, 32,000 чел., подѣ начальствомъ генерала Кречетникова, должна была съ сѣвера и востока двинуться чрезъ литовскія области, въ которыхъ со стороны Поляковъ почти ничего не было приготовлено для серьезнаго отпора.

Незадолго передъ тѣмъ, что разразилась буря, Булгаковъ доставилъ еще слѣдующія свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ Варшавѣ. «Здѣсь, писалъ онъ отъ 19 (30) апрѣля, вполнѣ рѣшились на войну съ Россіей. Ожесточеніе противъ нея, равно какъ радость и самоувѣренность вождей партіи, столь же велики, сколько ихъ ослабленіе: они полагаютъ, что сдѣлали все и что имъ нечего страшиться; они даже желаютъ войны съ Россіей, потому что полагаются на польскую храбрость.» «А въ случаѣ несчастія, говорятъ они, мы имѣемъ вѣдь еще средства въ поголовномъ ополченіи, въ вооруженіи гражданъ, въ дарованіи свободы крестьянамъ, которые, въ такомъ случаѣ, употребятъ всѣ усилія для защиты конституціи 3 мая».—Трудно описать сумасбродство этихъ людей: съ ихъ свободою крестьянъ они сами себя вырыли бы могилу и, можетъ быть, похоронили бы въ ней и всю Польшу; и поголовное ополченіе также было бы имъ опасно, такъ какъ оно состоитъ изъ мелкой шляхты, которую они вооружили противъ себя устраненіемъ ея отъ участія на сеймахъ».—А отъ 23 апр. (4 мая) онъ доносилъ: «Здѣсь, кажется, готовы къ сопротивленію, для чего увеличиваютъ власть короля, который самъ долженъ отправиться въ армію, но съ чѣмъ и какъ?—Чтобъ добыть денегъ, писали въ Голландію о заключеніи займа, генераловъ и офицеровъ ожидаютъ изъ Пруссіи.—Болѣе горячіе рассчитываютъ на особенныя случайности, на всеобщее ополченіе и, можетъ быть, также на помощь Пруссіи; но въ послѣднемъ отношеніи есть сильное подозрѣніе, что они ошибаются.—Лица, имѣющія со мною сношенія, подвергаются явнымъ угрозамъ».

Наконецъ 6 (17) мая, наканунѣ рѣшительнаго дня, онъ писалъ: «Кажется, что они до сихъ поръ считали вступленіе нашихъ войскъ одною угрозою; (14) но послѣднія извѣстія Деболи разувѣ-

(14) Они полагались на договоръ между Австрією и Пруссією о сохраненіи ихъ конституціи.

рили ихъ, и вотъ причина торопливыхъ мѣръ сейма. Сильнѣйшее разгоряченіе. Хотятъ призваніемъ посполитаго рушенія (всеобщаго ополченія) и объявленіемъ свободы крестьянъ произвести во всей Польнѣ пожаръ, долженствующій распространиться и за ея предѣлы. Они расчитываютъ навѣрное на возмущеніе жителей Бѣлоруссіи и другихъ мѣстъ. Игнатій Потоцкій велѣлъ перевести на русскій языкъ конституцію 3-го мая, чтобъ переслать ее за границу; въ Вильнѣ, говорятъ, велѣтъ печатать сочиненія съ цѣлю возмущенія, въ которыхъ крестьяне поощряются къ возстанію и приобрѣтенію свободы. Хотѣли разослать татарскіе и казачьи (польскіе) полки большими партіями, чтобъ возбуждать къ возстанію. Наконецъ въ Константинополь они интригуютъ чрезъ своего посланника Потоцкаго, чтобы снова подвигнуть Порту къ войнѣ».

Таковы были намѣренія, планы, угрозы господствовавшей въ Польшѣ партіи. Какъ мало осуществилось изъ нихъ! Они доказали этимъ только свое желаніе вредить — и притомъ свое бессиліе.

Наступилъ рѣшительный день — 7 (18) мая; Булгаковъ передалъ императорскій манифестъ (15). Онъ содержалъ въ себѣ, въ сущности, слѣдующее: въ началѣ его императрица жаловалась, что намѣренія ея въ отношеніи къ Польшѣ были подвергнуты клеветѣ и ложному истолкованію, а именно акты, которыми она приняла на себя ручательство въ законно-установленной конституціи республики, между тѣмъ какъ другія державы, и именно Германія, даже желали и просили такихъ гарантій. И даже новѣйшія событія доказали, какъ необходимо было такое ручательство за существующее. — Затѣмъ слѣдовалъ рядъ жалобъ на нарушеніе польской конституціи послѣднимъ сеймомъ или, лучше сказать, господствовавшей на немъ партіею, кончившею полнымъ низроверженіемъ гарантированной конституціи, надъ которою Польша процвѣтала столько столѣтій, дабы, въ замѣнъ оной, съ помощію черни и всякаго рода насильствъ, ввести конституцію 3-го мая, о которой имѣли дерзость утверждать: «что она есть выраженіе свободной воли націи.» — Далѣе, манифестъ исчислялъ всѣ неистовства, учиненныя противъ Россіи, начиная словами: «недовольная тѣмъ, что вызвала внутреннія опасности, партія эта старалась поставить страну въ непріязненныя отношенія къ сосѣднимъ державамъ, и особенно къ Россіи, столь дол-

(15) Его почти нигдѣ нельзя найти въ печати; что сдѣлалось изъ него известно, состоитъ изъ однихъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ сочиненіи Коллонтая о происхожденіи и пр. польской конституціи 3-го мая.

гое время дружественной съ Польшей»,—и заключая въ себѣ жалобы: 1) На недружелюбныя, буйныя требованія немедленнаго очищенія польскихъ владѣній отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, причемъ, даже тогда, когда это было исполнено, дозволили себѣ всякаго рода дразни и докучливости.—2) На притѣсненіе и истязаніе русскихъ подданныхъ, свокоивно предававшихся своимъ занятіямъ. Въ атомъ мѣстѣ было сказано: «Пытками вынуждали у нихъ произвольныя признанія и пользовались послѣдними для наложенія на нихъ тяжкихъ наказаній (16).»—3) На преслѣдованіе епископа Переяславскаго, архимандрита Слуцкаго (17).—4) На вторженіе польскихъ солдатъ въ русскую посольскую церковь и увлеченіе оттуда одного церковно-служителя оной въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ судъ, которому онъ вовсе не подлежалъ,—и на отказъ въ требованномъ за то удовлетвореніи.—5) На сдѣлавшееся извѣстнымъ посольство въ Константинополь и домогательство союза противъ Россіи (18), съ которою Порта была въ войнѣ.—6) На безпрестанныя поношенія и оскорбленія императрицы на сеймѣ, которыя предводителями партій были только поощряемы.

«И междѣ важныя причины, чѣмъ эти, сказано въ заключеніи, были бы достаточны для требованія справедливаго удовлетворенія. Но императрица ставитъ различіе между партіею и націею. Она готова забыть нештветва противъ нея лично, но ей невозможно отказать настоятельнымъ просьбамъ столь многихъ Поляковъ, отличныхъ по происхожденію, сану и патріотическимъ доблестямъ, о возстановленіи прежней свободы и независимости ихъ отечества. Для этой цѣли, они образовали конфедерацію и просили императрицу о покровительствѣ и помощи, которыя государыня имъ и общала, и приказала части своихъ войскъ вступить въ Польшу, для содѣйствія въ возстановленіи старинныхъ польскихъ правъ и вольностей.»

(16) Самъ Коллонтай (II, 55) сознается, что «въ первомъ разгарѣ страстей нѣкоторые Русскіе пали подъ мечемъ закона, по польскому судопроизводству, но безъ пытокъ».—Его смутный, бездоказательный разсказъ доказываетъ, какъ мало онъ самъ ему вѣрилъ.

(17) Оно дѣйствительно было возмутительно. «Онъ, говоритъ Коллонтай (II, 57), безъ всякой обдуманности, при поученіяхъ, молитвахъ и бесѣдахъ перемѣшивая оди съ другими духовныя и свѣткіе, даже политическіе предметы и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе гражданъ и вниманіе правительства». — Изъ этихъ смутныхъ жалобъ уже ясно видна неосновательность всего обвиненія. — Кромѣ того епископъ вообще былъ вполне безупречною личностью.

(18) Коллонтай полагаетъ, что «имѣли въ виду заключить только оборонительный союзъ»; тайныя статьи договора доказываютъ противное.

Хорошо составленный государственный актъ долженъ быть точенъ и ясенъ, не содержать въ себѣ ничего лишняго, не упускать ничего важнаго; наконецъ, онъ долженъ достаточно выставлять тѣ пункты, которые составляютъ сущность его. — Этому нельзя было исполнѣ сказать о деклараціи, вышедшей вѣроятно изъ подъ пера Маркова: она была многословна, неясна и перемѣшивала важное съ менѣе важнымъ, даже съ неосновательнымъ, чѣмъ ослабляла впечатлѣніе главныхъ предметовъ и представляла противнику легкую возможность возраженія; ибо, лишь поверхностно коснувшись того, что въ деклараціи было основательнаго, онъ могъ устремить всю тяжесть своихъ возраженій на многія, менѣе основательныя жалобы, напримѣръ на то, что конфедерировали сеймъ, что его чрезъ мѣру продолжили и наконецъ даже удвоили. Все это были предметы, касавшіеся однихъ Поляковъ; конфедерации же пособлялъ самъ русскій посланникъ, пока находилъ это полезнымъ для своихъ цѣлей. Тоже самое можно было сказать и о гарантіи: если другія державы испрашивали себѣ такую, то это было только въ отношеніи къ *внѣшней безопасности*, а не къ *внутреннему развитію*, на которое всякое независимое государство имѣетъ право; государственное учрежденіе и улучшения его не должны быть въ зависимости отъ иностранцевъ, но отъ воли гражданъ. Гарантія существующаго образа правленія иностраннымъ государствомъ дѣлаетъ невозможнымъ всякое измѣненіе онаго, требуемое обстоятельствами. А на это ижевно жаловались Поляки.

Въ Европѣ существуетъ особенно благоприятное предубѣжденіе о превосходствѣ русской дипломатіи. Это зависитъ отъ того, что стоятъ въ главѣ ея: если онъ человекъ съ превосходнымъ умомъ, то выбираетъ и способныхъ исполнителей. — Во времена императрицы Екатерины, государственные акты этой дипломатіи отнюдь не отличались своимъ превосходствомъ, а скорѣе напротивъ: они болѣе или менѣе страдали многословіемъ, неясностію и недостаткомъ строгой логики. Только то, что исходило непосредственно изъ кабинета императрицы, отличалось проницательностію соображенія, опредѣленностію идей и указаніемъ на истинныя, главные пункты. Въ нихъ тотчасъ можно было узнавать вдохновеніе монархини, перо Бевбородки. — Напротивъ, что исходило отъ ея вице-канцлеровъ, часто оставляло многого желать.

Ближайшія обстоятельства при передачѣ этого манифеста можетъ сообщить намъ самъ Булгаковъ. «7 (18) мая, пишетъ онъ (19), въ

(19) Деша отъ 16 (27) мая 1792 г.

6 часовъ по полудни, я вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ, литовскому подканцлеру Хрептовичу декларацію, помѣченную мною «7 (18) мая», вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ ея. Принимая ее, онъ сказалъ, что «угадываетъ ея содержаніе, но не будетъ читать ее теперь, дабы немедленно передать королю»,—къ которому тотчасъ же и отправился, послѣ краткаго, дружественнаго, номинистерскаго разговора со мною, при чемъ сказалъ: «лучше было бы, еслибъ все уладилось мирнымъ образомъ». Я возразилъ: «это зависѣло, да и теперь еще зависить отъ васъ самихъ, на основаніи смысла деклараціи; вступленіе войскъ происходитъ не съ враждебными противъ Польши видами, но составляетъ дружественную помощь для возстановленія ея прежнихъ вольностей и формы правленія;—самыя мѣры строгости могли бы еще быть смягчены, если не будетъ встрѣчено никакого сопротивленія».—Затѣмъ я отправился къ примасу и вручилъ ему сперва письмо Вашего Императорскаго Величества, а потомъ декларацію. Вспрыывая первое, онъ сказалъ, что «угадываетъ его содержаніе», а по прочтеніи: «Ея Императорское Величество воздастъ ему должную справедливость, признавая его хорошимъ патриотомъ». Онъ полагалъ, что можно было бы все уладить безъ употребленія строгихъ мѣръ, и въ заключеніе сказалъ, что тотчасъ поѣдетъ къ королю. Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ, потому что на другой же день онъ отправился въ свои помѣстья и не присутствовалъ ни на одномъ засѣданіи сейма.

Послѣ того я былъ у Луккесини и де-Кашё, для передачи деклараціи. Перваго не было дома, но вскорѣ онъ пріѣхалъ ко мнѣ и спросилъ: «всѣ-ли посланники получили такую декларацію?»—Только онъ и австрійскій.—На это онъ сказалъ: «королемъ его одѣлано нашему двору предложеніе, чтобы, для избѣжанія насильственныхъ мѣръ, передать здѣсь совокупную декларацію отъ всѣхъ трехъ дворовъ».—Впрочемъ онъ въ сужденіяхъ своихъ соглашался со мною.—Въ тотъ же день я разослалъ печатные экземпляры ко всѣмъ благонамѣреннымъ лицамъ здѣсь и въ областяхъ.

Когда Хрептовичъ передалъ декларацію королю, послѣдній принялъ въ большое смущеніе и безпокойство, какъ будто не ожидалъ этого.

8 (19) мая собрали стражъ (straz) и прочли декларацію. Игнатій Потоцкій сказалъ: «это—объявленіе войны»; другіе молчали. Положили передать ее въ понедѣльникъ 10 (21) мая сейму, а между тѣмъ спросить у Луккесини и Лёбона (саксонскаго комиссара),

можетъ-ли Польша надѣяться на помощь съ ихъ стороны? Дать было положено ограничить сеймъ. Прочли донесеніе Деболя: «что конфедерація уже подписана въ Петербургѣ и что составляетъ также проскрипціонный списокъ многимъ здѣшнимъ лицамъ».

Хрептовичъ поѣхалъ къ Луккесини. Послѣдній просилъ оставить его въ покоѣ, пока не получатъ приказаній изъ Берлина. 10 (21) мая декларація была прочитана на сеймѣ. Не смотря на большое стеченіе зрителей, все обошлось спокойно, ибо королю не канути были приняты мѣры предосторожности. Онъ произнесъ рѣчь и передалъ ее маршалу Малаховскому, съ порученіемъ сдѣлать нужныя распоряженія.

Жалуются, «что декларація не обращена ни къ кому именно, даже не къ королю; что сеймъ названъ фанціей, а патристическая партія клятвенно преступною. Стараются всячески, возволительными и не позволительными средствами, восвалить духъ, преощраютъ къ войнѣ и ускоряютъ приготовленія къ ней».

Въ другой депешѣ (20) Булгадовъ сообщаетъ: «Въ понедѣльникъ 10 (21) мая переданная мною декларація была прочитана на сеймѣ. Король произнесъ длинную рѣчь, въ которой сказалъ: «Вы видите, съ какимъ презрѣніемъ въ этой нотѣ говорится о нашемъ твореніи 3-го мая, равно и о всѣхъ вашихъ прежнихъ дѣйствіяхъ, и какъ велико стараніе уничтожить значеніе настоящаго сейма. Но, видѣть съ тѣмъ, вы видите также, что мы должны употребить всѣ средства для нашей защиты. Мы должны теперь противопоставить все наше мужество, и искать также помощи въ переговорахъ съ другими державами. Прежде всего мы должны обратиться къ королю прусскому. Вы помните, что, съ открытія настоящаго сейма, важнѣйшія дѣла, совершались ни, были предприняты по внушенію и совѣту Его прусскаго Величества, а именно: освобожденіе наше отъ гарантіи, посольство въ Турцію, очищеніе страны нашей отъ русскихъ войскъ и магазиновъ. Этотъ же могущественный союзъ нашъ желалъ, чтобъ мы учредили твердое правленіе, на основаніи котораго онъ хотѣлъ заключить съ нами союзъ; и въ этомъ союзѣ онъ обѣщалъ намъ сперва *bona officia*, а потомъ и дѣйствительную помощь, если первыя не помогутъ обезпечить нашу независимость и наши границы. Теперь эта минута настала». — Затѣмъ въ особенномъ засѣданіи у маршала приняты были различныя мѣры, а вчера на сеймѣ королю была взвѣрена полная власть надъ войсками

(20) Отъ 12 (23) мая 1792.

и всемъ, касающимся войны, а также утверждена іерархія послѣдователей греческаго (*) исповѣданія въ Польшѣ. Еще на этой недѣлѣ намѣреваются дать форму законовъ различнымъ другимъ предложеніямъ и распустить сеймъ, уполномочивъ короля снова созвать его, когда сочтеть это нужнымъ. Король готовится отправиться въ Дубно къ арміи; отъѣздъ его назначенъ 19 (30) мая.

«Игнатій Потоцкій и братъ его Станиславъ, Вейсенгофъ, Мостовскій и Піатоли работали цѣлую ночь надъ отвѣтомъ на нашу декларацію. — Волненіе здѣсь весьма сильно; конференціи слѣдуютъ за конференціями; въ обществахъ не видно никого; они въ такомъ смущеніи, что изъ ихъ рѣчей нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго заключенія».

Наконецъ отъ 22 мая (2 іюня) онъ пишетъ. «Вчера, въ 6 часовъ вечера, Хрептовичъ вручилъ мнѣ отвѣтъ на декларацію. Пробыгая его, я сказалъ, «что читаю его лишь для того, чтобъ видѣть, не заключаетъ-ли онъ, по принятому здѣсь обычаю, неприличныхъ и рѣзкихъ выраженій; ибо, что касается содержанія, то нѣтъ ни одной строки въ немъ, которую я не могъ бы тотчасъ же опровергнуть; впрочемъ я представляю его моему двору». Хрептовичу, вѣроятно, было приказано не входить со мною ни въ какія дальнѣйшія объясненія; но онъ выразилъ свое довѣріе къ великодушію императрицы и желаніе, чтобъ настоящіа смуты кончились безъ вреда и гибели для Польши. «Это, возразилъ я, всегда зависѣло и теперь еще зависитъ только отъ васъ самихъ».

«По поводу этого отвѣта были большія объясненія и споры; наконецъ, чтобъ сохранить полное равенство, положили написать отвѣтъ на польскомъ языкѣ, съ приложеніемъ французскаго перевода, подписать его сеймовымъ маршаламъ и передать мнѣ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ тѣ же самые день недѣли и часть, въ которые я вручилъ декларацію, т. е. въ пятницу, въ 6 часовъ вечера, что и было исполнено.

«Какъ ни велики были горячность и неразуміе вождей здѣшней революціонной партіи, но послѣдніе начинаютъ уже очень укрощаться, хотя все еще продолжаютъ подстрекать толпу. Такъ какъ дѣло идетъ теперь къ развязкѣ и они видятъ, что ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ (они считали все за однѣ угрозы); такъ какъ и надежда на помощь ихъ союзниковъ также исчезаетъ, то они уже начинаютъ поговаривать: «что безъ Россіи они ничего не могутъ сдѣлать, надобно соединиться съ нею и, при помощи ея, отомстить».

(*) Православнаго.

предательскому союзнику, который, повергнувъ Польшу во всѣ эти бѣдствія, теперь совершенно ее оставляетъ». Таково въ настоящее время всеобщее настроеніе умовъ въ Варшавѣ. Поэтому-то уже и не говорятъ больше о высылкѣ меня или отозваніи Деболи, чтобъ не лишитъ себя послѣдняго средства къ примиренію. Страхъ вождей революціи обнаруживается также и тѣмъ, что они, подъ разными предлогами, готовятся покинуть Польшу. Игнатій Потоцкій поѣхалъ интриговать въ Берлинъ, маршалъ Малаховскій, подканцлеръ Коллонтай, Піатоли ѣдутъ на воды ⁽²¹⁾; Массей ⁽²²⁾ въ Италію; семейство короля и многіе другіе хотѣли покинуть Варшаву, но, слыша о дружелюбномъ обращеніи русскихъ войскъ, остались.

«Отъѣздъ короля къ арміи составляетъ загадку; многіе думаютъ, что онъ не состоится. Игнатій Потоцкій, пріобрѣтшій перевѣсъ надъ всѣми, утверждалъ: «что онъ (отъѣздъ) привлекъ бы сотни тысячъ защитниковъ,» и вынуждаетъ короля къ этому отъѣзду, къ которому дѣлаются большія приготовленія.»

Игнатій Потоцкій отправился, какъ упоминаетъ здѣсь Булгаковъ, еще въ маѣ въ Берлинъ, чтобы подѣйствовать на берлинскій кабинетъ, но нимало не достигъ своей цѣли, хотя взялъ съ собою значительныя суммы денегъ. На аудіенціи король спросилъ его о цѣли его прибытія и, выслушавъ его, сказалъ: «Потоцкій могъ бы избавить себя отъ труда этой поѣздки. Онъ, король, имѣетъ въ Варшавѣ своего уполномоченнаго министра, который пользуется полнымъ его довѣріемъ; къ нему и слѣдуетъ обращаться со всѣми вопросами и желаніями, чрезъ него онъ дастъ и отвѣтъ.»—Потоцкій воротился ни съ чѣмъ, но съ убѣжденіемъ, что отъ Пруссіи ждать нечего, что до высшей степени увеличилось смущеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и злобу противъ Пруссіи. Мщеніе, мщеніе Пруссіи — было теперь господствовавшимъ чувствомъ, одушевлявшимъ Поляковъ и заставлявшимъ ихъ почти забыть старинную, братскую ненависть къ Россіи.

Еще до этого они получали отъ Луккесини отвѣты, должествовавшіе внушить имъ сомнѣнія. Когда, въ виду угрожавшихъ опасностей, въ апрѣлѣ они обратились къ нему съ вопросами, онъ отвѣтилъ: «невѣроятно, чтобъ Русскіе произвели вторженіе въ Польшу; впрочемъ дѣло самихъ Поляковъ взвѣситъ свое положеніе и

(21) Піатоли, пишетъ Булгаковъ въ другомъ мѣстѣ, получилъ отъ короля три векселя, каждый въ 6000 червонцевъ, обратилъ ихъ въ деньги и уѣхалъ.

(22) Тоже одинъ изъ итальянскихъ собесѣдниковъ, окружавшихъ короля и руководившихъ имъ. Архи-демократъ.

заслужить дѣятельную помощь иностранцевъ; ибо мѣры, которыя будутъ ими предприняты, послужатъ и для иностранныхъ державъ руководствомъ при оказаніи имъ помощи». — Это былъ отвѣтъ, который можно было истолковать какъ угодно. Болѣе ясною уже сдѣлалась рѣчь его, когда 4-го мая, на повторенный спросъ ихъ, онъ изустно объявилъ: «Король его не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ конституціи 3-го мая и потому, если приверженцы ея намѣреваются защищать ее вооруженною рукою, никомъ образомъ не считаетъ себя обязаннымъ помогать имъ въ томъ». (23) Наконецъ теперь, на повторенные, неотступные спросы ихъ, онъ передалъ имъ ноту своего короля отъ 8-го іюня, въ которой послѣдній объявлялъ: «что они, безъ его вѣдома и согласія, дали себѣ конституцію, поддерживать и защищать которую ему никогда не приходило на умъ; напротивъ, онъ часто предсказывалъ, что они, своими угрожающими мѣрами и вооруженіями, навлекутъ на свою страну именно тѣ бѣдствія, которыхъ хотѣли избѣжать. Образъ его мыслей и рѣчи его министровъ никогда не мѣнялись. Но какъ съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились, и настоящее положеніе дѣлъ, причиненное конституціей 3-го мая; неприемлемо болѣе къ обязательствамъ прежняго его договора, то онъ и не можетъ въ этомъ отношеніи соответствовать ихъ желаніямъ. Однако, еслибы патріотическая партія, во вниманіи къ возникающимъ со всѣхъ сторонъ затрудненіямъ, захотѣла вернуться назадъ съ избраннаго ею пути, то онъ готовъ условиться съ императрицей и вѣнскимъ дворомъ о мѣрахъ, которыя могли бы возвратить Польшѣ ея спокойствіе (24).» — Этимъ уничтожена была всякая надежда на прусскую помощь, потому что низпроверженіе только-что введенной конституціи своею, которою они такъ величались, они отвергли какъ постыдное дѣло. Они обратились къ вѣнскому двору и получили почти такой же отвѣтъ: отказъ въ помощи и совѣтъ возстановить прежній образъ правленія. Тогда они разгадали соглашеніе державъ и что дѣятельная политика незамѣтно лишила ихъ всѣхъ опоръ, на которыя они довѣрчиво рассчитывали. Отъ безземельной Саксоніи, отъ униженной Порты еще менше можно было ожидать помощи: слѣдовательно они были предоставлены самимъ себѣ.

Возбудило-ли это въ нихъ сознаніе силы, подстрекнуло-ли оно ихъ дѣятельность? Нисколько. Они заботились только о томъ, чтобы отворотить отъ себя всю отвѣтственность и вѣрили теперь королю

(23) См. соч. о происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая, I, 75.

(24) См. у Феррана III, 198, въ прилѣжаніи.

власть и полномочія, въ большей мѣрѣ, нежели оны въ силахъ были совладать. Когда король, послѣ представленія русскаго министра, потребовалъ у сейма средствъ къ оборонѣ, послѣдній постановилъ 22-го мая: «увеличить армію до 100,000 человекъ» (но какъ? въ три года не могли этого сдѣлать, когда никто имъ не мѣшалъ, а теперь хотѣли это исполнить въ нѣсколько недѣль, когда непріятель уже былъ въ ихъ странѣ). «Если и ихъ будетъ недостаточно, то созвать всеобщее ополченіе (pospolite guszenie)» (эта, навлекшая изъ стараго арсенала мѣра давно уже вышла изъ употребленія, потому что всегда приносила болѣе вреда, нежели пользы, болѣе вредила собственной странѣ, нежели непріятелю). «Король долженъ принять главное начальствованіе надъ всѣми этими силами и тотчасъ учредить нужные магазины» (на эту мѣру они въ особенности настаивали, какъ будто предводительствованіе слабымъ, отидавъ нововиновеннаго короля не увеличило бы еще болѣе всякаго рода заиѣшательствъ и затрудненій въ арміи).— Два дня спустя сеймъ прибавилъ къ этому еще постановленіе: «что всѣ налоги должны быть удвоены» (но даже и обыкновенныхъ невозможно было собрать) и наконецъ 29-го мая: «во всей странѣ имѣли быть выставлены кружки, для сбора добровольныхъ пожертвованій» (вполнѣ достойная сѣбѣ мѣра) и «квитанціи начальниковъ войскъ за всѣ поставленныя натурой имѣли быть принимаемы вездѣ какъ бумажныя деньги и въ послѣдствіи вовѣрены особо-назначенною комиссіей.»— Легко было издавать такія постановленія на бумагѣ, но трудно было исполнять ихъ.

Сдѣлавъ эти постановленія, сеймъ, какъ будто уже озабоченъ о всемъ, 29-го мая, въ самый моментъ приближавшейся, имъ же самимъ накликанной опасности, закрылъ свои засѣданія и представилъ королю и наблюдательному совѣту (стражу) извѣсть, какъ они могли, страну изъ бѣды.

Вступленіе русскихъ войскъ уже началось, и вѣдь ихъ защитой конгръ-конфедерация собралась въ Тарговицахъ, небольшомъ мѣстечкѣ Украины (*), образовалась, назначила Феликса Потоцкаго своимъ верховнымъ маршаломъ, Браницкаго и Ржевускаго совѣтниками, и обнародовала свой конфедерационный актъ. Дѣцнацать знатныхъ Поляковъ, министровъ, сенаторовъ или земскихъ пословъ, подписали его, выше всѣхъ фельдцейгмейстеръ Феликсъ Потоцкій, пороч-

(*) Правильнѣе Торговица, къ северу отъ Ольбюполя, къ востоку отъ Умань, въ южной Кіевской губерніи на р. Сняхѣ и границѣ Херсонской губерніи.—На приложенной къ I части этого перевода картѣ, по ошибкѣ, назначено не это и Тарговицы, а другое, въ сѣверо-западной части Волыни.

ный великій гетманъ Францъ-Ксаверій Браницкій, коронный гетманъ Соверинъ Ржевускій, сенаторъ Антонъ Четвертинскій, кастелянъ Пржемысльскій; за ними земскіе послы: Георгій Вельгорскій, ученый правовѣдъ Мошинскій, боецъ 3-го мая Сухоржевскій, дальшє земскіе послы изъ Подоліи и Волыни: Злотницкій, Загорскій, Кобылецкій, Швейковскій и Гулевичъ. Они клятвенно обязались въ этомъ актѣ: «уничтожить новую конституцію, *могилу свободы*, и не прежде расторгнуть свой союзъ, пока не низринуть ее и не возстановятъ прежній, свободный, республиканскій образъ правленія.» Затѣмъ они предъявили господствовавшей партіи длинный списокъ ея прегрѣшеній, какъ водится при борьбѣ партій: «Обманъ и обольщеніе націи; конфедерированіе сейма, не смотря на то, что ему слѣдовало быть сеймомъ свободнымъ; чрезъ мѣру увеличенная продолжительность его; низпроверженіе старинной формы правленія и введеніе новой; удвоеніе, посредствомъ новыхъ выборовъ, числа членовъ сейма; исключеніе изъ областныхъ сеймовъ безпомѣтнаго дворянства; ограбленіе республики продажей староствъ; упраздненіе избирательнаго правленія и введеніе престолонаслѣдія; склонность къ демократическимъ правиламъ; наконецъ обманъ націи, распространеніемъ ложныхъ слуховъ и употребленіемъ насильственныхъ мѣръ 3-го мая.»

Духъ партій жестоко обвинилъ вождей тарговицкой конфедерации. Такъ въ сочиненіи о началѣ и паденіи польской конфедерации 3-го мая (25) (чтобъ привести только небольшой образецъ) сказано: «Эти чернѣйшіе преступники на землѣ вполнѣ принесли свое отечество въ жертву своей *блѣшной гордости*». Развѣ этого вельва было примѣнить точно также и къ противной партіи? Развѣ и изъ главными двигателями не были также самолюбіе, гордость (Игнатій Потоцкій) и корыстолюбіе (Гуго Коллонтай)?—Какъ бы кто ни былъ склоненъ къ осужденію тарговицкихъ конфедератовъ, однако слѣдуетъ принять во вниманіе, что они, точно также какъ и противники ихъ, составляли партію и потому имѣли одинаковыя права; они хотѣли сохраненія существующаго, противники ихъ — низпроверженія его; они хотѣли примкнуть къ Россіи, такъ какъ Польша не могла удержаться одна, а противники ихъ—къ Пруссіи; спрашивается, не лучше-ли было бы для Польши, еслибы послѣдовали ихъ совѣтамъ, а не совѣтамъ ихъ противниковъ?—Но они призвали иностранную помощь? — А противники ихъ развѣ поступили иначе, развѣ они не искали помощи Пруссіи, даже помощи и со-

(25) См. часть II., стр. 35.

юва Турчин?—А впрочемъ Россія вмѣнялась бы и безъ нихъ, потому что имѣла достаточныя на то причины. Еще менѣе можно поставить имъ въ вину послѣдующій раздѣлъ Польши, какъ то сдѣлала злонамѣренныя писатели, потому что онъ произошегъ, какъ мы скоро увидимъ, отъ другихъ причинъ и скорѣе слѣдовало бы сдѣлать этотъ упрекъ ихъ противникамъ, потому что, безъ неразумныхъ поступковъ ихъ, которыми они совершенно оттолкнули отъ себя покровительствующую державу, Россію, и бросились въ объятія всѣмъ врагамъ ея, императрица съ трудомъ согласилась бы на дальнѣйшій раздѣлъ (26). Наконецъ, на нихъ дѣйствовали также и личныя побужденія. Противная партія довела ихъ до крайности, лишила ихъ должностей, званій, имѣній и принудила ихъ искать за границей защиты отъ преслѣдованій;—врасплохъ навязала ихъ отечеству конституцію, которую они, по господствующимъ идеямъ ихъ страны, почитали уничтоженіемъ своихъ старинныхъ вольностей и потому гнушались ею. Духъ партій всегда видитъ только одну сторону предметовъ и ненавидитъ всякаго, кто не смотритъ на нихъ съ одной съ нимъ точки зрѣнія. Дать восторжествовать своимъ воззрѣніямъ надъ таковыми же своихъ противниковъ, становится высшею цѣлю его, и при этомъ онъ и не замѣчаетъ опасностей, которыя накликаетъ на свое отечество. Польша всегда останется для другихъ странъ зеркаломъ, въ которомъ имъ можно будетъ видѣть слѣдствія внутреннихъ раздоровъ и расколовъ на партіи, себялюбія, любви къ спорамъ и ослѣвленія страстей.

Съ русской стороны на тарговицкую конфедерацію, слѣдовавшую за украинскою арміею, смотрѣли какъ на настоящее правительство Польши, и при ней былъ акредитованъ особый уполномоченный, статскій совѣтникъ Бюлеръ. Въ данной ему инструкціи было сказано: «Старинный интересъ Россіи возстановитъ въ Польшѣ прежній, свободный образъ правленія, согласуется съ желаніями грекъ четвертой націи. Удовлетворить тому и другимъ нельзя ничѣмъ лучше, какъ низпроверженіемъ противной имъ конституціи 3-го мая. Вотъ единственная цѣль настоящей конфедераціи и помощи, ей оказываемой Ея Императорскимъ Величествомъ. Перемены, производимыя временемъ въ нравахъ, характерѣ и образѣ мыслей польской націи, безъ сомнѣнія, не позволяютъ въ минувшихъ вѣкахъ республики почерпать образцовъ для формы правленія. Но и законы, принятые въ 1768 и 1775 годахъ, были не столько недостаточны и не-

(26) Доказательства тому мы приведемъ ниже.

удовлетворительны сами по себѣ, сколько въ слѣдствіе ихъ дурнаго исполненія и злоупотребленій, которыя Поляки позволяли себѣ. Поэтому Ея Императорское Величество полагаетъ, что возстановленіемъ по крайней мѣрѣ части этихъ законовъ, равно какъ и равновѣсія, существовавшаго прежде между властями въ государствѣ, не трудно было бы согласить ихъ съ цѣлями, которыя имѣютъ Ея Императорское Величество и Поляки, взывающіе къ ней о защитѣ. Въ слѣдствіе сего, она начертала слѣдующій планъ правленія». Затѣмъ слѣдуютъ главныя черты этого плана, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ улучшеній, большею частію снова возводятъ положеніе дѣлъ къ конституціи, учрежденной въ 1768 и 1775 годахъ.

Конфедерация, подобная тарговицкой для коронныхъ земель или королевства, образовалась, посредничествомъ Коссаковскихъ, и въ Литвѣ. Въ послѣдствіи обѣ соединились въ одну въ Брестѣ-Литовскомъ.

Такимъ образомъ противники съ обѣихъ сторонъ стояли теперь другъ противъ друга и споръ ихъ долженъ былъ рѣшиться мечемъ!

Послѣ многолѣтнихъ вооруженій, польская армія состояла теперь, когда должна была оправдать надежды страны, едва изъ 56,000 человекъ (27), изъ числа которыхъ, по отчисленіи 7,000 чел. на гарнизоны Каменца, Кракова, Ченстохова, Познани и Варшавы, и 4,000 чел. при военныхъ депо и другихъ назначеніяхъ, для дѣйствій въ полѣ оставалось едва 45,000 человекъ, разсѣянныхъ, сверхъ того на большомъ пространствѣ. Изъ нихъ большая половина, 20,000 чел., разсѣянныхъ по Подоліи и Украинѣ, и 10,000 чел., собиравшихся подъ начальствомъ Любомірскаго у Дубно, должна была, подъ начальствомъ князя *Иосифа Понятовскаго*, племянника короля, дѣйствовать въ Украинѣ противъ русской главной арміи; другая же, меньшая половина, около 15,000 человекъ—въ Литвѣ, сперва подъ начальствомъ принца виртембергскаго, а по удаленіи его—генерала *Юдыцкаго*. Князь Иосифъ, въ то время полный жизни свѣтскій молодой человекъ, 28 лѣтъ, совершилъ первую военную школу свою въ австрійской военной службѣ, но военную опытность приобрѣлъ только въ несчастномъ походѣ 1788 года, въ которомъ былъ раненъ подъ Шабачемъ, и затѣмъ отозванъ своимъ дядей въ Вар-

(27) Точнѣе: 37,394 чел. для Польши
18,245 — — Литвы

Всего 55,639 человекъ. Комаржевскій стр. 121.

шаву и пожалованъ въ генераль-майоры. Слѣдовательно, при наилучшей доброй волѣ, военнопачальническія способности его не могли еще быть значительны. Однако онъ имѣлъ хорошихъ помощниковъ въ *Михаилъ Вильгорскомъ* и особенно *Фаддѣ Косцюшко*, который, получивъ образованіе въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ послѣдствіи развилъ свои природныя военныя дарованія на дѣствительной войнѣ, въ французской и потомъ въ американской службѣ, подъ начальствомъ Вашингтона. Онъ былъ способнѣйшимъ изъ польскихъ генераловъ и на немъ покоилось все.—Войска были молодыя, еще мало привыкшія къ дисциплинѣ, но храбрыя и сначала, въ слѣдствіе національнаго характера, слишкомъ самоувѣренныя. Такъ напр. когда одинъ изъ частныхъ начальниковъ войскъ, бригадиръ Держе, стоявшій съ 2,000 чел. на границѣ, получилъ приказаніе отступить передъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, то послалъ спросить: «серьезно или въ шутку дано ему такое приказаніе? Терпеть не до отступленія, а надо сражаться, и онъ не покинетъ своего поста». Понятовскій велѣлъ арестовать его.

Русскія войска южной арміи, ветераны, только-что кончившіе войну съ Турками, собирались изъ Бессарабіи, гдѣ еще находились, на Днѣстрѣ, частію у Дубоссаръ, выше Бендеръ, частію у Сорокъ и еще выше у Могилева, а четвертая часть у Василькова, къ югу отъ Кіева.—Когда Понятовскій, расположившійся лагеремъ у Тульчина, гдѣ старался собрать разсѣянныя войска свои, увидѣлъ, что непріатель угрожаетъ ему съ трехъ сторонъ, то вналъ въ ошибку, свойственную неопытнымъ генераламъ, раздѣливъ свое войско, сиюю едва въ 20,000 чел. (28), также на три части, дабы противопоставить ихъ частямъ русской арміи. Вильгорскаго съ одною частію онъ выдвинулъ къ Чечельнику (близъ нынѣшняго Ольгополя), гдѣ онъ, находясь въ равномъ разстояніи отъ Сорокъ и Дубоссаръ, долженъ былъ наблюдать за русскими войсками на Днѣстрѣ; Косцюшку съ другою частію—къ Фастову, противъ Василькова; самъ же съ третьею, большею частію, расположился у Брацлава, дабы,

(28) Польскія показанія о тогдашней численности его войскъ колеблются между 14,000 чел. (Заюнчекъ—Платеръ) и 20,000 (король, Комаржевскій, даже Коллотай). Можно согласить оба показанія, принявъ, что въ моментъ русскаго вторженія или когда Понятовскій раздѣлилъ свое войско на три части, оно состояло только изъ 14,000 чел., но непосредственно затѣмъ прибывавшими подкрѣпленіями усиллось до 20,000 человекъ, до тѣхъ поръ, когда подъ конецъ Любомірскій привелъ ему къ Заславу еще 6—7000 чел. (вмѣсто ожидаемыхъ 10,000) изъ Дубно.

смотря по обстоятельствамъ, подать помощь той или другой части. Четвертая, небольшая часть войскъ, подъ начальствомъ подполковника Гроховскаго, охраняла Могилевъ. Косцюшко порицалъ эти распоряженія и замѣтилъ: «что вмѣсто такого раздѣленія, слѣдовало дѣйствовать соединенными силами противъ отдѣльныхъ частей русскихъ войскъ и стараться разбить ихъ порознь, что немало послужило бы къ возвышенію духа неопытныхъ войскъ» (29). Это замѣчаніе, въ тогдашнее время, дѣлаетъ честь его военной проницательности, потому что распоряженіе Понятовскаго основамо было на господствовавшемъ тогда стародавнемъ обычаѣ — не смотря на несоразмѣрную слабость собственныхъ силъ, дробить ихъ на столько же частей и частичекъ, сколько ихъ было у противника, вездѣ быть такимъ образомъ слабѣе его и лишать себя всякой возможности одерживать болѣе значительные успѣхи сосредоточенными силами.—Но непомѣрное превосходство силъ Русскихъ не подавало Полякамъ никакой надежды на частные успѣхи, даже еслибъ они оставались въ соединеніи.

Императрица Екатерина, слѣдуя правилу, что для большаго предпріятія потребны и большія средства, и исчисляя выше дѣйствительной мѣры вооруженія Поляковъ, о которыхъ они немало трубили, двинула, какъ мы видѣли, до 100,000 чел. подъ начальствомъ генераловъ Каховскаго и Кречетникова, для вторженія въ Польшу одновременно съ юга, востока и сѣвера. Планы дѣйствій, составленные для обѣихъ армій, были основаны на томъ правилѣ, что для скорѣйшаго покоренія страны слѣдовало вторгнуться въ нее и овладѣть ею одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ, дабы какъ можно скорѣе лишить противника средствъ поднять ее и воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Хотя это основное правило было одинаково для обѣихъ армій, однако планы для нихъ были составлены различно. Планъ дѣйствій для украинской арміи, подъ начальствомъ Каховскаго, былъ составленъ, кажется, генераль-квартирмейстеромъ *Дистаромъ*, такъ какъ императрица уже и прежде употребляла его для подобныхъ цѣлей (30); для литовской же арміи — генераль-квартирмейстеромъ *Германномъ*. Оба, почти одновременно, перешли изъ

(29) Мнѣніе Косцюшки изложено въ небольшой статьѣ его объ этомъ походѣ, напечатанной въ изданномъ графомъ Рачинскимъ сочиненіи: *Obraz Polakow i Polski* (Изображеніе Поляковъ и Польшы), Т. XVI, стр. 93.—Мы пользовались преимущественно ею при описаніи движенія польскихъ войскъ.

(30) Напр. въ шведской войнѣ.

иностранный службы въ русскую и назначены состоять по квартирмейстерской части: подполковникъ гессенъ-кассельской службы Яковъ Писторъ (род. въ 1740 г.)—въ 1771 году премьеръ-майоромъ, а саксонскій поручикъ Иоаннъ Германнъ (род. въ 1741 г.)—въ 1769 г. прапорщикомъ.— Оба были даровитые и свѣдущіе люди; но Писторъ отличался высшимъ военнымъ взглядомъ; онъ смотрѣлъ на предметы въ болѣе широкомъ объемѣ;—Германнъ обладалъ бѣльшимъ знаніемъ подробностей: онъ въ одно и тоже время былъ хорошимъ инженеромъ, строителемъ, былъ весьма искусенъ въ черченіи картъ и съемкѣ, и имѣлъ немаловажныя свѣдѣнія въ близкихъ этому техническихъ отрасляхъ знаній. Уже давно употребленный генераломъ Бауеромъ при составленіи карты Молдавіи и Валахіи, онъ оказалъ необыкновенныя заслуги военною съемкой почти всѣхъ пограничныхъ губерній и начертаніемъ плановъ и постройкою крѣпостей (онъ построилъ Херсонъ; первая кавказская линія, между Кизляромъ и Моздокомъ, заложена имъ же); но онъ ознаменовалъ себя и какъ практическій воинъ, участвовалъ въ походахъ противъ Пугачева, а потомъ на Кавказѣ, гдѣ 30 сент. 1790 года атаковалъ и совершенно разбилъ трехбунчужнаго Баталь-пашу, при переходѣ его чрезъ Кубань, и самого его взялъ въ плѣнъ.—Но, не смотря на всѣ свои заслуги, и онъ не могъ отрѣшиться отъ господствовавшей тогда рутины, былъ нѣсколько педантъ и высокорѣчивъ. Но, можетъ быть въ слѣдствіе именно этого, онъ пользовался большимъ почетомъ: его считали посвященнымъ во всѣ тайнства прусскаго военного искусства. Въ особенности подняла его и дала ему большое значеніе побѣда надъ Баталь-пашею; и однако, чтѣ могло быть, въ то время, легче побѣды съ превосходными русскими войсками надъ большими толпами Турокъ? это и до него удавалось людямъ весьма посредственнымъ; заслуга не *ихъ*, а *ихъ солдатъ* рѣшала дѣло.— Какъ бы то ни было, военное поприще Германны было блистательное; прапорщикъ скоро перегналъ премьеръ-майора и теперь былъ уже генераль-майоромъ, тогда какъ тотъ дошелъ только до полковника. Оно понятно: высшая, разумная заслуга рѣдко находитъ такое же признаніе, какъ низшая, непосредственно практическая, потому что для оцѣнки первой требуется сродственный ей, постигающій ее умъ, между тѣмъ какъ очевидное бросается въ глаза самому слабому уму челоуѣку.

Планъ, составленный теперь Писторомъ для украинской арміи, былъ превосходный, истинно геніальный—а какое военное сочиненіе, какой историкъ упоминаютъ о немъ?

Въ то время преобладала прусская военная система; Фридрихъ былъ владыка и мастеръ, у котораго всё, стремившіеся быть полководцами или полководцы-новички искали примѣровъ и уроковъ. Каждый вѣкъ беретъ за образецъ предшествовавшій; только одни гении забѣгаютъ впередъ и сами становятся образцами. Фридрихъ бралъ свои военные уроки (но съ проницательнымъ взглядомъ превосходнаго дарованія) у полководцевъ Людовика XIV; образцами ему послужили прежде Тюреннь, потомъ Люксамбургъ, къ которымъ онъ изъ своего народа присоединилъ еще великаго курфюрста. Полководцы послѣ Фридриха, до самой французской революціи и Бонапарте, изучали уже походы Фридриха и старались примѣнять его распоряженія къ текущимъ, современнымъ обстоятельствамъ, или своимъ предположенія составлять по его образцамъ. Въ то время военные педагоги, вліявшіе на массы, въ особенности удивлялись вторженію Фридриха, въ 1757 году, въ Богемію, совершенному, какъ извѣстно, въ трехъ весьма удаленныхъ одна отъ другой колоннахъ. Бонапарте еще не показалъ, какъ встрѣчать порознь такія разъединенныя колонны (хотя уже древность представила небольшой образецъ того, въ разсказѣ о борьбѣ Гораціевъ и Куріаціевъ), а ученики тѣхъ учителей всюду восхваляли эти охватывающія колонны. Писторъ, также принадлежавшій къ числу этихъ учениковъ, но только къ наиболѣе остроумнымъ, положилъ теперь, при вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, подражать этому вторженію, и превзошелъ его. Что при вторженіи Фридриха было ошибочно и должно было новости къ пораженію, еслибы, вмѣсто Броуна, онъ имѣлъ противъ себя, хотя и не Бонапарте, а крайней мѣрѣ ученика его, то у Пистора-Каховскаго было превосходно рассчитано и сообразно съ обстоятельствами. Дѣло было въ томъ, чтобъ быстро и рѣшительно двинуться впередъ и не задерживать себя сильными позиціями, которыхъ такъ много представляетъ эта страна, дабы какъ можно скорѣе достигнуть цѣли. Хотя армія Каховскаго состояла болѣе, нежели изъ 60,000 человекъ, а сопротивная ей польская—немного болѣе 20,000, однако, находясь въ собственной странѣ и поддержанная народомъ, послѣдняя могла бы оказать значительное сопротивленіе. Поэтому планъ Пистора былъ такого рода, чтобъ польскія войска не смѣли долго держаться ни на какомъ пунктѣ, даже и въ самой сильной позиціи, и чтобъ самыя обширныя пространства края были приобретены только однимъ совокупнымъ дѣйствіемъ искусно-рассчитанныхъ маршей. По этому плану русская армія была раздѣлена на четыре отдѣленія, изъ которыхъ каждое почти равнялось совокупнымъ си-

ламъ Поляковъ, слѣдовательно не подвергалось опасности быть подавлену превосходствомъ силъ, и столь искусно ведено было противъ непріятеля, что въ то время, когда одно отдѣленіе арміи наступало на него съ фронта, другія охватывали его съ фланговъ, а четвертое угрожало его тылу и сообщеніямъ. Такимъ образомъ непріятель не смѣлъ останавливаться даже на самыхъ лучшихъ позиціяхъ, потому что иначе подвергался опасности быть совершенно отрѣзаннымъ; онъ долженъ былъ идти назадъ и вездѣ назадъ, и всё его запасы и собранныя военныя средства послужили въ пользу Русскихъ.

Правда, что охватывающія движенія, какъ стратегическія, такъ и тактическія, произведенныя противъ искуснаго непріятеля, имѣютъ ту невыгоду, что послѣдній легко можетъ прорвать центръ и разбить противника по частямъ. Такъ при Абенсбергѣ Наполеонъ прорвалъ далеко охватывавшую его армію эрцъ-герцога Карла и разбилъ ее потомъ по частямъ; такъ онъ прорвалъ и русско-австрійскую армію подъ начальствомъ Кутузова, когда она, подъ Аустерлицемъ, слишкомъ растянулась, чтобъ охватить его флангъ; тоже самое сдѣлалъ Веллингтонъ при Аропидлахъ, когда Маріонъ производилъ обширныя движенія, чтобъ охватить его, — не упоминаю о сотнѣ другихъ, подобныхъ случаевъ. Это и побудило новѣйшіе военныя педагоговъ осудить всё обходныя или охватывающія движенія. — На войнѣ нѣтъ ничего положительнаго, но все относительно: что не годится при однихъ обстоятельствахъ, можетъ быть превосходно при другихъ. Тутъ — просторъ для проницательнаго взгляда полководца. Но указаніемъ служить то, что кто хочетъ охватить непріятеля, зайти ему во флангъ, долженъ имѣть значительный перевѣсъ въ силахъ и необходимую предосторожность, чтобы всегда содержать вѣрное сообщеніе между отдѣльными частями. Тогда охватываніе фланговъ ведетъ и къ значительнымъ результатамъ. Кто же, напротивъ, хочетъ охватить непріятеля при равныхъ или даже меньшихъ силахъ, подвергается, противъ искуснаго непріятеля, неминуемому пораженію. Конечно, не всё противники искусны, а потому иной охватывалъ и съ меньшими силами, безъ всякаго отъ того вреда для себя, какъ напр. Фридрихъ при вторженіи въ Богемію въ 1757 году и тактически при Дейтенѣ, Торгау и т. д. — У Каховскаго такой образъ дѣйствій былъ избранъ отлично, чтобъ быстро достигнуть цѣли и не допустить Поляковъ, подобно исполнену въ баснѣ, прикосновеніемъ къ собственной землѣ и сохраненіемъ ея постоянно почерпать свѣжія силы. Этимъ способомъ онъ итѣснилъ польскую армію изъ Подолія и Волыни и за Бугъ въ та-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

кое же короткое время, какое потребовалось бы на то и при совершении обыкновенного марша.

Украинская армия под начальством генерала Каховскаго имѣла въ своихъ четырехъ отдѣленіяхъ 64,000 человекъ⁽³¹⁾. *Первое отдѣленіе* было под начальствомъ главнаго помощника Суворова подъ Измаиломъ, генераль-поручика *Голенищева-Кутузова*, и въ числѣ 23,600 чел. имѣло 17,000 чел. пѣхоты и 6,600 чел. кавалеріи. При этой сильнѣйшей и отборнѣйшей части, на которой лежала главная задача, находился самъ главнокомандующій Каховскій. — *Второе отдѣленіе*, под начальствомъ генераль-поручика *Дунина*, храбраго воина, было числомъ въ 17,400 чел., изъ коихъ 13,400 чел. пѣхоты и 4,300 чел. кавалеріи. — *Третьимъ отдѣленіемъ* начальствовалъ другъ Суворова, рекомендованный имъ генераль-поручикъ *Дерфельденъ*, въ высшей степени неустрашимый воинъ и честный человекъ; это отдѣленіе было слабѣйшее и состояло изъ 11,200 человекъ, изъ коихъ только 6,600 чел. пѣхоты и 4,600 чел. кавалеріи. — *Наконецъ четвертое отдѣленіе* было под начальствомъ генераль-поручика *Леванидова* и состояло изъ 11,800 человекъ, изъ коихъ 8,300 чел. пѣх. и 3,500 чел. кавалеріи.

27 марта (8 апрѣля) генералъ Каховскій получилъ въ Яссахъ первое приказаніе готовиться къ вступленію въ Польшу. Въ слѣдствіе того, онъ приказалъ своей арміи, находившейся еще, по окончаніи похода предъидущаго года противъ Турокъ, въ Молдавіи и Бессарабіи, сдѣлать предварительныя передвиженія оттуда: Кутузовъ долженъ былъ идти къ Могилеву, Дунина — къ Сорокамъ, на Днѣстръ, Дерфельденъ — собрать свои войска у Дубоссаръ, а Леванидовъ, съ противоположной стороны — вести свои полки чрезъ Кіевъ къ границѣ у Василькова.

Южную границу Польши съ Молдавіею и Бессарабіею тогда составляла р. Днѣстръ; съ Новороссійскимъ же краемъ или только что прибрѣтеннымъ Очаковскимъ округомъ и прежде отнятыми у Татаръ землями, ее составляли двѣ небольшія рѣчки Ягорлыкъ и Кодыма до самаго Буга⁽³²⁾, а отсюда рѣчки Синюха и Высь до степи⁽³³⁾, по которой граница продолжалась до Днѣпра у Крылова (выше Кременчуга) и потомъ вдоль этой рѣчки, оканчиваясь близъ Кіева.

(31) См. прилагаемую таблицу А.

(32) Ягорлыкъ впадаетъ въ Днѣстръ выше Дубоссаръ, а Кодыма въ Бугъ выше Ольвиополя.

(33) Синюха впадаетъ въ Бугъ у Ольвиополя, а Высь въ Синюху выше Тарговицъ.

Первый и второй корпуса или собственно главная армія, силою въ 41,000 чел., должны были вступить въ Польшу со стороны Днѣстра, охватить непріятельскую армію и угрожать сообщеніямъ ея съ внутренностію страны и Варшавой; Дерфельденъ съ третьимъ корпусомъ, силою въ 11,000 чел.—изъ Новороссіи, отъ Ольвіополя на Бугѣ, двинуться въ непріятельскую страну во флангъ Полякамъ, и наконецъ Леванидовъ съ 12,000 чел.—отъ Василькова идти имъ въ тылъ.

По свѣдѣніямъ, какія имѣлись о польской арміи, она была расположена вдоль Буга въ четырехъ отдѣленіяхъ: въ Тывровѣ, Немировѣ, Брацлавѣ и Тульчинѣ. На основаніи этихъ свѣдѣній приказано было произвести дальнѣйшія движенія: Дерфельденъ, первый перейдя 7 (18) мая черезъ границу у Ольвіополя, долженъ былъ привлечь въ эту сторону вниманіе непріятеля, тѣмъ болѣе, что въ его лагерь находились и вожди конфедерации; затѣмъ обѣ главныя части арміи, Кутузова и Дунина, должны были перейти черезъ Днѣстръ у Могилева и Сорокъ, и направиться: первый—быстрымъ движеніемъ противъ праваго флага непріятеля къ Винницѣ, второй—болѣе противъ центра его, угрожая и удерживая его, на Немировъ; Леванидову же, перешедшему 10 (21) числа черезъ границу у Василькова, ближайшею цѣлью движенія былъ указанъ Бердичевъ, въ тылу непріятеля, откуда, при малѣйшемъ замедленіи послѣдняго, онъ могъ черезъ Махновку или Хмѣльникъ войти въ сообщеніе съ Кутузовымъ въ Винницѣ и тѣмъ довершить отрѣзаніе и окруженіе польскихъ войскъ. Каждый изъ отдѣльныхъ корпусовъ имѣлъ достаточно силы и самостоятельности противостать всему, что Поляки могли отрядить противъ него; сверхъ того, всѣ они, кромѣ Дерфельдена, находились въ надлежащей связи между собою, дабы въ случаѣ нужды поддерживать другъ друга; Дерфельденъ же имѣлъ надежную опору въ корпусѣ князя Волконскаго (шестомъ), прикрывавшемъ русскія границы между Бугомъ и Днѣпромъ. Такъ была отстранена всякая опасность разъединенія и однако приобрѣтены всѣ выгоды обходнаго, охватывающаго движенія. Еслибъ этотъ планъ былъ исполненъ съ такими же быстротою и рѣшительностію, съ какимъ искусствомъ былъ составленъ, то польская армія съ трудомъ избѣжала бы совершеннаго разсѣянія или и уничтоженія.

Согласно съ этими основными чертами плана, отдѣльные корпуса начали теперь подлинно мастерскую игру (*), не позволяя непріятелю,

(*) У Смита Kunstspiel.

постепенными ходами своими на флангах и въ тылу его, нигдѣ стать твердою ногой, чтобъ опомниться, но гоня его изъ одной позиціи въ другую до самыхъ окрестностей Варшавы. Разсмотримъ это ближе.

7 (18) мая Дерфельденъ прежде всѣхъ, какъ было назначено по плану, перешелъ черезъ границу у Ольвиополя и въ тылу непріятеля направился на Умань. Потоцкій, Ржевускій и Браницкій отирались черезъ Новороссію въ пограничное мѣстечко Тарговицы и тутъ обнародовали свою контръ-конфедерацію. Когда такимъ образомъ вниманіе непріятеля было привлечено сюда, Дунишъ и Кутузовъ перешли 8 (19) мая черезъ Днѣстръ у Косицы и Могилева и двинулись усиленными переходами, первый черезъ Томашполь и Шанковъ къ Рогозні на Бугъ (противъ Немирова), а послѣдній черезъ Шаргородъ и Браиловъ къ Винницѣ на верхнемъ Бугѣ, противъ крайняго праваго фланга Поляковъ. Польскіе предводители тотчасъ усмотрѣли опасность своего положенія, почему, не вдаваясь въ обманъ демонстраціями Дерфельдена, начали чрезвычайно быстро отступать изъ различныхъ позицій своихъ чрезъ Винницу и Яновъ на Пиковъ, гдѣ 31 мая (11 іюня) Понятовскій благополучно присоединилъ къ себѣ отдѣльныя части Вѣльгорскаго, Гроховскаго и Косцюшки, отступившаго передъ Леванидовымъ чрезъ Бердичевъ. Но войска были чрезвычайно утомлены усиленными переходами, которые принуждены были совершить, упали духомъ въ слѣдствіе пораженія въ нѣсколькихъ небольшихъ кавалерійскихъ стычкахъ и наконецъ отъ гордой самонадѣянности своей перешли къ совершенному униженію (34). Но и по соединеніи своемъ, они не должны были имѣть ни минуты покоя, потому что Каховскій и Дунишъ уже соединились 31 мая (11 іюня) въ Литинѣ и двигались противъ праваго фланга непріятеля къ Хмѣльнику, между тѣмъ какъ Дерфельденъ, угрожая его лѣвому флангу, направился на Погребщице (между Винницею и Сквирой). Такимъ образомъ польская армія, повсюду угрожаемая и вытѣсненная изъ Подолія, отступила усиленными переходами къ Любарю на Волини, гдѣ на обширной равнинѣ заняла позицію, примыкая лѣвымъ флангомъ къ городу, правымъ къ болотамъ, и имѣя передъ собою р. Случь, на которой уничтожены были всѣ мосты. Здѣсь польскій главнокомандующій надѣялся держаться нѣсколько времени. Тщетная надежда! потому что

(34) См. Zmyoncsek (Histoire de la révolution de Pologne en 1794; par un témoin oculaire. Paris, 1797), стр. 34—40.

Русскіе уже приближались, обходя ихъ со всѣхъ сторонъ. Теперь роль Кутузова перешла къ Леванидову, который, перейдя отъ Бердичева къ Чуднову, долженъ былъ оттуда идти на Мирополье, въ тылъ непріятельскаго лагеря у Любаря, между тѣмъ какъ Каховскій, съ двумя другими соединенными частями, двинулся 12 и 13 іуна отъ Хмільника чрезъ Старую Сѣвяву на Острополье, дабы здѣсь перейти черезъ р. Случь и атаковать непріятеля. Генералъ Марковъ съ 4 баталіонами и 12 эскадронами долженъ былъ производить демонстраціи противъ фронта непріятельской позиціи, дабы скрыть обходное движеніе Каховскаго. Наконецъ, Дерфельденъ съ своею частію получилъ приказаніе оставаться въ Погребщицѣ, для прикрытія тыла и сообщеній главныхъ силъ, при дальнѣйшемъ ихъ движеніи, и чтобъ поддержать тарговицкихъ конфедератовъ въ распространеніи ихъ конфедераціи.

До сихъ поръ еще не происходило никакихъ серьезныхъ дѣлъ, только маневрировали; теперь дѣло должно было дойти до первыхъ боевыхъ дѣйствій. Послѣ удачно-совершенной переправы у Острополя, обѣ соединенныя части русской арміи двинулось 3 (14) іуна на Вышнеполь, съ цѣлю на слѣдующій день атаковать Поляковъ у Любаря, между тѣмъ какъ Леванидовъ изъ Мирополя заградилъ имъ путь въ Половное. Казалось, насталъ конецъ польской арміи, еслибы всѣ движенія были проведены въ точности и согласіи; но въ этомъ-то именно и сокрушается на войнѣ большая часть искусно-сообразительныхъ предпріятій. Такъ случилось и здѣсь. Понятовскій, вѣрно оцѣнивъ грозившую ему опасность, по первому извѣстію о наступленіи Леванидова противъ его лѣваго фланга, отрядилъ, для прикрытія его, Косцюшко къ Чарторый, а когда узналъ и о приближеніи съ другой стороны главныхъ силъ русской арміи, то 4 (15) числа рано утромъ сломя голову снялся съ лагеря при Любарѣ и скорѣйшимъ образомъ двинулся тремя колоннами чрезъ Чарторию, Борушковичи и Деревичи на Половное, чтобы предупредить тамъ Леванидова. Все зависѣло отъ того, кто придетъ туда первый, Леванидовъ-ли, которому отъ Мирополя нужно было сдѣлать всего одинъ небольшой переходъ, или Понятовскій, которому предстоялъ туда дальній путь. Тутъ Леванидовъ, недостаткомъ рѣшимости, испортилъ превосходно составленный планъ для совершеннаго пораженія или плѣненія польской арміи. Мостъ его чрезъ р. Случь былъ наведенъ и онъ самъ уже готовъ выступить, какъ вдругъ узналъ, что Косцюшко готовится переправиться у Чартории и напасть на его сообщенія. Эта демонстрація — ибо то было не что

нико — заставила его остановиться и, изъ опасенія быть атакованнымъ съ фронта Понятовскимъ, а съ тыла Косцюшкой или, говоря военнымъ языкомъ того времени, попасть между двухъ огней, онъ не тронулся изъ Мирополя. Такимъ образомъ Понятовскій съ головою арміи безпрепятственно прибылъ въ Полонное; но хуже обошлось это обѣимъ другимъ его колоннамъ, обоза и Вѣльгорскаго, шедшимъ чрезъ Борушковичи. Каховскій обошелъ 4 (15) іюня изъ Вышнеполя правый флангъ Поляковъ у Любаря, дабы, при ожидаемомъ боѣ, припереть ихъ къ рѣкѣ; передовыя войска его уже приближались къ этому мѣстечку, когда узнали, что непріятель только-что очистилъ его и находится въ полномъ отступленіи. Они тотчасъ бросились преслѣдовать его. Бригадиръ Орловъ съ 2-мя полками казаковъ и генераль Тормасовъ съ отрядомъ легкой кавалеріи опрокинули 10 эскадроновъ, долженствовавшихъ прикрывать отступленіе непріятеля, перешли, подкрѣпленные 2-мя баталіонами екатеринославскихъ егерей, по двумъ, на-скоро устроеннымъ мѣстамъ, чрезъ болотистую лощину и напали на третью колонну, шедшую лѣвѣе и состоявшую изъ обоза. Бѣольшая часть его была взята; а другая бросилась прямо чрезъ поле, къ ближайшей, второй колоннѣ Вѣльгорскаго. Русская кавалерія и егеря преслѣдовали ее и у дер. Деревичи ⁽³⁵⁾ произошло дѣло съ Вѣльгорскимъ. Поляки были притѣснены къ деревнѣ и когда хотѣли начать отступленіе, то подъ тяжестью повозокъ и орудій сломался мостъ чрезъ длинный прудъ. Тутъ колонна Вѣльгорскаго, все сильнѣе тѣсняемая русскими передовыми войсками, усиленными еще 3-мя свѣжими баталіонами подъ начальствомъ князя Лобанова, попала въ большую бѣду, изъ которой вышла только съ тяжкими пожертвованіями. Хотя Понятовскій, услыхавъ пальбу, поспѣшилъ на помощь съ полкомъ кавалеріи, но засталъ бой уже конченнымъ и войска Вѣльгорскаго въ быстромъ отступленіи и могъ только прикрыть его. Поляки потеряли до 600 чел. убитыми и ранеными, и 375 чел. плѣнными, кромѣ того 7 орудій и бѣольшую часть обоза, въ томъ числѣ подвижный магазинъ и военную казну.

Какъ ни чувствительны были эти потери, но онѣ были бы гораздо значительнѣе, еслибъ Леванидовъ преградилъ Полякамъ, какъ и могъ, путь въ Полонное. Онъ не сдѣлалъ этого и польская армія благополучно достигла этого мѣстечка, гдѣ находились значительные мага-

(35) Такъ оно было названо въ русскихъ реляціяхъ; у Поляковъ же названо дѣломъ при Борушковичахъ. Обѣ деревни лежатъ одна близъ другой.

зины и уже болѣе мѣсяца, подъ руководствомъ инженернаго полковника Сѣраковскаго, производились работы по укрѣпленію города и устройству укрѣпленнаго лагеря. Полонное было предназначено складочнымъ мѣстомъ и крѣпкимъ оборонительнымъ пунктомъ, гдѣ армія должна была держаться нѣсколько времени. Но при ея слабости и охватывавшихъ движеніяхъ русскихъ войскъ, нельзя было и думать гдѣ-либо держаться. Приведенные въ упадокъ духа потерями при Деревичахъ, тревожимые близостію Леванидова на нѣтъ флангъ, польскія войска, съ наступленіемъ ночи, не безъ замѣшательства достигли города. Не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ расположенію лагеремъ и солдаты легли отдыхать на первомъ попавшемся мѣстѣ; войска Віельгорскаго прибыли въ совершенномъ разстройствѣ и разсѣялись по близъ-лежавшимъ полямъ и въ городѣ, въ которомъ отъ того произошелъ пожаръ. Косцюшко, прибывшій послѣднимъ, въ порядкѣ, потушилъ пожаръ и далъ Понатовскому время возстановить порядокъ (36).

Польскій главнокомандующій счелъ невозможнымъ держаться въ Полонномъ и, угрожаемый наступленіемъ частей русской арміи, теперь уже дѣйствовавшихъ въ непосредственной связи, отказался отъ всякаго здѣсь сопротивленія. По мѣрѣ перевозочныхъ средствъ, какія были найдены, онъ отправилъ, изъ собранныхъ тутъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, сколько могъ въ направленіи къ Заславлю, зажегъ потомъ остальные и 6 (17) іюня на разсвѣтѣ выступилъ туда же черезъ Шепетовку. Косцюшко долженъ былъ на этотъ разъ составлять арріергардъ и прикрывалъ отступление спокойно и твердо. На пути Понатовскій, получивъ донесеніе, что Любомірскій съ 6,000 чел. уже прибылъ въ Заславль (37), приказалъ ему выслать на встрѣчу къ себѣ въ Зѣлинцы (*) половину его войскъ, для прикрытія своего лѣваго фланга. Эта половина, подъ начальствомъ генераловъ Трохина и Заіончека, еще того же дня поздно вечеромъ прибыла въ Зѣлинцы, между тѣмъ какъ Понатовскій расположился на ночь недалеко оттуда у Шепетовки, на большой дорогѣ въ Заславль.

Между тѣмъ русскія войска Каховскаго, непосредственно послѣ отступления непріятеля, заняли совершенно очищенное имъ Полонное и спасли отъ огня болшую часть зажженныхъ запасовъ (до 6,000 мѣшковъ муки); въ покинутыхъ веркахъ найдены были 45 орудій. Тутъ Каховскій, не сообразивъ какъ слѣдовадо обстоятельство,

(36) Zayonczek. стр. 41.

(37) По другимъ свѣдѣніямъ 7,000 чел.

(*) На теперешнихъ нашихъ картахъ — Жилинцы.

поступилъ необдуманно. Извѣстясь, что непріятель везетъ съ собою, въ большой колоннѣ повозокъ, спасенные запасы, онъ вознамѣрился повторить маневръ предпрошлаго дня и отрядилъ генерала Маркова съ 8,000 чел. (8 бат. и 22 эск.), ⁽³⁸⁾ чтобъ окольною дорогою чрезъ Зѣлинцы предупредить непріятеля, ударить ему во флангъ и отрѣзать часть обоза. Необдуманность состояла въ томъ, что онъ, до сихъ поръ постоянно употреблявшій для своихъ обходныхъ движеній цѣлыя отдѣленія арміи, тутъ употребилъ только одинъ авангардъ, даже не поддерживавъ его болѣе значительною частію войскъ и пославъ его прямо во флангъ непріятельской арміи. Это былъ маневръ, подобный движенію Вандамма при Кульмѣ, и легко могъ бы повести къ подобнымъ же результатамъ, еслибъ войска Маркова были менѣе способны.—Марковъ быстро двинулся 7 (18) іюня на разсвѣтъ впередъ и въ 7 часовъ утра прибылъ къ Зѣлинцамъ, гдѣ Трокинъ и Заіончекъ заняли позицію на возвышеніи, имѣвшемъ видъ полумѣсяца, примыкая правымъ флангомъ къ Зѣлинцамъ, а лѣвымъ къ болотистой низменности. 3,000-ный отрядъ ихъ былъ построенъ только въ одну линію; вторую и третью составилъ позже Понатовскій, который, по первому извѣстію о приближеніи Русскихъ, поспѣшилъ сюда съ своими силами изъ Шепетовки. Онъ усилилъ еще передовую линію Заіончека 12-ю орудіями и полкомъ кавалеріи подъ начальствомъ Мокрановскаго.

Русскіе приближались четырьмя небольшими колоннами ⁽³⁹⁾, нашли непріятеля построеннымъ въ боевой порядокъ и быстро построили свой также въ одну линію: 6 баталіоновъ въ центрѣ, кавалерію по флангамъ, 1 егерскій баталіонъ въ резервѣ, и наконецъ 1 баталіонъ и 2 эскадрона оставили для прикрытія обоза. — Огонь, открытый изъ орудій, продолжался нѣсколько часовъ; польская кавалерія праваго фланга сильно пострадала и, атакованная около полудня русскою, была опрокинута. Но, преслѣдуя ее, русская кавалерія наткнулась на вторую линію, была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и перешедшею снова въ наступленіе польскою кавалеріею Мокрановскаго, и принуждена отступить съ потерей. Польки нѣсколько разъ пытались затѣмъ атаковать Русскихъ, но были

(38) У Маркова было: 4 бат. екатеринославскихъ егерей,
4 бат. екатеринославскихъ гренадеровъ,
10 эскад. елисаветградскихъ конныхъ егерей,
12 эскад. ольвіопольскихъ и воронежскихъ гусаровъ.

(39) См. прилагаемый планъ (III).

неустранимо отражаемы ими. Понатовскій, не смотря на свое превосходство въ силахъ, не отваживался дѣйствовать рѣшительно, ежеминутно опасаясь появленія русскихъ главныхъ силъ, почему, послѣ того, что бой продолжался еще нерѣшительно до 6 часовъ вечера, онъ приказалъ отступать къ Заславию. Въ самую минуту отступления, съ противоположной стороны появился Косцюшко съ своимъ отрядомъ, составлявшимъ аррьергардъ. Марковъ съ частію своихъ войскъ построилъ фронтъ противъ Косцюшки, между тѣмъ какъ другая часть оставалась обращенною къ отступавшему Понатовскому. Перестрѣливались часа два; Косцюшко не могъ силою перейти черезъ отдѣлявшую его отъ Маркова болотистую лощину и наконецъ долженъ былъ снова возвратиться въ лѣсъ, изъ котораго вышелъ, и оттуда, взявъ вправо, окольными дорогами присоединился на другой день къ главнымъ силамъ у Заславя.

Изъ этого разсказа, въ которомъ мы, сверхъ русскихъ донесеній, преимущественно слѣдовали донесенію Косцюшки, видно, что Марковъ, не смотря на то, что имѣлъ противъ себя болѣе, нежели вдвое превосходнаго силами непріятеля, удержалъ за собою мѣсто боя и даже принудилъ слѣдовавшаго въ хвостъ Косцюшку искать окольными дорогами соединенія съ своими главными силами. А между тѣмъ польскіе повѣствователи, съ свойственною имъ хвастливостью, провозглашали тутъ свою побѣду и утверждали, что наѣзное уничтожили бы Русскихъ, «еслибы тому не помѣшала: неспособность нѣкоторыхъ генераловъ, неисполненіе данныхъ приказаній, неизвѣстность о числѣ Русскихъ, такъ какъ нельзя было добыть хорошаго шпіона,» (40) и — какъ къ тому еще присовокупляетъ Заіончекъ, по личной ненависти своей къ Понатовскому — неспособность этого полководца. Заіончекъ не устыдился утверждать явную ложь: «На послѣдокъ русской генералъ составилъ изъ своей дивизіи одно каре и отступилъ; когда же Поляки отступили, на мѣсто боя воротились опять два баталіона егерей и проиричали побѣду!» (41) — Собственный разсказъ Косцюшки, какимъ образомъ Русскіе, удержавъ мѣста боя, воспрепятствовали ему соединиться съ Понатовскимъ, достаточно оровергаетъ басню, рассчитанную лишь на оди́нъ ребяческій разсудокъ (42).

(40) Слова изъ донесенія Косцюшки. — Не имѣть лазутчиковъ въ собственной странѣ! — Безъ «еслибъ» нельзя обойтись ни при какомъ пораженіи.

(41) Заіончекъ, стр. 45.

(42) И Платеръ въ своемъ атласѣ честно сознается: «что хотя Поляки имѣли

Потери съ обѣихъ сторонъ были кажется равныя. Марковъ показываеъ свою въ 730 человекъ, Заіончекъ и Коллонтай потерю Поляковъ въ 800 чел., за то послѣдній, по своему обычаю, опредѣляетъ потерю Русскихъ въ 3,000 человекъ. Русскіе взяли 3 орудія.

Понятовскій отступилъ затѣмъ къ Заславлю, гдѣ соединился съ Любомірскаимъ, 6-ю тысячами чел. свѣжихъ войскъ котораго не только возмелили потери свои дотолѣ, но и довелъ свою армію до 28,000 человекъ. Послѣ 24-хъ часоваго отдыха въ Заславлѣ, Понятовскій выступилъ оттуда на Острогъ, а Любомірскаій на Куневъ. А гдѣль этого раздѣленія? Заіончекъ высказываетъ ее: «хотѣли побудить русскую армію къ преслѣдованію Любомірскаго и затѣмъ поставить ее между двухъ огней. Но Русскіе не попали въ западню.»—Едва вѣришь глазамъ своимъ! 50,000-ную армію хотѣли поставить въ тиски между однимъ корпусомъ въ 6,000 чел. и другимъ въ 17,000!—Таковы были воззрѣнія того времени! Маленькіе мастера прусской военной школы, мало понимавшіе своего великаго мастера, придумали это выраженіе, имѣвшее на современниковъ, но-истинѣ, волшебное дѣйствіе: тогдашній генералъ не рѣшился бы даже съ большими силами войти въ промежутокъ двухъ отдѣльныхъ батальоновъ, «чтобъ не попасть между двухъ огней.»—Такъ польскіе предводители думали, что сдѣлали глубокое соображеніе, раздѣливъ слабыя свои силы для того, чтобъ русская армія попалась между ними!—Еще четыре года спустя Болѣ хотѣлъ «поставить между двухъ огней» юнаго Бонапарте въ генуэзской ривіерѣ — но плохо рѣшилось ему.

Каховскій, слѣдуя по пятамъ за Поляками, вступилъ 9 (20) іюня въ Заславль. Здѣсь явились къ нему адъютанты Понятовскаго съ предложеніемъ четырехъ-недѣльнаго перемирія. Русскій главнокомандующій отказалъ, не имѣя на то полномочій. Да еслибъ онъ и имѣлъ ихъ, то въ положеніи, въ какое была приведена польская армія, не слѣдовало давать ей ни покоя, ни отдыха, чтобы скорѣе достигнуть рѣшительныхъ результатовъ. Однако переговоры эти доставили Поникамъ ту выгоду, что военныя дѣйствія были приостановлены тѣмъ на нѣсколько дней и Каховскій выступилъ изъ Заславля только 14 (25) іюня. Вѣрно одѣвивъ измѣнившіяся обстоятельства, онъ угро-

здѣсь переѣзъ въ сѣлахъ, однако честь этого дая принадлежитъ Маркову и его русскимъ войскамъ.»

жалъ теперь уже не правому флангу Поляковъ, а лѣвому, тѣмъ отчасти отрѣзывалъ ихъ отъ сѣверныхъ воеводствъ, отчасти же, при малѣйшемъ промедленіи ихъ, могъ притѣснить ихъ къ границѣ Галиціи. А потому, не обращая вниманія на безразсудное движеніе Лубомірскаго къ Куневу, самъ онъ съ главными силами двинулся на Острогъ, направивъ Дунина правѣе на Черняховъ, а Леванидова еще правѣе на Гущу, для перехода въ этихъ двухъ пунктахъ чрезъ р. Горынь и для того, чтобъ польскую армію въ крѣпкой позиціи у Острога либо атаковать, либо охватить съ лѣваго фланга ея. Позиція у Острога была весьма сильна и Поляки надѣялись долго держаться на ней. Самый городъ лежитъ на крутыхъ высотахъ, котормя Поляки заняли и укрѣпили; у подошвы ихъ, по болотистой мѣстности, многими рукавами протекаетъ рѣчка Вилія, такъ что подступитъ къ позиціи можно было только по нѣсколькимъ узкимъ мостамъ, обстрѣливаемымъ польскою артиллеріей. Съ фронта позиція эта была почти неприступна и овладѣть ею можно было только обходомъ. Подступивъ къ ней вечеромъ 14 (25) іюня, Каховскій приказалъ нѣсколькимъ егерскимъ баталіонамъ овладѣть лежащимъ по сю сторону предмѣстьемъ и двумя мостами; третій же и послѣдній мостъ, обороняемый съ нѣсколькихъ сторонъ перекрестнымъ огнемъ, равно и продольно картечнымъ и ружейнымъ, остался во власти Поляковъ. Однако противъ него выставили значительное число орудій и отчасти заставили молчать непріятельскій огонь. Въ такомъ положеніи наступила ночь. На слѣдующее утро 15 (26) іюня съ обѣихъ сторонъ возобновилась канонада; но Каховскій, приказавъ Маркову производить демонстраціи противъ праваго фланга непріятеля у францисканскаго монастыря Мензиржичи, послалъ генераламъ Дунину и Леванидову приказаніе ускорить переходъ ихъ чрезъ Горынь, чтобъ взять непріятеля во флангъ и въ тылъ. Канонада у Острога продолжалась, безъ рѣшительныхъ результатовъ, до поздняго вечера, при чемъ часть предмѣстій сгорѣла. Но ночью польскій главнокомандующій получилъ извѣстіе, что легкія войска Дунина уже перешли черезъ Горынь у Черняхова и что прочія войска его корпуса готовятся послѣдовать за ними. Тогда онъ отказался отъ дальнѣйшей обороны у Острога, тѣмъ болѣе когда ему донесли, что огнестрѣльные снаряды были болѣею частью разстрѣяны и что оставалось только по двѣнадцати зарядовъ на каждое орудіе. Рано утромъ 16 (27) іюня онъ предпринялъ отступленіе по двумъ дорогамъ на Дубно. Каховскій тотчасъ же приказалъ возстановитъ мосты на Виліи, занялъ Острогъ и двинулся

даже для преслѣдованія непріятеля, пославъ Дунину приказаніе, чтобъ и онъ, съ своей стороны, изъ Черняхова быстро перешелъ къ преслѣдованію. Но у Дунина еще не былъ оконченъ мостъ. Въ этотъ день Поляковъ гнали до Варковичъ ⁽⁴³⁾, откуда они на слѣдующее утро 17 (28) іюня потянулись на Дубно. Здѣсь солдаты ожидали найти покой, отдыхъ, новую обмундировку, хорошее продовольствіе, свѣжія подкрѣпленія, даже, какъ увѣрили ихъ, присутствіе самаго короля. Ничего изъ всего этого не осуществилось. Король не покидалъ Варшавы; сукно на плащи не было поставлено; палатки и другія необходимыя принадлежности еще не изготовлены; въ хлѣбѣ и фуражѣ былъ недостатокъ, не смотря на учрежденные здѣсь большіе магазины; и ожидаемыхъ покоя и отдохновенія также не должно было достаться имъ. По глупости-ли или по обычному подлогу, всѣ запасы были сложены въ мнимыхъ безопасныхъ мѣстахъ, гдѣ они достались не Полякамъ, но вступившимъ туда вскорѣ Русскимъ. Вѣрно то, что здѣсь въ руки Русскимъ достались значительныя средства всѣхъ родовъ, въ особенности продовольственныя. Польская же армія, вмѣсто ожидаемаго изобилія, нашедшая одни недостатки и лишенія, была принуждена какъ этимъ, такъ преимущественно угроженіемъ лѣвому своему флангу, уже черезъ два дня, въ ночь на 20 іюня (1 іюля), снова взяться за свой странническій посохъ. Въ слѣдствіе того, въ арміи возникли, какъ обыкновенно, неудовольствіе и раздоръ. Солдаты и офицеры роптали на вѣчное отступленіе, бывшее однако неизбѣжнымъ; поносили Любомірскаго, которому принадлежало Дубно и не сдѣлавшаго необходимыхъ приготовленій; войну называли лишь борьбою *Потоцкихъ*, Феликса противъ Игнатія; зачѣмъ же было жертвовать собою за Игнатія? ⁽⁴⁴⁾ «Лучше уже уступить, говорили они, превосходству русскихъ силъ; ибо продолженіе войны противъ столь превосходнаго въ силахъ непріятеля должно повлечь за собою гибель арміи». Возникла сильная ссора между Понятовскимъ и Любомірскимъ, и они, съ приближеніемъ Русскихъ, отступили каждый своею особенной дорогой, а дойда до Владиміра, даже расположились въ двухъ отдѣльныхъ лагеряхъ, Понятовскій у Владиміра, а Любомірскій четыре версты сѣвернѣе, у Вербы, на этотъ разъ уже не съ тѣмъ, чтобы поставить Русскихъ между двухъ огней. Между тѣмъ потребовали изъ Варшавы бое-

(43) Косцюшко рассказываетъ: «войска арріергарда (вѣроятно Любомірскаго) едва не опередили его, шедшаго въ авангардъ, у Варковичъ!»

(44) См. Заюнчекъ, стр. 48.

выхъ припасовъ, даже по почтѣ. Ихъ выслали, но за Любомірскомъ они влетѣли на воздухъ, не принеся пользы войску, которое вѣроятно снабдилось ими помощью иныхъ средствъ, потому что за Бугомъ у него не было недостатка въ нихъ.

Между тѣмъ Русскіе нѣсколько отстали, задержанные преимущественно значительнымъ числомъ рѣкъ этого края, на которыхъ мосты были уничтожены. Цѣлый день 17 (28) іюня Дунинъ и Леванидовъ провели, каждый съ своей стороны, въ построеніи мостовъ черезъ Горинь, а по переходѣ черезъ нее, Леванидовъ, продолжалъ охватывать Поляковъ въ Дубнѣ, былъ направленъ черезъ Ровно и Клявань на Миховъ, между тѣмъ какъ Дунинъ, въ ближайшемъ сообщеніи съ Каховскимъ, долженъ былъ идти черезъ Варковичи на Дубно, къ которому оба корпуса и подступили 20 іюня (1 іюля), Дунинъ сѣвернѣе у Ивани, гдѣ, на лѣвомъ флангѣ непріятеля, долженъ былъ перейти черезъ Икву, Каховскій же къ самому Дубно. Здѣсь они узнали, что Поляки уже въ предшествовавшую ночь отступили по дорогѣ въ Луцкъ. Каховскій далъ своимъ войскамъ нѣсколько дней отдыха и только 23 іюня (4 іюля) выступилъ изъ окрестностей Дубно, для дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля, черезъ Красное, Скуржи и Локачь на Владиміръ, между тѣмъ какъ Леванидовъ шелъ въ сѣверномъ направленіи отъ Михова чрезъ Ковель на Любомль.

26 іюня (7 іюля) рано утромъ Каховскій появился предъ Владиміромъ, который, будучи прикрытъ р. Лугъ, доставлялъ непріятелю довольно выгодную позицію. Но послѣдній не выждалъ нападенія Русскихъ, а продолжалъ дальнѣйшее отступленіе по дорогѣ на Дубенку, какъ только Русскіе стали готовиться къ переходу черезъ р. Лугъ, и былъ лишь слегка преслѣдуемъ казаками, между тѣмъ какъ Русская армія, построивъ мосты черезъ р. Лугъ, заняла позицію у Владиміра. Здѣсь обнаружилась послѣдствія вражды между польскими предводителями. Понятовскій не далъ знать Любомірскому о своемъ отступленіи, и послѣдній, какъ только услышалъ выстрѣлы у Владиміра, то приблизился изъ густаго лѣса, покрывавшаго окрестности, къ позиціи Русскихъ. Казаки Орлова тотчасъ завязали дѣло, Терещковъ съ частію кавалеріи поспѣшилъ поддержать ихъ, а за нимъ и полковникъ Салтыковъ съ двумя баталіонами своихъ мушкетерскихъ егерей. Любомірскій, внезапно увидя передъ собою лагерь всей русской арміи, быстро поспѣшилъ обратно въ лѣсъ, гдѣ трудно было настичь его, а оттуда окольными путями къ Бугу; однако при этомъ

ему нанесенъ былъ уронъ до 200 чел. убитыми и взята часть его обоза съ военною казною въ количествѣ до 40,000 рублей.

Тутъ Заюнчекъ снова дѣлаетъ остроумное замѣчаніе: «Русскіе поступили неблагооразумно, преслѣдуя Понятовскаго частію войскъ, между тѣмъ какъ Любомірскій былъ еще у Вербы, чрезъ что они легко могли бы попасть между двухъ огней». Это было постоянною мыслию его, которая не покидала его. Благооразуміе было не такъ велико, какъ онъ полагаетъ: тутъ была вся армія ихъ, и Любомірскій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что умелъ цѣль.

Польская армія послѣднимъ отступила теперь за Бугъ, который, въ слѣдствіе приказаній изъ Варшавы, должна была оборонять. Но, по воззрѣніямъ того времени, оборону эту вздумали произвести такъ, что раздробили все войско на небольшіе отряды, поставленные за рѣкою, начиная отъ Дубенки, на тогдашней австрійской границѣ, до самаго впаденія Буга въ Вислу: войска Понятовскаго отъ Дубенки за Влодаву, литовскія же, подъ начальствомъ Забѣлло, отъ Бреста за Нуръ. Это вынуждаетъ насъ бросить бѣглый взглядъ на военныя дѣйствія въ Литвѣ.

Въ этомъ обширномъ краѣ польская армія была еще слабѣе, чѣмъ въ Украинѣ, считая не свыше 15,000 чел., разбросанныхъ всюду вокругъ, и не имѣла даже необходимыхъ орудій, которыя еще имѣли быть доставлены изъ Варшавы. Назначенный, во вліянію Чарторійскихъ, главнокомандующимъ, принцъ Лудвигъ Виртембергскій, братъ русской великой княгини, не показывалъ особенной охоты серьезно обнажить мечъ противъ сестры своей и потому былъ замѣненъ Юдицкимъ, хотя и храбрымъ лично, но не много смыслившимъ въ веденіи войны. Сначала онъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ собрать разбѣянные войска: но пока онъ былъ занятъ этимъ, Русскіе уже вступили съ нѣсколькихъ сторонъ въ страну.

Планъ дѣйствій русской арміи въ Литвѣ былъ составленъ, какъ сказано выше, генералъ-квартирмейстеромъ Германомъ. На основаніи его, 32,000 чел. войскъ этой арміи, подъ начальствомъ генерала *Кречетникова*, были раздѣлены на четыре колонны, которыя наступали однако не такъ, какъ въ арміи Каховскаго, въ непосредственной, взаимной связи и содѣйствуя одна другой, но вступили въ страну съ четырехъ различныхъ сторонъ театра войны, каждая отдѣльно сама по себѣ, и гнали передъ собой небольшіе непріятельскіе отряды. Однако между обѣими сѣверными и обѣими южными колоннами оставалась нѣкоторая связь, которая, по мѣрѣ приближенія колоннъ отъ обширной исходной окружности къ централь-

нымъ пунктамъ, служившимъ цѣлями ихъ движеній, постепенно становилась тѣснѣе. А этими центральными пунктами были : для сѣверныхъ колоннъ — Вильно и Гродно , главные города страны , а для обѣихъ южныхъ — сначала Минскъ и Несвижъ , а потомъ Брестъ-литовскій. Въ отношеніи къ искусству , плана этого нельзя было и сравнивать съ планомъ дѣйствій украинской арміи; но въ отношеніи къ цѣли, онъ достигалъ ее столько же, сколько и послѣдній, потому что здѣсь еще менѣе, нежели тамъ, было приготовлено средствъ къ сопротивленію, не смотря на большое хвастовство въ томъ. Цѣлю же этой было очистить отъ войскъ противника всю страну къ сѣверу отъ р. Припечи и склонить ее на сторону новой конфедераціи.

Эти четыре колонны или отдѣленія, на которыя раздѣлялась армія Кречетникова, были слѣдующія: (45).

Первое отдѣленіе, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Смолы Коссаковскаго*, при которомъ находился и главнокомандующій Кречетниковъ, состояло изъ 7 бат., 15 эскадр. и 1 полка казаковъ, или изъ 5,800 чел. пѣхоты, 2,100 чел. кавалеріи и 400 казаковъ, при 16 полевыхъ орудіяхъ, всего изъ 8,300 человекъ.—Они собирались у Полоцка.

Вторымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *князь Долгорукій*; оно было сильнѣйшее и состояло изъ 9,000 чел. (7 бат., 12 эскадр., 2 каз. полка или 6,400 чел. пѣхоты, 1,840 чел. кавалеріи и 760 казаковъ) при 16 полевыхъ орудіяхъ. Они собирались у Динабурга.

Третьимъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *графъ Меллинъ*; оно было слабѣйшее, считая только 6,400 чел. при 13 полевыхъ орудіяхъ (5 бат., 10 эскадр. и 1 каз. полкъ, или 4,500 чел. пѣхоты, 1,500 кавалеріи и 400 казаковъ). — Сборнымъ мѣстомъ ихъ былъ Толочинъ, на дорогѣ изъ Смоленска въ Минскъ.

Наконецъ четвертымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *баронъ Ферзенъ*. Оно состояло изъ 8,300 чел. при 13 ти полевыхъ орудіяхъ: 7 бат. (6,200 чел.), 12 эскадр. (1,760 чел.) и 1 полкъ казаковъ (340 чел.), и собиралось у Рогачева на Днѣпрѣ.

Ближайшій ходъ военныхъ дѣйствій былъ слѣдующій: Долгорукій, который отъ Динабурга долженъ былъ идти кратчайшимъ путемъ на Вильну, дабы склонить этотъ главный городъ на сторону

(45) См. прилагаемую таблицу подъ лит. Б.

В.О. мая 1792 года.

НАЗВАНІЯ	Поле- выхъ орудій.	ПРИМЪЧАНІЯ.
Первое отдѣленіе—1		
<i>Генераль-маіоры: Де</i>		
<i>Хр</i>		
<i>Ге</i>		
<i>Кавалерія:</i>	1 казачій пол 1 драгунскій къ тому еи	1) Слѣдоват. первое отдѣленіе состояло изъ: 2,500 ч. кав. и 5,800 ч. пѣх. <hr/> 8,300 ч. съ 16 пол. орудіями.
<i>Пѣхота:</i>	1 егерск. бат 1 гренад. пол 1 мушкет. по	
	16	
Второе отдѣленіе—		
<i>Генераль-маіоры: Рау</i>		
<i>Оберъ-квартирмейстер</i>		
<i>Кавалерія:</i>	2 полка донск 2 карабин. по	2) Слѣдоват. второе отдѣленіе состояло изъ: 2,600 чел. кав. и 6,400 чел. пѣх. <hr/> 9.000 чел. съ 16 пол. орудіями.
<i>Пѣхота:</i>	1 егерск. бат 3 мушкет. по	
	16	
Третье отдѣленіе—		
<i>Генераль-маіоры: Бер</i>		
<i>Кавалерія:</i>	1 казачій пол 1 драгунскій	3) Слѣдоват. третье отдѣленіе состояло изъ: 1,900 чел. кав. и 4,500 чел. пѣх. <hr/> 6,400 чел. съ 13 пол. орудіями.
<i>Пѣхота:</i>	1 егерск. бат 2 мушкет. по	
	13	
Четвертое отдѣленіе		
<i>Генераль-маіоры: Дан</i>		
<i>Кавалерія:</i>	1 казачій пол 2 полка легк	4) Слѣдоват. четвертое отдѣленіе со- стояло изъ: 2,100 чел. кав. и 6,200 ч. пѣх. <hr/> 8,300 чел. съ 13 пол. орудіями.
<i>Пѣхота:</i>	1 егерскій ба 3 мушкет. по	
	13	
	58	5) Вся армія изъ: 9,100 чел. кав. и 22,900 ч. пѣх. <hr/> 32,000 чел. съ 58 пол. орудіями. Среднимъ числомъ приходится: на 1 казачій полкъ. 380 чол. на 1 эскадронъ . . 147 — на 1 баталіонъ . . 880 — .

новой конфедерации, перешелъ 11 (22) мая черезъ границу у Динабурга и направился чрезъ Видзы и Михалишки, гдѣ перешелъ чрезъ Вилію. — Въ тѣсной связи съ нимъ должно было дѣйствовать первое отдѣленіе Коссаковскаго и сперва направиться изъ Полоцка чрезъ Глубокое на Михалишки, пунктъ переправы чрезъ Вилію. Но въ слѣдствіе извѣстія, что Вильна занята 4,000 польскихъ войскъ, Коссаковскій долженъ былъ съ одною половиною своего отдѣленія присоединиться къ Долгорукому, дабы вытѣснить Поляковъ изъ Вильны, между тѣмъ какъ другая половина должна была, по возможности, чрезъ Лиду отрѣзать имъ отступление на Гродно. Но Поляки не выждали приближенія Русскихъ, а поспѣшно отступили, избравъ изъ двухъ путей, ведущихъ въ Гродно, западный чрезъ Ораны. Коссаковскій съ своими войсками, имѣя позади отдѣленіе Долгорукаго, вступилъ 31 мая (11 іюня) въ Вильно, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей, и принялъ дѣятельныя мѣры для привлеченія этой столицы Литвы, безъ видимаго насилія, къ новой конфедерации. Было объявлено, что всякому дается полная свобода, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для него, удалиться изъ города или остаться въ немъ, приступить къ новой конфедерации или нѣтъ. Когда болѣе тысячи человекъ явилось для подписанія акта, то день 14 (25) іюня былъ назначенъ для торжественнаго провозглашенія литовской генеральной конфедерации. Наканунѣ этого дня прибылъ Кречетниковъ, не упускавшій случая присутствовать при пышныхъ торжествахъ, и былъ встрѣченъ вновь назначенными совѣтниками конфедерации и многочисленнымъ дворянствомъ.

14 (25) іюня съ ранняго утра звонъ колоколовъ созвалъ жителей въ соборъ, гдѣ собралось все духовенство многочисленныхъ церквей и монастырей Вильны; затѣмъ, въ торжественной процессіи, пришли гильдіи и цѣхи съ своими знаменами и барабанами, окруженные безчисленною толпою народа. Въ 11 часовъ явилось дворянство, епископы, высшее духовенство, наконецъ и Кречетниковъ, большой охотникъ до всякаго рода представительности, окруженный многочисленнымъ генералитетомъ; затѣмъ еще училища и университетъ. По окончаніи обѣдни, прочтена была прокламація Кречетникова, въ которой объяснялись причины вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы республики и жители приглашались соответствовать благонамѣреннымъ видамъ русской императрицы. Затѣмъ прочтенъ былъ актъ генеральной конфедерации великаго княжества литовскаго. Епископъ Коссаковскій, какъ коадьюторъ Виленскій, первый воспѣлъ потомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, хвалебную пѣснь:

«Тебя, Бога, хвалим!» и благословилъ народъ, котораго подъ конецъ угостили еще богатымъ пиромъ, съ многими бочками вина, на рыночной площади. — Это было въ своемъ родѣ повтореніе торжества 8-го мая въ Варшавѣ и принято безразсуднымъ народомъ съ такою же радостію, съ такимъ же восторгомъ, какъ и тамъ; тѣмъ самымъ народомъ, который, два года спустя, вздернулъ на висѣлицу виновниковъ этого торжества.

Такъ была обнародована генеральная конфедерація Литвы и Коссаковскій наименованъ ея верховнымъ маршаломъ. Этимъ первая цѣль вступленія Кречетникова была достигнута; другая состояла въ уничтоженіи противниковъ или изгнаніи ихъ изъ Литвы. На этотъ конецъ войска Долгорукова и Коссаковского были направлены теперь на Гродно.

Во время этихъ дѣйствій первыхъ двухъ отдѣленій арміи Кречетникова, и другія два, Меллина и Ферзена, вступившія въ Литву съ восточной стороны, были въ полной дѣятельности. Графъ Меллинъ двинулся изъ Толочина черезъ Борисовъ, гдѣ безъ сопротивленія переправился черезъ Березину, на Минскъ и, склонивъ этотъ городъ къ новой конфедераціи, продолжалъ свое движеніе на Миръ, гдѣ долженъ былъ войти въ ближайшую связь съ Ферзеномъ, который шелъ отъ Рогачева на Днѣпръ черезъ Бобруйскъ, Глускъ, Слуцкъ на Несвижъ и, по минованіи этой болотистой и лѣсистой мѣстности, вошелъ съ нимъ въ сообщеніе, пославъ къ нему бригадира Беннигсена (въ послѣдствіи столь часто упоминаемаго) съ его полкомъ (изюмскимъ легко-коннымъ). — Въ одной милѣ отъ Мира, Меллинъ встрѣтилъ 31 мая (11 іюня) польскія войска. То была собранная новымъ главнокомандующимъ Юдицкимъ литовско-польская армія, считавшая однако немногимъ больше 7,000 человекъ и теперь шедшая на встрѣчу слабѣйшему отдѣленію русской арміи. Съ обѣихъ сторонъ построились въ боевой порядокъ, открыли огонь изъ орудій; Поляки держались недолго и отступили. Тутъ Меллинъ сдѣлалъ необыкновенное для тогдашняго времени распоряженіе. Видя, что непріятеля нельзя преслѣдовать съ достаточною скоростію линиями, онъ приказалъ каждому баталіону построиться въ колонну изъ середины и скорымъ шагомъ идти впередъ, между тѣмъ какъ артиллерія, подъ прикрытіемъ кавалеріи, галоцомъ выѣзжала на лежавшія впереди высоты и осыпала непріятеля своими снарядами. Тщетно пытались Поляки отъ времени до времени останавливаться: мѣткій огонь русской артиллеріи и неустрашима наступавшія нѣхотныя колонны принуждали ихъ снова отступать. Они оставили

небольшой гарнизонъ въ замкѣ Мира и поспѣшно отступили по двумъ дорогамъ: генералъ Бѣлякъ, начальникъ конницы, съ пѣхотой на Подогрудокъ, а главнокомандующій Юдыцкій съ кавалеріей на Слонимъ, первый—преслѣдуемый полковникомъ Николаемъ Зубовымъ съ смоленскими драгунами, послѣдній—бригадиромъ Беннигсеномъ съ изюмскимъ легко-коннымъ полкомъ и однимъ баталіономъ пѣхоты. Въ дѣлѣ и преслѣдованіи у Поляковъ было взято болѣе 400 чел. плѣнныхъ, 2 орудія, богатый обозъ, палатки, зарядные ящики и даже экипажи генерала Бѣляка (46).

Въ этомъ, незначительномъ самомъ по себѣ дѣлѣ отличились однако многіе офицеры, приобрѣтшіе въ послѣдствіи большую или меньшую извѣстность, какъ-то генералъ-маіоръ *Буксгевденъ*, бригадиръ *Беннигсенъ*, полковники *Николай Зубовъ*, *Сипякинъ* и князь *Александръ Горчаковъ*, племянникъ Суворова.

Между тѣмъ генералъ Ферзенъ, выйдя изъ полосы дремучихъ лѣсовъ, 1 (12) іюня, на другой день послѣ дѣла Меллина при Мирѣ, подошелъ къ Несвижу, главной крѣпости этого края и важнѣйшему имѣнію богатаго Радзивилла. Здѣсь снова присоединился къ нему отъ графа Меллина Беннигсенъ, покрытый лаврами вчерашней побѣды. Обложили Несвижъ, потребовали его сдачи, но онъ хотѣлъ оборониться. Тотчасъ начали строить батареи; когда онѣ 6 (17) іюня были готовы, комендантъ предложилъ капитуляцію. Тогда уже со стороны Русскихъ послѣдовалъ отказъ, послѣ чего гарнизонъ въ числѣ 1,000 чел. сдался безусловно 7 (18) іюня, въ тотъ самый день, въ который Марковъ побѣдоносно сражался при Зѣлинцахъ. Въ Несвижѣ наша 42 орудія и значительные военные запасы.

Разсѣянныя или разбитыя польскія войска устремились теперь со всѣхъ сторонъ къ Гродно, куда должны были двинуться изъ королевства еще четыре полка (Дзялынскаго изъ Варшавы, Водзицкаго изъ Кракова, принца Виртембергскаго изъ Пулавы и Потоцкаго изъ Красностава) и изъ Варшавы послано было много орудій, такъ какъ въ нихъ особенно былъ недостатокъ. Генералъ Юдыцкій, съ которымъ не ладилъ новый генералъ-фельдцейгмейстеръ Станиславъ Потоцкій, братъ Игнатія, былъ представленъ имъ какъ неспособный и замѣненъ приверженцемъ партіи, Михаиломъ Забѣлою, который и принялъ главное начальствованіе надъ 14,000 чел. войскъ, собравшихся къ Гродно. Хотя онъ такимъ образомъ имѣлъ

(46) Того самаго Бѣляка, которому хвастливый рассказъ Коллонтая приписываетъ такъ много побѣдъ надъ Русскими, а они ничего и не знали о нихъ.

въ своемъ распоряженіи довольно значительныя силы, однако не зная, что съ ними предпринять. Въмѣсто того, чтобъ сосредоточенными силами обратиться противъ той или другой изъ русскихъ колоннъ, онъ раздѣлилъ свои войска на три части, двѣ изъ нихъ послалъ по дорогѣ въ Слонимъ, противъ обонхъ южныхъ отдѣленій русской арміи, а съ третьею, по приближеніи князя Долгорукова съ частію войскъ Коссаковскаго къ Гродно, отступилъ къ Грани на Бугѣ. Тогда Долгорукій 25 іюня (6 іюля) безъ сопротивленія вступилъ въ эту вторую столицу Литвы, почти въ тоже время, когда Каховскій на югѣ, на одной съ нимъ высотѣ, появился предъ другимъ главнымъ городомъ, Владиміромъ волинскимъ.

Оба другія отдѣленія литовской арміи, Меллина и Ферзена, также приближались уже: Меллинъ чрезъ Новогрудокъ и Бѣляцу, имѣя сначала въ виду поддержать движеніе обонхъ сѣверныхъ отдѣленій къ Гродно; когда же городъ этотъ былъ занятъ безъ сопротивленія, онъ обратился на Волковискъ. Узнавъ здѣсь, что передъ Свислочемъ, у Мсцибора показались непріятельскія войска, онъ оставилъ позади тяжелый обозъ и выступилъ туда 28 іюня (9 іюля). Авангардъ его, подъ начальствомъ Буксгевдена, имѣлъ 29 іюня (10 іюля) горячее дѣло съ сильнымъ отрядомъ непріятельской кавалеріи, который былъ опрокинутъ назадъ въ Свислочь. Отъ вѣнннхъ узнали однако, что въ Свислочѣ находится болѣе 10,000 чел. непріятельскихъ войскъ, тѣхъ самыхъ, которыя Забѣлло послалъ изъ Гродно къ югу. Меллинъ выждалъ соединенія своего съ приближавшимся чрезъ Слонимъ и Зельву Ферзеномъ, и во послѣдованіи онаго 30 іюня (11 іюля), оба соединенныя отдѣленія двинулись противъ непріятеля въ Свислочѣ. Но послѣдній не выждалъ ихъ и поспѣшно отступилъ на Брестъ.

Такъ Поляки нигдѣ не умѣли воспользоваться обстоятельствами и выгодами своего положенія. У Гродно они были сильнѣе и превосходили каждую изъ наступавшихъ противъ нихъ русскихъ колоннъ, но не придумали ничего лучшаго, какъ раздѣлиться. Такимъ образомъ они, и безъ того уже слабѣйшіе, стали слабѣйшими даже и противъ каждой отдѣльной части противника, тогда какъ искусство слабѣйшаго въ томъ именно и состоитъ, чтобъ обращаться съ превосходными силами противъ отдѣльныхъ частей непріятеля, во имѣя возможности исполнять этого противъ совокупныхъ его силъ. — Съ русской стороны, напротивъ, генералы дѣйствовали смѣло, но вмѣстѣ и осторожно, постоянно сохраняли непосредственное сообщеніе между собою и лишь только непріятель показывался гдѣ-нибудь въ пре-

восходныхъ силахъ, соединялись для встрѣчи его съ равными силами. Меллинъ оказалъ повсюду осмотрительность и смѣлость, а Ферзенъ уже заставлялъ предугадывать въ себѣ будущаго побѣдителя Косцюшки.

Здѣсь, въ Свислочѣ, получено новое приказаніе: Ферзенъ долженъ былъ преслѣдовать отступавшаго на Брестъ непріятеля, выбить его изъ этого города и остаться тамъ для защиты генеральной конфедерациі, долженствовавшей водвориться въ Брестъ;—Меллинъ же—обойдя Бѣловѣжскую пушу, идти чрезъ Наревъ, Орлу и Семятычи къ Дрогичину, для поддержанія движенія обоихъ сѣверныхъ отдѣленій, подъ начальствомъ Долгорукова, шедшихъ изъ Гродно чрезъ Вѣлостокъ, Бѣльскъ и Брянскъ къ Гранно противъ корпуса Михаила Забѣлло, который принимали за главную армію. Такимъ образомъ почти въ то же время, когда польская южная армія Понятовскаго прибыла на Бугъ, туда же прибыла и польская армія Забѣлла, объ имѣя приказаніе оборонять эту рѣку. Приказаніе это было дано новымъ военнымъ совѣтомъ и подписано королемъ, который въ военныхъ дѣлахъ вполнѣ слѣдовалъ его распоряженіямъ. Армія на Бугѣ имѣла еще быть поддержана резервомъ, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, въ Прагѣ (гвардейскіе полки и нѣкоторыя другія войска), силой около 5,000 человекъ. Такъ какъ королю все еще не довѣряли, то сеймъ ничего не хотѣлъ сдѣлать для этихъ войскъ; лишь въ послѣдствіи, по недостатку въ людяхъ и когда Русскіе уже прошли чрезъ Вильну и Заславль, около половины іюня, позаботились о нихъ, вооружили ихъ съ нуждою и двинули для подкрѣпленія дѣйствующихъ войскъ, долженствовавшихъ защищать линію Буга. Бугъ, умѣренно широкая, но мелководная рѣка, лѣтомъ представляетъ повсюду броды; поэтому предпріятіе оборонять проходимую въ бродъ рѣку, болѣе чѣмъ на 25 миль (175 верстъ) протяженія отъ Дубенки и выше Нура, было безумно, и еще болѣе въ слѣдствіе принятыхъ для того мѣръ. Вмѣсто того, чтобъ держать войска сосредоточенными въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и наблюдать главные пункты переправы только небольшими постами, дабы противустать непріятелю со всѣми соединенными силами на томъ пунктѣ, гдѣ онъ намѣревался бы переправиться, раздѣлили и безъ того слабыя силы на многія отдѣльныя части, изъ которыхъ каждой было назначено оборонять опредѣленную полосу рѣки: Косцюшкѣ съ своимъ корпусомъ— у Дубенки, Понятовскому— у Дорогуска и ниже, Вильгорскому— отъ Стульны (противъ Опалина) до Влодавы. Ниже Бреста рѣку охранялъ Симонъ Забѣлло, а отъ Дрогичина и

Гранно до Нура—главнокомандующій литовскою армією Михаилъ Забѣлло. Можно было заранѣе предвидѣть, что Русскіе вездѣ, гдѣ ни захотятъ, легко овладѣютъ переправой. Поэтому весьма благоразуменъ былъ совѣтъ короля, вмѣсто раздробленія войска позади этой мелководной рѣки, поставить его въ центральной позиціи за Вислой, которую можно было бы оборонять съ большимъ успѣхомъ. Хотя тогда еще не знали естественной силы треугольника между Варшавой, Сѣроцкомъ и Новыдворомъ (Модлинъ тогда еще не существовалъ),—только проницательности Наполеона предоставлено было открыть ее; но оборона такой широкой рѣки, какъ Висла, подкрѣпленная такою столицей, какъ Варшава, представляла совсѣмъ инныя ручательства успѣха (если уже хотѣли продолжать войну до крайности), нежели сопротивленіе за мелководнымъ, вездѣ проходимымъ въ бродъ Бугомъ. Но премудрыми руководителями новой военной комиссіи, главнѣйшими членами которой были люди совершенно невѣжественные въ военномъ дѣлѣ, совѣтъ короля былъ не только отвергнутъ съ презрѣніемъ, но даже приписанъ предательству короля и измѣнѣ ихъ дѣлу; ибо, чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни совѣтовалъ бѣдный король, партія и общественное мнѣніе, надъ которымъ она господствовала, всюду чужали измѣну, лукавство или сѣти, а если потомъ принятая ею мѣры оказывались ложными или безумными, то она всегда умѣла свалить вину на короля, который однако отсовѣтывалъ ихъ. Такъ случилось и здѣсь съ предпринятою обороною линіи Буга, которую, послѣ жалкой неудачи ея, представили приказанною королемъ, между тѣмъ какъ онъ вполне предоставилъ руководить военными дѣйствіями, частію верховному военному совѣту (новой военной комиссіи), частію главнокомандующимъ, и только подписывалъ рѣшенія перваго.—Этотъ верховный военный совѣтъ былъ учрежденъ незадолго до распущенія сейма, по предложенію новаго генераль-фельдцейгмейстера, Станислава Погожакаго, брата Игнатія, номинально для того, чтобы содѣйствовать королю въ главномъ руководствѣ военныхъ дѣйствій и облегчить его трудъ, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы имѣть надзоръ за королемъ и военными дѣйствіями и держать ихъ въ своихъ рукахъ; а потому члены этого военного совѣта и назначались не по дарованіямъ или военнымъ познаніямъ, но по ревности къ дѣлу партіи. Такимъ образомъ онъ состоялъ большею частію изъ людей, не имѣвшихъ никакого понятія о войнѣ, которые, какъ выражался Булгаковъ, никогда не видали даже полка, построеннаго въ боевой порядокъ, но за то блистали какъ запѣвалы и передовые бойцы партіи. Къ нимъ

принадлежали оба сеймовые маршала, Малаховскій и Сапѣга, Цирронъ ораторской каведры и новый фельдцейгмейстеръ, Станиславъ Потоцкій, а также и мастеръ въ адвокатскихъ уверткахъ, новый подканцлеръ Коллонтай; ревнитель партіи, подскарбій Островскій, и наконецъ также и военный, о подвигахъ котораго конечно никто, никогда и ничего не слыхалъ—генералъ Горзенскій. И всѣ члены сейма должны были имѣть доступъ къ совѣщаніямъ, чтобъ поддерживать, какъ говорилось, военный совѣтъ своими воззрѣніями, а неизбежнымъ слѣдствіемъ этого было, что все, о чемъ въ немъ разсуждали, вскорѣ дѣлалось извѣстнымъ *urbi et orbi*.—Составленный такимъ образомъ военный совѣтъ, совершенное ничтожество котораго доказывается протоколами его засѣданій, ⁽⁴⁷⁾ захватилъ теперь въ свои руки высшее руководство военными дѣйствіями, а королю предоставилъ только подписывать свои распоряженія.

Длинная оборонительная линія Поляковъ, какъ можно было предвидѣть, вскорѣ была прорвана войсками какъ Кречетникова, такъ и Каховскаго. 12 (23) іюля Ферзенъ разбилъ укрѣпившихся у Бреста Поляковъ подъ начальствомъ Симона Забѣлло; Меллинъ насильно овладѣлъ переправой у Дрогичина, а Долгорукій у Грамно, послѣ чего оба эти отдѣленія направились на Венгровъ и соединились для дальнѣйшаго движенія на Варшаву; Ферзену же было приказано остаться въ Брестѣ.—Точно также, какъ Кречетниковъ, и еще раньше, насильно овладѣлъ переправой на нѣсколькихъ пунтахъ и Каховскій, при чемъ произошелъ бой, самый серьезный въ продолженіе этой войны.

26 іюня (7 іюля), какъ мы видѣли, Каховскій занялъ Владиміръ, куда въ слѣдующіе затѣмъ дни явились, въ сопровожденіи многочисленнаго дворянства, многіе вожди тарговицкой конфедераціи, дабы и здѣсь учредить оную, подобно тому, какъ недавно отырли ее въ Луцкѣ. Такъ требовалъ обычай: всякій сколько нибудь значительный городъ учреждалъ собственную свою конфедерацію, приступавшую къ акту или генеральной конфедераціи, обнародованной главными учредителями. Это обстоятельство нѣсколько замедлило движеніе Каховскаго и дозволило Полякамъ приготовить на Бугѣ всѣ возможные способы обороны: мосты были разрушены, всѣ лодки, барки и поромы собраны и сожжены, броды испорчены погруженіемъ на дно рогатокъ или боронъ, обитыхъ желѣзными остриями, а другіе подобныхъ предметовъ, а воѣ пункты, казавшіеся

(47) Извлеченіе изъ нихъ можно видѣть у Комаржевскаго ст. 225—239.

выгодными для наведенія мостовъ, обезпечены укрѣпленіями. — Только 3 (14) іюля авангардъ украинской арміи двинулся отъ Владиміра на Устилугъ, между тѣмъ какъ Тормасовъ съ частію перваго отдѣленія шелъ сѣвернѣе на Турчаны противъ Поянтовскаго, а Леванидовъ съ своимъ отдѣленіемъ прибылъ въ Любомль. 5 (16) іюля двинулись отъ Владиміра къ Бугу и всѣ прочія войска. Пунктъ переправы былъ назначенъ у Кладнева, деревни, лежащей у самой австрійской границы, выше Дубенки, гдѣ Полаки, слѣдуя первоначальному плану оборонять Бугъ отъ самой границы Галиціи, построили по обѣимъ сторонамъ рѣки укрѣпленія. Передовыя русскія войска прибыли сюда 6 (17) іюля по полудни, а вслѣдъ за ними и самъ Каховскій съ казаками Орлова и четырьмя егерскими баталіонами Салтыкова. Онъ приблизился къ рѣкѣ на ружейный выстрѣлъ, чтобъ точнѣе опредѣлить пунктъ переправы, такъ какъ въ укрѣпленіяхъ, казалось, никого не было; но лишь только онъ подѣхалъ на разстояніе выстрѣла, какъ скрывавшіяся въ противоположномъ укрѣпленіи войска внезапно произвели залпъ. Продолжавшейся затѣмъ стрѣльбѣ отсюда вскорѣ былъ положенъ конецъ подоспѣвшими егерями и артиллеріей. Но какъ перейти, чтобъ прикрыть наведеніе моста? потому что непріятель уничтожилъ всѣ бѣжія здѣсь суда. Тутъ егеря замѣтили на противоположной сторонѣ два порома, только на половину обгорѣвшіе; они переплыли черезъ рѣку, овладѣли ими и торжествуя перевезли ихъ на правый берегъ. На нихъ немедленно перевезены были четыре егерскіе баталіона съ орудіями; въ то же время конвой главнокомандующаго переправился черезъ рѣку вплавъ: пунктъ, назначенный для наведенія моста, былъ занятъ и работы начались, такъ какъ въ это время прибыли и понтоны. Казаки Григорія Грекова перешли черезъ рѣку правѣе въ бродъ; но, не смотря на принятую ими величайшую осторожность, ибо извѣстно было, что броды были испорчены погруженными бѣронами, восемь лошадей были однако сильно повреждены. Это побудило другіе два казачьи полка, Астахова и Денисова, переправиться вплавъ. Находявшійся по ту сторону рѣки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, полкъ непріятельской кавалеріи былъ протнанъ и спасся только успѣшнымъ бѣгствомъ. Быстро наведенъ былъ понтонный мостъ, и весь авангардъ перешелъ по немъ на другую сторону и въ 9 часовъ вечера расположился лагеремъ у Дубенки, имѣя непосредственно за собою отдѣленіе Душина у Корытницы.

Такимъ образомъ Русскіе переправились почти безъ сопротивленія. Причиною было то, что Косцюшко, обозрѣвая мѣстность, тотъ

часть усмотрѣлъ, для войскъ, оборонявшихъ здѣсь переправу, опасность отступленія по длинной плотинѣ, которая вела чрезъ лежавшія позади болота и могла быть обстрѣливаема русскою артиллеріей. А потому, вмѣсто того, чтобъ оборонять Бугъ непосредственно, онъ отодвинулъ нѣсколько войска свои отъ рѣки и поставилъ ихъ въ сильной позиціи между австрійскою границей и рѣкой. Правый флангъ его примыкалъ къ деревнѣ Воля, близъ границы, а лѣвый къ деревнѣ Уханкѣ на Бугѣ. Передъ фронтомъ простиралась обширная, болотистая низменность, поросшая мелкимъ кустарникомъ и только мѣстами проходима; справа и позади позиціи были обширные лѣса, которые должны были благоприятствовать отступленію, а чтобъ еще больше затруднить приближеніе непріятеля съ фронта, передъ нимъ былъ сооруженъ, въ значительномъ числѣ, рядъ шанцевъ и флешей отъ Воли до Уханки, такъ что приближеніе по узкимъ пространствамъ, гдѣ болотистый грунтъ имѣлъ еще нѣкоторую твердость, подъ убійственнымъ огнемъ батарей, казалось почти невозможнымъ. Въ этой, почти недоступной по природѣ и искусству, позиціи, на которой Косцюшко построилъ войска свои въ двѣ линіи, онъ съ увѣренностью выжидалъ Русскихъ. Силы его, по показаніямъ Поляковъ, какъ извѣстно, заслуживающимъ мало довѣрія, состояли изъ 5,000 а по показаніямъ Русскихъ изъ 10,000 человекъ. Истина и здѣсь, кажется, находится въ среднѣ, какъ явствуетъ изъ разсказа Заіончека. Согласно съ нимъ, польская армія Понятовскаго за Бугомъ была силой въ 23,000 человекъ, но дивизія Любомірскаго, состоявшая изъ 6,000 чел., была расформирована, самъ онъ удаленъ, а войска его распределены между тремя другими дивизіями (48). Но какъ передъ тѣмъ въ каждой изъ этихъ трехъ дивизій считалось отъ 5 до 6 тыс. человекъ, то каждая, получивъ до 2,000 чел. подкрѣпленія изъ войскъ Любомірскаго (къ Косцюшкѣ поступили полки подъ начальствомъ Заіончека и Чапскаго, которые также показываются въ бою), теперь должна была состоять изъ 7 до 8,000 человекъ. Таковы, кажется, и были настоящія числительныя силы Косцюшки. Его позиція была ключемъ линіи Буга и вполне прикрывала другія дивизіи, Понятовскаго и Вieldьгорскаго, на ихъ правомъ флангѣ; въ случаѣ овладѣнія ею, обѣ эти дивизіи не смѣли ни минуты долѣе держаться за Бугомъ.

Это побудило Каховскаго употребить здѣсь главное усиліе; а для того, чтобы, во время его атаки, сюда не были посылаемы под-

(48) Заіончекъ, стр 52.

крѣпленія отъ другихъ частей арміи, онъ еще ночью послалъ приказаніе Левапидову у Опалина (противъ Вѣльгорскаго) и Торнасову у Дорогуска (противъ самаго Понятовскаго) поставить въ полдень, на берегу рѣки, батареи противъ укрѣпленій противоположнаго берега и въ 3 часа по полудни открыть изъ нихъ огонь, какъ бы для предположенной переправы.

7 (18) іюля, едва стало разсвѣтать, Каховскій сѣлъ на коня, чтобъ съ казаками Орлова и отважными егерями Салтыкова обозрѣть укрѣпленный лагерь Поляковъ между Волей и Уханкой (49). Онъ нашелъ его весьма сильнымъ, но полагался на храбрость своихъ войскъ и сдѣлалъ свои распоряженія. Авангардъ, усиленный отдѣленіемъ Дунина, которому приказано ускорить свое движеніе, долженъ былъ приблизиться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и атаковать ихъ въ 5 часовъ по полудни. Авангардъ этотъ, вмѣстѣ съ войсками Дунина, состоялъ изъ 18 бат. (12,200 чел.) 49 эск. (5,600 чел.) и 1,200 казаковъ, всего изъ 19,000 чел. при 56 полевыхъ орудіяхъ (50).

Въ 3 часа по полудни Каховскій выступилъ изъ лагера при Дубенкѣ съ передовыми войсками въ трехъ колоннахъ: въ правой шли полки харьковскій и ахтырскій легко-конные, сѣверскій карабинерный и воронежскій гусарскій, 23 эск. въ 2,700 коней; въ лѣвой — елисаветградскій конно-егерскій, кіевскій карабинерный и ельвіопольскій гусарскій полки, 23 эск. въ 2,300 коней; въ средней — екатеринославскій егерскій и кіевскій гренадерскій, 8 бат. (5,500 чел.) съ 20 полевыми орудіями. Когда войска приблизились на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ непріятельскимъ батареямъ, послѣднія открыли огонь. Тогда Каховскій послалъ полковника Салтыкова съ двумя баталіонами его егерей и три казачьи полки подъ начальствомъ Орлова влѣво къ Волѣ, дабы выбить легкія войска, поставленныя тамъ въ лѣсу, передъ правымъ непріятельскимъ крыломъ; другіе два баталіона егерей подъ начальствомъ подполковника Пустовалова, поддержанныя двумя казачьими полками, онъ послалъ вправо къ Уханкѣ; — артиллерійскому генералу Бражникову приказалъ поставить передъ фронтомъ батарею въ 20 полевыхъ орудій, подъ прикрытіемъ кіевскихъ гренадеровъ подъ начальствомъ генераль-маіора Валеріана Зубова; за ними во второй линіи сталъ генераль-маіоръ Марковъ со всею кавалерією. Когда затѣмъ стали приближаться войска Дунина, выдвинута была еще

(49) См. планъ IV.

(50) См. прилагаемую таблицу В.

батарея въ 12 орудій, которая, подъ прикрытіемъ сибирскихъ гренадеровъ, стала правѣ батареи Бражникова; самъ же Дуинъ получилъ приказаніе съ шестью баталіонами (фанагорійскихъ гренадеровъ и черниговскихъ мушкетеровъ) и съ 24-мя орудіями, въ сопровожденіи 11-ти эскадроновъ кавалеріи (нѣжинскихъ карабинеровъ и воронежскихъ гусаровъ) идти вправо, противъ лѣваго неприятельскаго крыла у Уханки. Генераль-маіору Милашевичу было поручено начальствованіе всею пѣхотою лѣваго русскаго крыла.

Въ такомъ порядкѣ войска двинулись впередъ и были встрѣчены пушечнымъ огнемъ изъ всѣхъ неприятельскихъ укрѣпленій и батарей; ему отвѣчали изъ русскихъ орудій, которыя, будучи соединены въ большія батареи, вскорѣ взяли перевѣсъ надъ разсѣянными по укрѣпленіямъ, полевыми орудіями неприятеля и многія изъ нихъ заставили замолчать. Этимъ тотчасъ воспользовались. Генераль Милашевичъ послалъ пять ротъ гренадеровъ (кіевскихъ и сибирскихъ) противъ нѣкоторыхъ, лежавшихъ между деревьями, шанцевъ, въ которыхъ замѣчено было замѣшательство. Роты эти съ трудомъ пробрались чрезъ болото и кустарникъ, затѣмъ отважно бросились на шанцы и взяли три изъ нихъ, одинъ за другимъ. Почти въ то же время храбрые фанагорійцы, питомцы Суворова, подъ начальствомъ полковника Золотухина, по приказанію Дунина одолѣли лѣвое крыло неприятеля у Уханки и овладѣли тамъ всѣми укрѣпленіями, но при этомъ лишились своего геройскаго предводителя, столь часто водившаго ихъ къ побѣдамъ. Теперь, когда центръ и лѣвое крыло неприятеля были поколеблены и отгѣснѣны, Каховскій приказалъ полковнику елисаветградскаго конно-егерскаго полка Палменбаху быстро броситься съ своимъ полкомъ на укрѣпленія праваго польскаго крыла, прикрывавшія отступленіе ихъ войскъ, и овладѣть ими на всемъ скаку; прочіе кавалерійскіе полки должны были слѣдовать за нимъ въ отдаленіи и въ случаѣ надобности поддерживать его (*). Палменбахъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ арміи, сталъ передъ своимъ полкомъ, взмахнулъ саблей и тѣмъ подалъ храбрымъ конноегерямъ своимъ знакъ идти впередъ. Крупною рысью двинулись они противъ передняго шанца, обскакали его и изрубили его защитни-

(*) Явное, но неискusstное подражаніе дивной атакѣ русской и австрійской кавалеріи противъ турецкихъ укрѣпленій въ сраженіи при Рымникѣ, по гениальной мысли гениальнаго Суворова! — Блѣдное и жалкое подражаніе подлиннику: у Суворова на всею кавалеріей скорымъ шагомъ слѣдовала вся линія пѣхоты, а у Каховскаго и Пистора — за однимъ елисаветградскимъ полкомъ должны были въ отдаленіи (!) слѣдовать другіе полки кавалеріи и, въ случаѣ надобности (!), во время атаки въ каррьеръ, поддерживать его! — Нѣчто подобное случилось и въ 1831 году подъ Гроховымъ.

ковъ; затѣмъ понесли на другой шанецъ; тутъ Палменбахъ, постоянно находившійся впереди, былъ раненъ, но непоколебимо поваль своихъ противъ третьяго шанца; здѣсь наконецъ его поразила смертельная пуля. Конные егеря его, смущенные его смертію, разстроенные взятіемъ шанцевъ, преслѣдовали бѣжавшаго непріятеля съ большимъ ожесточеніемъ, нежели порядкомъ, наткнулись на выстроенную въ порядкѣ часть польской кавалеріи подъ начальствомъ Віеловейскаго и были опрокинуты съ урономъ. Подполковникъ Бауеръ съ тремя эскадронами харьковскаго легко-коннаго полка встрѣтилъ непріятеля; елисаветградцы собрались и построились за ними и съ ожесточеніемъ, чтобъ загладить стыдъ, снова понесли впередъ — и тутъ завязался жестокой кавалерійскій бой.

Между тѣмъ русская пѣхота все болѣе и болѣе овладѣвала мѣстностью; непріятельскія укрѣпленія, смѣло атакованныя, были или взяты силой, или покинуты, а вслѣдъ за ними и самый лагерь. Всѣ земляные валы, прикрытія и опорные пункты Поляковъ, на которые они возлагали свои надежды, были изторгнуты у нихъ и, не взирая на храбрую защиту, они съ наступленіемъ темноты были отброшены къ находившемуся въ тылу ихъ лѣсу, который принялъ ихъ въ свою чашу и доставилъ защиту ихъ отступленію, покрылъ мракомъ своимъ ихъ беспорядокъ. Такъ отступали они здѣсь, такъ бѣжали они тамъ, вмѣстѣ, порознь, по одиначкѣ и въ кучахъ, по двумъ различнымъ дорогамъ чрезъ чашу лѣса: одни на Хельмъ, другіе по дальнѣйшей дорогѣ на Красноставъ. Дремучій лѣсъ казался оживленнымъ смутными человѣческими голосами, призывами, барабаннымъ боемъ, ружейными и пушечными выстрѣлами, порою озарявшими ночную темноту, потому что русскія легкія войска преслѣдовали бѣжавшаго непріятеля нѣсколько верстъ лѣсомъ. Когда Косцюшко съ передовыми войсками прибылъ въ Куневъ, на пути въ Красноставъ, то едва не лишился чувствъ отъ скорби, увидя при себѣ только небольшую горсть пребывшихъ вѣрными ему — только два баталіона и одинъ кавалерійскій полкъ изъ всей прекрасной дивизіи его ⁽⁵¹⁾. Но постепенно болѣе и болѣе собирались бѣглецы, искавшіе и нашедшіе исходъ по разнымъ тропинкамъ лѣса, а подъ конецъ храбрый Віеловеискій, прикрывавшій отступленіе, привелъ къ Косцюшкѣ еще остатокъ спасенныхъ и три пушки. Конечно, не доставало большей части его храбрецовъ, которые убитыми или ранеными лежали на полѣ боя, или были взяты въ плѣнъ, или заблудились въ лѣсу, или

(51) См. Ваіончекъ, стр. 54.

спаслись чрезъ австрійскую границу; притомъ, за исключеніемъ упомянутыхъ выше трехъ пушекъ, всё прочія орудія съ принадлежностями были потеряны.

Таковъ былъ бой при *Дубенкѣ* или, какъ его называютъ Русскіе, при *Уланкѣ*, послѣдній и кровопролитѣйшій въ этой, впрочемъ довольно некропролитной войнѣ, превознесенный польскою хвастливостью далеко выше своего значенія, хотя былъ пораженіемъ для Поляковъ, но восхваленный ими почти какъ побѣда и приобрѣтшій большую извѣстность и отголосокъ въ особенности за границей. А чтожъ онъ былъ въ сущности? съ чьей стороны была большая заслуга?— Не труднѣе ли было сильную позицію, прикрытую болотами и текучими водами, кустарникомъ и лѣсомъ, деревьями и множествомъ укрѣпленій и защищаемую войсками, отнять, съ штыкомъ и саблею въ рукѣ, у храбрыхъ, воодушевленныхъ своимъ предводителемъ, войскъ, нежели удержать ее? И она была исторгнута у нихъ и взята съ бою.— Но превосходство силъ? Если Русскіе и имѣли больше войскъ на полѣ боя, то не всё, показанныя въ спискахъ, были употреблены въ дѣло; гдѣ дѣйствительно происходилъ бой одного на одного, тамъ, по тѣснотѣ мѣста, дѣло рѣшало не числительное превосходство, но непобѣдимая стойкость ветерановъ Каховскаго, готовыхъ лучше умереть, чѣмъ уступить. Даже самъ Косцюшко, въ своемъ донесеніи, не можетъ скрыть своего удивленія упорной храбрости противниковъ. «Напрасно, говоритъ онъ, три раза отбивали москалей на одномъ и томъ же пунктѣ;» они снова возвращались и наконецъ восторжествовали—даетъ онъ, конечно, только разумѣть, прибавивъ вслѣдъ затѣмъ: «и егеря оказали такое же упорство⁽⁵²⁾.» — То были екатеринославцы Салтыкова, участники Измаильскаго штурма!—Слѣдовательно, если кто-нибудь имѣлъ причину гордиться, то скорѣе тѣ, которые пулей, штыкомъ, саблей и своими тѣлами штурмовали и взяли почти неодолимую позицію, нежели тѣ, которые обороняли ее, правда храбро, но несчастливо. И еслибъ не ночь и лѣсъ, что стало бы подъ конецъ съ польскими храбрецами? Болѣе 900 убитыхъ и раненыхъ⁽⁵³⁾ оставили они на мѣстѣ боя и при отступленіи, въ томъ числѣ много офицеровъ; двухъ храбрѣйшихъ, полковниковъ Гаумана и Піотровскаго, о которыхъ мы еще неразъ услышимъ, они унесли съ собою. Изъ десяти орудій, которыя они имѣли по показанію Косцюшки, семь

(52) См. донесаніе его въ приложеніи Г.

(53) По показанію Косцюшки.

были отняты у нихъ. — Уронъ Русскихъ, въ слѣдствіе отважной (*) атаки шанцевъ кавалеріей, состояла болѣе въ убитыхъ лошадяхъ, нежели людяхъ: 640 лошадей были приведены въ негодность; потеря же въ людяхъ не превышала, кажется, 500 человекъ; но она была прискорбна смертію двухъ храбрѣйшихъ офицеровъ арміи, Золотухина и Палмонбаха, тѣлами своими указавшихъ путь къ побѣдѣ.

Побѣжденные, во всё время, приписывали свое поражение не недостатку личныхъ преимуществъ, мужества, стойкости, нравственной силы, но совершенно особеннымъ причинамъ: то измѣнѣ, то неискуству или неповиновенію того или другаго, то какой-нибудь преждевременной или запоздалой мѣрѣ, то тому, то другому. Поляки, по своему большому національному тщеславію, искони сильныя въ подобныхъ оговоркахъ и оправданіяхъ, приводятъ причиною своего пораженія здѣсь: «что Русскіе обошли ихъ чрезъ австрійскую территорію» (54). Ничего этого не бывало. Мы видѣли, что вездѣ бились грудь съ грудью, всё укрѣпленія были взяты съ фронта, защитники ихъ опрокинуты изъ нихъ съ фронта; русскія кавалерія и пѣхота соперничали между собой, кто больше отниметъ у непріятеля его земляныхъ насыпей. Бой былъ чисто фронтальный, для обхода не было употреблено никакой части русскихъ войскъ; только два баталіона екатеринославскихъ егерей, поддержанные казаками Орлова, получили приказаніе, не обойти, а атаковать съ фронта и отбросить непріятельскія легкія войска, расположенныя въ гѣсу между д. Волей и австрійской границей. Предположеніе, оправданіе, упрекъ, какъ бы ни назвать его, было поэтому совершенно неосновательно, такъ какъ бой вообще былъ рѣшенъ не обходомъ, но прямымъ боемъ человѣка съ человѣкомъ, солдата съ солдатомъ, лицомъ къ лицу.

Приведа эти пустыя отговорки къ ихъ настоящей ничтожности, должно однако отдать достойную справедливость храбрости польскихъ войскъ, равно какъ и благоразумнымъ распоряженіемъ Косцюшки. Польскій военачальникъ превосходно избралъ мѣсто для боя, превосходно и воспользовался имъ; молодые солдаты сражались му-

(*) Но неблагоразумной и неосторожной.

(54) Косцюшко въ своемъ донесеніи не говоритъ этого прямо, но упоминаетъ только вообще объ обходѣ (na około zajmowali); только Коллонтай и весь рой его переписчиковъ прокричали о нарушеніи неприкосновенности нейтральной земли и о приобретенныхъ чрезъ то преимуществахъ.

жественно и стойко, и кто могъ бы упрекнуть ихъ въ томъ, что они съ честью уступили отборной и гораздо превосходной силѣ?

Въ то же самое время, когда Каховскій атаковалъ позицію Косцюшки, перешли черезъ Бугъ Леванидовъ у Опалина, а Тормасовъ у Дорогуска, и, послѣ жаркаго сопротивления, принудили противниковъ къ отступленію, тѣмъ скорѣе, что, послѣ пораженія Косцюшки, они должны были опасаться быть атакованными во флангъ и въ тылъ. Длинная оборонительная линія, прорванная въ одномъ пунктѣ, нигдѣ уже больше не можетъ быть удерживаема.

Каховскій далъ войскамъ своимъ два дня отдыха у Уханки; но Леванидовъ получилъ приказаніе 11 (22) іюля идти къ Бресту, чтобъ установить сообщеніе съ литовскою арміею Кречетникова.

Армія Понятовскаго отступила теперь черезъ Бискупнице, гдѣ перешла черезъ Вепржъ, и Люблинъ на Куровъ; арріергардъ остался въ Маркушовѣ. Отступленіе за Вислу было обезпечено мостомъ, наведеннымъ у Пулавы.

14 (25) іюля Каховскій, послѣдовавшій за польскою арміею, выступилъ въ Люблинъ. Вечеромъ этого дня адъютантъ польскаго главнокомандующаго, Хоментовскій, привезъ ему письмо отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, Булгакова, который увѣдомлялъ: «что король 13 (24) іюля приступилъ, вмѣстѣ съ арміею, къ тарговицкой конфедераціи, съ чѣмъ и слѣдуетъ сообразовать дальнѣйшія мѣры». — Каховскій отрядилъ два казачьи полка къ Грабову, для нападенія на непріятельскій арріергардъ; для поддержанія ихъ, еще утромъ того дня выступилъ туда Орловъ съ другими казачьими полками и четырьмя баталіонами екатеринославскихъ егерей; туда же готовились слѣдовать и всѣ прочія войска. Теперь всѣ получили отмѣну приказаній.—Но тутъ съ передовыхъ постовъ было получено донесеніе, «что Поляки усиливаются у Маркушова, какъ будто для атаки». — Каховскій приказалъ отвѣчать: «стоять на мѣстѣ, а если атакуютъ, обороняться». — Между тѣмъ Полякамъ попался казакъ, отъ котораго они узнали, что у Грабова стоятъ только два казачьи полка. Они захотѣли воспользоваться этимъ, чтобы, вопреки приказанію изъ Варшавы о прекращеніи военныхъ дѣйствій, подъ конецъ еще пріобрѣсть успѣхъ. Тогда его порядочно приукрасили бы, возвели бы на степень побѣды надъ большею частію русской арміи, прокричали бы о воинственномъ пылѣ войскъ и готовности ихъ къ продолженію войны, что все подавало надежду на величайшіе успѣхи, въ то самое время, когда приказаніе короля остановило войска среди побѣдъ. Понятовскій, въ слѣдствіе того, приказалъ двѣнадца-

ти эскадронамъ отборной кавалеріи напасть слѣдующимъ утромъ на эти два казачьи полка у Грабова и по возможности отрѣзать ихъ и совершенно уничтожить. Но вышло иначе. Лишь только Орловъ лично прибылъ 15 (26) іюля въ Грабовъ, какъ замѣтилъ со стороны непріятеля движенія, показавшіяся ему подозрительными. Онъ немедленно приказалъ передовымъ казакамъ, въ случаѣ нападенія, отступить на приближавшіяся подкрѣпленія, которыя поставилъ скрытно по обѣимъ сторонамъ дороги; четыре баталіона егерей съ ихъ артиллеріей должны были стать дальше позади, поперегъ дороги. Когда два полка польской кавалеріи, видя скачущихъ отъ нихъ казаковъ, погнались за ними съ радостнымъ крикомъ, то внезапно попали подъ пушечный и ружейный огонь егерей. Не давъ имъ омониться отъ изумленія, казаки Орлова ударили имъ во флангъ. Послѣ жаркой схватки, потерявъ до 200 человекъ, Поляки спаслись съ трудомъ и были преслѣдуемы за Маркушовъ. Понятовскій, лично находившійся при этомъ, былъ окруженъ и едва не убитъ, но простая одежда спасла его. Въ то время, какъ онъ спасался вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, одинъ преслѣдовавшій ихъ казакъ, замѣтивъ, что офицеръ одѣтъ наряднѣе, проскакалъ мимо Понятовскаго и свалилъ офицера съ коня. Пока казакъ сошелъ съ коня, чтобъ обогнуть упавшаго, Понятовскій успѣлъ ускакать (55).

Вскорѣ послѣ этого дѣла, когда русскія передовыя войска расположились лагеремъ у Маркушова, прискакалъ самъ Понятовскій и пожелалъ переговорить съ главнокомандующимъ. Такъ какъ послѣдній находился далѣе назадъ, то генералъ Марковъ подѣхалъ къ Понятовскому и узналъ отъ него, что онъ пріѣхалъ съ предложениемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Марковъ обѣщалъ довести о томъ главнокомандующему. Каховскій послалъ, въ слѣдствіе того, къ Понятовскому Валеріана Зубова съ объявленіемъ: «что, такъ какъ онъ, Понятовскій, хотя былъ увѣдомленъ самимъ королемъ о присоединеніи его къ тарговицкой конфедерации, однако продолжалъ военныя дѣйствія, то Каховскій не можетъ вступить съ нимъ ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры, но требуетъ, чтобъ польскія войска положили оружіе и приступили къ конфедерации». — Едва удался Зубовъ, какъ Понятовскій, разѣхавшійся съ нимъ по другой дорогѣ, снова появился лично и, допущенный къ Каховскому, предложилъ заключить перемиріе. Русскій главнокомандующій объявлялъ ему изустно тоже самое, что поручалъ Зубову, прибавивъ: «что на-

(55) Изъ донесенія Каховскаго.

ходясь въ столь близкомъ разстояніи отъ польскихъ войскъ , онъ немедленно возобновить противъ нихъ военныя дѣйствія». — Понятовскій, смущенный, просилъ полтора часа на размышленіе, и прежде, нежели этотъ срокъ кончился, явился опять въ сопровожденіи Косцюшки и большаго числа штабъ и оберъ-офицеровъ, и объявилъ, «что онъ только сейчасъ получилъ отъ короля извѣщеніе о присоединеніи его къ конфедераціи, а потому просить прекратить военныя дѣйствія, такъ какъ онъ будетъ повиноваться приказаніямъ короля».

Такъ и было сдѣлано. Трудный шагъ былъ исполненъ, все, совершенное въ послѣдніе три года, отмѣнено и передѣлано по старому, и, послѣ совѣщанія въ большомъ совѣтѣ министровъ, рѣшено приступить къ тарговицкой конфедераціи. — Это приводитъ насъ опять въ Варшаву, средоточіе политическихъ событій, и принуждаетъ насъ, не хотѣвшихъ прерывать разказа о военныхъ дѣйствіяхъ, возвратиться по времени нѣсколько назадъ.

Г. Собственное донесеніе Косцюшки о боѣ при Дубенѣхъ

7 (18) Іюля 1792 года.

(Изъ Raczyński: Obraz Polakow i Polski, XVI, 105).

Косцюшко, предоставленный самому себѣ, пользовался всѣми средствами, предписанными осторожностью, избралъ для своего лагеря превосходную, соотвѣтственную мѣстность и укрѣпилъ ее батареями и флешами. Правое его крыло примыкало къ границѣ Галиціи, лѣвое къ Бугу. Русскіе, произведя ложную атаку на позицію князя Юсифа, направили корпусъ въ 18,000 чел. при 60 двѣнадцати-фунтовыхъ орудіяхъ, между которыми находились даже двадцати-фунтовыя, противъ Косцюшки, у котораго было только 2 двѣнадцати-фунтовыя и 6 шести-фунтовыхъ орудій и 2 гаубицы. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась семь часовъ (1) непрерывно, но причинила Полякамъ потерю только одного офицера и двухъ рядовыхъ (1) (2). Затѣмъ послѣдовала атака кавалеріею, пѣхотою и егерями. Полковникъ Палменбахъ, отважный офицеръ, въ главѣ кавалеріи бросился на батареи, вскорѣ былъ убитъ и изъ его людей только немногіе вернулись назадъ. Московская (москальская) пѣхота была три раза отбита на одномъ и томъ же пунктѣ (3); и егеря оказали такое же упорство. Но какъ москальи, по причинѣ ихъ превосходства въ силахъ, охватили (4) насъ, а бригада Бернацкаго отошла прежде времени, хотя совсѣмъ не была въ бою,

(1) Русскіе начали атаку около 5 часовъ по полудни; а по этому показанію канонада должна была бы продолжаться до полуночи и только тогда послѣдовали бы атаки пѣхотою и кавалеріею, что, какъ доказано, ложно.

(2) Послѣ семичасовой канонады?—Это нѣсколько похоже на современное донесеніе Бѣрновилля о продолжительномъ и упорномъ боѣ, въ которомъ однако Французы подъ конецъ не потеряли ничего болѣе, кромѣ мѣшца одного барабанщика!

(3) Послѣдующее рѣченіе: «и каждый разъ снова возвращалась» онъ выпускаетъ, но указываетъ на него слѣдующимъ затѣмъ рѣченіемъ: «и егеря оказали такое же упорство.»

(4) Въ польскомъ оригиналѣ таже неопредѣленность: *na około zajmowali*.— Это охватываніе Коллонтай (рассказъ котораго составленъ впрочемъ по донесенію Косцюшки) разукрасилъ потомъ по своему, сильно налегая на то, что Русскіе только нарушеніемъ неприкосновенности галиційской (неуравновѣшенной) границы могли принудить Поляковъ къ отступленію.

то мы и начали отступать къ Красноставу (5), при непрерывномъ ружейномъ и пушечномъ огнѣ противъ непріятеля, который преслѣдовалъ насъ двѣ мили (6), но не приобрѣлъ тѣмъ никакихъ выгодъ, кромѣ увеличенія своего урона (!). Все дѣло стоило Полякамъ 900 человекъ (7), Русскимъ же, какъ говорятъ, 4,000.

Изъ этого донесенія видно, что и Косцюшко не въ состояніи былъ вполне отрѣшиться отъ своей національной особенности — *naturam expellas furca, tamen usque recurret!*

(5) Какъ неопредѣленно, какъ неясно, для того только, чтобъ не сказать: «такъ какъ мы были выбиты изъ укрѣпленій, то и принуждены отступать.»

(6) Следовательно онъ сознается въ преслѣдованіи непріятелемъ и въ уронѣ, понесенномъ въ бою; но разумѣется для того только, чтобъ хвастливо прибавить, что «преслѣдовавшіе потерѣли болѣе (вопреки всякъ известному опыту) преслѣдуемыхъ.»

(7) Коллонтай нигомъ исправляетъ это сознаніе, вычеркнувъ одинъ нуль, отъ чего выходитъ 90 чел. (II, стр. 129), 4,000 же, какъ говорятъ (*jak mówią ludzie*), остаются во всей своей красѣ. — Но Заіончекъ усѣдился этой цѣры и поставилъ 2,000.—Такъ пишутъ «исторію по документамъ», какъ Шлоссеръ называетъ сочиненіе Коллонтая!

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ — СОВѢТІЯ ВЪ ПОЛЬСКИХЪ ДО КОНЦА 1792 ГОДА.

Трудное положеніе.—Слѣдовало-ли королю отправиться въ армию?—Дурныя вѣсти изъ арміи.—Король обращается съ просьбой къ императрицѣ.—Письмо короля.—Россія заключаетъ съ Австріей и Пруссіей союзные договоры.—Причины укрупнишаго отвѣта императрицы Свѣтиславу.—Рѣшаніе нота Остермана.—Затруднительное положеніе короля.—Голосованіе въ совѣтѣ министровъ.—Король приступаетъ къ торговицкой конфедераціи.—Сильныя обвиненія партіи противъ короля.—Многочисленная эмиграція приверженцевъ партіи.—Двусмысленное поведеніе Коллонтая.—Достойное сожалѣніи положеніе короля.—Господство торговицкихъ конфедератовъ.—Свиданіе императора Франца съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Майнцъ.—Планъ территориальныхъ вознагражденій.—Неудачный походъ герцога Брауншвейгскаго въ Шампани.—Сличеніе обѣтъ походамъ 1792 года въ Польшу и Франціи.—Пруссія возобновляетъ свои притязанія въ отношеніи къ Польшѣ.—Графъ Гаугвицъ.—Нота 25 октября 1792 года изъ Мерля.—Гаугвицъ отправляется въ Вѣну для довершенія переговоровъ о вознагражденіяхъ.—Соображенія русской императрицы.—Радость короля прусскаго по поводу согласія императрицы на раздѣлъ.—Доводы въ пользу онаго, предъявленные въ Лондонѣ.

Послѣ отсрочки сейма, король, съ совѣтомъ министровъ (Straß), остался одинъ въ главѣ правленія, съ властію, почти неограниченною. Положеніе было трудное и ежедневно становилось труднѣе, въ слѣдствіе быстрыхъ успѣховъ русскихъ войскъ. И по мѣрѣ того, какъ послѣдніе подвигались впередъ, страна въ тылу ихъ присоединялась къ торговицкимъ конфедератамъ, и всѣ ожидаемыя оттуда рекруты, подати, деньги поступили въ пользу конфедераціи. Такимъ образомъ не достало главнѣйшихъ средствъ для сопротивленія, людей и денегъ, денегъ и людей; мало помощи извнутри и никакой извнѣ. Поэтому, что было дѣлать?

Люди безразсудные или лукавые, господствовавшіе въ партіи и на бызнемѣ сейма, тотчасъ нашлись дать отвѣтъ, первые — по убѣжденію, послѣдніе — съ цѣлію, смотря по успѣху, истолковать сдѣланный шагъ, обжаловать его или присвоить себѣ честь онаго.

«Король долженъ, утверждали они, отправиться въ армию, топнуть ногою въ землю—и тысячи воиновъ во всеоружіи возстануть, соберутся вокругъ него и, предводимые имъ, возобновятъ зрѣлище, бывшее при Іоаннѣ-Казимірѣ, который, будучи тѣснимъ Шведами, Пруссакими, Трансильванцами и Русскими, помощію ополченія и возстанія массъ изторгнулъ государство свое изъ рукъ враговъ.» Высказавъ это, они думали, что уже все порѣшили!—Величайшія политическія ошибки и заблужденія совершаются тогда, когда человекъ, безъ строгаго изслѣдованія современныхъ обстоятельствъ, судить или дѣйствуетъ на основаніи воспоминаній и чувствъ, неопредѣленныхъ чувствъ. Изъ всего, что есть, нѣтъ ничего совершенно одинаковаго, все, что было, не повторится при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Лейбницъ доказалъ, что нѣтъ даже двухъ листьевъ на деревѣ, совершенно схожихъ между собою. Поэтому такъ одни безумцы ищутъ тождественности въ обстоятельствахъ, въ которыхъ оной нѣтъ, хотя бы то было лишь сходство времени. — Не заслуги Казимира или слабыя усилія народа спасли тогда Польшу, но раздоры ея противниковъ, уклоненіе Пруссіи, дѣла Швеции въ жизнь нѣтъ, помощь Австріи и Монтекукули, безсиліе Трансильванцевъ и грубая, немовная, еще несоотвѣтная сила Россіи. Съ тѣхъ поръ время пронесло надъ этими сто пятьдесятъ своихъ лѣтъ, и эти сто пятьдесятъ лѣтъ все вокругъ измѣнили, преобразовали, ослабили здѣсь, усилили тамъ, малое сдѣлали великимъ, а великое малымъ; остались тѣже названія, но не предметы. — Поэтому рабски подражать дѣяніямъ того времени, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, какъ совѣтовали мудрые совѣтники королю, подобно Іоанну-Казиміру, отправиться въ Палацию и кричать *raffolite gisante*! — Было просто естественнѣе, потому что Галиція уже вѣсело была польскою областію, а *raffolite gisante* было вѣсело ираномъ, который пережилъ сама себя. Прежде, во времена шведскаго военнаго искусства, войны велись посредствомъ народныхъ ополченій, но что значить они нынѣ противъ регулярныхъ войскъ? тысячи и тысячи рассыпаются предъ одиночными атакими, подобно пыли, разбиваемой вѣтромъ. Бароны коннедерами выжили только страхомъ на себя, всюду собирали дворянство и крестьянство, собирали большія толпы, и однако 10,000 чел. рускиихъ войскъ сдѣлали изъ нихъ ополченіе въ страхъ и покорность, и тѣ дѣла дошли до стоахъ вѣсели, такъ эти ополченія разсыпались, какъ попугаи въ зайцы. А съ регулярными польскими войсками ничего не могли сдѣлать, изъ какой неустрашенія, грубая шельма?

И такъ объ ополченіи тутъ не могло быть и рѣчи; но посмотримъ, какую пользу могло принести присутствіе короля при войскахъ. — А что было дѣлать при немъ этому невоинственному королю? Предводительствовать имъ? — Но онъ не имѣлъ никакого понятія о практикѣ въ войнѣ, война же требуетъ не однихъ только проникательности ума и искусства, но прежде всего величайшей дѣятельности и силы характера, двухъ качествъ, которыхъ совершенно лишена была изнѣженный Стамиславъ. Слѣдовательно — онъ нисколько не годился собственно для предводительствованія. «Хорошо, такъ пусть другіе начальствуютъ его именемъ.» — На войнѣ это — самое печальное сочетаніе идей, потому что лишается необходимаго единства, безъ единства нѣтъ ни вѣрнаго плана, ни твердой рѣшимости; — многоличность можетъ софѣщаться, но гдѣ дѣло доходить до быстрыхъ дѣйствій, какъ въ войскахъ, тамъ долженъ быть одинъ владыка, одинъ неограниченный повелитель. Тѣмъ, упомянутымъ выше, минимымъ исходомъ настаетъ раскрывается дверь интригѣ, наушничеству, раздору, колебанію и нерѣшимости, наконецъ проискаемъ и многоначалію, не говоря уже о неизбежной при этомъ потерѣ времени, между тѣмъ какъ на войнѣ всего драгоценнѣе время, и быстрое, какъ молнія, исполненіе мгновенной, какъ молнія же, мысли, вместо рѣшаетъ усилѣхъ. Съ растерзанною душою долженъ бы былъ полководецъ, облеченный исполнительною властію, столько же поминать о своихъ завистникахъ и врагахъ при особѣ короля, сколько и о врагахъ вишнихъ. Верховный военный совѣтъ, извѣстный намъ, послѣдовалъ бы, долженъ бы былъ послѣдовать за королемъ, чтобы не выпустить руда изъ рукъ. Онъ господствовалъ бы, руководилъ бы — и что вышло бы изъ этого, еслибъ Малаховскіе, Потонки, Коллоцкаи и имъ подобные герои сейма имѣли верховное начальствованіе? — потому что король долженъ былъ исполнять дѣло воли, особенно при войскахъ, гдѣ они преобладали и чрезъ своихъ дѣлителей, и сѣдой мечтою, что изъ конституція содѣлаетъ Польшу великою державой. — Если Понятовскій и особенно Косцюшко устроили въ порядкѣ отступленіе арміи и съ честью совершили его, что стало бы, еслибъ король, съ этою обременительною сантою, привелъ все въ безпорядокъ и замѣшательство? Поэтому, какъ безразсуденъ былъ упрекъ: «да, еслибъ наимѣнѣе воинственный король, какого когда-либо видѣлъ свѣтъ, сталъ въ главѣ арміи, то Поляки вышли бы изъ борьбы побѣдителями;» — какъ безразсудно было оправданіе: «потому именно, что король не отправился къ арміи, и армія, и Польша были одо-

лѣны.» — Духъ партій произнесъ и тотъ упрекъ, и это оправданіе, а безмысленность всюду вторила ему (1).

Находясь подъ давленіемъ вождей партій, король обѣщалъ все, съ тѣмъ только, что гвардію, его, умышленно пренебреженную сначала сеймомъ, слѣдовало прежде всего привести на военное положеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, онъ не иначе могъ отправиться въ армію, какъ въ сопровожденіи оной. Поэтому теперь только начали заботиться о необходимѣйшихъ нуждахъ ея, а это потребовало времени. Между тѣмъ изъ арміи стали приходиться печальныя вѣсти, распространившія смущеніе въ средѣ партій. Заіончекъ, рѣшительный приверженецъ ея, послѣ дѣлъ при Любарѣ, гдѣ такъ сильно пострадали польскія войска, писалъ друзьямъ своимъ: «Войско Понятовскаго было окружено и, хотя пробилось, но потеряло много людей, обозы, равно и Полонное съ магазинами; дѣла происходили пять дней сряду, пока войска наконецъ достигли Заславля». Адъютантъ Понятовскаго, князь Сангушко подтвердилъ эти извѣстія, опредѣлялъ уронъ въ людяхъ до 2,000 чел., увѣрялъ въ недостаткѣ пороха, свинца и провіанта, и увѣдомлялъ о настроеніи умовъ въ главной квартирѣ, гдѣ готовы на заключеніе договора и союза съ Россіей. — Устрашенные этими извѣстіями и непосредственными донесеніями главнокомандующаго, издали почтита неудачи болѣе значительными, нежели какими онѣ дѣйствительно были, наконецъ убѣдившись въ недостаточности средствъ сопротивленія, въ Варшавѣ начали сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ его и сознали необходимость покориться обстоятельствамъ и превосходству силъ. Въ слѣдствіе того рѣшено было обратиться съ просьбой къ императрицѣ, до полученія же отвѣта изъ Петербурга, войти съ Каховскимъ въ переговоры о перемиріи. Глава партій, Игнатій Потоцкій, разочарованный посольствомъ своимъ въ Берлинъ и не видя иного исхода, печально и въ упадкѣ духа самъ совѣтовалъ рѣшиться на этотъ шагъ (2). И шагъ этотъ былъ сдѣланъ,

(1) Стоить только слѣдить всѣ сочиненія, касающіяся этого предмета, и всадъ встрѣтишь повтореніе этого безумнаго упрека Коллонтая.

(2) Что Игнатій Потоцкій самъ сдѣлалъ такое предложеніе, въ томъ совершенно увѣряетъ Комаржевскій на стр. 228: «Dans des circonstances aussi embarrassantes, le Chef de la majorité de la diète exposa au Roi et au conseil de surveillance (Straż) la nécessité urgente de s'adresser directement à l'Impératrice. Suivant cet avis, le roi écrivit à l'Impératrice etc....» — Le Chef de la majorité de la diète былъ Игнатій Потоцкій. Комаржевскій имѣлъ обыкновеніе ясно обозначать лица, никогда однако не называя ихъ по имени.

какимъ образомъ и что при этомъ произошло, можетъ разсказать намъ Булгаковъ, бывший посредникомъ въ этомъ. Онъ начинаетъ свое донесеніе отъ (11) 22 іюня торжествующими словами: «Плещина прорвалась ранѣе, нежели я ожидалъ; Польша лежитъ у ногъ Вашего Величества и предаетъ себя Вашей милости;» — и затѣмъ продолжаетъ разсказывать: «8 (19) іюня ночью, вице-канцлеръ Хрептовичъ былъ присланъ ко мнѣ королемъ просить перемирія. Я отвѣчалъ: «оно зависить не отъ меня и не прежде можетъ получить согласіе, пока здѣсь не раскаются во всемъ совершившемся, не примутъ переданной мною деклараціи за основаніе переговоровъ и искренно, безъ заднихъ мыслей не обратятся къ великодушію императрицы.»—На вопросъ Хрептовича: «могутъ-ли начальствующіе генералы заключить перемиріе?»—я отвѣчалъ: «не имѣя возможности быть въ сношеніяхъ съ ними, я нахожусь въ неизвѣстности о данныхъ имъ инструкціяхъ; но вѣроятно онѣ согласны съ моими, и исполненіе желанія короля прекратить кровопролитіе зависить только отъ васъ самихъ.»—На это Хрептовичъ заявилъ: «сегодня же два королевскіе адъютанта должны отправиться къ князю Юсифу, съ тѣмъ, чтобъ предложить русскому главнокомандующему заключить перемиріе.» Затѣмъ онъ открылся мнѣ, что «присланъ спросить моего совѣта, что имъ дѣлать?»—Я сказалъ: «въ переговорахъ я не могу вступить иначе, какъ въ смыслѣ деклараціи, которую они прежде всего должны принять за основаніе, и если имѣютъ ко мнѣ довѣріе, то единственный мой совѣтъ былъ бы—не теряя времени обратиться къ великодушію императрицы, но безъ заднихъ мыслей, иначе не будетъ достигнуто ничего прочнаго». Тогда Хрептовичъ открылъ мнѣ, что «не только король, но и маршалъ Малаховскій, подканцлеръ Коллонтай и другіе вожди партій склонны къ этому». — «Если такъ, сказалъ я, то я готовъ выслушать предложенія». — Онъ изложилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Мы всѣ убѣдились, что для насъ нѣтъ другаго спасенія. Желаніе и рѣшительное намѣреніе короля и всѣхъ истинныхъ друзей отечества суть—предложить польскій престолъ, съ правомъ наслѣдства, великому князю Константину и просить Ея Величество даровать Польшѣ новое и прочное государственное учрежденіе. — Если это предложеніе не будетъ соответствовать желаніямъ Ея Императорскаго Величества или встрѣтитъ политическія препятствія, то мы удовольствуемся и тѣмъ, елибѣ Ея Императорское Величество избрала намъ въ короли кого Ей угодно, еще при жизни настоящаго короля. — Если Ея Величество отклонитъ и это, то мы просимъ о заключеніи съ нами союза, вѣч-

наше или временнаго, на какихъ Ея Величеству угодно будетъ условіяхъ, и которымъ мы съ нашей стороны обязуемъ въ случаѣ войны оказывать помощь, дозволить русскимъ войскамъ входить въ наши владѣнія и проходить чрезъ нихъ, какъ было прежде, равно и другія подобными условіями, какихъ потребуютъ отъ насъ;—и сверить тождѣ еще о заключеніи выгоднаго для обѣихъ сторонъ торговаго договора. — Еслибы же и это не удостоилось одобренія Ея Императорскаго Величества, то мы просимъ объ улучшеніи формы нашего образа правленія, устраненіи изъ него того, что Ей въ немъ не нравится, и прибавленіи того, что Ей угодно. — Наконецъ, сказалъ онъ въ заключеніе, если и это не понравится, «то мы безусловно преднемаемъ воли Ея Императорскаго Величества и отъ извѣстныхъ всѣмъ мудрости и великодушія Ея ожидаемъ нашего спасенія, благосостоянія и обезпеченнаго существованія Польши и желаемъ, чтобъ она и Россія впродъ составляли, такъ сказать, *однимъ народомъ*».

«Онъ сообщилъ мнѣ это не только словесно, но и повторилъ письменно. Выслушавъ его до конца, я сказалъ: «Относительно перваго пункта, воля императрицы мнѣ неизвѣстна, а потому я долженъ обойти его молчаніемъ;—однако изъ всѣхъ предложеній, послѣднее есть наилучшее. Союзный и дружественный договоръ между Россіей и Польшею уже существуетъ, не взирая на дерзкіе посягнута теперешняго сейма; еслибы же обстоятельства потребовали распространенія его, то Ея Императорское Величество не воспротивится тому; все прочее тѣмъ легче согласить съ деклараціей, что, по основнымъ законамъ и государственнымъ учрежденіямъ 1768 года, конституція Польши твердо упрочена. Свобода и независимость Польши нисколько не страдаютъ при этомъ, а напротивъ скорѣе укрѣпляются тѣмъ, что никакой сеймъ (потому что они, какъ наивтѣреннѣйшіе, состоятъ большею частію изъ новыхъ партій и даже факцій) не смѣетъ коснуться первыхъ (т. е. законовъ); послѣдніе же (т. е. учрежденія) могутъ быть измѣнены только единодушнымъ согласіемъ; ибо такъ какъ столь трудно сохранить ихъ, то сама собою оказывается необходимость ихъ измѣненія, въ случаѣ проявленія оной. Все это, замѣтилъ я далѣе, не можетъ быть предпринято съ теперешнимъ сеймомъ, но необходимо, съ помощію новой генеральной конфедераціи, созвать другой». — Тутъ Хрептовичъ прервалъ меня словами: «Оттого-то именно мы и боимся. Кто будетъ на новомъ сеймѣ?—Все тѣже Поляки, тѣже вражды, взаимное ожесточеніе, жажда мщенія; тѣже легкомысліе, неразуміе, несогласіе; упрямство, личный интересъ. Следовательно они могли бы

составить конституцію еще хуже настоящей, и дабы избежать этого, мы именно и желаемъ; чтобъ Бя Императорское Величество сама усмотренствовала форму нашей конституціи, или даровала намъ другую, совершенно готовую». — Я успокоилъ его увѣреніемъ, что надъ конфедераціею образовалася подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, то не переступить границъ, аю самую себѣ начертанныхъ и означенныхъ также въ деклараціи. Затѣмъ я выразилъ желаніе, чтобъ король представилъ Вашему Императорскому Величеству вышеупомянутыя предложенія письменно, не *распространяемо, но смирено*.

«Хрептовичъ уѣхалъ отъ меня съ непритворнымъ удовольствіемъ, чтобъ обо всемъ увѣдомить короля и вскорѣ доставить мнѣ отвѣтъ. Но отвѣтъ замедлился, вѣроятно въ слѣдствіе ожиданія возвращенія изъ Берлина великаго маршала Потоцкаго (Игнатія). Король ждалъ его съ нетерпѣніемъ, но привезенныя имъ извѣстія очень сбавили его прежнія рыцарскія идеи, тѣмъ болѣе, что и изъ армии получаютъ весьма худыя вѣсти. Тамъ господствуетъ большой безпорядокъ, въ порохѣ и другихъ боевыхъ припасахъ недостаточъ, народное кошевое ополченіе не хочетъ тронуться съ мѣста, генералы не умѣютъ начальствовать. Станиславъ Потоцкій, назначенный, вмѣсто Фелксовъ, начальникомъ артиллеріи, возвратился изъ Литвы, прогнанный оттуда пушечной лихорадкой. За то онъ обжаловалъ Юдыцкаго, котораго затѣмъ и отрѣшили.

«Въ четвергъ 10 (21) іюня Хрептовичъ привезъ мнѣ письмо короля къ Вашему Императорскому Величеству, уже запечатанное, и вмѣстѣ съ тѣмъ копию съ него и ноту, заключающую въ себѣ предложенія; но все это было изложено такъ кратко, темно и поверхностно, что въ тотчасъ оказалъ: «эти бумаги нехороши съ тѣмъ, въ чемъ мы и какъ мы уговорились, и слѣдовательно не могутъ произвести желаемаго дѣйствія». — Все было перепутано маршаломъ Потоцкимъ; какъ я легко догадался; ибо, хотя онъ былъ одного мнѣнія съ королемъ насчетъ принятаго рѣшенія, однако однимъ изъ главныхъ на достоинствъ республики и равенствѣ ея съ другими державами. — Забѣтивъ мое неудовольствіе, Хрептовичъ сказалъ мнѣ именемъ короля: «Если я нахожу эти бумаги изложены не такъ, какъ мы слѣдуемъ; то я имъ измѣнить не буду, какъ я того и требую». — Я возразилъ: если король придаетъ свое моему мнѣнію, то письмо должно бы быть изложено такъ, какъ мы о томъ уговорились съ нимъ, Хрептовичемъ; въ томъ же смыслѣ одождно бы

быть измѣнена и прилагаемая нота и подписана королемъ, или же содержаніе ея включено въ самое письмо».

«Черезъ нѣсколько часовъ Хрептовичъ воротился и привозъ нѣ проектъ новаго письма. Пробѣгая его, я сдѣлала нѣкоторыя замѣчанія; онъ вычеркнулъ эти мѣста и сегодня прислалъ мнѣ прилагаемый при семь пакетъ, вмѣстѣ съ коніей, прося подтверднить мою ходатайствомъ выраженныя въ нихъ желанія.

«Король считаетъ дни и часы, когда можетъ получить отвѣтъ, и ласкаетъ себя надеждой, что послѣдній будетъ благоприятенъ.

«Велика здѣсь перемѣна въ состояніи умовъ, даже самыя горячіе. Всѣ кричатъ теперь: надобно прибѣгнуть къ Россіи, брать и носить короля прусскаго и осыпаятъ Потопкиныхъ и другихъ вождей партій упреками въ томъ, что они погубили Польшу. Послѣдніе оправдываютъ себя, говоря, что: «желали своему отечеству добра, но обстоятельства тому воспротивились, а прусскій король измѣнилъ имъ».

«Легкомысленное большинство ласкаетъ себя надеждой, что Польша подъ покровительствомъ Россіи будетъ въ состояніи отстоять Пруссіи; можетъ быть этимъ самыя приманили ихъ, чтобы тѣмъ легче склонить къ согласію на принятое королевскъ рѣшеніе; самъ Хрептовичъ, въ разговорѣ со мной, намекалъ на это; но я просилъ его не предаваться ложнымъ надеждамъ, что Россія согласится поддержать ихъ желаніе мести».

Содержаніе приложеннаго къ этому донесенію королевскаго письма (отъ 11 (22) іюня 1792 г.) къ императрицѣ было вкратцѣ слѣдующее: послѣ предварительнаго вступленія, въ немъ было сказано: «Ваше Величество желаете имѣть вліяніе въ Польшѣ и право безпрепятственно проводить чрезъ нее Ваши войска каждый разъ, когда будете находиться въ столкновеніи съ Турціей или съ Европой;— мы хотимъ быть обезпеченными противъ вѣчныхъ революцій, какъ неизбежныхъ слѣдствій каждаго междоцарствія, потому что оное подаетъ поводъ къ вмѣшательству сосѣднимъ державамъ и насъ самихъ вооружаетъ однихъ противъ другихъ. Сверхъ того мы нуждаемся въ правительствѣ, устроенномъ лучше, нежели прежде.

«Теперь настало время и готовы средства согласить во и другое. Дайте намъ знака Вашего, Великаго Князя Константина, мою преемникомъ престола; пусть вѣрный союзъ соединитъ оба государства и къ этому будетъ присовокупленъ взаимно вольный торговый договоръ, и ничего не было бы легче при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какъ привести этотъ планъ въ исполненіе.

«Сеймъ дозволяетъ мнѣ заключить перемиріе, но не миръ, а потому прошу, умоляю В.И.В. сколько можно скорѣе дароватьъ намъ это перемиріе, и я отвѣчаю Вамъ за все остальное, если только дадите мнѣ время и средства. Въ настоящее время здѣсь произошла такая переиѣна въ образѣ мыслей, что — Ваше Величество можете быть увѣрены въ томъ — предложенія мои будутъ встрѣчены съ большимъ восторгомъ, не жеди что иное, совершенное этимъ сеймомъ, и Вы легко угадаете причину тому. — Но еслибы Вашему Величеству было угодно строго настаивать на всемъ томъ, что заключается въ Вашей деклараціи, то не въ моей власти будетъ исполнить то, чего я такъ сильно желаю» (2).

Въ то же время два королевскіе адъютанта, Голковскій и Бишевскій были отправлены къ князю Юсифу, для заключенія перемирія съ русскимъ главнокомандующимъ. Это предложеніе было слышано Каховскому въ Заславѣ, но имъ, какъ мы видѣли, отклонено. — Тогда Потоцкіе и Малаховскій снова стали настаивать, чтобъ король отправился въ армию; но противъ этого возстали многозначущіе голоса: многіе изъ министровъ и даже посланники дружественныхъ державъ совѣтовали: «дождаться прежде отвѣта императрицы; еслибы король отправился теперь въ армию, то это значило бы желать, чтобъ предложенія его были отвергнуты» (4).

Но они и безъ того были отвергнуты. По особенному стеченію обстоятельствъ, въ Петербургѣ усматривали въ нихъ только ложь, коварство и намѣреніе посѣять раздоръ между тремя сосѣдними державами. Это требуетъ нѣкотораго поясненія.

Война съ Франціей началась, сперва съ успѣхомъ, и обѣ германскія державы, для усиленія своего вѣса и обезпеченія себя въ тылу, пригласили императрицу присоединиться къ ихъ союзу, заключенному 7 февраля этого, 1792 года (5). Но императрица предпочла заключить съ каждою изъ сихъ державъ отдѣльный оборонительный союзъ. Переговоры о томъ были въ это самое время въ ходу; договоръ съ Австріей былъ заключенъ 3 (14) іюля на восемь лѣтъ, а съ Пруссіей тремя недѣлями позже, 27 іюля (7 августа) (6).

(2) См. въ приложеніи подъ лит. Д. полное письмо короля въ подлинникъ (и переводъ).

(4) См. *Opinion sur le roi de Pologne*. Эта малевская брошюра не имѣетъ нумерованныхъ страницъ, почему мы и не можемъ указать здѣсь страницу.

(5) Въ ст. 7 сейнаго договора было формально постановлено пригласить къ участию въ землѣ русскую императрицу.

(6) Подписались съ русской стороны: вице-канцлеръ Остерманъ, графъ Безбородко

Оба договора были почти одинакового содержания: взаимно гарантировалась неприкосновенность владѣній, особенно послѣднія приобрѣтенія отъ Польши въ 1772 году, (7) и взаимно обѣщана помощь въ 10,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. кавалеріи; это число войскъ, смотря по обстоятельствамъ, но по предварительному соглашенію, могло еще быть увеличено. Въ особенныхъ случаяхъ, напримеръ еслибъ Австрія была атакована въ Нидерландахъ, Пруссія въ Вестфалии, а Россія со стороны Швеціи, въ замѣнъ помощи войсками были обѣщаны денежныя субсидіи, именно въ 400,000 талеровъ. Прѣжній договоръ касательно Польши, отъ 25 іюня (5 августа) 1772 года (договоръ о раздѣлѣ), (8) именно былъ подтвержденъ во всей полнотѣ, отъ слова до слова, и присвоенъ была секретная статья, относившаяся къ современнымъ обстоятельствамъ, въ которой было сказано:

• О старинной конституціи Польши, сохраненіи въ ней избирательнаго престола и о правахъ различныхъ сословій республики, равно и объ основныхъ законахъ ея, въ прѣжнихъ трактатахъ между договаривающимися державами были заключены условія, какъ о предметахъ особенной важности относительно собственнаго границъ, равно и благосостоянія самой Польши. Поэтому высшія договаривающіяся державы обязуются устремить совокупныя усилія свои къ той цѣли, чтобъ нововведенія, установленныя конституціей 3-го мая 1791 года, частію насильственнымъ, частію внезапною, и совершенно несогласныя съ видами сихъ державъ, были устранены въ скорѣйшемъ времени. Онѣ взаимно обѣщаютъ себѣ дѣлательную помощь, дабы возстановить дѣла въ Польшѣ на основаніяхъ конституцій, утвержденныхъ сеймами 1768, 1773 и 1775 годовъ. А дабы устранить всякій поводъ къ недовѣрію между ними, онѣ взаимно обязуются никогда не домогаться о возведеніи на польскій престолъ одного изъ принцевъ своего дома или имѣть вліяніе на выборы. рас-

и Аркадій Марковъ; со стороны Австріи: графъ Лудвигъ Кобенцель; со стороны Пруссіи: графъ Гольцъ.

(7) Статья 2: «Les hautes Parties contractantes conviennent de donner une plus grande étendue à la garantie d'une partie de leurs possessions, stipulée par la convention conclue à St. Pétersbourg le 25 juillet (5 Août), 1772;» и эта распространенная гарантія, дальше, въ ст. 3 и 4, оправдана подробнѣе «европейскими владѣніями этихъ государствъ».

(8) Статья 2: «laquelle convention est censée renouvelée par cet article dans toute son étendue et valeur, comme si elle y était insérée mot à mot.»

публики въ пользу какого-либо другаго принца—иначе, какъ совокупно» (9).

И такъ желаніе короля прямо противорѣчило этой статьѣ договора. Правда, самъ и министры его могли возразить, что «имъ не возможно было знать или предвидѣть такой статьи, о которой еще въ тайнѣ производились переговоры»; но и такая отговорка не имѣла значенія; ибо, если они и не могли знать этой статьи трактатовъ, о которыхъ въ это самое время велись переговоры между Россіей, Австріей и Пруссіей, то имъ очень хорошо была известна почти одинаковая статья договора, заключеннаго между Австріей и Пруссіей 7-го февраля 1792 года, на которой именно была основана статья вышеупомянутыхъ трактатовъ (10). А именно третья секретная статья договора 7-го февраля 1792 г. гласила: «что договаривающіяся державы, со включеніемъ Россіи, имѣющей быть приглашенною къ участию, не хотятъ домогаться о возведеніи одного изъ принцевъ *своею* дома на польскій престолъ». Поэтому на предложеніе дать въ преемники Станиславу-Августу русскаго великаго князя, въ Петербургѣ должны были смотрѣть съ негодованіемъ, какъ на коварную попытку посѣять раздоръ между Россіей и общими ближайшими союзниками ея. Это произвело съ самаго начала предубѣжденіе противъ всѣхъ предложеній короля, которыя и безъ того казались направленными противъ упомянутаго выше уговора трехъ державъ—не рѣшать ничего о Польшѣ иначе, какъ съ общаго согласія, и имѣвшими цѣлю заманчивыми условіями отторгнуть Россію отъ союза и привлечь на сторону Польши. Къ тому же король глубоко палъ во мнѣніи императрицы: его непостоянство въ послѣднее время, его отчужденіе отъ Россіи, дабы гоняться за тѣнью (ибо вліяніе и вѣсъ Россіи въ Польшѣ были слишкомъ прочно утверждены для того, чтобы мгновенное сопротивленіе имъ могло быть продолжительнымъ); его тѣсный союзъ съ прусскою партіей и съ злѣйшими врагами Россіи; его, хотя и похвальное, стремленіе доставить престолу большія власть и силу, и, введеніемъ престола-

(9) Договоръ съ Австріей (содержаніе котораго, впрочемъ, почти тоже, что и договора съ Пруссіей) находится у Мартенса VII, стр. 497, но безъ секретной статьи; также и у Шёлля (брюссельское изд.) I, стр. 529.—Мы почерпнули секретную статью изъ договора съ Пруссіей. См. въ приложеніи подъ литерою Е. оригинальный текстъ, съ измѣненіями, сдѣланными Пруссіей.

(10) Что она была известна имъ, доказываютъ Коллонтай и Потоцкій, которые говорятъ о ней въ своемъ сочиненіи о происхожденіи и проч. ч. II, стр. 194.

наслѣдія, предотвратить междуцарствія съ нѣтъ расслабляющимъ вліяніемъ; его горячее усердіе къ новой конституціи; наконецъ его, недостойное короля, поведеніе 3-го мая, когда онъ своимъ королевскимъ словомъ подтверждалъ завѣдомыя неправды,—все это, похвальное и непехвальное, весьма измѣнило благосклонность и уваженіе императрицы къ тому, на котораго она доселѣ взирала какъ на свое созданіе и котораго поддерживала. Признаки этого обнаружались въ суровости, съ какою королевскія предложенія были отвергнуты. Хотя собственный отвѣтъ императрицы былъ еще довольно умѣренъ, за исключеніемъ упрека въ нарушеніи рѣша соавента; но что по чувству деликатности не высказала сама императрица, то прямо высказалъ въ жесткихъ выраженіяхъ вице-канцлеръ ея.

Отвѣтъ императрицы (отъ 2 (13) іюля) въ сущности заключалъ въ себѣ слѣдующее: «Согласно желанію короля, она охотно хочетъ избѣгать разбирательства причинъ, породившихъ настоящій кризисъ, но желала бы, чтобы сдѣланныя королемъ примирительныя предложенія были дѣйствительно такими и особенно согласовались съ послѣднею деклараціей императрицы. Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы снова даровать республикѣ прежнюю ея свободу и гарантированную договорами конституцію, низвергнутую революціей 3-го мая, съ презрѣніемъ священнѣйшихъ законовъ и имевшою рѣша соавента, на соблюденіи которыхъ однако основывались столько же права короля, сколько и повинненіе его подданныхъ. Только принятіемъ этихъ спасительныхъ возрѣній король можетъ убѣдить Ее въ искренности теперешнихъ оныхъ намѣреній и въ желаніи содѣйствовать благу своей націи, здравая часть которой составила конфедерацію, дабы востребовать обратно незаконно похищенные права. Императрица общала ей свое содѣйствіе и окажетъ оное всѣми своими силами и средствами; она надѣется, что король не будетъ выжидать послѣдняго мгновенія, дабы присоединиться къ столь рѣшительнымъ желаніямъ. Скорымъ присоединеніемъ къ образовавшейся подъ ея покровительствомъ конфедераціи, онъ поставитъ ее въ положеніе снова называть себя *его доброю сестрою, другомъ и сосѣдкой*» (11).

Если уже и этотъ отвѣтъ заключалъ въ себѣ чувствительныя колкости, то совсѣмъ иное было въ отвѣтѣ вице-канцлера Остермана, входившемъ ближе въ разбирательство сдѣланныхъ предложеній.

(11) Мы прилагаемъ полный текстъ письма, на французскомъ языкѣ, въ приложеніи подъ лит. Ж.

Она была адресована отъ 3 (14) іюля на имя посланника Булгакова и состояла въ слѣдующемъ:

«Въ отвѣтъ на вашу депешу отъ 11 (22) іюня и на приложенное къ ней письмо короля, Ея Императорское Величество не признала возможнымъ входить въ разбирательство столь неожиданныхъ и совершенно несогласныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ предложеній; но дабы въ будущемъ дѣйствовать съ полнымъ знаніемъ дѣлъ, она считаетъ нужнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы высказаться ясно; изъ видовъ же деликатности она возложила исполненіе этого на своихъ министровъ.

«Все содержаніе нашей деклараціи ясно показало, что она отнюдь не была обращена къ собранному тогда въ Варшавѣ сейму, но скорѣе была направлена противъ него, объявила его незаконнымъ и какъ бы несуществующимъ, за нарушеніе гарантированной Россією конституціи и по причинѣ протеста благоразумной части націи. Сеймъ этотъ, вполне непризнанный обѣими, наиболѣе заинтересованными въ этомъ сторонами, менѣе всѣхъ имѣлъ право отвѣчать именемъ націи. А посему на этотъ отвѣтъ и взирали не иначе, какъ на обыкновенную бумагу, исходящую отъ двухъ подписавшихъ ее (Малаховскаго и Самбги), и не удостоили его вниманія. Мы вовсе не уномянули бы о немъ, еслибы въ немъ не принимали участія министры короля и лица, пользующіяся величайшимъ довѣріемъ его. Въ этой бумагѣ былъ принятъ тонъ притворной умѣренности только для того, чтобы придать болѣе вѣсу коварнымъ софизмамъ и отрицанію фактовъ, основанныхъ на самыхъ твердыхъ началахъ. Прискорбно видѣть, что все это стараніе употреблено лишь для того, чтобы привести въ заблужденіе легковѣріе какого-нибудь журналиста или празднаго политическаго болтуна; ибо кабинетамъ державъ слишкомъ хорошо извѣстно, что теперь происходитъ въ Польшѣ, для того чтобы позволить обмануть себя касательно побужденій и намѣреній господствующей факціи. Но эта притворная умѣренность тотчасъ же получила свою кару въ насильственныхъ декретахъ противъ тѣхъ людей, которые домогались возстановленія своихъ старинныхъ вольностей посредствомъ конфедераціи, единственнаго остававшегося имъ средства. Нѣкоторые изъ этихъ декретовъ исполнены самыхъ оскорбительныхъ выраженій противъ Россіи и имѣютъ единственною цѣлію то, чтобы коварными внушеніями возбудить ненависть и недовѣріе націи къ ней. И въ то самое время, когда король заставлялъ облечь себя полнымъ авторитетомъ и всю властью правительства, всего также искадала подобныя

государственные акты; заточение епископа перемышлянского, столь долго и противузаконно содержимаго въ темницѣ, сдѣланное тѣмъ же и суровѣе, и рѣшенія, которыя должны были глубоко оскорблять Ея Императорское Величество, быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ это же время послѣдовало отправление въ Берлинъ важнаго маршала литовскаго (Игнатія Потоцкаго), главнаго вѣстовника и послѣдника теперешнихъ беспорядковъ, равно и приверженца его, полковника Подолін князя Адама Чарторыйскаго, въ Вѣну. Цѣль и всудачные результаты этихъ посольствъ извѣстны. Сочетая эти обстоятельства вмѣстѣ съ событіями 4 (15) и 7 (18) прошедшаго мѣсяца (дѣла при Борушковичахъ и Зѣлицкахъ), можно было бы этимъ политическимъ и военнымъ поразеніямъ приписать то, что Ея Императорское Величество рѣшился обратиться къ Ея Императорскому Величеству. Какъ ни неприятна (іасноу) эта мысль, все же жаль той, что всѣ эти предложенія, сдѣланныя королемъ, не что иное, какъ завадки (piędy), выужденныя вѣроломными совѣтниками, которые его окружаютъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, предложить Ея Величеству, чтобы она назначила внука своего, Великаго Князя Константина, послѣдникомъ польскаго престола, между тѣмъ какъ она торжественно объявила, что одною изъ главныхъ причинъ ея вооруженнаго вмѣшательства есть возстановленіе старинныхъ законовъ и порядковъ республиканскаго избранія короля, значить предложить ей идю, столь же противную ея образу мыслей и намѣреніямъ пристроить (dow Kształceniem) членовъ своей фамиліи (на что у насъ есть довольно средствъ), сколько и способною возбудить подозрѣніе въ ея безвѣрствѣ и подорвать довѣріе и доброе согласіе съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами относительно польскихъ дѣлъ.

«Предложить ей союзный и торговый договоръ, между тѣмъ какъ она признается заключенные съ восточною республикою еще существующими, не взирая на безчисленныя нарушенія оныхъ, а сама дозволяетъ себѣ похитители власти въ Польшѣ, и домогается повлечь ее въ переговоры съ этими послѣдними, значить не что иное, какъ выманить у нея родъ признанія оныхъ несправедливостей, которыя они были виновниками и которыхъ именно Ея Величество гонимъ и низпровергнуть.

«Наконецъ, требовать отъ нея перемирія, значить допустить, что существуетъ родъ войны государства съ государствомъ, и что она сама не существуетъ настоящему случаю, который есть трагическое и совершенное единеніе съ истинною республикою противъ...

внутренних врагов. На этомъ основаніи, какъ законное право, приобщенное Его Польскимъ Величествомъ, для переговоровъ о заключеніи перемирія, а не окончательнаго мира, такъ и авторитетъ, изъ котораго Его Величество производитъ это право, совершенно ничтожны въ глазахъ Ея Императорскаго Величества, ибо этотъ авторитетъ не признанъ ни ею, ни конфедераціею, единственною представительницею республики.»

Отвергнуть такимъ образомъ королевскія предложенія, вице-канцлеръ хотеть опредѣлить положеніе вопроса болѣе вѣрнымъ образомъ, нежели онъ, по видимому, представляется мыслямъ короля, и продолжаетъ: «Возможно Ея Императорскому Величеству важно имѣть влияние въ Польшѣ, уже по непосредственному сосѣдству ея государства, но она желаетъ упрочить это влияние не иначе, какъ восстановленіемъ старинныхъ правъ и вольностей республики, похищенныхъ у нея конституціей 3-го мая. Эта услуга, которую она ей оказываетъ, въ соединеніи съ другими правами ея на уваженіе и честь, которыя республика никогда не отрицала, пока не была насильственно соращена съ истиннаго пути притѣснителями или обманщиками, упрочить отношенія, должествующія существовать между сосѣдственными государствами, болѣе тѣснымъ и твердымъ образомъ, нежели сколько можно было бы ожидать отъ уступчивости въ отношеніи новаго порядка вещей.»

«Королю или скорѣе партіи, мнѣнія и системы которой, къ сожалѣнію, обрѣли у него перевѣсъ, не столько важно оградить себя отъ предлагаемыхъ буръ междоусобія или исправить мнѣшныя ошибки старинной конституціи, сколько охранить болѣе обширную власть, приобщенную ему новымъ порядкомъ вещей. Но это наискрѣпнѣе несогласно ни съ трактатами, существующими между Россіей и Польшою, ни съ неизмѣнными интересами сосѣдственныхъ державъ: все это слѣдуетъ стараться привести въ соглашеніе иными средствами, нежели тѣ, которыя предложилъ Его Польское Величество. Средства эти представляются естественно въ томъ, чего требуютъ справедливость, разумъ и клятвы, данныя имъ при принятіи клятвы отъ свободнаго народа, и притомъ на условіяхъ, которыя послѣдній имѣлъ право постановить. Если Его Величество снова обязится съ этимъ народомъ, то найдетъ обязанія его отвратыми, а сердце готово забыть прошедшее, и въ то же время, въ пользуваніи законномъ и неоклеветанномъ властью, получить и всѣ вознагражденія за сомнительное и оспориваемое могущество. Но нимаго не должно терять времени. Дѣло идетъ о воспримствованіи дальнѣйшему»

происполнѣнію, которое, увеличивая національную ненависть, въ тоже время могло бы умалить постоянное, великодушное участіе Ея Императорскаго Величества, съ которымъ она до сихъ поръ поддерживала короля на престолѣ, тогда какъ его довольно часто пытались свергнуть съ него. Лишь съ прискорбіемъ Ея Императорское Величество ставить на видъ такой исходъ, одинаково печальный какъ для нея, такъ и для короля. Но въ томъ положеніи, въ какое теперь пришли дѣла, пощада изъ деликатности была бы неумѣстна, ибо весьма легко могла бы привести къ тому самому, чего можно избежать, объяснившись обоюдно со всевозможною откровенностью.»

Затѣмъ вице-канцлеръ переходитъ къ ближайшему разсмотрѣнію мѣръ, которыя король долженъ бы былъ принять, для избавленія угрожающаго ему несчастія. «Отъ Ея Польскаго Величества, зависитъ,—говоритъ онъ,—выйти изъ настоящаго положенія несчастнымъ и вѣрнымъ способомъ. Онъ долженъ отказаться отъ необычныхъ притязаній, а дабы показать, что дѣлаетъ это искренно, долженъ распустить всѣ войска, находящіяся теперь въ полѣ для протруднѣнія движенію нашихъ войскъ; или, еще лучше, приказавъ имъ подчиниться конфедераціи и находящимся съ нею валикамъ гвинеямъ, какъ естественнымъ и законнымъ ихъ начальникамъ. Если мѣра эта противна Ея Польскому Величеству, то мы удовольствуемся тѣмъ, если войска эти будутъ отдѣлены и разбиты на своихъ прежнихъ квартирахъ мирнаго времени, равно какъ и артиллерія по тѣмъ крѣпостямъ, откуда была взята. Съ этой артиллеріей, какъ естественно, и наши войска прекратятъ всякія дѣйствія, и перемиріе или скорѣе всеобщее спокойствіе наступило бы само собою и утвердилось бы предпринятыми затѣмъ мирными занятіями конфедераціи. Король приглашается приступить къ ней и притомъ безъ замедленія, дабы ускорить успѣхъ его дѣйствій, равно какъ и съѣздъ новаго сейма, для полнаго умирненія страны. Далѣе, король долженъ употребить свое вліяніе на то, чтобъ воспрепятствовать исполненію несправедливыхъ провинціальныхъ декретовъ послѣднато сейма противъ конфедератовъ и ихъ приверженцевъ, потому: это иначе мы примемъ скорыя и справедливыя мѣры возмездія. . . .»

«Все это,—говоритъ онъ въ заключеніе длиннаго посланія королю,— вы видите, именемъ императрицы, представить королю къ исполненію, если онъ хочетъ изгладить въ глазахъ императрицы и своей націи недовѣріе, которое внушили прѣшныя его поступки. Не бы какъ можно легче достигнуть этого, ему необходима удалять отъ своей особы тѣхъ, которыхъ общественное мнѣніе справедливо

обязать въ томъ, что они сплели и подожгли всё эти заговоры. Пока они окружаютъ короля и пользуются его довѣріемъ, всегда должно будетъ недовѣрять искренности его намѣреній. Надобно также озаботиться объ удаленіи отъ предстоящаго сейма всѣхъ поджигателей (*boue-feux*), равно и приверженцевъ новыхъ ученій, которыми все въ республикѣ было низпровергнуто, такъ какъ они не могутъ участвовать въ совѣщаніяхъ, главною цѣлю которыхъ будутъ все снова привести въ прежнія формы и видъ.

«Таковы виды и намѣренія Императрицы, которыя вы имѣете сообщить Его Польскому Величеству или лично на аудіенціи, или чрезъ посредство вице-канцлера Хрептовича. Присовокувите къ нему, что это есть послѣднее выраженіе воли Ея Императорскаго Величества, на которомъ Она настаиваетъ и неизмѣнно будетъ настаивать. Между тѣмъ генералы имѣютъ приказаніе не вступать ни въ какіе переговоры и продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока Его Польское Величество не приметъ окончательнаго рѣшенія».

Суровы и язвительны были эти требованія, необыкновенно жестокъ былъ языкъ, которымъ они были выражены,—но что оставалось дѣлать королю?—На оборонительныя силы государства нельзя было полагаться: одна армія съ 25,000 чел. уменьшилась до 15,000 и отъ границъ Молдавіи отступила до Пулавы на Вислѣ; другая, едва считавшая 14,000 чел., изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Литвы—за Вугъ, почти до Варшавы. 23 іюня (4 іюля) послѣдовалъ призывъ всеобщаго ополченія, но почти никто не явился: (12) Русскіе же, напротивъ, силой въ 90,000 чел., съ двухъ сторонъ неудержимо шли изъ Варшавы, отъ которой уже находились въ нѣсколькихъ миляхъ, одна армія у Люблина, другая у Вештрова. Варшаву должно было очистить, но куда бѣжать? Большая половина страны была въ власти тарговицкихъ конфедератовъ; Великой Польшѣ угрожало вторженіе Пруссаконъ; изъ Малой Польши оставались свободными только воеводства сандомирское и краковское, гдѣ ничего не было приготовлено къ войнѣ, слѣдовательно и тутъ побѣдоносная русская армія не замедлила бы пріобрѣсть перевѣсъ. И такъ сопротивленіе открытою силою было невозможно; что же дѣлать? Оставался ли другой исходъ, кромѣ покорности побѣдителю?

(12) «Да,—говорили сторонники партіи,—это случилось только потому, что воззваніе послѣдовало слишкомъ поздно и нечистосердечно со стороны короля» (Коллонтай II, 130). Но какимъ образомъ народъ могъ изъ универсала, составленнаго въ обыкновенной формѣ, уразумѣть мысль короля? Истинною причиною было то, что никто, и по справедливости, не рассчитывалъ ни на малѣйшій успѣхъ.

Оставалась еще, конечно, борьба до крайности, до конца—но у кого была на то охота? гдѣ было здѣсь глубокое одушевление одною великою идеей, которой добровольно приносятъ себя въ жертву?—Даже небольшое число тѣхъ, которые доселѣ стояли въ передовыхъ рядахъ, не имѣло охоты къ тому, а скорѣе они же первые помышляли, какъ бы уйти: дорожные экипажи ихъ были уже уложены.

У польскихъ приверженцевъ партій на языкѣ всегда двѣ, далеко расходящіяся цѣли, одна—очень небольшая, чтобъ доказать свою необычайную храбрость, когда дѣло дошло до открытой борьбы, другая—весьма большая, когда дѣло въ томъ, чтобъ оправдать свои безумныя идеи или показать, какія громадныя дѣла они свершили бы, еслибъ имъ не помѣшала измѣна. Такого рода люди, конечно, много кричали о многочисленныхъ войскахъ, которыми они еще располагали, объ огромныхъ сокровищахъ, которыми обладали, объ ополченіяхъ, которыя стоило только созвать, о богатѣйшихъ средствахъ къ оборонѣ и сопротивленію, которыя единственно измѣна короля задержала и сдѣлала недействительными (13). Но кому извѣстенъ языкъ партій, знаетъ, какъ ему цѣнить подобныя рѣчи; кому не безызвѣстны тогдашнія обстоятельства Польши, слышавшій хорошо сознаетъ, что дальнѣйшее сопротивленіе стоило бы странѣ еще болышихъ жертвъ, но не измѣнило бы окончательнаго результата и, вмѣсто поправленія дѣла, скорѣе испертило бы его.

То, что прежде и болѣе всего держало тогда Польшу въ безвѣліи, истинный ракъ, точившій ее жизнь и высасывавшій всю ее силу и крѣпость, былъ раздоръ въ странѣ. Съ одной стороны тиргавицкіе конфедераты или поборники старинны и ихъ приверженцы, съ другой поборники конституціи 3-го мая, а съ третьимъ—раскольничій и въ городахъ, и въ странѣ; приверженцы Русскихъ и приверженцы Пруссаковъ, но эти теперь повержены въ прахъ; раздоры

(13) Какъ образчикъ нелѣпостей самаго плохаго вкуса, которыя были распространены, вотъ что говоритъ одна (Зайнчекъ стр. 61): «Маршалъ Малаховскій предложилъ королю 100,000 червонцевъ, т.е. 2 милліона польскихъ злотыхъ, за освобожденіе кармана».—Это что-то похоже на ремизъ, гдѣ герои распускаютъ карту себя милліоны; но еслибъ и действительно оцѣнить ихъ въ карманѣ, то долго-ли стали бы 100,000 червонцевъ?—Другіе (Потоцкій) говорили: «Для спасенія ихъ случилось бы еще, можетъ быть, какое нибудь неожиданное событіе», подобно тому какъ въ послѣдствіи Лелевель, когда Русскіе уже штурмовали Варшаву, ожидалъ еще свѣтлой идеи, которая могла бы внезапно озарить и спасти ихъ». Когда люди выжидаютъ свѣтлыхъ идей и неожиданныхъ событій, тогда-то именно они и не являются.

въ высшемъ дворянствѣ, раздоръ въ низшемъ, часть котораго была исключена изъ сеймовъ; раздоръ между высшимъ дворянствомъ и городами. Первое, завидуя незначительнымъ правамъ, дарованнымъ посадичамъ, превозглашало: «Чья кровь проливается теперь? ваша или наша?» Угнетенные горожане отвѣчали: «и мы готовы на всякія жертвы; пусть только Русскіе придутъ въ Варшаву, и мы угоstimъ ихъ сицилійскими вечернями» (14). Они сдержали слово—два года спустя всѣ увидѣли эти сицилійскія вечерни или скорѣе «варшавскую пасху»; только, увы! торжественный звонъ колоколовъ возвѣщалъ имъ, не новое воскресеніе, какъ они полагали, но—похороны, потому что шесть мѣсяцевъ нозже они умерли.

Когда король получилъ 10 (21) іюля вышеприведенные, моразительные отвѣты изъ Петербурга, то, послѣ двухдневнаго предварительнаго совѣщанія съ своими ближайшими довѣренными лицами, 23-го числа созвалъ совѣтъ своихъ министровъ и къ этому еще примаса, обоихъ сеймовыхъ маршаловъ и нѣкоторыхъ изъ прежнихъ верховныхъ сановниковъ. Онъ открылъ собраніе представленіемъ полученныхъ бумагъ, указавъ на тѣснѣйшій союзъ трехъ державъ, обѣщавшій мало хорошаго, и на совершенный недостатокъ средствъ къ дальнѣйшему продолженію борьбы, и затѣмъ спросилъ мнѣніе собранія и слѣдуетъ-ли, какъ требуетъ петербургскій дворъ, приступить къ торговницкой конфедерации?—Примасъ первый совѣтовалъ: «для спасенія отечества пожертвовать новою конституціей и какъ можно скорѣе приступить къ конфедерации». Тоже мнѣніе подали великій маршалъ коронный Мнишекъ, вице-канцлеръ литовскій Хрепощичъ и, къ удивленію всѣхъ, вице-канцлеръ коронный Коллонтай, который началъ развѣвать плащъ свой по новому направленію вѣтра съ востока и совѣтовалъ тотчасъ же приступить, для избѣжанія кровопролитія (15). Великій канцлеръ коронный Малаховскій говорилъ въ сильныхъ выраженіяхъ въ пользу присоединенія; точно также и литовскіе: великій подскарбій Тышкевичъ и подскарбій надворный Дзеконскій. Это составляло уже семь голосовъ, къ которымъ непостоянный Сапѣга присоединилъ осьмой, объявивъ, что

(14) Булгаковъ отъ 27 іюня (8 іюля).

(15) Онъ умышленно умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи и старается отдѣлаться нѣсколькими общими фразами (II, 135); поэтому-то позднѣйшіе переписчики его, вопреки всякой истины, причислили его къ тѣмъ, которые подали противное мнѣніе, хотя уже Комаржевскій (стр. 244) свидѣтельствовалъ противное. Дѣлоясніе послѣдникъ: право называть его въ числѣ подавшихъ голоса въ пользу присоединенія.

«готовъ послѣдовать мнѣнію короля». И такъ восемь голосовъ были въ пользу присоединенія. Противъ него, какъ естественно, первый подалъ голосъ Игнатій Потоцкій, поддержанный сеймовымъ маршаломъ Малаховскимъ, надворнымъ маршаломъ литовскимъ Солтаномъ и надворнымъ подскарбіемъ короннымъ Островскимъ. Они допускали возможность тѣснѣйшаго союза трехъ державъ, но полагали, что польская храбрость и какое-нибудь непредвидѣнное событіе можетъ разторгнуть этотъ союзъ или уничтожить его послѣдствія: Они отрицали, вопреки очевидности, невозможность продолжать борьбу, указывали на мужество арміи и ревность соединенной съ королевскою націи. Это значило толочь воду, ибо ни мужество арміи (которой никто не оспаривалъ, а только ея силу), ни ревность націи (весьма незначительная въ Варшавѣ), не помѣшали Русскимъ проникнуть въ самую средину страны. Но это говорили больше для людей, вѣрившихъ, тщеславныхъ и несвѣдущихъ, гонясь за ауга *republicis*. — Но что же дѣлать? — «Пусть король, возражали они, отправится въ Куровъ, стаметь въ главѣ арміи и отважится еще на одно сраженіе». — А если оно будетъ проиграно? ибо съ 15,000 противъ 50,000 пораженіе слишкомъ вѣроятно, что тогда? — «Ну, тогда пусть онъ отступитъ чрезъ самодѣйственное воеводство въ краковское и ведетъ въ этой гористой странѣ малую войну.» — Но, возразилъ король, превосходство русскихъ силъ скоро и тутъ возьметъ верхъ, кромѣ того въ Сандомірѣ и Краковѣ недостатокъ въ продовольствіи и нѣтъ магазиновъ, чѣмъ же продовольствоваться арміи? — въ казнѣ нѣтъ денегъ, чѣмъ платить ей? — «Сколько въ казнѣ денегъ?» — спросилъ сеймовый маршалъ Малаховскій. — «300,000 (польскихъ) злотыхъ (50,000 талеровъ)», отвѣчалъ казначей. — Если присоединить къ нимъ, продолжалъ король, и всѣ суммы, назначенныя для другихъ цѣлей, все же этого не достанетъ, чтобъ содержать армію и четыре недѣли. — «Такъ если король не въ состояніи будетъ держаться въ краковскомъ воеводствѣ, то пусть отправится въ Галицію.» — Въ Галицію, съ удивленіемъ спросилъ король, а что мнѣ тамъ дѣлать? Я не знаю, какъ Юанна-Казиміръ, матью австрійскую принцессу, погону въ Галиціи найдутъ не помощь и поддержку, но скорѣе бѣдствіе, униженіе, а можетъ быть и плѣнъ. — Еще одно слово, прибавилъ король, обдумайте, къ чему приведетъ насъ дальнѣйшее промедленіе; когда русскій посланникъ вручилъ мнѣ эти бумаги, онъ сухо сказалъ: «до сихъ поръ одна Россія удерживала Пруссаковъ отъ вступленія въ Великую Польшу; при дальнѣйшемъ сопротивленіи, ихъ не будутъ болѣе удерживать, а разъ вступивъ въ страну, они не уйдутъ изъ нея съ

пустыми руками» (16). Не смотря на эти неопровержимые доводы в сенатах, названные четыре вождя партій, заботясь болѣе о своей популярности, уворно оставались при своемъ мнѣніи. Островскій воскликнулъ: «Пусть король присоединяется, я — нѣтъ!» — Солтанъ полагалъ: «Часто въ самомъ безнадежномъ положеніи является еще наконецъ помощь, а потому не слѣдуетъ отчаиваться, но вспомнимъ борьбу Нидерландовъ противъ Филиппа II.» — Игнатій Потоцкій сказалъ холодно: «онъ хочетъ выждать;» — Малаховскій: «Ужъ если хотятъ переговариваться, то по крайней мѣрѣ прямо съ петербургскимъ дворомъ, а не съ измѣнниками.» — Такъ какъ никто изъ нихъ не могъ предложить основательнаго способа къ исходу, то король, вмѣстѣ съ большинствомъ осьми голосовъ противъ этихъ четырехъ, и рѣшился уступить необходимости. 13 (24 июля) (17) онъ подписалъ свое присоединеніе слѣдующими словами: «Я соглашаюсь на подписаніе акта торговицкой конфедераціи и присоединяюсь къ ней со всею арміею, въ надеждѣ, что предложенная императрицею российской мѣры возвратятъ счастье моему отечеству.» — Этимъ онъ подписалъ и отреченіе свое отъ партіи, до сихъ поръ господствовавшей надъ нимъ. Последняя увидѣла теперь увѣнчанію свою коварную кознь, которою, въ минуту возникавшей грозы, передала королю неограниченную власть (весьма ограниченную однако ея вліяніемъ на него); всѣ неудачи она приписала ему, забывъ, что сама побуждала его ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя теперь вели къ гибели. Дабы самимъ не быть обвиняемыми, вожди и приверженцы ея стали ревностѣйшими обвинителями и, выставляя дѣйствіе вмѣсто причины, выдали вынужденное присоединеніе короля къ конфедераціи за причину неудачи національнаго дѣла. Политику ихъ въ этомъ случаѣ, какъ и послѣ, раскрылъ самъ Коллонтай въ одномъ мѣстѣ своего пресловутаго сочиненія: тамъ сказано: (18) «Сначала отражаешь отъ себя клевету и борешься съ нею; наконецъ вѣчное повтореніе оной оглушаетъ и облыщаетъ; ибо кто могъ бы признать возможнымъ, чтобы безъ всякой причины безпрестанно клеветали.» — Напрасно король издалъ манифестъ къ націи, въ которомъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ, изображалъ: «Было сдѣлано все возможное, но какъ

(16) См. Opinion sur le roi de Pologne.

(17) А не 12 (23), какъ показываетъ большая часть польскихъ писателей и ихъ перипетичность: Булгаковъ именно показываетъ 13 (24) число.

(18) См. о происхожденіи и глѣдахъ в проч.; II, 246.

въ казнѣ нѣтъ денегъ, заемъ не состоялся, сосѣднія державы расположены къ Россіи, ощущается недостатокъ въ рекрутахъ, лошадяхъ, оружіи, комиссаріатскихъ вещахъ и особенно въ средствахъ продовольствованія, то онъ спрашиваетъ: въ правѣ-ли упрекать его въ такомъ поступкѣ, на который онъ былъ вынужденъ, — и въ заключеніи выражалъ надежду, что хотя бы и невозможно было сохранить всѣ узаконенія сейма, но можно было бы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ и положить конецъ кровопролитію и междуособному раздору». Напротивъ вожди партій и ихъ приверженцы всюду распространяли и изустно, и въ плакатахъ (отдѣльных листкахъ), а потомъ и въ сочиненіяхъ, послужившихъ источниками для исторіи, что «королю даны были въ руки всѣ средства для обороны государства, армія, казна, ополченіе, даже вся нація, еслибъ онъ явился въ лагерь; но онъ, изъ страха царицы и ухватившись за свой колеблющійся престолъ, парализовалъ всю силу дѣятельности, сдѣлалъ недействительными всѣ средства и наконецъ предалъ Поляковъ». — Эти внушенія, обвиненія, поджигательства произвели преднамѣренное дѣйствіе, какъ въ Польшѣ, такъ и за границей, а какъ буря событій увлекала за собой все, не оставив времени для опроверженія, то эти раскрашенные рассказы партій были приняты за чистую истину, распространялись все болѣе и болѣе въ историческихъ сочиненіяхъ и, при возбужденіи тогда состоянія народовъ, часто также употреблялись во зло для поджигательства противъ государей.

Лишь только въ Варшавѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что король приступилъ къ конфедерации; какъ собрался клубъ друзей конституціи; сотни людей стеклись туда, провознесены были возмутительныя рѣчи и вскорѣ слышенъ былъ только общій, съ сдержаніемъ зубовъ произносимый крикъ: «клятвопреступный король! низверженъ король!» — Съ шумомъ и крикомъ двинулась оттуда толпа, снувшая мирно гулявшихъ въ саксонскомъ саду; прошла по улицамъ города и выбила стекла въ домѣ ненавистнаго канцлера Малаховскаго, громко угрожая королю смертію, а его министрамъ висѣлицей. Случайно наткнулась она на Санѣгу, поднала его за руки и повесила съ триумфомъ, затѣмъ пошла къ дому маршала Малаховскаго, который готовился къ отъѣзду. Его не застали, однако отыскали въ другомъ домѣ, прокричали ему *niech żyje!* (да здравствуетъ!) и распростились съ нимъ. Потомъ съ тою же цѣлію отправились къ Игнатію Потоцкому, который однако также удался. — Вдоволь помумѣвъ, накричавшись и нагрозившись, толпа постепенно разо-

пшась (19). — То было послѣднее лихорадочное трепетаніе умирающаго больного. Дѣло, которое партія защищала цѣлые три года, было потеряно, и всѣ вожди ея, страшась реакціи угнетенныхъ дотола, готовившей бѣжать за границу. Они на время сошли со сцены, чтобъ уступить мѣсто другимъ, но не надолго: скоро мы увидимъ ихъ опять за работой, чтобъ окончательно похоронить свою страну.

Большая часть изъ нихъ избрала дружественно расположенную къ нимъ Саксонію, Лейпцигъ, Дрезденъ, гдѣ жила временнаго пристанища, пока дѣло противниковъ ихъ или рухнетъ само собой, или будетъ разрушено ими; ибо всѣ были убѣждены, что оно продолжится недолго. — Туда бѣжалъ честный, но недалековидный и руководимый другими *Маласосскій*, даровитые братья *Иматій* и *Станиславъ Патомскіе*, которые искренно желали блага своему отечеству, хотя иногда ошибались въ сужденіяхъ; туда же *Платоли*, совѣтникъ и другъ ихъ и короля, который его, украшеннаго честною бѣдностью, парадъ тѣмъ долженъ былъ; еще снабдить средствами къ побѣгу (20); туда же и многіе другіе, искренные приверженцы послѣдней конституціи, съ убитою душою, съ злобой и мщеніемъ въ сердцахъ противъ короля и варшавскихъ конфедератовъ. Наконецъ, туда же, послѣ долгаго колебанія, отправился и *Коллоктмай*.

Въ Дрезденѣ и другія мѣста удалились также и начальники войскъ: рыцарскій *Иосифъ Понатовскій*, волнуемый противоположными чувствами: любовью и уваженіемъ къ дядѣ своему, королю, которому была обещана всѣмъ, скорбью и негодованіемъ за слишкомъ всплывшее, по его мнѣнію, стреченіе короля отъ предвзятаго дѣла (21). — Бояръ арміи, *Косиошко*, котораго дѣтская, чистая душа и геройская храбрость, соединенныя съ умомъ, обрѣли ему всеобщую любовь и довѣріе націи; — нылкій, страстный *Заюнко*, склонный къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; *Михаилъ* и *Иосифъ Вильгорскіе* (братъ ихъ *Георгій* былъ противъ нихъ въ числѣ конфедератовъ), которые мало участвовали въ военномъ счастіи; бывшій великій гетманъ литовскій *Михаилъ Заблѣто*, болѣе искусный поборникъ партіи, нежели воинъ; наконецъ тонкій, статный и ловкій начальникъ конницы, *Самуилъ Мещеряковскій*, достойный питомецъ уважаемаго дяди (22), воспитанный въ парижской военной школѣ и съ природ-

(19) Дешета Бугакова отъ 14 (25) іюля.

(20) См. выше стр. 244, выноску 21.

(21) См. письма его къ королю въ *Raczyński: Obraz Polski etc. XVI.*

(22) Генерала, часто упоминаемаго во время барской конфедераціи и до нея, и котораго некогда идеализировалъ Рюльеръ.

нымъ мужествомъ соединившіи и познанія: Храбрые воины, они удалились, какъ честные люди, чтобъ не служить тѣмъ, противъ которыхъ сражались.

Но изъ этихъ эмигрантовъ не всѣ дѣйствовали чистосердечно и изъ внутренняго убѣжденія; для многихъ это было дѣломъ моды, какъ прежде у французскихъ эмигрантовъ, или стыда оставаться въ отечествѣ; у другихъ хитрый расчетъ, чтобы, при предвидимой близкой переменѣ, воротиться съ популярностью, которая должна была проложить имъ дорогу къ высшимъ почестямъ и мѣстамъ.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ *Коллонтай*. Мы видѣли какъ онъ, въ общихъ фразахъ, поддалъ голосъ въ пользу присоединенія. Ему ближе всего къ сердцу лежало его канцлерство и шани на епископство; поэтому онъ, на другой день послѣ совѣщанія, тайно пришелъ къ королю и со слезами умолялъ не отнимать у него печати. Король, при неизвѣстности о собственной своей участи, ничего не могъ обѣщать ему, кромѣ своего ходатайства. Тѣмъ какъ приверженцы партіи настаивали на его отъѣздѣ, то онъ и былъ принужденъ рѣшиться на это и наконецъ исполнилъ, сказавъ: «Вашъ, госнода, хорошо говорить; гдѣ бы вы ни были, вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка; я же бѣдняга, едва добываю мѣсточка, которымъ питаюсь, долженъ уже пожертвовать всею своею будущностью. Не лучше-ли было бы мнѣ остаться и примкнуть къ тарговицкимъ конфедератамъ, тогда я могъ бы отражать всѣ удары, направленные противъ васъ?» (23)—Для большей безопасности и дабы не разладить ни съ какою партіей, онъ уѣхалъ, во сперва только въ краковское воеводство, оставивъ актъ своего присоединенія къ конфедераціи въ двухъ экземплярахъ, одинъ у канцлера Хрептовича, другой у довѣреннаго лица, дабы, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлать изъ него употребленіе. Еще до того имъ сдѣланы были косвенныя попытки къ обличенію у русскаго посланника (24); но этотъ презиралъ его. «Коллонтай, доносивъ оныя своему двору, (25) отправился въ Краковъ и ищетъ примкнуть къ нашей партіи. Его можетъ купить всякій. Отъ герцога курляндскаго онъ взялъ 2,000 червонцевъ и чрезъ него она выиграла свою тяжбу»; а восемь дней спустя, 21 іюля (4 авг.): «Коллонтай, кля и уѣхалъ изъ Варшавы, но оставилъ актъ своего присоединенія

(23) См. *KoŃantai w rewolucyi Kosciuszkowej*, стр. 10.

(24) Тамъ же стр. 9.

(25) Отъ 14 (25) іюля.

къ тарговицкой конфедерации и извѣстилъ меня о томъ письменно. Конфедерация вѣроятно не захочетъ принять его услуги; впрочемъ и те хорошо, по крайней мѣрѣ онъ воздержится между тѣмъ отъ вѣтра». Пока онъ находится въ этой неизвѣстности, онъ точно воздержался отъ нихъ; но лишь только конфедераты назначили ему преемника, какъ въ немъ пробудились вся его злоба, весь бурный потокъ его дрыхъ страстей, и плодомъ ихъ было сочиненіе его: *о мечлѣ и надеждѣ польской конфедерации 3-го мая*.

Честіе поступали другіе. Они искренно желали блага своей странѣ, а не свбѣ только; въ этомъ смыслѣ Малаховскій даже привнесъ большія жертвы. Онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, а Сашга по недоверію къ новому порядку вещей и по свѣдѣнному ему непостоянству, расстроивали передъ своимъ отъѣздомъ манифесты, въ которыхъ протестовали противъ тарговицкой конфедерации; хотя Сашга еще въ совѣтѣ министровъ общалъ королю во всемъ послѣдовать за нимъ.

Богѣе всего, можетъ быть, убить былъ духомъ *Игнатій Потемкинъ*, который видѣлъ, что всѣ прекрасныя мечты его для блага его отечества привели къ противоположному, не безъ собственной его вины. Онъ до конца хранилъ надежду, востроиво наставлялъ на отъѣздъ короля въ армию и, когда его увѣщанія остались тщетными, въ заключеніе, въ полномъ пылу духа партіи, еще совѣтовалъ королю: «лучше отказаться отъ престола и покинуть Польшу, нежели присоединиться къ противной партіи». Но какъ король не хотѣлъ оторваться отъ своихъ старикъ привычекъ, то разошелся съ нимъ сильно облобленный. Онъ былъ самый значущій изъ всѣхъ приверженцевъ партіи. «Игнатій Потоцкій, писалъ посланникъ, одинъ изъ всѣхъ ихъ имѣетъ дарованія, но мало государственной мудрости. Три главныя недостатка его суть трезвѣрныя: самонадѣянность; самлюбіе и увѣренность. Самолюбіемъ его искусно воспользовался Луккесини: лести ему и безпрестанно повторяя, что онъ великій человекъ, единственный великій человекъ въ Польшѣ, дѣлалъ изъ него, что хотѣлъ».

И другія лица, сильно запутанныя въ послѣднихъ событіяхъ, удалились въ это время отсюда, дабы начать ту же или еще болышую дѣятельность въ другихъ мѣстахъ: таковыми были три иностранные посланника: *Луккесини*, *Декорисъ* (*Desseigneux*) и *Энгстремъ* (*Engström*). Энгстремъ, шведскій новѣреный въ дѣлахъ, усердно раздувалъ пламя во время продолжительнаго сейма и поддерживалъ враждебную Россіи партію; Декорисъ, бывший маршалъ де-Сентъ-

Круа (de S-te Croix), не теперь ревностный любитель, старался приобрести приверженцев французским идеямъ между воспринимчивыми Польшаки и способствовалъ также учрежденію у нихъ клубовъ, въ подражанію французскимъ. Еще 17 (28) февраля Булгаковъ писалъ: «Здѣсь усердно стараются распространить французскія идеи. Въ городѣ учреждены клубы даже для слугъ, гдѣ имъ читаютъ и повѣствуютъ все, что теперь происходитъ во Франціи, въ особенности о правахъ людей и о свободѣ крестьянъ. Главными подстрекателями въ этому суть французскій посланникъ Декоринъ и извѣстный Массей, принадлежащій также къ самому тѣсному кружку короля и камердинеръ котораго главнымъ ораторомъ въ этихъ собраніяхъ». Но въ послѣдствіи переворота, Декоринъ получалъ приглашеніе удалиться изъ Польши, которую и покинулъ въ сентябрѣ, дабы продолжать свои интриги противъ Россіи, усиленими между мѣсяца, въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ — Константинополѣ. Нанавѣкъ Луккесини былъ недоволенъ и за себя, и за своихъ друзей, что король такъ скоро приступилъ къ конфедерации. Онъ надѣялся на сопротивленіе и усиленіе смуть, а съ тѣмъ и на предлогъ вести прусскія войска въ Польшу. Теперь онъ отправился къ своему королю, чтобъ оказать свои дарованія къ интригамъ на болѣе обширномъ поприщѣ; на мѣсто его воротился опять Бухгольцъ.

Но всего достойнѣе сожалѣнія во всѣхъ этихъ событіяхъ было желаніе короля. Онъ искренно желалъ блага своей странѣ, большое частію имѣлъ правильный взглядъ на предметы; но только слабость его характера и зависимость положенія всаду ставили ему преграды. Не много теперь вазаловали, и притомъ съ горечью, всю вину, заслуженную и незаслуженную. Онъ сядѣлъ теперь, какъ говорится, между двухъ стульевъ, ведъ давленіемъ двухъ яростно ненавидѣвшихъ одна другую партій и служилъ имъ обѣимъ мнѣньемъ для нихъ острѣннѣе стрѣлъ. Онъ не зналъ уже что и говорить, и дѣлать, и, съ одновременнаго напора на него столькохъ страданій, впалъ въ совершенное почти отчаяніе. Трегательныя нѣкоторыя его выраженія, сдѣлавшіяся извѣстными. Сестрѣ своей, Madame de Cracovie, осведомившейся объ его здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: «оно не можетъ быть хорошо, потому что въ настоящіихъ обстоятельствахъ мнѣ остается только стыдъ, позоръ и отчаяніе (la honte, l'effroy et le désespoir)». На него находили минуты совершенной безсознательности, застававшія овасаться за его разсудокъ. «Прискорбное оцѣпеніе (stupour), писалъ Булгаковъ, вотъ состояніе его души». Онъ видѣлъ себя горько покинутымъ, помощнымъ, умышленнымъ всѣми, безъ всякой

оперы, потому что императрица покинула его, какъ прежде и онъ ее. Незамыслимый націей, мало уважаемый Россіей, презираемый торговцескими конфедератами, угрожаемый чернью, одинокій и печальный сидѣлъ онъ въ своемъ замкѣ и едва смѣлъ выходить. Последний изъ послѣднихъ считалъ себя теперь въ правѣ дать почувствовать ему, какъ въ известной баснѣ, свои ослышныя копыта.

И такъ торговцескіе конфедераты одержали полное торжество, конечно не сами собою, но только какъ орудіе Россіи. Теперь они играли двойную роль: съ одной стороны покорные, смиренные, просявшіеся и усердно надвигшіе ошмянномъ, съ другой являлись суровыми, прутыми, мстительными и высокомерными. Одна господствующая партія смѣняла другую (ибо, хотя молодые патріоты имѣли на своей сторонѣ числительный перевѣсъ, почти всю молодежь и потому всю будущность, но все же они были не иное что, какъ партія, между тѣмъ какъ противники ихъ господствовали надъ значительнѣйшею, хотя и наименѣе образованною частію націи).— И, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ партій, она стремилась не столько къ общему благу, сколько къ своему собственному: только ее собственный взглядъ на предметы, а не взглядъ другихъ, долженъ былъ имѣть вѣсъ, хотя бы то были и предрассудки; все, что совершили другіе, хотя бы то было и полезное, имѣло быть непровергнуто. Фактъ съ тѣмъ всѣ высшія должности; почести, староства и доходныя мѣста имѣли быть отняты у ихъ противниковъ и розданы имъ самимъ или ихъ приверженцамъ. Таковы были, въ краткихъ словахъ, вся политика и все управленіе этой партіи; ибо управляла теперь она — разумѣется, на сколько это допускалъ русскій воевода. Онъ стоялъ выше ея, одинъ зналъ съ его стороны опредѣлялъ ея рѣшенія, и если она уже слишкомъ круто дѣйствовала, то въ карательныхъ выговорахъ изъ Петербурга недостатка не было. Такъ напр. уже 3 (14) августа этого года, въ депешѣ вице-канцлера къ барону Булеру, акредитованному при конфедерации, вослѣдовало строгое предостереженіе. «Императрица, сказано было въ ней, желаетъ блага націи, а не отдѣльныхъ личностей. Она лучше знаетъ истинную пользу Польши и сдѣлаетъ согласныя съ нею распоряженія, которыя могли бы служить руководствомъ для конфедератовъ. Онѣтъ показавъ, какъ сильно эти господа подвержены заблужденію; когда слѣдуютъ собственнымъ своимъ мнѣніямъ. Ея Величество, напротивъ, желаетъ спокойствія Польши на твердыхъ основаніяхъ, а для этого необходимо, чтобы частныя интересы и личности замолчали».

Объ генеральныя конфедераціи, польския и литовския, собрались 11 сентября въ Брестъ-литовскомъ, откуда, тотчасъ по открытіи засѣданій, отправили торжественную депутацию въ Петербургъ, благодарить императрицу за возстановленіе стариннаго блеска республики; и королю также было положено выразить благодарность за то, что онъ приступилъ къ конфедераціи. Затѣмъ рѣшено созвать въ будущемъ году сеймъ, для исполненія дальнѣйшихъ распоряженій. — Такъ какъ въ незначительномъ Брестѣ не было достаточнаго помѣщенія и положеніе города между болотами было нездорово, то 14 (25) октября конфедераціи перенесли свое засѣданіе въ Гродно, гдѣ съ этихъ поръ и было средоточіе правленія.

Тарговицкіе конфедераты, подобно предшественникамъ своимъ, поставили себѣ цѣлю низпровергнуть то, что установили послѣдніе, дабы, въ замѣкъ этого, частію возстановить старое, частію учредить новое, сообразное съ обстоятельствами. Въ низпроверженіи они имѣли успѣхъ, но не въ созиданіи новаго, потому что событіямъ, шедшимъ открыто, нежели они, опередили ихъ, увлекли за собой и охоронили и ихъ, и страну ихъ подъ развалинами:

Прежде всего они начали съ уничтоженія отступившагося отъ клятвы короля и, хотя онъ уже подписалъ свое присообщеніе, поднесли ему къ подписанію новый актъ; въ которомъ было сказано: «Безсмысленные нововводители, зараженные правилами, подкапывающими безопасность государствъ, дерзнули низпровергнуть основныя законы республики, освященные столѣтними годами, дабы дать ей *монархически-демократическую конституцію*». Они мѣтили здѣсь, частію на увеличенныя права монарха, частію на права, дарованныя городамъ и ихъ гражданамъ. — Король благопріятствовалъ этимъ нововводителямъ, самъ всю душою принадлежалъ къ нимъ и долженъ былъ теперь предать проклятію и ихъ; и себя. — Затѣмъ у него отняли верховное начальствованіе арміею, право располагать казенной и всѣ присвоенныя ему послѣднею конституціей права, до дальнѣйшаго рѣшенія чиновъ, имѣвшихъ собраться на сеймъ; и они также, какъ и противная партія, не довѣряли ему, однако съ большими правами, нежели послѣднія, ибо король былъ дѣйствительно всю душою преданъ низпровергнутой конституціи и только вынужденно приступилъ къ тарговицкимъ конфедератамъ. — Маршалъ конфедераціи, Феликсъ Потоцкій, чтобы еще болѣе унизить его, написалъ ему рѣзкое, высокомерное письмо, въ которомъ, въ горькихъ выраженіяхъ, напоминалъ поступки его за послѣднее время. — Несчастный, всѣми покинутый и оскорбляемый, обратился къ

императрица съ умоляющею просьбой не дозволять конфедератамъ такъ худо поступать съ ними.

Дальнѣйшія и наиболее чувствительныя мѣры порозни армію. Понявша, что если ее оставить въ соединеніи, то она, хотя и лишенная своихъ предводителей, могла въ минуту внезапнаго переворота, не удариваемая уже болѣе королемъ, безъ дальнихъ разсужденій снова поднять оружіе. Для отвращенія этого, войска снова подчинили ихъ претивимъ великимъ гетманамъ, коронныя—Браницкому и Ржевускому, а литовскія—назначенному между тѣмъ региментаріемъ Симону Коссаковскому, и размѣщены порознь по всей странѣ, съ расположенными между ними русскими полками, которые должны были наблюдать за ними и сторожить ихъ. У нихъ отобраны артиллерію и свезли ее въ варшавскій цейхгаузъ, гдѣ вступившія русскія войска взяли ее подъ свой надзоръ.

Но главная дѣятельность конфедератовъ была устремлена на уничтоженіе всѣхъ законовъ, изданныхъ продолжительнымъ сеймомъ, какъ мѣръ деспотическихъ; такимъ образомъ былъ отмѣненъ законъ о гражданахъ или городахъ, а дворянамъ, записавшимся въ число гражданъ, пригрозили лишеніемъ дворянскихъ правъ ихъ. Высочайше послѣдней конституціи, Станиславъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій и Гуго Коллонтай были потребованы къ отвѣту, какъ послѣдніе деспотизма, однако, во вниманіи къ общественному мнѣнію, не преслѣдованы далѣе. Литва по управленію снова была отдѣлена отъ Польши и получила свои особенныя должности и званія. У российской комиссіи отняли власть и передали ее опять великимъ гетманамъ. Король учредилъ въ 1791 году военный орденъ (китой ордена) въ награду за храбрость, и въ послѣднемъ походѣ многіе офицеры и генералы были украшены имъ; теперь запретили носить этотъ орденъ. Многія отмѣненныя злоупотребленія были восстановлены.

Такъ какъ ни король, ни сеймъ не правили болѣе, то вся власть досталась въ руки конфедератовъ, и они щедро пользовались ею для своихъ выгодъ. Потоцкіе, Браницкій, Ржевускій господствовали въ королевствѣ, оба Коссаковскіе, епископъ и вновь назначенный региментарій—въ Литвѣ. Епископъ Коссаковскій былъ въ этой партіи тѣмъ же, чѣмъ Коллонтай въ противной, самый хитрый, наиболее свѣдущій въ законахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средствахъ извращать ихъ, самый ловкій и увертливый, но и самый властолюбивый и вероломный. Предшествовавшій сеймъ, по смерти стараго Каэта на Солтыка, обратилъ въ государственную казну богатые доходы

епископства краковского, составлявшие свыше 700,000 злотых; за исключеніемъ изъ нихъ 100,000 злотыхъ для новаго епископа, Турецкаго. Иосифъ Коссаковский, вліяніемъ своимъ здѣсь и въ Петербургѣ, сумѣлъ добиться, что эти отобранные въ казну доходы были отданы ему, такъ какъ его епископство (in partibus) люблинское не приносило ему ничего. Онъ и братъ его, подъ могущественнымъ покровительствомъ Платона Зубова, благосклонность котораго успѣлъ приобрести, правили въ Литвѣ почти неограниченно, а какъ правятъ польскіе магнаты, когда имѣютъ неограниченную власть, доказываетъ исторія.

Перемѣнили властителей, но положеніе нисколько не сдѣлалось лучше, а напротивъ хуже. Какойнибудь польскій Суворовъ съ большею справедливостію могъ бы сказать здѣсь: «я за кулисами прислушиваюсь къ горжеству Терситовъ». (*) Къ чему должно было это повести? Или къ поставленію преграды съ единственной стороны, откуда можно было ее поставить, или, при столь легкой сноровкѣ къ возбужденію народѣ, къ насильственнымъ возстаніямъ.

Въ Петербургѣ Платонъ Зубовъ, поощряемый и поддерживаемый Марковымъ, овладѣлъ, подъ верховнымъ надзоромъ императрицы, управленіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Искуснѣйшій государственничій чело-вѣкъ въ Россіи, Безбородко, держалъ себя совершенно въ сторонѣ. (26). Въ Зубовѣ правители Польши и находили сильную опору. Но замятіе Польши—внутренній раздоръ тяготѣлъ надъ ними. Ржевускій былъ противъ Потоцкаго, Потоцкій противъ Бранинскихъ, а еще противъ того, генералитетъ (27) Литвы противъ генералитета Польши, Коссаковскіе противъ всѣхъ прочіихъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, которыхъ покровительствовалъ и старался выдвигать впередъ. Такимъ образомъ партія распалась на

(*) Терситъ или правильнѣе Тѳерситъ (Thersites) былъ Грекъ при войскѣ, осаждавшемъ Трою, безумное и злобное пустословіе котораго Гомеръ изображаетъ въ Илиадѣ. Онъ былъ крайне безобразенъ тѣломъ, косою, горбатымъ и пухлявымъ, особенно ненавидѣлъ Ахилла, Улисса и Агамемнона, настойчиво совѣтовалъ сдаться и воротиться въ Грацію, дерзко бранилъ предводителей войска и возмѣлился, кажется, убить Ахилломъ (См. Conversations-Lexikon, Thersites). Выраженіе Терзиты, Тѳерзиты часто встрѣчается въ письмахъ Суворова и иногда въ устахъ Потемянина, какъ выше можно было видѣть въ 1-й и 2-й частяхъ этого перевода сочиненія Смитта.

(26) Дневникъ Хранищанина, 20 дек. 1792:

(27) Подъ словомъ генералитетъ слѣдуетъ разумѣть высшій совѣтъ командир-цевъ;—это былъ обычный техническій терминъ въ Польшѣ.

партіи, тямшио грабодованія, кощотню, за недостаткомъ оружія, только словами, интригами, очерченіемъ, навлеченіемъ подозрѣнія, какъ здѣсь, такъ и въ Петербургѣ. Не было ни единства, ни согласія. Вожди партіи, особенно Коссаковскіе въ Литвѣ, дѣлали, что хотѣли; казалось, изъ опасенія, что это не долго будетъ продолжаться, они не могли достаточно скоро насытить свою алчность изъ земныхъ богатствъ. Но умножая свои богатства, они не предчувствовали, что сокращаютъ свою жизнь, потому что своею алчностью и сарастью къ грабежу навлекли на себя Немезиду. И она грозно витала надъ ихъ главами.

А страна и народъ, недобро королю своему, впали въ оцѣпенѣнію, предчувствуя глѣчайшее, страшась худшаго. Тяжкая духота передъ грозой, боязнь будущаго тяготѣла надъ цѣлою страной.

Но гибель произошла не отъ тарговицкихъ конфедератовъ, не изъ Россіи — сокрушающая молнія сверкнула изъ такого мѣста, откуда ея не ожидали — изъ Майнца. Доселѣ не было еще произнесено ни слова о раздѣлѣ — теперь его произнесла, впервые и серьезно — *Вруссія*.

Революціонная война, долженствовавшая въ продолженіе двадцати лѣтъ опустошить Европу изъ края въ край и поколебать ее въ глубочайшихъ ея основахъ, началась, весьма счастливо для союзниковъ, подобно играемъ, которые должны проигратъся, но которымъ сначала богиня стастія улыбается. Французскія войска оказались еще нѣмко самыхъ низшихъ ожиданій. Гдѣ бы они ни сошлись съ Австрійцами (неслѣдію воевали еще одни), при первомъ звукѣ оружія бѣжали и, оравдываясь крикомъ «измѣна!», убивали своихъ оенцеровъ и генераловъ. Противъ такихъ недисциплинированныхъ и мятежныхъ полчищъ, которые не выдерживали лучшаго огня и также быстро разбѣгались, какъ и сбѣгались, безъ омытныхъ генераловъ и оенцеровъ (потому что большая часть ихъ эмигрировала); великій успѣхъ казался несомнѣннымъ. За то же и самоуверенность союзниковъ, особенно Пруссаковъ, возрасла до вислохрѣна, и «повторенію голландской игры» (*Wiederholung des Holländischen Spiels*) и «военная прогулка въ Парижъ» (*ein militärischer Spaziergang nach Paris*) сдѣлались модными фразами. Среди этихъ обстоятельствъ, въ Майнцѣ, 19-го іюня (въ этомъ несчастномъ для Польши мѣсяцѣ) произошло свиданіе между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и вдовъ коронованнымъ императоромъ римскимъ, Францомъ II. Въ конференціяхъ, продолжавшихся три дня, регулированы были прежніе пункты и обсуждены успѣхи и надежды, отырысованія-

ся при настоявшемъ продолженіи войны. Фридрихъ-Вильгельмъ, король военной монархіи и, что еще важнѣе, собственнаго народа, долженъ былъ принять главное предводительствованіе войскомъ. Какъ новый Агамемнонъ, долженъ онъ былъ вести въ Перію не только своихъ храбрыхъ Пруссаковъ, но и Австрийцевъ, Гессенцевъ, Французовъ-эмигрантовъ, разогнать тамъ 700 законодателей, обзудать банды якобинцевъ, освободить сильно угнетеннаго и устремленнаго короля съ его семействомъ изъ заточенія и возстановить прежнее монархическое правленіе. Великая задача, достойная напряженія всѣхъ силъ! Но слишкомъ много было бы требовать выполненія ея безъ вознагражденія; спрашивалось только, за каковъ?— Въ обнародованныхъ дотогѣ прокламаціяхъ обѣщано было вести войну не завоевательную, но только освободительную, следовательно у Французовъ не должно было отнимать ничего. Во Францію вступили въ качествѣ союзниковъ ея принцы, союзниковъ самого вѣдлившаго короля. Французы, цвѣтъ націи, какъ они называли себя, но крайней мѣрѣ цвѣтъ дворянства, должны были сражаться въ рядахъ союзниковъ. Франція имѣла быть снова переустроена только на утвержденныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, не исключая даже усовершенствованія государственнаго учрежденія ея въ смыслѣ конституціонномъ. Слѣдовательно, гдѣ и какія должно было быть вознагражденія?— Тутъ опять, съ новою эластичностью, представилъ старая, давно оспориваемая и устранимая жалоба: Австрія, дабы лучше справиться свое государство, желала *обшильнѣе воевать Нидерланды на Бельгію*, чему съ такимъ упорствомъ противился иногда старый Фрицъ; Пруссія, для лучшаго управленія своихъ владѣній, а болѣе сразмѣрнаго вознагражденія за принятія ею на себя издержки и пожертвованія, выступила съ притязаніемъ на столь даже *важные, столь часто ей откаванные, но тѣмъ горячѣе поэтому требуемые ею Данцигъ и Торнъ, съ панащармами соседствала Вавинскій Поляны* въ придачу. Уступчивость съ одной стороны требовала уступчивости съ другой, и обѣ стороны дружески обѣщали себѣ обоюднo исполненіе своихъ желаній. Но вознагражденіе на счетъ Польши оставалось тѣмъ же, до тѣхъ поръ, пока могущественная императрица русская, которая въ этомъ дѣлѣ тоже могла *дрожать свое слово и именно теперь была поведительницею цѣлой Польши, не изъяснить своего согласія*. Поэтому положено было *представить ей, обосндова желанія, какъ заслуженное вознагражденіе за вышесказанное такое предпріятіе, столько же желанное, и счастливѣе ступенюго и ею самою, каковы была война противъ ново-франкскихъ вое-*

ривателей и возмутителей. Оба двора, одинъ за другимъ, представили императрицѣ Екатеринѣ условленный между ними планъ, приглашая и ее присоединить къ себѣ отъ Польши, по своему произволенію, сколько было бы соразмѣрно ихъ обоюднымъ пріобрѣтеніямъ. — Для императрицы это предложеніе было неудобно, потому что она была теперь, если и не по формѣ или праву, то на самомъ дѣлѣ повелительницею цѣлой Польши; притомъ же она обѣщала конфедератамъ неприкосновенность ихъ владѣній и не хотѣла безъ причины нарушить своего обѣщанія. Съ другой стороны однако, занятая теперь приведеніемъ въ порядокъ, по своей мысли, польскихъ смуть, она не хотѣла, чтобъ ей въ этомъ мѣшала, и потому желала бы видѣть обожъ могущественныхъ сосѣдей своихъ еще долѣе занятыми въ иномъ мѣстѣ, пока у нея не будутъ развязаны руки. Чтobъ согласить то и другое, она не дала опредѣленнаго отвѣта, не отказала прямо, но и не обѣщала ничего, показавъ однако тѣнь надежды, что въ послѣдствіи, можетъ быть, и согласится, дабы не отвратить Пруссіи и Австріи отъ предпринятой ими борьбы за престолы противъ революціоннаго духа, но скорѣе ободрить ихъ къ оной. Да и предпріятіе это, когда отвѣтъ ея былъ полученъ, уже началось и было въ полномъ исполненіи. Армія въ 85,000 чел. (42,000 Пруссаконъ, 25,000 Австріяцевъ, 6,000 Гессенцевъ и 12,000 французскихъ эмигрантовъ), по плану знаменитаго, прославившагося въ американской войнѣ, генерала *Булле* (*Bouillé*, которому незадолго передъ тѣмъ не удалось, конечно не по его винѣ, спасти Людовика XVI), должна была направиться вверхъ по р. Мозель до Трира, а оттуда, по взятіи Лонгви и Вердюна, вторгнуться во внутренность Франціи съ той стороны Шампаніи, гдѣ опоясывавшія страну крѣпости были расположены всего рѣже, и быстрымъ движеніемъ идти прямо на Парижъ. Планъ былъ хорошъ и сообразенъ съ цѣлію, только требовалъ двухъ условій: чтобъ былъ исполненъ съ *достаточными* силами и съ *быстротою*. Весьма низко цѣня тогдашнее состояніе французскихъ войскъ и расчитывая, по обѣщанію эмигрантовъ, на содѣйствіе части націи, союзники совершенно ошибочно полагали 85,000 человекъ достаточными для одолѣнія такого государства, какъ Франція, и такой столицы, какъ Парижъ, охваченныхъ революціоннымъ безуміемъ и подстрекаемыхъ фанатизмомъ равенства, и для предписанія имъ законовъ. Но при распушенномъ состояніи французской арміи, при внутренней неурядицѣ, когда главноначальствовавшіе генералы постоянно переводились изъ одной арміи въ другую, слѣдовательно нигдѣ не успѣвали ближе ознакомиться съ обстоятельствами и пріобрѣсть расно-

ложеніе войскъ; наконецъ при незначительныхъ силахъ въ дѣлѣ, выставленныхъ Франціей и притомъ разбросанныхъ на многихъ пунктахъ, подѣ начальствомъ независимыхъ другъ отъ друга генераловъ, — быстрое и съ настойчивостію исполненное движеніе на столицу могло бы, можетъ быть, имѣть успѣхъ, еслибы, быстро окончивъ съ отдѣльными корпусами, встрѣченными на пути, и усилившись, такимъ образомъ, нравственнымъ впечатлѣніемъ неодолимости, двинулись прямо на столицу. Изъ живыхъ тогда полководцевъ, такъ поступилъ бы Суворовъ, какъ онъ и сдѣлалъ это, въ послѣдствіи, въ Польшѣ. Но здѣсь случилось иначе. Полагали поступить весьма умно, поставивъ въ главѣ арміи полководца, старшаго тогда на верху своей славы — герцога Брауншвейгскаго, но этимъ сдѣлали большую ошибку (28). На войнѣ успѣхъ еще болѣе зависитъ отъ характера, нежели отъ ума. Герцогъ имѣлъ, правда, умъ, но никакого характера. Онъ былъ смиреннѣйшій придворный, который отступался отъ наилучшаго убѣжденія, если могъ угодить тѣмъ; вѣчно колебался, склонялся и изгибался на всѣ стороны, безъ твердой рѣшимости, безъ вѣрной опоры. Онъ со славою участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, много читалъ и, можетъ быть, размышлялъ о войнѣ, но, кажется, не глубоко: съ своими воззрѣніями онъ еще порядочно стоялъ на той низкой матеріальной ступени, которую семилѣтняя война ввела въ моду. Не было у него ни плановъ, исполненныхъ идей и созданныхъ съ проницательностію, ни энергическаго исполненія ихъ, ни стремленія къ высшимъ военнымъ дѣламъ, ни глубокихъ соображеній, но только мелочныя рачеты, тактическія мелочи, равеніе въ маршировкѣ, быстрые ружейныя дріемы, ловкость въ выполненіи тактическихъ построеній, часто весьма сложныхъ, но мало примѣнимыхъ въ дѣлѣ, — въ чемъ болѣе искусство тогдашнихъ генераловъ поставяло и искало, духъ военного искусства. И въ этомъ преимущественно отличалась прусская школа; нравственный элементъ мало принимался въ соображеніе, если только не пренебрегался; названіе *ученыя офицеры* было почти брааннымъ словомъ. Относительно продовольствія войскъ, связывали себѣ руки или, лучше сказать, ноги пяти-маршевою системою, хлѣбо-

(28). Въ некоторомъ, не совсемъ ошибочномъ, предположеніи, онъ несколько впередъ тѣмъ сказалъ Мирабо: «Война есть азартная игра; я не былъ несчастливъ въ ней, и однако, хотя нынѣ имѣю о ней лучшія понятія, нежели прежде, все же счастье можетъ взбѣсить мнѣ. Разумный человѣкъ не захочетъ на старости лѣтъ рисковать въ этомъ своей славою». Но однако онъ рискнулъ ею, къ несчастію своему и общаго дѣла!

несения, не очень-то благосмысленно дальними движениями и ежеминутно причинявшие остановку въ военных дѣйствіяхъ, не причиняли хлѣбобвенія. Какъ будто въ странѣ съ такимъ густымъ населеніемъ, какъ Франція, и притомъ тотчасъ послѣ уборки хлѣба, вторгнувшаяся армія, безъ этихъ фокуссовъ, но при всякой другой заботливости, могла бы терять недостатокъ въ продовольствіи, еслибы только не медлила, но быстро шла впередъ! Такимъ образомъ предпріятіе, которое, будучи сильно задумано и быстро исполнено, было возможнымъ, сдѣлалось невозможнымъ въ слѣдствіе мелочнаго, медлительнаго, нерѣшительнаго, неувереннаго и колеблющагося, совершеннаго ошущью, тяжелаго и неповоротливаго способа исполненія онаго. Преградами герцогу служили не одни его военные воеврѣнія, не одинъ его нерѣшительный, малодушный, предосторожный характеръ, но и личная склонность его къ французамъ, которые и предсказали, и предсказывали ему: «что онъ великій человекъ», которые даже хотѣли поставить его въ главѣ своего правительства или, по крайней мѣрѣ, своей арміи и уже дѣлали ему предложенія о томъ (29).— Это льстило его самолюбію и, въ своей признательности, онъ хотѣлъ соединить противорѣчія, показать себя достойнымъ ихъ удивленія и однако не слишкомъ вредить имъ, и такимъ образомъ былъ увлеченъ то туда, то сюда двойною волею или, какъ въ немъ не могло и рѣчи быть о волѣ, двойнымъ командомъ воли. Тоже самое было и въ другомъ отношеніи. Король, въ полномъ убѣжденіи, что идетъ на встрѣчу вѣрному триумфу; хотѣлъ самъ быть при арміи, познать плоды ея усилій, принять дань признательности освободившихъ, личную благодарность прекрасной королевы. Будучи горячаго, нетерпѣливаго темперамента, онъ все торопилъ идти впередъ, чтобъ быстротою дѣйствій вознаградить запоздалость начала ихъ; торопилъ же, напротивъ, собственноручно доверенный главнокомандующій, медлилъ, скорѣе пятился назадъ и охотнѣе вовсе не двинулся бы впередъ, или только шагъ за шагомъ и предварительно обезпечивъ себя надлежащимъ образомъ, въ военномъ отношеніи, со всѣхъ сторонъ. При такомъ противорѣчій воеврѣній и характеровъ, необходимо долженъ было снова произойти колебаніе въ дѣйствіяхъ туда и сюда, то торопливость (но это было рѣдко), то медленность; планы съ одной стороны составленные, а съ другой отиѣненные; приказанія, съ одной стороны

(29) Они были сдѣланы Кюстиномъ, сыномъ генерала. См. *Mémoires d'un homme d'état etc.* I, стр. 187 и 340, и Barante, *Histoire de la convention* (ed. de Bruxelles), I, стр. 295.

отданныя, а съ другой также отмененныя: могло-ли же при этомъ выйти что-нибудь цѣлостное, связанное, послѣдательное въ дѣлѣ ихъ? Тутъ обнаружился весь вредъ присутствія при арміи высшаго надъ главнокомандующимъ лица, отнимаваго у него свободу дѣйствій и связывавшаго ему руки. Еслибъ герцогъ дѣйствовалъ одинъ, то, видя надежду на содѣйствіе націи не осуществившеюся, остановился бы у Вердюна, какъ того хотѣлъ и предлагалъ, утвердился бы на Маасѣ, овладѣлъ бы немощными, лежащими вокругъ въ тылу его, крѣпостями Монмеди, Седаномъ, Тіонвилемъ, и, какъ время года уже было позднее, приготовился бы къ слѣдующему походу съ увеличенными силами. Такъ какъ герцогъ умѣлъ вести только медленную, методическую войну, то все же это было бы лучше, нежели то, что было сдѣлано на половину. Но главнокомандующій былъ увлекаемъ высшею властію и потому дѣйствовалъ теперь противъ своего убѣжденія, вдвое нескотѣе и съ сугубою досадою. Если онъ и прежде упускалъ благоприятныя для рѣшительныхъ дѣйствій случаи, то теперь дѣлалъ это вполне, не смотря на всѣ побужденія короля. Каждый потерянный день казался ему выиграннымъ, потому что сближалъ его съ позднѣею временемъ года и, слѣдовательно, съ надеждой остановиться на Маасѣ, такъ какъ нельзя же было ожидать, чтобъ король захотѣлъ позднѣю осенью идти во внутренность Франціи. Съ своей стороны король, въ своихъ надеждахъ на побѣды, какъ ни торопился и спешилъ впередъ, какъ нетерпѣнію его ни казалось все слишкомъ медленнымъ, также напрасно терялъ иногда день—другой, когда затронута бывала его слабая сторона и дѣло шло о бедахъ, парадахъ и другихъ публичныхъ торжествахъ. При такомъ противоборствѣ воли и дѣйствія, благоприятѣйшіе случаи пропадали безъ употребленія ими, такъ напр. когда у Седана французская армія, силою всего сама въ 20,000 чел., бѣгствомъ *Лафайетта* была лишена предводителя и цѣлые десять дней (съ 19 до 28 августа) безъ главы и центра къ совершенному разсѣянію. Прусская армія, только-что овладѣвшая крѣпостью Лонгви (23 августа), была лишь въ двухъ переходахъ оттуда и однимъ быстрымъ ударомъ, который имѣла бы важныя нравственныя послѣдствія, могла бы навсегда устранить это главное препятствіе послѣдующимъ ея успѣхамъ.⁽³⁰⁾ Герцогъ признавалъ это, даже показавъ на половину охоту воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, но пока онъ еще колебался, хотѣлъ и не хотѣлъ,

(30) Самъ Дюмурье сознается, что еслибы по близости показался хоть какой-нибудь непріятельскій корпусъ, то армія безъ предводителя разбѣгалась бы.

и раздумивалъ, благоприятный моментъ улетѣлъ и скоро подошедшій Дюмурье принялъ начальствованіе надъ этими войсками (28 августа) и съ быстрою рѣшимостью тотчасъ же вознамѣрился занять впереди Пруссакѡвъ Аргоннскій лѣсъ съ его проходами. Это было нелегко. Онъ стоялъ у Седана въ разстояніи болѣе четырехъ переходовъ отъ главнаго прохода, *les Islettes*, чрезъ который пролегла большая дорога изъ Вердюна въ Парижъ, между тѣмъ какъ Пруссаки, которымъ Вердюнь сдался 2 сентября, находились только въ одномъ переходѣ отъ него; и однако герцогъ, потерявъ въ бездѣйствіи двѣнадцать дней (съ 2 по 14 сент.) у Вердюня, для печенія хлѣба и подъ другими ничтожными предлогами, допустилъ Дюмурье, передъ своими глазами, занять (съ 2-го по 5-е сент.) какъ этотъ, такъ и другіе проходы Аргонновъ и такимъ образомъ заградить ему прямую дорогу для наступленія. *Аргоннскій горный лѣсъ*, вѣтвь Арденнскихъ горъ, длиной въ 13 часовъ пути, тянется отъ Седана за Сень-Мену (*St. Menchould*) и, будучи пересѣченъ высотами, рѣчками, озерами, прудами и болотами, непроходимъ для арміи, кромѣ пяти болѣе открытыхъ пунктовъ, образующихъ вышеупомянутые проходы, которые, начиная съ сѣвера, называются: *le Chêne populeux*, *la Croix aux bois*, *Grandpré*, *la Chalade* и *les Islettes*. — И теперь еще, когда генераль Диллонъ завялъ 6,000-ми человекъ *les Islettes*, герцогъ, при своемъ значительномъ перевѣсѣ силъ, легко могъ бы силою пройти чрезъ этотъ проходъ и тѣмъ выиграть ближайшую дорогу на Шалонъ; но онъ не отважился на это и снова потерялъ, въ позднее уже время года, нѣсколько дней въ дѣйствіи ошущаю (т. е. въ бездѣйствіи). Между тѣмъ Клерфэ (*Clairfait*), съ своими Австрійцами, силою прошелъ, 12 сентября, чрезъ сѣверный проходъ *Croix aux bois* и зашелъ у *Grandpré* въ тылъ Дюмурье; который, при быстрыхъ дѣйствіяхъ, могъ бы совершенно быть запертъ въ лѣсу. Но вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, герцогъ вступилъ въ переговоры, вмѣсто того, чтобъ побѣдить Дюмурье оружіемъ, вадумалъ обмануть хитреца, но самъ былъ обмануть. Пока онъ переговаривался на передовыхъ постахъ чрезъ своего Массебаха, Дюмурье (въ ночь на 15 сент.) высвободилъ свою шею изъ петля. Ничто еще не было потеряно, нужны были только рѣшимость и быстрое исполненіе. Король сердился, что дали ускользнуть неприятелю, поощрялъ, горючилъ, но герцогъ былъ твердъ только со словомъ—въ избѣжаніи что-либо дѣлать или наносить удары неприятелю; изъ каждой бездѣлицы онъ умѣлъ выводить неодолимое затрудненіе. Французы быстро отступили; но близъ Отри половина

арміи ихъ разбѣжалась въ численномъ страхѣ передъ полкомъ прусскихъ гусаровъ и разсѣлась по окрестнымъ деревнямъ; и вся армія вѣроятно разбѣжалась бы (потому что страхъ нѣсколько разъ возобновлялся), еслибъ герцога сталъ рѣшительно напирать на нее съ болѣе значительными силами; но онъ, вмѣсто того, послѣ небольшого перехода въ одну милю (7 верстъ), 15 числа утромъ остановился у Грандрге—чтобы печь хлѣбъ. Такимъ образомъ опять были потеряны три рѣшительные дня (съ 15 по 18 сент.), въ которые Дюмурье, имѣя едва 17,000 войскъ, уваживши духомъ и на плохой позиціи, могъ бы быть уничтоженъ нападеніемъ втрое сильнѣйшей арміи союзниковъ. Но герцога оставался въ бездѣйствіи и допустилъ французскаго главнокомандующаго укрѣпиться въ позиціи при Сень-Мену и усилиться военными силами съ сѣвера и юга корпусами *Бёрновилля* и *Келлермана* (18 и 19 сент.), въ слѣдствіе чего армія его, еще столь слабая, возрасла до 50,000 человекъ. Побѣда сдѣлалась уже труднѣе, но все еще не слышимъ, если принять въ соображеніе качества войскъ съ обѣихъ сторонъ: съ одной—способныя, тактически образованныя, а съ другой—матерьялы тѣпы, безъ всякой дисциплины, подъ начальствомъ различныхъ, независимыхъ одинъ отъ другаго предводителей, (31) готовые при первомъ поводѣ впасть въ дезертію и разбѣжаться.

Такимъ образомъ герцога, нерѣшительно и медленно подвигавшійся впередъ, съ постояннымъ хлѣбопеченіемъ въ рѣшительный моментъ, наружно покорный, но внутренне непокорный: воиъ короля и расхожденный противодѣйствовать ему, употребивъ болѣе двухъ мѣсяцевъ на переходъ разстоянія, которое можно было удобно пройти въ три или четыре недѣли, и потерявъ благоприятнѣйшіе случаи дать выгодный оборотъ войнѣ, наконецъ, все еще однако въ выгодномъ положеніи, сталъ у *Вальми* противъ французской арміи, которая, даже послѣ своего сосредоточенія, все еще не была равносильною арміи союзниковъ, имѣя 53,000 чел. противъ 60,000. Французы стояли въ дурномъ, безпорядочномъ расположеніи у *Вальми* и *Сень-Мену*, тѣломъ къ проходу *les Jalézas*, заминутому для нихъ 6,000-ми Гессенцевъ, поддержанныхъ 10,000-ми Австрійцевъ, подъ начальствомъ принца *Гогенлоэ*, фронтомъ къ Парижу, отрезанные отъ всего пути во внутренность страны, кромѣ единственнаго на хлѣбномъ злакѣ ихъ, къ *Витри*, который тоже легко могъ быть програбленъ. Противъ нихъ—герцога, съ превосходною въ силкѣ, отборною арміей войскъ, болѣе способныхъ къ маневрированію и одушевлен-

(31) Келлерманъ и Бёрновилль были подчинены Дюмурье только позже.

ныхъ жаждою славы. Побѣда казалась и была бы вѣрною, еслибъ герцогъ захотѣлъ побѣдить. Никогда и никакой арміи не представлялось болѣе благоприятнаго случая для одержанія блистательнѣйшихъ успѣховъ. Армія герцога двинулась впередъ: съ обѣихъ сторонъ началась канонада: вскорѣ ряды Келлермана, находившагоса впереди, стали колебаться; ибо даже не вся французская армія была на полѣ сраженія, но болѣе половины оной, именно войска Дюмурье находились еще на часъ пути назадъ у Сень-Мену, откуда часть ихъ была послана къ правому крылу, гдѣ была бы болѣе у мѣста въ случаѣ наступленія, нежели при оборонѣ. Рѣшительнымъ пунктомъ былъ лѣвый флангъ французской арміи, гдѣ она могла быть оттѣснена отъ единственнаго своего пути отступленія на Витри и затѣмъ совершенно окружена. Особенно она должна была удерживать дорожку въ Шалонъ, и однако имѣла тамъ наименѣе силъ. Слѣдовательно сюда должны были Пруссаки направить свою атаку, отсюда они могли взять непріятеля у Вальми во флангъ и ожидать величайшихъ результатовъ, между тѣмъ какъ атака ихъ на высоты, т. е. прямо на центръ и сильнѣйшій, усѣянный артиллеріею пунктъ непріятельской позиціи, могла быть важною только въ слѣдствіе нравственнаго вліянія одолѣнныхъ затрудненій. — Канонада становится все сильнѣе, два пороховые ящика у Французовъ взлетаютъ на воздухъ и тотчасъ между молодыми воинами распространяется совершенное замѣшательство; многіе уже предаются бѣгству. Король видитъ это и, съ вѣрнымъ взглядомъ, приказываетъ атаковать. Три колонны быстро и въ отличномъ порядкѣ идутъ противъ высотъ у Вальми; въ это время прискакалъ герцогъ и приказалъ имъ остановиться: осмотрѣвъ въ зрительную трубу расположеніе непріятеля и услыжавъ у него въ это самое мгновеніе крикъ: « *vive la nation* », онъ, какъ бы въ испугѣ, воскликнулъ: «здесь мы сражаться не будемъ» и послалъ тремъ шедшимъ впереди колоннамъ, уже готовымъ штурмовать высоты, занятія колебавшимися Французами, приказаніе отступить. Увидавъ это, Французы подумали, что непріятель страшится ихъ, и подняли дружный, громкій, радостный крикъ. Со скрежетомъ зубовъ отступили храбрыя прусскія войска передъ непріятелемъ, который разбѣжался бы при рѣшительной атакѣ (какъ еще недавно часть его разбѣжалась передъ немногими гусарами Келера), и едва смѣли раскрыть глаза. И это отступленіе въ самый рѣшительный моментъ имѣло вліяніе на весь послѣдующій ходъ революціонной войны: въ эту минуту испытанія, на этомъ перепутьѣ, должно было рѣшиться, что будетъ изъ моло-

дыхъ французскихъ воиновъ, герои ли Россбаха или герои Ювы. Еслибы герцогъ не остановилъ атаки (хотя она была поведена не на надлежащій пунктъ), но сильно и настойчиво поддержалъ ее, то французская армія была бы прорвана или, еще вѣрнѣе, разбѣжалась бы, потому что войско, которое стоитъ на мѣстѣ и кричить, трусить и хочеть заглушить страхъ (32). Но герцогъ, для котораго значеніе имѣли только матеріальныя причины, нравственныя же были у него въ презрѣніи, отступленіемъ своимъ передъ колебавшимися рядами непріятеля возвысилъ до высшей степени чувство его самоувѣренности. Послѣдній убѣдился, что стойкость есть уже *молупобѣда*, и съ этихъ поръ стойко выдерживалъ натискъ противника, этимъ незначительнымъ боемъ бывъ подлинно воспитанъ для побѣды, потому что солдаты, считавшіеся лучшими въ мірѣ, были утрачены ихъ стойкостью; могли-ли они знать, что Пруссаки отступили по приказанію или по собственному побужденію; тщеславіе, естественно, давало послѣдному толкованію преимущество. Урокъ, данный имъ при этомъ случаѣ, былъ: стойте поэтому твердо, и никакое войско не устоитъ противъ васъ, когда даже храбрые Пруссаки не устояли; и съ тѣхъ поръ эти самые люди, только что колебавшіеся передъ тѣмъ, бѣжать-ли имъ или стоять на мѣстѣ, стали героями, выдерживавшими самыя кровопролитныя битвы. И такимъ образомъ герцогъ брауншвейгскій внушилъ имъ стойкость и самоувѣренность, два качества, именно образующія побѣдителей.— Но такія нравственныя оцѣнки войны были далеки отъ герцога, какъ и отъ всѣхъ тогдашнихъ полководцевъ: они цѣнили все только на основаніи очевидности, презирали Французовъ, потому что они были оборванцами, не нарядными и необратными, душно дѣлали приемы ружьемъ и еще хуже маршировали. Поэтому отступление передъ такими презрѣнными толпами тѣмъ глубже и прискорбнѣе чувствовали ихъ войска.

Слѣдствіемъ этой неудавшейся или лучше сказать прерванной побѣды, было самое затруднительное, самое бѣдственное отступление, погубившее половину арміи; постыдное униженіе предъ

(32) Крикъ атакующаго войска не имѣеть такого же дурнаго значенія: онъ служитъ къ одушевленію атакующихъ, имъ хотять внушить страхъ непріятелю, онъ знаменуетъ радость по случаю атаки и надежду на успѣхъ. Здѣсь имѣется въ виду болѣе объективное дѣйствіе, между тѣмъ какъ у войска, стоящаго на мѣстѣ, оно совершенно субъективно.—Тоже самое можно сказать и о политикѣ: молчаливая болѣе страшна, чѣмъ крикливая и угрожающая.

попрителемъ, на котораго еще недавно смотрѣли такъ свысока, съ которымъ обращались съ такою гордостью. — Старинная прусская самоувѣренность, вынесенная изъ семилѣтней войны, претерпѣла чувствительный ударъ, ⁽³³⁾ и хотя мужество и сила солдатъ еще часто проявлялись на дѣлѣ, но слава ихъ упала, потому что весь способъ веденія ими войны принялъ теперь мелочной размѣръ войны постовъ и кордоновъ, между тѣмъ какъ у Французовъ Вальми сдѣлалось переходомъ къ побѣдамъ и толчкомъ къ величайшимъ подвигамъ, потому что побѣда, повторяемъ еще, сверхъ военной мудрости полководца, заключается также въ гордости и твердой самоувѣренности солдата.

Въ слѣдующемъ году мы увидимъ, какъ продолжатель дѣйствій герцога брауншвейгскаго, принцъ кобургскій заимствовалъ его систему и даже превзошелъ его въ совершенной ничтожности и отсутствіи идей, и тѣмъ довершилъ военное воспитаніе Французовъ, начатое герцогомъ. Изъ рукъ этихъ двухъ наставниковъ, столь распущенныя дотолѣ французскія банды окончательно вышли вполнѣ храбрыми войсками.

Если съ этихъ поръ союзники съ лучшими и большими силами не отваживались болѣе предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Франціи, если они только робко бродили вокругъ пограничныхъ крѣпостей, ощущивали и обстрѣливали ихъ, и сражались только съ одиночными, отчужденными, «потерянными» отрядами (*troupes perdues*) неприятеля, безъ всякой высшей и великой цѣли, то это происходило отчасти отъ похода герцога брауншвейгскаго въ Шампанію; потому что австрійскіе полководцы, когда ихъ побуждали къ наступленію во внутренность Франціи, возражали: «Взгляните только на походъ герцога брауншвейгскаго и храброй прусской арміи въ Шампанію и посмотрите, что изъ такого наступленія выходитъ». — Такимъ образомъ несчастный походъ герцога брауншвейгскаго въ

(33) Стоитъ только прочесть въ сочиненіяхъ Гёте, въ походѣ въ Шампанію, какъ глубоко оскорблена и унижена была честь Пруссаковъ. Такъ въ 30-й части на стр. 75 сказано: «Величайшее смущеніе распространилось въ арміи. Еще утромъ только и думали, какъ приколоть и проглотить всѣхъ Французовъ; — теперь каждый шелъ самъ по себѣ своей дорогой, никто не смѣлъ взглянуть другъ на друга, а если это и случалось, то для того, чтобы произносить проклятія.» — И далѣе на стр. 161: «Не падали верховныхъ вождей, и довѣріе, которое столько лѣтъ имѣли къ знаменитому полководцу, казалось потеряннымъ навсегда.» — Еслибъ въ самомъ дѣлѣ было такъ!

Шампани сдѣлался образцомъ и для союзниковъ, и для Французовъ, для первыхъ—образцомъ бездѣйствія, для послѣднихъ—отважности на все.

Теперь начались лукавые переговоры, въ которыхъ каждая сторона старалась обмануть другую. Дюмурье, все еще опасавшійся превосходства силъ противниковъ и нападенія на свои ненадежныя толпы, и весьма желавшій отклонить Пруссаковъ отъ коалиціи, требовалъ непосредственнаго очищенія французскихъ владѣній, отдѣленія Пруссаковъ отъ имперцевъ, и отдѣльнаго мира; — съ прусской стороны требовали сначала возстановленія короля и прекращенія пропаганды. Но какъ въ продолженіе этихъ переговоровъ время такъ становилось хуже и опасность отступленія по распустившимся дорогамъ, передъ непріателемъ, ободреннымъ своимъ послѣднимъ успѣхомъ, увеличивалась, то въ послѣдствіи переговаривались только для того, чтобы мнимымъ согласіемъ на французскія предложенія задерживать непріятеля и имѣть время высвободить шею изъ петли, что и удалось въ нѣкоторой мѣрѣ пожертвованіемъ всего приобретеннаго въ этомъ походѣ. И только достигнувъ безпрепятственно и безъ боя Люксембурга, Пруссаки почувствовали себя внѣ опасности быть совершенно разбитыми, потому что даже самыя крѣпкія натуры почти изнемогали подъ бременемъ тѣхъ страданій, которыя пагубно обрушились на нихъ во время отступленія: болѣзней, истощенія силъ въ вязкой грязи дорогъ, при постоянныхъ холодныхъ дождяхъ, голода, падежа лошадей, недостатка въ необходимѣйшемъ и всего что еще дополняетъ длинный списокъ бѣдствій въ подобныхъ случаяхъ. Спасеніемъ для нихъ было то, что непріятель, усыпленный переговорами и надеждой на разьединеніе противниковъ, не тревожилъ ихъ плачевнаго отступленія.

Такъ различенъ былъ исходъ двухъ походовъ, предпринятыхъ почти въ одно время и съ одинаковою цѣлію перелѣтъ правленія: съ одной стороны полный успѣхъ, съ другой постыдная неудача; — и изъ всего сказаннаго явствуетъ, что иначе и быть не могло. Съ одной стороны были тщательно взвѣшены цѣль, трудности и необходимыя для ихъ устраненія средства, и сдѣланы сообразныя съ тѣмъ усилія, поддержанныя еще притомъ мудрою политикою; — съ другой стороны, къ великому предпріятію приступили нѣсколько не обращая вниманія на препятствія и съ недостаточными средствами, строя на авось планы, основанные на ненадежныхъ обѣщаніяхъ эмигрантовъ, которые всегда видятъ свыше дѣйствительности и свои желанія принимаютъ за факты; и вмѣсто того, чтобы благоразумными

дѣйствіями склонить народъ и край на свою сторону, ихъ оттолкнули отъ самаго начала высокомерною прокламаціей, глубоко оскорбленною чувство ихъ собственнаго достоинства, и возбудили всѣхъ къ сопротивленію. Въ Познѣ мы видимъ, что предводители вторгнувшейся арміи дѣйствуютъ съ большою обдуманностью, по здравому разсудителюму и сообразному съ обстоятельствами операціонному плану, и съ строгою послѣдовательностью, быстротою и настойчивостью прямо идутъ къ предположенной цѣли;—въ болѣе сильной Франціи предпріятіе начиняютъ не только съ недостаточными силами, но, вѣсто настойчивости, быстроты, послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, обнаруживаютъ только неувѣренность, колебаніе, бездѣйствіе и медленность предъ каждымъ препятствіемъ и наконецъ совершенно теряютъ изъ виду свою цѣль. Война должна быть нашестввенною, а ее ведутъ съ величайшею медленностью. Въ нашестввенной войнѣ имѣются двѣ цѣли: прежде всего непріятельское войско, а потомъ средоточіе всей дѣятельности страны, столица, дающая, такъ сказать, тонъ; мѣстопробываніе правительства. Первою цѣлію есть конечно разбить непріятельское войско и привести его на время въ невозможность дѣйствовать; вторую—пользуясь первымъ страхомъ, тотчасъ быстро явиться предъ устрашенною столицею и предписать ей законы; а для этого, при тогдашнемъ состояніи военныхъ силъ Франціи, достаточно было даже 85,000 чел. войскъ герцога Брауншвейгскаго, еслибъ они были употреблены сообразно съ цѣлію и усилены подходящими резервами. Герцогъ имѣлъ три раза удобный случай уничтожить непріятельскую армію: *первый разъ* при Седанѣ, гдѣ она была безъ предводителя, *другой разъ* у Grandpré, гдѣ Клерво, взявъ силою проходъ у Ogné aux Bois и поддержанный находившимся позади его Калькрёйтомъ, быстрымъ движеніемъ на близлежащій Борси могъ бы запереть Дюмурье въ его лагерь, а Дюмурье могъ бы спастись только бѣгствомъ чрезъ горы, бросивъ все свои варии, артиллерію, обозъ и лошадей; — въ *третій разъ* рѣшительною атакой при Вальми, притянувъ сперва все ближайшія войска, которыми можно было располагать. Положеніе французской арміи было таково, что она могла быть лишена своихъ сообщеній и поставлена въ совершенную невозможность принять сраженіе. Нравственное впечатлѣніе и страхъ содѣйствовали бы тогда всякому успѣху въ Парижѣ; еслибы же хотѣли отойти назадъ къ линіи Мааса, чтобъ притянуть большія силы, то во всякомъ случаѣ имѣли бы болѣе славное и безопасное отступленіе. Наконецъ, медленность въ этой нашестввенной войнѣ была такъ велика, что герцогъ, чтобъ

пройти разстояніе меньше 50-ти миль (350 верстъ) отъ Кобленца до Вальми (34), гдѣ въ началѣ вовсе не было неприятеля для противодѣйствія ему, употребилъ болѣе времени, нежели русскій полководецъ, постоянно имѣвшій неприятеля передъ собою, употребилъ на двойное разстояніе отъ Молдавіи по другую сторону Буга (больше 100 миль или 700 верстъ въ два мѣсяца) (35). Въ послѣдствіи (1814) и Блюхеръ прошагъ почти тотъ же путь, которымъ слѣдовалъ герцогъ, и притомъ еще зимою, въ одинъ мѣсяць (36). Такимъ образомъ оказывается, что между тѣмъ, какъ при вторженіи въ Польшу было все, что требовалось: достаточныя средства, благоразумное употребленіе ихъ, быстрое исполненіе, при политической поддержкѣ, — при вторженіи во Францію не доставало всего: достаточныхъ средствъ, разумнаго употребленія ихъ, энергическаго исполненія и мудрой политики. Можно-ли послѣ того удивляться совершенно различнымъ результатамъ? — Еслибъ герцогъ велъ свою нашествіенную войну противъ Польши, то онъ и въ ней совершилъ бы столь же мало и скоро содѣлалъ бы Поляковъ необходимыми; вспомнимъ только то, что случилось тамъ спустя два года. Медленный, методическій образъ веденія войны, въ которомъ армія подвигается лишь шагъ за шагомъ, неуистенъ противъ возставшаго народа; тутъ дѣло рѣшается только великими, сильно дѣйствующими ударами.

Франція была очищена, Пруссаки отступали къ Рейну, перозъ исполненъ гнѣва и внутренняго неудовольствія противъ своего полководца, мало соотвѣтствившаго высокой своей славѣ, противъ имперцевъ, недостаточно поддержавшихъ его, и въ особенности противъ французскихъ эмигрантовъ, слишкомъ много обѣщавшихъ и ничего не исполнившихъ. Сверхъ того, приготовленія къ этому походу, равно какъ и предшествовавшія, къ предполагавшемуся рейквбахскому и къ походу противъ Русскихъ, для предписанія имъ мира съ Турціей, въ соединеніи съ безпримѣрною щедростью къ любимцамъ и къ покровительствуемымъ лицамъ, опорочивши казну великаго Фридриха, накопленную имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ талеръ за талеромъ, и потому громаднаы издержки, требуемыя новымъ походомъ и ис-

(34) Выступленіе изъ Кобленца 31-го іюля—сраженіе при Вальми 20-го сентября,

(35) 8 (19) мая переходъ у Могилева и Косниці; 7 (18) іюля бой при Дубенкѣ на Бугѣ.

(36) Въ ночь на новый годъ переходъ черезъ Рейнъ у Кауби, — 31 января бой при Бриеннѣ.

нытанныя теперь на дѣлѣ, наводилъ страхъ. Не хотѣли, чтобы сдѣланныя уже и имѣвныя быть сдѣланными издержки остались тщетными, но желали заранее обезпечить себѣ вознагражденіе, а имъ была, какъ мы видѣли, часть Польши. Еще при предварительныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ, графъ Гаугвицъ, въ качествѣ прусскаго посланника, неоднократно представлялъ, что «право Пруссіи на вознагражденіе существенно отличается отъ такого же права Австріи. Австрія есть главная держава, сторона атакующая, Пруссія же — побочная держава, сторона вспомогательная. Слѣдовательно, сдѣлавъ значительныя пожертвованія для дѣла, которое не было ея собственнымъ, она имѣетъ и самыя справедливыя притязанія на вознагражденіе. Если она возьметъ это вознагражденіе въ Польшѣ, то получитъ только обратно свои издержки. Австрія же, напротивъ, если имѣетъ притязаніе на вознагражденіе, должна получить оное на счетъ своего врага — Франціи.»

Теперь, не смотря на неудавшійся походъ, снова взялись за это дѣло и хотѣли страхомъ и надеждой исторгнуть то, чего нельзя было добыть успѣхомъ оружія: страхомъ — предоставивъ Австрію, своимъ плененіемъ, одну половину всѣхъ силъ Франціи; надеждой — обѣщая вырѣдь, въ случаѣ согласія, еще болѣе сильную, нежели доселѣ, помощь. — Австрійскій государственный референдарій, баронъ Шпильманъ, открылъ въ октябрѣ конференціи въ Люксембургѣ, на которой, сверхъ посланниковъ: австрійскаго (князя Рейскаго) и русскаго (Алоисуса), присутствовали еще прусскіе первые министры Гаугвицъ и Луккесини, и представитель Людовика XVI, баронъ Бретейль. Мы уже знаемъ хитраго Луккесини; Гаугвицъ былъ равенъ ему, не хитростью и знаніями, но образомъ мыслей, мало одаренъ способностями, ведалъ-видѣлъ, болѣе гибкій придворный, нежели государственный человекъ. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не былъ разборчивъ въ средствахъ, а жажда приобрѣтенія заставляла его упускать изъ виду послѣдствія. Императоръ Леопольдъ, узнавшій его въ Италіи, просилъ о назначеніи его посланникомъ въ Вѣну; но онъ прибылъ туда лишь во смерти императора и сопровождалъ молодого короля Франца, для императорскаго коронованія и для совѣщаній, въ Майнцъ, затѣмъ былъ назначенъ, на мѣсто Шуленбурга, первымъ кабинетъ-министромъ, за то, что, стараясь войти въ милость, явился самымъ ревностнымъ поборникомъ присоединеній отъ Польши, «дабы, какъ онъ говорилъ, подарить Прус-

«*ею новую и прекрасную провизию*» (37). Принятая имъ теперь система состояла въ томъ, чтобы какъ можно болѣе требовать для Пруссіи, но мало тому содѣйствовать; это привело къ обманчивой политикѣ, которая никогда еще не приносила хорошихъ плодовъ, да и не принесла ихъ для Пруссіи. Подъ его руководствомъ политика Пруссіи пришла въ неуваженіе, отъ котораго ее освободили только Гарденбергъ и Штейнъ. Подобно герцогу Брауншвейгскому неспособный къ нравственнымъ оцѣнкамъ и ладный только къ матеріальнымъ выгодамъ, онъ повсюду гнался за пріобрѣтеніями, ничего постоянными—кромя славы, и тѣмъ ослаблялъ нравственное достоинство государства, которому полагалъ оказывать услугу. Здѣсь, въ Люсембургѣ, онъ защищалъ противъ государственникъ людей Австріи прусскія притязанія на Польшу. «Король его, — доказывалъ онъ, — имѣетъ собственно право требовать отъ Австріи вознагражденія за оказанную ей помощь; но чтобы не быть въ ущербъ своему союзнику, онъ хочетъ взять свое въ Польшѣ. Онъ предлагаетъ даже оказать этимъ услугу императору, но требуетъ за то, чтобы императоръ первый обратился съ предложеніемъ по сему предмету въ Петербургъ.» — Въ продолженіе этихъ переговоровъ армія приближалась и главная квартира короля прибыла въ Мерла, неподалеку отъ Люсембурга. Гаугвицъ и Луксесини отправлялись къ королю, и въ этомъ небольшомъ мѣстечкѣ выработана была, 25-го октября, рѣшительная нота, заключающая въ себя предложенія Пруссіи и ея послѣднія условія *vive qua vivit*. Вотъ ее содержаніе (38):

«Въ случаѣ, еслибы желаемое, по поводу французской резолюціи, соединеніе европейскихъ государствъ состоялось, для того, чтобы положить предѣлъ анархіи во Франціи, поддержать въ ней монархическое правленіе и даровать Людовику XVI силу для сохраненія онаго, Его Королевское Прусское Величество объявляетъ, что онъ готовъ принять въ этомъ соединеніи дѣятельное участіе и приступить ко всему условіямъ, какія будутъ установлены при этомъ. Еслибы же такое соединеніе не состоялось, но государственныя интересы Германіи потребовали войны имперіи противъ Франціи, то и въ такомъ случаѣ также король готовъ принять дѣятельное участіе.»

(37) См. брошюру: *Fragment des Mémoires inédits du Cte. de Haugwitz*. Jena 1837.

(38) Мы приводимъ здѣсь всѣ эти документы не слово въ слово, а только въ краткомъ извлеченіи, для избѣжанія многословія. Кто можетъ слышать подлинника, найдеть, что ничего существеннаго не упущено.

разширеніе участію, какъ членъ имперіи. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы Его Величество Императоръ пожелалъ продолжать войну противъ Франціи со всѣми своими силами, безъ участія другихъ державъ, Его Прусское Величество обѣщаетъ помогать Императору и въ предстоящемъ походѣ такими же силами, какъ и въ настоящемъ.

«Но какъ настоящій походъ потребовалъ такихъ значительныхъ издержекъ и причинилъ такую большую потерю въ людяхъ, а при продолженіи войны потребуются еще болѣе значительныя издержки, то *Его Королевское Прусское Величество считаетъ себя въ правѣ ожидать вознагражденія и скорого вознагражденія уже сдѣланныхъ или военныхъ издержекъ, и прежде, нежели приметъ дальнѣйшее участіе въ войнѣ, требуетъ вознагражденія и за издержки, какія будутъ сдѣланы еще въ послѣдствіи.*

«Поэтому король ожидаетъ, что тотъ округъ въ *Польшѣ*, о которомъ онъ уже объявлялъ прежде, императорскимъ—королевскимъ и императорскимъ російскимъ дворами *будетъ гарантированъ ему и что ему можно будетъступить въ действительное обладаніе онымъ.*»

Возвратившись въ Люксембургъ, Гаугвицъ передалъ эту ноту барону Шпильману и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему подлинный экземпляръ карты *Польши*, на которомъ король собственноручно провелъ линію, обозначающую то, что онъ имѣлъ притязаніе присоединить отъ Польши, присовокупивъ: «какъ только король вступитъ въ обладаніе этимъ вознагражденіемъ, то будетъ готовъ оказать императору и въ будущемъ походѣ точно такую же помощь, какъ доселѣ; въ случаѣ же отказа въ этомъ *непреклонномъ условіи, Пруссія тотчасъ же отзоветъ свои войска и будетъ строго держаться только числа войскъ, опредѣленнаго союзнымъ договоромъ, но при этомъ все таки будетъ настаивать на удовлетворительномъ вознагражденіи за издержки прошедшаго похода, и это вознагражденіе всегда будетъ состоять въ разширеніи границъ Пруссіи со стороны Польши, съ тою только разницею, что его будутъ соразмѣрять съ употребленными дотолѣ средствами».*

Чтобы дѣятельнѣе вести это дѣло въ самой Вѣнѣ, Гаугвицъ отправился туда еще въ ноябрѣ. Прибывъ туда, онъ представилъ вице-канцлеру, графу Фаллиппу Кобенцелю все то, о чемъ договаривался относительно вознагражденія съ барономъ Шпильманомъ въ Люксембургѣ. Получивъ наконецъ 10 декабря 1792 г., послѣ долгихъ переговоровъ, согласіе вѣнскаго двора на вступленіе Пруссіи

въ обладаніи польскими округами, онъ, до отправленія извѣстія о томъ, потребовалъ еще увѣдомленія о тѣхъ сообщеніяхъ, какія вѣнскій дворъ сдѣлаетъ по этому предмету императрицѣ российской и въ которыхъ объявить свое согласіе на приобрѣтенія Пруссіи и притомъ на немедленное занятіе ихъ. Достигнувъ этого и получивъ рѣшительное согласіе вѣнскаго двора на занятіе округовъ и обѣщаніе сдѣлать по этому предмету настоятельнѣйшія представленія русской императрицѣ, дабы увѣриться также и въ ея согласіе, не ставя его впрочемъ въ зависимость отъ равномѣрнаго вознагражденія для Австріи,—онъ отправился обратно къ своему королю, чтобъ сообщить ему результатъ своихъ переговоровъ. На прощальной аудіенціи 23 дек. 1792 г. императоръ сказалъ ему еще, что «онъ неизмѣнно полагается на дружбу прусскаго короля, но, хотя и изъявилъ свое согласіе на расширеніе Пруссіи на счетъ Польши, такъ какъ король объявилъ это приобрѣтеніе условіемъ *sine qua non* своего будущаго содѣйствія, однако озабочивается тѣмъ, что въ Петербургѣ могли бы возникнуть затрудненія въ полученіи согласія императрицы».—Но заботу объ этомъ прусскій кабинетъ принималъ уже на самого себя, отправивъ туда еще въ ноябрѣ посланнику своему при петербургскомъ дворѣ, графу Гольцу, ноту изъ Мерля, съ инструкціей вступить въ переговоры, для чего король послалъ ему собственноручное полномочіе. Такимъ образомъ слова повторилось это предложеніе, отложенное прежде императрицею на отдаленное будущее время. Что ей было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Дальнѣйшая отсрочка была невозможна, такъ какъ король требовалъ положительнаго отвѣта, который долженъ былъ рѣшить его будущія дѣйствія и отношенія. Отказать, воспротивиться?—Какія были бы послѣдствія?—Тщательно, со всѣхъ сторонъ взвѣсила императрица этотъ вопросъ и результатъ взвѣшенія его изложила въ *личной инструкціи* своей графу Сиверсу, назначенному ею въ это время (въ дек. 1792 г.), вмѣсто Булгакова, посланникомъ въ Варшаву. Этотъ документъ важенъ, потому что содержитъ въ себѣ всю политику ея въ отношеніи къ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ на вышеозначенный вопросъ. Здѣсь приводится въ извлеченіи все, касающееся этого предмета:

«При вступленіи своемъ на престолъ, сказано въ инструкціи (39), императрица хотѣла утвердить на прочныхъ основаніяхъ отношенія свои къ польской республикѣ; но старанія о томъ, вмѣсто друже-

(39) Инструкція графу Сиверсу отъ 22 дек. 1792.

ственной встрѣчи со стороны Поляковъ, произвели только вражду изъ Россіи, междоусобную войну и раздоръ, приведшіе наконецъ къ раздѣлу 1772 года. «Всякому свѣдущему Поляку, продолжаетъ императрица, извѣстно, до какой степени было вынуждено обстоятельствомъ Наше согласіе на то и съ какою великою умѣренностію Мы и въ этомъ случаѣ ограничили Наши притязанія и по возможности старались удерживать альянсъ другихъ дворовъ. Кажется, это событіе могло бы послужить Полякамъ урокомъ, что дальнейшая неприкосновенность и спокойствіе ихъ государства неразрывно связаны съ тѣснѣйшимъ ихъ сближеніемъ съ Нами и съ соблюденіемъ непрестанныхъ добрыхъ отношеній къ Намъ и Нашему государству.» Но время, и притомъ весьма краткое, показало, что легкомысліе, высокоміріе, вѣрломство и неблагодарность, столь свойственныя сему народу, неисправимы даже несчастіемъ; ибо лишь только руководители ихъ правленія увидѣли, что императрица возлечена разомъ въ двѣ войны и опутана провсками своихъ завистниковъ, какъ тотчасъ же отвергли всѣ торжественныя обязательства въ отношеніи къ ней и дозволили себѣ самыя враждебныя поступки противъ нея, ея арміи и ея безвинныхъ подданныхъ, пріѣзжавшихъ по промышленнымъ дѣламъ въ Польшу, а наконецъ уничтожили еще и гарантированную императрицею конституцію, замѣнивъ ее конституціей 3-го мая. Хотя Она, говорится дальше, имѣла бы право на открытую войну, но, предпочитая кроткія, мирныя мѣры, рѣшилась на столь употребительное въ Польшѣ, въ подобныхъ случаяхъ, средство — конфедерацію. Между тѣмъ, какъ ни мало было въ началѣ число конфедератовъ, тотчасъ можно было замѣтить у нихъ различіе въ видахъ, которые не общажи ни твердаго, единодушнаго хода дѣлъ, ни прочнаго основанія возводимому зданію. Одни помышляли о сохраненіи или умноженіи преимуществъ своихъ должностей, другіе о пріобрѣтеніи равномѣрныхъ правъ, третьи хотѣли бы оставить въ силѣ постановленія послѣдняго сейма въ отношеніи къ арміи; словомъ, за исключеніемъ одного начальника артиллеріи (Феликса) Потоцкаго, никто не занимался дѣлами своего отечества, не замѣшивая въ нихъ личныхъ своихъ видовъ и выгодъ. Но какъ дѣло состояло не въ томъ, чтобы согласить эти борющіяся умы, но скорѣе въ томъ, чтобы придти наконецъ къ какому нибудь рѣшительному результату, то императрица приказала своимъ генераламъ наискорѣе вступить въ Польшу и подъ защитою Ея оружія провозгласить генеральную конфедерацію, которая и осуществилась подъ названіемъ *маршевицкой*. Тогда король сталъ стараться

вооружить противъ Россіи близкія и отдаленныя державы, и даже оказать вооруженное сопротивление ей; однако наконецъ самъ былъ принужденъ приступить къ конфедераціи. Но его предшествовавшіе и послѣдовавшіе затѣмъ поступки доказали, какъ мало было съ его стороны искренности въ нихъ; ибо, не говоря уже о лукавыхъ предложеніяхъ, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ посягнуть раздоръ между императрицею и сосѣдними державами, онъ и теперь еще пытается, въ польскомъ народѣ ненависть и ожесточеніе противъ Россіи и ея войскъ, въ чемъ ежедневно обнаруживаются новыя признаки. И посланная конфедератами въ Петербургъ депутація также увѣряла, что лишь только русскія войска очистятъ Польшу, то въ ней все придетъ въ прежнее замѣшательство и все, учрежденное нами, снова вскорѣ будетъ низпровергнуто. «Но, говоритъ императрица, это возможное событіе не столько беспокоитъ Меня, сколько вліяніе парубиныхъ французскихъ ученій, которыми, по всѣмъ доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, склонные ко всякому своеволю умы Поляковъ уже заражены до такой степени, что послѣдніе учредили у себя въ Варшавѣ клубы, по образцу яковинскихъ, гдѣ дерзко проповѣдуются ихъ ученія и откуда легко могутъ распространиться по всей Подольѣ и даже проникнуть въ сосѣднія страны.»—Таковы отношенія къ Польшѣ; отношенія же къ сосѣднимъ державамъ слѣдующія. Тутъ она упоминаетъ то, что уже приведено нами выше, какъ она, еще до открытія военныхъ дѣйствій, предварительно сообщила это вѣнскому и берлинскому дворамъ; какъ первый изъ нихъ не изъявилъ желанія перемѣны конституціи, однако потомъ согласился и объявилъ Полякамъ, чтобъ они не надѣялись на него; берлинскій же дворецъ, напротивъ, согласный во всемъ главномъ, предлагалъ только другія средства. «Но какъ Мы не нашли ихъ столь же дѣйствительными, сколько приготовленные нами, то и рѣшимся дѣйствовать по собственному Нашему усмотрѣнію.»—Оба эти двора заключили тогда тѣснѣйшій союзъ между собой и дѣйствовали совокупно противъ французскихъ революціонеровъ, объявившихъ войну императору. Первоначальныя успѣхи ихъ породили мысль доставить себѣ соотвѣтственныя выгоды. Тогда они представили императрицѣ соглашеніемъ между ними сделанъ, состоявшій въ томъ, что императорскій дворецъ, съ землей Нидерландовъ, получитъ Баварію, прусскій же — Данцигъ и Торнъ съ некоторыми воеводствами Великой Польши; при чемъ они приглашали императрицу взять и себѣ часть Польши, соразмѣрную обоимъ ихъ пріобрѣтеніямъ. На это императрица вскорѣ затѣмъ отвѣчала, только въ общихъ выраженіяхъ, подавая однако надежду, что можетъ быть и согласится, главнѣйше для того,

чтобы ободрить ихъ къ продолженію войны съ цѣлю изложенія революціоннаго духа, одинаково важной для всѣхъ государей и правильно устроенныхъ правительствъ. Несчастный оборотъ послѣдняго похода показалъ королю прусскому, съ какими трудностями и большими издержками сопряжено предпринятое имъ дѣло. Въ своемъ нетерпѣннн относительно сего, онъ объявилъ обоимъ императорскимъ дворамъ: походъ этотъ причинилъ ему такія большія потери, что онъ находится въ невозможности продолжать долѣе войну въ союзѣ съ Австріей и потому приметъ мирныя предложенія, сдѣланныя ему французскими матежниками, если ему не будетъ гарантировано полное вознагражденіе всѣхъ его потерь и дозволено вступить немедленно въ обладаніе тѣмъ, чего онъ требуетъ для такого вознагражденія по вновь представленному имъ плану, болѣе обширному, чѣмъ предшествовавшій, въ какомъ случаѣ обѣщаль не только пребыть въ союзѣ съ вѣдскимъ дворомъ, но съ большею еще равностію и съ бѣдшимъ напряженіемъ силъ содѣйствовать достиженію общей цѣли. «Посланникъ его былъ уполномоченъ вступить съ Нашимъ министерствомъ въ переговоры по сему предмету, при чемъ онъ въ тоже время представилъ карту, гдѣ были ближе обозначены земли, на которыя объявлялись критязанія.» — Тутъ императрица переходитъ къ сдѣланному выше вопросу, что ей слѣдовало дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Она говоритъ: «Это рѣшительное объявленіе, сопровождаемое настоятельными представленіями, принудило насъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ. Тогда ясно оказалось:

Во-первыхъ, что по приобретеннымъ опытамъ и по настоящему состоянію умовъ въ Польшѣ, при непостоянствѣ и легкомысліи сего народа, при его ожесточеніи и ненависти противъ насъ, въ особенности же при обнаруживающихся у него французскихъ своеволіи и безумствѣ, Мы никогда не будемъ имѣть въ немъ спокойнаго и безопаснаго сосѣда, если только не приведемъ его въ совершенное безсіліе.

Во-вторыхъ, что еслибы Мы не согласились на предложенія, сдѣланныя королемъ прусскимъ, и онъ отпалъ по сей причинѣ отъ римскаго императора, то Мы поставили бы сего естественнаго и важнаго союзника Нашего въ величайшую опасность, такъ что въ слѣдствіе сего все европейское равновѣсіе легко могло бы быть низвергнуто, такъ какъ оно и безъ того уже значительно поколеблено настоящимъ состояніемъ Франціи.

Въ-третьихъ, что король, въ своемъ огорченіи и неудовольствіи по поводу великихъ, тщетно сдѣланныхъ имъ издержекъ,

не взирая на непринятіе Нами его предложеній, при его горичемъ нравѣ, могъ бы однако завладѣть землями, на которыя объявляетъ притязанія въ упомянутомъ планѣ; или, дабы проложить себѣ нуть къ тому, могъ бы опять замѣшать Насъ въ новыя дѣла и неприятности, къ умноженію которыхъ Поляки тотчасъ же явили бы себи послушнымъ орудіемъ.

«При этихъ разсужденіяхъ Мы говорили только о невыгодахъ Нашего отказа, но если Мы взвѣсимъ и выгоды, въ слѣдствіе Нашего согласія, то онѣ сами бросятся всякому въ глаза.

«Эти и многія другія причины побудили Насъ изъяснить согласіе на дѣло, начало и конецъ котораго ёсть: *освободимъ отъ унизительна древня русскія земли и города, населенные или основанные русскими единоплеменниками, испольдующими единую съ Нами веру, и, присоединеніемъ ихъ къ Нашему государству, возвести ихъ на одинаковую высоту славы и благосостоянія, которыми, какъ Мы надѣемся, наслаждаются всѣ нави любезные подданные.*»

Эти доводы были важны, они показывали всю опасность, угрожавшую не только императрицѣ и ея государству, но и общему дѣлу порядка, въ случаѣ ея отказа, равно какъ и великія выгоды, сопряженныя съ ея согласіемъ; и что, по ближайшемъ разсмотрѣніи, въ концѣ концовъ то были все-таки области, нѣкогда принадлежавшія Россіи и отторгнутыя отъ нея Литвою, которыя, принятіемъ прусскихъ предложеній, снова присоединялись къ древнимъ родовымъ землямъ. Если благо своего государства составляетъ главнѣйшую задачу государя, то что могла, что должна была, въ такихъ обстоятельствахъ, ниго сдѣлать императрица? Должна-ли она была, щадя ожесточеннаго врага, обратить друга во врага и къ тому еще такого, который могъ очень вредить ей и котораго даже снова поддержали бы ищущіе ея?—Должна-ли она была снова ввергнуть свое государство въ опасное положеніе, изъ котораго съ трудомъ извлекла его, и притомъ единственно въ угоду старымъ родовымъ врагамъ, которые содѣйствовали приведенію его въ такое положеніе и теперь еще имѣли полное желаніе раздробить его, еслибы могли, какъ раздробили его нѣкогда?—И такъ согласіемъ своимъ она избѣгала великой опасности, обезпечивала себѣ вознагражденіе за свои военныя издержки, карала Поляковъ за ихъ отпаденіе и присоединеніе къ ея противникамъ и совершала возмездіе за всѣ, нѣкогда испытанныя отъ нихъ неправды и бѣдствія. Жизнь народовъ въ вѣчномъ движеніи: нѣкогда были сильны Литва и Польша, и Россія пала предъ ними въ прахъ; теперь очередь

силы наступила для Россіи, и предъ ея силой исчезали онѣ съ своей стороны. Наконецъ, право Россіи противъ нихъ было такое же, какое онѣ прежде имѣли противъ Россіи, и еще большее, ибо Россія дѣйствовала не изъ тщеславной жажды завоеванія, но только стремилась, для обезпеченія собственной нравственной и политической безопасности, привести смертельнаго врага въ невозможность вредить ей.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, графъ Гольцъ уже 30 ноября (14 декабря) могъ донести королю, что императрица російская соглашается на предложенный уговоръ. Радость короля была чрезвычайная. «Нечего и говорить вамъ, писалъ онъ посланнику своему 15 (26) дек., какимъ удовольствіемъ исполнило меня содержаніе вашей депеши. Я заранѣе рассчитывалъ на полное вліяніе моего довѣрія къ дружбѣ императрицы. Передайте графу Остерману, въ сильнѣйшихъ и самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ, всю мою благодарность за поступокъ Ея Величества, и скажите ему, что министерство мое тотчасъ вышлетъ вамъ послѣднія инструкціи; между тѣмъ оно и теперь уже можетъ дать удостовѣреніе, что я не буду питать никакой зависти къ притязаніямъ императрицы въ отношеніи Польши; если они, въ первую минуту, и могли изумить меня своею обширностью, то все-таки преданность и дружба мои къ моей союзницѣ заставляютъ меня устранить всѣ сомнѣнія». Этой снисходительности много могло содѣйствовать неожиданное сопротивленіе австрійскаго двора. Не взирая на всѣ доводы графа Гаугвица, на самыя рѣшительныя увѣренія, что король его отнюдь не приметъ болѣе участія въ настоящей войнѣ, если ему не будетъ дозволено войти въ дѣйствительное обладаніе требуемыми округами Польши, — вѣнскій дворъ не иначе хотѣлъ дать свое согласіе, какъ подъ условіемъ, чтобъ и онъ также получилъ свое вознагражденіе въ Польшѣ, еслибы предположенный сначала и принятый на конференціяхъ въ Майницъ и Люксембургъ обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію не могъ состояться. Вступленіе Пруссіи въ обладаніе польскими областями должно было, нѣзтому, быть только предварительнымъ (eventuel).—Это возбудило большое неудовольствіе со стороны Пруссіи: вѣдь уже было обѣщано содѣйствовать этому обмѣну всѣми возможными способами, «и императорскій дворъ, — прибавляли къ этому, — долженъ бы былъ почитать себя счастливымъ, сбывъ за такую цѣну свои бельгійскія области, которыя, хотя и приносили нѣкогда значительный доходъ, но въ настоящее время стали только невѣрнымъ и дорого стоящимъ владѣніемъ. Правда, области эти

заняты въ настоящее время французскими войсками и раздражены внутреннимъ возстаніемъ, слѣдовательно представляютъ плохое вознагражденіе пфальцскому дому; однако можно полагать, что въ слѣдующемъ походѣ дѣла не останутся въ такомъ положеніи; еслибы же однако это и случилось, то императора можно было бы, какъ уже дано уразумѣть со стороны Пруссіи, вознаградить какою-нибудь секуляризаціею въ Германіи».

Король, до введенія своихъ войскъ въ Польшу, ожидалъ еще только прибытія въ Варшаву новаго русскаго посланника, графа Сиверса, и назначеннаго на мѣсто Каховскаго, новаго главнокомандующаго русскихъ войскъ, генерала Игельстрёма, дабы начальствовавшій прусскимъ кордономъ, генералъ Мёллендорфъ могъ вступить съ ними въ соглашеніе касательно взаимнаго содѣйствія, такъ какъ тогдашніе русскіе: посланникъ и главнокомандующій войсками, не зная новыхъ уговоровъ, воспротивились бы, можетъ быть, вступленію прусскихъ войскъ. Это вступленіе ихъ Пруссаки сначала хотѣли представить только въ видѣ мѣры предосторожности противъ ненадежнаго поведенія Поляковъ, до тѣхъ поръ, пока въ Петербургѣ не будетъ заключено соглашеніе касательно обоюдныхъ пріобрѣтеній. Новыхъ сценъ безпорядковъ и волженій, которыя могли бы возникнуть въ Варшавѣ, не опасались, ибо они, какъ говорилось, могли бы послужить только къ тому, чтобъ еще болѣе оправдать этимъ принятія мѣры.

Англійское министерство не было еще извѣщено о соглашеніяхъ въ Майнцѣ и Люксембургѣ планахъ вознагражденія, и обѣ стороны были очень озабочены касательно его согласія. Вѣнскій дворъ предложилъ теперь сообщить ему оныя. Графъ Гаугвицъ удивился и воспротивился этому, «ибо, изъ всѣхъ державъ, Англія болѣе всѣхъ была заинтересована воспрепятствованіемъ обмѣну Нидерландовъ и раздробленію Польши.»—Вице-канцлеръ графъ Филлипъ Кобенцель, хотя сначала оказалъ уступчивость, но не менѣе того, въ надеждѣ, можетъ быть, возбудить новыхъ противниковъ прусскимъ притязаніямъ, предписалъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, графу Стадіону, открыть эту тайну британскому министерству, даже и въ томъ случаѣ, еслибы прусскій посланникъ, баронъ Якоби, отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Чтобъ отразить этотъ ударъ, барону Якоби было приказано объявить, что «эти виды на пріобрѣтенія въ Польшѣ суть только проекты и прежде подлежатъ еще ближайшему обсужденію съ собѣдными дворами, въ особенности съ петербургскимъ». Это было сдѣлано для выигранія времени, пока

исполненіе предположенныхъ мѣръ не защититъ отъ дальнѣйшихъ настояній британскаго министерства.

Затѣмъ ему было представлено, что «въ походѣ противъ Франціи имѣлись въ виду самыя спасительныя для цѣлой Европы намѣренія, а именно поддержаніе монархическаго правленія во Франціи, съ соблюденіемъ равновѣсія между властями, подавленіе анархіи и утушеніе пагубныхъ правилъ господствующей факціи, наконецъ удовлетвореніе за нарушенныя права имперскихъ князей Германіи и справедливое вознагражденіе за военныя издержки. — Дѣло это теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, стало дѣломъ всѣхъ державъ, съ тѣхъ поръ, какъ французскіе революціонеры начали распространять свои пагубныя ученія и въ Франціи и стремиться при этомъ присоединить къ своей республикѣ ближайшія къ ней государства, и сверхъ того обѣщаютъ всѣмъ мятежникамъ въ другихъ странахъ помощь и содѣйствіе. Но нельзя же требовать, чтобы король прусскій сдѣлался жертвою своего рвенія и ни за что, ни про что предалъ себя на общую пользу. Тоже самое правило принято и союзникомъ Пруссіи, императоромъ римскимъ; а потому обѣ стороны, еще до начала послѣдняго похода, согласились доставить себѣ справедливое вознагражденіе за употребленныя военныя издержки. Только подъ такимъ условіемъ Пруссія употребила больше средствъ, нежели можно было ожидать отъ нея, и готова повторить свои усилія въ предстоящемъ походѣ.

«Но Пруссія не можетъ надѣяться найти вознагражденіе со стороны Франціи, или, какъ Англія, уничтоженіемъ морской торговли ея, и самыя блистательныя завоеванія съ этой стороны не представили бы ей желаемыхъ выгодъ. Даже Австрія, хотя по географическому положенію своему болѣе близкая къ Франціи, противится искать себѣ вознагражденій съ этой стороны. Поэтому нужно было обратить свои взоры въ другія стороны: вѣнскій дворъ полагалъ обмѣнять Нидерланды на Баварію, Пруссія же имѣетъ въ виду только одинъ предметъ, который можетъ достаточно вознаградить ее, это—расширеніе ея границъ со стороны Польши. Допустивъ право вознагражденія, должно также допустить, что страна, постоянно раздираемая внутренними факціями, даже и въ настоящую минуту подверженная всѣмъ возможнымъ безпокойствамъ и раздорамъ, уже зараженная пагубными правилами французской демократіи и мятежа, вынуждаетъ своихъ сосѣдей привести ее въ невозможность вредить имъ, и кромѣ того нисколько нельзя будетъ сожалѣть, если она отъ анархическаго и угнетающаго правленія

перейдетъ къ правильно устроенному и умѣренному. — Впрочемъ, — присовокуплено было для успокоенія, — все это существуетъ только въ проектѣ, который долженъ еще созрѣть и быть обсужденъ ближе. Такова цѣна, которую назначаетъ король, если долженъ оказывать дальнѣйшее содѣйствіе общему дѣлу.» (40)

Таковы были предварительные переговоры, предшествовавшіе второму раздѣлу Польши. Договоръ соглашенія о немъ между Пруссіей и Россіей былъ заключенъ только въ слѣдующемъ году, 12 (23) января 1793, въ Петербургѣ, и вѣнскій дворъ приглашенъ приступить къ нему, отъ чего, однако, сначала уклонился. — Неисполненіе этого договора о раздѣлѣ, переговоры о томъ въ Польнѣ и шумная сцена въ Гродно мы узнаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ (*).

Тѣмъ кончился этотъ мощный и насильственный годъ, положившій начало многимъ бѣдствіямъ, долженствовавшимъ скорѣе удручить Европу: тамъ — опустошительнымъ для всѣхъ государствъ побѣдамъ Французовъ, грозившимъ уничтожить всякую независимость народовъ; здѣсь — промзительному воплю Поляковъ, вызвавшему еще не одну бурю.

(40) Мы привели здѣсь въ краткомъ извлеченіи данныя дипломатическіе переговоры и акты, покоящіеся въ цѣли архивовъ. Намъ не трудно было бы подтвердить каждое изъ сдѣланныхъ здѣсь показаній, почти каждое сообщенное нами слово документомъ или приложить къ нимъ дипломатическій актъ.

(*) Къ крайнему сожалѣнію, ни этого отдѣла, ни всей третьей части этого сочиненія Смита, за смертію послѣдняго, въ изданіи не видѣтся. Прискорбный перерывъ на самомъ любопытномъ мѣстѣ!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

D. Lettre du Roi de Pologne à l'Impératrice de Russie.

Madame ma Soeur!

Je n'emploierai ni détours ni longueurs; elles ne conviennent ni à mon caractère ni à ma situation. Je vais m'expliquer avec franchise, car c'est à vous que j'écris. Daignez me lire avec bonté et sans préoccupation. Daignez vous souvenir de ce que je vous ai remis par écrit sur votre galère à Kaniow. Si mes efforts pour la réussite de ce plan là n'eurent point d'effet, Votre Majesté Impériale sait trop bien que ce n'est pas en moi qu'en a été la faute.

Toute discussion sur ce qui a suivi serait superflue ici et ne remédierait à rien. Je passe donc d'abord au moment présent et je parlerai clair. Il vous importe, Madame, d'influer en Pologne et de pouvoir y faire passer vos troupes sans embarras, toutes les fois que vous voudrez vous occuper ou des Turcs ou de l'Europe.

Il nous importe d'être à l'abri des révolutions continuelles, dont chaque interrègne doit nécessairement devenir la cause, en y faisant intervenir tous nos voisins, en nous armant nous-mêmes les uns contre les autres. Il nous faut de plus un gouvernement intérieur mieux réglé que ci-devant.

Or, voici le moment et le moyen de concilier tout cela. Donnez nous pour successeur à moi votre petit-fils, le Prince Constantin; qu'une alliance perpétuelle unisse les deux pays; qu'un traité de commerce réciproquement utile y soit joint. Je n'ai pas besoin de dire, que toutes les circonstances sont telles, que jamais l'exécution de ce plan n'a pu être plus facile; car ce n'est pas à Votre Majesté qu'il faut donner des conseils ni suggérer des vues. Mais il faut, que je Vous adresse mes prières, et les plus ardentes, pour que Vous daigniez m'écouter et entrer dans ma situation.

La diète m'a accordé le pouvoir de faire un armistice, mais non pas la paix finale sans elle. Je commence donc par Vous demander, par Vous prier, par Vous conjurer, de nous accorder un armistice au plutôt, et j'ose Vous répondre du reste, pourvu que vous m'en laissiez le tems et les moyens. Il se fait actuellement ici un si grand changement dans les esprits, que Vous pouvez être certaine de voir, pour tout ce que je viens de Vous proposer, un enthousiasme peut-être plus grand qu'il n'y en a eu pour tout ce qui a été opéré à cette diète; et vous en appercevrez sans doute facilement la cause.

Mais je ne dois pas Vous cacher que, si Vous exigiez à la rigueur tout ce que porte Votre déclaration, il ne serait pas en mon pouvoir d'effectuer ce que je desire tant de faire.

Je sais bien que Vous pouvez penser, que la force que Vous avez en main suffira à tout ce que Votre déclaration annonce sans adoucissement. A cela je ne répondrai rien autre, sinon que je ne puis croire que Votre coeur, que je me flatte de connaître, veuille préférer les voies de l'extrême rigueur à celles qui, beaucoup plus douces, satisferaient pourtant à Votre gloire et nos vœux.

Encore une fois, ne rejetez pas, je Vous en conjure, mon instante prière. Accordez nous l'armistice au plus tôt, et j'ose répéter, que tout ce que je Vous ai proposé sera accepté et exécuté par ma nation, pourvu que Vous daigniez condescendre aux moyens que j'ai proposés.

Pardonnez, Madame, si je n'ai mis ni phrases, ni style dans cette lettre. J'ose espérer que, si même pour mon malheur Vous rejetez mes idées, du moins Vous ne serez pas blessée de ma sincérité.

Je ne desire rien au monde autant que de pouvoir me dire à jamais

De Votre Majesté Impériale
le bon frère, ami et voisin
Stanislas-Auguste, roi.

Varsovie ce 22 Juin 1792
nouveau style.

Переводъ.

Къ стран. 297.

Д. Письмо Короля Польскаго Императрицѣ Всероссійской.

Государыня Сестра моя!

Не употребляю ни уловокъ, ни многословія; они неприличны ни моему характеру, ни моему положенію. Изъяснюсь откровенно, во-

тому что пишу Вамъ. Благоволите прочитать мое письмо благодушно и безъ предубѣжденія. Благоволите припомнить, что я вручилъ Вамъ письменно на Вашей галерѣ въ Каневѣ. Если усилія мои къ успѣху сего плана не достигли цѣли, Ваше Императорское Величество слишкомъ хорошо знаете, что не моя была вина въ томъ.

Всякое разбирательство того, что послѣдовало, было бы излишнимъ и не помогло бы ничему. Посему перехожу къ настоящему времени и буду говорить ясно. Вамъ, Государыня, важно имѣть влияние въ Польшѣ и возможность проводить чрезъ нее Ваши войска всякій разъ, когда Вамъ угодно будетъ заняться Турками или Европой.

Намъ важно быть въ безопасности отъ непрестанныхъ революцій, причиною которыхъ по необходимости должно быть каждое междуцарствіе, побуждая всѣхъ сосѣдей нашихъ къ внимательству, вооружая насъ самихъ, однихъ противъ другихъ. Сверхъ того намъ нужно внутреннее управленіе, лучше устроенное, нежели прежде.

И такъ, вотъ моментъ и средство согласить все сіе. Дайте намъ въ преемники мнѣ Вашего внука, Великаго Князя Константина; вѣчный союзъ да соединитъ обѣ страны; да будетъ присоединенъ къ нему торговый договоръ, обоюдно выгодный. Не имѣю нужды говорить, что всѣ обстоятельства благоприятствуютъ тому и никогда исполненіе сего плана не могло быть легче; ибо не Вашему Величеству слѣдуетъ мнѣ давать совѣты или внушать виды. Но я долженъ обратить къ Вамъ мои просьбы, и самыя пламенныя, чтобъ Вы благоволили выслушать меня и войти въ мое положеніе.

Сеймъ предоставилъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ, безъ него. И такъ начинаю съ того, что прошу, умоляю, заклинаю Васъ даровать намъ сколь можно скорѣе перемиріе, и я смѣю отвѣчать Вамъ за остальное, лишь бы только Вы оставили мнѣ время и средства на то. Здѣсь теперь происходитъ такая великая перемѣна въ умахъ, что Вы можете быть увѣренною видѣть, въ пользу всего, мною предложеннаго, расположеніе, можетъ быть, еще болѣе восторженное, нежели бывшее въ пользу всего, сдѣланнаго на семъ сеймѣ; и Вы легко усмотрите, безъ сомнѣнія, причину того.

Но я не долженъ скрыть отъ Васъ, что еслибъ Вы въ строгости потребовали всего, что заключаетъ въ себѣ Ваша декларация, то не въ моей власти было бы исполнить, чего я такъ желаю.

Я знаю хорошо, Вы можете подумать, что силы, которую имѣете въ рукахъ, будетъ достаточно для исполненія всего, объявляема-

го Вашей деклараціей безъ смягченія. На сіе не возражу ничего, кромѣ того, что не могу повѣрить, чтобъ Ваше сердце, которое, явиу себя надеждой, мнѣ извѣстно, захотѣло предпочесть средства крайней строгости тѣмъ, болѣе кроткимъ, которыми удовлетворилъ бы однако Вашей славі и нашимъ желаніямъ.

Еще разъ, не отриньте, умоляю Васъ, моею убѣдительною просьбою. Даруйте намъ перемиріе сколь можно скорѣе, и смѣю повторить, что все, Вамъ мною предложенное, будетъ принято и исполнено всею націей, лишь бы только Вы благоволили согласиться на предложенныя мною средства.

Простите, Государыня, если я не украсилъ письма сего ни фразами, ни слогомъ. Смѣю надѣяться, что еслибы даже, къ моему несчастію, Вы отринули мои мысли, Вы не оскорбитесь по крайней мѣрѣ моею искренностію.

Ничего на свѣтѣ не желаю столько, сколько имѣть возможность именовать себя навсегда.

Вашего Императорскаго Величества
добрымъ братомъ, другомъ и сосѣдомъ
Станиславъ-Августъ, Король.

Варшава сего 22 іюня 1792
новаго стила.

Propositions d'un Article séparé et secret.

L'ancienne Constitution de la Pologne, le maintien du trône électif et celui des prérogatives des différents ordres de la République et de ses loix fondamentales ayant fait partie des stipulations des Traités, qui ont subsisté précédemment entre les hautes Parties contractantes, comme autant d'objets dignes de leur plus sérieuse attention par la double considération et de la tranquillité de leur propres frontières, qui en dépend, et du bien-être propre de cet état voisin, qui y est intéressé, S. M. l'Impératrice de toutes les Russies et S. M. le Roi de Prusse s'engagent réciproquement à travailler d'un commun accord et effort au prompt redressement de toutes les innovations, que la Constitution du 3 May 1791, établie moitié par force, moitié par surprise, a introduit illégalement dans l'ancienne Constitution légitime de la Pologne, innovations totalement incompatibles avec les vues ci-dessus énoncées des deux hautes Parties contractantes. En conséquence de quoi Leurs dites Majestés Impériale et Royale se promettent et s'obligent de la manière la plus formelle, de s'entre-aider et de s'appuyer efficacement dans les mesures, qui seront nécessaires, pour rétablir en Pologne la forme du Gouvernement sur les bases qui lui ont été assignées par les Constitutions des Diètes de 1768, 1773 et 1775, et si les mesures actuellement prises par la Cour de Russie ne suffisent pas, pour remplir le but que se proposent les deux Hauts Alliés, ils se réservent de s'entendre et de se concerter sur d'autres encore plus efficaces, pour assurer à cet égard leurs intérêts respectifs et la tranquillité commune de leurs Etats.

Changements de la Prusse.

à poursuivre entre Elles et conjointement avec S. M. le Roi de Hongrie et de Bohême également intéressée à cet objet, un concert intime, ayant pour but de travailler d'un commun accord au redressement des innovations

et qui sont

pour rétablir et maintenir sur les bases approchant celles

de leurs Etats; le tout en conformité du concert ci-dessus indiqué avec S.M. le Roi de Hongrie et de Bohême. Enfin pour cimenter d'une façon indissoluble cet accord et écarter à jamais tout sujet d'ombrage, qui pût altérer l'union heureusement établie, les deux hautes Parties contractantes promettent, qu'Elles ne chercheront jamais à placer un Prince de leur maison sur le trône de Pologne, et n'employeront point leur influence pour déterminer le choix de la République en faveur d'un autre Prince, hors d'un concert mutuel entre les trois Puissances voisines de la Pologne.

Предложенія отдѣльной и тайной статьи.

Такъ какъ старинная конституція Польши, сохраненіе избирательнаго престола и преимуществъ различныхъ сословій Республки и ея основныхъ законовъ составляли часть условій трактатовъ, существовавшихъ предъ симъ между высокими договаривающимися Сторонами, какъ предметы, достойные самаго серьезнаго вниманія въ двоякомъ уваженіи и спокойствія собственныхъ ихъ границъ, которое зависитъ отъ того, и собственнаго благосостоянія сей сосѣдственной державы, интересованной въ томъ,—то Е. В. Императрица Всероссийская и Е. В. Король Прусскій взаимно обязуются стараться общими согласіемъ и усиліемъ о скоромъ исправленіи всѣхъ нововведеній, которыя конституція 3 мая 1791 г., учрежденная отчасти силой, отчасти внезапною, незаконно ввела въ старинную, законную Конституцію Польши,—нововведеній вполнѣ несогласныхъ съ вышеизъясненными видами обихъ высокихъ договаривающихся Сторонъ. Въ слѣдствіе того Ихъ упомянутыя выше Императорское и Королевское Величества общають себѣ и обязуются самымъ формальнымъ образомъ взаимно помогать себѣ и поддерживать себя дѣятельно въ мѣрахъ, которыя будутъ нужны для возстановленія въ Польшѣ образа правленія на основаніяхъ, указанныхъ оному конституціями Сеймовъ 1768, 1773 и 1775 годовъ, и если мѣры, принятыя нынѣ Россійскимъ Дворомъ не будутъ достаточны для достиженія цѣли, предполагаемой обими Высокими Союзниками, то они предоставляютъ себѣ снестись и сговориться между собою о другихъ мѣрахъ, еще болѣе дѣйствительныхъ, для обезпеченія въ семъ отношеніи своихъ особенныхъ интересовъ и спокойствія общаго ихъ государствъ.

Ванъносія, одѣланная Пруссіей.

продолжать между Собою и совокупно съ Е. В. Королемъ Венгріи и Богеміи, равноѣрно интересованнымъ по сему предмету, тѣсное согласіе, имѣющее цѣлію стараться общимъ уговоромъ объ исправленіи нововведеній и которыя несогласны

для возстановленія и сохраненія на основаніяхъ, подходящихъ къ тѣмъ, которыя были уназами оному

ихъ государствамъ; все сіе въ сообразности съ вышеозначеннымъ согласіемъ съ Е. В. Королемъ Венгріи и Богеміи. Наконецъ, дабы укрѣпить неразрывнымъ образомъ сіе соглашеніе и навсегда устранить всякій поводъ къ недовѣрію, который могъ бы возмутить благополучно установленное единеніе, обѣ высокія договаривающіяся Стороны обѣщаютъ, что Онѣ никогда не будутъ стараться возвестъ Принца своего Дома на престолъ Польши и не употребятъ своего вліянія для опредѣленія выбора Республики въ пользу другаго Принца, иначе, какъ съ взаимнаго согласія между тремя Державами, сосѣдственными съ Польшей.

II. Lettre de l'Impératrice de Russie au Roi de Pologne.

à Zarsko Selo ce 2 (13) Juillet 1792.

Monsieur mon Frère!

J'ai reçu la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire le 22 Juin nouveau style. Je me conforme volontiers à son désir d'écarter toute discussion directe entre nous sur ce qui a produit enfin la crise actuelle des affaires; mais j'aurais désiré à mon tour, que les moyens que Votre Majesté propose comme conciliatoires, le fussent en effet, et que surtout ils eussent pû s'accorder avec les intentions pures et simples, que j'ai manifestées dans la déclaration publiée dernièrement de ma part en Pologne. Il s'agit de rendre à la république son ancienne liberté et sa forme de gouvernement, garantie par mes traités avec elle, et renversée violemment par la révolution du 3 May, au mépris des loix les plus sacrées, et nommément des *Pacta conventa*, à la stricte observance desquels se tiennent immédiatement et les droits de Votre Majesté et l'obéissance de Ses sujets.

C'est en entrant dans des vues aussi saines et aussi salutaires, que Votre Majesté pourra me convaincre et de la sincérité des dispositions qu'Elle me témoigne à présent, et du désir qu'Elle a de concourir au véritable bien de la nation polonaise. La plus saine partie de celle-ci vient de se confédérer pour réclamer des droits injustement ravés. Je lui ai promis mon appui, et je le lui accorderai avec toute l'efficacité, que mes moyens peuvent me permettre.

Je me flatte, que Votre Majesté ne voudra pas attendre la dernière extrémité pour se rendre à des vœux aussi prononcés, et qu'en accédant promptement à la confédération formée sous mes auspices, Elle me mettra à même, conformément à mes souhaits les plus sincères, de pouvoir me dire, Monsieur mon Frère

de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine

Catherine.

Переводъ.

Ж. Письмо Императрицы Всероссийской Королю Польскому.

въ Царскомъ Селѣ сего 2 (13) іюля 1792.

Государь Братъ мой!

Я получила письмо, которое Вашему Величеству угодно было написать мнѣ 22 іюня новаго стилиа. Я охотно сообразуюсь съ Вашимъ желаніемъ устранить всякое прямое разбирательство между нами того, что произвело наконецъ настоящій кризисъ въ дѣлахъ; но я желала бы въ свою очередь, чтобъ средства, которыя Ваше Величество предлагаете какъ примирительныя, дѣйствительно были таковыми, и чтобы въ особенноти они могли быть соглашены съ чистыми и простыми намѣреніями, которыя я провозгласила въ деклараціи, недавно изданной мною въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, чтобъ возратить республикѣ старинную свободу ея и образъ правленія, гарантированный моими договорами съ нею, и насильственно низпровергнутый революціей 3-го мая, вопреки священнѣйшимъ законамъ, и именно *Pacta conventa*, отъ строгаго соблюденія которыхъ непосредственно зависятъ и права Вашего Величества, и повиновеніе Вашихъ подданныхъ.

Ваше Величество, войдя въ столь здравые и столь спасительные виды, будете имѣть возможность убѣдить меня и въ искренности намѣреній, которыя Вы оказываете теперь, и въ желаніи, которое имѣете, чтобъ содѣйствовать истинному благу польской націи. Самая здравая часть сей послѣдней составила конфедерацію, для востребованія правъ, несправедливо похищенныхъ. Я обѣщала ей мою помощь, и окажу ей оную со всею силою, которую средства мои могутъ дозволить мнѣ.

Ласкаю себя надеждой, что Ваше Величество не захотите ждать послѣдней крайности для того, чтобъ удовлетворить желаніямъ, столь рѣшительнымъ, и что, приступивъ вскорѣ къ конфедераціи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, Вы поставите меня въ возможность, согласно съ моими искреннѣйшими желаніями, именовать себя, Государь Братъ мой,

Вашего Величества
доброю сестрою, другомъ и сосѣдкой
Екатерина.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
1	4 сверху,	Потемкинъ	Потемкинъ
3	12 —	последовательности	последовательности
—	20 снизу,	conférences	conférences
8	12 сверху,	съ высока,	свысока,
11	8 —	разстроганъ,	разтроганъ,
20	18 снизу,	крайнѣ	крайне
33	8 сверху,	помощь.	помощь.
34	9 снизу,	на стать-	на стать-
38	14 сверху,	опъ	онъ
—	6 снизу,	не	не
42	17 —	Кольберга	Кольберга
43	12 —	за что	за что
45	5 —	цвѣтъ	цвѣтъ
50	8 —	всѣ здоровы,	всѣ здоровы,
59	3 —	народа—Слѣдовательно,	народа.—Слѣдовательно,
64	1 сверху.	которые	которые
65	2 —	получаетъ	получаетъ
81	1 —	крестъ янамаъ	крестьянамаъ
83	4 снизу,	явился	явился
92	10 —	конституцію,	конституцію.
107	15 сверху,	Конституція. 3-го мая.—	Конституція 3-го мая.—
114	3 —	онъ	онъ
115	4 снизу,	О происхожденіи	О происхожденіи
116	15 сверху,	расчетамаъ, Съ тѣхъ	расчетамаъ. Съ тѣхъ
118	4 снизу,	было	была
122	15 сверху,	польши .	Польши .
132	1 —	предварительныхъ	предварительныхъ
137	2 снизу,	Штакельбергъ,	Штакельбергъ,
155	16 и 17 —	немногочисленны;	не многочисленны,
159	11 —	восклицаніями . Ужасныя	восклицаніями: «Ужасныя
173	2 снизу,	Польское	польское:
210	7 сверху,	управленія,	управленія,
—	15 —	Везбородкѣ.	Безбородкѣ.
227	19 —	армія .—	армія .—
242	4 —	здѣшнимъ	здѣшнимъ
263	10 —	Понятовскійвыступили	выступили оттуда:
		оттуда	Понятовскій
271	10 снизу,	Вир тембергскаго	Виртембергскаго.
278	17 снизу.	екатеринославскій	екатеринославскій
282	2 сверху,	состояла	состоялъ
292	4 —	гвардію , его,	гвардію его,
300	17 снизу,	подданныхъ Только	подданныхъ. Только
301	5 —	выраженій	выраженій
302	16 —	у нея	у нея .
307	14 сверху,	ближайшими	ближайшими
311	16 —	былъ, еще	былъ еще
324	9 снизу,	разсѣваю.	разсѣваю,
330	12 —	предпринятыхъ	предпринятыхъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВЪ

на IV планѣ боя при Дубенкѣ или Уханкѣ 7 (18) іюля 1792 г.

между Косцюшкой и генераломъ Каховскимъ.

- A. Многочисленные польскіе шанцы, устроенные изъ фашинь и земли.
- B. Палисады, состоящіе изъ крѣпкихъ свай, вбитыхъ въ землю.
- C. Польская открытая батарея, подъ прикрытіемъ пѣхоты въ Уханкѣ.
- D. Польскій корпусъ позади шанцовъ.
- E. Русскій авангардъ въ лагерь при Дубенкѣ.
- F. Войска этого авангарда въ наступленіи тремя колоннами.
- G. Оба первые баталіона Екатеринославскихъ егерей, посланные налѣво въ лѣсъ, чтобъ выбить засѣвшаго въ немъ непріятеля.
- H. Казачья бригада генералъ-маіора Орлова, назначенная въ подкрѣпленіе егерямъ.
- I. 3-й и 4-й баталіоны Екатеринославскихъ егерей, посланные вправо, для атаки непріятеля въ Уханкѣ.
- K. Казачьи полки: Янова и Новороссійскій регулярный, посланные въ подкрѣпленіе имъ.
- L. Воронежскіе гусары, посланные на правый флангъ.
- M. Двѣ батареи въ 20 полевыхъ орудій, подъ прикрытіемъ Киевскихъ гренадеровъ.
- N. Сибирскіе гренадеры и 12 полевыхъ орудій, отраженные туда изъ корпуса Дунина.
- O. Полки Фанагорійскій гренадерскій, Черниговскій мушкетерскій и Нѣжинскій карабинерный съ 24-мя полевыми орудіями, въ наступленіи одною колонною.
- P. Одинъ баталіонъ Киевскихъ и одна рота Сибирскихъ гренадеровъ, посланные для вытѣсненія непріятеля изъ кустарника и овладѣнія непріятельскими батареями, разстроеннымъ огнемъ русской артиллеріи. Они преслѣдуютъ непріятеля до лѣса.
- Q. Елисаветградскіе конные егеря, посланные для взятія батарей праваго непріятельскаго фланга.
- R. Полки Харьковскій и Ахтырскій легко-конные, Ольвиопольскій гусарскій, Киевскій и Сѣверскій карабинерные слѣдуютъ за ними въ подкрѣпленіе.
- S. Три баталіона Киевскихъ гренадеровъ, выбивъ непріятеля изъ его шанцовъ, преслѣдуютъ его до лѣса.
- T. Сибирскій гренадерскій полкъ наступаетъ въ подкрѣпленіе имъ.
- U. Полки: Фанагорійскій гренадерскій и Нѣжинскій карабинерный, вытѣснивъ лѣвый непріятельскій флангъ, строятся по ту сторону Уханки.
- W. Общее отступленіе Поляковъ.
- X. Преслѣдованіе ихъ русскими войсками въ лѣсъ.
- Y. Окончателное расположеніе русскихъ войскъ по вытѣсненіи непріятеля изъ Уханки.